

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ТОМ 135

ФИЛОСОФЫ ИЗ ХУАЙНАНИ

ХУАЙНАНЬЦЗЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО·МЫСЛЬ·
2004

УДК 1/14 (315)
ББК 87 3 (0)
Ф 56

РЕДАКЦИЯ ПО ИЗДАНИЮ БИБЛИОТЕКИ
«ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
«КУЛЬТУРА РОССИИ»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)

Перевод с китайского *Л Е ПОМЕРАНЦЕВОЙ*

Вступительная статья, примечания указатели *Л.Е ПОМЕРАНЦЕВОЙ*

На контртитуле – фрагмент рельефа храма У Лян (II в н э)
Сцена колдовства

© Л Е Померанцева Перевод, вступит ст ,
примечания, указатели 2004
© И В Ушаков Составление 2004
© Издательство «Мысль» Оформление 2004

ISBN 5-244-00984-2

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

«Философы из Хуайнани[1]», или «Хуайнаньцзы», – одно из крупнейших произведений ханьского периода, именующегося так по названию древнекитайской империи II в. до н э – II в н.э. Хань. Это философское и художественное произведение поздней древности явилось итогом дискуссий, которые велись при дворе и при активном участии хуайнаньского вана, князя, Лю Аня (179–122 до н.э) его «гостями»[2] – членами творческого содружества. Ван был умен, образован, музыкален, склонен к занятиям искусствами – в древнем понимании этого слова. Помимо философских произведений, поэтических сборников, трактатов о звездах, алхимии и искусстве превращений, созданных в этом кружке, источники называют «Комментарий на «Скорбь отлученного»» Цюй Юаня[3], автором которого был сам Лю Ань. Произведения кружка были очень известны в свое время, но, к сожалению, не сохранились. Возможно, они разделили судьбу Лю Аня: будучи внуком основателя ханьской династии Лю Бана, он оказался во главе политического заговора против царствующего императора У-ди, не имевшего прямого наследника. Заговор был раскрыт, и Лю Ань вынужденно принял смерть, а люди из близкого к нему окружения были казнены[4].

В китайской традиции принято относить «Хуайнаньцзы» к жанру эклектики. По-видимому, в этой оценке присутствует некая инерция. рассматривать этот текст в ряду произведений «чжу цзы» – китайской философской классики. Но то, что

---

[1] Хуайнань общее название земель, расположенных к югу от р Хуай, во II в до н э - удельное княжество

[2] «Гости» – калька с китайского термина На самом деле речь идет об институте несколько схожем с римской клиентелой Число «гостей» при императорском дворе и дворах знати превышало несколько тысяч Среди них были люди разных профессий – от поэтов, музыкантов, мастеров красноречия, философов стратегов советников по политическим делам и историографов до магов, астрологов врачевателей разных толков циркачей и вообще людей, владеющих каким-либо заметным талантом Они, в зависимости от своих заслуг, получали жалованье от патрона, были свободны в выборе его и потому число их постоянно колебалось

[3] *Цюй Юань* (340 278 до н э) первый китайский поэт чье имя известно истории, основатель южной школы в древней китайской поэзии О нем см ниже в тексте с 000

[4] Подробнее биографию Лю Аня см в кн *Померанцева Л Е* Поздние даосы о природе обществе и государстве («Хуайнаньцзы» II в до н э) М 1979

считалось классикой в более поздние времена, для древности являлось в лучшем случае постклассикой. В качестве настоящей классики на время II в. до н.э. может рассматриваться общее наследие в виде текстов, впоследствии закрепленных в корпусе конфуцианского канона «Пятикнижие», а также произведения так называемых доциньских философов, т.е. тех, что создали фундамент для дальнейшего развития философии и время которых закончилось эпохой царств (т.е. в III в. до н.э.). Империя нуждалась в классике, опиралась на нее, пользовалась ее положениями, но была озабочена уже иными интересами и требованиями: не созданием оригинальной модели мира, а использованием уже созданных координат для ориентации в новом пространстве и новом времени. Поэтому корректнее поставить проблему так: ханьский эклектизм или поиски новых форм и смыслов? Ханьский эклектизм или ханьский синтез?

Есть несколько моментов, которые определяют особенности этой культурной эпохи. Ханьская империя в рассматриваемый период по многим аспектам – культурным и историческим – сопоставима с Римской. Переход от эпохи царств к империи свершился в короткий срок – первая китайская империя под названием Цинь образовалась в 221 г. до н.э., просуществовала до 207 г. до н.э. и пала под натиском народного восстания, возглавляемого выходцем из южного царства Чу. Однако усилиями реформаторов в короткий срок были проведены необходимые для централизации земель и экономики мероприятия, благодаря которым следующая империя – Хань выдержала значительный срок – 400 лет, полностью исполнив свое историческое предназначение.

Сравнительно быстрый переход от эпохи царств к империи требовал резкой перемены в мировоззрении. Сознание и психология людей, веками воспитывавшихся на общинных заповедях, лишь приспособленных к условиям города-государства, должны были измениться в условиях большой по территории и мощной империи, каковой стал Китай в правление ханьского У-ди (140 г. до н.э.). Выработанные веками универсалии в их прежнем наполнении не годились для нового времени, и между старыми представлениями о вещах и новыми реалиями разверзлась пропасть. Возникший вакуум с необходимостью был заполнен, свободное место заместила периферия – историческая, в виде обращения к далекому прошлому, и культурная, выразившаяся в повышенном внимании к «варварской» культуре южных царств. В первом случае это находило выражение в идеализации общины догосударственного периода с присущими ей культом природы и патриархальными отношениями в социуме. Во втором случае – в выделении на общекитайском фоне царства Чу, авангарда южной культуры, царства, последним сдавшегося

под натиском другой периферии – царства Цинь. Империя, естественно, стремилась к централизации, однако две ее части резко контрастировали между собой. Это были «север» – территории к северу от реки Хуай и «юг» – бывшее царство Чу и прилегающие к нему районы. В культурном отношении чуские традиции тяготели к язычеству с его шаманизмом и чувственностью, а для традиций «срединных» земель в большей степени были характерны опора на государственные культы, в центре которых стоял культ предков, и бóльшая рационалистичность. Из этого вытекали проблемы как политические, так и культурно-исторические, решение которых лежало на путях компромисса.

Н.И. Конрад не однажды высказывал мысль о существующей параллели между ханьской культурной эпохой и явлениями, происходившими в типологически схожих обстоятельствах, почти в то же время, на другом конце света – в эллинистической Греции. Одним из оснований для этого ему послужило имевшее место – тут и там – подведение итогов, которым как бы завершался древний период в развитии этих культур[5]. Хотя исследователи античной литературы приводят свои собственные доводы для объяснения особенностей этого культурного феномена, сходство самих явлений очевидно. Авторы соответствующего раздела «Всемирной литературы», оговаривая сложность определения характера этой эпохи в целом, склоняются к такой формулировке: «...культ крайностей после культа гармонии, культ индивидуальности после культа общей нормы»[6]. Да, действительно, в ханьском Китае мы наблюдаем эти явления, и они имеют прямое отношение к пониманию текста «Хуайнаньцзы». При дворе У-ди звучат чуские мелодии, наиболее знаменитые поэты все сплошь с юга и несут в своих поэмах чуский дух, создают новую эстетику: динамизм, экспрессия, декоративность противостоят гармонии, умеренности чувств и простоте классики. Эта поэзия волнует, рождает сопереживание. Ее источник –

---

[5] Не случайно работу ханьских филологов Конрад сравнивал с деятельностью александрийских ученых. *Конрад Н.* Шицзин // Шицзин. Избранные песни / Пер. с кит. А.А. Штукина под ред. Н.И. Конрада. М., 1957. С. 4 Здесь же Конрад сделал существенное добавление, с которым полностью можно согласиться: «Оговоримся сразу: и в том, и в другом случае (т.е. и в Китае, и на Западе. – *Л.П.*) в завершении созревали также семена зарождения. Последние века европейской античности таили в себе зародыши будущего средневековья; последние столетия китайской античности готовили – и при этом очень явственно – почву для новой, уже властно вступающей в жизнь исторической эпохи – также средневековья». Позже Конрад не раз возвращался в своих трудах к параллелям между ханьской эпохой и эпохой эллинизма в Греции, а также временем правления Августа в Риме (см., например, его раздел о китайской литературе в первом томе «Истории всемирной литературы». М., 1983).

[6] История всемирной литературы. Т. 1. С 398 (*авторы раздела* – М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспаров).

творчество Цюй Юаня, аристократа, человека трагической судьбы, знаковой фигуры, первым отразившего в поэмах «Скорбь отлученного» и «Вопросы к небу» трагедию личности, потерявшей опору в виде истин, казавшихся незыблемыми. Все в этих поэмах наполнено чувствами смятенной души, кружащейся в кругу неразрешимых противоречий, взывающей к небесам и не получающей ответа.

Авторы «Хуайнаньцзы» отдают немалую дань этой эстетике и этой скорби по утрате прежних ценностей, но сами они не только не склонны от них отступать, но, наоборот, предпринимают попытку их укрепления в качестве фундамента для будущего Это и выглядит как «подведение итогов». Философы пользуются всем доставшимся им наследием, свободно черпая из него «формы и смыслы» и, может быть незаметно для себя, его ревизуя. Человек империи не чувствует себя связанным родством с какой-либо одной определенной школой, он выбирает то, что считает для себя приемлемым, – на страницах памятника мы не раз встречаем критику узких ученых, скованных одним каким-то учением, с которыми бесполезно говорить о главном – о «совершенном *дао*». Свою теорию государственного управления авторы «Хуайнаньцзы» строили в большой мере опираясь на легизм[7]. Признавая главенство закона и равенство перед ним всех, они смягчали его жесткость конфуцианским милосердием, не абстрактным, а оправданным обстоятельствами. Несмотря на спорадические антиконфуцианские выпады, естественные в даосском контексте, наши философы выстраивают схему отношений внутри социума по конфуцианской модели. Используют они также положения и других школ.

Опора на предшествующее философское наследие нисколько не мешала сделать преимущественный выбор в пользу даосизма. Это не было вопросом субъективных пристрастий, но объяснялось сутью самого даосизма, представлявшего собой широкое учение, обнимавшее все стороны бытия, в отличие, например, от конфуцианства, ограничивавшегося этико-политическими проблемами. Даосы не были связаны и общинным сознанием, наоборот, они разрывали эти связи. Теперь, в эпоху империи, когда должен был выработаться куда более широкий, чем раньше, взгляд на мир, даосизм более, чем какое-либо другое учение, мог отвечать нуждам времени. Кроме того, его диалектика, если

---

[7] Одним из основоположников *легизма* был Шан Ян (390–338 до н э) Как пишет Л С Переломов «учение Шан Яна было направлено главным образом на абсолютизацию царской власти и создание мощного государства, способного поглотить своих соседей» См Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер , вступит ст и коммент Л С Переломова М 1968 С 68

можно воспользоваться этим термином, была как нельзя кстати. В «Хуайнаньцзы» намеренно обнажаются противоречия, сталкиваются противоположности, но пафос состоит в раскрытии основ их взаимодействия, ведущего к созиданию, а не разрушению Целого.

Темы новых отношений с реальным миром присутствуют внутри традиционного дискурса и формально, и содержательно. Они еще только обсуждаются, и на протяжении всего текста мы становимся свидетелями постепенного продвижения к приемлемым решениям. Постепенно изменяются и формы. Основой служат привычная ораторская речь, комментарий и старый принцип описания целого через перечисление его частей. Но как путем «разъяснения» (главы «Хуайнаньцзы» называются словом *сюнь* – «разъяснение ради поучения»[8]) видоизменяются старые понятия и представления, так же точно преображаются и старые формы, в них раскрываются новые возможности для вмещения в себя расширившегося материала. Ведущим мировоззренческим принципом становится принцип сочетаемости, основанный на законе всеобщей соотнесенности вещей в природе (*ли*). Ведущим формальным принципом становится принцип уместности (*и, бянь, ши*): всякому содержанию должна соответствовать своя форма.

В тексте памятника в целом исследователи усматривают множество противоречий, которые объясняются и разным авторством отдельных глав, и формой свободной устной дискуссии, только облеченной в письменную форму наставлений, и спонтанностью выбора аргументов и иллюстраций к ним и пр. Но главный их источник – противоречие, заключенное в душе самого́ коллективного автора, «героя того времени». Порой оно кажется «автору» неразрешимым, и тогда вступают в свои права поэзия и чувство, что и придает отдельным частям текста высокохудожественный характер (сравнение «Хуайнаньцзы» со столь ценимыми в то время придворными одами *фу* стало общим местом).

С одной стороны, в «Хуайнаньцзы» присутствует непоколебимая вера в совершенство мирового порядка, в единство правящих в нем законов, в то, что если им следовать, то обретешь счастье. Здесь нет еще никакого отличия от общедаосских представлений, разве только немного обращают на себя внимание бóльший акцент на «внутреннюю» чистоту и душевный покой. С другой стороны, авторы ясно сознают непостижимость высшего мира, а потому возникают призывы ориентироваться на ближний мир. Прежний

---

[8] См Шо вэнь цзе цзы (Толковый словарь) Шанхай, 1936 С 95

даосизм, как и вообще классическая философия, рассматривал человека достаточно абстрактно В «Хуайнаньцзы» мы встречаемся с человеком, который говорит от своего имени, даже не от имени «я» Чжуанцзы (369? – 286?), пытавшегося отделить «я» от «не-я», а от имени «я» – субъекта и объекта действия. Поэтому и сам мир, и отношение к нему здесь иное – не только умозрительное, но в значительной мере чувственное и, как ни странно это может прозвучать, практическое.

Да, это так, – но только в конечном счете. Не так легко расстаться с миром абсолютно Прекрасного, с Великой Красотой. Не случайно в тексте многие пассажи посвящены живописанию этого Совершенства. Ему находятся многие имена: Совершенный покой, Совершенная чистота, Высшая Гармония, Высшее Единое и пр. Философия и сказка переплетаются, рождая почти религиозный экстаз. Мы видим, что этот мир прекрасного по воле авторов превращается во все более удаленное от мира людей царство. Теперь, чтобы взойти к нему, нужно преодолеть девятислойные небеса, постучаться во многие врата, прежде чем откроются небесные дворцы и палаты. Герой Цюй Юаня попробовал постучаться в них, не изменяя в угоду миру своей небесной чистоты, – и они захлопнулись перед ним; Чжуанцзы, как бы полемизируя с Цюй Юанем, говорит: «...врата Неба открываются лишь перед тем, кто следует за изменениями, не застывая»[9]. Герой «Хуайнаньцзы» фантазирует на эту тему, предаваясь ностальгическому переживанию веры в возможность такого путешествия. Подобные пассажи облекаются у него в поэтическую и мифолого-религиозную форму: нужно стать богоподобным, чтобы «проскальзывать в Бесформенное». Или... может быть, стоит поискать способов соприкоснуться с ним иначе, подойти к нему с других сторон.

На этом фоне уже не кажется удивительным другой, встречный процесс. Его основание лежит в формуле: бесконечно великое и бесконечно малое непостижимы для людей, но есть средний план. Отодвинув высоко вверх изначальный мир и вдоволь насладившись его совершенной красотой, авторы делают вывод о том, что восхищения достойны и более близкие миры и предметы – создания Великого Мастера. Внимание сосредоточивается на Природе. Ее разумный порядок, правильная соотнесенность отдельных ее частей могут служить и опорой, и образцом для подражания. Третья, четвертая и пятая главы памятника посвящены этой теме. По мере ее раскрытия мы можем наблюдать, как в высокий природный план вписывается (в порядке рецепта достижения

---

[9] Чжуанцзы // Чжуцзы цзичэн (Собрание сочинений философов) Пекин, 1956 Т 3 С 93

благополучия) хозяйственная и повседневная жизнь обычного человека со всеми ее мелочами: постройкой дома, рытьем колодца и пр. Отчасти это астрология, отчасти геомантия – в данный момент это не так важно, а важно то, что человек вновь возвращается к истокам: он хочет жить в едином ритме с Природой, с ней согласовывать свою деятельность и просто свою жизнь. Это возвращает к временам, отраженным в текстах «Пятикнижия» – в «Книге песен», «Книге перемен» (недаром так кучно следуют цитаты из них в подобных случаях). Глава «Полунные приказы» из «Книги обрядов» (тоже части «Пятикнижия») почти полностью воспроизводится в главе пятой «Хуайнаньцзы» – «Сезонные распоряжения» Выработанный в условиях общины и рода и воспринятый государством уклад жизни возведен в ней в степень обряда. В «Хуайнаньцзы» же в контексте его общей философии и – более узко – в контексте ближайших к пятой главе третьей и четвертой глав этот Обряд оказывается включенным в более масштабный, в котором в круговом ритме мерно движутся звезды и созвездия, сменяют друг друга эры и периоды, один за другим следуют сезоны и сопровождающие их перемены и пр. Теперь им руководит не Сын Неба, а другие распорядители, а именно – природные. Не столь важно, что сам природный порядок остается подчиненным другому, еще более высокому порядку и еще более высоким распорядителям, важно, что он начинает описываться как следование природным закономерностям.

Начало новому подходу к вещному миру, вероятно, положил философ Цзоу Янь (304–240 до н.э.), идеи которого мы знаем только в их более поздних переложениях. Он говорил, что исследование надо начинать с малых вещей и, следуя по аналогии, идти ко все большим, и так до бесконечности[10]. Это было совершенно революционное заявление, оно буквально переворачивало привычные представления. До тех пор изначальной точкой отсчета был верх, как бы его ни толковать, – Великое Единое, Небо, Космос или Вселенная. Предложение выстраивать мир, начиная с «малой вещи», по «аналогии», означало иное представление о единстве мира, уравнивало большое и малое и приводило к формуле «большое – это малое, а малое – большое». Апофеозом этой темы, ее крайним выражением, стало заявление, известное нам из «Хроники Люй Бувэя» и подхваченное «Хуайнаньцзы»: «Космос – это Человек». Еще Чжуанцзы объявил вселенную – небо и землю – вещью, только самой большой и, добавим, живой (она у него дышит и поет).

---

[10] См *Сыма Цянь* Исторические записки / Пер с кит Р В Вяткина Т 7 М , 2001 С 169, а также *Сыма Цянь* Ши цзи Гл 74

Теперь, когда Космос (Пространство и Время) названы Человеком между явлениями природы и человеческой физикой и даже психикой стало возможным установление прямой аналогии, что и делают авторы «Хуайнаньцзы»

В исторической ретроспекции весь этот процесс рождает ассоциации с родоплеменными представлениями о связи человека и природы В мифолого-поэтическом стиле, которого требует высокая тема, это сближение двух миров – небесного и земного – решается через контрастное соединение высокого и низкого, приподнятого и обыденного Солнечная колесница, свершающая свой путь по небу, останавливается на отдых В названиях ее «стоянок» смешиваются поэтические и в высшей степени прозаические именования «Солнце поднимается из долины Восходящего солнца, купается в озере Сянь Достигает Ярусных ключей Это называется Время первой еды Достигает Пучины Печали Это называется Время первого толчения риса » и т д Годовой кругооборот Инь и Ян прописан в терминах свадебной символики, а встречное движение Юпитера и Анти-Юпитера – как разлука и встреча влюбленных, и пр Слова «печаль», «встреча», «разлука» погружают нас в план поэзии и невольно пробуждают ассоциации, связанные с гимнами Цюй Юаня Их эмоциональная доминанта – напряженное ожидание любовного свидания, которому так и не суждено состояться, – безусловно, оказывала свое влияние на тогдашнего слушателя или читателя У Цюй Юаня встретиться должны были жрица (жрец) и бог (богиня), а они не могли заключить любовного союза потому, что у людей и богов (на время Цюй Юаня вернее сказать – у неба и земли) разные пути Эта тема бесконечно будет перепеваться средневековой поэзией и останется в литературе позже Теперь же в «Хуайнаньцзы» она решается несколько иначе «Встреча» происходит но на «мгновение» яркое, как молния, и столь же в представлении древних плодотворное, т е порождающее новые «изменения» новую жизнь Теперь когда мир рассматривается не только в плане общих закономерностей но и на психофизическом уровне, эти «встречи» и «разлуки» обретают широкий символический смысл включая в себя внутреннюю т е скрытую, жизнь природы и человека В философской сфере глубинные основания соприкосновения и расхождения вещей и чувств характеризуются как «малое» и «темное» доступное только внутреннему «зрению»

Все эти выводы рождались на фоне больших культурных завоеваний которыми отмечена эпоха Хань В 136 г до н э У-ди учреждает высшую школу (Тайсюэ) и вводит экзамены по «Пятикнижию» И хотя это как пишет Н И Конрад, означало «возведение конфуцианства в ранг официальной идеоло-

гии власти»[11], с чем, конечно, надо согласиться, но это означало, кроме того, что в основу образования официально положено общее наследие, области знания, пусть и препарированные конфуцианскими учителями, но сложившиеся в своей основе задолго до Конфуция В пределах эпохи Хань появятся первые трактаты по математике, а глава «Небесные узоры» (Тянь вэнь[12]) в «Хуайнаньцзы» – это самое раннее систематическое описание звездного неба и лунного и солнечного календарей, основанных на периодичности обращения Солнца, Луны и планет Некоторые историки науки, ориентируясь на косвенные данные, считают, что и глобус был изобретен еще до 104 г до н э , но точно известно, что еще в пределах ханьской эпохи Чжан Хэном (78–139) будет сконструирован небесный глобус и сейсмограф и составлен астрономический атлас Значительны были успехи и в других сферах знания Активно обживаются новые пространства, составляются их описания, соединяющие фантастику с реальностью Первые классификации известных гор, рек, долин, флоры и фауны, существ, обитающих на суше и на море, включая фантастические, дал, по утверждению Сыма Цяня, Цзоу Янь Авторы «Хроники Люй Бувэя» вторят Цзоу Яню, вводя в свой текст в кратком виде такие же классификации Цзоу Яню также приписывается и открытие новых горизонтов он первым сказал, что ойкумена не ограничивается известным на то время пространством – оно составляет лишь ничтожную часть обширных земель За известными землями и морями лежат новые земли, и все они омываются морем-океаном, за которым проходит граница между землей и небом Эти новости вызвали бурную волну протестов среди хранителей старого, но «лед тронулся» По-видимому, к III–II вв до н э относится и составление «Книги гор и морей», на которой базируется текст четвертой главы «Хуайнаньцзы» – «Земные формы» с ее значительно более широкими и разнообразными классификациями Начинается процесс развития науки в современном понимании этого слова, т е как знания, основанного на наблюдении, опыте и исследовании закономерностей вещей

Но то, что видится логичным и последовательным с расстояния тысячелетий не было таковым в умах людей тех поколений, на долю которых пало время великих перемен Они поистине должны были постичь искусство сочетания старого с новым и обрести умение вводить в какое бы то ни было русло все многообразие вселенной, так внезапно и по-новому им открывшейся Неудивительно, что стиль каталога перечня, по-

---

[11] История всемирной литературы Т 1 С 190

[12] В современном китайском языке слово *тяньвэнь* значит «астрономия»

следовательного перечисления частей ради описания целого становится одним из определяющих в этот период, касается ли это описаний неба и земли или человеческих дел и знаний. Нужно было прежде всего обозреть все богатство, а затем расставить «вещи» по местам. Надо сказать, что параметры, определенные в это время, останутся на долгие века основой будущих классификаций. Но прежде надо было обосновать правомерность самих параметров. Это была уже область философии и ее части – логики, а их языком выражения были привычная ораторская речь и обретающая все большее распространение форма комментария. С помощью перечня можно было обозреть мир вширь, с помощью комментария в его древнем понимании (т.е., как уже говорилось, разъяснения ради поучения) можно было проникнуть в глубь его устройства. В «Хуайнаньцзы» мы и наблюдаем сочетание того и другого.

Потребность изучить возможно более подробным образом свойства вещей, разобраться в природе вещей, расклассифицировать их по родам, по видам, по разновидностям, по ответвлениям, по ручейкам, по капиллярам огромного Целого ведет авторов так далеко в глубины «внутреннего», что стирается в конце концов грань между тонкостью чувственного восприятия и остротой логического вывода. Это не значит ни в коем случае, что авторы не знают между ними границы. «Многообразны и трудно постижимы соприкосновения и расхождения вещей... Надо добраться до истока, а просто красноречие – неубедительно», – читаем мы в восемнадцатой главе. Логические цепочки, образующие порой целые главы, построены на обнаружении сходства в различном и различия в сходном, что в свою очередь выводит на новые круги силлогизмов, круги, внезапно разрываемые, чтобы через несколько периодов, оттолкнувшись от прерванного, продолжить восхождение. Они демонстрируют нам и чувство, и живую мысль, которые напоминают классику, только теперь уже мысль занята обозрением открывшейся вселенной.

На страницах памятника мы видим весь путь, который проходит ищущий человек ханьского времени от полной покорности высшему порядку вещей до шагов в направлении реального и практического взаимодействия с той частью Целого, которая поддается человеческому измерению. Опять-таки надо сказать, что происходит это в слишком короткий срок, чтобы быть безболезненным. Вопросы возникают, но на них по-прежнему с трудом отыскиваются ответы. Они обращены как к высшим силам, так и к самому себе. Так, мы читаем: «...я – вещь, и вещь – тоже вещь, какой смысл в этих похожих вещах? Оно (Творящее изменения. – *Л.П.*) рождает меня, – для какой пользы? Оно убивает меня, – какой от этого убыток?» Поиск своего особого места в организме вселенной сопровождается попытками определить свое назначение и в социуме, чего не было в

прежнем даосизме. Одной из первых сдается позиция недеяния. Частично оно остается актуальным в старом значении, но все более речь идет о нем в новом, «уточненном» смысле – недеяние теперь не означает бездействия, не надо только «опережать ход вещей», идти против «божественного разума (шэнь мин)», благодаря которому все в Природе совершается разумно, целесообразно и ко всеобщему Благу. Такое уточнение чревато дальнейшими изменениями позиций даосов.

По-иному, чем прежде, звучит и тема жизни и смерти. С одной стороны, авторы демонстрируют осознанное приятие природного круговорота: начало – конец – начало, т.е. жизнь – смерть – жизнь. С другой стороны, отчетливо слышится печаль по поводу необходимости ухода и кратковременности пребывания человека в этом мире. Ее можно было почувствовать и в III в. до н.э.: в поэзии Сун Юя (годы жизни точно не известны), а еще более у Цзя И (200–168 до н.э.) в поэме «Сова». В конце концов о кратковременности человеческой жизни по сравнению с жизнью космоса говорил и Чжуанцзы, у него это означало, что человеку не следует быть слишком самонадеянным. В «Хуайнаньцзы» же из этого обстоятельства делается иной вывод: надо дорожить жизнью и относиться с чувством ответственности к своим деяниям: «Счастье от себя зависит, несчастье самим порождается», «своим поступкам сам хозяин». Это было уже новостью. Чувство ответственности побуждает к деятельности, но что можно сделать, если родился не в свой час, образно говоря, если «один человек растит [дерево], а десять выдирают»? Родится трагическое ощущение бессмысленности усилий. Сознание кратковременности жизни обостряет чувство времени, оно теряет свой объективный характер, и в центре внимания все более оказывается время человеческой жизни, а в ней, если человек хочет реализовать свое предназначение, особую ценность приобретает «кусочек тени от солнечных часов» – мгновенье, которое трудно схватить, но легко упустить. Но это все рефлексия личности, не находящей места в современном ей обществе. В последних главах «Хуайнаньцзы» звучит неодобрение позиции Хань Фэйцзы, философа-легиста III в. до н.э., выраженной им в главе «Ропот одинокого»[13]. В ней

---

[13] Название главы несет в себе особый смысл. Оба слова – и «ропот» (*фэнь*), и «одинокий» (*гу*) – имеют свою историю. Конфуций утверждал, что «добродетель не бывает одинока, у нее непременно есть соседи» (Лунь юй IV 25, пер. И.И. Семененко). Цюй Юань в одном из произведений говорит, что он сочиняет стихи, чтобы дать выход *фэнь*. В этом слове выражен целый клубок чувств, в котором и обостренное восприятие несовершенства мира, и отчаяние, вызванное невозможностью каких-то действий, и сознание одиночества и пр. Это настроение составляет основной тон поэмы Цюй Юаня «Скорбь отлученного» и лежит в основе элегической поэзии южной школы. Так что неодобрение такой позиции – весьма красноречивый знак.

Хань Фэйцзы, сетуя на свое одиночество, выражал обиду на непризнание его талантов честного слуги. Это связано с переходом к новым временам. Теперь утверждается, что «прекрасное не может быть мерилом для людей, то, чем они пользуются, это недостаточное». Такой подход к миру вещей указывает на трезвое сознание того, что совершенны только боги (как говорят авторы – только Яо и Шунь). Это требует снизить критерии и самооценки, и оценки людей. Значимость приобретают свойства вещей – те, которые они имеют от природы и которые определяют их назначение. Авторы «Хуайнаньцзы» в конечном счете призывают изучать эти свойства, снисходить к несовершенству вещей и людей, проявлять к ним чувство милосердия и любви. Изменяется и отношение к властителю – в этом контексте. В главе десятой путем последовательных соположений выводится мысль, что править должен мудрец на троне и главным его достоинством должна быть любовь к людям, что тот, кто правит, столько же властитель, сколько и просто достойный человек. Властитель-мудрец не может из-за небольшого недостатка отвергать большие достоинства своего слуги или казнить за небольшой проступок. Интересно, что в «Хуайнаньцзы» это сказано в связи с оценкой Гуань Чжуна, знаменитого советника одного из баванов (гегемонов). Сыма Цянь свой раздел «Жизнеописания» в «Исторических записках» фактически открывает жизнеописанием Гуань Чжуна, ставит в нем эту же тему и таким же образом ее решает. Теперь нормы поведения и их оценка обсуждаются не только в абстрактных категориях должного и недолжного, но и применительно к конкретной личности. В конечном итоге авторы «Хуайнаньцзы» делают совершенно неожиданное заключение: знание – это знание людей, любовь – это любовь к людям. Этому надо учиться, а в наш век «все рушится, и никто не хочет учиться», – сетуют они.

Человек становится мерой вещей. Он становился ею постепенно, в сущности на протяжении всего философского периода, но проблема не была так обострена и развернута, как это мы видим в конце древности. Ее постановка дала импульс развитию идей в этом направлении во всех сферах знания: в самой философии, истории, эстетике, филологии, естествознании, религии, логике, психологии и др. Идеи конца древности определят мировоззрение и следующей эпохи – средневековья с его новой мифологией, пантеизмом, с поисками и блестящими опытами воспроизведения тончайших нитей, связывающих природные вещи и человека. Как развитие этих тенденций может быть понята мысль средневекового поэта: «Следуя вещам, описываю чувства» (Чжун Жун ? – 518?). Именно чувственное отношение к миру

и природе, возрожденное в эпоху, завершающую по крайней мере трехтысячелетнее развитие китайской культуры, пропущенное сквозь высокоразвитые интеллект и душу человека конца древности, делает «Хуайнаньцзы» произведением в особенности интересным. Ценность этого памятника состоит также и в том, что он в большей мере, чем все предшествующие ему памятники, вобрал в себя различный материал в разных фазах его развития. Острый интерес к удивительному, в чем бы оно ни выражалось, немало способствовал такому «коллекционированию». Все это, вместе взятое, всегда привлекало к нему внимание – как в средние века, так и теперь.

В нашем очерке намеренно сделан акцент на те новшества, которые внесли авторы «Хуайнаньцзы» в привычные даосские мотивы. Они, конечно, не ограничиваются сказанным. Частично общую картину, надеемся, помогут воссоздать примечания к тексту.

Интерес к «Хуайнаньцзы» заметно возрос с 60-х гг. прошлого столетия и выразился в появлении специальных статей и изданий, посвященных как памятнику в целом, так и отдельным его главам и проблемам. Так, в работах китайских ученых «Хуайнаньцзы» рассматривается в отношении к Лаоцзы, Чжуанцзы, к учению Конфуция и Мэнцзы, в целом – к доциньским философам, исследуются концепция недеяния в «Хуайнаньцзы», политическая теория, проблемы научения и воспитания (которые действительно стоят в этом тексте как проблемы), эстетические представления и т.д. Знаменательно, что в этих исследованиях вновь возвращаются к работе Ху Ши «Книга хуайнаньского вана» (1931) – первой в современном Китае монографии о «Хуайнаньцзы».

Начало перевода «Хуайнаньцзы» на европейские языки положил Э. Эркес (E. Erkes), опубликовав в 1918 г. на немецком языке четвертую главу. Затем в 1933 г. И. Морган (E. Morgan) перевел на английский язык восемь глав: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 15 и 19-ю. В 1957 и 1958 гг. Э. Крафт (E. Kraft) представила большое исследование и перевод на немецкий язык 1-й и 2-й глав. В дальнейшем на английский язык были переведены следующие главы: 11-я – американским исследователем Б. Воллакером (B.E. Wallacker) в 1962 г., 6-я – Ле Бланком (Ch.J. Le Blanc) в 1978 г., 3, 4, 5-я – Дж.С. Мэйджером (John S. Major) в 1933 г.

* * *

«Хуайнаньцзы» состоит из 21 главы. Несмотря на то что в целом на европейские языки (включая русский) переведено уже три четверти памятника, общий его вид и содержание остаются не вполне ясными. Причина заключается в разрозненности и большой временно́й оторванности одних переводов от других, вследствие чего они оказываются как бы лежащими в разных культурно-временны́х плоскостях и не составляют единого целого. Кроме того, в их суммарном виде не может быть той цельности, которая достигается тогда, когда перевод такого сложного текста выполнен одним исследователем и отражает его точку зрения на предмет. Поэтому насущной задачей является подготовка полного перевода. Настоящее издание частично выполняет такую задачу. Перевод включает первые 12 глав и заключительную 21-ю главу, по которой читатель может составить представление о главах с 13-й по 20-ю, которые переводчик надеется опубликовать в будущем. Перевод осуществлен по изданию: Чжуцзы цзичэн (Собрание сочинений философов): В 8 т. Т. 7. Пекин, 1956. При работе над переводом также использованы издания: *Лю Вэньдянь.* Хуайнань хунле цзи цзе. Тайбэй, 1992; *Чжан Шуанди.* Хуайнаньцзы цзяоши: В 2 т. Пекин, 1997; Хуайнаньцзы и чжу. Чанчунь, 1990; и др. (см. Библиографию). Частично главы, вошедшие в настоящее издание, были (целиком или в отрывках) в разные годы опубликованы мною в разных изданиях. При подготовке настоящего издания они были вновь сверены с оригиналом и в текст перевода внесены некоторые поправки, а комментарии иногда пересмотрены и уточнены. На полях проставлены страницы китайского издания 1956 г.

Л.Е. Померанцева

* * *

В Приложении приводится основная часть монографии Л.Е. Померанцевой «Поздние даосы о природе, обществе и искусстве» в качестве материала, способного помочь сориентироваться в даосизме – учении, составлявшем мировоззренческую базу авторов «Хуайнаньцзы». Издатели полагают, что, хотя со времени опубликования монографии прошло более двух десятков лет, она все еще не утратила своей актуальности. Текст печатается без каких-либо изменений.

ФИЛОСОФЫ ИЗ ХУАЙНАНИ / ХУАЙНАНЬЦЗЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ОБ ИЗНАЧАЛЬНОМ *ДАО*

Дао покрывает небо, несет на себе землю, развертывает 1
четыре стороны света, раскрывает восемь пределов [1]. Высоко беспредельно, глубоко безмерно, обнимает небо и землю, сообщается с бесформенным [2]. Бежит источником, бьет ключом [3]. Пустое, постепенно наполняется. Клокочет и бурлит. Мутное, постепенно очищается. Встанет между небом и землей и наполнит все пространство; ляжет между четырьмя морями и заполнит всю ширь. Раздает и не иссякает, нет для него ни утра, ни вечера [4]. Растянутое – покрывает шесть сторон, свернутое – не заполнит и ладони [5]. Сжатое – способно расправляться, темное – способно быть светлым, слабое – способно быть сильным, мягкое [6] – способно быть твердым. Натягивает четыре шнура, таит в себе *инь-ян* [7]. Связует пространство и время, сообщает свет трем светилам [8]. Предельно разжиженное, оно как кашица; предельно тонкое [9], оно едва уловимо. Горы благодаря ему высоки, пучины благодаря ему глубоки, звери благодаря ему бегают, птицы благодаря ему летают, солнце и луна благодаря ему светят, звездный хоровод благодаря ему движется, линь благодаря ему бродит, Феникс благодаря ему парит [10].

В глубокой древности два государя [11] овладели рукоятью *дао* и воцарились в центре Разум сопутствовал изменениям [12], и четыре стороны света пребывали в мире. Вот почему небо может вращаться, а земля – стоять в покое.

Колесо крутится, не прерываясь, вода течет, не останавливаясь [13], начинаясь и кончаясь с тьмой вещей. Поднимается ветер, сгущаются облака, и ничто не остается 2
безответным [14]. Грохочет гром, падает дождь. Одно другому откликается бесконечно – то демон явится, то молния блеснет [15]. Поднимаются драконы, слетаются луани [16]. Движется по кругу форма, вращается ступица [17]. Один оборот сменяет другой. Отграненное и отшлифованное вновь возвращается к своей основе [18].

В природе все без усилий согласуется с *дао*, без слов проникается благом, в спокойной радости, не зная гордыни, обретает гармонию [19]. Вся тьма существующих неподобий находит себе соответствие в своей природе[20]. На разум

опирается и кончик осенней паутинки [21], и целостность всего огромного космоса. Его [, *дао*,] благо приводит в согласие небо и землю, в гармонию *инь* и *ян,* сочленяет четыре времени года, согласует пять первоэлементов [22]. Оберегает и пестует – и тьма вещей во множестве рождается. Оно напаивает деревья и травы, напитывает металлы и камни. Вырастают большими птицы и звери, умащивается их подшерсток и шерсть, крепнут перья и крылья, у оленей отрастают рога. У зверей нет выкидышей, у птиц – яиц-болтунов, отцы не знают печали утраты сына, старшие братья не плачут по младшим, дети не остаются сиротами, жены – вдовами. Радуга [23] не показывается, зловещие небесные знамения не являются. Это достигается тем, что во всем содержится благо.

Высшее *дао* рождает тьму вещей, но ею не владеет; творит многообразные изменения, но над ними не господствует [24]. Те, что бегают и дышат, летают и пресмыкаются, наступает время – и рождаются, но не из-за его благоволения; наступает время – и умирают, но не из-за его вражды [25]. Приобретая с пользой, оно не может быть восхваляемо; тратя и терпя убыток, оно не может быть порицаемо. Накапливает и собирает, а не становится богаче. Делает раздачи и одаряет, а не скудеет. Вращается, и вращению этому нет конца. Тончайшее, мельчайшее, оно не знает устали. Громозди его – оно не станет выше; обрушивай его – оно не станет ниже; прибавляй к нему – оно не умножится; отнимай у него – оно не уменьшится; обтесывай его – оно не отслаивается; руби его – оно не разрубается; буравь его – оно не просверливается; засыпай его – оно не мелеет.

Неясное, смутное,
Не может быть облечено в образ [26].
Смутное, неясное,
Неистощимо в использовании.
Темное, сумрачное,
Откликается бесформенному.
Мчится, течет потоком –
Его движение не пустое [27].
С твердым и мягким свертывается и расправляется,
С *инь* и *ян* опускается и поднимается [28].

3 Древние *возничие* Фэн И и Да Бин [29], всходя на облачную колесницу, входили в облака и радугу, плыли в легком тумане, неслись в неясном, смутном, дальше далей, выше бескрайней выси – в бесконечность [30]. Пересекали заиндевелые снега и не оставляли следов. Освещались солнцем и не оставляли тени [31]. Подхваченные смерчем, крутясь, взвивались ввысь [32]. Пересекали горы, проходили потоки, стопой попирали Куньлунь [33]. Распахивали Ворота Чанхэ, про-

скальзывали в Небесные врата [34]. А возничие конечных времен хоть и есть у них легкая колесница и добрые кони, крепкая плетка и острые удила, но не могут они соперничать с теми. Великий муж [35] спокойно бездумен, покойно безмятежен. Небо служит ему балдахином, земля – основанием колесницы, четыре времени года – конями, *инь-ян* – возничим. Оседлав облако, поднявшись над туманами, следует Творящему изменения [36]. Ослабив волю, расправив суставы, в стремительном движении несется через пространство. Где можно шагом – там шагом, где вскачь – там вскачь. Повелевает богу дождя Юйши оросить дороги, посылает бога ветра Фэнбо смести пыль. Молния служит ему плеткой, гром – колесами колесницы. Поднимается вверх и странствует в занебесном пространстве. Спускается вниз и выходит из ворот безграничного. Внимательно все осматривает и обозревает, возвращая всему полноту [37]. Приводит в порядок все четыре предела и возвращается в центр. Так как небо для него балдахин, то нет ничего, что бы он ни покрывал. Так как земля для него – основание колесницы, то нет ничего, что бы он ни поддерживал [38]. Так как четыре времени года его кони, то нет ничего, что не могло бы ему служить; так как *инь-ян* его возничий, то нет ничего, что было бы не предусмотрено. Стремителен, но недвижен [39], мчится далеко, а не ведает усталости. Четыре конечности неподвижны, слух и зрение не истощаются [40]. Откуда же знает он границы восьми тяжей и девяти сторон [41] света? В руках у него рукоять *дао* [42], и потому он способен странствовать в беспредельном.

Поэтому дела Поднебесной не нуждаются в управлении – они идут, следуя своей естественности. Превращения тьмы вещей непостижимы: они свершаются, следуя собственной необходимости. Когда вещи отражаются в зеркале [43], то, несмотря ни на какие ухищрения, ни квадратное, ни круглое, ни прямое, ни кривое не могут избег- 4
нуть точного отображения. Так и эхо не произвольно откликается, и тень – не постоянна. Крик отзывается подобием, но само по себе эхо безмолвно [44].

Человек при рождении покоен – это его природное свойство. Начинает чувствовать и действовать – и тем наносит вред своей природе. Вещь приближается, и разум откликается, – это пришло в движение знание. Знание и вещь приходят в соприкосновение, – и рождаются любовь и ненависть. Когда любовь и ненависть обретают форму, то знание устремляется вовне и уже не может вернуться назад, а природный закон [внутренней соотнесенности] [45] оказывается нарушенным.

Поэтому тот, кто постиг *дао,* не меняет природного на человеческое [46]. Внешне с вещами изменяется, внутри не теряет природного чувства [47]. Стремится к небытию, а удовле-

творяет все потребности [48]. Время мчится, но необходимость есть его отдых [49]. Малое и большое, длинное и короткое – все обретает свою завершенность [50]. Движение тьмы вещей стремительно и хаотично, однако не теряет своей меры [51]. Благодаря этому тот, кто постиг *дао*, становится наверху, и народ не испытывает тяжести, выдвигается вперед – и масса не знает от этого вреда. Поднебесная идет к нему, зло и неправда страшатся его. Так как он не соперничает с тьмой вещей, то ничто не смеет соперничать с ним. Тот, кто удит рыбу удочкой, просиди хоть целый день – не наполнит сетей. Есть у него и острый крючок, и тонкая леска, и ароматная нажива, и даже пусть владеет искусством Чжань Хэ и Цзянь Юаня [52], – но где ему соперничать с тем, кто ловит неводом! Стрелок, что натягивает Вороний лук, накладывает стрелу из циского бамбука с опереньем из Вэй и даже пусть владеет искусством Охотника И и Фэн Мэна стрелять в летящую птицу [53], – разве может он соперничать с тем, кто ловит силками! В чем же дело? Потому что опираются они на малое. Растяни Поднебесную в сеть для ловли птиц, а реки и моря сделай переметом – разве тогда уйдет хоть одна рыба, улетит хоть одна птица? Простая стрела уступает стреле с сеткой, а стрела с сеткой уступает бесформенному образу [54]. Поэтому отвергать великое *дао* и полагаться на малое искусство – это все равно что заставлять краба ловить мышей или жабу – блох. Так не остановить зла, не пресечь неправды – смута только возрастет.

5 Когда-то Гунь [55] в Ся построил стену в три *жэня*. В результате *чжухоу* от него отвернулись, за морем возникли недобрые помыслы. Юй [56], зная о недовольстве Поднебесной, разрушил стену, сровнял рвы, уничтожил драгоценности, сжег оружие и щиты, одарил милостями. Заморские гости склонили головы, варвары четырех сторон принесли дары. Юй собрал *чжухоу* на горе Ту, и тысячи царств пришли с яшмой и дарами. Итак, когда коварные помыслы гнездятся внутри, то и чистейшая белизна оказывается нечистой[57], и разум и благо утрачивают цельность. Не знаешь того, что при тебе, как же можешь объять далекое?

Если одни упрочняют щиты, а другие в ответ точат клинки, одни возводят стены, а другие строят тараны – это все равно что кипяток заливать кипятком же, от этого кипение только усилится. Нельзя плетью научить злую собаку или строптивого коня – будь ты хоть И Инем или Цзаофу [58]. А вот когда злобные помыслы побеждены внутри, то и голодного тигра можно потрогать за хвост, не то что справиться с собакой или конем! Так, воплотивший *дао* отдыхает и неистощим, а полагающийся на искусство [59] из-

нуряет себя, но безуспешно. Поэтому суровые законы, жестокие наказания – не дело *бавана*: кто щедро пользуется плетью, не обладает искусством дальней езды.

Глаз Ли Чжу видел кончик иглы на расстоянии ста шагов, но не мог разглядеть рыбы в глубине пучины; ухо Наставника Куана улавливало гармонию восьми ветров [60], но не слышало за пределами десятка *ли*. Это значит, что, положившись на способности одного человека, не управишься и с тремя *му* земли. Кто знает закон [внутреннего соответствия], определяемый *дао*, следует естественному ходу неба и земли, для того и равновесие [61] шести пределов оказывается недостаточно устойчивым.

Юй, прокладывая русла, следовал за природой воды, считая ее своим учителем; Священный земледелец [62], посеяв семена, следовал естественному развитию ростков, считая их своим наставником. Водоросли корнями уходят в воду, дерево – в землю. Птицы летают, хлопая крыльями по пустоте; звери бегают, попирая твердую основу; драконы обитают в воде, тигры и барсы – в горах. В этом природа неба и земли. Два куска дерева от трения загораются, металл от соприкосновения с огнем плавится; круглому свойственно вращение, полому – плавание. В этом проявление их естества.

Приходят весенние ветры, и падает благодатный дождь. 6
Все оживает и начинает расти. Пернатые высиживают птенцов, покрытые шерстью вынашивают плод. Цветение трав и деревьев, птичьи яйца, звериные детеныши – нигде не видно того, кто управляет этим, а все успешно завершается. Осенние ветры опускают на землю иней, пригибают живое, губят слабое. Орлы и коршуны дерутся за добычу; насекомые прячутся, травы и деревья уходят в корень; рыбы и черепахи скрываются в пучинах. Нигде не видно того, кто управляет этим, а все исчезает бесследно.

Деревья растут в лесах, вода течет в руслах. Птицы и звери живут в гнездах и в логовах, люди – в жилищах. На суше более пригодны буйволы и кони, для лодки более подходит большая вода. *Сюнну* одеваются в меховые одежды, в У и Юэ [63] носят полотно. Каждый изобретает то, в чем нуждается, чтобы спастись от палящего солнца и сырости; каждый находит место, чтобы защитить себя от холода и жары. Все находит себе удобное [64], всякая вещь устраивает свое место. Ясно, что тьма вещей твердо держится естественности [65]. Что же тут делать мудрецам!

К югу от горы Девяти пиков [66] дел, связанных с сушей, мало, а с водой – много. Поэтому стригут волосы, татуируют тело, чтобы походить на драконов; носят не штаны, а набедренные повязки, чтобы удобнее было переходить вброд и плавать; коротко засучивают рукава, чтобы удоб-

нее управляться с шестом на лодке. Все это есть следование [67]. К северу от Яньмэнь [68] народ *ди* не питается зерном, не имеет уважения к старости, а ценит физическую силу. Люди там необычайно выносливы, не выпускают из рук лука, кони не разнуздываются. Все это есть приспособление [69].

Поэтому Юй, когда был в государстве Нагих, снимал одежду входя и надевал уходя. Это следование. А ныне пересаженные деревья, утратив свою, связанную с *инь-ян* природу, не могут не засохнуть. Поэтому мандариновое дерево, пересаженное севернее реки Цзян, изменяется и превращается в дичок; дрозд-пересмешник не перелетает через реку Цзи, а барсук, переплывая Вэнь [70], погибает. Природу вещей нельзя менять, естественное место обитания нельзя переносить.

Поэтому тот, кто постиг *дао,* возвращается к прозрачной чистоте [71], кто проник в суть вещей, уходит в недеяние. В покое пестует свою природу, в безмолвии определяет место разуму – и так входит в Небесные врата [72]. То, что называю небесным, – это беспримесная чистота, безыскусственная простота, изначально прямое и белоснежно-белое, то, что никогда ни с чем не смешивалось. То же, что называется человеческим, – это заблуждение и пустые ухищрения ума, изворотливость и ложь, которы-
7 ми пользуемся, чтобы следовать своему поколению, общаться с пошлым миром. То, что у буйвола раздвоенные копыта и на голове рога, а кони покрыты гладкой шерстью и имеют цельные копыта, – это небесное. Опутать рот коню удилами, продырявить нос буйволу – это человеческое. Тот, кто следует небесному, странствует вместе с *дао,* кто идет за человеческим, вступает в общение с пошлым миром. Потому с колодезной рыбешкой нельзя толковать о великом, так как она ограничена пространством; с летними насекомыми нельзя толковать о холодах, так как они ограничены временем; с изворотливым ученым нельзя толковать о совершенном *дао,* так как он связан ходячим мнением, на нем путы учения. Поэтому мудрец не волнует небесного человеческим; не беспокоит свое природное чувство страстями. Не строит планов, а свершает; не говорит, а убеждает; не рассчитывает, а получает; не действует, а свершает. Частицы *цзин* [73] проникают в обиталище души и вместе с Творящим изменения создают [74] человека.

Хороший пловец тонет, хороший наездник падает с коня – каждый своей приверженностью чему-то ввергает себя в беду. Вот почему тот, кто привержен деяниям, всегда страдает; тот, кто борется за выгоду, непременно разорится.

Некогда сила Гунгуна была такова, что от его удара в гору Щербатую земля покосилась на юго-восток; он боролся за владычество с Гао Синем [75], а в результате погиб в пучине, род его прервался, прекратились жертвы предкам. Наследник юэского вана [76] бежал в горы, но юэсцы выкурили его из пещеры, и он вынужден был подчиниться. С этой точки зрения достижение чего-либо зависит от благовременья, не от соперничества; порядок зависит от *дао,* не от мудрости. Земля находится внизу и не стремится ввысь, поэтому покойна и не тревожится; вода течет вниз, никого не опережая, поэтому течет быстро, не замедляя течения.

Когда-то Шунь пахал на горе Ли [77]. На следующий год земледельцы стали бороться за тощие земли, уступая друг другу жирные; Шунь удил рыбу у самого берега, а на следующий год рыбаки стали бороться за мелководье, уступая друг другу глубины и заливы. В те времена уста не произносили речей, рука не делала указующих жестов. Хранили сокровенное благо в сердце, а изменения текли, словно исполненные духом [78]. Если бы Шунь не обладал волей, то какие бы прелестные речи ни произносил и сколько бы по дворам ни говорил, не изменил бы этим ни 8
одного человека. То *дао,* которое нельзя выразить [словами] [79], велико и могущественно! Поэтому смогли справиться с *саньмяо,* привлечь ко двору племя Крылатых, склонить на свою сторону государство Нагих, собрать дань с *сушэней* [80], не рассылая приказов, не распространяя повелений. Изменяли обычаи, меняли привычки – и все это велением лишь сердца. Законы, установления, наказания, штрафы – разве могли бы достичь этого?

Вот почему мудрец пестует свой корень и не занимается украшением верхушки [81], хранит свой разум и сдерживает ухищрения своего ума. Безмолвный, пребывает в недеянии, но ко всему причастен; невозмутимый, не управляет, а все содержит в порядке. То, что называю «недеянием», означает не опережать хода вещей; то, что называю «ко всему причастен», – это следовать ходу вещей; то, что называю «неуправлением», – не изменять естественности; то, что называю «все содержит в порядке», – соблюдать взаимное соответствие вещей. Тьма вещей имеет нечто, ее породившее, но только [сама вещь] знает, как сохранить свой корень; сотни дел имеют некий общий источник, но только каждое из них знает, как сохранить свой ход. Поэтому конец не имеет конца, предел не имеет предела.

Постигать вещи, не ослепляясь ими [82], откликаться на звуки, не оглушаясь ими, – это значит понять небо.

Вот почему тот, кто обрел *дао,* слаб волей, но силен делами. Сердце его пусто и откликается должному [83]. Те, кого называю «слабыми волей, сильными делами», мягки как пух

и тихо покойны, прячутся за робостью, скрываются за неспособностью. Спокойно бездумны, действуют, не упуская момента, вместе с тьмой вещей вращаются, свершая кругооборот. Не запевают первыми – воспринимают и откликаются. Вот почему благородные берут имена подлых, а высокое неизбежно берет за основание низкое [84]. Опираются на малое, чтобы *объять* большое; помещаются внутри, чтобы управлять наружным; действуют мягко, а на деле – твердо; с помощью слабого оказываются сильными. Подчиняясь потоку превращений, постигают искусство Одного [85] и с помощью немногого управляют многим.

Те, кого называю «сильны делами», встречаясь с неожиданностью, откликаются на момент, устраняют несчастье, побеждают трудности. Нет такой силы, которую бы не одолели; нет такого врага, которого бы не осилили. Откликаются на превращения, угадывают момент, – и никто не способен им повредить. Вот почему, кто стремится к твердости, сохраняет ее мягкостью; кто стремится быть сильным, добивается этого с помощью слабости. Накапливая мягкость, становится твердым; *накапливая слабость*, становится сильным. Наблюдение за тем, что скапливается, дает знание границ счастья и несчастья. Сильный побеждает неравного себе, а если встречает
9 равного, то силы уравновешиваются. Мягкий же побеждает превосходящего, и силы его неизмеримы.

Войско сильное погибает, дерево крепкое ломается, щит прочный раскалывается, зубы тверже языка, а гибнут раньше. Потому что мягкое и слабое – костяк жизни, а твердое и сильное – спутники смерти [86]. Тот, кто запевает, стоит у конца пути, кто идет позади – в начале. Откуда знаем, что это так? Обычный человек, достигнув семидесятилетнего возраста, дни и месяцы сожалеет о прошлых поступках, и так до самой смерти. Цюй Боюй [87] в пятьдесят *лет понял*, что сорок девять прожиты в заблуждении. Отчего так? Тому, кто впереди, трудно достается знание, а тот, кто позади, легко добивается успеха. Передние взбираются наверх сами, а задние за них цепляются. Передние прокладывают след, а задние в него ступают. Передние проваливаются в яму, а задние могут рассчитать. Передние терпят поражение, а задние могут его избежать.

С этой точки зрения передние для задних все равно что мишень для лука и стрелы, они подобны колокольцам и лезвию ножа [88]. Каким образом лезвие ввергает себя в беду, а колокольцы не знают несчастья? Благодаря своему месту позади. Это хорошо известно миру и простому люду, от этого не может уберечься достойный и знающий. Те, кого называю «задние», не есть что-то застывшее и неподвижное. Они дорожат мерой и соответствием времени. Следуя порядку *дао,* составляют пару с изменениями [89]. Передние управляют зад-

ними, задние управляют передними. Каким образом? Не теряя того, с помощью чего управляют, люди не могут управлять. Время же не дает вздохнуть: передние уходят слишком далеко, задние – отстают. Солнце идет по кругу, луна свершает свой оборот. Время течет само по себе. Вот почему мудрец не ценит яшмы в один *чи* [90], а ему дороже вершок тени от солнечных часов. Время трудно схватить, но легко упустить. Юй мчался в погоне за временем [91]. Сваливались башмаки – не подбирал, шапка зацепится – не оборачивался. Он не боролся за место впереди, а боролся за время. 10

Мудрец хранит чистое *дао* и держит суставы расслабленными. Следуя общему ходу, откликается на изменения. Всегда позади, не забегает вперед. Мягкий, и потому спокойный; умиротворенный, и потому твердый. Доблестные и могучие не могут с ним соперничать.

Нет ничего в Поднебесной мягче и слабее воды [92], но она велика беспредельно, глубока безмерно; простирается в длину бескрайне, волны ее безбрежны. Вдохнет, выдохнет, сожмется, разольется. Простирается в пространстве без меры. Высоко в небе образует дождь и росу. Внизу на земле – источники и заводи. Тьма вещей без нее не родится; сотни дел без нее не вершатся. Она обнимает все множество живого, но не знает ни любви, ни ненависти. Напитывает влагой мельчайшие существа и не требует вознаграждения. Обогащает Поднебесную и не истощается; облагодетельствует простой народ и не несет урона. Всегда в пути, но не может дойти до конца. Малая, но не может быть зажата в ладони. Нанеси удар – не поранишь, коли – не проколешь, руби – не разрубишь, жги – не горит. То течет спокойно, то бурлит, взбудораженная, но не рассеивается. Точит металлы и камни. Наполняет собой всю Поднебесную. Разливается на безбрежных просторах, парит выше туманов. Бежит в долинах и руслах рек, орошает пустынные поля. Имеет ли излишек или недостаток – небо и земля берут или отдают. Ее получает тьма вещей, и нет здесь ни первых, ни последних. Поэтому нет ни частного, ни общего. Широко простертая, кипучая, объединяется с небом и землей в великое единство. Нет для нее ни правой стороны, ни левой – свободна в изгибах и переплетениях. С тьмой вещей начинается и кончается. Это и есть высшее благо. То, с помощью чего вода может вершить свое благо в Поднебесной, – это ее способность все проникать и все напитывать. Поэтому Лао Дань говорит: «Самое нежное в Поднебесной побеждает самое крепкое. Выходя из небытия, входит в не имеющее промежутка. Отсюда я узнаю о пользе недеяния» [93].

Поэтому бесформенное – великий предок вещей, беззвучное – великий предок звука. Его сын – свет, его внук – вода, оба они родились от бесформенного. 11

Свет можно видеть, но нельзя зажать в ладони, воде можно следовать, но нельзя ее уничтожить. Вот почему среди всего, что имеет образ [94], вода наиболее чтима. Рождаются и умирают, из небытия вступают в бытие и из бытия – в небытие, чтобы там разрушиться.

Отсюда чистота и покой – высшее выражение блага, а мягкая слабость – сущность *дао.* Пустота и небытие, покой и безмятежность – полезные свойства вещей [95]. Суровый, откликается на впечатления, непреклонный, возвращается к корню и проскальзывает в бесформенное. То, что называю бесформенным, есть название Единого. То, что называю Единым, не имеет пары в Поднебесной. Подобный утесу, одиноко стоит, подобный глыбе, одиноко высится. Вверху пронизывает девять небес, внизу проходит через девять полей [96]. Его окружность не описать циркулем, его стороны не выписать угольником. В великом хаосе образует одно. У него есть листья, но нет корня [97]. В нем, как в мешке, покоится Вселенная. Оно для *дао* служит заставой [98]. Спокойное, глубокое, темное, таинственное.

Чистое благо [99] одиноко существует, раздает – и не иссякает, используй его – оно не знает устали. Смотришь – не видишь его формы, слушаешь – не слышишь его голоса, следуешь за ним – не чувствуешь его тела [100]. Бесформенное, а рождает имеющее форму; беззвучное, а поет пятью голосами; безвкусное, а образует пять вкусов; бесцветное, а создает пять цветов. Так бытие рождается в небытии, сущее берет начало в пустоте. Поднебесная есть клеть, в которой имя и сущность вместе живут [101].

Число тонов не превышает пяти, а превращения этих пяти тонов невозможно переслушать; число вкусов не превышает пяти, а их варианты невозможно перепробовать; число цветов не превышает пяти, а превращения пяти цветов невозможно обозреть [102]. Среди тонов *гун* устанавливается и образует пять тонов. Среди вкусов сладкий устанавливается, и рождается пять вкусов. Среди цветов белый устанавливается, и пять цветов формируются. *Дао* же одно устанавливается, и тьма вещей родится. Поэтому закон [103] Одного распространяется на четыре моря; разгадка Одного приближает к разгадке Вселенной. Целостное, оно чисто, как безыскусственная простота; рассеянное, оно взбаламучено, как мутная вода. Мутное – постепенно очищается, пустое – постепенно наполняется. Невозмутимо, как глубокая пучина, воздушно, как плывущее облако. Как будто нет, а есть, как будто умерло, а живо.

12

Единство всей тьмы вещей сосредоточено в одном отверстии; корень сотен дел выходит из одной двери.

Его (*дао*) движение бесформенно; изменения происходят словно исполненные духом. Его шествие бесследно. Оно всегда держится позади, а оказывается впереди.

Поэтому совершенный человек, управляя, прячет свой слух и зрение, отвергает внешние украшения [104], полагается на *дао,* отказывается от умствований, с народом вместе исходит из общего блага. Сокращает то, что хранит; сводит до минимума то, чего домогается; бежит от соблазнов и привязанностей, отбрасывает страсти и вожделения, воздерживается от размышлений. Сокращает то, что хранит, и все оказывается под наблюдением; сводит до минимума то, чего домогается, и все обретает. Тот, кто слушает и смотрит, полагаясь на уши и глаза, напрасно трудит форму, но не становится прозорливым. Кто управляет с помощью размышлений и знаний, терзает сердце [105], но не достигает успеха. Поэтому мудрец придерживается меры, хранит колею, не нарушает их соответствия, не меняет их постоянства. Отвес следует шнуру, его отклонения повинуются должному. Потому радость и гнев – это отступление от *дао;* печаль и скорбь – утрата Блага (*дэ*); любовь и ненависть – неумеренность сердца; страсти и вожделения – путы человеческой природы. Человек, охваченный гневом, разбивает *инь,* охваченный радостью – разбивает *ян,* ослабление духа делает немым, возбуждение вызывает безумие. Чем неистовее печаль и скорбь, тем ощутимее боль; чем пышнее расцветают любовь и ненависть, тем неотступнее преследуют несчастья. Поэтому высшее благо в том, чтобы сердце ни печалилось, ни наслаждалось; высший покой в том, чтобы постигать, но не меняться; высшая пустота в том, чтобы не обременять себя страстями; высшее равновесие в том, чтобы ни любить, ни ненавидеть; высшая чистота в том, чтобы не смешиваться с вещами. Способный к этим пяти постиг божественную мудрость и, следовательно, овладел своим внутренним.

Если с помощью внутреннего управлять внешним – сотни дел будут устроены. Что обретается внутренним, то воспринимается и внешним. Внутреннее обретается, и пять внутренних органов успокаиваются: мысли приходят в равновесие, мускулы напрягаются, уши обретают чуткость, глаза – зоркость [106]. И тогда широко простирается, не суетясь.

Сильный и крепкий, а не ломается. Никого не превосходит и ни от кого не отстает. Малое место его не теснит, большое для него не слишком просторно, его небесная душа не тревожится, его дух не волнуется. Недвижим и чист, как осенняя вода, и безмолвно тих. Он сова Поднебесной. Великое *дао,* ровное и покойное, не оставляет его надолго. Раз оно недалеко, то когда понадобится, хоть и ушло, но

13

возвращается На воздействие откликается, побуждаемый, приходит в движение Совершенство вещей неисчерпаемо, превращения не имеют ни формы, ни образа Он поворачивается за ними, следует им как эхо, как тень Восходит ли вверх, нисходит ли вниз – не утрачивает своей опоры Шагая в опасность, ступая по обрыву помнит о сокровенной основе [107] Благо того, кто умеет так существовать, не имеет изъяна Вращается вслед за беспорядочно кишащей тьмой вещей, прислушивается к Поднебеснои и мчится, будто подгоняемый попутным ветром Это и называется высшим благом, а высшее благо и есть наслаждение

В древности люди обитали в скалистых пещерах, но были тверды духом Могущество современных людей обеспечено десятью тысячами колесниц, а дни их полны печали и скорби Отсюда ясно, что мудрость не в управлении людьми, а в обретении *дао*, наслаждение не в богатстве и знатности, а в обретении блаженства (*дэ*) и гармонии Ставить себя высоко, а Поднебесную низко – это приближение к *дао* То, что называется наслаждением, неужели непременно заключено в том, чтобы жить в башнях Цзинтай и Чжанхуа, гулять по озеру Облачные Сны, у башни Песчаные холмы, наслаждаться девятью мелодиями, шестью тонами [108], вкушать ароматные яства, скакать по ровной дороге, ловить рыбу, охотиться на фазанов! То, что я называю наслаждением, – это обладание тем, чем обладаешь Обладающие тем, чем обладают, роскошь не почитают за наслаждение, умеренность не считают причиной скорби. Вместе с *инь* закрываются, вместе с *ян* открываются [109] Так Цзыся [110] ожесточил сердце борьбой и отощал, а обрел *дао* – и растолстел Мудрец не служит телом вещам, не нарушает гармонии страстями Поэтому в радости не ликует, в печали не скорбит Тьма превращений, сотни изменений вольно текут, ни на чем не задерживаясь Я один, освобожденный, покидаю вещи и вместе с *дао* выхожу Поэтому если обрел себя, то и под высоким деревом [111], и внутри пустои пещеры сумеешь покоить свое природное чувство

14 Если же не обрел себя, то будь хоть вся Поднебесная твоим домом, а тьма народа слугами и прислужницами, все будет недостаточно Способный достичь наслаждения без наслаждения всегда наслаждается, а всегда наслаждающийся достиг предела наслаждения

Расставили гонги и барабаны, разложили флейты и цитры, разместили хоругви и подушки, развесили флаги и украшения из слоновой кости Ухо наслаждается переливами мелодии «Северные окраины Чжаогэ» [112] Красавицы выстроились рядами Расставили вино, пустили по кругу чары Ночь сменяет день Разряжают самострелы в

высоко летящих птиц, гонят собаками быстрого зайца Это они считают наслаждением Все пылает пламенем, источает жар Захвачены как будто чем-то завидным Распрягли колесницы, разнуздали коней, убрали вино, остановили музыку – и сердце опустошено, как будто что-то утратило, опечалено, как будто что-то потеряло Отчего? Оттого что не с помощью внутреннего услаждают внешнее а с помощью внешнего услаждают внутреннее. Музыка звучит – радуются, мелодия прервалась – печалятся Печаль и радость движутся по кругу, рождая друг друга Разум взволнован и ни на мгновение не обретает равновесия Доискиваются причин, почему не могут обрести самих себя, а дни идут на то, чтобы губить жизнь Это есть утрата того, чем обладаешь. Потому, когда внутреннее не приобретается внутри, а черпается извне для собственного украшения, оно не просачивается в кожу и плоть, не проникает в кости и мозг, не остается в сердце и мыслях, не сгущается в пяти органах Вошедшее извне не имеет хозяина внутри, потому и не задерживается Исходящее изнутри, если не найдет отклика вовне, не распространится

Поэтому, слушая добрую речь, хорошие планы, и глупый возрадуется, когда превозносят совершенную добродетель, высокие поступки, то и неблагородный позавидует Радующихся много, а применяющих планы на деле – мало, завидующих множество, а поступающих так – единицы В чем причина этого? В том, что не могут вернуться к своей природе Домогаются учения, не дав внутреннему проникнуть в сердцевину, потому учение не входит в уши и не запечатлевается в сердце Разве это не то же, что песня глухого? Поет, подражая людям, не для собственного удовольствия Звук возникает в устах, выходит из них и рассеивается

Итак, сердце – господин пяти внутренних органов Оно управляет четырьмя конечностями, разгоняет кровь и эфир, спешит определить границы истины и лжи, снует в воротах сотен дел Потому если не дошло до сердца, а хочешь распоряжаться эфиром Поднебесной, то это все равно что, не имея ушей, браться за настройку барабанов и гонгов, не имея глаз, хотеть любоваться расписным узором – никогда не справишься с этой задачей «Душа [113] Поднебесной не подвластна деяниям Воздействующий на нее разрушает ее, завладевающий ею теряет ее» [114] Сюй Ю, презирая Поднебесную, не пожелал сменить Яо [115] на престоле, а оказал влияние на Поднебесную В чем причина этого? Следование Поднебесной и есть воздействие на Поднебесную Все, что необходимо Поднебесной, заложено не в ком-то другом, а во мне, не в других людях, а

в моем теле. Овладей собственным телом – и тьма вещей обретет порядок. Откажись внутренне от искусственных рассуждений – и страсти и вожделения, любовь и ненависть останутся вовне. Когда ничто не радует, не гневит, не несет ни наслаждения, ни горестей, то тьма вещей приходит к сокровенному единству. Тогда нет ни истинного, ни ложного, изменения происходят подобно сокровенным вспышкам [116]. Живой, я подобен мертвому. Я владею Поднебесной, а Поднебесная владеет мною. Разве есть что-нибудь, разделяющее меня и Поднебесную? Неужели те, кто владеет Поднебесной, непременно должны держать в руках власть, опираться на могущество, сжимать смертоносный скипетр и так проводить свои указы и повеления? То, что я называю владением Поднебесной, совсем не то. Обрести себя и все. Обретаю себя, и тогда Поднебесная обретает меня. Мы с Поднебесной обретаем друг друга и навсегда завладеваем друг другом. Откуда же возьмется что-то между нами? То, что называется «обрести себя», – это сохранение целостности своего тела. Тот, чье тело целостно, с *дао* образует одно.

Заурядные люди без удержу предаются прогулкам по берегу реки и морскому побережью, скачкам на знаменитых скакунах, выездам под балдахином из перьев зимородка, любуются зрелищем танцев «Колыхающиеся перья» и «Боевые слоны», наслаждаются нежными переливами прозрачной мелодии, воодушевляются роскошной музыкой Чжэн и Вэй, увлекаются вихрем чуских напевов [117], стреляют птиц на болотах, гонят зверя в заповедниках.

Мудрец, попав сюда, не чувствует волнения духа, смятения воли, и сердце его не утрачивает в трепете своего природного чувства. Он поселяется в пустынном краю, среди горных потоков, сокрытый глубиной чащ. Жилище в четыре стены, тростниковая крыша, завешенный рогожей вход и окно из горлышка кувшина, скрученные ветки
16 шелковицы вместо дверной оси. Сверху капает, снизу подтекает. Сыреет северная сторона, снег и иней порошат стены, ползучие растения держат влагу. Свободный, скитается среди широких озер и бродит в скалистых ущельях. Все это, по мнению заурядных людей, насилует форму, стесняет путами, в печали и скорби не дает обрести волю. Мудрец же, попав сюда, не тоскует и не страдает, не утрачивает основы своего наслаждения. Отчего это так? Оттого что внутренне он проник в суть неба [118] и потому ни благородство, ни худородство, ни бедность, ни богатство, ни труды, ни досуги не лишат его воли и блага. Разве воронье карканье или сорочья трескотня меняются в зависимости от стужи или жары, засухи или вёдра? [119]

Поэтому тот, кто обрел *дао,* устанавливается в себе и не ждет подталкивания извне. Я обретаю себя независимо от изменений, происходящих в каждый момент. То, что я называю обретением, – это когда мое природное чувство находится в покое. Природа вещи и ее судьба выходят из рождающего их корня одновременно с формой [120]: форма готова, – и готовы природа вещи и ее судьба. Природа вещи и ее судьба образуются, – и рождается любовь и ненависть. Поэтому для мужей существует однажды установленный порядок отношений, а женщины следуют неизменным нормам поведения.

Циркуль и угольник [121] – это не круг и квадрат, крюк и отвес – это не изгиб и прямая. По сравнению с вечностью неба и земли восхождение к славе нельзя считать долгим, жизнь в презренной бедности нельзя считать короткой. Поэтому тот, кто обрел *дао,* бедности не страшится, добившись успеха – не гордится; взойдя на высоту, не трепещет, держа в руках наполненное – не перельет. Будучи новым, не блестит, старым – не ветшает. Входит в огонь – не горит, входит в воду – не промокает. Поэтому и без власти уважаем, и без богатства богат, и без силы могуществен. Сохраняя равновесие, пустой, течет вниз по течению, парит вместе с изменениями. Такие прячут золото в горах, а жемчуг – в пучинах [122]. Не гонятся за товарами и богатством, не домогаются власти и славы. Поэтому довольство не почитают за наслаждение, недостаток – за горе. Не считают знатность основанием для покоя, худородство – для тревоги. Форма, дух, эфир, 17
воля [123] – все находит свое место, чтобы следовать движению Вселенной. Форма – прибежище жизни, эфир – наполнитель жизни, разум – управитель жизни. Когда одно из них утрачивает свое место, то все три терпят ущерб. Поэтому мудрец и определяет каждому человеку его место, его занятие, чтобы не было взаимной борьбы. Поэтому форма, помещенная туда, где нет для нее покоя, разрушается; эфир, не получая того, что дает ему полноту, иссякает; разум, лишенный того, что ему соответствует, меркнет. Эти три вещи нужно бережно хранить. Взять хоть всю тьму вещей в Поднебесной. Пресмыкающиеся и черви, насекомые и бабочки – все знают, что доставляет им радость или отвращение, несет с собой выгоду или вред. Отчего? Оттого что их природа остается при них и их не покидает. А если вдруг уйдет, то кости и плоть утратят единство пары. Ныне люди видят даже неясное, слышат даже неотчетливое, телом способны отталкивать, могут вытягивать и сокращать суставы, различать белое и черное, отличать безобразное от прекрасного, распознавать тождество и различие, определять истину и

ложь. Каким образом? Благодаря полноте эфира и усилиям духа.

Откуда знаем, что это так? Человек, у которого воля на что-то направлена, а разум на чем-то сосредоточен, идет и проваливается, натыкается на столб – и не чувствует этого. Помаши ему – не видит, позови его – не слышит. Уши и глаза при нем, но почему же не отзываются? Оттого что разум утратил то, что должен хранить. Поэтому, занятый малым, забывает о большом; сосредоточась на внутреннем, забывает о внешнем; находясь наверху, забывает о том, что внизу; помещаясь справа, забывает о том, что слева. Когда же все наполняет, то везде и присутствует. Поэтому тому, кто ценит пустоту, и кончик осенней паутинки – надежная крыша. А вот лишившийся ума не может спастись от огня и воды, преодолеть канаву – разве нет у него формы, разума, эфира, воли? Дело в разности их использования. Они лишились места, которое должны охранять, оставили прибежище внутреннего и внешнего. Поэтому суетятся, будучи не в состоянии обрести должное, в покое и движении найти середину [124]. Всю жизнь перекатывают несчастное тело из
18 одной ямы в другую, то и дело проваливаясь в зловонные канавы. Ведь жизнь одновременно с человеком выплавляется, как же оказывается, что она так жестоко смеется над людьми? Все оттого, что форма и разум утратили друг друга. Поэтому у того, кто делает разум господином, форма идет следом, и в этом польза; кто делает форму управителем, у того разум идет следом, и в этом вред. Жадные, алчные люди, обуянные страстями, слепо рвутся к власти и наживе, страстно желают славы и почестей. Мечтают превзойти других в хитроумии, водрузиться над будущими поколениями. Но разум с каждым днем истощается и уходит далеко, долго блуждает и не возвращается. Форма оказывается закрыта, сердцевина отступает, и дух не может войти. Вот причина того, что временами Поднебесная в слепоте и безрассудстве утрачивает самое себя. Это как жирная свеча: чем ярче горит, тем скорее убывает. Разум, эфир, воля спокойны – и день за днем наполняются силой; в беспокойстве – и день ото дня истощаются и дряхлеют. Вот почему мудрец пестует свой дух, сохраняя в гармонии и рассеянным свой эфир, в равновесии свою форму и вместе с *дао* тонет и всплывает, поднимается и опускается. В покое – следует, вынужденный – приходит в действие. Его следование подобно складкам одежды, его действие подобно пуску стрелы [125]. Когда так, то нет такого изменения, на которое бы не отозвался, нет такого поворота в делах, на который бы не откликнулся.

ГЛАВА ВТОРАЯ
О НАЧАЛЕ СУЩЕГО

Было начало. Было предначало этого начала. Было доначало этого предначала начала. Было бытие, было небытие. Было предначало бытия и небытия. Было доначало этого предначала бытия и небытия [1]. 19

Так называемое начало. Всеобщее затаенное возбуждение еще не прорвалось. Как обещание почки, как отрастающие после порубки ростки. Еще нет каких-либо форм и границ. Только шорох абсолютного небытия. Все полно желанием жизни, но еще не определились роды вещей.

Было предначало начала. Небесный эфир начал опускаться, земной эфир стал подниматься. *Инь* и *ян* соединились. Переплетаясь, поплыли, клубясь, в космическом пространстве. Окутанные благом, тая внутри гармонию. Свиваясь и сплетаясь, стремясь прийти в соприкосновение с вещами, но так и не осуществив предвестия.

Было доначало предначала начала. Небо затаило свой гармонический эфир, и он еще не опустился. Земля хранила свой эфир, и он еще не поднялся. Пустота, небытие, тишина, безмолвие. Молчащее занебесье, небытие, похожее на сон. Эфир плыл, составляя великое единство с тьмою.

Было бытие. Тьма вещей во множестве пустила корневища и корни, образовались ветви и листья, зеленый лук и подземные грибы. Сочная трава ярко заблестела, насекомые встрепенулись, черви зашевелились, все задвигалось и задышало. И это уже можно было подержать в руке и измерить.

Было небытие. Смотришь – не видишь его формы; слушаешь – не слышишь его голоса; трогаешь – не можешь его схватить; смотришь вдаль – не видишь его предела. Свободно течет и переливается как в плавильном котле. Бескрайне, безбрежно. Нельзя ни измерить его, ни рассчитать. Все слито в свете.

Было предначало бытия и небытия. Оно обнимает небо и землю. Формует тьму вещей, составляет великое единство с тьмой хаоса. Никакая глубина или ширина не может выйти за его пределы. Рассеченная осенняя паутинка, раздвоенная ость колоска не могут служить ему нутром. Не имеющее стен пространство, в нем рождается корень бытия и небытия. 20

Было доначало предначала бытия и небытия. Небо и земля еще не разделились. *Инь* и *ян* еще не отделились. Четыре сезона еще не расчленились. Тьма вещей еще не родилась. Оно ровно и покойно, как морская пучина. Оно чисто и прозрачно, как безмолвие. Не видно его очертаний. Свет решил вступить в это небытие и отступил, растерявшись. И сказал: «Я могу быть и не быть [2], но не могу абсолютно не быть. Когда оно становится абсолютным небытием, то достигает такой тонкости, что ему невозможно следовать!» [3]

Огромная масса наделила меня формой, истощила меня жизнью, дала мне отдых в старости, покой – в смерти. То, чем хороша была моя жизнь, делает хорошей и мою смерть. Если спрятать лодку в бухте, а гору – в озере, скажут, что это надежно. А в полночь Силач взвалит их на плечи и умчится с ними. А спящие и не узнают. Потому что есть место, куда скрыться. А если спрятать Поднебесную в Поднебесной же, то куда тут скрыться! Разве не так же и со всем сущим? [4]

Само обладание человеческой формой уже приятно. Но человек является в результате тысячи изменений, тьмы превращений, которым нет предела. Разрушается и вновь обновляется. Разве счесть все поводы для радости? Например, во сне становлюсь птицей и парю в небе. Во сне становлюсь рыбой и исчезаю в пучине. Хоть это и сон, но не знаю, что это сон. Просыпаюсь и только тогда узнаю, что это был сон. Ныне вдруг обретем великое пробуждение, только тогда узнаем, что все, что было до этого, был долгий сон. Когда я еще не родился, откуда мне знать о радости жизни? Ныне же, пока я не умер, откуда мне знать, что смерть не радостна? [5]

Некогда Гунню Ай [6] помешался и в течение семи дней представлялся себе тигром. Его старший брат приоткрыл дверь, чтобы взглянуть на него. Тигр схватил его и убил. Кожа Гунню Ая приобрела раскраску зверя, ногти и зубы превратились в клыки и когти. Воля изменяется вместе с сердцем, разум изменяется вместе с формой. Когда он стал тигром, он не знал, что раньше был человеком. Когда он был человеком, он не знал, что станет тигром. Два состояния поочередно сменяют друг друга, противореча одно
21 другому. Каждый находит удовольствие в той форме, в которой пребывает. Нет грани между хитроумием и тупостью, истиной и ложью – кто знает, откуда что вырастает? Вода к зиме сгущается и превращается в лед. Лед в преддверии весны тает и превращается в воду. Вода и лед чередуются, словно бегут друг за другом по кругу. Досуг ли им знать, радоваться этой своей форме или печалиться!

Когда тело испытывает страдания от холода или жары, засухи или сырости – оно изнуряется, в то время как дух крепнет. Когда же дух устает от радости или гнева, раз-

мышлений и раздумий, то он истощается, а тело полно сил. Поэтому шкура старой кобылы похожа на высохшее дерево, а шкура молодой собаки – гладка и блестяща. Потому же душа преждевременно умершего беспокойна, а дух исчерпавшего свой жизненный срок спокоен. Отсюда следует, что тело и дух исчезают не вместе.

Мудрый человек живет, следуя своему сердцу, опираясь на свою природу, полагаясь на дух, при том что каждое из них поддерживает другое. Поэтому он спит без сновидений, а просыпается без печали.

В начальные времена люди обитали в центре струящейся тьмы. Их дух и эфир не изливались вовне. Тьма вещей спокойно и безмолвно пребывала в безмятежном покое. Эфир комет и звезд Большой Медведицы далеко рассеивался и не мог причинить вреда[7]. В те времена люди были похожи на безумных – не знали, где восток, где запад; набивали рот и гуляли, похлопывали себя по животу и развлекались. Они были одеты небесной гармонией, сыты благом земли. Не утверждали первенства истины или лжи с помощью хитросплетений. Широко-обширное, глубоко-глубокое, это и называется Великим правлением. Тогда те, кто стоял наверху, распоряжались слугами, не истощая их природных свойств; умиротворяли и владели, не изгоняя их блага, и потому никто не проповедовал «милосердия» и «долга», а тьма вещей пышно взрастала. Награды и наказания не применялись, а Поднебесная была покорна. Их искусство можно превозносить как Великое прекрасное, но трудно его рассчитать: расчет, исходящий из одного дня, недостаточен, а на год – чреват излишками. Поэтому рыбы забывают друг о друге в реках и озерах, а люди забывают друг о друге в искусстве *дао*.

В древние времена естественный человек имел опорой небо и землю, свободно плыл в пространстве между ними – в объятиях блага, согретый гармонией, а тьма вещей сама собой созревала. Кто согласился бы тогда распутывать ин- 22
триги человеческих дел и тревожить свою природу и судьбу вещами?

Дао имеет основу и утóк, ветви и завязи. Овладевший искусством Единого связывает в одно тысячи веток, тьму листьев. Благородный, владея этим искусством, рассылает приказы; худородный – забывает о низком своем положении; бедняк – находит удовольствие в труде, а попавший в опасность – освобождается от нее. Так, когда приходят большие холода, выпадает иней и снег, только тогда и оцениваем зелень сосны и кипариса. Только преодолевая трудности, ступая по опасности, оказавшись перед лицом пользы и вреда, узнаем, что мудрец не утратил *дао*. Поэтому он может нести на голове Великий круг, ступать по Великому квадрату; глядя в зеркало Высшей чистоты, ви-

деть Великий свет; утвердясь в Высшем равновесии, вступать в Великий храм [8]; способен бродить в темном мраке, светить одним светом с солнцем и луной.

Если взять *дао* в качестве уды, благо – в качестве лески, «обряд» и «музыку» – в качестве крючка, «милосердие» и «долг» [9] – в качестве наживы и закинуть в реку, запустить в море, то кто же из кишащей тьмы вещей ее не схватит? Иные отдаются искусству стоять на цыпочках и подпрыгивать [10], держатся границ человеческих дел, примериваются и приспосабливаются к обычаям века, ощупью ищут связующие нити [11] – создают видимость свободы воли, полноты желаний. Насколько же свободен тот, кто хранит драгоценное *дао,* забывает о желчи и печени, уходит от свидетельств глаз и ушей, один плывет за границами безграничного, не смешивается с вещами в одно месиво, в центре переходит в область бесформенного и сливается в гармонии с небом и землей! Такой человек запирает слух и зрение и хранит свою высшую чистоту. Он смотрит на выгоду и вред как на пыль и грязь, на смерть и на жизнь – как на день и ночь. Поэтому когда взору его предстает нефритовая колесница, скипетр из слоновой кости, а уши внимают мелодиям «Белый снег» и «Чистый рог» [12], то это не может взволновать его духа. Когда он, поднявшись в ущелье на высоту тысячи *жэней,* приближается к краю, где даже у обезьян темнеет в глазах, то и этого недостаточно, чтобы возмутить его покой. Это как чжуншаньская [13] яшма, которую жгут в жаровне три дня и три ночи, а она не теряет своего блеска. Это высшее благо, кристальная ясность неба и земли. Если жизнь недостойна того, чтобы служить ей, то разве выгода достойнее, чтобы из-за нее нарушать покой? Если смерть его не останавливает, то разве вред испугает? Ясно видя различие между жизнью и смертью,
23 проникнув в сущность превращений выгоды и вреда, он не дрогнул бы и тогда, когда бы всю огромную Поднебесную менял на волосок с собственной голени [14].

Высокий род или худой для него все равно что пыль, гонимая северо-восточным ветром, хула и хвала для него подобны пролетевшему комару. Он овладевает снежной белизной и не бывает черным; поступки его кристально чисты и не имеют примеси; он обитает в сокровенной тьме, а не темен, отдыхает в природном горниле и не переплавляется [15]. Горные теснины Мэнмэнь и Чжунлун [16] ему не препятствие. Только воплотивший *дао* способен не разрушаться. Его не остановят ни быстрины, ни омуты, ни глубина Люйляна [17]. Он преодолеет и Великий хребет, и Горные потоки, и опасности ущелья Летающей Лисицы, Гоувана [18]. А тот, кто живет на реках и морях, а духом бро-

дит под высокими царскими вратами [19], тот не владеет источником Единого. Где ему достигнуть подобного!

Поэтому тот, кто поселяется с совершенным человеком, заставляет семью забыть о бедности, заставляет *ванов* и *гунов* пренебрегать своим богатством и знатностью, а находить удовольствие в безродности и бедности; храбреца – ослабить свой пыл, алчного – освободиться от своих страстей. Он сидя – не поучает, стоя – не рассуждает. Пустой, а приходящие к нему уходят наполненными. Не говорит, а напаивает людей гармонией. Ведь совершенное *дао* не действует. То дракон, то змея [20]. Наполняется, сокращается, свертывается, распрямляется. Вместе с текущим временем преображается. Внешне следует обычаям века, внутренне хранит свою природу. Глаза и уши не ослеплены блеском вещей, думы и мысли не охвачены суетой. Совершенный человек поселяет свой разум в высокой башне, чтобы бродить в Высшей чистоте. Он вызывает к жизни тьму вещей, масса прекрасного пускает ростки. Когда к духу применяется деяние, он уходит. Когда его оставляют в покое – он остается. *Дао* выходит из одного источника, проходит девять врат, расходится по шести дорогам [21], устанавливается в не имеющем границ пространстве. Оно безмолвно благодаря пустоте и небытию. Если не применять деяния к вещам, то вещи применят деяние к тебе. По- 24
этому те, кто занимаются делами и следуют *дао,* не есть деятели *дао,* а есть распространители *дао* [22].

То, что покрывается небом, что поддерживается землей, обнимается шестью сторонами света, что живет дыханием *инь* и *ян,* что увлажняется дождем и росой, что опирается на *дао* и *дэ,* – все это рождено от одного отца и одной матери, вскормлено одной гармонией. Гороховое дерево и вяз, померанцы и пумело, исходя из этого единства, – братья; Юмяо и Саньвэй [23], исходя из этого подобия, – одна семья. Глаза следят за полетом лебедей, ухо внимает звукам *циня* и *сэ,* а сердце бродит в Яньмэнь. Внутри одного тела дух способен разделяться и разлучаться. А в пределах шести сторон только поднимется – и уже оказывается в десятках тысяч *ли* отсюда. Поэтому если смотреть исходя из различий, то все различно, как желчь и печень, как *ху* и *юэ* [24]. Если исходить из подобия, то вся тьма вещей обитает в одной клети. Сотни школ толкуют разное, у каждой свой исток. Так, учения об управлении Мо Ди и Ян Чжу, Шэнь Бухая и Шан Яна [25] подобны недостающей дуге в верхе экипажа, недостающей спице в колесе. Есть они – значит, все на месте, нет – это ничему не вредит. Они полагают, что единственные овладели искусством управления, не проникая в суть неба и земли. Ныне плавильщик выплавляет сосуд. Металл бурлит в печи, переливается через край и разливается. В земле застывает и приоб-

ретает форму вещей. Эти вещи тоже кое на что сгодятся, но их не надо беречь как чжоуские девять треножников [26]. Тем более это относится к вещам правильной формы! [27] Слишком далеки они от *дао.*

Ныне тут и там вздымаются стволы тьмы вещей; корни и листья, ветви и отростки сотен дел – все они имеют одно корневище, а ветвей – десятки тысяч. Если так, то есть нечто принимающее, но не отдающее. Принимающее само не отдает, но все принимает. Это похоже на то, как собирающиеся дождевые облака, сгущаясь, свиваются в клубы и проливаются дождем, увлажняется тьма вещей, которая, однако, сама не может намочить облака![28]

Ныне добрый стрелок вымеряет угол с помощью мишени, искусный плотник измеряет циркулем и угольником – они овладевают своим искусством, чтобы проникнуть в сокровенное вещей. Но Си Чжун не может стать Фэн Мэном, Цзаофу не может стать Бо Лэ [29]. О всех них можно сказать, что они постигли лишь один поворот, но не достигли границ тысячестороннего.

Ныне с помощью квасцов красят в черный цвет, значит, черное – в квасцах; с помощью индиго красят в синее, значит, синее – в индиго. Но квасцы – не черные, а синее – не индиго. То есть хотя и встретили мать явления, но не можем снова возвратиться к основе. Почему? Потому что слишком слабы, чтобы постигнуть этот круговорот. Где уж нам постигнуть превращения там, где нет еще ни квасцов, ни индиго! Творимые там превращения вырезай хоть на металле или на камне, пиши на бамбуке или на шелке – разве можно их перечесть! Отсюда – вещи не могут не рождаться в бытии. Малое и большое плывет в свободном странствии. Кончик осенней паутинки проскальзывает в не имеющее промежутка и возвращается, превращаясь в огромное; тростниковая пленка проходит в безграничное и снова возвращается в Великую толщу [30]. Не обладающее и тонкостью осенней паутинки, толщиной даже тростниковой пленки [31] распространяется на четыре стороны беспредельно, проходит в не имеющее границ. Никому не подвластное, никем не сдерживаемое, оно умножает малое, утолщает тонкое, то поднимет, то опустит тьму вещей, играючи творит изменения. Кто в пространстве между небом и землей может рассуждать о нем?

Буйный ветер выворачивает деревья, но не может вырвать волоска с головы. Падающий с башни заоблачной высоты ломает кости, разбивает голову, а комары и мухи спокойно опускаются паря. Если уж всякая летающая малость, берущая форму из одной с нами клети, седлающая небесную пружину вместе с червями и насекомыми, способна освобождаться от своей природы, то что уж гово-

рить о том, что никогда не принадлежало к видам! Отсюда ясно, что бесформенное рождает имеющее форму.

Поэтому мудрец помещает свой разум в обитель души *(линфу)* и возвращается к началу вещей. Всматривается в темный мрак, вслушивается в беззвучное. Внутри темного мрака он один видит свет, в нерушимом безмолвии один получает отклик. Его использование подобно неиспользованию. Его неиспользование оказывается затем полезным. Его знание – 26
это незнание. Его незнание затем оборачивается знанием.

Если бы небо было не устойчиво, солнцу и луне не на чем было бы удерживаться. Если бы земля была не устойчива, то травам и деревьям не на чем было бы расти. Если то, на чем стоит тело, не спокойно, то нет возможности судить об истине и лжи Появляется естественный человек, и следом за ним появляются естественные знания. То, на что он опирается, мне не ясно. И откуда мне знать, что то, что я называю знанием, не есть незнание?

Ныне распространять милости, умножать щедроты, громоздить любовь, удваивать благодеяния, греть блеском славы, покровительствовать тьме народа, сотне семейств, побуждать людей получать наслаждение от своей природы через радость познания – это милосердие.

Совершить большой подвиг, добыть славное имя, установить правила взаимоотношений господ и слуг [32], определить положение высших и низших, обозначить разделение на родных и чужих, разделить по рангам благородных и худородных, сохранить гибнущее государство, продолжить прерывающийся род, пресечь беспорядки, устранить неустройства, возродить затухающий род, поддержать не имеющих потомства – это долг и справедливость.

Закрыть девять отверстий, хранить внутри сердце и волю, отказаться от зрения и слуха, вернуться к незнанию, свободно парить за пределами пыльного мира и странствовать в области, не знающей никаких деяний, держать во рту *инь*, выплевывать *ян*, и чтобы все сущее при этом находилось в гармоническом согласии, – это благо.

Вот почему, когда *дао* рассеивается, появляется Благо. Оно переливается через край, и образуются милосердие и долг-справедливость. Милосердие и долг-справедливость устанавливаются – и *дао* и *дэ* разрушаются.

Дерево в сто обхватов срубают и делают из него жертвенную чашу. Обрабатывают резцом, расписывают зеленым и желтым, украшают золотом, извилистыми расписными узорами с драконами и змеями, тиграми и барсами. А щепки от дерева лежат в канаве От жертвенной чаши они так же далеки, как прекрасное от безобразного, однако и чаша и щепки в равной степени утратили природу дерева[33]. Тот, у кого разум преступает меру, говорит

цветисто, у кого благо выходит из берегов – поступает лицемерно. Совершенное *цзин*[34] погибает внутри, а обнаруживается это в речах и поступках. И тут неизбежно тело становится рабом вещей.

Тот, чьи поступки неискренни, заставляет свои частицы *цзин* устремляться вовне. Но частицам *цзин* есть конец, а поступки не имеют предела, и потому волнуется сердце, замутняется разум, корень приходит в смятение. Когда потеряло устойчивость то, что этот корень хранит, то вовне он вслед за общим мнением судит о проступках, а внутри из-за этого замутняет свой чистый разум. В таком случае развлечениям нет конца и нет ни мгновения чистого покоя Поэтому мудрец внутри совершенствует искусство владения *дао*[35] и не украшает внешнего милосердием и долгомсправедливостью Не знает, что сообщают ему глаза и уши,
27 а странствует в гармонии духа. Подобные ему внизу проникают до трех источников[36], вверху исследуют девять небес, по горизонтали пересекают шесть пределов, сквозь пальцы пропускают тьму вещей. Это странствие мудреца.

Подобный же естественному человеку плывет в совершенной пустоте и странствует в краю гибели. Верхом на *фэйлянь,* в сопровождении *дуньу*[37]. Мчится за пределами стран света, отдыхает в космическом пространстве. Возжигает десять солнц[38] и распоряжается ветром и дождем. Бог грома Лэй-гун у него в советниках, в слугах – Куафу, в наложницах – Мифэй, в женах – Небесная Ткачиха[39]. Между небом и землей что может остановить его волю?! Ведь пустота и небытие – жилище *дао,* равновесие и покой – основа *дао.* А люди насилуют свой разум, беспокоят свое *цзин,* мечутся и доискиваются во внешнем. Все это означает утрату божественного разума и потерю своего истинного обиталища. Так, намерзшийся носит двойную одежду и весной, а настрадавшийся от жары мечтает о прохладных ветрах и осенью. Болезнь внутренняя непременно отразится во внешнем. Так, ясень имеет цвет зеленого бельма, а улиткой вылечивают пучеглазие. Оба эти лекарства от болезни глаз. Тот же, кто без надобности будет их употреблять, непременно погасит зрение.

Средства, с помощью которых мудрецы держат в страхе Поднебесную, естественный человек никогда не употребит, а мудрецы никогда и не взглянут на то, благодаря чему достойные возвышаются над своим веком[40]. Так, в ямке от копыта быка, заполнившейся водой, нет места для карпа даже в один *чи* длиной. А на земляном холме нет и одного *чжана* строевого леса. В чем причина этого? В обоих случаях пространство слишком мало и не может вместить большого Что уж говорить о не имеющем сердцевины! Его превосходство перед всем более явственно, чем различие между глубокой пучиной и высокой горой. Форма того, кто связан

мнением века, оказывается в путах, а разум его попусту растрачивается, и не избежать при этом опустошения. Участь нести эти путы конечно же определена извне.

Люди в век совершенного блага сладко смеживали очи в краю, где нет границ, переходили в безбрежное пространство. Отодвигали небо и землю, отбрасывали тьму вещей, первоначальный хаос брали в качестве гномона и, взмывая, плыли в границах безбрежного. Мудрец вдыхал и выдыхал эфир *инь-ян,* а вся масса живого, ласково взирая 28
на его благо, следовала ему в согласии. В те времена никто ничем не руководил, ничего не решал, в скрытом уединении все само собой формировалось.

Глубокое-глубокое, полное-полное. Первозданная чистота и простота еще не рассеялись. Необъятная эта ширина составляла одно, а тьма вещей пребывала в ней в великом согласии. Тогда хоть и обладали знанием Охотника, его негде было применять

Затем был век упадка. Наступило время Фуси. Его *дао* было полно и обширно. Впитывали благо, держали за пазухой гармонию. Окутывали милостью, распространяли свет. Тогда-то и появилось знание. Забрезжил свет, занялась заря, и все возжелали проститься со своим отроческим сердцем и, пробудившись, устремили взор в пространство между небом и землей. От этого их благо взволновалось и утратило единство.

Затем наступили времена Священного земледельца и Желтого предка [41]. Они рассекли великий корень, разделили небо и землю, расслоили девять пустот, навалили девять земель, выделили *инь-ян,* примирили твердь и мякоть. Ветви простерлись, листья нанизались, и тьма вещей разбилась на сто родов, каждое получило свою основу и свой уток, свой порядок и свое место. И тогда народ, раскрыв глаза и навострив уши, замерев от напряжения, вооружился слухом и зрением. Так был наведен порядок, но не стало гармонии.

А потом дошли до сяского Кунь У [42]. Страсти и вожделения привязали людей к вещам, способность к разумению обратила их вовне, и в результате природа и судьба утратили то, чем владели.

Когда же дошло до времен упадка дома Чжоу [43], истощили первозданную полноту, рассеяли безыскусственную простоту, смешали *дао* с ложью, обкорнали благо поступками, хитрость и интриги пустили повсюду ростки. Дом Чжоу одряхлел, и путь царей пришел в негодность. Вот тут-то конфуцианцы и монеты стали разбирать, что есть *дао,* и рассуждать, разделились на последователей и принялись за споры. Тогда широкую ученость употребляли на то, чтобы ставить под сомнение мудрость, цветистую клевету – на то, чтобы привлечь побольше сторонников. Му-

зыкой и пением, барабанами и танцами, оторочкой на одежде, «Песнями» и «Преданиями» [44] покупали славу и известность в Поднебесной. Расплодили обряды возвышающие и принижающие; нарядились в платья с поясами и шапки [45]. Целые толпы людей не были в состоянии исполнить их выдумки, целых состояний мало, чтобы обеспечить их траты. Тогда тьма народа потеряла разумение, обрядилась в украшенные изображением линя-единорога шапки, устремилась за выгодой, возымела самомнение. Каждый захотел пустить в ход свои знания и притворство, чтобы получить от своего века и «сверло» и «долото», заполучить имя и выгоду. И тогда простой народ бесконечной чередой покатился со склона порока и утратил корень своего великого единства. Таким образом, природа и судьба погибали постепенно, и началось это давно. Поэтому учение мудрецов основано на стремлении вернуть свою природу к изначалу и странствовать сердцем в пустоте. Учение постигшего истину основано на стремлении путем проникновения в природу вещей выйти в свободное пространство и очнуться в нерушимой тишине. Но не таково учение грубого мира. Выкорчевали благо, стиснули природу вещей, внутри изнуряют пять органов, вовне утруждают глаза и уши. Тогда и начинают теребить и будоражить тончайшее в вещах. И тут свободно гуляют и плещутся на ветру милосердие и долг (справедливость), обряды и музыка. Разнузданным поведением, чрезмерным многознанием наполнили Поднебесную, и все это для того, чтобы стяжать себе славу и имя среди современников Это то, чего я стыжусь и не делаю! Потому уж лучше наслаждаться, чем обладать Поднебесной; а чем наслаждаться – лучше бродить у начала и конца вещей и постигать границы бытия и небытия. Поэтому если весь мир прославляет, это не прибавит мне воодушевления; если весь мир порицает, это не остановит меня

29

Дух того, кто твердо стоит на границе жизни и смерти, кто проник в закон славы и позора, случись в Поднебесной даже страшная засуха или потоп, ни на йоту не пострадает. Такие смотрят на Поднебесную как на пространство, где можно расправить крылья, плыть маленькой травинкой Кто же станет беспокоиться о том, как вещи обратить в дела? Вода по природе совершенно чиста, но земля замутняет ее; человек по природе спокоен и безмятежен, но страсти волнуют его. То, чем природа воздействует на человека, – это звуки и цвет, различаемые через уши и глаза, аромат и зловоние, различаемые через рот и нос; холод и жара, различаемые через кожу. Эти ощущения едины и у того, кто постиг божественный разум, и у того, кто не избежал помешательства. Отчего так? Оттого что то, что ими управляет, – различно. Дух – это пучина ума [46]. Когда пу-

чина чиста, то ум ясен. Ум – это кладовая сердца Ум справедлив – тогда и сердце ровно Нельзя видеть своего отражения в текучей воде, а только в стоячей. Это происходит благодаря ее покою. Нельзя видеть отражения предмета в природном железе, а можно видеть в чистом зеркале [47] Это происходит благодаря его ровности Только ровное и спокойное отражает природу вещи Отсюда использование непременно заимствует из неиспользования [48]. Потому «в пустом жилище рождается свет, счастье здесь задерживается» [49]. Зеркальная ясность не может быть замарана пылью, чистота духа не может быть возмущена страстями Если дух уже устремился вовне, желать вернуть его обратно – значит потерять в корне, а искать на верхушке. Не стремиться к единству внешнего и внутреннего, а увлекаться вещами; притушить свой изначальный свет и искать знаний с помощью глаз и ушей – это значит отказаться от яркого света и дать дорогу темному мраку. Это означает утратить *дао*. Сердце достигает предела, а разум тяжело вздыхает внутри. Вернуть его в пустоту и раствориться в ней и исчезнуть – странствие мудреца. Поэтому в древности, упорядочивая Поднебесную, непременно постигали свойства вещей, определяемые их природой и судьбой. Действия древних не обязательно были одинаковы – они были едины в своем согласии с *дао*. Ведь летом не носят меховой одежды не потому, что не любят ее, а потому, что и так в теле излишек жара; зимой не пользуются опахалом не потому, что пренебрегают им, а потому, что вокруг и так излишек прохлады. Мудрец ест, соразмеряясь с желудком, одевается, соразмеряясь с телом, сдерживает себя – откуда быть у него алчности!

Поэтому те, кто достоин владеть Поднебесной, достигают этого не с помощью Поднебесной, кто достоин обладать славой и именем, добивается этого не с помощью активной деятельности. Мудрец стремится к постижению, а постигнув, оставляет мысли о страстях.

Ученики Куна и Мо проповедуют миру искусство милосердия и долга (справедливости). Но тем не менее не избежали того, чтобы превратиться в неподвижную куклу. Что уж говорить об их учении! Потому что их *дао* было внешним. С помощью верхушки хотеть вернуться к корню – этого не смог бы достичь и Сюй Ю. Что уж говорить о простых людях!

Когда действительно постигают свойства вещей, определяемые их природой и судьбой, тогда милосердие и долг всегда при тебе. Разве может взволновать сердце забота о выгоде? Когда разум ничего не покрывает, а сердце ничем не обременено – проникают во все ответвления. В безмятежном покое и бездействии, не имея внутри себя ничего сгущенного, пустой и покойный стоит перед все-

ми. Власть и выгода его не прельстят, красноречие не увлечет, музыка и краски не совратят, красавицы не соблазнят, умный не поколеблет, храбрец не испугает. Это *дао*
31 Подобные ему формуют вещи и вместе с творящим изменения создают людей.

В пространстве меж небом и землей, в самом космосе ничто не может ему препятствовать «Изменяющий жизнь не умирает, а изменяющий вещи не изменяется» [50]. Разум проходит сквозь горы Лишань и Великий хребет и не встречает препятствий, входит в четыре моря и девять рек и не намокает [51]. Помещенный в малое и узкое, не заполняет его. Развернутый на все пространство между небом и землей, не оставит и маленькой пустоты.

Не постигший этого, пусть глазами способен пересчитать тысячеголовое стадо баранов, ушами распознать гармонию восьми ветров, ногами вытанцевать танец Ян А, жестами передать стремительность мелодии «Зеленая вода», умом охватить небо и землю, ясностью осветить солнце и луну, искусством дипломатии решить загадку ожерелья [52], сделать светящимся нефрит – все это бесполезно для управления Поднебесной. То, что пестует природу вещей, – это тишина и покой, безмятежность и беззаботность; то, что пестует благо, – это гармония и радость, пустота и небытие. Внешнее не волнует внутреннего, и тогда природа вещи обретает себе соответствующее. Когда природа вещи не нарушает гармонии, то благо мирно пребывает в своем месте.

Кто проживает годы, пестуя жизнь, храня благо, – тех можно назвать способными воплотить *дао*. У таких кровь не сгущается в жилах, пять внутренних органов не переполняются эфиром, счастье и беда не могут возмутить их покоя, хвала и хула не могут замарать их. Они могли бы достичь своего предела, да время их не пришло, а через это уже не переступить! Если даже такой человек не может освободиться от бремени своего тела, коли не встретил своего часа, то что уж говорить о тех, кто не владеет *дао*!

Человеческие ощущения – это когда глаза и уши откликаются на воздействие; когда сердце и воля знают, что такое печаль и радость; когда руки и ноги давят ядовитое насекомое; когда тело умеет спастись от жары и холода. С помощью ощущений осуществляется контакт с вещами. Пчела или оса ужалит в палец – и разум уже поколеблен; комар или овод прокусит кожу – и разум выведен из равновесия. Печали и несчастья приходят и гнетут человеческое сердце; если не пчела или оса укусит, то комар или овод причинит боль – как тут достичь тишины и покоя, пустоты и небытия! В то время как глаз видит кончик осенней паутинки, ухо не слышит раскатов грома; когда ухо прислушивается к звуча-

нию нефритового *цина*[53], глаз не видит и горы Тайшань. Когда воля устремлена на малое, тогда забываем о большом. Ныне вещи приходят, чтобы будоражить и теребить мою природу, дергать и бередить мои чувства. Это подобно источнику, который хотя стремится к тому, чтобы не принимать, а принимает.

Ныне сажающий дерево поливает его обильно водой, выбирает жирную почву. Один человек растит, а десять 32
выдирают – так при этом конечно же не останется и ростка. Что уж говорить о том, когда целым государством идут на тебя. Хоть и стремишься продлить жизнь, но разве достичь этого?

Вот во дворе стоит сосуд с водой. Вглядывайся в его прозрачность хоть целый день, но не разглядишь ведь бровей и ресниц, а взбаламутишь воду одним только движеньем – не отличишь уже квадратного от круглого. Человеческий разум легко замутняется и с трудом очищается, наподобие воды в тазу. А если целый мир баламутит и будоражит его, то где уж обрести мгновенье равновесия! В древности, во времена совершенного блага, купцы находили покой в своих рядах, земледельцы обретали радость в своем хозяйстве, чиновники получали удовлетворение от своей службы, а ученые мужи в уединении совершенствовали *дао*. В те времена ветер и дождь ничего не губили и не ломали, травы и деревья не гибли преждевременно, девять треножников сохраняли тяжесть, жемчуг и нефрит сохраняли блеск[54]. Река Ло выбросила Красные письмена, а Хуанхэ вынесла Зеленую карту, тогда и обрели свой путь Сюй Ю, Фан Хуй, Шань Цзюань, Пии[55]. Властителями завладело желание принести пользу Поднебесной, и потому людям доставляло удовольствие быть среди них. И хотя таланты этих четырех мужей еще не предел прекрасного и доброго, однако в нынешнем веке никто не может светить одним с ними светом. А им нужно было родиться во времена танского Яо и юйского Шуня. Когда же наступили времена сяского Цзе и иньского Чжоу, тогда живьем жарили людей; наказывая советников, подвергали их пыткам у раскаленного столба[56]. Вскрывали сердце достойным, рассекали голень талантливым. Разрубили на куски дочь гуйского *хоу,* засолили кости мэйского *бо*[57]. В те времена гора Яо обрушилась, три реки [58] обмелели, птицам ломали крылья, зверям рубили лапы. Разве в те времена не было мудрых людей? Они были, но некому было воспринять их учение – время не наступило. Потому птицы взлетали на высоту в тысячу *жэней,* звери убегали в глубину чащ, но несчастье настигало их и там. Что уж говорить о бедных хижинах простого народа.

Отсюда видно, что воплощение *дао* зависит не только
33 от меня, но связано и со временем. Так, столица Лияна [59] за один вечер превратилась в озеро. Мужественных и сильных, мудрых и знающих, равно как малодушных и непочтительных, – всех постигла одна судьба На горе Шаманок послушны ветру и покорны огню как дерево *гаося* и гриб *цзычжи,* так и чернобыльник и полынь [60] – все погибают вместе Речным рыбам не дано ясно видеть, а поздно высеянным семенам не дано дожить до созревания. Это зависит от их прирожденных свойств Поэтому если в мире царит порядок, то глупцы не могут внести смуты, если мир охвачен смутой, то умникам не навести порядка. Втоптать тело внутрь грязного мира и обвинять *дао* в бездействии – это все равно что стреножить скакуна и ждать, что он пробежит тысячу *ли.* Посади обезьяну в клетку – она станет подобна поросенку не потому, что утратила ловкость, а потому, что нет простора ее способностям. Шунь пахал землю и обжигал горшки и не мог принести пользы даже своему селению Обратился лицом к югу [61], стал ваном – и распространил доблесть на пространство меж четырех морей. Милосердия не прибавилось, но подходящее место сделало его способности полезными.

Гармония и радость, покой и тишина составляли природу древних мудрецов. Их воля проявляла себя в поступках, согласных с *дао* И в этом обнаруживалась их судьба. Таким образом, природа вещей встречает свою судьбу и только затем начинает проявляться Судьба обретает природу вещей и только затем обозначается. Будь то Вороний лук или самострел Сицзы [62], но из них не выстрелишь, если нет тетивы. Будь то маленькая лодка из Юэ или большая ладья из Шу [63] – но если нет воды, они ведь не поплывут. Ныне привязная стрела летит вверх. сеть развертывается внизу, тут хоть и стремишься к парению, но где же для этого возможности? Поэтому в песне говорится:

Собираю, собираю мышиные ушки
Не наполнила корзину – опрокинула
Вздохнула о моем любимом
Отставила корзину на дорогу [64]

В этих словах тоска о далеких временах [65].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
НЕБЕСНЫЙ УЗОР

Когда Небо и Земля еще не обрели формы, все струилось и перекатывалось. Назовем это – Великий Свет [1]. В Пустоте и Туманности [2] возникло *Дао*. Пустота и Туманность породили Пространство и Время. Пространство и Время породили *ци* [3]. *Ци* обрело края и границы. Чистое и светлое взметнулось вверх и стало Небом. Тяжелое и мутное сгустилось и стало Землей. Чистое и тонкое соединяется с легкостью, тяжелое и мутное сгущается с трудом. Поэтому Небо сформировалось раньше, а Земля утвердилась позже. Слившиеся вместе частицы *цзин* Неба и Земли образовали *Инь-Ян*. Сгущенные частицы *цзин Инь-Ян* образовали Времена года[4]. Рассеянные частицы *цзин* Времен года образовали тьму вещей. Горячее *ци* от скопления *Ян* породило Огонь, частицы *цзин* огненного *ци* образовали Солнце. Холодное *ци* от скопления *Инь* образовало Воду, частицы *цзин* водного *ци* образовали Луну. Частицы *цзин* от истечения Солнца и Луны образовали Звезды. Небо принимает в себя Солнце, Луну и Звезды, а Земля принимает в себя потоки рек и дождей и земную пыль. 35

Некогда Гунгун – бог Разливов боролся за владычество с Чжуаньсюем [5]. Разгневанный, боднул гору Щербатую [6]. Небесный столб подломился, земные шнуры порвались. Небо накренилось на северо-запад. Поэтому Солнце, Луна и Звезды сместились туда. Земли не хватало на юго-востоке, поэтому потоки рек и земная пыль устремились туда [7].

Путь Неба называю кругом, путь Земли называю квадратом [8]. Квадрат – хозяин Тьмы, круг – хозяин Света [9]. Свет испускает *ци*, поэтому Огонь называется внешней тенью. Тьма поглощает *ци*, поэтому Вода называется внутренней тенью [10]. То, что испускает *ци*, одаряет; то, что поглощает *ци*, преобразует. Поэтому *Ян* одаряет, а *Инь* преобразует [11]. Косые [массы] *ци* Неба в ярости образуют ветер, поглощаемые Землей [массы] *ци*, приходя в гармонию, проливают дождь. *Инь* и *Ян*, сближаясь и противоборствуя, производят гром, возбужденные, разражаются громовым раскатом. Перемешиваясь, образуют влажную дымку. Если побеждает эфир *Ян*, дымка рассеи-

вается, и образуются дождь и роса; если побеждает эфир *Инь*, дымка сгущается, и образуются снег и иней.

Пернатые и покрытые шерстью [12] принадлежат к роду летающих и движущихся по земле, те и другие относятся к
36 *Ян*. Панцирные и чешуйчатые принадлежат к роду погружающихся в спячку и пресмыкающихся, они относятся к *Инь*. Солнце – господин *Ян*, поэтому весной и летом звери линяют, в дни солнцеворота олени сбрасывают рога [13]. Луна произошла от *Инь*, и когда она на ущербе, у рыб сокращается [14] мозг, а когда Луна сходит на нет, моллюски усыхают.

Огонь вздымается вверх, вода течет вниз. Поэтому птицы летят в высоту, а рыбы плывут в глубину. Вещи одного рода воздействуют друг на друга, корень и верхушка откликаются друг другу. Под солнцем *янсуй* возжигает огонь, под луной *фанчжу* [15] выделяет влагу. Когда раздается рык тигра, то приходят ветры из ущелий [16]. Дракон поднимается вверх, и его встречают теневые облака [17]. Когда *цилини* дерутся, то поглощают Солнце и Луну [18]. Кит умирает, и появляется комета. Шелкопряд выпускает нитяную серьгу, и струна *шан* [19] рвется. Падает *фэн* – переменная звезда, и Бохай [20] выходит из берегов. Государево чувство сообщается с Небом [21], поэтому во время казней и разгула насилия часты бури и ураганы. Когда действуют неправые законы и приказы, то растет число вредителей зерновых; когда казнят невиновных, страну постигает засуха; когда не исполняются сезонные повеления [22], страна страдает от избытка дождей.

Четыре времени года – это небесные приказчики, солнце и луна – это небесные гонцы, звезды – это небесные указатели сроков, радуги и кометы – это небесные предостережения.

На небе существует девять полей и девять тысяч девятьсот девяносто девять углов [23]. В пятистах тысячах *ли* от Земли находятся пять планет, восемь ветров, двадцать восемь созвездий, пять ведомств, шесть палат – Фиолетовый дворец, созвездие Великое малое, Сюаньюань, Небесный пруд, Четыре стража, Небесный въезд [24].

Что называем девятью полями? [25]

Центр называется Равновесное небо [26]. Его звезды: Рог, Шея, Основа [27].

Восток называется Темно-голубое [28] небо. Его звезды: Дом, Сердце, Хвост [29].

Северо-восток называется Переменное небо. Его звезды: Корзина, Ковш, Волопас [30].

Север называется Сокровенное небо. Его звезды. Ожи-
37 дающая дева, Пустота, Кровля, Построенный дом [31].

Северо-запад называется Темное небо. Его звезды: Восточная стена, Скипетр, Оковы [32].

Запад называется Сверкающее небо. Его звезды: Желудок, Утиное гнездо, Вилы [33].

Юго-запад называется Красное небо. Его звезды: Морда, Заслуги, Восточный колодец [34].

Юг называется Огненное небо. Его звезды: Колесница чертей, Ива, Семизвездье [35].

Юго-восток называется Светлое небо. Его звезды: Натянутый лук, Крыло, Повозка [36].

Что называется пятью планетами?

Восток – это Дерево [37]. Его предок – Занимающийся Свет [38]. Его помощник – Кривой Росток [39]. Он держит в руках циркуль [40] и управляет весной. Его дух стал Урожайной звездой [41]. Его зверь – Темно-голубой дракон. Его тон – третий [42], его дни – *цзя, и*, первый и второй в десятеричном цикле [43].

Юг – это Огонь. Его предок – Владыка Пламени Яньди. Его помощник – Красный Свет [44]. Он держит в руках весы и управляет летом. Его дух стал Мерцающей звездой Инхо [45]. Его животное – Красная птица [46]. Его тон – четвертый, его дни – *бин, дин*, третий и четвертый.

Центр – это Земля. Его предок – Желтый Предок. Его помощник – Владычествующая над землей [47]. С отвесом в руке управляет четырьмя сторонами света. Его дух стал звездой Чжэнь [48]. Его зверь – Желтый дракон [49]. Его тон – первый. Его дни – *у, цзи*, пятый и шестой.

Запад – это металл. Его предок – Закатный Свет [50]. Его помощник – Собирающий плоды [51]. Держит в руках угольник и управляет осенью. Его дух стал Великой белизной [52]. Его зверь – Белый тигр. Его тон – второй. Его дни – *гэн, синь*, седьмой и восьмой.

Север – это вода. Его предок – Чжуаньсюй. Его помощник – Сокровенная тьма [53]. С гирями в руках управляет зимой. Его дух стал звездой Чэнь [54]. Его зверь – Сюаньу [55]. Его тон – пятый. Его дни – *жэнь, гуй*, девятый и десятый.

Когда Великая тень находится меж четырех центральных знаков, то Урожайная звезда проходит три созвездия по орбите своего движения [56]. Когда Великая тень находится в одном из четырех углов [57], тогда Урожайная звезда за это время проходит две стоянки. 2 x 8=16, 3 x 4=12. За один день Великая тень проходит $^{1}/_{12}$ градуса [58], за год проходит 30 и $^{7}/_{16}$ градуса. За 12 лет совершает полный оборот.

Инхо – Мерцающий огонь обычно в десятую луну входит в область Великое малое. Принимает на себя управление и осуществляет смотр рядов созвездий. Ведает государствами, сбившимися с пути. Производит смуту, разбой, 38
насылает болезни, мор, голод, войны. Появляется и исчезает. Меняет свой цвет, то показывается, то прячется.

Чжэнь-звезда, в начале цикла находясь в знаках *цзяинь*, начинает подъем с созвездия Ковша (Большой Мед-

ведицы) [59]. В год Чжэнь проходит одну стоянку. Если она должна быть здесь, а ее нет, значит, государство потеряет свои земли. Если еще не должна быть, а есть, государство прирастит земли, и будет урожай. Каждый день проходит $^{1}/_{28}$ градуса. Каждый год проходит 13 и $^{5}/_{112}$ градуса. За 28 лет совершает полный оборот.

Тайбо в начале цикла, находясь в знаках *цзя-инь*, в первую луну утром вместе с Инхо – Мерцающим огнем появляется на восточной стороне. Через 240 дней заходит. Через 120 дней появляется вечером на западной стороне. Через 240 дней заходит. Через 35 дней снова появляется на восточной стороне. Восходит в знаках *чэнь* и *сюй*, а заходит в знаках *чоу* и *вэй* [60]. Если не зайдет, когда должен зайти, или не выйдет, когда должен появиться, Поднебесная возьмется за оружие. Если должен взойти, а не появляется или не должен зайти, а заходит, то в Поднебесной спрячут оружие.

Звезда Чэнь упорядочивает четыре времени года. Обычно во вторую луну в день весеннего равноденствия появляется в созвездиях Скипетр и Оковы и видна до конца пятой луны. В пятую луну, в день летнего солнцестояния видна в созвездиях Восточный колодец, Колесница чертей. В восьмую луну в день осеннего равноденствия видна в созвездиях Рог и Шея. В одиннадцатую луну в день зимнего солнцеворота видна в созвездиях Ковш и Волопас. Восходит под знаками *чэнь* и *сюй*, заходит под знаками *чоу* и *вэй*. Восходит и через две декады заходит. По утрам ее можно видеть на восточной стороне, по вечерам – на западной. В какой сезон не появится, быть в том сезоне смуте. Если за все четыре сезона не появится, то быть в Поднебесной великому голоду.

Что называется восемью ветрами? [61]

На 45-й день после зимнего солнцестояния приходят ласковые ветры *тяо* [62].

На 45-й день после прихода ласковых ветров приходят ясные ветры *миншу* [63].

На 45-й день после прихода ветров *миншу* приходят очистительные [64] ветры.

На 45-й день после прихода очистительных ветров приходят теневые [65] ветры.

На 45-й день после прихода теневых ветров приходят прохладные [66] ветры.

На 45-й день после прихода прохладных ветров приходят ветры от Ворот Чанхэ [67].

На 45-й день после прихода ветров от Ворот Чанхэ приходят ветры от горы Щербатой [68].

Через 45 дней после прихода ветров от горы Щербатой приходят пустынные ветры [69].

Когда приходят ласковые ветры [70], то выпускают на волю совершивших легкие преступления и убыстряют суд;

с приходом ветров *миншу* выравнивают границы на полях, приводят в порядок межи; с приходом очистительных ветров достают шелк и отправляют послов к *чжухоу*. Когда приходят теневые ветры, то раздают титулы и награждают; с приходом прохладных ветров благодарят землю за 39
дары, отправляют жертвы в четырех предместьях; когда приходят ветры от Ворот Чанхэ, то убирают музыкальные инструменты с подвесами [71], больше не играют на струнных – *цине* и *сэ*; когда приходят ветры от горы Щербатой, то приводят в порядок дворцовые покои, готовят к зиме городские стены. С приходом пустынных ветров закрывают заставы и мосты, вершат суды и казни.

Что называется пятью ведомствами? Восток ведает земледелием, юг – военными делами, запад – судом, север – общественными земляными работами, центр действует как столица[72].

Что называется шестью палатами? Это секторы *цзы-у**[73], *чоу-вэй*, *инь-шэнь*, *мао-ю*, *чэнь-сюй*, *сы-хай*.

Великое малое – это двор Великого Единого [74], Фиолетовый дворец – это жилище Великого Единого, Сюаньюань – это место отдыха наложниц Владыки. Небесный пруд – это его рыбный заповедник [75], Небесный въезд – врата всех духов. В этих четырех дворцах происходит наблюдение над тем, как награждают и наказывают.

Великое малое управляет Красной птицей. Фиолетовый дворец держит в руках Ковш (Большой Медведицы) и вращается влево. В день передвигается на один градус и так совершает полный оборот по небу. В день зимнего солнцеворота доходит до горы Высокий Волк [76]. Ежедневно перемещаясь на один градус, всего проходит 182 и $^{5}/_{8}$ градуса и в летнее солнцестояние достигает горы Воловья голова [77]. Возвращается и проходит 365 и $^{1}/_{4}$ градуса, что и образует год.

Когда Тяньи – Небесное Единое [78] начинает свой цикл в первую луну, ручка созвездия Ковш указывает на знак *инь*. Солнце и луна вместе входят в Построенный дом на 5 градусов. С этого начинается его 76-летний цикл, после которого солнце и луна снова в первую луну входят в Построенный дом точно на 5 градусов, без долей. Это называется Периодом. Всего – 20 Периодов, 1520 лет составляют Великое завершение. Солнце, луна, звезды и созвездия заново начинают ход. Тяньи начинает с положения *цзя-инь*. В день [79] проходит 1 градус, и за год образуется излишек в $^{1}/_{4}$ градуса, так что за четыре года накапливается 1461 день, и только после этого все снова возвращается в старое положение. Через 80 лет все повторяется. Поэтому и говорится: прямые линии, соединяющие знаки *цзы* и *у**, знаки *мао* и *ю*, называются двумя отвесами [80]. Секторы между знаками *чоу-инь*, *чэнь-сы*, *вэй-шэнь*, *сюй-хай* называются углами.

Северо-восток образует тяж [81] Возвращение благодати. Юго-запад образует тяж Уходящий баран [82]. Юго-восток образует тяж Упершийся баран. Северо-запад образует тяж Поднятое копыто.

40 В день зимнего солнцестояния ручка Ковша указывает на север, находясь прямо в центре отвесов [83]. Эфир *инь* находится в пределе [84], эфир *ян* – в зародыше. Поэтому и говорится, что день зимнего солнцестояния – это Благодать [85].

В день летнего солнцестояния ручка Ковша направлена к югу и находится в центре тяжей. Эфир *ян* находится в пределе, эфир *инь* – в зародыше. Поэтому и говорится, что летнее солнцестояние – это Гибель [86]. Когда эфир *инь* в пределе, то на севере он распространяется до Северного полюса [87], вниз проникает до Желтых источников [88]. Поэтому нельзя буравить землю, рыть колодцы. Все сущее хоронится, впадающая в зимнюю спячку живность обращается головой к норам. Поэтому и говорится: Благодать – в доме [89].

Когда эфир *ян* находится в пределе, то на юг распространяется до Южного полюса [90]. Вверх вздымается до Красного неба. Поэтому нельзя срывать холмы, подниматься на крышу. Тьма вещей начинает просыпаться, пять хлебов [91] оживают. Поэтому и говорится: Благодать – в поле.

Наступает день зимнего солнцестояния, и воды сопровождают его. Наступает день летнего солнцестояния, и огонь сопровождает его. Поэтому в пятую луну огонь главенствует, а вода лишь сочится. В одиннадцатую луну вода главенствует, и эфир *инь* побеждает. Эфир *ян* образует огонь, эфир *инь* образует воду. Когда вода побеждает, то в день летнего солнцестояния бывает сыро. Когда огонь побеждает, то в день зимнего солнцестояния бывает сухо. Если сухо, то пепел легкий; если сыро, то пепел тяжелый [92].

В день зимнего солнцестояния колодцы полны водой, вода в плошках переливается через край. Бараны линяют, олени сбрасывают рога, сороки начинают гнездиться. Шест в 8 *чи* длиной [93] в полдень отбрасывает тень в 1 *чжан* и 3 *чи*. В день летнего солнцестояния нефрит начинает блестеть [94], и камни проявляют свой цвет. Раздается звон цикад, и появляется трава «середина лета» [95]. Комары и слепни не жалят жеребят и телят, хищные птицы не хватают желторотых птенцов. Тень от шеста в 8 *чи* равняется 1 *чи* и 5 *цуней*. Когда тень удлиняется, это означает, что побеждает эфир *инь*. Когда тень укорачивается, побеждает эфир *ян*. Когда побеждает эфир *инь*, возникают наводнения; когда побеждает *ян*, наступает засуха.

Инь и *Ян* в положении Благодати и Гибели занимают семь стоянок. Что называется семью стоянками? Дом, При-

емный зал, Двор, Ворота, Переулок, Улица, Поле – так называются семь стоянок [96].

В двенадцатую луну Благодать проводит в доме 30 дней – 15 дней перед днем зимнего солнцестояния и 15 дней после зимнего солнцестояния, а затем переселяется. В каждом месте живет по 30 дней. Пока Благодать живет в Доме, Гибель находится в Поле; Благодать – в Приемном зале, Гибель – на Улице; Благодать – во Дворе, Гибель – в Переулке. Когда *Инь* и *Ян* взаимно одаряют друг друга, то Гибель и Благодать затворяют ворота [97]. В восьмую луну и во вторую луну эфир *инь* и эфир *ян* уравновешены, день и ночь делятся поровну. Это и называется: Гибель и Благодать затворили двери. Когда Благодать движется на юг – это жизнь. Когда Гибель движется на юг – это убиение. Поэтому и говорится: когда во вторую луну происходит встреча, то рождается тьма вещей. Когда в восьмую луну происходит встреча, то травы и деревья умирают.

Промежуток между двумя тяжами составляет 91 и $^{5}/_{16}$ градуса [98]. В день [Благодать и Гибель] проходят 1 градус. За 15 дней образуют 1 отрезок, и каждый из отрезков об- 41
разует одну из 24 временных перемен [99].

Когда ручка Ковша указывает на знак *цзы* [100], то наступает «зимнее солнцестояние». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «желтый колокол» [101].

Через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *гуй* – это «малые холода». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «откликающийся колокол».

Через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *чоу* – это «великие холода». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «отсутствие пресыщения» [102].

Еще через 15 дней указывает на тяж Возвращение благодати, и эфир *инь* рассеивается на земле. Поэтому и говорят, что на 46-й день после зимнего солнцестояния – «становление весны». Эфир *ян* растаивает лед. Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «южное путешествие».

Еще через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *инь*, наступает период под названием «дожди и потоки». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «распоряжения об убиении» [103].

Еще через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *цзя*, и гром «пробуждает тех, кто в спячке». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «лесной колокол».

Еще через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *мао*, прямо в точке пересечения отвесов: наступает «весеннее равноденствие», и начинаются громы. Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «гость в поклоне».

Еще через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *и*. «Приходят очистительные ветры». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «середина путешествия».

Еще через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *чэнь*. Это – период «хлебный дождь». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «купание девушек».

Через 15 дней ручка Ковша указывает на тяж Упершийся баран, и весеннее разделение сезонов кончается. Поэтому говорится: через 45 дней устанавливается лето. Прекращаются Великие ветры [104]. Музыкальные звуки настраиваются на тон «стиснутый колокол».

Еще через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *сы*, и наступает период «малое изобилие». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «великое скопление».

Еще через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *бин*, и наступает период «остистый колос». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «большое путешествие».

Через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *у**. В это время эфир *ян* оказывается в пределе. Поэтому и говорится: на 46-й день наступает «летнее солнцестояние». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «желтый колокол» [105].

Через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *дин*, и наступает период «малая жара». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «большое путешествие».

Через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *вэй*. Это период «большая жара». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «великое скопление».

Через 15 дней ручка Ковша указывает на тяж Уходящий баран [106]. На этом деление лета кончается. Поэтому и говорят: на 46-й день «становится осень». Приходят прохладные ветры. Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «стиснутый колокол».

Еще через 15 дней ручка Ковша указывает на *шэнь*. Наступает период «прекращение жары». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «купание девушек».

Через 15 дней ручка Ковша указывает на *гэн*. Наступают «белые росы». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «середина путешествия».

Через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *ю*, находясь в точке пересечения отвесов. Это осеннее равноденствие. Гром побуждает тварей, уходящих в спячку, оборачиваться к северу [107]. Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «гость в поклоне».

42 Через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *синь*. Это период под названием «холодные росы». Музыкальные

звуки настраиваются на тон под названием «лесной колокол».

Через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *сюй*, и наступает период «выпадение инея». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «распоряжения об убиении».

Через 15 дней ручка Ковша указывает на тяж Поднятое копыто, и осенний сезон исчерпывается. Поэтому говорят: на 46-й день устанавливается зима. Деревья и травы умирают. Музыкальные звуки настраиваются на тон «южное путешествие».

Через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *хай*. Наступает период «малый снег». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «отсутствие пресыщения».

Через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *жэнь*. И тогда наступает период «большой снег». Музыкальные звуки настраиваются на тон под названием «откликающийся колокол».

Через 15 дней ручка Ковша указывает на знак *цзы*. Поэтому говорят: «*Ян* рождается в знаке *цзы*, *инь* рождается в знаке *у**».

Ян рождается в знаке *цзы*, поэтому в 11-й луне наступает день зимнего солнцестояния [108]. Сороки начинают строить гнезда. Эфир человеческого тела концентрируется в голове. *Инь* рождается в знаке *у**, поэтому в 5-ю луну производят малые наказания. Пастушья сумка, пшеница и трава «крупка перелесковая» [109] усыхают. Травы и деревья, родившиеся зимой, погибают.

Ковш[110] – это Малый год. В первую луну ручка Ковша указывает на знак *инь*. Луна слева направо проходит 12 [лунных] знаков.

Небесный пруд – это Большой год [111]. Во вторую луну ручка Ковша указывает на знак *мао*. Луна справа налево проходит четыре *чжуна* [112]. Завершает и снова начинает. Те, кому навстречу движется Тайсуй, Большой год, – унижены, кто оказывается к нему спиной – в силе; кто слева – дряхлеет, кто справа – расцветает [113].

Когда Малый год движется к юго-востоку, то он все рождает, а когда он движется к северо-западу, то все убивает. «Нельзя встречать, а можно поворачиваться спиной, нельзя быть слева, а нужно быть справа» – об этом сказано.

Большое время – это период обращения Небесного пруда, Малое время – это период обращения Луны.

Небесный тяж [114], устанавливая начало периода, обычно начинает со знака *инь*. Начинает подъем [115] и движется вправо. За год происходит смещение [116] [на один знак]. За 12 лет делает полный оборот по небу. Завершает и снова начинает.

Первый год правления Хуайнань [117] – пришелся на зиму. Великое Единое находится в это время в знаках *бин-цзы* [118]. Зимнее солнцестояние приходится на день *цзя-у**, становление весны – на день *бин-цзы*. Два *инь* и одно *ян* образуют эфир два; два *ян* и одно *инь* образуют эфир три [119]. Соединение этих эфиров образует музыкальные звуки [120]. Сочетаясь с *инь*, образуют *ян*; сочетаясь с *ян*, образуют тоны музыкальных трубок [121]. Поэтому и говорят: 5 звуков, 6 тонов. Число звуков удваивается, и получается солнечный цикл. Число тонов удваивается, и получается лунный цикл. Таким образом, дней – 10, а лун (месяцев) – 12 [122].

Луна в день проходит 13 и $^{26}/_{76}$ градуса. Один месяц составляет 29 и $^{499}/_{940}$ дня. А 12 месяцев образуют год с остатком в 10 и $^{827}/_{940}$ дня. По прошествии 19 лет набирается 7 «вставок» [123].

День зимнего солнцестояния падает на знаки *цзы-у**, летнего солнцестояния – на знаки *мао-ю* [124].

43 Прибавим ко дню зимнего солнцестояния три дня, это будет день летнего солнцестояния. За год происходит смещение на 6 дней, и все повторяется [125].

Когда день зимнего солнцестояния приходится на знаки *жэнь-у**, тогда знаки *цзя-цзы* принимают на себя управление [126]. Дерево используется в деле [127]. Дым становится синим.

Через 72 дня *бин-цзы* принимает управление. Огонь используется в деле. Дым от огня – красный.

Через 72 дня *у-цзы* принимает управление. Земля используется в деле. Дым от огня – желтый.

Через 72 дня *гэн-цзы* принимает управление. В деле используется металл. Дым от огня – белый.

Через 72 дня *жэнь-цзы* принимает управление. Вода используется в деле. Дым от огня – черный.

Через 72 дня год заканчивается. *Гэн-цзы* принимает управление [128]. За год происходит смещение на 6 дней. Подсчитываем в цифрах, получается так, что за 70 лет снова вернемся в *цзя-цзы*.

Когда *цзя-цзы* берет на себя управление [129], то проявляются мягкость и благоволение, смягчаются массовые запреты, открываются створки дверей, расчищаются заграждения и завалы. Запрещается рубить деревья.

Когда *бин-цзы* принимает на себя управление, возвышают достойных и добрых; награждают имеющих заслуги; раздают наделы и титулы; одаривают имуществом и товарами.

Когда *у-цзы* принимает на себя управление, то заботятся о стариках, вдовах и бобылях, проводят кормления, раздают милости.

Когда *гэн-цзы* принимает на себя управление, то поправляют стены и изгороди, чинят городские стены и валы, пересматривают списки массовых запретов, приводят в порядок оружие и латы, проверяют службу чиновников, казнят преступивших установления.

Когда *жэнь-цзы* принимает на себя управление, то запирают ворота домов и селений, проверяют, не остались ли где гости [130], вершат суды и производят наказания, казнят осужденных. Закрывают заставы и мосты, запрещают выезды за пределы селений.

В дни *цзя-цзы* воздух сухой и нечистый [131], в дни *бин-цзы* воздух сухой и теплый, в дни *у-цзы* воздух сырой и нечистый, в дни *гэн-цзы* воздух сухой и холодный, в дни *жэнь-цзы* воздух чистый и холодный.

Если в *бин-цзы* поступать, как в *цзя-цзы* [132], то находящиеся в спячке твари выйдут из нее раньше времени и гром прогремит до времени.

Если в *у-цзы* поступать так, как в *цзя-цзы*, то начнутся выкидыши и появятся яйца-болтуны. Среди птиц и насекомых будет много раненых.

Если в *гэн-цзы* поступать так, как в *цзя-цзы*, то быть войне.

Если в *жэнь-цзы* поступать так, как в *цзя-цзы*, то выпадет иней весной.

Если в *у-цзы* поступать так, как в *бин-цзы*, то быть грому.

Если в *гэн-цзы* поступать так, как в *бин-цзы*, то быть истреблению.

Если в *жэнь-цзы* поступать так, как в *бин-цзы*, то быть граду.

Если в *цзя-цзы* поступать так, как в *бин-цзы*, быть землетрясению.

Если в *гэн-цзы* поступать так, как в *у-цзы*, то пять злаков будут поражены.

Если в *жэнь-цзы* поступать так, как в *у-цзы*, то летом будет холод, дождь и иней.

Если в *цзя-цзы* поступать так, как в *у-цзы*, то чешуйчатые не покроются чешуей.

Если в *бин-цзы* поступать так, как в *у-цзы*, быть большой засухе, так что водяной овес [133] засохнет.

Если в *жэнь-цзы* поступать так, как в *гэн-цзы*, то быть великой твердости, и рыбы не будет [134].

Если в *цзя-цзы* вести себя, как в *гэн-цзы*, то травы и деревья дважды умрут и дважды родятся.

Если в *бин-цзы* вести себя, как в *гэн-цзы*, то травы и деревья снова расцветут.

Если в *у-цзы* вести себя, как в *гэн-цзы*, то урожай то будет, то нет. 44

Если в *цзя-цзы* вести себя, как в *жэнь-цзы*, то и зимой ничто не будет укрыто.

Если в *бин-цзы* вести себя, как в *жэнь-цзы*, то начнется звездопад.

Если в *у-цзы* вести себя, как в *жэнь-цзы*, то твари, что пребывают в спячке, зимой вылезут из своих нор.

Если в *гэн-цзы* вести себя, как в *жэнь-цзы*, то зимой гром поразит их норы.

Третья луна.

В весенний сезон, в третью луну, выходит Фэнлун [135], чтобы вести свои громы в поход. Если до третьей луны осени земной эфир не схоронится, то Фэнлун соберет свою убийственную жатву. Те твари, что уходят в спячку, пригибаются к земле, затихают жилища, затворяются двери.

Синяя дева [136] выходит, чтобы спустить на землю иней и снег, запускает в ход эфир 12 месяцев, который останется вплоть до кануна второй весенней луны. Собирает все, что схоронено, и запирает свой холод.

Нюйи [137] бьет в барабан и поет. Она ведает небесной гармонией. Благодаря ей взрастают хлеба, звери и птицы, травы и деревья. В первую луну лета ее силой созревают колосья хлебов, кукует кукушка, суля долгие годы императору и князьям.

Если небо не выпустит своего эфира *инь*, то тьма вещей не родится. Если земля не выпустит своего эфира *ян*, то тьма вещей не сформируется. Небо кругло, земля квадратна, а *дао* находится в центре. Солнце осуществляет благо, луна несет гибель. Луна возвращается домой, и тьма вещей умирает. Солнце достигает предела, и тьма вещей рождается. Когда оно покидает горы, горный эфир прячется; удаляется от вод, – и водные твари погружаются в сон; удаляется от деревьев, – и листва на них засыхает. Если солнца не видно в течение пяти дней, это значит, что оно сбилось с пути. И мудрецы опечаливаются.

Солнце встает в Долине Восходящего солнца, купается в Небесном пруду, подходит к Шелковице Фу [138]. Это называется Утренняя заря. Поднимается на Шелковицу Фу, отсюда собирается в путь. Это называется Предрассветная заря. Достигает Кривых гор [139]. Это называется Рассвет. Достигает Ярусных ключей [140]. Это называется временем Первой еды. Достигает Шелковичного края. Это называется временем Второй еды. Достигает Равновесия света [141]. Это называется Позднее утро. Достигает гор Куньу [142]. Это называется Полдень. Достигает Птичьего ночлега [143]. Это называется Малое возвращение. Достигает Долины Скорби [144]. Это называется временем Дневной еды. Достигает горы Матери Цзи [145]. Это называется Большим возвраще-

нием. Достигает пучины Глубокая печаль [146]. Это называется временем Первого толчения риса. Достигает Каменной гряды [147]. Это называется временем Второго толчения риса. Достигает Источника скорби [148]. Здесь останавливается его женщина [149], здесь отдыхают его кони. Это называется Распряженная колесница. Когда солнце достигает Печальной пучины [150], это называется Слабыми Сумерками. Когда достигает Долины Мрака [151], это называется Густыми Сумерками. Солнце садится на краю Печальной пучины, светит у края Долины Мрака. Всего проходит 9 материков и 7 [зодиакальных] стоянок [152], что составляет 507 309 *ли*. Так Юй установил деление на утро, день, сумерки и ночь[153].

В день летнего солнцестояния *Инь* одолевает *Ян,* и тьма вещей начинает свой путь к смерти. В день зимнего солнцестояния *Ян* одолевает *Инь*, и тьма вещей поднимается к жизни. Дневное время – это часть эфира *ян*, ночь – часть эфира *инь*. Поэтому когда эфир *ян* побеждает, то день длиннее, а ночь короче; когда эфир *инь* побеждает, то ночь длиннее дня.

Небесный Владыка растягивает четыре тяжа и вращает их с помощью ручки Ковша. За одну луну свершается сдвиг на одно [зодиакальное] созвездие. По окончании цикла все возвращается на исходное место.

В первую луну ручка Ковша указывает на знак *инь*, в двенадцатую луну она указывает на знак *чоу*. Один год – один оборот, завершается и снова начинается.

Когда ручка Ковша указывает на знак *инь*, то начинается шевеление насекомых, пребывающих в спячке. Трубки настраиваются на тон *тай цу* – «великое скопление». «Великое скопление» – это значит, что живые твари скапливаются, но еще не выходят [154].

Когда ручка Ковша указывает на знак *мао*, это означает пышное изобилие. Трубки настраиваются на тон *цзя чжун* – «стиснутый колокол». «Стиснутый колокол» – это значит, что начинается образование стручков у бобовых.

Когда ручка Ковша указывает на знак *чэнь*, то *чэнь* следует понимать как *чжэнь* – «сотрясение». Трубки настраиваются на тон *гу сянь* – «купание девушек», и это означает, что старое уходит, а новое приходит.

Когда ручка Ковша указывает на знак *сы*, то *сы* следует понимать: рождение уже состоялось. Трубки настраиваются на тон *чжун люй* – «середина путешествия». Это значит: «внутри образовалась большая полнота» [155].

Когда ручка Ковша указывает на знак *у**, то *у** следует понимать как «противодействие». Трубки настраиваются на тон *жуй бинь* – «гость в поклоне». Это значит: «покой и покорность».

Когда ручка Ковша указывает на знак *вэй*, то *вэй* следует понимать как *мэй* – «густые сумерки». Трубки настраиваются на тон *линь чжун* – «лесной колокол». Это значит: «вывести и остановить» [156]

Когда ручка Ковша указывает на знак *шэнь*, то *шэнь* надо понимать как звук всасывания воды или воздуха. Трубки настраиваются на тон *и цзэ* – «распоряжения об убиении». Здесь это означает: «изменить распоряжения» [157]. Благодать в это время уходит.

Когда ручка Ковша указывает на знак *ю*, то *ю* надо понимать как «насыщение». Трубки настраиваются на тон *нань люй* – «южное путешествие». Здесь это значит: «вместить в себя как можно больше».

Когда ручка Ковша указывает на знак *сюй*, *сюй* в этом случае значит «гибель». Трубки настраиваются на тон *у и* – «отсутствие пресыщения». Здесь это значит: «вкушать и не пресыщаться» [158].

46 Когда ручка Ковша указывает на знак *хай*, то *хай* следует понимать как *хэ* – «преграждать». Трубки настраиваются на тон *ин чжун* – «откликающийся колокол». Здесь *ин чжун* означает: «отзываться на звук колокола».

Когда ручка Ковша указывает на знак *цзы*, то *цзы* следует понимать как *цы* – «наливаться» (о колосе). Трубки настраиваются на тон *хуан чжун* – «желтый колокол». *Хуан чжун* здесь значит: «колокол, который уже пожелтел» [159].

Когда ручка Ковша указывает на *чоу*, то *чоу* следует понимать как *ню* – «поворачивать». Трубки настраиваются на тон *да люй* – «большое путешествие». Здесь *да люи* значит: «погостить и уехать».

Когда ручка Ковша распространяется до знаков *мао* и *ю*, то *инь* и *ян* разделяются поровну, ночь и день уравновешены. Поэтому говорится: циркуль рождает, а угольник убивает; весы растят, а гири хоронят [160]. Отвес, помещенный в Центр, образует корень четырех времен года. Путь, который ежедневно проходит солнце, начинается с Единицы [161], [с одного дня]. Но Одно не рождает, поэтому образовались *Инь* и *Ян*. *Инь* и *Ян* слились в гармонии, и родилась тьма вещей. Поэтому говорят: одно рождает два, два рождают три, а три родят тьму вещей [162].

За три луны Небо и Земля отмеряют один временной отрезок. Поэтому во время жертвоприношения считается принятым по обряду троекратное принятие пищи, во время траурной церемонии – троекратное подпрыгивание [163], а в войсках считается правильным устроением разделение на три рода войск. Если с помощью тройки утраивать предметы, то 3 х 3 = 9, поэтому трубка тона «желтый колокол» содержит 9 *цуней* [164] и согласуется со

звуком *гун* – первым в пятиступенном звукоряде. А если удевятерять, то 9 х 9 = 81. Так устанавливается число «желтого колокола». Желтый – это цвет жизненной силы [165] земли. Колокольный звон – это род эфира [166]. В день зимнего солнцестояния благой эфир заключается в земле. Цвет земли желтый. Поэтому и называется: желтый колокол [167].

Число музыкальных трубок – 6: шесть женских и шесть мужских. Поэтому говорится: 12 колоколов. Им соответствуют 12 месяцев. Каждый из 12 месяцев на тройке основан [168]. Заменим число 12 суммой 1+11. Возведем 3 в одиннадцатую степень и получим сумму 177 147. Так устанавливается большое число трубки «желтый колокол».

Итак, всего 12 трубок, из которых «желтый колокол» звучит как звук *гун*; «великое скопление» звучит как звук *шан*; «купание девушек» звучит как звук *цзюэ*; «лесной колокол» звучит как звук *чжи*; «южное путешествие» звучит как звук *юй*. Предметы тройкой образуются, а звуки устанавливаются с помощью пятерки. 3+5=8. Поэтому рожденные из птичьего яйца имеют восемь отверстий. Это число лежит в начале рождения трубок. Музыкальные звуки воспроизводят голос Феникса. Поэтому и говорят, что звуки восьмеркой рождены.

«Желтый колокол» звучит как *гун* – первая ступень пятиступенного звукоряда. *Гун* – господин всех тонов. Поэтому место «желтого колокола» – в знаке *цзы* – первом в двенадцатеричном земном цикле. Его число – 81. Он главенствует над 11-й луной [169].

Движением вниз рождается тон «лесной колокол». Его число – 54 [170]. Он главенствует над 6-й луной.

Движением вверх рождается тон «великое скопление». Его число – 72. Главенствует над 1-й луной.

Движением вниз рождается тон «южное путешествие». Его число – 48. Главенствует над 8-й луной.

Движением вверх рождается тон «купание девушек». Его число – 64. Главенствует над 3-й луной.

Движением вниз рождается тон «откликающийся колокол». Его число – 42. Главенствует над 10-й луной.

Движением вверх рождается тон «гость в поклоне». Его число – 57. Главенствует над 5-й луной.

Движением вверх рождается тон «большое путешествие». Его число – 76. Главенствует над 12-й луной. 47

Движение вниз рождает тон «распоряжения об убиении». Его число – 51. Главенствует над 7-й луной.

Движение вверх рождает тон «стиснутый колокол». Его число – 68. Главенствует над 2-й луной.

Движением вниз рождается тон «отсутствие пресыщения». Его число – 45. Главенствует над 9-й луной.

Движением вверх рождается тон «середина путешествия». Его число – 60. Главенствует над 4-й луной.

В пределе нет рождения [171].

Звук *чжи* рождает звук *гун*, звук *гун* рождает звук *шан* [172]; звук *шан* рождает звук *юй*, звук *юй* рождает звук *цзюэ*, звук *цзюэ* рождает тон «купание девушек»; тон «купание девушек» рождает тон «откликающийся колокол». Если соотносится с правильным звучанием, возникает гармония. Тон «откликающийся колокол» рождает тон «гость в поклоне». Если не соотносится с правильным звучанием, возникает «ошибка».

В день зимнего солнцестояния звуки соотносятся с тоном «лесной колокол» – влажным и мутным. В день летнего солнцеворота звуки соотносятся с тоном «желтый колокол» – влажным и чистым. Так 12 трубок отвечают изменениям 24 временны́х периодов.

Цзя-цзы – это звук *чжи* тона «середина путешествия»; *бин-цзы* – это звук *юй* тона «стиснутый колокол»; *у-цзы* – это звук *гун* тона «желтый колокол»; *гэн-цзы* – это звук *шан* тона «отсутствие пресыщения»; *жэнь-цзы* – это звук *цзюэ* тона «распоряжения об убиении».

В начальные времена все меры и веса родились от небесного *дао*. Длина трубки *хуан чжун* – 9 *цуней*. Предметы тройкой рождены. 3 х 9=27, поэтому ширина штуки ткани 2 *чи* и 7 *цуней* [173]. Звук рожден восьмеркой. Поэтому человеческий рост – 8 *чи*. *Сюнь* – это удвоенная [длина руки, считая от середины груди], поэтому в *сюне* тоже 8 *чи* [174].

Всякая форма звучит. Число звука – 5. 5 х 8=40. Поэтому 4 *чжана* образуют 1 *пи* [175]. В основе *пи* лежит мера, производная от роста среднего человека.

В день осеннего равноденствия ость колоса отвердевает, и колос считается созревшим. Число трубок 12, и потому толщина 12 остриев ости колоса составляет одно зерно [176], а 12 зерен образуют 1 *цунь*.

Трубки составляют пару к [лунным] знакам, а звуки – солнечному кругу. Число солнца – 10, поэтому 10 *цуней* образуют 1 *чи*. 10 *чи* образуют 1 *чжан*. Это и взято за меру. 12 злаковых зерен образуют 1 *фэнь* [177]. 12 *фэней* образуют 1 *чжу*. 12 *чжу* образуют половину *ляна*. Весы имеют правую и левую чаши, удвоим согласно этому число *чжу* и получим 24 *чжу*, или 1 *лян*.

Небо имеет четыре временных периода, которые образуют в сумме год. Учетверим это число: 4 х 4=16. Получим 16 *лян*, или 1 *цзинь*. Три луны составляют один временной период, 30 дней составляют 1 луну [178]. И так же 30 *цзиней* образуют 1 *цзюнь*. Четыре временны́х периода образуют 1 год, и соответственно 4 *цзюня* составляют 1 *ши*.

48 То же относительно звуков: 1 трубка рождает 5 звуков [179], 12 трубок образуют 60 тонов. Умножим 6 х 6 и получим сумму – 36. 360 тонов определяют дни в году.

Так что число, за которое трубки проходят свой путь, есть обозначение пути неба и земли. То, что образовано движением вниз, основывается на двойке, деленной на три (2/3). То, что образовано движением вверх, основывается на четверке, деленной на три (4/3).

Великая тень в начале цикла находится в положении *цзя-инь*, завершает путь и оказывается в секторе *цзя-сюй*. На втором круге она оказывается в секторе *цзя-у**, на третьем круге снова оказывается в изначале – в секторе *цзя-инь*. За год смещается на один [лунный] знак.

После дня установления весны обретает свое место и перемещается по кругу с теми, кто за нею следует [180]. Когда впереди 3, а сзади 5, можно начинать любые предприятия.

Когда Великая тень находится в начале цикла, насекомые и твари, уходящие в спячку, водворяются на место, сороки обращают летки своих гнезд к дверям дома. Когда Великая тень находится в знаке *инь*, Красная птица находится в знаке *мао*. Когда созвездие Гоучэнь [181] находится в знаке *цзы*, то созвездие Сюаньу – в знаке *сюй*, Белый тигр – в знаке *ю*, Темно-голубой дракон – в знаке *чэнь*.

Когда Великая тень находится в знаке *инь*, это называется *цзянь* – «становление»; когда – в *мао*, это называется *чу* – «изгнание», в *чэнь* – называется *мань* – «изобилие»; в знаке *сы* – называется «равновесие», оно ведает рождением; в знаке *у** – называется *дин* – «утверждение», в знаке *вэй* – называется *чжи* – «удержание», ведает (в этом случае) провалами; в знаке *шэнь* – называется *по* – «разрушение», ведает весами; в знаке *ю* – называется *вэй* – «опасность», ведает вычерпыванием ковшом; в знаке *сюй* – называется *чэн* – «свершение», ведает малым благом; в знаке *хай* – называется *шоу* – «собирать урожай», ведает большим благом; в знаке *цзы* – называется *кай* – «открывать», ведает большим урожаем; в знаке *чоу* – называется *би* – «закрывать», главенствует над Великой тенью [182].

Когда Великая тень находится в знаке *инь*, год называется *шэ ти гэ* [183]. Ее самец – Урожайная звезда, ночует в созвездиях Ковш и Волопас, в 11-ю луну утром вместе с ними восходит на восточной стороне. Им противостоят Восточный колодец и Колесница чертей.

Когда Великая тень находится в знаке *мао*, год называется *шаньэ*. Урожайная звезда ночует в созвездиях Ожидающая дева, Пустота, Кровля, в 12-ю луну вместе с ними восходит на восточной стороне. Им противостоят Ива, Семизвездье, Натянутый лук.

Когда Великая тень находится в знаке *чэнь*, год называется *чжи сюй*. Урожайная звезда ночует в созвездиях Построенный дом и Восточная стена. В 1-ю луну утром вмес-

те с ними восходит на восточной стороне. Им противостоят Крыло и Повозка.

Когда Великая тень находится в знаке *сы*, год называется *да хуан ло* Урожайная звезда ночует в созвездиях Скипетр и Оковы, во 2-ю луну утром вместе с ними восходит на восточной стороне. Им противостоят Рог и Шея.

Когда Великая тень находится в знаке *у**, год называется *дунь цзян*. Годовая звезда ночует в созвездиях Желудок, Утиное гнездо, Вилы, в 3-ю луну утром вместе с ними восходит на восточной стороне. Им противостоят Основа, Дом, Сердце.

Когда Великая тень находится в знаке *вэй*, год называется *се ся*. Урожайная звезда ночует в созвездиях Морда, Заслуги, в 4-ю луну утром вместе с ними восходит на восточной стороне. Им противостоят созвездия Хвост и Корзина.

Когда Великая тень находится в знаке *шэнь*, то год называется *тунь тань*. Урожайная звезда ночует в созвездиях Восточный колодец и Колесница чертей, в пятую луну вместе с ними восходит на восточной стороне. Им противостоят Ковш и Волопас.

Когда Великая тень находится в знаке *ю*, год называется
49 *цзо э*. Урожайная звезда ночует в созвездиях Ива, Семизвездье, Натянутый лук. В 6-ю луну утром вместе с ними восходит на восточной стороне. Им противостоят Ожидающая дева, Пустота, Кровля.

Когда Великая тень находится в знаке *сюй*, год называется *янь мао*. Урожайная звезда ночует в созвездиях Крыло и Повозка. В 7-ю луну утром вместе с ними восходит на восточной стороне. Им противостоят Построенный дом и Восточная стена.

Когда Великая тень находится в знаке *хай*, год называется *да юань сянь*. Урожайная звезда ночует в созвездиях Рог и Шея. В 8-ю луну утром вместе с ними восходит на восточной стороне. Им противостоят Скипетр и Оковы.

Когда Великая тень находится в знаке *цзы*, год называется *кунь дунь*. Урожайная звезда ночует в созвездиях Основа, Дом, Сердце. В 9-ю луну утром вместе с ними восходит на восточной стороне. Им противостоят Желудок, Утиное гнездо, Вилы.

Когда Великая тень находится в знаке *чоу*, год называется *чи фэн жо*. Урожайная звезда ночует в созвездиях Хвост и Корзина. В 10-ю луну утром вместе с ними восходит на восточной стороне. Им противостоят созвездия Морда и Заслуги.

Когда Великая тень находится в секторе *цзя-цзы*, Гибель и Благодать соединяются в Восточном дворце. Обыч-

но перемещаются в то место, которое им раньше не удавалось занять. Находятся вместе 4 года, а потом расходятся. Пребывают в разводе 16 лет и снова сходятся. Расходятся потому, что Гибель не может проникнуть в Центральный дворец и переходит на дерево. Место пребывания Великой тени зовется Благодатью. Смещаясь по [лунной] орбите, она рождает Гибель. В области Благодати четные дни называются *жи бэй инь*, а нечетные дни называются «перемещение в непокоренные места».

Гибель. Знаки, связанные с водой, перемещаются к дереву, знаки, связанные с деревом, перемещаются к воде, а знаки, связанные с металлом и огнем, стоят на месте. Перемещаются и все духи: Красная птица занимает первое место перед Великой тенью, Гоучэнь – на третьем месте позади нее, Сюаньу – на пятом месте впереди, Белый тигр – на шестом месте позади. Звезда Пустоты седлает Гоучэнь, и Небо и Земля сплетаются в схватке.

Дни: *цзя* – чет, *и* – нечет, *бин* – чет, *дин* – нечет, и так до знака *гуй*.

Дерево рождается в знаке *хай*, мужает в знаке *мао*, умирает в знаке *вэй*. Эти три знака принадлежат дереву. Огонь рождается в знаке *инь*, мужает в знаке *у**, умирает в знаке *сюй* – эти три знака принадлежат огню. Земля родится в знаке *у**, мужает в знаке *сюй*, умирает в знаке *инь* – все три знака принадлежат земле. Металл родится в знаке *сы*, мужает в знаке *ю*, умирает в знаке *чоу* – эти три знака принадлежат металлу. Вода родится в знаке *шэнь*, мужает в знаке *цзы*, умирает в знаке *чэнь* – эти три знака принадлежат воде. Так пять побед рождает одного, делает мужественными пятерых [184], приводит к концу девятерых. 5 x 9 = 45. Поэтому духи через 45 дней свершают одно переселение. Тройка откликается пятерке [185], и потому через восемь переселений год заканчивается.

Так что если пользоваться для расчета Великой тенью, то когда она идет влево, впереди от нее – Гибель, а когда вправо, то позади нее – Благодать. В момент, когда Гоучэнь таранит знаки, если случится сражение, оно непременно будет выиграно, а атака – успешна.

Кто хочет знать небесное *дао*, должен солнце брать за главное. В шестой месяц оно будет в центре. Оно движется налево и свершает круг. Если разделить круг, по которому оно движется, на 12 лун, то это с солнцем составит соответствие [186].

После того как Небо и Земля сошлись в схватке, не бывает стихийных бедствий.

Звезды. В первую луну ручка Ковша указывает на Построенный дом; во вторую луну – на Скипетр и Оковы; в третью луну – на Желудок; в четвертую луну – на Вилы; в 50

пятую луну – на Восточный колодец; в шестую луну – на Натянутый лук; в седьмую луну – на Крыло; в восьмую луну – на Шею; в девятую луну – на Дом; в десятую луну – на Хвост; в одиннадцатую луну – на Волопаса; в двенадцатую луну – на Пустоту.

Каждой звезде принадлежит [сектор в] градусах: Рог – 12, Шея – 9, Основа – 15, Дом – 5, Сердце – 5, Хвост – 18, Корзина – 11 и 1/4, Ковш – 26, Волопас – 8, Ожидающая дева – 12, Пустота – 10, Кровля – 17, Построенный дом – 16, Восточная стена – 9, Скипетр – 16, Оковы – 12, Желудок – 14, Утиное Гнездо – 11, Вилы – 16, Морда – 2, Заслуги – 9, Восточный колодец – 33, Колесница чертей – 4, Ива – 15, Семизвездье, Натянутый лук и Крыло каждая по 18, Повозка – 17. Всего 28 стоянок.

Звездным секторам соответствуют земли: [созвездиям] Рог и Шея – царство Чжэн, созвездиям Основа, Дом, Сердце – земли Сун; Хвост, Корзина – Янь; Ковш, Волопас – Юэ; Ожидающая дева – У; Пустота, Кровля – Ци; Построенный дом, Восточная стена – Вэй; Скипетр, Оковы – Лу; Желудок, Гнездо, Вилы – Вэй*; Морда, Заслуги – Чжао; Восточный колодец, Колесница чертей – Цинь; Ива, Семизвездье, Натянутый лук – Чжоу; Крыло, Повозка – Чу.

В том месте, где находится Урожайная звезда, пять злаков пышно взрастают, а в тех местах, которые ей противостоят, урожай страдает от стихийных бедствий. Если же [Урожайная звезда] должна находиться в таком-то месте, а не находится либо перескочила, минуя очередь, в другое место, там владыка умрет, а царство его погибнет.

Когда Великая тень правит весной, то имеет место стремление к мягкости и милостям, а в природе – к теплу и прохладе. Когда Великая тень правит летом, то имеет место стремление к раздачам и просвещению. Когда Великая тень правит осенью, то стремятся привести в порядок войска, позаботиться о вооружении. Когда Великая тень правит зимой, то стимулирует ожесточение и твердую силу. Через 3 года меняются временные отрезки, через 6 лет изменяется обычный порядок. Так что раз в 3 года бывает голод, раз в 6 лет происходит мор. раз в 12 лет наступает опустошение [187].

[Циклические знаки так соотносятся с землями:] знак *цзя* – земли Ци, знак *и* – земли восточных варваров (*и*), *бин* – земли Чу, знак *дин* – земли южных варваров, *у* – земли Вэй, *цзи* – земли Хань, *гэн* – земли Цинь, *синь* – земли западных варваров, *жэнь* – земли Вэй, *гуй* – земли Юэ, *цзы* – земли Чжоу, *чоу* – земли северных варваров (*ди*), *инь* – земли Чу, *мао* – земли Чжэн, *чэнь* – земли Цзинь, *сы* – земли Вэй, *у** – земли Цинь, *вэй* – земли Сун,

шэнь – земли Ци, *ю* – земли Лу, *сюй* – земли Чжао, *хай* – земли Янь [188].

Знаки *цзя, и, инь, мао* – это знаки дерева; *бин, дин, сы, у** – это знаки огня; *у, цзи*, четыре сезона[189] – это знаки земли; *гэн, синь, шэнь, ю* – это знаки металла; *жэнь, гуй, хай, цзы* – это знаки воды. Вода рождает дерево, дерево рождает огонь, огонь рождает землю, земля рождает металл, металл рождает воду. Когда сын рождает мать [190], говорят о «долге»; когда мать рождает сына, говорят о «защите»; когда сын и мать взаимно одаряют друг друга, говорят о единении; когда мать «побеждает» сына, говорят об «управлении»; когда сын «побеждает» мать, говорят о «трудном положении». Когда победитель наносит смертельный удар, он побеждает и остается без отмщения; когда с помощью единения вершатся дела, то им обеспечен успех; когда на основе долга наводится порядок, слава установится и не рухнет; когда с помощью защиты растят, тьма вещей во множестве расцветает. Когда, имея «трудное положение», принимаются за дело, то будут разбиты и уничтожены, умрут и погибнут. 51

Духи Северного Ковша делятся на мужских и женских. В 11-ю луну в начале цикла ручка Ковша указывает на знак *цзы*. Луна проходит одно созвездие, мужские духи движутся налево, а женские – направо. В пятую луну встречаются в знаке *у* и обдумывают губительные дела. В 11-ю луну встречаются в знаке *цзы* и обдумывают благие дела.

Где находится Великая тень, там [зодиакальные] созвездия создают подавляющие дни. В подавляющие дни нельзя приниматься за крупные дела. Небесная и земная колесницы в это время медленно движутся. Самец по звуку узнает самку, его знаки – нечетные. Счет начинается с *цзя-цзы*. Сын и мать ищут друг друга, место их встречи называется «соединение». 10 солнечных знаков и 12 [лунных] знаков свершают оборот за 60 дней, и за это время встреча происходит 8 раз. Если встретятся в положении перед Урожайной звездой, то будут смерть и погибель. Если встретятся в положении, когда будут находиться позади Урожайной звезды[191], то не будет стихийных бедствий.

Знаки *цзя-сюй* – земли Янь; *и-ю* – земли Ци; *бин-у** – земли Юэ; *дин-сы* – земли Чу; *гэн-шэнь* – земли Цинь; *синь-мао* – земли племен *жунов*; *жэнь-цзы* – земли племен *дай*; *гуй-хай* – земли племен *ху*; *у-сюй*, *цзи-хай* – земли Хань; *цзи-ю*, *цзи-мао* – земли Вэй*; *у-у**, *у-цзы* – здесь происходит восемь встреч в Поднебесной.

Когда Великая тень, Малый год, звезды, солнце и луна – все пять богов встречаются, то в этот день бывают

облака, ветры, дожди. Государь противостоит им. Среди всех небесных духов наиболее почитаемый – Сине-зеленый дракон. Некоторые зовут его Тяньи, другие – Великой тенью. К тому месту, где находится Великая тень, нельзя поворачиваться спиной, можно только лицом. Тому, на кого Северный Ковш нападает, нельзя противодействовать.

Когда Вселенная становилась, произошло разделение на *Инь* и *Ян*. *Ян* родилось от *Инь*, а *Инь* – от *Ян*. *Инь* и *Ян* сплелись, и четыре тяжа сделались проходимы. Ни живы, ни мертвы, образовали тьму вещей. Среди тех, кто перебирает ножками и сопит, нет никого более ценного, чем человек. Отверстия и впадины, конечности и тело – все сообщается с небом. Небо имеет 9 слоев, человек также имеет 9 отверстий. Небо имеет 4 сезона, которые управляют 12 лунами. Человек также имеет 4 конечности, которые управляют 12 большими суставами. Небо имеет 12 месяцев, которые управляют 360 днями. Человек также имеет 12 больших суставов, которые распоряжаются 360 малыми суставами [192]. Поэтому предпринимать какое-то дело и не следовать небу – значит идти против того, что тебя породило.

С помощью дня зимнего солнцестояния определяется первое число первой луны будущего года. В течение 50 дней народ может есть вдоволь, в следующие 50 дней рацион сокращается. Необходимо в день сокращать рацион на 1 *доу*, а в остающиеся дни в день прибавлять по 1 *шэну*. Ведающий урожаем чиновник следит за этим [193].

52 Дерево рождается в знаке *хай*, что соответствует созвездиям Восточная стена, Построенный дом, Кровля. Вода мужает в знаке *цзы*, что соответствует созвездиям Пустота, Ожидающая дева. Металл стареет в знаке *чоу*, что соответствует созвездиям Волопас и Ковш.

Огонь рождается, а Земля стареет в знаках *цзя* и *инь*, что соответствует созвездиям Корзина, Хвост. Дерево мужает в знаке *мао*, что соответствует созвездиям Сердце, Дом, Основа. Вода стареет в знаке *чэнь*, что соответствует созвездиям Шея, Рог.

Металл рождается под знаками *бин* и *сы*, что соответствует созвездиям Повозка, Крыло, Натянутый лук; под знаком *у** Огонь мужает, а Земля родится, что соответствует созвездиям Семизвездье, Ива, Колесница чертей; под знаками *дин, вэй* Дерево стареет, что соответствует созвездию Восточный колодец.

Вода родится под знаком *шэнь*, что соответствует созвездиям Заслуги и Морда. Металл мужает в знаках *гэн* и *ю*, что соответствует созвездиям Вилы, Утиное гнездо, Желудок. Под знаками *синь, сюй* Огонь стареет, а Земля мужает, что соответствует созвездиям Оковы, Скипетр.

В год *шэ ти гэ* воды приходят рано, а сушь наступает поздно, рис болеет, шелковичный червь не вызревает, бобы и пшеница урожайны. Еда для народа составляет 4 *шэна*. Знак *инь* сменяется знаком *цзя*, это называется «заросший вход» – *эфэн*.

Год «исчерпание» – *шаньэ*. Год гармоничный. Рис, бобы, пшеница урожайны, шелкопряд родится. Еда для народа составляет 5 *шэнов*. Знак *мао* сменяется знаком *и*, это называется «под флагом тумана» – *чжаньмэн*.

Год «медленное выползание насекомых» – *чжи сюй*. В этот год рано наступает засуха и поздно приходят воды. 53
Это малый голод. Шелкопряд не раскрывается, пшеница созревает. Еда для народа составляет 3 *шэна*. Знак *чэнь* сменяется знаком *бин*, это называется «мягкое предвестье» – *жоу чжао*.

Год «великое опустошение и опадание» – *да хуан ло*. Это год малых войн. Гусеницы шелкопряда слегка поднимаются. Пшеница пышно растет, а бобовые болеют. Еда для народа составляет всего 2 *шэна*. Знак *сы* сменяется знаком *дин*, это называется «крепкий загон» – *цянъюй*.

Год «зрелость и крепость» – *дунь цзан* Это год большой засухи Шелкопряд поднимается, а рис на корню болеет. Бобовые и пшеница урожайны. Хлеб на корню не образует колоса. Еда для народа – 2 *шэна*. Знак *у** сменяется знаком *у*, это называется «повсеместное согласие» - *чжу юн*.

Год «всеобщая гармония» – *се ся*. Год малых войн. Шелкопряд поднимается, рис процветает, бобовые и пшеница не вызревают Еда для народа – 3 *шэна*. Знак *вэй* сменяется знаком *цзи*, это называется «расчленение» – *ту вэй* [194].

Год «великое восстановление сил» – *тунь тань*. Год гармоничный. Идут небольшие дожди. Шелкопряд поднимается, бобовые и пшеница урожайны. Еда для народа – 3 *шэна*. Знак *шэнь* сменяется на знак *гэн*, это называется «подъем яркости» – *шан чжан*.

Год, который называется «тревоги» – *цзо э* [195]. Год большой войны. Народ страдает. Шелкопряд не вызревает. Бобовые и пшеница не растут. Колосья в плевелах. Еда для народа – 5 *шэнов*. Знак *ю* сменяется знаком *синь*, это называется «яркий свет» – *чжун гуан*.

Год «притушенное проявление» – *янь мао*. Это малый голод. Идут войны. Шелкопряд не вызревает, пшеница не растет, бобовые урожайны. Еда для народа – 7 *шэнов*. Знак *сюй* сменяется знаком *жэнь*, это называется «первоначальная темень» – *юань дай*.

Год «дары большой пучины» – *да юань сянь*. Год большой войны и большого голода. Шелкопряд прорывает кокон, бобовые и пшеница не растут, хлеб на корню в плевелах. Еда для народа – 3 *шэна*.

Год хаоса – *кунь дунь*, год подъема больших туманов, наводнений. Шелкопряд, рис, пшеница урожайны. Еда для народа – 3 *доу*. Знак *цзы* сменяется знаком *гуй*, это называется «сияющее *Ян*».

Год, в который «все следует пламенному воодушевлению», – *чи фэн жо*. В этом году мало войн, рано приходят воды, шелкопряд не выходит, рис на корню болеет, пшеница урожайна. Еда для народа – 1 *шэн* <...> [196]

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ЗЕМНЫЕ ФОРМЫ

Земля находится посреди шести сторон света, внутри 55
четырех пределов, освещается солнцем и луной, упорядочивается звездными рядами, выправляется четырьмя временами года, подчиняется Юпитеру [1]. В пространстве, обнимаемом небом и землей, есть девять областей и восемь пределов [2].

На Земле есть девять гор, в горах есть девять горных проходов, на водах есть девять топей [3].

Среди ветров есть восемь видов [4], среди вод есть шесть разновидностей.

Что называется девятью областями? [5]

На юго-востоке есть Шэньчжоу, называется Пахотная земля [6]. Прямо на юге есть область Цычжоу, называется Плодородная земля. На юго-западе находится область Жунчжоу, называется Обширная земля. Прямо на запад – Яньчжоу, называется Дружно родящая земля. Прямо в центре – Цзичжоу, называется Срединная земля. На северо-западе находится Тайчжоу, называется Тучная земля. Прямо на север – Цзичжоу, называется землей Созревания. На северо-востоке есть Бочжоу, называется Скрывающая земля [7]. Прямо на восток – область Янчжоу, называется Умножающая земля.

Что называется девятью горами? Это Куайцзи, Тайшань, Ванъу, Шушань, Тайхуа, Цишань, Тайхан, Янчан, Мэнмэнь [8].

Что называется девятью проходами? Это Тайфэнь, Мяньэ, Цзинъюань, Фанчэн, Яобань, Цзинсин, Линцы, Гоучжу, Цзюйюн [9].

Что называется девятью топями? [10] Это Цзюйцюй [11], что в Юэ, Юньмэн – в Чу, Янъюй – в Цинь, Далу – в Цзинь, Путянь – в Чжэн, Мэнчжу – в Сун, Хайюй – в Ци, Цзюйлу – в Чжао, Чжаоюй – в Янь.

Что называется восемью ветрами? [12] Северо-восточный 56
ветер называется Яньфэн, восточный – Тяофэн, юго-восточный – Цзинфэн, южный – Цзюйфэн, юго-западный – Лянфэн, западный [13] – Ляофэн – Сильнодующий, северо-западный – Лифэн, северный – Студеный ветер.

Что называется шестью реками? Хэшуй, Чишуй – Красная река, Ляошуй, Хэйшуй – Черная река, Цзяншуй, Хуайшуй [14]

Меж четырех морей с востока на запад всего двадцать восемь тысяч *ли*, с юга на север – двадцать шесть тысяч *ли* [15] Речных путей – восемь тысяч *ли*, известных рек, текущих через горные долины, шестьсот [16], сухопутных дорог – три тысячи *ли*.

Юй посылал Тайчжана [17] промерить шагами расстояние от восточного предела до западного, получилось двести тридцать три тысячи пятьсот *ли* и семьдесят пять шагов.

Посылал Шухая [18] промерить шагами расстояние от северного предела до южного, получилось двести тридцать три тысячи *ли* и пятьдесят шагов. Больших водоемов, пучин и озер [19], глубиною триста жэней и более, двести тридцать три тысячи пятьсот пятьдесят девять. Юй живой землей засыпал разлившиеся воды потопа, срыл Куньлунь и опустил его на землю [20]. В центре помещалась террасная [земляная] насыпь [21] в девять ярусов. Ее высота составляла одиннадцать тысяч *ли*, сто четырнадцать шагов, два *чи* и шесть *цуней*. На ее вершине росло хлебное дерево высотой в пять *сюней*. К западу от него росли жемчужное, яшмовое, нефритовое деревья и древо бессмертья. К востоку – груша *шао* и [дерево] яшмовое *лянгань*. К югу – дерево Темнокрасное. К северу – деревья зеленой яшмы и яшмы *яо*. По бокам имелись четыреста сорок ворот, между воротами расстояние в четыре *ли* [22], в каждой *ли* девять *туней*, в одном *туне* один *чжан* и пять *чи*. По сторонам также было девять колодцев, и только тот, что находился в северо-западном углу, был наполнен напитком бессмертия [23]

Северные ворота открывались вовнутрь, чтобы пропустить ветры с горы Щербатой. Внутри Ворот Чанхэ были расположены просторные дворцы, украшенные самоцветами покои, а также горы под названием Висячие сады. Прохладные ветры, Утуны за оградой. Это сад Шупу Пруд в саду Шупу наполнен желтой водой. Желтая вода свершает три оборота и возвращается к своему истоку Она называется Киноварной рекой [24], выпьешь из нее – станешь бессмертным. Река Хэ течет от северо-восточной стороны Куньлуня, пересекает Бохай и уходит в прорытую Юем гору Нагромождение камней [25]. Красная река берет начало у юго-восточной стороны, течет на юго-запад и впадает в Южное море. К востоку от Киноварного озера и Красной реки вытекает Слабая река из гор Цюнши и течет до гор Хэли [26], где ее ослабленные волны пересекают пустыню Зыбучие пески и текут на юг, впадая в Южное море

Яншуй, Океанская река, берет начало от северо-западной стороны Куньлуня и впадает в Южное море южнее царства Крылатых людей. Все четыре реки – чудесные источники небесного Владыки, в них смешаны сотни снадобий, которыми пропитывается тьма вещей. На Куньлуньском холме, на двойной высоте, расположены горы Прохладные ветры, поднимешься на них – станешь бессмертным, еще вдвое выше – горы Висячие сады, поднимешься на них, обретешь чудесные свойства, сможешь распоряжаться ветрами и дождем; еще вдвое выше расположено Верхнее Небо, поднимешься к нему, станешь богом – здесь обитает Небесный [27] Владыка.

Дерево Фу [28] растет в Янчжоу, благодаря ему светит солнце. Дерево Цзянь растет в [горах] Дугуан [29]. Все боги [30] с него спускаются и по нему поднимаются. На солнце нет тени, крикнешь – нет отзвука. Это центр неба и земли.

К западу от дерева Цзянь есть дерево Жо – Слабое, на его вершине сидят десять солнц. Его цветы освещают землю внизу.

Протяженность границ девяти областей равна тысяче квадратных *ли*. За пределами девяти областей есть еще восемь далей, также с границами в тысячу квадратных *ли*. На северо-востоке есть Большое озеро, называется Непроточное. На востоке есть Большой остров, называется Малое море. Юго-восточная сторона называется Цзюйцюй, называется также Первозданное озеро. На юге есть озеро Большой сон, называется также Широкое озеро. На юго-западе есть Чжуцзы, называется Киноварное озеро. Запад называется Цзюцюй, называется Родниковое озеро. Северо-западная сторона называется Великое Ся, называется Морское озеро. Север называется Великая тьма, называется Студеное озеро.

Всего восемь далей. Облака с восьми озер поливают дождем девять областей. За восемью далями есть восемь тяжей [31], также протяженностью границ в тысячу *ли*. На северо-востоке есть Холм Гармонии, называется Пустынная земля. Восточная сторона называется Терновый лес, называется Шелковичный край. Юго-восток называется Великая оконечность, называется Девы [32]. Юг называется Дугуан, называется Фаньху. Юго-западная сторона называется Цзяоцзяо [33], называется Огненная земля. Запад называется Золотой холм, называется Плодородный край. Северо-запад называется Иму – Один глаз, называется Песчаное место [34]. Север называется Скопление льда, называется Вэйюй. Все эти восемь видов эфира, соответствующих восьми тяжам, в зависимости от того, теплые они или холодные, сочетаются с восемью ветрами [35] и проявляются в том или ином ветре или дожде. 58

За гранью восьми тяжей есть еще восемь пределов. На северо-востоке есть гора Квадратная земля, называется Темно-голубая. На востоке есть гора Восточный предел называется врата Открывающие свет. На юго-востоке есть гора Мать волн, называется Солнечные врата. На юге есть гора Южный предел, называется Ворота Жары. На юго-западе есть гора Бяньцзюй, называется Белые ворота. На западе есть гора Западный предел, называется Ворота Чанхэ [36]. На северо-западе есть гора Щербатая, называется Ворота Темной столицы - Ю ду. На севере есть гора Северный предел, называется Студеные ворота. Облака восьми пределов поливают дождем Поднебесную. А ветры восьми ворот управляют холодом и жарой. Облака [пространств меж] восемью тяжами, восемью далями, восемью озерами поливают дождем девять областей и несут гармонию в центральные земли [37].

Восточная сторона знаменита нефритами *сюнь, юй, ци* с горы Иулюй; юго-восточная – бамбуком с гор Куайцзи, южная сторона – слоновой и носорожьей костью из Ляншань [38], юго-запад – золотом и нефритом [39] с Цветущей горы.

59 Северо-запад знаменит жемчугом с гор Хошань и разноцветной яшмой (нефритом), северо-запад – нефритами с Куньлуня *цю, линь и лянгань* [40]; север – сухожилиями и костью домашнего скота от Темной столицы [41]; северо-восток – расписными шкурами зверей от гор Чи; центр – злаками, шелковицей и коноплей, а также рыбой и солью от пика Дай [42].

Так, протяженность Земли с востока на запад составляет долготу, а с юга на север – широту. Горы накапливают Благодать, а воды копят Гибель [43], высокое связано с рождением, низкое – со смертью. Курганы и холмы – самцы, горные долины – самки. Закругленная речная волна указывает на присутствие жемчуга, а прямая – на нефрит [44]. В чистой воде содержится золото, в драконовых пучинах находят белый нефрит [45].

Разные земли родят каждая в соответствии со своим родом. Поэтому в горных местах больше мужчин, а на озерах больше женщин. В непроветриваемых местах много немых, а в проветриваемых – больше глухих, лесной воздух родит сутулых, а меж деревьями родятся горбатые. В прибрежных местах у людей часто болят ноги, воздух каменистых мест сообщает силу, а на пересеченной местности часто болеют зобом. В жарком климате рано гибнут, а в холодном – живут долго. В долинах часты параличи, а на холмах – безумие. На широких равнинах много добрых, а воздух холмов родит алчных. На легких землях живут подвижные люди, на тяжелых –

медлительные. Чистые воды звучат звонко, тяжелые – глухо. На стремнинах живут легкие люди, а на медленных водах – тяжелые. В центральных землях много мудрых. Все следует образу своего эфира *ци*, все откликается своему роду.

Так, на юге растут вечнозеленые травы, на севере есть нетающий лед, на востоке – царство благородных мужей, на западе – покалеченные трупы [46], там живут как во сне, а умирая, становятся неприкаянными душами.

Магнит заставляет вещи взлетать, слюда привлекает воду, земляной дракон вызывает дождь, ласточки и гуси попеременно прилетают и улетают [47]. Моллюски, крабы, жемчуг и водяные черепахи в зависимости от луны становятся сильнее или слабее. На крепких землях бывают сухощавые люди, на слабых – толстые, на черноземе – люди рослые, на песчаных почвах – мелкие. На растущей земле люди красивые, на истощающейся – безобразные. Питающиеся водой [48] хорошо плавают и легко переносят холод, питающиеся землей [49] умны, хотя и не имеют сердца. Питающиеся деревьями [50] сильны и злобны, травоядные – бегучи и глупы. Питающиеся листьями выпускают нити [51] и превращаются в бабочек. Питающиеся мясом [52] свирепы и смелы. Питающиеся эфиром [53] обретают божественную мудрость и долголетие. Питающиеся злаками умны, но погибают безвременно. А те, что не едят и не умирают, – это боги.

Итак, люди, птицы, звери и насекомые – все они чем-то живут. Одни живут поодиночке, другие – парами, одни летают, другие бегают. Никто не знает их природы [54]. И только тот, кто постиг *дао*, один способен дойти до корня.

Небо соотносится с единицей, земля – с двойкой, а человек – с тройкой [55]. 3 x 3 = 9, 9 x 9 = 81. Единица главенствует над Солнцем, число дней – десять [56]. Солнце главенствует над человеком, поэтому человек рождается спустя десять месяцев. 8 x 9 = 72. Двойка главенствует над четом, но чет происходит от нечета. Нечет главенствует над двенадцатью [лунными] знаками. Двенадцать [лунных] знаков главенствуют над Луной [57]. Луна главенствует над лошадью, поэтому лошадь родится через 12 месяцев. 7 x 9 = 63. Число 3 главенствует над Ковшом, а Ковш главенствует над собакой, поэтому собаки рождаются спустя три месяца. 6 x 9 = 54. Четверка главенствует над сезонами, а сезоны главенствуют над кабаном, поэтому кабаны родятся спустя четыре месяца. 5 x 9 = 45. Пятерка главенствует над звуком. Звук главенствует над обезьяной, поэтому обезьяны родятся спустя пять месяцев. 4 x 9 = 36. Шестерка главенствует над звукорядом [58]. Звукоряд

главенствует над оленем, поэтому олени родятся через шесть месяцев. 3 х 9 = 27. Семерка главенствует над звездами, звезды главенствуют над тигром, поэтому тигр родится через семь месяцев. 2 х 9 = 18. Восьмерка главенствует над ветром, ветры – над насекомыми, поэтому насекомые меняют формы через восемь месяцев. Птицы и рыбы рождают от *инь*, *инь* подчиняется *ян*, поэтому птицы и рыбы родятся из яйца. Рыбы плавают в воде, птицы
61 летают в облаках. В момент становления зимы ласточки и воробьи слетаются к морю и превращаются в моллюсков. Все сущее от рождения принадлежит к разным родам. Шелковичный червь ест, но не пьет; цикада пьет, но не ест. Панцирные и чешуйчатые летом едят, а на зиму впадают в спячку. У заглатывающих не жуя – восемь отверстий, и рождаются они от яйца. У пережевывающих пищу – девять отверстий, и рождаются они от зародыша. У четвероногих нет крыльев и перьев. У рогатых нет верхних зубов. У безрогих есть спереди подгрудок, у рогатых – сзади бурдюк. Рожденные днем принадлежат отцовскому роду, а ночью – похожи на мать. Когда *Инь* в пределе, рождаются самки, когда *Ян* в пределе, рождаются самцы[59]. Гималайский и бурый медведи впадают в спячку и прячутся в берлогу. Перелетные птицы улетают и прилетают со сменой времен года.

Белая вода подходит для рождения нефрита, черная вода – мыльного камня, зеленая вода – для зеленовато-голубого камня, красная – для киновари, желтая – для золота. Чистая вода пригодна для обитания черепах. Вода в реке Фэнь [60] мутная и грязная, поэтому удобна для конопли. Вода в реке Цзи* [61] проточная и мягкая, пригодна для выращивания пшеницы. Хэ – река в середине мутная, пригодна для выращивания бобов. Воды реки Ло [62] легки и быстры, пригодны для выращивания зерна. В водах реки Вэй [63] много силы, они пригодны для выращивания проса. Река Хань [64] спокойная, пригодна для роста бамбука. Вода в реке Цзян полна милосердия, пригодна для выращивания риса.

На равнине люди обладают живым умом и сподручны для выращивания злаков.

Восток – это место, куда текут реки, потоки, откуда восходят солнце и луна. Там живут люди с сухим[65] телом, маленькой головой, горбатым носом и большим ртом. У них коршуньи плечи, прыгающая походка. Девять отверстий у них сообщаются с глазами, и глазам подчинен эфир мышц. Темно-голубой цвет[66] ведает печенью. На востоке люди вырастают большими, рано приобретают знания, но мало живут. На этой земле удобно сеять пшеницу. Там много тигров и барсов.

Юг – это скопление масс *Ян*. Там жарко и влажно. Там люди высокого роста, с конусообразным телом, большим ртом и выпуклыми глазами. Девять отверстий у них связаны с ушами, и ушам подчиняются кровеносные сосуды. Красный цвет [67] ведает сердцем. Там люди рано созревают, но гибнут прежде времени. Эти земли пригодны для выращивания риса. Там много носорожьих самок и слонов.

Запад – это земля, породившая высокие плато и речные долины. Сюда заходят солнце и луна. Там живут сутулые люди с длинной шеей, ходят закинув голову. Девять отверстий у них связаны с носом, и носу подчиняется кожа. Белый цвет [68] ведает легкими. Люди там храбрые, но жестокие. Их земли пригодны для выращивания проса. Там много яков и носорогов.

Север – страна тьмы, там нет света. Это место, где закрываются небеса, где скапливаются лед и холод. Там ползают насекомые, уходящие в спячку. Там люди с согнутыми телами, короткой шеей, широкими плечами и торчащим вниз копчиком. Девять отверстий связаны с гениталиями, им подчиняется костяк.

Черный цвет [69] ведает почками. Там люди глупы и не- 62
развиты, подобны зверью, но долголетни. Их земля пригодна для выращивания бобов. Там много собак и лошадей.

Центр развернут на четыре стороны света, продуваем ветрами, открыт дождям и росам. Там у людей широкие лица, короткие шеи, там носят усы и не любят толстых. Девять отверстий сообщаются со ртом, плоть подчиняется ему. Желтый цвет [70] ведает желудком. Там царствует порядок, а люди разумны и мудры. Там земля пригодна для выращивания злаков. Там много быков, овец и других домашних животных [71].

Дерево рождает Землю [72], Земля рождает Воду, Вода рождает Огонь, Огонь рождает Металл, Металл рождает Дерево. Поэтому злаки весной рождаются, а осенью умирают; бобы летом рождаются, а зимой погибают; пшеница осенью рождается, а летом умирает; пастушья сумка зимой рождается, а в середине лета умирает. Дерево крепнет [73], Вода на исходе, Огонь родится, Металл в темнице, Земля умирает. Огонь крепнет, Дерево стареет, Земля родится, Вода в темнице, Металл умирает. Земля крепнет, Огонь стареет, Металл рождается, Дерево в темнице, Вода умирает. Металл крепнет, Земля стареет, Вода родится, Огонь в темнице, Дерево умирает. Вода крепнет, Металл стареет, Дерево рождается, Земля в темнице. Огонь умирает.

Всего есть пять музыкальных тонов [74], среди них *гун* – господин. Всего есть пять цветов, среди них желтый – господин. Всего есть пять вкусов, среди них сладкий – господин. Всего по странам света есть пять первоэлементов, зем-

ля – их господин. Плавлением из земли рождается дерево, из дерева – огонь, из огня – облака, из облаков – вода, вода вновь возвращается в землю [75].

Выпаренная сладость рождает кислоту, выпаренная кислота рождает остроту, выпаренная горечь рождает соль, выпаренная соль возвращается в сладость.

Преобразованный звук *гун* рождает звук *чжи*, преобразованный звук *чжи* рождает звук *шан*, преобразованный звук *шан* рождает звук *юй*, преобразованный звук *юй* рождает звук *цзюэ*, преобразованный звук *цзюэ* рождает звук *гун*.

Поэтому с помощью воды приводят в гармонию землю, с помощью земли приводят в гармонию огонь, с помощью огня преобразуют металл, с помощью металла обрабатывают дерево, дерево вновь возвращается в землю. Пять первоэлементов друг другом управляют, поэтому из них могут создаваться орудия.

За морем есть тридцать шесть царств [76]. Считая от северо-запада к юго-востоку, есть страна Длинноногих, страна Небесных людей, страна сушэней, Белых людей, людей с Плодородной земли, Женское царство, Мужское царство, страна Одноногих, страна Одноруких, страна Трехтуловищных. Считая с юго-запада на юго-восток, есть страна Твердогрудых, Крылатых людей, царство Хуаньтоу, государство Нагих, Трех *мяо*, Спящих ногами вместе [77], Бессмертных, людей с пронзенной грудью, с вывернутым языком, со свиным рылом, с высверленными зубами [78], о трех головах, царство Длинноруких. Считая от юго-востока к северо-востоку, есть страна Великанов, Благородных мужей, Чернозубых, Черноногих [79], Волосатых [80], Озабоченных [81]. Считая от северо-востока на северо-запад, есть царства Ходящих на цыпочках, Девяти младенцев [82], Глубокоглазых, Безутробных, Мягкотелых, Одноглазых, Не имеющих потомства [83].

63

В северо-западной стороне находятся Лотан и Ужэнь [84]

К югу от них водится рыба Бан [85].

К юго-западу от них есть два духа [86], стоящих плечо к плечу, для Владыки несущих ночной дозор [87].

К северо-востоку от них находятся три жемчужных дерева. В верховьях Красной реки есть нефритовое дерево.

К юго-востоку от них находятся Куньлунь и Цветущий холм. Есть там также нефрит *вэй*, «зеленый конь», тополь, персик, японская айва, сладкие цветы и множество фруктов [88].

В северо-восточной стороне находится Холм Гармонии.

К западу растут три шелковицы без ветвей [89].

К северу живет Куафу с ушами до плеч. Куафу отбросил свой посох, и он превратился в рощу Плодородия Дэнлинь [90].

На юге есть холм Куньу [91].

На западе – холм Сюаньюань [92].

На севере живет Усянь-Прорицательница Высится гора Дэнбао.

На востоке находятся Солнечная Долина [93] и дерево Фусан.

К северу от горы Щербатая есть царство Красавиц. Старшую зовут Цзяньди, а младшую – Цзяньцы [94]. Сиванму – Бабка Запада обитает на краю Зыбучих песков. Радующийся народ и народ Налюй обитают на острове на реке Слабая, что на Куньлуне.

Царство Саньвэй [95] находится к западу от Радующегося народа.

Ночной Свет, Зажигающий Свет [96] находятся на острове на Реке. Освещают все вокруг на тысячу квадратных *ли*.

Драконовы ворота находятся у Пучины на Реке. 64
Стремнинный водоем Туаньчи находится на Куньлуне. Сокровенные вспышки [97], гора Щербатая, водоем Шэнь расположены на взморье. Озеро Мэнчжу находится в Пэй [98]. Малая пещера и Большая пещера находятся в Цзичжоу [99]. Дракон-Светильник обитает к северу от Гусиных ворот и скрывается за горой Вэйюй – там не видно солнца. У этого бога человеческое лицо, тело дракона и нет ног [100]. Могила Владычествующего над просом – Хоуцзи [101] находится к западу от дерева Цзянь. Там люди умирают и воскресают, половина их – рыбы [102]. В трехстах *ли* на север от могилы Хоуцзи расположено царство *люхуан* и царство людей с Плодородной земли, к востоку – Собачье царство. В Громовом озере есть бог, с телом дракона и человечьей головой, бьет себя по животу и веселится [103]. Река Цзян берет начало в горах Минь [104], течет на восток, принимает в себя реку Хань и затем впадает в море, возвращается, делает поворот налево и течет на север, достигая северной части горы Кайму – Матери Открывающей [105], возвращается, поворачивается вправо и течет на восток до Восточного предела. Река Хэ берет начало в горах Нагромождение камней. Река Цзюй берет начало в горах Цзин. Река Хуай берет начало с Кипарисовой горы. Река Суй [106] вытекает с Крылогоры. Река Цинчжан вытекает с гор Цзели. Река Мутная берет начало в Фабао [107]. Река Цзи вытекает с гор Царские хоромы. Реки Времени, Сы, И [108] берут начало в горах Башня, Тай, Шу. Река Ло берет начало в горах Ле [109]. Река Вэнь берет начало в горах Фуци и потом сливается с Цзи. Река Хань берет начало в Бочжун [110]. Река Цзин вытекает с гор Боло. Река Вэй берет начало с гор Общая пещера мышей и птиц [111]. Река И берет начало в горах Верхнее Вэй [112]. Река Ло* [113] берет начало в

горах Медвежье ухо. Река Цзюнь берет начало в Хуацяо Река Вэй* берет начало в Фучжоу. Река Фэнь берет начало с Яньского холма [114].

65 Река Жэнь берет начало в горах Пэньсюн. Река Цзы берет начало в горах Муи. Киноварная река берет начало в горах Высокая торба. Река Гу вытекает с гор Цзяо. Река Хао берет начало с гор Сяньюй. Река Лян берет начало в горах Тростниковая хижина и Каменная балка. Река Жу берет начало в горах Мэн. Река Ци берет начало в Дахао. Река Цзинь берет начало в Дракон-горе [115]. Река Цзецзихэ [116] вытекает из Фэнъян. Река Ляо берет начало в горах Точильные камни. Река Фу берет начало в Цзин. Река Ци берет начало в горах Каменный мост. Река Хуто берет начало в горах Лупин. Река Пучина Грязи берет начало в горах Мань. Река Вэйши течет на север от Янь.

Чжуцзи и Шэти [117] рождены ветрами *тяо*. Всевидящий рожден ветром *миншу*. Чифэнжо рожден ветрами *цинмин*. Гунгун рожден ветрами *цзин фэн*. Чжуби рожден ветрами *лян*. Гаоцзи рожден ветрами от Ворот Чанхэ. Юйцян рожден ветрами от горы Щербатой. Цюнци рожден ветрами *гуанмо*.

Ба [118] – Покрытый мелкими волосками породил Морского человека. Морской человек породил Жоцзюнь – Похожего на плесень [119], Жоцзюнь породил Мудреца, а Мудрец породил Простого человека [120]. Так что все покрытые мелкими волосками [121] родились от Простого человека.

Юйцзя – Крылатый красавец родил Летающего дракона [122]. Летающий дракон родил феникса – Фэнхуан, а Фэнхуан родил птицу Луань. Птица Луань породила Обычную птицу. Так что все крылатые родились от Обычной птицы.

Покрытый шерстью теленок родил Откликающегося дракона. Откликающийся дракон родил Цзяньма – Прямостоящую лошадь [123]. Цзяньма родила Цилиня. Цилинь родил Простого зверя. Так что все покрытые шерстью родились от Простого зверя.

Покрытый чешуей родил Цзяолуна [124]. Цзяолун родил Куньгэна [125]. Куньгэн родил Цзяньсе. Цзяньсе родил Простую рыбу. Так что все чешуйчатые родились от Простой рыбы.

Земли Цзе [126] и Тань породили Первого дракона. Первый дракон породил Священную морскую черепаху юань. Священная морская черепаха породила Чудесную черепаху гуй. Чудесная черепаха породила Простую черепаху.

66 Так что все панцирные родились от Простой черепахи.

Тепло и Сырость [127] родились от Ветра шерстяных волосков. Ветер шерстяных волосков родился от Священной

Сырости. Священная Сырость родила Ветер крыльев. Ветер крыльев родил Мягкий панцирь. Мягкий панцирь родил Слабую чешую. Слабая чешуя родила Теплую чешую.

Пять родов [128], множество видов прыснули вовне, формы, воспроизводящие одна другую, размножились.

Жипин – Поднимающийся к солнцу породил Янъэ – Иссушающий жар. Янъэ породил Цяожу. Цяожу родил Сухое дерево. Сухое дерево породило Простое дерево. А Дерево с вырывающимся корнем родилось от Простого дерева.

Дерево с вырывающимся корнем породило Чэнжо [129]. Чэнжо породил Священный нефрит. Священный нефрит родил Сладкий родник. Сладкий родник родил Хуангу. Хуангу родил Простую траву. Трава с вытягивающимся корнем родилась от Простой травы.

Морская *люй* породила Изгибающегося дракона [130]. Изгибающийся дракон породил Цветы лотоса. Цветы лотоса породили Камыш. Камыш породил Ряску. Ряска породила Водоросли. Так что водоросли с невытягивающимся корнем родились от ряски.

Эфир срединных земель возносится к Пыльному небу. Через пятьсот лет Пыльное небо родит Реальгар [131]. Через пятьсот лет Реальгар порождает Желтую пыль. Желтая пыль через пятьсот лет порождает Желтую ртуть. Желтая ртуть через пятьсот лет рождает Желтое золото. Желтое золото через тысячу лет рождает Желтого дракона. Желтый дракон прячется [132] и рождает Желтые источники. Пыль от Желтых источников поднимается вверх и образует Желтые облака. *Инь* и *Ян*, противоборствуя, производят гром, возбужденные, искрятся молнией, сверху низвергаются вниз. Текучие воды все прорывают и стекаются в Желтое море [133].

Эфир с окраинных земель взмывает к Чистому небу. Чистое небо через восемьсот лет рождает Зеленый камень [134]. Зеленый камень через восемьсот лет рождает Синюю ртуть. Синяя ртуть через восемьсот лет рождает Сичий металл[135]. Синий металл через восемьсот лет рождает Синего дракона. Синий дракон прячется и рождает Синий источник. Пыль от Синего источника поднимается ввысь и образует Синие облака. *Инь* и *Ян*, противоборствуя, производят гром, возбужденные, искрятся молнией, сверху низвергаются вниз. Текучие воды все прорывают и стекаются в Синее море.

Эфир сильной земли [136] вздымается к Красному небу. 67
Красное небо через семьсот [137] лет рождает Красную киноварь. Красная киноварь через семьсот лет рождает Красную ртуть. Красная ртуть через семьсот лет рождает Красный металл [138]. Красный металл через тысячу лет родит Красного дракона. Красный дракон прячется, и родится Красный источник. Пыль от Красного источника взды-

мается вверх и образует Красные облака. *Инь* и *Ян*, противоборствуя, производят гром, возбужденные, искрятся молнией, сверху низвергаются вниз. Текучие воды все прорывают и стекаются в Красное море.

Эфир слабой земли [139] вздымается к Белому небу. Белое небо через девятьсот лет рождает Белый минерал [140] Белый минерал через девятьсот лет рождает Белую ртуть Белая ртуть через девятьсот лет рождает Белый металл Белый металл через тысячу лет рождает Белого дракона Дракон (уходит) прячется, и рождается Белый источник Пыль от Белого источника вздымается вверх и образует Белые облака. *Инь* и *Ян*, противоборствуя, производят гром, возбужденные, искрятся молнией, сверху низвергаются вниз. Текучие воды все прорывают и стекаются в Белое море [141].

Эфир самочной земли [142] вздымается к Сокровенному небу. Сокровенное небо через шестьсот лет рождает Темный камень [143]. Темный камень через шестьсот лет рождает Темную ртуть. Темная ртуть через шестьсот лет рождает Темный металл. Темный металл через тысячу лет рождает Темного (Сокровенного) дракона. Темный дракон скрывается, и рождается Темный источник. Пыль с Темного источника вздымается вверх и образует Темные облака. *Инь* и *Ян*, противоборствуя, производят гром, возбужденные, искрятся молнией, сверху низвергаются вниз. Текучие воды все прорывают и стекаются в Темное (Сокровенное [144]) море[145].

ГЛАВА ПЯТАЯ
СЕЗОННЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ

В первую луну весны Чжаояо указывает на третий знак 69
двенадцатеричного цикла, в сумерки в высшей своей точке находится созвездие Заслуги, на рассвете – созвездие Хвост [1]. Этой луне соответствует восточная сторона небесной сферы, ее дни – *цзя*, *и*, благая сила [2] с наибольшей полнотой воплощена в дереве, ее твари – чешуйчатые, ее звук – *цзюэ*, трубки настраиваются на тон «великое скопление», ее число – восемь, ее вкус – кислый, ее запах – козлиный, жертву приносят у дверей [3], из жертв первая – селезенка.

Восточный ветер растаивает лед. Твари, бывшие в спячке, приходят в движение и оживают. Рыба всплывает вверх и поднимает лед. Выдра приносит жертву рыбой [4]. Дикие гуси летят на север.

Сын Неба облачается в зеленые одежды, восходит на колесницу, запряженную темно-голубым драконом, подвешивает темно-голубые нефритовые подвески, водружает зеленое знамя [5]. Вкушает пшеницу с бараниной и пьет воду «восьми ветров», добывает огонь, пользуясь палочкой дерева *цзи* [6].

В восточном дворце спальные служительницы с лицами зеленого цвета [7] надевают зеленые одежды, играют на *цине* и *се* [8]. Оружие этой луны – меч, домашнее животное – баран.

В левом приделе восточных покоев Цинъян происходит 70
оглашение весенних приказов [9]. [Сын Неба] приказывает сеять добро, распространять благодеяния, провести награждения, уменьшить налоги и повинности.

В день становления весны Сын Неба в сопровождении *трех гунов*, *девяти цинов* и *дафу* отправляется на встречу года в восточное предместье [10]. Подновляют жертвенники, приносят дары нефритом и молят духов [11] о ниспослании благ. В жертву приносят животных-самцов [12].

Запрещается рубить деревья, разорять птичьи гнезда, убивать беременных самок, губить молодняк, особенно оленят, и уничтожать яйца. Запрещается собираться массами, возводить стены и укрепления. Следует захоронить и закопать кости павших животных.

Если в первый месяц весны провести летние приказы, то подуют ветры и пройдут дожди не вовремя, травы прежде времени завянут и листья на деревьях опадут, государство обнимет страх.

Если провести осенние приказы, то народ постигнет мор. Обрушатся ураганы и жестокие ливни. Лебеда, щетинник, чернобыльник и полынь разом взрастут.

Если провести зимние приказы, то пойменные воды принесут разрушения. Пойдут дожди, падут иней и крупный град, семена хлебов не войдут в землю.

В первый месяц года главным является чиновник, ведающий землеустройством [13]. Дерево этого месяца – тополь.

Во вторую луну весны Чжаояо указывает на четвертый знак двенадцатеричного цикла. В сумерки звезда Лук (Ху) находится в своей высшей точке, а на рассвете – звезда Водруженная [14]. Этой луне соответствует восточная сторона. Ее дни – *цзя, и*, ее твари – чешуйчатые, ее звук – *цзюэ*, трубки настраиваются на тон «стиснутый колокол», ее число – восемь, ее вкус – кислый, ее запах – козлиный, жертву приносят у дверей, из жертв первая – селезенка. Начинаются дождевые потоки. Зацветают персик и груша. Иволга начинает петь. Ястреб превращается в голубя.

Сын Неба облачается в зеленые одежды, восходит на колесницу, запряженную темно-голубым драконом, подвешивает темно-голубые нефритовые подвески, водружает зеленое знамя. Вкушает пшеницу с бараниной, пьет воду «восьми ветров», добывает огонь, пользуясь палочкой дерева *цзи*. В восточном дворце спальные служительницы с лицом зеленого цвета, надевают зеленые одежды, играют на *цине* и *сэ*. Оружие этой луны – меч, домашнее животное – баран.

Церемония проходит в Главном храме предков в восточных покоях Цинъян. Сын Неба приказывает чинам сократить число заключенных в тюрьмы, снять ручные и ножные кандалы, прекратить наказания плетьми, приостановить судебные тяжбы, заботиться о малых, беречь сирых и одиноких, чтобы развернулся весенний росток [15].

Выбирается благоприятный день [16], отдается приказ народу принести жертвы на алтаре земли.

В эту луну ночь равна дню. Слышится гром. Твари, пребывавшие в спячке, приходят в движение и оживают. За три дня до грозы соответствующие чины бьют в колокол с деревянным языком [17] и возвещают народу предостережение. «Гром вот-вот грянет. Если не проявить осторожность [18], ребенок не родится здоровым, непременно случится несчастье».

Отдается приказ ведающим рынками привести в единство меры и веса, выверить весы и гири. Следить за тем, чтобы не пересыхали реки и болота, чтобы не ушла вода из запруд и прудов. Запрещается производить палы в лесах и на горах, заниматься крупными делами, препятствующими земледелию. При молениях не приносят жертв, а заменяют их на нефритовые песты и диски [19], используют шелк.

Если во второй месяц весны провести осенние приказы, то страну постигнет наводнение. Все заполнит холодный воздух, а страна подвергнется разбойному и вооруженному нападению.

Если провести зимние приказы, то сил *Ян* окажется недостаточно, пшеница не вызреет, а в народе усилится разбой.

Если провести летние приказы, то страну постигнет великая засуха, тепло придет слишком рано, и гусеницы нанесут живому ущерб.

Второй месяц управляет житницами. Его дерево – абрикос.

В третью луну весны Чжаояо указывает на пятый знак двенадцатеричного цикла. В сумерки Семизвездье находится в своей высшей точке, на рассвете – Волопас. Этой луне соответствует восточная сторона, ее дни – *цзя, и*, ее твари – чешуйчатые, ее звук – *цзюэ*, трубки настраиваются на тон «купание девушек», ее число – восемь, ее вкус – кислый, ее запах – козлиный, жертву приносят у дверей, из жертв первая – селезенка.

В это время зеленеют туны, крот превращается в перепелку. На небе становится видна радуга, на воде появляется ряска.

Сын Неба облачается в зеленые одежды, восходит на колесницу, запряженную темно-голубым драконом, подвешивает темно-голубые нефритовые подвески, водружает зеленое знамя. Вкушает пшеницу с бараниной, пьет воду «восьми ветров», добывает огонь, пользуясь палочкой дерева *цзи*. В восточном дворце спальные служительницы с зеленым лицом, надевают зеленые одежды, играют на *цине* и *сэ*. Оружие этой луны – меч, домашнее животное – баран.

Ведающий лодками на суше опрокидывает лодку, поворачивает ее туда-сюда по пять раз и докладывает Сыну Неба о том, что она в порядке.

Сын Неба спокойно правит лодкой. Затем подносит 72
карпа предкам в Храме предков, прося о том, чтобы уродилась хорошая пшеница.

В этот месяц животворный эфир достигает своей полноты. Эфир *Ян* разливается в пространстве. Кривые ростки окончательно выходят наружу, а те, что выпрямились, перестают тянуться вверх, – внутри ничто не остается [20].

Сын Неба приказывает чинам открыть житницы, помочь бедным и неимущим, поддержать голодающих и нуждающихся; открыть кладовые и склады, вынести ценные вещи для подарков [21], отправить послов к *чжухоу*, послать подарки прославленным людям, почтить достойных и мудрых.

Приказывает ведающему землеустройством: «Так как скоро придут сезонные дожди, подземные воды поднимутся вверх, то следует объехать города и села, произвести осмотр свободных земель и полей, привести в порядок плотины и дамбы, прочистить каналы и канавы, расчистить большие и очистить малые дороги» По всей стране до самых ее границ запрещается выносить через городские ворота силки на зайцев, привязные стрелы, ловушки на зверей, силки на птиц, а также отравленную приманку. Запрещается егерям рубить туты и дуб.

Воркующие голуби топорщат крылья, удод опускается на тут.

Из хозяйственных орудий главные – кормушка для шелковичных червей, плетеные корзинки с круглым и квадратным дном.

Императрица после поста и воздержания отправляется в восточные угодья для работы в тутах [22]. Сокращаются женские работы [23], все внимание отдается шелковичным червям

Отдается приказ смотрителям пяти императорских складов[24] и всем ремесленникам проверить качество золота и железа, сыромятной кожи, сухожилий и рога, а также бамбука для стрел, мазей, клея, киновари и лака.

В последней декаде выбирается счастливый день и устраивается большое музыкальное собрание ради общего веселья и радости.

Выгоняют отборных быков и горячих жеребцов пастись с самками.

Отдается приказ об изгнании нечисти в стране. У всех девяти ворот раздирается жертвенное животное, куски его разбрасываются прочь, и на том кончается весенний эфир [25].

Если провести должные приказы этой луны, то сладкие дожди придут в третьей декаде.

Если в третью луну весны провести зимние приказы, то придут сезонные холода, травы и деревья застынут, а страну охватит страх.

Если провести летние приказы, то наступит мор, сезонные дожди не выпадут, травы и деревья на горных склонах будут страдать.

73 Если провести осенние приказы, то небо заволокут тучи, обильные дожди падут преждевременно, неприятельские рати поднимутся со всех сторон.

Третья луна ведает сельскими угодьями. Ее дерево – слива.

В первую луну лета [26] Чжаояо указывает на шестой знак двенадцатеричного цикла. В сумерки созвездие Крыло находится в своей высшей точке, а на рассвете – Ожидающая дева [27].

Этой луне соответствует южная сторона небесной сферы, ее дни – *бин, дин*, благая сила с наибольшей полнотой воплощена в огне. Ее твари – пернатые, ее звук – *чжи*, трубки настраиваются на тон «середина путешествия», ее число – семь, ее вкус – горький, ее запах – запах горелого, жертву приносят у очага, из жертв первая – легкие.

Лягушки начинают квакать, земляные черви выползают на поверхность. Вырастают огурцы, зацветают горькие овощи.

Сын Неба облачается в красные одежды, восходит на колесницу, запряженную гнедым конем, подвешивает красные нефритовые подвески, водружает красное знамя. Вкушает бобы с курятиной, пьет воду «восьми ветров», добывает огонь, используя корни кудрании. В южном дворце спальные служительницы с красным лицом, надевают красные одежды, играют на свирелях *юй* и *шэн*. Оружие этой луны – алебарда, домашняя птица – курица.

В левом приделе покоев Минтан проходит оглашение летних приказов. В день становления лета Сын Неба во главе *трех гунов, девяти цинов* и *дафу* отправляется в южное предместье для встречи лета [28]. По возвращении раздает награды и поощрения, выделяет наделы *чжухоу*, исполняет необходимые обряды в сопровождении соответствующей музыки [29], угощает приближенных.

Приказывает главе военного приказа определить выдающихся, избрать достойных и мудрых, отметить почтительных и примерных сыновей и братьев, произвести титулование, назначить жалованье [30].

Все это, чтобы помочь Небу растить и пестовать растущее, чтобы длинное было еще длиннее, высокое еще выше, чтобы не было никаких разрушений и порчи. Запрещаются строительные работы, запрещается порубка крупных деревьев. Приказывает егерям выехать на поля, проявлять усердие в земледельческих трудах, изгонять с полей животных и *домашний скот, не позволять им травить хлеба.*

Сын Неба вкушает пшеницу со свининой, прежде других жертв подносит их в храме предков [31]. В это время собирают лекарственные травы, засыхает крупка перелесковая.

Когда поспевает пшеница, то судят мелкие преступления, производят легкие наказания.

Если в первую луну лета провести осенние приказы, то придут жестокие и частые дожди, хлеба не смогут расти, соседи со всех четырех сторон кинутся к нам искать спасения.

Если провести зимние приказы, то травы и деревья 74
раньше времени увянут, а затем начнется наводнение, которое разрушит городские стены и укрепления.

Если провести весенние приказы, то постигнет бедствие от саранчи, обрушатся сильные ветры, и цветущие травы не смогут завязать плода.

Четвертая луна ведает пахотными полями. Ее дерево – персик.

Во вторую луну лета Чжаояо указывает на седьмой знак двенадцатеричного цикла. В сумерки созвездие Шея находится в своей высшей точке, а на рассвете – созвездие Кровля.

Этой луне соответствует южная сторона. Ее дни – *бин, дин*, благая сила с наибольшей полнотой воплощена в огне. Ее твари – пернатые, ее тон – *чжи*, трубки настраиваются на тон «гость в поклоне», ее число – семь, ее вкус – горький, ее запах – горелый, жертву приносят у очага, из жертв первая – легкие.

С приходом периода «малая жара» появляется богомол. Сорокопут начинает петь, а пересмешник перестает петь.

Сын Неба облачается в красные одежды, восходит на колесницу, запряженную гнедым конем, подвешивает красные нефритовые подвески, водружает красное знамя. Вкушает бобы с курятиной, пьет воду «восьми ветров», добывает огонь, пользуясь корнями кудрании. В южном дворце спальные служительницы с красным лицом, надевают красные одежды, играют на свирелях *юй* и *шэн*. Оружие этой луны – алебарда, домашняя птица – курица.

Церемония проходит в Главном храме предков покоев Минтан. Сын Неба приказывает главе музыкального ведомства привести в порядок барабанчик *тао*, военный барабан *пи, цинь, сэ*, свирели, флейты, настроить *юй* и *чи* [32]. Украсить колокола и литофоны. Вооружиться щитами, боевыми топорами, копьями и бунчуками [33].

Приказывает соответствующему чину провести народное моление горам, рекам и всем источникам, совершить ритуал Великого моления о дожде, обращенный к Верховному Владыке, с использованием всех музыкальных средств [34].

Сын Неба вкушает просо с молодой курятиной, подносит богам вишню, прежде поднеся ее предкам в храме Циньмяо [35].

В эту луну запрещается срезать индиго и употреблять его для крашения, запрещается жечь траву на золу, отбеливать на солнце холст [36]. Городские и деревенские ворота не запираются, на заставах и рынках не взимаются пошлины. Дается послабление опасным узникам, прибавляют им еды. Проявляют заботу о бобылях и вдовых, помогают семьям в случае смерти родственника. Отделяют кобыл от табуна [37], стреноживают резвых жеребят, наставляют конюхов.

Когда наступает самый длинный день, силы *инь* и *ян* вступают в противоборство, мертвое и живое разделяются [38]. Благородные мужи держат пост и предаются воздержанию, избегают беспокойств, сокращают увеселения с музыкой и красавицами, отказывают себе во вкусной пи-

ще. Различные ведомства приостанавливают дела, не давая им полного хода, пока влияние *инь* не достигнет полной зрелости.

Олени сбрасывают рога, цикады начинают свой стре- 75
кот, родится трава «середина лета», расцветает гибискус [39].

Запрещается народу возжигать огонь. Можно поселяться в высоких и светлых покоях, смотреть далеко вдаль [40], подниматься на холмы и пригорки, находиться на башнях и надстройках над ними [41].

Если во вторую летнюю луну провести зимние приказы, то град и снежная крупа побьют хлеба, дороги станут непроходимы, и страна подвергнется жестокому нашествию.

Если провести весенние приказы, то пять злаков не вызреют, гусеницы разом расплодятся, а страну постигнет голод.

Если провести осенние приказы, то травы и деревья опадут, фрукты поспеют слишком рано, а народ будет страдать от мора.

Пятая луна года ведает помощниками [42]. Ее дерево – вяз.

В третий месяц лета Чжаояо указывает на восьмой знак двенадцатеричного цикла. В сумерки созвездие Сердце находится в своей высшей точке, а на рассвете – созвездие Оковы.

Этой луне соответствует центр [43]. Ее дни – *у, цзи* [44], благая сила с наибольшей полнотой воплощена в земле. Ее твари – моллюски, ее звук – *гун,* трубки настраиваются на тон «сто колоколов» [45], ее число – пять, ее вкус – сладкий, ее запах – ароматный, жертву приносят внутри помещения, из жертв первая – сердце.

Задувают «прохладные ветры». Сверчок поселяется в доме. Орлы начинают свои упражнения. Увядающие травы превращаются в многоножку.

Сын Неба облачается в желтые одежды, восходит на колесницу, запряженную каурым конем, подвешивает желтые нефритовые подвески, водружает желтое знамя. Вкушает гаолян с говядиной, пьет воду «восьми ветров», добывает огонь, используя корни кудрании. В Центральном дворце спальные служительницы в желтом гриме, надевают желтые одежды. Оружие этой луны – обоюдоострый меч, домашнее животное – бык.

Церемония проходит в Центральном дворце [46]. Приказывает ведающему рыбным промыслом добыть крокодила, поймать каймана, водрузить в храм черепаху, добыть морскую черепаху.

Приказывает ведающему водами приступить к сбору тростника. Приказывает четырем смотрителям [47] отдать распоряжение уездным чинам о заготовке в обычном по- 76

рядке фуража для жертвенных животных, чтобы поднести жертвы Верховному Владыке светлого Неба, знаменитым горам, большим рекам, духам четырех сторон света, в храмах предков, на алтаре Земли и Проса. Все это ради благоденствия народа. Отдать распоряжения о милостях; выразить соболезнование родным умерших, навестить больных, посетить старых, обеспечить кормление [48], позаботиться о похоронных циновках. Все это, чтобы достойно проводить уходящих.

Приказывает ведающей женскими работами приступить к крашению. Изготовить ткани с черно-белым, черно-зеленым, черно-красным, красно-белым узором, а также зеленые, желтые, белые и черные – так, чтобы все были добротны и красивы, пригодны для изготовления храмовых одежд. Об этом необходимо повсеместно дать знать.

В эту луну деревья достигают наибольшей полноты роста. Запрещаются порубки леса. Нельзя проводить съезды *чжухоу*, предпринимать земляные работы, поднимать народ на войну, – иначе непременно последует небесная кара.

Земля увлажняется, начинает парить. Приходят большие ливни. Они губят травы и так удобряют и делают тучной землю полей.

Если в третью луну лета провести весенние приказы, то зерна и плоды осыпятся, ветры вызовут у людей кашель, люди двинутся в другие места.

Если провести осенние приказы, холмы и низины зальет вода, хлеба не вызреют, и будет много несчастных матерей [49].

Если провести зимние приказы, то ветры и холода придут не по сезону, хищные птицы раньше срока вылетят на охоту, а народ, опасаясь разбойников, со всех сторон устремится в крепостные укрепления.

В первую луну осени Чжаояо указывает на девятый знак двенадцатеричного цикла. В сумерки Ковш Большой Медведицы находится в своей высшей точке, а на рассвете – созвездие Вилы.

Этой луне соответствует западная сторона, ее дни – *гэн, синь*. Благая сила с наибольшей полнотой воплощена в металле; ее твари – покрытые шерстью, ее звук – *шан*. Трубки настраиваются на тон «распоряжения об убиении». Ее число – девять, ее вкус – горький, ее запах – прели, ее жертва – у ворот, из жертв первая – печень.

Приходят «прохладные ветры», падают белые росы, начинают звенеть цикады. Соколы приносят в жертву птиц. В это время вершатся казни [50].

Сын Неба облачается в белые одежды [51], восходит на колесницу, запряженную белым конем с черной гривой, подвешивает белые нефритовые подвески, водружает белое зна-

мя. Вкушает коноплю с собачатиной, пьет воду «восьми ветров», добывает огонь, используя корни кудрании. В западном дворце спальные служительницы с белым лицом, надевают белые одежды. Бьют в белые колокола. Оружие этой луны – клевец, домашнее животное – собака. 77

Церемония проходит в левом приделе храма Цзунчжан, где отдаются осенние распоряжения.

Призывают к ответу непочтительных сыновей и непослушных братьев, казнят жестоких и надменных, наказывают их, чтобы помочь иссякающему эфиру [52].

В день становления осени Сын Неба собственной персоной во главе трех *гунов*, девяти *цинов* и *дафу* выезжает в западное предместье встречать осень. По возвращении награждает полководцев и отличает храбрых воинов при дворе. Приказывает военачальникам и командирам набрать солдат и отточить оружие, тщательно готовить выделяющихся талантами и храбростью, назначить на особые должности имеющих заслуги, а также покарать не исполнивших долга, взыскать с жестоких и строптивых. Следовать этому предписанию по всей стране.

Приказывает чинам упорядочить законы и установления, определить наказание содержащимся в тюрьмах, принять меры против распространения порока, поставить заслон злу, расследовать уголовные дела, уладить гражданские тяжбы. В это время небо и земля суровеют, и нельзя к этому прибавлять насилия.

В этот месяц крестьяне начинают подносить зерно. Сын Неба пробует его и прежде других жертв подносит его предкам в храме предков.

Приказывает чиновникам начать сбор податей, закончить постройку плотин и дамб, ускорить строительство запруд и заграждений и быть готовыми к разливам. Привести в порядок внешние и внутренние городские стены, отремонтировать дворцы и жилища. В это время не производятся наделы землями, назначения на большие должности, не делается крупных подношений, не отправляются посольства.

После проведения приказов этой луны приходят «прохладные ветры» и остаются на три декады.

Если в первую луну осени провести зимние приказы, то эфир *инь* одержит верх, панцирные твари погубят зерно, а страна подвергнется военному нашествию.

Если провести весенние приказы, то страну постигнет засуха, эфир *ян* снова возвратится, пять злаков не завяжут плода.

Если провести летние приказы, то в стране вспыхнут пожары, холод и жар окажутся рассогласованными, а народ будет страдать от лихорадок.

Седьмой месяц ведает арсеналами, его дерево – мелия [53].

Во вторую луну осени Чжаояо указывает на десятый знак двенадцатеричного цикла. В сумерки Волопас находится в своей высшей точке, а на рассвете – созвездие Морда.

Этой луне соответствует западная сторона, ее дни – *гэн, синь*, ее твари – покрытые шерстью, ее звук – *шан*. Трубки настраиваются на тон «южное путешествие»; ее число – девять, ее вкус – горький, ее запах – прели, ее жертва – у ворот, из жертв первая – печень.

Приходят «прохладные ветры». Прилетают дикие гуси, улетают ласточки, множество птиц парит в воздухе.

78 Сын Неба облачается в белые одежды, восходит на колесницу, запряженную белым конем с черной гривой, подвешивает белые нефритовые подвески, водружает белое знамя. Вкушает коноплю с собачатиной, воду «восьми ветров», добывает огонь, используя корни кудрании. В западном дворце спальные служительницы с белым лицом, надевают белые одежды. Бьют в белые колокола. Оружие этой луны – клевец, домашнее животное – собака.

Церемония проходит в покоях Цзунчжан храма Минтан. Сын Неба приказывает чинам проверить со строгостью дела с наказаниями: казни секирой и ножом должны быть исполнены без отклонений и послаблений. Если тюремные дела не будут исполнены, несчастья возвратятся вновь.

В эту луну пестуют старых, вручают им столик и посох [54], делают раздачи. Сын Неба приказывает жрецам совершить жертвоприношения, проверить по записям состояние фуража, определить степень упитанности животных и чистоту их масти [55], обследовать их стать, расположить по подобию, измерить рост, определить возраст – все должно соответствовать своей мере.

Затем Сын Неба проводит ритуал изгнания нечисти, чтобы противостоять осеннему эфиру [56], отведывает конопли с собачатиной, прежде других жертв подносит ее предкам в храме предков.

В этот месяц дозволяется строить городские стены – внутренние и внешние, возводить большие и малые города [57], копать отводные канавы и погреба, приводить в порядок амбары и житницы.

Затем приказывает чинам поторопиться со сборами податей и налогов – домашним скотом и овощами, сделать запасы возможно большими, потрудиться и посеять озимую пшеницу, а кто пропустит сроки, будет неотвратимо наказан.

В эту луну громы начинают утихать. Насекомые, которые уходят в спячку, закладывают входы в норки, мертвящий воздух постепенно пропитывает все вокруг. Эфир *ян* с

каждым днем слабеет. Вода начинает замерзать День равняется ночи. В это время приводятся в единство меры и веса, выверяются гири и весы, проверяется правильность единиц – *цзюнь* и *ши*, *цзюе* и *доу*[58] Наводится порядок на заставах и рынках, приезжают торговые гости, привозят на рынок различные полезные товары. Когда купцы со всех четырех сторон собираются вместе, съезжаются из дальних мест, когда в товарах нет недостатка и удовлетворяются самые высшие спросы, то сотни дел успешно свершаются.

Если во вторую луну осени провести весенние приказы, то осенние дожди не выпадут, а травы и деревья зацветут. Страну охватит великий страх.

Если провести летние приказы, то наступит засуха, насекомые, которые уходят в спячку, не спрячутся, а пять злаков вновь пустятся в рост.

Если провести зимние приказы, умножатся бедствия от бурь, прекратившиеся было громы раньше времени прогремят, травы и деревья увянут раньше срока.

Восьмой месяц ведает оружием. Его дерево – кудрания.

В третью луну осени Чжаояо указывает на одиннадцатый знак двенадцатеричного цикла. В сумерки созвездие Пустота находится в своей высшей точке, а на рассвете – Ива. Местоположение этой луны – западная сторона, ее дни – *гэн*, *синь*. Ее твари – покрытые шерстью, ее звук – *шан*, трубки настраиваются на тон «отсутствие пресыщения», ее число – девять, ее вкус – горький, ее запах – прели, ее жертвы – у ворот, из жертв первая – печень. 79

Прилетают дикие гуси, мелкие пташки погружаются в большую воду и превращаются в устриц. Зацветают желтые хризантемы. Шакал приносит жертвы зверьем и убивает птиц.

Сын Неба облачается в белые одежды, восходит на колесницу, запряженную белым конем с черной гривой, подвешивает белые нефритовые подвески, водружает белое знамя. Вкушает коноплю с собачатиной, пьет воду «восьми ветров», добывает огонь, используя корни кудрании. В западном дворце спальные служительницы с белым лицом, надевают белые одежды. Бьют в белые колокола. Оружие этой луны – клевец, домашнее животное – собака.

Церемония проходит в правом приделе покоев Цзунчжан.

Сын Неба приказывает чинам строго проверить все указы и распоряжения. Приказывает чиновникам и народу – без различия благородства или подлости – собрать без утайки все, что родили небо и земля, на хранение. Приказывает главному управителю, после того как земледельческие дела закончены, составить реестры об урожае зерна. Свезти на хранение в амбары духов все зерно, собранное для божественных предков[59].

В этот месяц начинает падать иней. Прекращаются ремесленные работы.

Сын Неба отдает приказ чинам, говоря: «Повсеместно пришел холод, не в людских силах противостоять ему. Пусть все войдут в жилища».

В четвертый день первой декады начинается обучение игре на духовых инструментах, устраивается большое жертвоприношение предкам [60], вкушают жертвенное мясо. А также собирают на съезд *чжухоу*, отдают распоряжения об административном делении [61]. Объявляется первый день первой луны следующего года, а также закон о величине налога, собираемого *чжухоу* с народа, размер годовой дани в зависимости от дальности расположения земель.

Затем даются наставления по ведению охоты и владению пятью видами оружия [62]. Отдается приказ главному возничему и семи конюшим запрягать коней и водрузить флаги; выстроить колесницы за экраном согласно рангам их владельцев [63]. Ведающий церемонией втыкает свою командную палочку за пояс и, повернувшись лицом к северу [64], выражает готовность служить Сыну Неба. Сын Неба в охотничьем боевом уборе, богато украшенном [65], с луком и стрелами, отправляется на охоту. По возвращении с охоты приказывает ведающему жертвоприношениями отправить жертву дичью всем четырем сторонам света [66].

В эту луну травы и деревья желтеют и опадают, начинается заготовка хвороста на топку. Твари, уходящие в спячку, прибиваются к земле. Теперь надо поспешить с решением тюремных дел и проведением наказаний, так чтобы все преступления были рассмотрены.

80 Прекращают платить жалованье тем, кто не заслужил его, и лишают общественного кормления тех, кто не достоин его. В эту луну проводят дороги, расчищают пути по всей стране, начиная с границ и до самого центра.

В эту луну Сын Неба вкушает коноплю с собачатиной, прежде поднося их предкам в храме предков.

Если в третью луну осени провести летние приказы, то страну постигнет большое наводнение, зимние запасы пропадут, а народ будет страдать от простуды.

Если провести зимние приказы, то страну наводнят воры и разбойники, на границах станет неспокойно, а земли станут предметом дележа.

Если провести весенние приказы, то подуют теплые ветры, энергия народа ослабнет, и полчища врагов поднимутся со всех сторон.

Девятый месяц года ведает надзором за готовностью[67]. Его дерево – ясень.

В первую луну зимы Чжаояо указывает на двенадцатый знак двенадцатеричного цикла. В сумерках созвездие Кров-

ля находится в своей высшей точке, а на рассвете – Семизвездье.

Местоположение этой луны – северная сторона, ее дни – *жэнь, гуй*. Благая сила с наибольшей полнотой выражена в воде. Ее твари – панцирные, ее звук – *юй*, трубки настраиваются на тон «откликающийся колокол», ее число – шесть, ее вкус – соленый, ее запах – гнилостный, ее жертвы – у колодца, из жертв первая – почки.

Вода начинает замерзать, земля – остывать. Фазан входит в большую воду и превращается в большую устрицу. Радуга скрывается и не показывается.

Сын Неба облачается в черные одежды, восходит на колесницу, запряженную вороным конем, подвешивает черные нефритовые подвески, водружает черное знамя [68]. Вкушает просо с кабаньим мясом, пьет воду «восьми ветров», добывает огонь, используя сосну. В северном дворце спальные служительницы с черным лицом, надевают черные одежды. Бьют в литофон. Оружие этой луны – обоюдоострый меч, домашнее животное – кабан.

Церемония проходит в левом приделе Темного [69] зала, где и оглашаются зимние приказы.

Сын Неба приказывает соответствующим чинам навести порядок в делах, касающихся разного рода запретов. Запрещается выезд за пределы места своего обитания, запираются городские и сельские ворота, производится розыск чужих. Решаются дела о казнях и наказаниях, и осужденные казнятся. Принимаются меры к тем, кто восстает против высших, вносит смуту в законы.

В день становления зимы Сын Неба во главе трех *гунов*, девяти *цинов* и *дафу* отправляется на встречу года в северное предместье, а по возвращении производит посмертные награждения и проявляет заботу об оставшихся сиротах и вдовах.

В эту луну приказывает главному жрецу отправить жертвы перед алтарем [70] предкам и провести моление о ниспослании счастья, гадать на черепахе и с помощью гадательных палочек тщательно изучить триграммы и предсказания, чтобы понять, указывают они на счастье или на беду. 81

В этот месяц Сын Неба впервые надевает меховую одежду. Приказывает всем чиновникам позаботиться о том, чтобы все было прикрыто и убрано. Приказывает *сыту* [71] произвести смотр ресурсов, отремонтировать внешние и внутренние городские стены, выставить стражу у городских и сельских ворот, проверить замки и запоры, быть осторожнее с ключами, укрепить печати. А также привести в порядок границы и окраинные рубежи, в готовность – стратегически важные пункты и заставы и перекрыть узкие тропы. Упорядочить погребальный чин [72], установить

толщину внутреннего и внешнего саркофага, утвердить вид савана и покрывала, определить размеры и высоту могильных холмов и курганов. Благородные и худородные, презренные и почитаемые – все были распределены по рангам.

В эту луну начальник ремесленных работ выставляет изделия, расставляет жертвенную утварь, сличает их с образцом, выбирает лучшие. За выполненные небрежно и ради украшательства следует наказание.

В эту луну устраивается великое пиршество. Сын Неба молит небесные силы [73] о будущем урожае. Свершает большое моление о благополучии и отправляет жертвы на алтаре земли [74], а по окончании услаждает *пиром предков*. Земледельцев-общинников вознаграждают за труды отдыхом. Сын Неба приказывает военачальникам и командирам приступить к обучению ратному делу, начать упражнения в стрельбе из лука и управлении колесницей, провести учения.

Затем отдаются приказы ведающим водным хозяйством и рыболовством собрать налоги с тех, кто промышляет на реках, источниках, прудах и озерах. Запрещается при этом применять силу.

Если в первый месяц зимы провести весенние приказы, то холод скует землю неплотно, земное *ци* просочится, а в народе возрастет число бродяг.

Если провести летние приказы, то умножатся бури, зима не наберет достаточного холода, насекомые, ушедшие в спячку, снова выйдут.

Если провести осенние приказы, то снег и иней падут не вовремя, одна за другой будут вспыхивать малые войны и перекраиваться земли.

Десятый месяц года управляет делами, которые в ведении главы военного приказа. Его дерево – сандал.

Во вторую луну зимы Чжаояо указывает на первый знак двенадцатеричного цикла. В сумерках созвездие Восточная [75] Стена находится в своей высшей точке, а на рассвете – Повозка.

Местоположение этой луны – северная сторона, ее дни – *жэнь, гуй*, благая сила с наибольшей полнотой выражена в воде, ее твари – панцирные, ее звук – *юй*, трубки настраиваются на тон «желтый колокол», ее число – шесть, ее вкус – соленый, ее запах – гнилостный, ее жертвы – у колодца, из жертв первая – почки.

В этот месяц лед становится крепче, земля покрывается трещинами, птицы в горах замолкают, тигры начинают спариваться.

Сын Неба облачается в черные одежды, восходит на колесницу, запряженную вороным конем, подвешивает черные

нефритовые подвески, водружает черное знамя. Вкушает просо с кабаньим мясом, пьет воду «восьми ветров», добывает огонь, используя сосну. В северном дворце спальные 82
служительницы с черным лицом, надевают черные одежды. Бьют в литофон. Оружие этой луны – обоюдоострый меч, домашнее животное – кабан.

Церемония проходит в храме предков [76] Темного зала. В приказах чинам говорится: не производить никаких земельных работ, не вскрывать того, что спрятано [77], не поднимать большие массы людей [78]. Это означает, что если вскрыть спрятанное, то ушедшие в спячку насекомые погибнут, а людей постигнут болезни и мор. Следует поторопиться с поимкой воров и разбойников, с наказанием за блуд и обман.

Этот месяц называется «бесплодный» [79].

Сын Неба приказывает старшему евнуху пересмотреть дворцовые распоряжения, обследовать внешние и внутренние ворота, строго следить за помещениями и комнатами, чтобы все было плотно закрыто, чтобы сокращено было общение с женщинами.

А также приказывает главному виноделу проследить, чтобы сорго и рис были отборными [80], чтобы дрожжи были выдержаны. Во время очистки и подогрева требуется соблюдать чистоту, а родниковая вода должна быть ароматна. Керамические сосуды должны быть отличного качества, а огонь – нужной степени жара, не допускать ни его снижения, ни усиления.

Затем Сын Неба приказывает чинам принести жертвы четырем морям, большим рекам, знаменитым озерам.

В эту луну, если обнаруживается что-то не собранное на полях или не убранное, а вол, конь или какая домашняя скотина остались без присмотра, их можно забирать, не опасаясь спросу. Если в горах, лесах, на болотах и озерах есть что взять для пропитания или добыть охотой, то ведающие лесным хозяйством должны помочь и проводить туда, а того, кто попытается отнять, наказывать без снисхождения.

Когда наступает самый короткий день, силы *инь* и *ян* находятся в противоборстве. Благородные мужи начинают пост и воздержание. Живут закрыв двери, стремясь к покою. Избегают наслаждений музыкой и красотой, страсти и вожделения держат под запретом. Утишают тело, смиряют чувства.

В эту луну литин [81] дает всходы, появляется сурепка, дождевые черви свиваются в клубки, олени сбрасывают рога.

Когда трогаются реки и вскрываются источники, разрешается рубка леса, сбор разного вида бамбука. Сокращают число чиновников, оставшихся без дел и чьи способ-

ности в данный момент не востребованы. Конопатят смотровые башни, замазывают щели во внутренних и внешних воротах, строят темницы и тюрьмы, помогая запорам неба и земли.

Если во второй месяц зимы провести летние приказы, то страну постигнет засуха. Поднимется густой туман, и прогремит гром.

Если провести осенние приказы, то начнутся сезонные дожди, дыни и тыквы не вызреют, а страну охватит большая война.

Если провести весенние приказы, то зеленые гусеницы все погубят, реки и источники иссякнут, а в народе начнутся повальные болезни.

Одиннадцатый месяц года управляет делами, которые в ведении глав военных округов [82]. Его дерево – финик.

В третью луну зимы Чжаояо указывает на второй знак двенадцатеричного цикла. В сумерках созвездие Оковы находится в своей высшей точке, а на рассвете – Основа.

83 Местоположение этой луны – северная сторона, ее дни – *жэнь, гуй*, ее твари – панцирные, ее звук – *юй*, трубки настраиваются на тон «большое путешествие»; ее число – шесть, ее вкус – соленый, ее запах – гнилостный, ее жертвы – у колодца, из жертв первая – почки.

Дикие гуси улетают на север. Сороки начинают гнездиться. Фазаны токуют, куры кудахчут, возвещая о снесенном яйце.

Сын Неба облачается в черные одежды, восходит на колесницу, запряженную вороным конем, подвешивает черные нефритовые подвески, водружает черное знамя. Вкушает пшеницу с кабаньим мясом, пьет воду «восьми ветров», добывает огонь, используя сосну. В северном дворце спальные служительницы с черным лицом, надевают черные одежды. Бьют в литофон. Оружие этой луны – обоюдоострый меч, домашнее животное – кабан.

Церемония проходит в правом [83] приделе Темного зала. Сын Неба приказывает чинам совершить обряд Большое изгнание, выставить земляного быка [84]. Приказывает ведающим рыболовством начинать рыбную ловлю. Сын Неба собственной персоной отправляется ловить рыбу. Прежде других жертв подносит ее предкам в храме предков. Приказывает народу вытащить из амбаров семена злаков, земледельцам составить план пахоты, привести в порядок сохи, приготовить все полевые орудия.

Приказывает главному музыканту устроить большой концерт духовых инструментов и на этом закончить музыкальный сезон. Приказывает четырем смотрителям заготовить нужное количество дров и хвороста для нужд храма предков и жертвоприношений [85].

В этот месяц солнце заканчивает свое круговое перемещение, луна исчерпывает свой порядок, звезды и созвездия завершают круг, год готовится начать все сначала.

Сын Неба приказывает не беспокоить земледельцев, не обременять их повинностями Вместе с *гунами*, *цинами* и *дафу* пересматривает государственные уложения, обсуждает полунные приказы применительно к следующему году. Затем приказывает главному астрологу расписать по рангам *чжухоу*, составить список доставляемых ими животных и кормов для них для жертвоприношений Светлому Небу, Верховному Владыке и на алтари Земли и Проса. Затем приказывает тем государствам, где правят родственные ветви, поставить фураж для скота для жертвоприношений в храме предков. Приказывает *цинам*, *ши*, *дафу* и простому народу приготовить жертвы горам, лесам и знаменитым рекам.

Если в последний месяц зимы провести осенние приказы, то рано выпадут белые росы, панцирные твари поведут себя необычно, люди на пограничных территориях бросятся в укрытия [86].

Если провести весенние приказы, то будет много погибших в чреве и больных тяжкими болезнями. Это оттого, что пошли против правил [87].

Если провести летние приказы, то половодье затопит страну, не выпадет сезонный снег, а лед и мерзлота растают [88].

Двенадцатый месяц ведает тюрьмами. Его дерево – дуб.

Рассмотрим, что такое пять краев земли.

Восточный край начинается от горы Вздымающиеся камни, проходит через страну Утренней свежести [89] и пересекает царство Великанов.

Крайний восток – это место восхода солнца, это земля дерева Фу, это край Зеленой земли [90] и деревьев. Им управляют Тайхао и Гоуман. Его протяженность двенадцать тысяч *ли*. 84

Приказы этого края гласят: следует ослабить массовые запреты; открыть запертые двери; прочистить завалы; убрать преграды; отбросить все заботы и предаться развлечениям; забыть об обидах и причиненном зле; отпустить на волю рабов и преступников; бежать несчастий и печалей; смягчить штрафы и наказания; открыть заставы и мосты; отворить амбары и склады; смирить соседские обиды, умиротворить четыре стороны, действовать мягко и милостиво; останавливать жесткость и силу.

Южный край простирается от границ Бэйхусунь (Внуков северных ворот), проходит через страну Чжуаньсюя и на юге достигает края Средоточия огня и Пламенных ветров. Он управляется Красным предком и Чжу Жуном – Заклинающим свет. Простирается на двенадцать тысяч *ли*.

Приказы этого края гласят: жаловать обладающих добродетелью, награждать имеющих заслуги, одаривать милостью достойных и честных, спасать голодающих и страждущих; поднимать силы земледельцев; поддерживать бедных и неимущих; дарить милостью сирот и вдов; проявлять заботу о больных и слабых; выдавать большие жалованья; раздавать крупные награждения, поднимать затухающие роды; выявлять не имеющих потомков; жаловать уделы новым князьям; выделять достойных и тех, на кого можно опереться в делах правления.

Центр простирается на восток от Куньлуня и рассекает две горы Недвижные [91]. Там проходит путь солнца и луны, оттуда берут начало реки Цзян и Хань. Это край многочисленного народа, пригодный для выращивания пяти злаков. Здесь высятся Драконовы ворота, текут Хуанхэ и Цзи-река. Это остров-материк, насыпанный из живой земли во времена потопа [92]. На восток простирается до горы Вздымающиеся камни. Он управляется Желтым предком и Владычествующей над Землей. Его протяженность двенадцать тысяч *ли*.

Приказы этого края гласят: судить ровно и беспристрастно; быть мудрым, но не придирчивым; все обнимать собой и питать; ничто не оставлять без попечения; быть щедрым и не знать корысти; сохранять спокойствие и мягкость; проводить кормления, заботиться о старых и слабых; выражать соболезнование семьям, где есть умершие, справляться о больных и провожать в путь тех, кто возвращается в свой дом [93].

Западный край начинается от Куньлуня, пересекает Зыбучие пески, Чэньюй, идет на запад до государства Саньвэй, там стены из камня, постройки из золота, а люди пьют эфир. Это край бессмертия. Им управляют Шаохао и Собирающий плоды. Его протяженность двенадцать тысяч *ли*.

Приказы этого края гласят: строго соблюдать законы, казнить только виновных; принимать меры против воров и разбойников; пресекать порок и зло, а также упорядочить местное управление; тщательно хранить имущество населения; обновлять внешние и внутренние городские стены, ремонтировать отводные каналы; проложить тропы и тропинки; перегородить канавы и каналы; останавливать текучие воды; преградить путь горным потокам; выставить стражу у городских и сельских ворот; провести смотр оружия; избрать чиновников; казнить преступивших закон.

Северный край начинается от Девяти озер и кончается Великой теменью, на севере доходит до долин Линчжэн [94]. Там мерзлота, холод, скопление льда, снег, град, иней, снежная крупа. Таков этот край, управляемый Чжуаньсюем

и Сокровенной тьмой [95]. Его протяженность двенадцать тысяч *ли*.

Приказы этого края гласят: провести контроль массовых запретов; крепко запереть то, что должно храниться; привести в порядок преграды и заграждения; проверить заставы и мосты; запретить переезды в чужие края; решить дела со штрафами и наказаниями, казнить тех, кто виновен в преступлениях; запереть городские и сельские ворота; выявить задержавшихся чужаков; прервать всякое общение и развлечения, запретить ночные увеселения; двери рано закрывать и поздно открывать, чтобы затруднить доступ злым людям. Если таковые будут схвачены, крепко их держать. Природный цикл подходит к концу, следует решать дела строго в соответствии с законами и установлениями, если даже они касаются родственников, если даже они богаты и славны. Запрещается путешествовать водой, запрещается открывать хранилища, запрещается отпускать на свободу преступников.

Шесть сочетаний: первая луна весны и первая луна осени образуют сочетание; вторая луна весны со второй луной осени образуют сочетание; третья луна весны с третьей луной осени образуют сочетание; первая луна лета с первой луной зимы образуют сочетание; вторая луна лета со второй луной зимы образуют сочетание; третья луна лета с третьей луной зимы образуют сочетание.

В первую луну весны начинается рост, в первую луну осени начинается убавление; во вторую луну весны все выходит наружу, во вторую луну осени все стремится вовнутрь; в третью луну весны все максимально выходит наружу, в третью луну осени все окончательно уходит вовнутрь; в первую луну лета все начинает расслабляться, в первую луну зимы все начинает напрягаться; во вторую луну лета все вытягивается, во вторую луну зимы все укорачивается; в третью луну лета благая сила на исходе, в третью луну зимы завершаются казни.

Если в первую луну года утрачено правление, то в седьмую луну не придут «прохладные ветры».

Если во вторую луну утрачено правление, то в восьмой луне не прогремит гром.

Если в третьей луне утрачено правление, то в девятой луне не выпадет иней.

Если в четвертой луне утрачено правление, то в десятой луне не наступит холод.

Если в пятой луне утрачено правление, то в одиннадцатой луне насекомые, что были в спячке, выползут из своих норок.

Если в шестой луне утрачено правление, то в двенадцатой луне листва на деревьях засохнет не опадая. 86

Если в седьмой луне утрачено правление, то в первой луне года большие холода долго продлятся.

Если в восьмой луне утрачено правление, то во второй луне гром не прогремит.

Если в девятой луне утрачено правление, то в третьей луне весенние ветры не утихнут

Если в десятой луне утрачено правление, то в четвертой луне травы и деревья задержатся в росте.

Если в одиннадцатой луне утрачено правление, то в пятой луне падут град и иней.

Если в двенадцатой луне утрачено правление, то в шестую луну злаки перепутают фазы созревания.

Проведение весной летних приказов вызовет просачивание наружу [96], осенних – разлив вод, зимних – наступление суровых дней.

Проведение летом весенних приказов вызовет ветры, осенних – рост бурьяна, зимних – остановку роста.

Проведение осенью летних приказов вызовет цветение растений, весенних – распускание цветов, зимних – увядание.

Проведение зимой весенних приказов вызовет просачивание наружу, летних – засуху, осенних – туманы.

Порядок и меры [царства] *инь* и *ян*.

Великий порядок имеет шесть мер: небо – это отвес, земля – уровень, весна – циркуль, лето – весы, осень – угольник, зима – гири. Отвесом вещи выравниваются по вертикали, уровнем вещи выравниваются по горизонтали, циркулем описывается их окружность, весами они уравновешиваются, угольником выверяются их стороны, гирями они взвешиваются.

Отвес как мерило прям и не кривится, простирается книзу и не кончается, долговечен и не истощается, на отдалении помнится, с Небом сливается в благе, с богами – в мудрости; то, к чему стремится, получает; то, от чего отвращается, губит. С древности и поныне не изменил точности. Его Благо близко к каждому, обширно и объемлет собою все. Вот почему Верховный Владыка [97] считается праотцем всего сущего.

Уровень как мерило ровен и не знает неровностей, держит равновесие и ни к чему не склоняется. Он обширен и объемлет собою все, щедро одаривает тьму вещей гармонией, мягкий, а не твердый; острый, но не сламывающийся [98]; текучий, а не застойный; простой, но не низкий [99]; легко развертывается, но знает пределы; плотный и не допускает просачивания. Если уровень не утратит своей ровности, то тьма вещей придет в равновесие, в народе не будут зреть опасные замыслы, гнев и обиды забудутся. Итак, Верховный Владыка делает вещи ровными и покойными [100].

Циркуль как мерило, сделавши оборот, не возвращается назад; круглый без задоринки; вольный, но не распущенный; в проявлении чувств умерен; легко развертывается, но знает пределы; праздный и раскованный; не вызывает обид. Если мера циркуля не утрачивается, то страсти держатся в границах.

Весы как мерило медлительны, но не отстают; ровны и не впадают в обиды; раздают и не считают это милостью; выражают сочувствие, но не порицают. Они призваны выравнивать доходы народа, с тем чтобы поддержать недостаточных. Полнокровные и солнечные, только благом ведомы. Пестуют растущее и воспитывают подрастающее, чтобы тьма вещей пышно цвела, чтобы зрели злаки, чтобы были полны закрома во всех границах и пределах. Если в управлении не будет упущений, то все на небе и земле будет разумно устроено. 87

Угольник как мерило внушает уважение и не вызывает подозрений, тверд и не теряет присутствия духа, если что забирают у него, не испытывает обиды, если что приносят ему, не видит в том вреда. Величествен и суров, но не внушает страха. Приказы исполняются неукоснительно. Казнит, карает и достигает желаемого. Недруги и враги оказываются побежденными. Если угольник выдерживает точность и нет в нем упущений, со всех спросится и все покорятся.

Гири как мерило настойчиво добиваются, но не завладевают; убивают, но не расчленяют; заполняют полностью, так, чтобы было плотно и ничто не просочилось; разрушают вещи, но их не забирают; обвиняют и казнят, и не милуют; при этом непременно искренни; их честность неколебима; стремятся вычистить зло и жестокости, но не используют при этом кривых путей. Поэтому для того, чтобы зима была правильной, надо слабое усиливать, мягкое укреплять. Если гири будут правильны и это не утратится, то тьма вещей будет надежно укрыта.

Порядок, установленный Светлым залом, таков: в покое следовать уровню, в движении – отвесу, весной управлять с помощью циркуля, осенью – с помощью угольника, зимой – с помощью гирь, летом – с помощью весов. Вот почему сушь, вёдро, холод и жара приходят по сезонам; сладкие дожди, благотворная роса выпадают вовремя [101].

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ОБОЗРЕНИЕ СОКРОВЕННОГО

Когда-то давно Наставник Куан заиграл мелодию «Белый снег», и божественные твари спустились на землю, налетели ветры и дождь. Пин-гуна охватила немощь, а земли царства Цзинь выгорели от засухи; Вдова в отчаянии воззвала к небесам, и гром и молния поразили башню Цзин-гуна [1], покалечив людей, а море вышло из берегов. И слепец, и вдова – люди малые, их место равно ведающему пенькой, а вес легче пуха. Однако тот, чья душа напряжена, а дух сосредоточен, способен проникнуть вверх до Девятого неба, потрясти само Совершенное *цзин* [2]. Отсюда ясно, что от кары Высшего Неба не укрыться ни в могильной тьме, ни в глухом уединении, ни в глубокой пещере, ни в опасных горах.

Царь Воинственный, идя походом на иньского Чжоу, переправлялся в Мэнцзинь [3]. Дул яростный ветер, Ян-хоу [4] ударами волн обращал течение вспять, в кромешной тьме нельзя было разобрать, где люди, где кони. Тогда царь Воинственный, держа в левой руке желтый топор, а в правой сигнальный флаг с белым бунчуком, взмахнул им и с гневом во взоре воскликнул: «Я служу Поднебесной. Кто смеет препятствовать мне?» И ветер стих, и волны улеглись. Луян-гун имел сражение с Хань [5]. В самый разгар битвы, когда солнце стало клониться к западу, Луян-гун взмахнул трезубцем, и солнце вернулось на три стоянки [6]. Тот, кто хранит целостность своей природы, бережет естественные свойства, не допускает изъяна в своем теле, тот, встретив беду, оказавшись в опасности, душою сливается с небом, как если бы никогда не покидал своего корня [7]. Что только ему тогда не под силу!

Жизнь и смерть – соседи, не надо бояться могильного холма. Один храбрый воин делает всю армию непобедимой. И это ради достижения славы. Тем более тот, для кого небо и земля – дом, кто держит за пазухой всю тьму вещей, дружит с Творящим изменения, таит во рту совершенную гармонию, кто нашел свою пару в человеческой форме [8], он обозревает все, постигает Одно, знает и непознаваемое, а сердце его – бессмертно!

Когда-то Учитель от Ворот Согласия пришел плакать к Мэнчан-цзюню [9]. Строем речи, проникновенной мыс-

лью, ласканием сердца, звуками голоса растрогал Мэнчан-цзюня, слезы у того полились ручьем, он плакал неудержимо. Чувства и мысли этого Учителя оформлялись внутри, а вовне вселяли скорбь в человеческие сердца. Это непередаваемое искусство. Если же заурядный человек станет подражать его внешнему виду, не овладев «господином формы» [10], то это будет только смешно. Пу Цецзы [11] доставал птиц с высоты свыше ста *жэней,* Чжань Хэ ловил рыбу в глубокой пучине – оба они владели чистейшим искусством *(дао),* величайшей гармонией. Разные виды существ друг другу откликаются. В этом заключается сокровенная тонкость, глубочайшая малость, которую не постигнуть рассуждением, не изъяснить в речах. Приходят восточные ветры, и вино переливается через край; шелковичный червь выпускает нить, и рвется струна *шан* [12] – как будто кто-то тронул их. Очерчивают силуэт пепельного круга в лунном свете, и в лунном ореоле открывается проход [13]; кит умирает, и появляется комета - как будто кто-то их побудил к этому. Поэтому мудрец, вступая на престол и облагодетельствуя народ, хранит *дао* и не говорит. Когда господин и слуги не в согласии, то на небе появляется солнечное свечение *бэй* и *цзюэ.* Это свидетельство того, что человеческий дух и небесный эфир взаимно откликаются. Облака в горах подобны пышным зарослям; облака над водой подобны рыбьей чешуе; облака в засуху подобны дыму от костра; облака в дожди подобны волнам. Все принимает образ того, чем вызвано. *Янсуй* добывает огонь от солнца, *фанчжу* – росу от луны [14].

В пространстве между небом и землей происходит 91
столько изменений, что самые искусные календари не могут их перечесть. Рука стремится схватить смутно ощущаемое, но свет его неуловим глазу. Ведь то, что мы сжимаем в ладони, ведет свой род из-за грани Великого предела. А то, благодаря чему добываются вода и огонь, – это взаимодействие однородного эфира *инь* и *ян.* Благодаря этому Фу Юэ оседлал звезду Чэньвэй [15]. Высшая степень *инь* – это леденящий ветер, высшая степень *ян* – это иссушающая жара, от их соития образуется гармония и рождается вся тьма вещей [16]. Коли будет масса самцов и ни одной самки – какое же порождение возможно? [17] В этом и заключается неизреченное красноречие, непередаваемое *дао.* Поэтому для привлечения далеких используют недеяние, для сближения с близкими пользуются бездействием. Только путешествующие в ночи [18] способны владеть этим искусством.

Когда кони унавоживают поля [19], а колеи повозок не пересекаются за пределами дальних стран – это называется

сидя мчаться, тонуть на суше, днем быть во мраке, а ночью видеть свет, зимним холодом плавить, а летним жаром замораживать. *Дао* не обретается собственными усилиями и не от них утрачивается. Способному дано с избытком, у неспособного – нет и необходимого. Кто следует *дао* – приобретает, кто идет наперекор ему – терпит неудачу. Это подобно жемчужине суйского *хоу* и нефриту Хэ [20]: кто обрел их – разбогател, кто потерял – обеднел. Грань приобретения и утраты глубока и тонка, неясна и темна. Трудно постичь ее рассуждением, невозможно изъяснить в словах. Откуда знаем, что это так? Ныне трава *дихуан* лечит кости, «сладкая трава» лечит тело. Применять то, что лечит кости, для лечения тела или то, что лечит тело, чтобы лечить кости, – это значит уподобиться некоему Вансунь Чо, который пытался, удвоив дозу лекарства от сухотки, оживить казненного, то есть просто потерять здравый смысл. Разжигать дрова огнем и плавить в этой топке металл естественно, но из свойства магнита притягивать железо делать вывод, что он притянет черепицу, – затруднительно.

92

О вещах конечно же нельзя судить только на основании их ценности. *Янсуй* добывает огонь от солнца, магнит притягивает железо, краб, попав в клей, портит его, а подсолнечник поворачивается за солнцем. Отчего это происходит, будь хоть мудрецом, не объяснить! Ощущений глаз и ушей недостаточно для определения законов вещей, усилий сердца и мысли недостаточно для установления истины. Тот, кто управляет с помощью ума, не удержит царства. Только тот, кто постиг Высшую гармонию [21] и овладел взаимным отзвуком саморазвивающихся явлений, только тот способен на это. Обрушивается гора Яо, и замерзает река Боло, рождается оружейник Цюй Е, и появляется меч *чуньцзюнь* [22]. Чжоу правил неправедно, и рядом был Цзо Цян, а появился Великий гун, и царь Воинственный совершил свой подвиг [23]. Отсюда видно, что путь пользы и вреда, двери несчастья и счастья не открываются по требованию. *Дао* и *дэ* подобны выделанной коже и сырой – далеки, но близки, близки, но далеки. Не поймать это *дао,* мелькающее как мальки. Потому мудрость подобна зеркалу – не провожает, не встречает, откликается и не хранит. Совершаются тысячи изменений, но ничему не причиняется вред. Ухватишь его – но вот уже и потерял; потерял не значит, что вот-вот найдешь. Так, настраивающий струны тронет струну *гун,* и *гун* откликнется, тронет струну *цзюэ,* и *цзюэ* отзовется. Это гармония подобных звуков. Изменишь тон одной струны – и уже она не найдет согласия в пяти [тонах]. Заиграешь – и все двадцать пять струн откликнутся. Разница в звучании происходит не от звука, а от главного тона.

Поэтому тот, кто постиг Высшую гармонию, подобен пребывающему в чистом опьянении, сладко засыпает, чтобы странствовать в ее сердцевине, не зная ничего о том, откуда он пришел. В чистой кротости погружается в волны, безмятежно идет к концу, как будто никогда не 93
покидал своего корня. Это и называется Великим постижением.

Ныне в Цзичжоу странствует чета драконов – безрогий Красный и рогатый Сине-зеленый[24]. Небо ясно, земля покойна, хищные звери не нападают, птицы не угрожают. Драконы гуляют в ореховых чащах, щиплют траву, наслаждаются вкусом, смакуют сладость. Бродят в пространстве не более ста *му*. Угри смотрят на них с презрением, полагая, что те не могут с ними соперничать на реках и на морях. Чета драконов отправляется в Белый Дворец, что на Черно-красных облаках, где происходит противоборство *инь* и *ян*. Спускается на быстрый ветер, смешивается с холодным дождем, опершись и раскачавшись, возносится вверх. Величием они потрясают небо и землю, громом колеблют пространство меж четырех морей. Угри заползают в тинистое дно на сто *жэней*, медведи уходят в горы и ущелья, тигры и барсы скрываются в пещерах, не смея даже рычать, обезьяны сваливаются с деревьев, выпустив от страха ветку. Что уж говорить о разных угрях!

Чета фениксов – Фэн и Хуан – парит в стране Высшего блага. Гром не гремит, молния не блистает, ветер не дует, дождь не шумит. Реки и потоки не выходят из берегов, травы и деревья не шелохнутся. Ласточки и воробьи смотрят на фениксов свысока, считая, что они им не соперники в космическом пространстве. Фениксы взмывают туда, в высоту, парят за пределами пространства меж четырех морей. Минуют сады Шупу на Куньлуне, пьют из стремнин у Каменного Столба, держат путь к островку у Мэнфань, облетают границы Цзичжоу, пролетают над горами Дугуан, провожают заходящее солнце в Ицзе, проносятся над водами Мертвой реки, на закате ночуют в Пещере ветров [25]. А в это время лебеди и дикие гуси, аисты и журавли в испуге прячутся и жмутся к берегу реки. Что уж говорить о разных ласточках и воробьях! Они кое-что смыслят в мелком трепыхании, но им неведомы истоки действительно больших деяний.

В былые времена возничие Ван Лян и Цзаофу [26] всходили на колесницу, брали в руки поводья, и кони под- 94
равнивались и послушно замирали, выбрасывали ноги в равномерном согласии, в движении и покое – как одна. Сердцем покойны, духом согласны. Тела их свободны и легки. В покое и напряжении одинаково весел их бег. Их

аллюр – как один миг, повороты – как удар хлыста, круговые движения – как по кольцу В мире все считают этих возничих мастерами, однако не видно, чтобы их ценили

Такие возничие, как Цянь Це и Да Бин [27], отпускают поводья и удила, отбрасывают хлысты, отказываются от плети. Не движут колесницу, а она сама поднимается, не понукают коней, а они сами скачут Солнце в пути, луна в движении, звезды блещут, черное небо вращается. Сверкают молнии, духи мчатся – вперед-назад, туда-сюда Кругом не видно никаких границ. Не направляют, не покрикивают, а колесница обгоняет летящих домой гусей у горы Вздымающиеся камни, оставляет позади фениксов у горы Гуюй [28]

Летит, проносится вмиг, соперничает со стрелой, опережает ветер, настигает вихрь и уходит в далекую даль Утром начинает свой путь с Фусана, вечером вместе с солнцем садится за гору Лотан [29]. Все это похоже на неиспользование, однако таким образом достигается польза – не рассуждением ума, не ловкостью рук Желание оформляется в груди, дух сообщает его шестерке коней Это и есть управление с помощью неуправления.

Некогда Желтый предок управлял Поднебесной, а помогали ему Лиму и Тайшаньцзи [30]. Они упорядочили движение солнца и луны, урегулировали чередование эфира *инь* и *ян*, расчленили границы четырех сезонов, определили календарный счет, провели различие между мужчиной и женщиной, обозначили разницу между самками и самцами, внесли ясность в положение высших и низших, установили деление на благородных и худородных, повелели сильным не нападать на слабых, многим не чинить бесчинств над немногими. И тогда народ сохранял свою жизнь и не умирал преждевременно Урожай вовремя созревал, и не было стихийных бедствий Все чиновники были справедливы и не знали корысти Высшие и низшие жили в гармонии, и никто не превосходил другого. Законы и распоряжения были ясны, и не было в них темного Советники и приближенные радели об общем благе и не разделялись на партии Владельцы полей не покушались на чужие межи, рыбаки не боролись за излучины, на дорогах не поднимали чужих вещей, на рынках торговали без запроса, крепостные и городские стены не запирались, а в городах не было разбойников и воров. Небогатые люди уступали друг другу свое имущество, а собаки и свиньи выблевывали бобы и зерно на дорогу [31] И не было в сердцах злобного соперничества Тогда солнце и луна были кристально ясны,
95 звезды и созвездия не сбивались в движении, ветры и дож-

ди приходили вовремя, злаки вызревали, тигры и волки зря не кусались, хищные птицы зря не нападали Фениксы спускались на подворье, единороги бродили в предместьях, Синего дракона впрягали в упряжку, Фэйхуан мирно склонялся над кормушкой, государства северных варваров [32] не смели не прийти с данью

Так было, пока не наступило время Фуси В те далекие времена четыре полюса разрушились, девять материков раскололись, небо не могло все покрывать, земля не могла все поддерживать, огонь полыхал, не утихая, воды бушевали, не иссякая Свирепые звери пожирали добрых людей, хищные птицы хватали старых и слабых Тогда Нюйва расплавила пятицветные камни и залатала лазурное небо, отрубила ноги гигантской черепахе и подперла ими четыре полюса; убила Черного дракона [33] и помогла Цзичжоу; собрала тростниковую золу и преградила путь разлившимся водам. Лазурное небо было залатано, четыре полюса выправлены, разлившиеся воды высушены, в Цзичжоу водворен мир, злые твари умерщвлены, добрый люд возрожден. Тогда Нюйва взвалила на спину квадрат земли, взяла в охапку круг неба, сделала весну мягкой, лето – жарким, осень – убивающей, зиму – сохраняющей. Изголовье вымеряла по угольнику, ложе – по отвесу [34]. Прочистила то, что мешало свободному проходу *инь* и *ян*. Расправилась с вредоносным эфиром и злыми тварями, что наносили ущерб людскому благоденствию. В те времена засыпали без забот, просыпались без хитростей. Воображали себя то конем, то быком, шли неверным шагом, смотрели мутным взором. Ничего не ведая, они, однако, обладали гармонией. Не задумывались, откуда что пошло, плыли по течению, не зная, чего хотят. Тянулись словно тени, не ведая, куда идут.

В те времена хищные птицы и дикие звери не смели показывать свои когти и зубы, ядовитые змеи прятали свое смертоносное жало, не было и мысли, чтобы схватить или укусить. Подвиги Нюйва возвышаются до Девяти небес, простираются до Желтых источников [35]. Слава ее осеняет потомков, светом озаряет всю тьму вещей.

Нюйва всходила на громовую колесницу, в коренниках у нее был Откликающийся дракон [36], а вместо пристяжной – Сине-зеленый рогатый. Она брала в руки скипетр, садилась на циновку Лоту [37], желтые облака были шнурами ее колесницы, впереди проводником – Белый безрогий дракон, позади в свите – летящие змеи. Странствовала в смутной дали, на путях духов, поднималась к Девяти небесам, являлась на аудиенцию к Владыке ко 96
Вратам Души [38]. Спокойно и мирно отдыхала у ног Великого предка [39], не обнаруживая своих подвигов, не

возвеличивая своей славы Она прятала свое *дао* – *дао* естественного человека [40] – ради следования естественности неба и земли, ибо когда *дао* и *дэ* устремлены высоко вверх, то козни и хитрости сами собой гибнут

Когда же наступили времена сяского Цзе, то воцарился мрак и не стало света, *дао* рассеялось и уже не совершенствовалось Отбросили как ненужное милости и наказания Пяти предков, оттолкнули от себя законы и установления Трех царей [41], и оттого совершенное благо погибло и уже не поднялось, *дао* предков закрылось и уже не возродилось. Принялись за дела, враждебные лазурному небу, отдавали приказы, противные четырем временам года. Весна и осень прибрали свою гармонию, небо и земля отняли свое благо. Добродетельные государи не чувствовали себя спокойно на своих тронах, сановники прятали истину и молчали. Придворные чины ориентировались на волю высших и утаивали должное. Люди отдалились от родных по крови и преисполнились самодовольством. Неправедные люди собирались по двоетрое, сколачивали группы и строили тайные планы. Господин и слуга, отец и сын соперничали друг с другом за горделивое главенство и поступали каждый по своему усмотрению. Мутили людей, чтобы добиться успеха в своем предприятии. И тогда между господином и слугой встало лукавство и появилось отчуждение. Родные по крови отдалились друг от друга и уже не могли сблизиться. Посевы у алтаря земли высохли, жертвенный алтарь растрескался. Дворец церемоний дрогнул и обрушился Собаки стаями, рыча, бросались в пучину, свиньи, неся в зубах свои подстилки, устремлялись к воде [42]. Красавицы спутывали волосы, клеймили лица и не заботились о красоте. Певицы глотали уголь, забивая все внутри, и уже не пели. На похоронах не изливались в горе, на охотах не слышно было веселья. Бабка Запада Сиванму [43] сломала свои головные украшения, дух Желтого предка громко застонал, пернатым рубили крылья, зверям ломали ноги. На горах не стало деревьев, на болотах – заводей. Лисы ложились головой по направлению к холму [44], где их нора, кони и быки паслись без присмотра, на полях не высились посевы, на дорогах не росла осока. Копили золото, пренебрегая честностью, брали нефрит, не считаясь с мерой. Бесконечно запрашивали черепаху, гадали на тысячелистнике, но не получали ответа.

97 В закатные времена семь царств [45] разделились на семь родов, *чжухоу* стали устанавливать каждый свои законы, каждый стоял за свои обычаи. Разделились на сторонников *цзун* и *хэн* [46], подняли войска и вступили в противоборство. Штурмовали стены, без удержу убива-

ди. Покоряли высокое, угрожали спокойному Разрывали могильные курганы, выкапывали человеческие кости. Делали осадные орудия все большими, наваливали холмы из трупов все выше. Расчищали дороги для битв, исправляли пути для смерти, нападали на суровых врагов, казнили нарушивших «долг». Из сотни возвращался один, покрытый громкой славой.

Сильные телом, легкие на ногу становились латниками. Скорбь и тоска теснили их грудь при воспоминании о тех, кто дома за тысячи *ли* отсюда остался старый и слабый. Прислуга и конюхи толкали телеги, подвозили провиант. Дороги и пути далеко простерлись, снег и иней порошили людей, короткие куртки не закрывали их тел. Повозки еле тащились, люди ослабли, вязли по колено в грязи, шли, поддерживая друг друга, высоко вскинув голову, и умирали, повиснув на поперечине телеги, которую тащили. На так называемых ничейных землях ничком лежали сотни тысяч трупов, разбитые телеги валялись десятками тысяч. Повсюду на дорогах раненные стрелой, копьем, пращой. Люди дошли до того, что спали на человеческих головах, ели человеческое мясо, жали сок из человеческой печени, пили человеческую кровь, лакомились кормом для скота. И так, начиная с Трех династий [47], никто в Поднебесной не мог покоить свою природу, жить своими обычаями, сохранять свое долголетие, и потому умирали преждевременно от людской жестокости. В чем же причина этого? *Чжухоу* осуществляли карательные походы, а Поднебесная не могла объединиться в одну семью.

Когда же настало наше время, то Сын Неба занял верховное место. Держась *дао* и *дэ*, опираясь на милосердие и справедливость, он заставил ближних нести ему свою мудрость, а дальних – хранить свою добродетель. Гости со всего пространства меж четырех морей, кто по доброй воле, кто подчиняясь распоряжениям, покорились ему. Весной, осенью, зимой и летом – все они несли свою дань. Поднебесная объединилась и сплотилась. Сыновья и внуки сменяли друг друга. Так Пять предков открывали путь небесному Благу.

Мудрецы не могут сами вызывать время, но, когда оно наступает, они не упускают его. Выдвигают способных помощников, изгоняют клеветников и льстецов, устраняют искусных краснобаев, отбрасывают жестокие законы; оставляют все суетные дела, щитом закрываются от слухов, запирают двери для всяких групп и партий, устраняют умствования и хитросплетения; чтят Великое постоянное [48], отказываются от ощущений четырех конечностей, отступаются от знания глаз и ушей. Сливают- 98

ся с хаотическим мраком, освобождают мысль, дают свободу духу, тихие, словно нет у них ни земной, ни небесной души, побуждают всю тьму вещей возвратиться к своему корню и этим оживить следы рода Фуси и вернуть *дао* Пяти предков.

Ведь Цянь Це и Да Бин [49] не пользовались уздой и поводьями, а прославлены в Поднебесной как прекрасные возничие. Фуси и Нюйва не вводили законов и установлений, а остались в грядущих поколениях благодаря высшей добродетели. Отчего это так? Оттого, что они обладали совершенной пустотой и небытием, чистотой и единством и не вгрызались в суетные дела.

В преданиях Чжоу [50] говорится: «Если и не достиг мирного правления, то хоть старайся подражать ему» А ныне делами правления ведают Шэнь [Бухай], Хань [Фэйцзы], Шан Ян [51]. Они вырвали корни, выдернули корневище, но так и не постигли истока рождения Отчего же так? Калечили, применяя пять наказаний [52], губили и резали, повернулись спиной к *дао* и *дэ* и стали бороться из-за грошовой выгоды. Казнили народ (бай син) все равно что траву косили, погубили больше половины и довольные, считали, что они управляют. Это все равно что, спасая от огня, подносить хворост, рыть канал и спускать из него воду. Живая катальпа, которой обсадили колодец так, что и кувшин не лезет; живые ветки, которыми обсадили канал так, что и лодка не поместится, не пройдет и трех лун как завянут. Отчего? Потому что выросли они одним порывом и нет у них прочных корней Река девять раз изгибается, но течет в море, не прерывая течения, потому что ее источник на Куньлуне. Разлившиеся после дождей воды не просачиваются в глубь земли. Пусть даже они будут так широки, как только глаз способен охватить, но если через декаду или луну не будет дождя, они застоятся и высохнут. Болота принимают дождевые воды, но у них нет собственного источника. Так Охотник просил у Бабки Запада Сиванму эликсир бессмертия, а Хэн Э [53] украла его и улетела с ним на луну. Охотник был опечален, как будто у него кто умер, тем, что не может его передать по наследству. Это оттого, что он не знал, откуда берется эликсир Вот почему просить огонь легче, чем добыть его; достать воду из колодца легче, чем вырыть его.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
О ДУХЕ

Еще не было ни неба, ни земли, только образы, и никаких форм [1]. Темным-темно, черным-черно, смутно, пустынно, велико и безбрежно, обширно и глубоко, неизвестно, где его двери. Были два духа [2], одновременно рожденные. Они обозначили небо, позаботились о земле Глубокое – неизвестно, где его предел, пространное – неизвестно, где ему конец. Затем произвели разделение на *инь* и *ян* [3], разъятие на восемь пределов. Твердое и мягкое образовались, и тьма вещей сформировалась. Мутный эфир образовал насекомых, кристально чистый эфир породил людей. Таким образом, дух – принадлежность неба, а плоть – земли. Дух уходит в свои врата, а плоть возвращается к своему корню. Вот и все, что есть мое существование! 99

Поэтому мудрец следует Небу, отдается на волю естества, не связывает себя суетой, не поддается людским соблазнам. Небо ему отец, земля ему мать, силы *инь-ян* – основа, четыре времени года – уток. Небо покойно благодаря чистоте, земля устойчива благодаря покою. Когда тьма вещей утрачивает эти свойства – она погибает, когда следует им – живет.

Итак, покой и тишина – это то, на чем утверждается божественный разум, пустота и ничто – обитель *дао*. Поэтому доискивающийся вовне теряет внутри себя, бережно хранящий свое внутреннее теряет во внешнем мире Это все равно как корень и макушка: потяни за корень, и тысячи ветвей, мириады листьев последуют как один. Итак, разум получен от неба, а плоть дарована землей. Поэтому и говорится: «Одно рождает два, два рождает три, а три рождает тьму вещей. Тьма вещей несет на себе *инь* и обнимает *ян*, столкновением [противоположного] эфира образуется гармония» [4]. Поэтому и говорится· в первую луну появляются соки, во вторую – припухлость, в третью – плод, в четвертую – мякоть, в пятую – мышцы, в шестую – кости, в седьмую оформление завершается, в восьмую [плод] приходит в движение, в девятую движение сменяется толчками, в десятую происходит рождение. Когда форма и тело завершены, образуются пять органов. 100

Легкие ведают глазами, почки – носом, желчный пузырь главенствует надо ртом, печень – над ушами. Все, что снаружи, – внешнее, все, что внутри, – внутреннее. Все, что открывается, закрывается, растягивается и сокращается, имеет свою основу и уток. Голова круглая – как небо, ступня прямоугольная – как земля. У неба есть четыре времени года, пять первоэлементов, девять выходов [5], триста шестьдесят шесть дней. У человека тоже есть четыре конечности, пять внутренних органов, девять отверстий, триста шестьдесят шесть суставов. Природе известны ветер и дождь, холод и жар. Человек также способен брать и отдавать, радоваться и гневаться. Желчный пузырь – это облака, легкие – эфир, печень – ветер, почки – дождь, селезенка – гром. Таким образом, человек есть часть троицы – небо, земля, человек. А сердце всему господин. Уши и глаза – это солнце и луна, кровь и эфир – ветер и дождь.

В центре солнца живет Трехлапый ворон, в центре луны живет Жаба. Солнце и луна, будучи пожраны [чудовищем] [6], теряют свой ход, утрачивают свет. Ветры и дожди, приходя не в свое время, ломают и рушат и порождают бедствия. Когда пять планет утрачивают свой ход, все страны страдают от несчастий. Отсюда следует, что *дао* неба и земли при всем своем величии как бы экономит свой яркий свет, щадит свой божественный разум. Что уж говорить о человеческих глазах и ушах! Разве способны они трудиться не отдыхая? Разве может разум долго расходоваться и не иссякнуть?

Кровь и эфир – это основа жизни человека, пять органов – это семя жизни. Поэтому если кровь и эфир удерживаются внутри, не переливаясь вовне, то внутреннее оказывается наполненным, а желания и страсти сокращаются. Внутреннее наполнено, желания и страсти сокращены, и тогда глаза и уши прочищаются, а слух и зрение способны далеко простираться. Это называется мудростью.

Если пять органов подчинены сердцу и не спорят друг с другом, то многообразные желания оказываются побеждены, а поступки не отклоняются от должного. Когда многообразные желания побеждены, а поступки не отклоняются от должного, то дух наполнен и эфир не рассеивается. Когда же дух наполнен и эфир не рассеивается, то все правильно соотнесено; а если правильно соотнесено, значит, уравновешено; а если уравновешено, то готово к постижению; а если готово к постижению, то человек становится разумен. Разумен, значит, все, на что смотрит,
101 видит; все, что слушает, слышит; все, что делает, успешно завершает. Поэтому он свободен от печали и страданий, а вредоносный эфир ему не страшен. Бывает, что ищут за пределами четырех морей и не находят; бывает, что хра-

нят внутри и не знают, потому что жаждущий слишком многого в результате получает мало; стремящийся узнать слишком много узнает мало.

Пустоты и углубления [7] – это окна и двери духа, а эфир и воля – это слуги-распорядители пяти органов. Когда глаза и уши безудержно наслаждаются красками и пением, то пять органов приходят в волнение и не могут успокоиться. Когда же пять органов взволнованы и не могут успокоиться, то кровь и эфир в смятении и не могут улечься. Когда кровь и эфир в смятении и не могут улечься, дух устремляется вовне и уже не может охранять внутреннего. Когда дух устремляется вовне и не в состоянии охранять внутреннее, то приходят счастье и несчастье. Будь велик, как гора, не постичь этого!

Пусть глаза и уши будут кристально чисты и простираются до глубин таинственного, не поддаваясь соблазнам; пусть эфир и воля будут безмолвны и покойны, а желания умеренны; пусть пять органов сохраняют устойчивость и полноту и ничто не просачивается наружу; пусть дух хранит тело и не изливается вовне – тогда даже те, кто провидят в глубь прошлых веков и в даль будущих, не сравнятся с тобой! Кто же не способен на это, осужден болтаться между счастьем и несчастьем. Поэтому и говорится: «Чем дальше едешь, тем меньше знаешь». Другими словами, нельзя допускать, чтобы дух истекал вовне.

Поскольку пять красок волнуют взор, пусть глаза не смотрят; пять звуков притупляют слух, пусть уши не внемлют; пять вкусов волнуют уста, пусть уста утратят вкус; поскольку принятие решения волнует сердце, пусть поступки станут легкими, как ветер. Из этих четырех вещей исходят в Поднебесной при воспитании своей природы. Однако они же являются путами для людей.

Поэтому и говорят, что страсти заставляют эфир переливаться через край, а пристрастия изнуряют сердце. Если не изгнать их, то эфир и воля будут с каждым днем истощаться. Люди потому не могут исчерпать до конца свой жизненный срок, а погибают на полпути от казни, что они слишком щедро живут. Лишь тот способен долго жить, кто может обходиться без даров жизни.

Так, Небо и Земля, вращаясь, образуют единство, тьма вещей в совокупности составляет одно. Кто познал одно, тот знает все; кто не способен познать одно, тот не знает ничего. Например, я ведь тоже – вещь Поднебесной. Не знаю, создан ли я для полноты Поднебесной, или, не будь меня, ее целостность не пострадала бы? Если даже так, я – вещь, и вещь – тоже вещь, какой смысл в этих похожих вещах? Оно рождает меня, – для какой пользы? Оно убивает меня, – какой от этого убыток? 102

Творящее изменения сделало меня горшком – я не могу не повиноваться. Откуда мне знать, что делающие иглоукалывание и прижигания, желающие сохранить себе жизнь не заблуждаются? Откуда мне знать, что тот, кто ищет смерти, затягивая узел на шее, не обретает счастья? Говорят, жизнь – это рабский труд, а смерть – отдохновение [8]. Поднебесная столь велика, кто может знать это? Творящее изменения породило меня – я не останавливал, оно убивает меня – я не препятствую. Желая жить, я ничего не делаю, чтобы жить, ненавидя смерть, я не отказываюсь от нее. Презирая, я не впадаю в ненависть, ценя, я не радуюсь Принимай то, что тебе отпущено Небом, будешь всегда спокоен.

С рождением я обретаю форму в семь *чи*, а по смерти у меня только клочок земли для гроба. Моя жизнь подобна всем, кто обладает формой, по смерти же я соскальзываю в бесформенное. Если так, то мое рождение не принесло никакой пользы живущим, а моя смерть не сделает землю более плодородной. Да и откуда мне знать, в чем грань между удовольствием и отвращением, пользой и вредом?

Творящее изменения хватает и вытягивает вещь подобно тому, как гончар глину. Берет и делает из нее таз. Этот таз не слишком отличается от глины, из которой сделан И вот уже готовый сосуд оно вдруг разбивает вдребезги и возвращает к основе. Эти осколки также не слишком отличаются от таза. В деревнях, прилегающих к Реке, жители поднимают воду из колодцев, чтобы поливать свои огороды, – Река не выказывает недовольства. Стоячие грязные воды отводят в Реку – эти воды не испытывают наслаждения, потому что вода, которая была в Реке, не перестала ею быть и на огороде, а та, которая была в сточной канаве, не перестала ею быть и в Реке.

103 Мудрец находит себе удобное место, сообразуясь со временем; находит себе дело в радость, сообразуясь с поколением. Скорбь и наслаждение – это зло для блага, радость и гнев – это вред для *дао*; любовь и ненависть – это ущерб для сердца. Поэтому и говорится о мудреце «Его жизнь – это шествие Неба, его смерть – это превращение вещи» В покое с *инь* закрывается, в движении с *ян* открывается Если разум безмятежно спокоен, не рассеивается на вещи, то Поднебесная сама собой подчинится. Итак, сердце – господин формы, а разум – сокровище сердца. Если тело без устали трудится, оно истощается; если семя постоянно расходуется, оно иссякает. Зная это, мудрец не отваживается переходить здесь меру. Так, сяский нефрит [9] хранится в шкатулке как самая большая драгоценность. Разум же представляет собой еще большее сокровище, чем сяский нефрит.

Поэтому мудрец, опираясь на небытие, откликается бытию и непременно постигает закон всеобщей упорядоченности и соотнесенности, опираясь на пустоту, принимает сущее и непременно постигает все сопряжения. В блаженной радости, тишине и покое живет отведенный ему срок. Поэтому «нет для него ни чужих, ни родных, обнимает благо, хранит гармонию и послушно следует небу» [10]. Граничит с *дао*, соседствует с благом, не предваряя счастья, не накликая беды. Его небесная душа и его земная душа [11] покоятся на месте, а разум хранит свой корень. Жизнь и смерть не производят в нем изменений. Поэтому о нем говорится: «Высший разум».

Естественный человек свою природу приводит в соответствие с *дао*. Поэтому то ли есть, то ли нет, то ли полон, то ли пуст. Стоит на одном и не знает, что такое два, бережет внутреннее и не заботится о внешнем. Светлый и чистый, в высшей простоте и недеянии возвращается к первозданной безыскусственности. Воплотив корень, обняв разум, странствует меж небом и землей. Свободный, плывет за пределами пыльного мира, бродит в краю, где не занимаются делами. Необъятный, обширный, сердце его не обременено ухищрениями искусства. Поэтому жизнь и смерть для него одинаково велики и не производят в нем изменений. Хотя небо покрывает, а земля несет на себе, он не зависит от них; он проникает в не имеющее щели [12] и не смешивается с вещами; наблюдая хаос дел, способен не упускать их корень.

Подобные ему смиряют свои желчь и печень, отказываются от свидетельств глаз и ушей, концентрируют волю 104
и мысли внутри, далеко проникают, объединяясь в одно с Единым. Находясь в покое, не знают, чем заняться; идя, не знают куда. Отправляются, как в тумане, приходят, смутно сознавая зачем. Форма такого подобна сухому дереву, сердце подобно угасшему пеплу [13]. Забывает о пяти органах, пренебрегает плотью. Не учится, а знает, не смотрит, а видит, не действует, а свершает, не управляет, а все упорядочено. Ощущая – откликается, вынужденный – движется, побуждаемый – идет, подобно отсвету, подобно тени. Ведомый *дао*, встречает вещи и естественно на них отвечает. Обнимает корень Великой чистоты и ничем не обременен, вещи его не тревожат. Невидимый, неслышимый, он пуст. Чистый и спокойный, он свободен от дум. Огонь горящих болот его не обжигает, сковывающий реки [14] мороз не обмораживает; громовой раскат, сокрушающий горы, его не пугает; ураган, затмевающий солнце, ему не вредит. Драгоценные сокровища, жемчуг и нефрит для него все равно что мелкая галька; высокий вельможа, властный фаворит для него все равно что заезжий гость; Мао Цян и

Си Ши [15] он не отличит от огородного пугала. Жизнь и смерть для него лишь превращение, а тьма вещей – как один род. Объединяет свои *цзин* с корнем Великой чистоты и странствует в просторах смутного края. Свои *цзин* не посылает, свой дух не трудит. Объединяется с безыскусственностью Великого хаоса и устанавливается в центре Совершенной чистоты.

Поэтому он спит без сновидений, его ум молчит, его земная душа не тянет вниз, его небесная душа не рвется вверх. Бродит между началом и концом, не заботясь об их границах. Сладко спит в обители Великой тьмы и пробуждается в Световом пространстве. Отдыхает в краю, где нет границ, и странствует в земле, где нет форм. Поселяется, не занимая объема, помещается, не занимая места. В движении невидим, в покое неощутим. То ли есть, то ли нет, то ли жив, то ли мертв, то появится, то исчезнет в не имеющем промежутка. Он делает своими рабами демонов и духов, проскальзывает в неизмеримо глубокое, проходит в не имеющее промежутка и кружится среди разнообразных форм. Конец и начало подобны кольцу – не постичь их круговорота. Только разум способен восходить к самому *дао*.

Странствие естественного человека подобно вдоху и выдоху – выдыхает старое, вдыхает новое. Ничто не способно взволновать сердце человека, воспитавшего свою форму: ни раскачивающийся на ветвях медведь, ни вытянувшая голову птица, ни плещущиеся в воде дикие утки, ни скачущие обезьяны, ни глаза совы, ни повернувший голову тигр. Пусть дух его высоко вздымается, он при этом не теряет полноты. Ни день, ни ночь не приносят ему ущерба, он со всем сущим переживает весну [16]. А когда достигнуто это единство, в сердце родится чувство времени [17]. Умеющий беречь свою форму не терпит ущерба и в сердце: есть жилище, и *цзин* не утекают. Но ведь прокаженный не сбивается с дороги, а форма помешавшегося не имеет изъяна – но кому досуг задумываться над тем, как может дух при этом далеко переселяться?

.Форма изнашивается, а дух не подвержен изменениям, потому что, опираясь на неизменяющееся, откликается изменяющемуся. Происходит тысяча превращений, тьма перемен, и нет им конца. Изменяющееся вновь возвращается в бесформенное, неизменяющееся же рождено вместе с небом и землей [18].

Когда дерево умирает, зелень оставляет его. Разве то, что заставляет дерево жить, дерево же? А наполняющее форму ведь не форма же? Вот почему то, что порождает жизнь, никогда не умирает, а умирает только то, что им порождено; то, что изменяет вещи, само не изменяется, а

изменяются лишь творимые им изменения [19]. Презри Поднебесную, и с духа спадут оковы; пренебреги вещами, и сердце освободится от сомнений; уравняй жизнь и смерть, и воля обретет бесстрашие; уподобься ходу изменений и превращений, и взор твой обретет ясность.

То, что для массы людей есть только пустые слова, я намерен разложить по родам и пристально рассмотреть.

Наслаждение быть владыкой происходит от возможности полного удовлетворения желаний глаз и ушей, 106
удовольствий тела и плоти. Ныне считаются красивыми высокие башни и многоярусные беседки, а при Яо были простые нетесаные балки, невыделанные карнизы; считаются прекрасными драгоценные диковинки, невиданные редкости, а при Яо ели простой рис и просо да похлебку из ботвы; считаются приятными узорчатая парча и белый лисий мех [20], но Яо прикрывал тело холщовой одеждой, спасался от холода оленьей шкурой. Предметы, необходимые для жизни, не надо умножать, с прибавлением их удваиваются печали. Поэтому Яо передал Поднебесную Шуню так, как будто освободился от тяжелой ноши, и не просто на словах – поистине ему с ней нечего было делать. Это вот и есть средство презреть Поднебесную. Юй, объезжая [Поднебесную] и будучи на юге, переправлялся через Реку. Желтый дракон поднял его лодку на спину, люди в лодке перепугались так, что то краснели, то бледнели. Юй же весело сказал: «Небо дало мне жизнь. Я истощил силы, служа народу. Жизнь – обуза, а смерть – возвращение. Стоит ли напрасно возмущать свой покой?» Юй посмотрел на дракона, словно на какую-нибудь ящерицу, и даже не изменился в лице, а дракон прижал уши, вильнул хвостом и исчез. Юй конечно же умел презирать вещи.

Чжэнская шаманка гадала Хуцзы Линю по лицу [21]. Результат сказала Лецзы, и тот, плача, отправился к Хуцзы поведать о беде. А Хуцзы жил, опираясь на свою небесную и земную природу, отношения имени и сущности его не занимали, – ибо пружина жизни запускается не снаружи, а внутри [22]. Он смотрел на жизнь и на смерть как на равные вещи. Цзы Цю [23] было пятьдесят четыре года, когда у него вырос горб. Позвоночник вздыбился над макушкой, подбородок упирался в проваленную грудь, бедра торчали вверх, фаллос, приходя в волнение, упирался в небо. Он подполз на четвереньках к колодцу и воскликнул: «Великолепно! Творящее изменения сделало меня таким пригожим!» Для него все изменения и превращения были равны [24].

Поэтому, взирая на путь Яо, видя волю Юя, понимаешь ничтожество Поднебесной; вникая в рассуждения

107 Хуцзы, познаешь равенство жизни и смерти; видя Цзы Цю, убеждаешься в равенстве всех изменений Поэтому совершенный человек стоит, опираясь на неколебимую колонну, идет по нескончаемой дороге, пользуется неиссякаемой казной, учится у бессмертного учителя. Куда бы ни направлялся, все пройдет, во что бы ни уперся, все преодолеет. Жизнь считает недостойной того, чтобы тревожить свою волю, смерть – чтобы омрачать свой дух Вытягивается и сокращается, поднимается и опускается покорный судьбе, послушно следует ее поворотам. Беда и счастье, польза и вред, тысячи изменений, тьма превращений – разве достойно что-нибудь из них страданий сердца?!

Такой хранит изначальную простоту, бережет кристальную чистоту. Как кузнечик сбрасывает свой покров, как змея меняет кожу, странствует в Высшей чистоте, взмывает ввысь и остается один, забывшись, вступает в тьму. Если даже фениксы не могут поспеть за ним, то что уж говорить о перепелках! Власть, положение, титул, жалованье – разве способны они возбудить его волю? Яньцзы во время присяги Цуй Шу под угрозой смерти не изменил долгу [25]. [Цилян] Чжи и Хуа [Чжоу] [26] шли в смертельный бой, и правитель города Цзюй не смог их остановить щедрой взяткой. На Яньцзы можно было воздействовать милосердием, но нельзя было принудить силой Чжи и Хуа могли остановиться ради соблюдения долга, но их нельзя было прельстить выгодой. Если долг велит благородному мужу умереть, его не остановить ни богатством, ни знатностью; если долг повелевает действовать, то его не запугать угрозой смерти. Если уж ради исполнения долга остаются непреклонными, то тем более непреклонны те, кто вообще не связан вещами, и еще более те, кто пребывает в недеянии!

Яо не дорожил Поднебесной, поэтому и передал ее Шуню; царевич Чжа не слишком высоко ставил обладание царством, поэтому и уступил престол [27], Цзы Хань не считал нефрит богатством, поэтому и не принял сокровища [28]; У Гуан не захотел сохранить жизнь, поступившись долгом, потому и бросился в пучину [29]. С этой точки зрения высшее благородство не зависит от пожалований, высшее богатство не зависит от имущества: нет ничего более Поднебесной,
108 однако была отдана другому; нет ничего роднее тела, однако было брошено в пучину. За вычетом сказанного ничто не достойно того, чтобы его домогаться. Таких называют освободившимися от пут. Освободившиеся от пут не дорожат Поднебесной.

Если вникнуть в доводы совершенного человека, вдуматься в суть изначальных *дао* и *дэ*, а затем обратиться к

поступкам пошлой толпы, то поистине становится стыдно! По сравнению с поступком Сюй Ю что стоят «Золотая перевязь» и «Леопардовый колчан»! [30] Яньлинский Цзицзы не принял царства У, и тяжущиеся из-за свободных земель устыдились [31]. Цзы Хань не прельстился драгоценным нефритом, и спорящие из-за долговых обязательств были пристыжены. У Гуан не захотел пачкаться грязью современного мира [32], и алчные и трусы задумались. Поистине, не встретившись с людьми высокой чести, не знали бы, что жизнь недостойна того, чтобы ее жадно домогаться; не услышав великих речей, не знали бы, что Поднебесная не представляет достаточной выгоды.

Так, собравшиеся у бедного деревенского алтаря бьют в тазы, хлопают по стенкам кувшинов, вторя друг другу, поют – и считают это радостью. А когда бы они попробовали ударить в барабан *цзяньгу* [33], зазвонить в великий колокол, то сердце их содрогнулось бы и они устыдились бы своих тазов и кувшинов. Те, кто бережно хранит Песни и Предания, совершенствует свое знание канонов, но не проник в смысл совершенных речений, подобны бьющим в тазы и хлопающим по стенкам кувшинов; а те, кто старается ради Поднебесной, подражают бьющим в барабан *цзяньгу*. Почет и власть, преуспеяние и выгода – это для всех предмет вожделений, но дай им в левую руку Поднебесную, а правой пусть перережут себе горло, ведь и глупец не согласится. Значит, жизнь дороже Поднебесной?!

Мудрец ест столько, сколько нужно для поддержания дыхания; одевается так, чтобы прикрыть тело, удовлетворяет естественные потребности, не нуждаясь в лишнем. Нет Поднебесной – это не нанесет ущерба его природе, есть Поднебесная – это не нарушит его гармонии. Есть Поднебесная, нет ли – ему все едино. Пожалуй ему хоть житницы Аоцан [34], отдай большие и малые реки – он проголодается и поест, почувствует жажду и напьется. То, что вошло в его чрево, не больше плетенки каши да ковша воды, а он сыт, запасы же Аоцана не уменьшились; он утолил жажду, воды же больших и малых рек не оскудели. Есть они – он не станет более сыт, нет их – он не будет голоден, они для него все равно что амбар для зерна, что колодец во дворе.

Великий гнев уничтожает *инь*, великая радость наносит 109
урон *ян* [35], великая печаль разрушает внутреннее, великий страх порождает безумие. Чем отстраняться от грязи, отбрасывать путы, не лучше ли никогда не покидать своего корня и пребывать в великом единстве? Зрение ясно, но он не смотрит, слух чист, но он не слушает, уста сомкнуты и не говорят, сердце сосредоточено, но нет в нем дум. Он отбра-

сывает свидетельства и слуха и зрения и возвращается к Высшей простоте, отпускает на свободу свой разум и гонит прочь уловки знания. Бодрствует, словно дремлет, жизнь уподобляет смерти Умирая, возвращается к корню, еще не родившись, составляет одно с изменениями. Смерть и жизнь для него едины. Ныне отбывающие трудовые повинности с заступами и кирками в руках, с корзинами земли за плечами обливаются соленым потом, задыхаются от усилий А в те времена люди, лежа под тенистым деревом, радовались, свободно дыша. А внутри горной пещеры отдых еще приятнее! Ныне страдающие от заворота кишок хватаются за сердце, мнут живот, стоя на коленях, бьются головой об пол, корчатся от боли и громко плачут, не в состоянии заснуть ночь напролет. А в те времена родичи и братья, довольные, были веселы и, едва зевнув, засыпали. А покой длинной ночи ведь еще приятнее зевка! Поэтому тот, кто познал величие космоса, равнодушен к жизни и смерти; кто познал радость воспитания жизни, не привязан к Поднебесной; кто познал наслаждение жизни до рождения, не боится смерти; кто осознал преимущества Сюй Ю перед Шунем, тому не нужны вещи. Обвал стены лучше, чем ее водружение, – а еще лучше ее не строить; таяние льда лучше, чем его образование, – а еще лучше, если бы его и не было.

Из небытия вступаем в бытие, из бытия – в небытие. Конец и начало не имеют грани, неизвестно, что их порождает. Не постигнув, что есть внешнее, что – внутреннее, как достичь бесстрастия? Внешнее, не имеющее за собой внешнего, – это совершенное величие; внутреннее, не имеющее ничего внутри себя, – это высшая ценность.

110 Способный познать высшее величие и высшую ценность куда бы ни пошел, ему нет препятствий.

А наш слабый век пристрастился к учению, забыл свое изначальное сердце, покинул корень. Только и знают, что гравировать и шлифовать свою природу, ломать и насиловать свое естество в угоду современникам. Поэтому глазами хоть и желают – пресекают установлениями, сердцем хоть и стремятся к наслаждению – сдерживают себя ритуалом; суетятся и кружатся, преклоняют колени и униженно кланяются. Мясо остыло – не едят, вино с осадком – не пьют. Связали свое тело, стиснули благо, сдавили гармонию *инь* и *ян*, поработили естество. Потому всю жизнь остаются страдальцами.

Достигший высшего *дао* не таков. Он приводит в порядок свои естественные чувства и свою природу, упорядочивает мысли, растит в себе гармонию, ценит соответствие. Он находит наслаждение в *дао* и забывает о худородстве, обретает покой в благе и забывает о бедности. В

его природе не желать, но нет такого желания, которого бы не осуществил; в его сердце не живет наслаждение, но нет такого наслаждения, которого бы он не мог испытать. Не обременяющий своего естества не накладывает пут и на благо; умеющий найти соответствующее своей природе не повредит и своей гармонии. Поэтому отпусти на волю свое тело, дай свободу своим мыслям – и станешь для Поднебесной образцом умеренности и обуздания себя.

Ныне же конфуцианцы не вскрывают корень желаний, а запрещают само желаемое, не ищут истока наслаждений, а пресекают сам предмет наслаждения. Это все равно что пытаться рукой заткнуть источник, питающий большие и малые реки. Пастырь народа подобен хозяину зверинца. Он хочет, чтобы звери прожили как можно дольше, а при этом запирает их в загоны и возбуждает в них злость, стреножит их и лишает движения. Разве таким способом достичь желаемого? Так, Янь Хуй [36], Цзылу, Цзыся, Жань Боню – самые способные ученики Кунцзы. Однако Янь Юань рано умер, Цзылу засолили в Вэй [37], Цзыся потерял зрение, Жань Боню заболел [и умер]. Все они принуждали свою природу, пренебрегали естеством, но не обрели покоя. Некогда Цзэнцзы [38], встретясь с Цзыся, удивился, почему тот то худел, то толстел. На вопрос Цзэнцзы о причине тот ответил: «Вначале я познал наслаждение, которое дают знатность и богатство, и возжелал их. Затем узнал радость приобщения к пути прежних царей и возликовал. Эти две вещи боролись в моем сердце, потому и отощал. Путь прежних царей победил – потому и растолстел».

Принуждают себя не жаждать богатства и знатности, 111
не получать удовольствия от роскоши и изобилия; принуждают свою природу, сдерживают желания, напоминая себе о долге. При этом, хотя естественные чувства зажаты и задавлены, тело и природа изломаны и истощены, все-таки как будто поневоле насилуют себя – потому и не доживают до конца дней своих.

А совершенный человек ест, соразмеряясь с желудком, одевается, соразмеряясь с формой, странствует, покоряясь телу, поступает, сообразуясь с естеством. Он отстраняет Поднебесную – она ему не нужна, отвергает тьму вещей, не видя в ней пользы. Он живет в широчайшем пространстве, странствует в беспредельных краях, восходит к Высшему Владыке [39], опирается на Великое Единое, Вселенную перекатывает, как шарик на ладони. Что для него значат бедность и богатство, станет он толстеть или худеть из-за них?!

Конфуцианцы не могут заставить людей не желать, а могут только заставить воздерживаться, не могут заста-

вить людей не наслаждаться, а могут только пресечь наслаждение. Принудить Поднебесную бояться наказания и не сметь разбойничать разве значит заставить не иметь разбойничьих помыслов?

Юэсцы ловят удавов и едят их как большое лакомство, а в Срединных землях их считают бесполезными. Следовательно, и жадный способен отказаться, если понимает бесполезность вещи; если же не понимает этого, то и нежадный не отступит. Так владыки царств теряли свои царства и жертвовали алтарями, умирали от руки врага и делались посмешищем Поднебесной – всегда из-за чрезмерных желаний! Государь Цюю, польстившись на взятку – большой колокол, потерял царство; юйский правитель дал поймать себя, прельстившись нефритом из Чуйцзи, Сянь-гун, покоренный красотой Цзи из Ли, породил смуту в четырех поколениях; Хуань-гун насладился яством, приготовленным И Я, а в результате не был вовремя похоронен; хуский царь, увлекшись красотой танцовщиц, потерял свои лучшие земли [40]. Если бы эти пять государей сообразовывались с естеством, отказывались от лишнего, довольствовались для себя необходимым и не шли на поводу у вещей,
112 разве их постигло бы такое несчастье? Обычный стрелок без стрелы не попадет в цель, а овладевший истинным искусством стрельбы и не заботится о стреле. Обычный возничий без вожжей не отправится в путь, а истинно овладевший искусством управления колесницей не пользуется вожжами. Понимающий бесполезность зимой опахала, а летом – мехового халата смотрит на все превращения тьмы вещей как на пыль.

Подливая кипяток в кипящую воду, кипения, конечно, не остановить. Истинно понимающий корень дела убирает огонь, и все.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
КОРЕННАЯ ОСНОВА

В начальные времена Великой чистоты царили мир и 113
согласие, тишина и покой. Люди были просты и естественны, чисты и безыскусны. Пребывали в безмятежном бездействии и не суетились. Действовали не задумываясь, – внутренне *сливаясь с дао*, вовне *сообразуясь с долгом*. Принимались за дело и завершали его красиво, двигались весело и применяясь к вещам. Их речи были кратки и разумны, поступки прямы и согласны с чувствами. Их мысли были легки и не притворны, дела просты и без прикрас.

Поэтому они не выбирали сезона и дня, не гадали по триграммам и на панцирях черепах, не обдумывали, с чего начать, не обсуждали, чем кончить. В покое стояли, побуждаемые – шли. Телом соединялись в одно с небом и землей, свои частицы *цзин* уподобляли *инь* и *ян*, свой гармоничный эфир – четырем сезонам. Светили одним светом с солнцем и луной, Творящему изменения были то самкой, то самцом.

Итак, небо все покрывало благом, земля всему давала радость. Четыре сезона не теряли порядка, дожди и ветры не несли беды. Солнце и луна были ясны и посылали свой свет, пять планет хранили колею и не сбивались со своего пути.

В те времена таинственно-сокровенное распространяло свою силу широко и освещало своим светом все вокруг. Фэнхуан и цилинь являлись, а тысячелистник и черепаший панцирь слали предвестья [1]. Выпадала сладостная роса, созревал и наливался соком бамбук, нефрит *люхуан* обнажался, появлялась красная трава *чжуцао* [2]. Козни и ложь не прятались в сердце.

Когда же настало время упадка, то стали буравить горы, резать по металлу и нефриту, вскрывать жемчужные раковины, плавить медь и железо, – а вещи не прирастали. Стали вскрывать плод во чреве, убивать юных. Цилинь уже не показывался. Вывертывали гнезда, губили птенцов. Фэнхуан уже не парил. Сверлили кружок, добывая огонь, вязали деревья для возведения башен, жгли леса ради охоты, спускали воды озер, добывая рыбу. У людей не хватало 114
уже орудий и места для хранения [3], а тьма вещей не успевала ни проклюнуться, ни распуститься. Молодые ростки, яйца, зародыши – еще не созрев, отправлялись в закрома, где составляли половину содержимого.

Громоздят землю и насыпают холмы; удобряют поля и сеют зерно; взрывают землю и роют колодцы, отводят воду ради своей пользы, строят стены ради своей безопасности. Держат на привязи животных, превращая их в скот. От этого *инь-ян* беспорядочно сталкиваются, четыре времени года теряют свой порядок, гром и молнии несут гибель и разрушения, снежная крупа и град нещадно бьют живое. Пары и туманы, иней и снег не прекращаются, и тьма вещей гибнет, не созрев. Дикие травы, кустарник и сорняки, собранные, лежат на межах. Скашивают любую травину, давая место [хлебным] росткам и побегам. Растениям, у которых поломаны всходы, смяты цветы, подавлены плоды, – несть числа.

А теперь еще высокие хоромы, дворцовые постройки, ряды приусадебных садов. Балки, стрехи, решетины и головки – все в резьбе, рисующей длинные ветви высоких деревьев, острые листья водяного каштана, лилии и лотосы. Соперничают все цвета, смешиваясь и переливаясь. Стелются извивы, то развертываются, то свертываются завитки, слоятся кривые острия, разбегаются во множестве сплетения корней. Гуншу Бань и Ван Эр не нашли бы, куда приложить свои кривые ножи, сверла, тесаки и пилы. А страстям властителей все нет успокоения. Вот почему и кипарис с сосной, и бамбук *цзюньлу* усыхают даже летом. Пересыхают воды Цзян и Хэ и трех рек, на выпасах появляется баран *и*[4], саранча заполоняет поля. Небо раскалилось, земля растрескалась. Фэнхуан более не спускался. Когтистые, острозубые, рогатые, иглокожие звери кинулись на добычу. Люди ютились в тростниковых лачугах, где не было места гостю. От голода и холода погибало столько люду, что трупы лежали один на другом.

А потом дело дошло до того, что разделили горные и речные долины на обрабатываемые земли, определили их границы, посчитали людей – сколько кого, каждому отвели его долю. Стали строить стены, прорывать рвы, соорудили
115 оборонительные машины, возвели препятствия и заграждения. Установили службы и занятия, определили ступени подчинения, провели различие между благородными и худыми, отделили достойных от недостойных, изъяснили, что есть зло, а что добро, ввели в действие награды и наказания. И тогда оружие и щиты явились во множестве, и поднялись тяжбы и раздоры. С того времени начались гибель и подавление людей, преждевременная смерть и страдания, жестокие убийства невиновных, наказания и казни не свершивших преступления.

Небо и земля сливаются в гармонии, *инь* и *ян* формуют тьму вещей. И вся она несет в себе человеческий эфир. Вот

почему когда сердца высших и низших в раздоре, эфир клубами уходит вверх. Когда между господами и слугами нет согласия, пять злаков не вызревают. На 46-й день после зимнего солнцестояния небо затаивает в себе Гармонию и не опускает ее на землю, а земля хранит свой эфир и не дает ему подняться. *Инь* и *ян* перекатываются, дыша и увлажняя. Берут под свою опеку нравы и обычаи, взвешивают меру, по которой разнится тьма особей, сближая и пригоняя друг к другу множество сходств, ласково лелея, сбраживая как вино, формируя и выращивая все живое. Поэтому когда весна сурова, а осень цветуща, когда зимой гремит гром, а летом падает иней, это рождено разбойным эфиром.

С этой точки зрения небо и земля, пространство и время [, космос,] – одно человеческое тело [5], посреди шести сторон все управляется как в человеке. Поэтому тот, кто познал природу вещей, для того не существует угроз неба и земли, того, кто постиг закон совмещения [6], не смутят чудеса.

Вот почему мудрец на основании того, что близко, познает далекое, – для него тьма различий имеет одну основу.

В древности люди дышали единым эфиром с небом и землей, шли вровень со своим веком. В те времена не знали выгоды от поздравлений и подарков, страха от наказаний и штрафов. Ритуал и чин, совестливость и стыд еще не появились [7], хула и слава, добропорядочность и подлость не были введены, а люди жили, не нападая друг на друга, не обижая, не чиня разбоев и не проявляя жестокости, – словно во времена первобытной Тьмы.

Когда же наступили времена упадка, то людей стало много, а имущества мало, трудились до изнеможения, а пропитания не хватало. От этого родились раздоры и ссоры. Тогда-то и оценили добропорядочность. Добропорядочные и подлые перестали составлять одно. Содружества и партии стали замышлять козни, строить коварные и хитрые планы, а природные свойства вещей утратились. Тогда-то и стали ценить справедливость и долг. Мужчины и женщины скопом поселялись в разных местах и не знали различия между собой. Обладание *инь* и *ян* всех делает способными к чувствам – через кровь и эфир. Тогда-то и стали ценить ритуал. Свойственные от природы чувства, переливаясь через край, стали опасными, невольно утрачивалось спокойствие. Тогда-то и оценили музыку. Так что милосердие, долг-справедливость, ритуал и музыка могут спасти от краха, но не являются лучшим средством устроения мира.

Милосердие спасает от споров. Долг-справедливость 116
спасает от утраты природных свойств. Ритуал спасает от

несдержанности чувств. Музыка спасает от печалей. Когда божественный разум устанавливается в Поднебесной, сердца возвращаются к своему истоку. Когда сердца возвращаются к своему истоку, то людская природа становится доброй. Когда людская природа становится добра, а небо и земля, *инь* и *ян* идут своим порядком и пекутся о вещах, то имущества становится достаточно, а люди безмятежно-спокойны, и нет места алчности, низости, ссорам и тяжбам. Если смотреть с этой точки зрения, то милосердие и долг-справедливость не нужны. Когда *дао* и *дэ* устанавливаются в Поднебесной и люди просты и безыскусственны, то их взоры не смущает красота, их слух не упивается звуками. Развлекаются зрелищами, поют песни или вольно бродят, распустив волосы. И пусть завидят красоту, подобную Мао Цян и Си Ши, это не доставит им радости, танцы «Колыхающиеся перья» и «Боевые слоны» они не почтут за музыку [8]. И здесь нет места несдержанности и незнанию правил вежества. С этой точки зрения ритуал и музыка не нужны.

Так что когда *дэ* разрушается, тогда и рождается милосердие. Каноны поведения разрушаются, и рождается долг-справедливость. Гармония утрачивается, и рождается музыка. Ритуал переходит меру, и возникают внешние украшения.

Только познав божественный разум, понимают, что *дао* и *дэ* не могут помочь. Только познав *дао* и *дэ*, узнают, что милосердие и долг-справедливость не нужно насаждать. Только познав милосердие и долг-справедливость, узнают, что ритуал и музыка не стоят усилий. Ныне повернулись спиной к корню и ищут в верхушках, отказались от главного, а заняты подробностями. С ними нельзя говорить о высшем.

Всю великость вселенной можно измерить угольником и солнечными часами [9]. Ход звезд и луны можно рассчитать с помощью календаря. Удары грома можно воспроизвести барабаном и колоколом. О переменах ветра и дождя можно узнать по музыкальным трубкам. Отсюда ясно, что то великое, что можно наблюдать, можно измерить; то светлое, что доступно зрению, можно притушить; звуки, доступные слуху, можно согласовать; цвета, которые можно воспринять, – сделать различимыми. Но самое большое Вселенной не вместить; самое тонкое божественным разумом не осветить. Дошли до того, что изобрели трубки и календарь, дифференцировали пять цветов; установили различие между чистыми и мутными звуками [10]; установили различие во вкусах – сладких и горьких. И тогда невыделанное дерево исчезло, а из него был сделан сосуд [11]. Учредили ми-

лосердие и долг-справедливость, изобрели ритуал и музыку, и благо ушло и превратилось в ложь и искусственность. А с рождением искусственности придумывают мудрствования, чтобы запугивать невежественных, лживыми речами морочить высших.

В Поднебесной есть те, кто поддерживает заведенный порядок, и есть те, кто его устанавливает [12]. Некогда Цан Се изобрел письмо, и Небо полило дождем зерно, а души умерших ночью заплакали [13]. Бо И изобрел колодец, и 117
дракон взмыл к Черному облаку [14], духи слетелись на Куньлунь. Чем больше росли умения, тем более оскудевала добродетель. Поэтому на чжоуских треножниках изображен Чуй с закушенными пальцами, чтобы сказать, что высшее искусство не рукотворно.

Поэтому порядок, устанавливаемый совершенными людьми, состоит в том, чтобы сердце и дух были вместе, форма согласовывалась с природными свойствами, в покое – воплощали благо, в движении – проникались природным порядком вещей. Совершенный человек следует своей свободно развертывающейся природе, придерживается хода неизбежных изменений. Глубокий как хаос, пребывает в недеянии, а Поднебесная сама приходит в гармонию; покойный и бесстрастный, а люди сами обретают первозданную простоту. Нет благовещих знамений, а люди не погибают преждевременно. Не спорят, не соперничают, а пропитания достаточно. Объемлют собой все пространство меж четырех морей. Милость разливается на все последующие поколения, и не известно, кто это делает [15].

Поэтому при рождении нет у него прозвания, по смерти – посмертного титула, имущество не накапливает, славы не добивается. Делает раздачи и не считает это благодеянием; спокойно принимает от дающего и не отказывается [16]. Поскольку все общение пронизано благом, то нет таких, которые бы не были благом исполнены. Когда же все связаны благом, то *дао* не может быть нанесен вред. И если уж знающий не знает, то и красноречивому не объяснить. Кто красноречив без речей, кто овладел неизреченным *дао*, тот называется проникшим в небесную кладовую. Берешь из нее, она не скудеет; черпаешь из нее, она не истощается. Никто не знает, где ее исток. Назовем ее Йогуан [17]. Йогуан снабжает ресурсами тьму вещей, спасает от трудностей и бедности, восполняет недостаток, – и слава рождается. Поддерживает полезное, устраняет вредное, карает смутьянов, пресекает разбой, – и труд завершается успехом. В мире нет стихийных бедствий и порчи, и богам нет нужды слать свою благодать, высшие и низшие находятся в мире и гармонии, и потому достойным негде свершать свой подвиг.

Некогда, во времена Юн Чэна [18], на дорогах старые и малые шли, соблюдая строй, как в гусином клине, подсаживали малолетних в гнездо, оставляли избытки зерна на краю поля, тигра и барса можно было потрогать за хвост, на змею – наступить ногой, и никто не задавался вопросом, почему это так.

Когда же наступили времена Яо, десять солнц вместе вышли на небосвод. Они сожгли хлеба и посевы, иссу-
118 шили деревья и травы, и люди остались без пропитания. Чудовища Яюй, Зубы-Буравы, Девять Младенцев, Тайфэн, Дикий Вепрь, Длинный Змей [19] стали бедствием для людей. Тогда Яо послал Охотника, и он казнил Зубы-Буравы в краю Цветущего поля, убил Девять Младенцев на реке Зловещей, поразил стрелой Тайфэн на озере Зеленого холма [20], выпустил стрелы в десять солнц, внизу поразил чудовище Яюй. Разрубил на части Длинного Змея на озере Дунтин, поймал Дикого Вепря в Роще шелковиц [21]. И возрадовались тогда люди, и поставили Яо Сыном Неба. С той поры в Поднебесной появились дороги и селения в местах просторных и узких, на пересеченной местности и на равнинах, в удаленных местах и вблизи.

Во времена правления Шуня Гунгун вздыбил разлившиеся воды и обрушил потоп на Полую Шелковицу [22]. Драконовы ворота еще не были открыты, Люйляна еще не существовало, реки Цзян и Хуай вместе несли свои воды, четыре моря были залиты бушевавшей водой. Люди поднялись на холмы и курганы, спасались на деревьях. Тогда Шунь повелел Юю развести реки, наполнить озера, расчистить проход Ицюэ, провести русла рек Чань и Цзянь [23], сделать канавы, прорыть каналы, отвести воды в Восточное море. Бушующие воды стекли, девять материков осушились, и люди смогли покоить свою природу. Потому и называют Яо и Шуня мудрыми.

В закатные времена владыками стали Цзе и Чжоу. Они красной яшмой выложили покои, из блестящей яшмы возвели высокие башни, из слоновой кости – галереи, из белого нефрита – спальное ложе. Чжоу разбил мясной сад и винные пруды [24], спалил все богатства Поднебесной, разбазарил силы несчастного народа. Вскрывал внутренности тем, кто подавал советы, вынимал плод у беременных женщин. Разбойничал в Поднебесной, творил бесчинства среди простого народа (бай
119 син). И тогда Тан с тремя сотнями боевых колесниц выступил против Цзе в Южном гнезде, загнал его в Великую башню. У-ван с тремя тысячами латников разбил Чжоу на Пастушьем поле, убил его в Сюаньши [25]. Поднебесная успокоилась и утвердилась. Народ (бай син)

жил в согласии и мире Вот почему Тана и У называют достойными.

Отсюда видно, что те, кто имеют славу мудрых и достойных, обязательно испытывают на себе несчастья смутного времени.

А ныне совершенный человек, живя в смутное время, прячет в себе добродетели, таит в себе *дао*, скрывает беспредельный свой ум, сковывает уста, прекращает речи. И тех, кто умер, так и не сказав ни слова, множество, а Поднебесная так и не узнала цены их молчанию. Вот почему «*дао*, которое может быть выражено словами, не есть истинное *дао*. Имя, которое может быть названо, не есть истинное имя» [26].

Пишут на бамбуке и шелке, гравируют на металле и камне, но то, что передается людям, – лишь вершки. Пять предков и Три царя известны разными делами, но их направление – одно; они шли разными дорогами, но к одной цели. Ученые мужи последних веков, не зная, что делает *дао* одним телом, что объединяет Благо в один узел, берут оставленные ими меты и торжественно усаживаются, чтобы обсуждать их дела, под аккомпанемент барабана распевают и танцуют. Они широко учены и много наслышаны, однако не избежать им заблуждений. В Песнях поется:

Нельзя брать тигра голыми руками,
Нельзя переправляться, не имея лодки,
Люди знают только это
И не знают другого [27].

Об этом сказано. Владыки воплощали Великое Единое, цари брали за закон *Инь-Ян*, тираны следуют указаниям четырех времен года, государи пользуются шестью трубками [28]. Тот, кто владеет Великим Единым, собирает Вселенную как желоб воду, вздымает горы и наполняет реки. Он держит во рту и выплевывает *Инь-Ян*, разворачивает четыре времени года, развертывает вдоль и поперек восемь пределов, разметывает по горизонтали и вертикали шесть сторон света [29]. Широкий и бескорыстный, он пестует и ведет. А всякая малость, что летает и бегает, рождается, опираясь на его благо-дарение.

Инь-Ян, пользуясь гармонией Вселенной, формуют многоразличные тела. Тая в себе эфир, преобразуют вещи, создавая формы и роды. Сокращаясь и свертываясь, разворачиваясь и развертываясь, проскальзывают в Неизмеримое. Конец и начало, пустота и полнота вращаются в Безначальном [30].

Четыре времени года. Благодаря им весна рождает, лето растит, осень собирает, зима хранит. В том, что берется и отдается, есть своя мера, что приходит, а что уходит, – свое время. В том, как врата открываются и закрываются, как раскрываются и смыкаются, есть свой черед [31] Радость и гнев, твердое и мягкое не теряют своего порядка.

120 Шесть трубок дают жизнь и предают смерти, награждают и наказывают, одаривают и отнимают, – кроме этого, нет никакого другого средства. Поэтому так внимательны к гирям и весам, к уровню и отвесу ясного представления о том, что верно или неверно [32], достаточно для управления внутри границ

Поэтому воплотивший в себе Великое Единое провидит, что есть естество [33] Неба и Земли, проникает в закон отношений *дао* и *дэ*, его ум ясен как свет солнца и луны, его дух постигает тьму вещей В покое и движении он согласуется с *Инь-Ян*, в радости и гневе един с временами года. Милостивые дары его блага простираются за пределы сторон света, слава о нем передается в поколениях.

Благая сила того, кто следует *Инь-Ян*, под стать вселенской, ум равен солнцу и луне, частицы *цзин* едины с духами. Несет на голове круг, попирает стопами квадрат [34], обнимает Мерило, держит за пазухой Отвес. Умеет привести в порядок и самого себя и обрести людей Рассылает распоряжения, распространяет приказы, и в Поднебесной нет таких, которые бы им не подчинились.

Тот, кто следует временам года, мягок, но не мягкотел; тверд, но не ломается; свободен, но не распущен; суровый, но не своевольный. Благодаря своей мягкости и гибкости он пестует тьму родов. Его добродетель такова, что сносит глупость, переносит подлость, ни в чем не проявляет пристрастий [35].

Тот, кто равняется на шесть трубок, – подавляет смуту, пресекает бесчинства, дает дорогу достойным и гонит недостойных; неправое стремится сделать правильным, неровное – ровным, горбатое – прямым. Ему известно, когда вводить запреты, когда отменять; когда открывать, когда закрывать. Он пользуется моментом, использует ситуацию, чтобы обратить себе на службу людские сердца.

Если владыки будут опираться на *Инь-Ян* [36], то подвергнутся нападению. Если цари будут следовать законам времен года, земли их будут урезаны. Если тираны будут согласовываться с шестью трубками, то испытают позор от соседних царств. Государи, утратив уровень и отвес [37], погибнут. Итак, если ничтожный ведет себя как великий, то он разливается так, что заполняет пустоты, но не стано-

вится ближе. Если великий ведет себя как ничтожный, то он обрекает себя на узость, неспособность вместить широкое. Когда благородные и худые не утрачивают своей сути, то в Поднебесной царит порядок.

Небо любит свою кристальность, земля любит свое равновесие, человек любит свои чувства. Кристальность неба – это солнце, луна, звезды, гром и молния, ветер и дождь. Равновесие земли – это пять первоэлементов. вода, огонь, металл, дерево, земля. Человеческие чувства – это способность мыслить, размышлять, делать выводы из увиденного и услышанного, радость и гнев. Если закрыть «четыре заставы» [38], отказаться от пяти увлечений, то погрузишься в область *дао* [39]. И тогда божественный разум скрывается в бесформенном, дух возвращается к высшему естеству, а глаза становятся зоркими, но не для того, чтобы видеть; уши становятся чуткими, но не для того, чтобы внимать; сердце делается свободно и откры- 121
то, но не для того, чтобы думать. Покорен внешнему движению и бездеятелен, со всем согласуется и не выдвигается вперед. Погружает во мрак свои жизненные ощущения, и всевозможные ухищрения не могут его задеть Частицы *цзин* проникают в его глаза, и глаза становятся зоркими, в уши – и слух становится чутким, задерживаются в устах, и речи становятся должными, скапливаются в сердце, и мысли становятся свободными. Поэтому если закрыть четыре заставы, то тело не пострадает; сотни сочленений не понесут ущерба. Не мертвый, не живой, не пустой, не наполненный – такой называется естественным человеком.

Истоком всякого беспорядка является увлечение, а оно порождается пятью вещами [40].

Вяжут бревна и кладут одно на другое, возводя дворцы и покои. Высокие терема с крытыми переходами, «петушиные насесты» [41] и «колодезные ограды» [42], столбы и капители, столбики над балками, одно поддерживает другое – все в украшениях мастеров по дереву: завитки и спирали, резные фигурки, кругом резьба и гравировка, диковинные узоры волнообразно вьются, бегут потоками или тихо струятся, лотосы и водоросли прихотливо переплетаются, безбрежно стелются во множестве, переливаясь красками, и тут, и там – плоды искусства перебивают одно другое. Это увлечение деревом.

Вонзаются в глубину, копая пруды и канавы, тянут вширь межи водяных полей, ведут потоки с горных долин, устраивают извилистые берега, сооружают насыпи, обкладывают их камнем, чтобы держать кривые берега; ставят преграды, заставляя потоки яриться, вспенивая волны. Течение прихотливо кружит, поворачивая то ту-

да, то обратно, по примеру рек Юй и У [43]. Прибавьте лотосы и водяной орех, которые разводят, чтобы кормить рыб и черепах; гнездящихся здесь диких гусей, лебедей, *сушуан* [44]; рис и просо, что растут в избытке; плывущие большие лодки-драконы с головою цапли на носу [45], доносящиеся с них звуки свирели и веселые голоса. Это увлечение водой.

Возводят внутренние и внешние городские стены, устанавливают заграждения и препятствия, теснят друг за другом терема и павильоны, ширят площади садов и заповедников, чтобы доставлять все большее удовольствие взору. Высокие башни перед императорским дворцом вершинами уходят в облака, громадные здания наступают друг на друга, словно кручи Куньлуня. Тянутся длинные стены и ограды, пересекаются меж собой закрытые переходы между зданиями; недостающее поднимается, высящееся опускается, насыпи превращают в горы. Толкутся на тропинках, устремляются в дали, выпрямляют дороги, выравнивают пути, целые дни проводят в скачках на лошадях, не знающих устали. Это увлечение землей.

Огромные колокола и треножники, красивые тяжелые сосуды; в резном узоре сплетаются цветы и насекомые, спящие носороги, приникшие к земле тигры, свившиеся в шнур драконы. Яркие краски затмевают взор, все сияет и блещет. В причудливой вязи вьется узор, резные украшения и гравировка, кованые оловянные фигурки, узорчатые колокольца – блики то сверкнут, то потухнут. Сглаживают изъяны, устраняют щербины. Сияющий инеем узор покрывает поверхность, словно тонкий бамбуковый покров грубую циновку из лыка; вязь, подобная парче, тянется неровными нитями – многочисленными и нераздельными. Это увлечение металлом.

Поджаривают и подсушивают, подбирают по вкусу приправы, исчерпывая все сочетания сладкого и кислого, коими славятся царства Цзин и У. Палят леса ради огневой охоты, жгут строевой лес. Нагнетают воздух в кузнечные мехи, дуют в трубы, расплавляя медь и железо. Металл течет и твердеет. И все не удовлетворят свои аппетиты. На горах не стало высоких деревьев, в лесах – катальп и кудраний [46]. Жгут дерево на древесный уголь, сжигают траву на золу. Поля и долы во все сезоны стоят выжженные добела. Вверху закрыли небесный свет, внизу истребили земные богатства. Это увлечение огнем.

Только этих пяти вещей достаточно, чтобы погубить Поднебесную.

Поэтому в древности Светлый зал строился таким образом, чтобы снизу в него не просачивались влага и сырость, сверху не проникали роса и туман, с боков не

122

продувал ветер. Земляные дела делались без ухищрений, работы по дереву сводились лишь к обтесыванию, на сосудах из металла не было гравировки. Одежда не имела кроя – углов и скосов, шляпы не имели формы винной чаши [47] или створок моллюска. Зал был просторен, ибо предназначен для церемониальных обходов и проходов, свершения актов правления, оглашения документов. Его 123
тишина и чистота подходили для принесения жертв Верховному Владыке, для ритуалов, обращенных к духам, для того, чтобы являть народу пример экономии и сдержанности. Звуки и краски, разнообразные вкусы, диковины дальних стран, вожделенные редкости и безделушки, способные влиять на мысли, изменять решения, приводить в смятение дух, волновать кровь, – им несть числа. Но то, что родит небо и земля, на самом деле не превышает пяти веществ. Мудрецы привели в согласие пять первоэлементов [48], и все было упорядочено, ни в чем не было запустения.

В человеческой природе радоваться, если сердце спокойно, желания удовлетворены. Раз радуются, то приходят в движение, придя в движение – приплясывают, приплясывая – раскачиваются, раскачиваясь – запевают, запевая – танцуют. Когда песня и танец в согласии, то птицы и звери пускаются в пляс.

Человеческая природа и в том, чтобы скорбеть, когда сердце полно печали из-за чьей-то смерти. За скорбью следует страдание. Страдание переходит в негодование. Негодование переходит в гнев. Гнев выливается в движение, руки и ноги выходят из состояния покоя [49].

Человеческая природа и в том, чтобы гневаться на всякое посягательство. А в гневе вскипает кровь. Кровь вскипает, и дух вздымается. Дух вздымается, и гнев ищет выхода. Гнев ищет выхода, и находится то, что его высвободит.

Поэтому колокола и барабаны, флейты и *сяо*, щит и боевой топор, перья и бунчуки – все это служит украшением радости. Траурное платье, бамбуковый посох, чередование плача и подпрыгивания – все это служит украшением страдания. Клинки и кожаные латы, перья и бунчуки, колокола и барабаны, топоры и секиры – все это украшение гнева.

С необходимостью при появлении какого бы то ни было материала появляется и украшение [50].

В древние времена мудрецы находились наверху, управляли и наставляли ровно. Их милосердие и любовь изливались на всех, высшие и низшие были единодушны, господин и слуга жили в согласии, одежды и пищи было довольно, семьи были полны. Отец был ласков, а сын почтителен, старший брат добр, а младший – послушен.

Жили без обид, умирали без недовольства. В Поднебесной царили покой и согласие, люди удовлетворяли свои желания, а раз они были довольны, то и не было нужды в подарках и пожалованиях. Мудрецы тогда создали музыку, чтобы поддержать мир и согласие.

А управление конечных времен состоит в том, чтобы обкладывать тяжелым налогом поля и водоемы, ставить заставы на рынках, взимать пошлины, устанавливать запреты на озерах и мостах. Негде раскинуть сети, нет нужды в плуге. Силы народа истощаются на подневольных работах, имущество целиком уходит на оплату налогов. У остающихся на месте нет пищи, у отправляющихся в путь – провианта. Старики – без призрения, умершие – не захоронены. Закладывают жен, продают детей, чтобы удовлетворить потребности высших, – и все не могут их насытить. Сердца глупых мужей и неразумных жен наполняются разгульным весельем, надрывной тоской, и
124 они бьют в большие колокола, ударяют в барабаны, дуют в волынки *юй* и *шэн*, щиплют струны *циня* и *сэ*. Это утрата основ музыки.

В древние времена высшие требовали мало, а у народа был достаток. Господин распространял свою добродетель, слуга исчерпывал свою преданность, отец был ласков, сын почтителен. Каждый выказывал любовь, и не было меж ними недовольства. Никто не принуждал к соблюдению трехгодичного траура, а он соблюдался. Во время него музыка не радовала, яства теряли сладость, чувство тоски никак не уходило.

А в закатные времена нравы распустились, обычаи распались, страсти и вожделения приумножились. Ритуалы и справедливость разрушились, господин и слуга обманывают друг друга, отец и сын не доверяют друг другу. Недовольство и обиды заполнили грудь, чувство любви исчерпалось. Облачаются в траурные одежды, покрывают головы траурными шляпами, а в душе смех и веселье. Хотя и исполняют трехлетний траур, но корень траура утерян.

В древние времена Сын Неба имел тысячу квадратных *ли* земли, *чжухоу* – сто квадратных *ли*. Каждый хранил в неприкосновенности свою долю и не посягал на чужую. Если же находились такие, кто не шел путем вана, жестоко притеснял простой народ, отторгал земли, захватывал пашни, вносил смуту в правление, преступал запреты, призывали – не являлся, приказывали – не подчинялся [51], запреты его не останавливали, наставления не исправляли, – тогда поднимали на него войска и карали его, отрубали голову его властителю, расправлялись с его сторонниками, присыпали могильные холмы невинно

погибших, свершали жертвоприношение перед алтарем, гадали об избрании его сыновей и внуков для продолжения династии

А в закатные времена стремятся к расширению земель, захвату пашен, присоединяют и поглощают земли без конца. Поднимают неправедные войска, карают невинные царства, убивают безвинных людей, прерывают потомство прежних мудрецов Большое царство отражает удары, малое защищает стены. Угоняют скот, берут в полон сыновей и дочерей, разрушают храмы предков, растаскивают драгоценности. Кровь течет на тысячи *ли*, голые кости устилают поля – все это для того, чтобы насытить страсти алчных правителей. Не для того было создано оружие! Оружие создано, чтобы усмирять бесчинства, а не творить их. Как и музыка создана для достижения гармонии, а не для разгула. Траур существует для облегчения скорби, а не для лицемерия.

В делах родственных есть свой порядок, и любовь его необходимая принадлежность. В делах дворцовых есть свое содержание, и уважение главное в нем. В трауре есть свой ритуал, и скорбь главное в нем. В применении оружия 125
есть свое искусство, и справедливость – его основа. Когда основа устанавливается, то *дао* вступает в действие, а когда корень поврежден, *дао* разрушается [52].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ИСКУССТВО ВЛАДЫЧЕСТВОВАТЬ

127 Пребывать в недеянии, наставлять без речей – в этом заключается искусство владык. Чистый и спокойный, он недвижим; соразмеряется с единой мерой и не колеблется; придерживается «следования»[1] и служит низшим, исполняет должное и не трудит себя напрасно. Сердцу его известна колея, и наставники и советники ведут по ней: уста способны к речам, и придворные его красноречивы; он способен к движению, и министры его выступают с инициативой; уши его способны слышать, и политики выступают с советами. Поэтому все обдумано так, что не бывает упущений; предусмотрено так, что не бывает ошибок. Речи его искусны, поступки – образец для Поднебесной. Во всяком своем предприятии он соразмеряется со временем, в движении и покое следует [внутреннему] закону вещей. Не делит на прекрасное и безобразное, любимое и ненавистное; не награждает, не карает, не выказывает ни радости, ни гнева. Каждое называет его именем, каждого причисляет к его роду. Дела предоставляет их естественному ходу, ни в чем никогда не исходя от себя.

Поэтому в древности цари носили головной убор с подвесками, закрывающими глаза; с желтыми шариками на нитях, закрывающими уши, – чтобы притупить зрение, притушить слух. Сын Неба был отделен экраном[2], чтобы оградить себя. Сфера его управления простиралась далеко, а то, что он подвергал исследованию, лежало близко; то, что он упорядочивал, было огромно, а то, за чем он следил, было мало. Когда глаза безудержно смотрят, рождается беспокойство; когда уши безудержно слушают, рождается смятение, когда уста безудержно говорят, рождается смута. Эти три «заставы» нельзя не охранять бдительно. Если страстям определена мера, они отступают; если же им потворствуют – они становятся разбойниками.

Небесный эфир образует душу *хунь*, земной эфир образует душу *по*. Возвращаясь в обитель Мрака[3], каждая из них поселяется в своем жилище, хранит его и не теряет. Вверху объединяется с Великим Единым. Частицы *цзин*

Великого Единого проникают в небесное *дао.* Небесное *дао* темно и безмолвно. Нет у него ни нутра, ни края. Велико беспредельно, глубоко безмерно. А какова его связь с человеческими делами, и вовсе не постижимо.

В древние времена, когда Священный земледелец управлял Поднебесной, дух не метался в груди, ум не устремлялся ко всем четырем краям света, а душа была полна добрых и честных помыслов. Тогда сладкие дожди выпадали вовремя, пять злаков густо взрастали. Весна порождала, лето растило, осень приносила урожай, зима прятала. По лунам рассчитывали, по сезонам проверяли. Год заканчивался возблагодарением за труды, и молодое зерно вкушали своевременно [4]. Жертву свершали в Светлом зале. Светлый зал имел крышу, но не имел стен. Он был доступен порывам ветра и дождя, холод и жара ему были не страшны, свободно можно было входить в него. В народе воспитывали сознание общего блага. Люди были безыскусственны и правдивы, не затевали ожесточенных тяжб, а имущества было достаточно; не истощали тела, а успешно вершили свой труд. Следовали тому, что давали им небо и земля, и объединялись с ними в гармоническое единство. Они были грозны, но никого не убивали; казни существовали, но их не применяли; законов было мало, и ими не докучали. Поэтому изменения в те времена происходили как по велению духа. Их земли простирались на юг до страны Спящих ногами вместе, на север – до Темной столицы, на восток – до Солнечной долины [5], на запад – до Саньвэй. И не было таких, которые бы им не подчинились. В те времена законы были снисходительными, а наказания мягкими, тюрьмы пустовали, а вся Поднебесная жила одними обычаями, никто не таил злобных помыслов. 128

Правление же последующих поколений было не таково. Высшие стремились к добыче и не знали меры, низшие стали жадны и недобры. Народ обеднел и озлобился, истощал силы в трудах, но безуспешно. Мудрствования и ложь повсюду пустили ростки. Разбойники и воры поднялись во множестве. Высшие и низшие возненавидели друг друга. Распоряжения и приказы не действовали. Политики и все чины не исполняли своей службы и шли наперекор *дао,* вырывая его корень и совершенствуя верхушку. Истощили добродетель, приумножили наказания и думают, что это и есть управление, а это все равно что приманивать птицу с арбалетом в руках, приручать собаку, обламывая об нее палку. От таких действий смута только возрастет. «Когда вода загрязняется, то рыба задыхается; когда управление навязчиво, народ охватывает смута» [6]. Тот, кто выкармливает тигров, барсов, носоро-

гов и слонов, помещает их в загоны и клетки, потакает их желаниям, угождает им в пище, избегает их гнева и ярости. Однако звери не доживают до конца дней своих, оттого что тело их испытывает принуждение. Вот почему чем больше выдумывают всяких уловок высшие, тем более лживы становятся низшие; чем деятельнее высшие, тем ленивее низшие; чем беспокойнее высшие, тем неувереннее низшие; чем требовательнее высшие, тем больше тяжб среди низших. Не утвердиться в корне, а предпринимать что-то в верхушках все равно что вздымать пыль, желая смести ее; хватать в охапку хворост, спасаясь от огня. Поэтому мудрецы были умеренны в деяниях и управляли легко, скромны в требованиях, и царило до-
129 вольство. Не делали раздач, а были милостивы; не произносили речей, а пользовались доверием; не требовали, а получали; не действовали, а свершалось.

Подобный глыбе, мудрец хранит естественность; опирается на благо и воплощает правоту. Поднебесная следует ему как эхо – звуку, как тень – форме, ибо то, что он совершенствует, – это корень. Наказаний и штрафов недостаточно, чтобы изменить нравы; казни и убийства не могут пресечь зла. Только там, где чтят преобразования духа, совершенные частицы *цзин* в него превращаются [7]. Ведь окрик не слышен далее ста шагов, в то время как воля способна распространяться на тысячу *ли*.

Зимой тьма вещей тянется к солнцу, а летом ищет тени – их никто не побуждает к этому. Так и образ Совершенного *цзин* [8] никто не призывает, он сам приходит; никто ему не приказывает, он сам уходит. Глубокий, глубокий мрак. Кто здесь творит – неизвестно, а все само успешно свершается. Умные не могут его воспеть, красноречивые не могут его описать.

В древние времена Суньшу Ао безмятежно спал, а жители Ин [9] не имели повода затупить свои клинки. И Ляо, что жил к югу от рынка, играл шариком, а два семейства, даже будучи в крайности, снисходительно отнеслись к его отказу [10]. Панцирь и латы, грозный взор и сильный взмах руки – всего этого далеко не достаточно, чтобы защитить от копий и мечей. Обязательства и шелковые ткани в дар, наказания и казни – все это слишком слабо, чтобы спасти от беды. Смотреть, полагаясь на глаза; отдавать приказы, повинуясь ушам, – таким образом управлять трудно. Когда Цюй Боюй был министром, Цзыгун [11] навестил его и спросил: «Как ты управляешь страной?» Тот ответил: «Управляю с помощью неуправления». Цзяньцзы [12] собирался походом на Вэй и послал туда своего главного астролога Мо. Вернувшись, тот доложил: «Цюй Боюй стал министром, и теперь нельзя вес-

ти войска» Надежные границы, опасные преграды – разве их достаточно для достижения победы? Так, Гао Яо был немым, а учредил Великий закон, и в Поднебесной не стало лютых казней – и потому он значительнее говорящих. Наставник Куан был слепым, а стал Главным жрецом, и в Цзинь исчезли беспорядки в правлении – и потому он значительнее зрячих. Таким образом, приказывать не говоря; видеть не глядя – это то средство, с помощью которого наставляли Фуси и Священный земледелец. Ведь народ воспитывается, следуя не за речами, а за деяниями. Так, циский Чжуан-гун сам был храбрым удальцом, но драк не поощрял. Царство же его тем не менее претерпело много бед, вплоть до мятежа Цуй Шу [13]. Цин Сян был сладострастник, но не поощрял вольностей. Народ же его был охвачен смутой, пока все не кончилось делом Чжао Ци [14]. Итак, то, что приведено в движение Совершенным *цзин,* [неизбежно идет своим путем] так, как весенний эфир рождает, а осенний – убивает. Мчись на курьерских, лети на почтовых – не сравнишься с ним в быстроте!

Разве не подобен управляющий людьми стрелку? Здесь попадает в осеннюю паутину, там – должен охватить *сюньчан* [15]. Поэтому нужно быть внимательным к причинам тех или иных влияний. Юн Цици [16] только раз тронул струну, а Кунцзы три дня испытывал наслаждение, взволнованный ее гармонией. Цзоу Цзи [17] нажал на лад, и [циский] Вэй-ван грустил весь вечер, взволнованный печалью. Игрой же на всех струнах *циня* и *сэ*, воссозданием всех звуков можно заставить человека печалиться или радоваться. Когда же установление законов, введение наград не может исправить нравы, изменить обычаи – это значит, что чистые помыслы не смогли осуществиться. Нин Ци [18] пел, лежа под телегой, песню странствующего купца, а [циский] Хуань-гун, выслушав, вздохнул и понял, [что Нин Ци необыкновенный человек]. Совершенное *цзин* входит в человека глубоко. Поэтому говорится: «Вслушиваясь в звуки музыки, узнаешь нравы. Наблюдая нравы, познаешь, как их изменить». Кунцзы учился игре на *цине* у Мастера Сяна [19], а понимал мысли царя Просвещенного. Наблюдением малого достигал мудрости. Яньлинский Цзицзы [20], слушая лускую музыку, постигал нравы Инь и Ся, вникал в близкое, чтобы познать далекое.

Создания далекой древности распространяются на тысячу лет вперед, не утрачивая своей красоты. Тем более возможно преобразование народа в своем поколении!

Во времена Тана в течение семи лет была засуха, и он молил небеса на краю Рощи шелковиц [21]. И все облака

Поднебесной сгустились, и дождь пришел из-за тысячи *ли*. Простотой и чистосердечием Тан тронул небо и землю. Дух его проникал за пределы всех сторон света. Разве можно достигнуть этого, рассылая приказы, вводя запреты?

Мудрые цари древности пестовали Совершенное *цзин* внутри, а вовне забывали о любви и ненависти [22]; произносили речи, чтобы выразить чувства; отдавали распоряжения, чтобы изъяснить повеления; упорядочивали с помощью обряда и музыки; воспитывали с помощью песен и напевов. Деяния пронизывали тысячи поколений, и не было им ни в чем преграды; распространялись на четыре стороны света, и не было им предела. И даже птицы и звери и вся тьма насекомых подчинялись их преобразованиям. Что уж говорить о тех, в чьих руках были законы, кто рассылал приказы! Поэтому первое в духовном преобразовании – не допускать неправды, во-вторых, награждать достойных и наказывать бесчинствующих.

131 Оценивали советников, не примешивая собственных пристрастий, потому и могли удерживать равновесие. Шнуром измеряли внутреннее и внешнее, не считаясь с собственным глазом, потому и выдерживали правильность. Властители, применяя закон, отставляли в сторону собственные суждения о добре и зле, потому и могли отдавать приказы. Тогда в оценке важного и незначительного не ошибались ни на йоту; в исправлении всякой кривизны не теряли ни крупинки. Прямо нападали на ложь и порок, не избегая опасностей от этого для себя. И зло не могло вводить в заблуждение, клевета не могла вызывать смуты. Благодеяниям не было места, обидам негде было укрыться.

Таковы те, кто служат искусству [23] и отказываются от субъективных помыслов, и с теми, кто управляют через деяния, они не дружат.

Лодка плывет по воде, телега катится по земле – благодаря естественным свойствам воды и земли. Но если дерево столкнется с осью телеги и сломает ее или вода завертит лодку и разобьет ее о камни, мы не виним ни дерево, ни камни, а обвиняем того, кто оказался не искусен, потому что ни камень, ни дерево не имели какого бы то ни было умысла. Таким образом, *дао* дополняется умом, и от этого возникают заблуждения; благу приходит на помощь сердце, и от этого возникают опасности; сердце обретает глаза, и теряется ясность зрения. Нет оружия сильнее воли, и даже меч Мо Се ей уступает; нет разбойников больших, чем *Инь-Ян*, и барабан и палочки [24] бессильны против них. Ныне безмены и весы, циркули и угольники, будучи однажды установленными, не изменяются. Будь то в Цинь или

в Чу [25] – они не меняют делений; будь то у хусцев или юэсцев – они не меняют вида. Всегда одни, и не может быть от них отклонений; повсюду распространяются и не исчезают. Однажды установленные как закон, они передаются на тысячи поколений и действуют недеянием.

Когда в царстве появляется властитель, обреченный на гибель, а мир еще не утратил *дао,* то хотя людям и приходится трудно, но природный закон [внутреннего соответствия] проникает во все. Отсюда недеяние – корень *дао.* Поэтому те, кто обрел этот корень, откликаются вещам бесконечно. Опирающиеся же на человеческие таланты с трудом добиваются порядка. Тан и царь Воинственный – мудрые цари, а не могли, как юэсцы, плавать на лодках по рекам и озерам. И Инь был достойнейшим министром, но не мог наравне с хусцами скакать на рысаках и объезжать диких коней. Кун и Мо многое постигли, однако не могли наравне с горцами проходить чащи и заросли, преодолевать опасные горные переходы. Отсюда видим, что знания людьми вещей не глубоки, а хотят они с помощью этих знаний охватить все пространство меж четырех морей, сохранить все десять тысяч сторон. Но, не следуя искусству *дао,* а опираясь только на собственные способности, они далеко не уйдут.

Поэтому ума недостаточно для управления Поднебесной. Так, Цзе справлялся с оленьим рогом, разгибал крюки, вязал железо, скручивал металл. Молотом забивал жертвенного быка. В воде охотился на черепах и кайманов, на суше ходил на медведя, но Тан с тремя сотнями тяжелых колесниц зажал его в Минтяо, схватил в Цзяомэн [26]. Отсюда видно, что храбрости и силы недостаточно, чтобы удержать Поднебесную. А если ума недостаточно для управления, храбрости – для могущества, то ясно, что человеческих талантов недостаточно, чтобы только на них полагаться. 132

Те властители, которые не спускаются в храм предков, а знают, что делается за пределами четырех морей, следуя вещам, познают вещи; следуя людям, познают людей. Если соединишь две силы воедино, то будешь непобедим; соединишь все множество умов воедино, то все свершишь. В колодце не водятся черепахи и кайманы – узок; в саду не растут высокие деревья – места мало. Те, кто поднимает тяжелые треножники, прилагают немного усилий, а побороть их нельзя. И даже если нужно эти треножники перенести, не дожидаются подмоги. Поэтому тысячная толпа не проламывает моста и собрание людей в несколько тысяч человек не может разрушить чьих-то заслуг. Так, Гнедой и Луэр [27] за день покрывали тысячу *ли,* а если их заставить ловить зайца, то они уступят в этом шакалу с волком –

способности разные. Сова ночью ловит москитов, может различить даже кончик осенней паутинки, а днем не заметит и горы – таково различие формы и природы вещей. Летучий Змей странствует в занебесье, Откликающийся Дракон седлает облака, обезьяна прыгает по деревьям, рыба плавает в воде. Поэтому в древности тот, кто покрывал лаком колесницу, ее не расписывал; кто сверлил, тот не обтесывал. Ремесленник не занимался двумя ремеслами; чиновник [28] не исполнял двух служб. Каждый стоял на страже своего дела, не вступая друг с другом в соперничество. Люди обретали себе соответствующее, вещи располагались на своих местах. Поэтому орудия им не докучали, а в делах не было нерадивости. Когда служба небольшая, ее легко исполнять; когда обязанностей немного, их легко блюсти; когда бремя дел не тяжело, с ними легко управляться. Тогда высшие сосредоточивают в руках умеренную долю, а низшие стараются на поприще легко исполнимых трудов. Тогда господин и слуга достаточно далеки и не докучают друг другу.

Дао властителя подобно Покойнику на жертвоприношении звезде Линсин [29]. Суровый, таинственно безмолвный, сулит счастье, предвещает богатство. Тот, кто обрел это *дао,* не творит ни безобразного, ни прекрасного, не творит ни лживого, ни доброго. Это *дао* покрывает одного человека и не кажется слишком велико; когда распространяется на тысячи человек, не кажется малым.

Нужно быть осторожным и в милостях, и в карах – в
133 этом постижение пути правления. Творящий милости делает раздачи. В результате не имеющий заслуг щедро награждается; не имеющий трудов высоко вознесен. Тогда тот, кто честно исполняет службу, становится нерадив, а пришлые устремляются вперед. Творящий бесчинства произвольно казнит. В результате невиновные погибают, чьи поступки прямодушны – несут наказание. Тогда совершенствующие себя перестают увещевать к добру, а творящие зло беспрепятственно совершают преступления против высших. Поэтому творящие милости рождают порок, творящие бесчинства порождают смуту. Когда в обычай входят порок и смута, это признак гибнущего царства.

В правление мудрого правителя, хотя в царстве и существуют казни, властитель не бывает в гневе, хотя при дворе и награждают, не он это делает. Казнимые не имеют гнева на государя – казнь свершается за преступление; награждаемые не испытывают благодарности к высшему – награда получена за труд. Народ знает, что казнь и награда зависят только от себя, поэтому честно исполняют свой труд, совершенствуют дело, не получая даров от

государя. Царский двор зарастал сорняками, и не было на нем следов ног, поля были очищены от сорняков, и не было на них травы. Во времена великой древности всем было доступно это знание.

Коромысло весов устанавливается прямо, стрелка успокаивается, и по ней вымеряют, что поднять, что опустить. Когда правитель спокоен и не суетлив, то и все чины обретают должное. Это подобно тому, как если держащий сигнальный флаг в армии начнет им произвольно размахивать, то смешает все порядки. Хитроумия недостаточно для утверждения великого спокойствия, ума недостаточно для уничтожения опасности. Чем прославлять Яо и проклинать Цзе, не лучше ли прикрыть слух и зрение и вернуться к совершенствованию своего *дао*. Когда царит чистый покой и недеяние, то небо отдает дары свои своевременно; когда придерживаются умеренности, хранят меру, земля родит богато. Держись неведения, цени добродетель, и мудрецы будут тебе служить. Поэтому к тому, кто внизу, приходит тьма вещей; к тому, кто пуст, склоняется Поднебесная. Владычествующий над людьми внимает порядку, для чего делает чистым свой разум и не дает ему омрачаться; делает пустым сердце и расслабляет волю. Тогда все множество слуг наперебой спешат предложить свои услуги, и нет для него среди них ни глупых, ни умных, ни достойных, ни недостойных, нет таких, которые бы не исчерпали своих способностей. И тогда можно их расставить в согласии с обрядом и заложить основание для дела. Когда же таким образом он опирается на силу многих, полагая ее за колесницу, правит умом многих, беря его за коней, то ни в темных полях, ни на опасных дорогах он не собьется с пути.

Властитель пребывает в глубоком уединении, избегая и засухи и сырости; воздвигает во дворце двойные ворота, чтобы избежать зла и разбоя; не ведает ни о том, что происходит в захолустье, ни о том, как выглядят горы и 134
озера. Его взор из-за полога не простирается дальше десяти *ли*, ухо не слышит дальше ста шагов. Истоки же постижения им Поднебесной в том, что то, что его питает, – обширно, что подносит ему чару, – многолюдно. Так он, не выходя за дверь, знает Поднебесную; не выглядывая из окна, познает путь Неба. Для того, кто опирается на ум многих, и Поднебесной оказывается мало; если же полагаться исключительно на собственное разумение, то не сохранишь и собственной жизни. Поэтому властитель покрывает всех благом, не пуская в ход своего ума, а следуя пользе тысяч людей. Поднявшись на цыпочки, обозревает Поднебесную и выбирает полезное

для нее. Поэтому народ (бай син), имея его наверху, не испытывает тяжести; выдвигая его вперед – не навлекает на себя беды Поднятый высоко, он не возвышается, выдвинутый вперед – не становится докучливым. *Дао* властителя не знает препятствий и движется непрерывно, как по кольцу [30], когда его преобразования исполнены духом, когда он пребывает в пустоте и недеянии, придерживается следования, всегда остается позади, никогда не выдвигаясь вперед. *Дао* слуги проявляется беспрепятственно и движется, не прерываясь, как по кольцу, когда он говорит правду и занимает должное место, в делах проявляет инициативу, исполняет свое дело с умом и тем добивается успехов. Итак, когда *дао* господина и слуги различно, царит порядок; когда едино, – начинается смута. Когда каждый обретает подходящее себе занятие, занимает соответствующее ему место, тогда высшие и низшие служат друг другу.

Владычествующий над людьми внимает порядку, для чего делает сердце пустым, а волю – слабой, делает разум чистым и не позволяет ему омрачаться. И тогда все множество слуг наперебой спешат предложить ему свои услуги. И когда для него среди них не оказывается ни глупых, ни умных, ни достойных, ни недостойных и каждый исчерпывает свои способности, тогда господин обретает то, с помощью чего управляет слугами, а слуги обретают то, с помощью чего служат господину. *Дао* управления страной, таким образом, ясно.

Царь Просвещенный был умен и тем не менее любил спрашивать, – потому был мудр. Царь Воинственный был храбр и тоже любил спрашивать, – поэтому и победил. Кто опирается на ум многих – для того нет ноши, которую бы не поднял. Кто использует силу многих – непобедим. Груз в тысячу *цзюней* не мог поднять и У Хо [31]. Когда же множество людей как один, то и ста человек достаточно. Тот же, кто опирается на силу одного человека, будь он хоть и У Хо, – не выдержит. Тому, кто опирается на союз множества людей, и Поднебесной оказывается мало.

Юй перегораживал большие реки, разводил малые ради выгоды Поднебесной, однако не мог заставить их течь на запад [32]; Хоуцзи расчищал земли, распахивал новь ради того, чтобы народ (бай син) мог заниматься земледелием, однако не мог заставить хлеба колоситься
135 зимой. Разве недостаточно старались? Их силы было недостаточно для этого. Когда пускают в ход силу, заведомо не способную осуществить то, на что она направлена, и не считаются с природным законом [внутреннего соответствия], определяемым *дао,* то даже святые мудрецы не

могли бы таким образом установить свой подвиг, тем паче нынешние правители! Если на тощего коня нагрузить тяжелый воз, то и сам Цзаофу не уедет далеко. Когда же повозка легка и добрый конь впряжен, то и средний умелец быстро покатит. Таким образом, мудрец, принимаясь за дело, никак не может пренебречь природным законом [внутреннего соответствия], определяемым *дао,* обойти естество, сделать кривое – прямым, согнутое – вытянутым. Он всегда сообразуется с характером вещи и в соответствии с ним ее использует. Благодаря этому то, что предпринимается соединенными усилиями, непобедимо; что решается умом многих, – успешно свершается. Глухого можно попросить произнести заздравный тост, но не заставишь его слышать; немого можно поставить стеречь хлеб, но нельзя заставить говорить. Как форма имеет свои недостатки, так и в способностях бывает изъян. Поэтому обладающий этой формой занимает это место; обладающий теми способностями исполняет то дело. Когда сила превосходит вес ноши, поднимающий не испытывает тяжести; когда дело под силу, то исполняющий его не знает трудностей.

Когда нет ни малого, ни большого, ни длинного, ни короткого, а каждое обретает соответствующее себе, тогда Поднебесная объединяется в одно и никто не стремится превзойти другого. Мудрец соединяет разные способности и использует их. Поэтому нет отвергнутых талантов. Властитель ценит прямоту и высоко ставит верность. Когда верность и прямота занимают высокое место и когда вершат дела, держась прямоты, нет повода для распространения клеветы и порока. Это подобно тому, как круглое и квадратное не покрывают друг друга, а прямое и кривое не совпадают. Так, птицы и звери не могут быть в одной стае – из-за принадлежности к разным родам. Тигры и олени не ходят вместе – из-за того, что не равносильны. Поэтому когда мудрец достигает желаемого и занимает высокое место, то клевета, лесть, лукавство и порок, готовые обрушиться на властителя, становятся подобны воробью, завидевшему ястреба, или мыши, наткнувшейся на лису, – тут уж им не жить.

За что бы ни принимался властитель, он не может не быть осторожен. Когда обязанности возложены на подходящих людей – государство в порядке; высшие и низшие в гармонии, масса слуг близки как родственники, народ (бай син) покорен. Если же обязанности возложены не на подходящих людей, то государство на краю гибели. Высшие и низшие лукавят друг с другом, слуги преисполнены злобы, народ (бай син) в смуте: когда что-

то одно свершается недолжным образом, то страдает все целое. Обрести или потерять – это зависит от правителя Так, отвес устанавливается вверху, и столб подравнивается внизу – не по какой-то иной причине, а благодаря соответствию одного другому. Поэтому когда властитель искренне держится прямого, то вершат дела прямодушные советники, а злодеи покорно смиряются. Если
136 правитель отступает от прямого, то неправедные добиваются желаемого, а преданные поселяются в уединении. Причина того, почему властитель не хватается за нефрит, а берется за тыкву-горлянку, в том, что если и не будет у него нефрита, – в этом нет преступления. Если властитель держится прямого, придерживается ровного, определяя высокое и низкое как по отвесу и уровню, то те слуги, что пришли к нему с недобрыми помыслами, уподобятся яйцу, разбиваемому о камни, огню, заливаемому водой.

[Чуский] Лин-ван любил красавиц с тонкими талиями, и в народе все воздерживались от пищи и добровольно голодали. Юэский ван [Гоу Цзянь] был храбр, и при нем все подвергали себя опасности и соперничали в храбрости, рискуя жизнью. Отсюда видно, что жезл власти способен изменять нравы, менять обычаи. Яо, пока был простым крестьянином, не мог воспитать в духе милосердия и одно селение. А Цзе, заняв престол, смог рассылать приказы, устанавливать запреты. Отсюда ясно, что для управления недостаточно мудрости и достоинств, а сила и власть способны менять обычаи. В «Преданиях» говорится: «Что для меня будет праздником, то и для всего народа послужит опорой» [33]. Об этом говорится.

Поднебесная полна заблуждений по поводу имени и славы, но мало кто проникает в их суть. Так, человек, живущий в уединении, становится уважаем благодаря славе; странствующие ораторы становятся известны благодаря красноречию. Если изучить причины их почета и известности, то нет других причин. Когда властитель не имеет четкого представления о границах пользы и вреда, то достойные во множество ртов упиваются красноречием. В хорошо управляемом государстве не так. Кто рассуждает о делах правления, непременно должен быть сведущ в законах, а кто осуществляет правление, непременно должен уметь навести порядок в чинах. Высшие удерживают свое имя благодаря вниманию к сущности, а слуги исполняют свое дело благодаря усердию к службе. Когда речи не преступают границ сущности, когда поступки не переходят границ закона, толпы слуг стекаются, как спицы ко втулке, и никто не посягает на права властителя.

Правление не в законах и установлениях, однако они могут быть полезны государству и помочь в управлении. Необходимо принимать их с учетом всех сложностей, в тиши наблюдать их ход. Всесторонне использовать, внимательно прислушиваться, чтобы следить за ходом изменений. Не отдавать предпочтения ни одному повороту, не давать преимущества ни одному делу. Стоять в центре и ровно освещать все пространство меж четырех морей. И тогда толпа слуг будет держаться правды ради общего блага, и никто не посмеет творить неправое. Сто чинов явятся ко двору для отчета о ведении службы, и их дела принесут им славу радетелей об общей пользе.

Когда ум правителя кристально ясен, то чины напрягают все силы, порок и зло исчезают бесследно. Множество подвигов свершается ежедневно, и храбрецы отдают все силы ратному делу.

В государстве же, охваченном смутой, не то. Там множество прославляемых, которые награждены незаслуженно; тех же, кто блюдет службу, без вины казнят. Властитель и высшие омрачены и лишены разума; масса слуг образует группы и не преданна; болтуны упиваются красноречием; совершенствующие свое поведение соперничают из-за собственной выгоды. Властители и высшие отдают приказы и нарушают их из-за приватных связей; запреты, оговоренные в приказах и законах, нарушаются из-за порока. Умные усердствуют в хитрости и лжи; храбрые про- 137
водят время в турнирах. Большие чины сосредоточивают власть в своих руках, малые держатся за свои права, близкие партии объединяются, чтобы дурачить высших. Такое государство хоть и существует еще, но древние в этом случае говорили, что погибло.

Кто не занимается приведением в порядок чинов и служб, а надевает латы и берет оружие, оставляет без присмотра поля и при этом пользуется славой мудрого и достойного, тот не принесет мира государству. Знаменитые скакуны в Поднебесной Ци и Цзи [34] или Луэр, если их погонять плетью, не сдвинутся с места, а потяни за узду – не остановишь. Хоть и неразумные существа, а не терпят насилия.

Ныне пружина управления и смуты очевидна, как след от колес, а нынешние правители все не могут ее постигнуть. Это то, из-за чего закрыт путь к правильному управлению.

Держащие власть – это колесница правителя; имеющие ранги и жалованье – это удила и уздечки. Правитель помещает себя на колесницу держащих власть, берет в руки жезл имеющих ранги и жалованье, глубоко проникает в меру мягкости и резкости натяжения вожжей и знает, где

натянуть, где ослабить. И тогда Поднебесная исчерпывает все силы и не знает устали.

Дружба слуги и господина – это не привязанность отца к сыну, не близость родных по крови, отчего же тогда каждый готов отдать все силы и саму жизнь? Все дело в авторитете силы. Когда-то Юй Жан служил у Чжунхан Вэньцзы [35]. Чжи-бо пошел походом на род Чжунхан и поглотил его земли. Юй Жан предал своего господина и стал служить Чжи-бо. Затем Чжи-бо вступил в сражение с Чжао Сянцзы под Цзиньяном [36], был убит и обезглавлен, а страну его разделили на три части. Юй Жан, желая отомстить Чжао Сянцзы, для устрашения покрыл тело лаком, наглотался угля, чтобы не узнали голоса, вырвал зубы, изменил лицо [37]. Итак, сердце одного человека служило двум господам: он то предавал и бежал, то жертвовал собой. Разве это определяется различием в щедрости или скаредности власти? Его побуждало поступать так человеческое благоволение.

Чжоу Синь, завладев Поднебесной, призвал ко двору *чжухоу*. Всюду, куда только доходила нога человеческая, куда достигали весла лодок, не было таких, которые бы не покорились. Однако царь Воинственный с тремя тысячами латников схватил его на Пастушьем поле. Разве это потому, что чжоусцы пожертвовали жизнью или иньцы предали? Дело в том, сколь велика добродетель и сознание долга правителей в приказах, которые они издают. При сильном ветре вздымаются волны, в чащах деревьев стаями собираются птицы – благодаря взаимопорождающему эфиру. Когда слуга не получает желаемого от правителя, то и правитель не получает желаемого от слуги. То, чем дарят друг друга правитель и слуга, основано на взаимной благодарности [38]: когда слуга готов отдать все силы и пожертвовать жизнью ради правителя, то и господин платит ему признанием заслуг и пожалованием рангов.

138 Правитель не должен награждать ничем не отличившихся слуг; слуга не должен умирать за не обладающего добродетелью правителя. Государь, который не распространяет благо на народ, а желает его использовать, подобен ездоку, погоняющему и без того мчащегося коня Нельзя без дождя ждать созревания колосьев – здесь никакое искусство не поможет.

Искусство властителя – пребывать в покое ради совершенствования себя; быть бережливым и вести за собой низших. Если он в покое, то низшие не волнуются; если он бережлив, то низшие не завидуют. Когда низшие приходят в волнение, начинается смута; когда народ начинает завидовать, добродетель оскудевает Когда же начинается смута, то мудрые не занимаются делами правления; когда доб-

родетель оскудевает, то храбрые не хотят умирать. Когда же властитель забавляется хищными птицами и дикими зверями, диковинками и редкостями, безудержно предается удовольствиям, не щадит сил народа, увлечен скачками, охотой и пребывает в праздности во всякое время, то и дела сотен чинов в расстройстве. Дел оказывается много, а имущества недостаточно. Народ в печали и горести, не хватает средств для поддержания жизни. А властитель любуется видами, открывающимися с высоких башен, глубокими прудами, резьбой и гравировкой, пестрыми узорами, узорчатым шитьем, драгоценностями и безделушками, жемчугом и нефритом. А налоги превышают всякую меру, и силы народа иссякают.

Когда Яо владел Поднебесной, он не алкал народного добра, а хранил в покое престол правителя. Видя, что сто семей заняты междоусобицей, сильные держат в страхе слабых, семеро наваливаются на одного, Яо подчинил себя бережливости и обнаружил милосердие, основанное на взаимной любви, с тем чтобы восстановить мир и гармонию. Тогда не подстригали травяных и соломенных крыш, не вырезали дубовых решеток под карнизами, царские кони не украшались, травяные циновки не оторачивались каймой, в яствах не стремились к гармонии вкусов, зерно не размалывали. Яо объезжал с инспекцией владения и наставлял, старался на пользу Поднебесной, охватывал заботой пять пиков [39]. Разве недостаточное наслаждение питать и растить в такой заботе о Поднебесной, какой отличался Яо? Он смотрел на Поднебесную как на алтарь Земли и Проса [40], а не как на нечто для себя полезное. Когда же он одряхлел и воля его увяла, он передал Поднебесную Шуню так легко, как сбрасывают обувь.

Разрушающийся мир не таков. Однажды завладев таким богатством, как Поднебесная, обретя власть правителя, начинают истощать силы народа, чтобы доставить удовольствие глазам и ушам; все помыслы сосредоточены на дворцовых покоях, башнях и террасах, запрудах и прудах, заповедниках и садах, диких зверях и медведях, безделушках и диковинках. Потому бедняки не имеют уже отрубей с подонками, а тигры, волки и медведи брезгают отборным кормом. Простой народ ходит в коротких куртках, не прикрывающих тело, а во дворцах одеты в шелк и парчу. Властители с увлечением предаются бесполезным подвигам, а простой люд изможден тяжким трудом на Поднебесную. В результате Поднебесная не в состоянии сохранять свою истинную природу [41]. 139

Существование властителя подобно свету солнца и луны [42]. Он обращает взор к тому, что объединяет Поднебесную, и смотрит, склоняет слух и слушает, вытягивает

шею, поднимается на цыпочки и всматривается в даль. Не будучи покойным и бездеятельным, он не может являть добродетель; если не будет покоен и тих, не достигнет далекого; если не будет обширен, не покроет народ, как небо; если не будет милосерден и щедр, не обнимет все множество; если не будет ровен и прям, не сможет управлять.

Достойный правитель, выбирая людей, подобен искусному мастеру, управляющемуся с деревом: большие – годятся на постройку судов и опор для мостов; малые – пригодятся на весла и заградительные столбы; длинные – пойдут на перекладины на галереях и карнизах; короткие – на столбики на мосту и стойки. Нет ни малого, ни большого, ни длинного, ни короткого – каждое определяется на то, к чему подходит. Круглое и квадратное, квадрат и круг – все на что-нибудь годится. Среди разных вещей Поднебесной нет злее петушиного яда [43], однако хороший лекарь складывает его в мешочек и хранит, находя ему применение. Вот почему в лесных чащах нет такого материала, который можно было бы отбросить. Тем паче среди людей! Ныне если есть при дворах кто-то неиспользуемый, в захолустье – неизвестный, это объясняется не тем, что они люди недостойные, а тем, что они заняты не своим делом. Когда олень стремительно мчится в горах, его не догонит даже серна, а когда он спускается с гор, то его догонит даже пастушок. Таланты имеют свои преимущества и недостатки. Поэтому большой стратег не может заниматься мелким изобретательством. Обладающий незначительным умом не способен на настоящий подвиг. Каждый человек обладает своими способностями, а каждая вещь имеет свою форму. Поэтому бывает, что одна ноша оказывается слишком тяжела, ноша в сто раз большая – совсем легка. Тот, кто искусен в самом тонком и детальном расчете, непременно слаб в большом искусстве управления Поднебесной. Тот, кто не упустит и мелочи в счете малых вещей, теряется при столкновении с большим счетом. Это подобно тому, как нельзя хорька заставить ловить быка, а тигра – мышей.

Нынче же одни талантливые люди как будто хотят успокоить девять областей, объединить земли за пределами четырех сторон, сохранить гибнущее государство, продлить прерывающийся род, выпрямить путь, исправить зло, устранить беспокойства, успокоить волнения, а делают это с помощью церемоний у внутренних и внешних ворот, меж западными и восточными углами покоев [44]; другие как будто стремятся укрепить Поднебесную, навести в ней порядок, используя при этом лукавство и низость, угодливость и притворство, потворствуя обычаям захолустья, униженно прислушиваясь к мнению большинства. Это все равно что

топором разрубать волосок, кинжалом валить деревья – во всем этом утрачено соответствие.

Когда же властитель смотрит глазами Поднебесной, 140
слушает ушами Поднебесной, размышляет умом Поднебесной, борется силой Поднебесной, тогда приказы и распоряжения доходят до самых низов, а чувства слуг достигают ушей высших. Сто чинов едины, а масса слуг устремляется к правителю, как спицы ко втулке. Тогда хорошее расположение духа не причина для наград, а гнев не причина для казни. И тогда авторитет устанавливается и не рушится, умные выходят вперед и не прячутся; законы и приказы ясны и не вызывают протеста; глаза и уши проницательны, и ничто их не застилает. Когда ежедневно выставляются на всеобщее обозрение добрые и недобрые чувства и ничто этому не препятствует, тогда и достойные исчерпывают свой ум, и недостойные отдают все силы. Море добродетели разливается надо всеми без пристрастия. Толпа слуг рачительна в исполнении долга и не знает устали. Те, кто вблизи, покоят свою природу, кто далеко, хранят добродетель. Причина этого в том, что правители овладели искусством использования людей, а не полагались на собственные таланты. Так, вступающий на колесницу не трудит ног, а пробегает тысячу *ли;* едущий на лодке, и не умея плавать, пересекает реки и моря. Правитель не может не желать объединить умы всех на пространстве меж четырех морей, использовать до конца силы многих. Однако среди массы слуг те, чьи устремления широки и преданность активна, редко чувствуют себя в безопасности. Истина, пусть исходит она от бедняка в посконной рубахе или дровосека, не может быть отброшена; ложь, пусть исходит она от советников или правителя, обсуждающих дела правления в храме предков, не обязательно должна быть принята. Что истинно и что ложно, не может рассматриваться в зависимости от низкого рода или высокого, почетного или презренного. Поэтому разумный властитель прислушивается ко всем слугам и использует их советы, не чураясь их низкого положения; коли речи достойны внимания, не заботится об их красоте.

Властитель, чей разум застлан, не таков. Он не в состоянии увидеть коварства и бесчестия тех, кого любит и к кому относится как к родным по крови. Он не способен распознать самопожертвования и преданности тех, кто далек от него и занимает низкое положение. Имеющих что-то сказать обрекает на бедность за краснобайство; желающих подать совет казнит как преступников. И при этом желать освещать пространство меж четырех морей и ждать, что в мире будет порядок, – это все равно что затк-

нуть уши и пытаться различить звуки «чистые» и «мутные» [45]; закрыть глаза и пытаться отличить сине-зеленое от желтого. Это далеко от того, что можно считать разумным.

Законы – это меры и веса Поднебесной, уровень и отвес для правителя. Законы устанавливаются для применения к тем, кто их не соблюдает; награды устанавливаются для награждения тех, кого должно наградить. С введением законов тот, кто действует, сообразуясь с мерой, награждается; кто недостаточно придерживается меры, – того казнят. Почетное положение и благородство не могут облегчить наказания, а низкое положение и низкий род не могут отяготить его. Преступивший закон, будь он человеком достойным, должен быть казнен; следующий мере, будь человеком недостойным, должен быть признан невиновным. Таким образом, общему *дао* будет открыт путь, а своекорыстному – прегражден.

В древности установлены были чины, налагавшие запреты на народ и не допускавшие произвола. Затем был поставлен правитель, чтобы следить за деятельностью этих чинов, не позволяя им править единолично. Законы, уложения, обряды и правила – все это налагает запреты на правителя, чтобы его правление также не было самовластным. Когда людям недоступен произвол, то *дао* побеждает. Когда *дао* побеждает, то природный закон [внутреннего соответствия] распространяется. Тогда возвращаются к недеянию. Возвратившиеся к недеянию не есть что-то застывшее и неподвижное, благодаря тому что в своих речах они полагаются не только на собственное мнение.

Цунь рождается от головки колоска, колосок рождается от солнца, солнце рождается от формы, форма рождается от тени [46]. Таково происхождение мер. Музыка рождается из звуков, звуки рождаются от звучания трубочек, трубочки звучат благодаря дуновению ветра – таковы истоки звуков. Законы рождаются из правил, правила рождаются из того, что соответствует многим. То, что подходит многим, происходит из совпадения мыслей разных людей. В этом суть управления. Поэтому тот, кто постиг корень, не заблудится в верхушке. Разглядевший суть не растеряется в мелочах. Законы не созданы небом, не рождены землей, они возникли среди людей и ими же могут быть исправлены [47]. Что имеешь сам, не запрещай иметь другим, чего сам не имеешь, не требуй от других. То, что установлено для низших, нерушимо и для высших; то, что запрещено народу, запрещено и тебе.

Гибнущее государство – это не то, в котором нет правителя, а то, в котором нет закона. Изменение законов не означает беззакония. Когда же есть законы, а не исполь-

зуются – это равно тому, что их нет. Поэтому правители, устанавливая законы, сначала производят проверку их по нормам, примеряют к образцам, а потом уже рассылают приказы по Поднебесной. Конфуций говорит: «Кто честен, тому и без приказов послушны; кто – нет, тому и с приказами не повинуются» [48]. Следовательно, тому, кто умеет налагать запрет на себя, и народ повинуется.

Правление мудрецов было подобно управлению конями Цзаофу. Он выравнивал коней, следуя за стыком между вожжами и удилами, ослаблял и натягивал их в согласии с движением губ коней, держал нужную меру в груди и ощущал ее в ладонях. Внутри прислушивался к сердцу, вовне согласовывался с волей коней. Поэтому кони двигались вперед и назад, как по шнуру, поворачивались и делали круг, как по циркулю. Овладевший *дао* достигает далекого, а энергия и силы его в избытке. Поистине это обретение искусства. Правящие суть колесница правителя, важные советники – упряжка властителя. С древности и до наших дней не бывало, чтобы при том, что тело не чувствовало покоя колесницы, а руки утратили ощущение воли коней, не создавалось бы опасности. Следовательно, если колесница и кони не приведены в согласие, то и сам Ван Лян окажется неискусным; когда господин и слуга не в мире, то ни Яо, ни Шунь не способны навести порядка. Когда же управляют, держась искусства, тогда Гуань Чжун и Янь Ин отдадут свою мудрость; если разумом все расчленить и сделать для всех явленной истину, то и Разбойник Чжи и Чжуан Цяо [49] прекратят бесчинства. Держась за колодезные перила и заглядывая в колодезное дно, каким бы острым зрением ни обладал, не увидишь собственного зрачка. Зеркало же отражает так, что видны доли *цуня*. 142

Глаза и уши разумного правителя не устают, дух не истощается. Вещь приближается, и он видит ее образ, дела происходят, и он откликается на все их изменения. При этом те, кто рядом, – не возмущены смутой, кто далеко, – придерживаются порядка. Так, он не пользуется искусством подходящего, а осуществляет *дао* необходимого. Поэтому в тысячах дел не знает упущений.

Ныне этот возничий приводит тело коней в гармонию с колесницей, сердце свое в согласие с конями – и тогда преодолевает опасности, покрывает расстояния. Направляется вперед, назад, повсюду – куда подскажет воля. Пусть будут это скакуны Ци и Цзи или Луэр, но если ими правит Цзан Хо [50], то они становятся норовистыми, и человек не может уже с ними справиться. Поэтому в правящих ценится не столько собственная приверженность правде, сколько способность не допускать неправды. Недаром говорится: «Не давайте воли желаниям, не нужно

будет и говорить: «Умерьте требования». Не давайте воли стремлению захватывать, не надо будет и говорить: «Прекратите тяжбы»». Когда так, то человеческие таланты не нужны, а общее благо находится в действии.

Прекрасное определяется мерой, недостаточное утверждает себя в использовании. Благодаря этому Поднебесная может быть едина.

Когда же служба и дела в небрежении, а прислушиваются к хуле и славословию, пренебрегают трудами на общее благо, а делают услуги землякам и друзьям, то редкие таланты присваивают себе старшинство, соперничают за место. Тогда исполняющие службу толпятся, но их не продвигают, а в стране среди народа начинается брожение, заслуженные чины соперничают друг с другом при дворе.

Законы, установления, меры и веса – это средство для правителя управлять низшими. Отказаться от них и не использовать – все равно что скакать на невзнузданном коне. Тогда толпа слуг и весь народ начинают дурачить высших. Итак, обладаешь этим искусством – управляешь людьми; не обладаешь – люди управляют тобой. Рыба, заглатывающая лодки, будучи выкинута на берег волнами, отдана
143 во власть муравьев, потому что покинула свое обиталище. Обезьяну, которая слезла с дерева, хватает лисица или хорек, потому что та не на своем месте. Когда правитель пренебрегает тем, за чем должен неослабно следить, и вступает в споры с подданными, тогда чины бездеятельны на своих местах; исполнители службы подобострастием добиваются благосклонности государя. Вот почему слуги тогда прячут свой ум, оставляя его без применения, а дела правления перекладывают на высших.

Сколько бы богатые и знатные ни трудились, искушенные в делах правления сколь бы ни были проницательны, гордецы сколь ни были бы исполнены суровости – их влияние меньше власти правителя. Правитель, который не использует способностей подданных, а старается все делать сам, приходит к тому, что разум его день ото дня встречает все новые затруднения, и он один несет весь груз ответственности. Растрачивает все искусство на низших и не достигает осуществления природного закона [внутреннего соответствия]; обратив всю деятельность на государство, не может единолично править. Когда же ума недостаточно для управления, а авторитета недостаточно, чтобы вершить казнь, то теряется связь с Поднебесной.

Когда радость и гнев, что рождаются в сердце, стремятся выразиться вовне, то исполняющие службу отказываются от прямоты и полагаются на высших. Чины извращают законы и потворствуют обычаям. Награждают не по за-

слугам, казнят не по тяжести преступления. Высшие и низшие отдаляются друг от друга, а господин и слуга ненавидят друг друга. Вот почему когда правящие полагаются на правителя, то, если свершается ошибка, не с кого спросить; когда виновных не наказывают, среди ста чинов рождается смута – и этого не разрешить умом.

Хула и славословие родятся, как бамбук, и свет разума бессилен. Когда не пытаются исправить корень зла и идут против естественного хода вещей, то чем более трудится правитель, тем более распускаются слуги. Это все равно что вместо Повара браться за свежевание жертвы или вместо Плотника обтесывать дерево. Если бежать наперегонки с конем, то сколько ни усердствуй – не догонишь, а вступишь на колесницу, возьмешь в руки вожжи, и конь замрет под дугой, потому что Бо Лэ – в помощниках, Ван Лян – возница, а мудрый правитель – ездок. Кто не пользуется трудом помощника и возницы, а покрывает тысячу *ли,* те седлают человеческие способности, делая их крыльями. Правитель, пребывая в недеянии, все держит в должном бережении, действуя, не знает пристрастий: деяния рождают клевету, пристрастия рождают льстецов.

В древности И Я для циского Хуань-гуна, известного гурмана, сварил собственного сына. Юйский правитель был падок на всякие редкости, и цзиньцы поймали его на крючок, поднеся ему нефрит и коней [51]. Хуский ван любил музыку, и циньский Му-гун соблазнил его танцовщицами [52]. Все это примеры того, как выгода подчиняет себе людей. Поэтому тот, кто предпочитает сажать, не вырывает. Огонь пылает жаром, но вода уничтожает его; металл известен твердостью, но огонь расплавляет его; дерево славится крепостью, но топор разрубает его; вода течет, но земля может преградить ей течение. Только то, что творит изменения, не может быть побеждено вещами. 144

Когда внутренние желания не обнаруживаются вовне, это называется «держать на запоре»; когда внешнее зло не проникает внутрь, это называется «возводить преграду». Когда внутреннее на запоре, а внешнее закрыто, то справишься со всяким делом; когда внешнее закрыто, внутреннее заперто, всякое дело будет иметь успех: бесполезное пригодится позже; отставленное пойдет в дело потом. Когда дух напрасно трудится, то он истекает; когда слух и зрение устремляются к чрезмерному, то они слабеют. Поэтому правитель, обладающий *дао,* прерывает раздумья, отбрасывает мысли, чистый и пустой идет навстречу безобидным речам, неагрессивным делам. Следует имени, доискивается до сущности. Не издавая эдиктов, обязывает исполняющих должности служить; не поучая, заставляет их выполнять обязанности. Поскольку он

неосознанно осуществляет *дао,* постольку и почитать его за сокровище не может. Когда так, то дела сотен чинов блюдутся. Сжимающие рукоять власти легко свершают преобразования в народе.

Цзылу [53] был в услужении у правителя Вэй, обладал большой властью. Гуань Чжун и Янь Ин были слугами Цзин-гуна и Хуань-гуна, занимая при них почетное положение. Трусливые подчиняют себе сильных, а глупые управляют умными. Это благодаря той власти, которой они облечены. Когда ветви не достигают толщины ствола, верхушка не достигает силы корня, тогда легкое и тяжелое, большое и малое имеют возможность управлять друг другом. Так, пальцы есть принадлежность руки, хватают и цепляют, покорные воле. Поэтому и говорю – малое есть принадлежность большого. Обладающие властью держат в руках чрезвычайно малое, владеют же предельно большим; надзирая за незначительным, управляют обширным. Дерево в десять обхватов поддерживает постройку в тысячу *цзюней,* а от замка в пять вершков зависит, открыты или заперты ворота. Разве одних только их размеров достаточно для этого? Все это оттого, что они помещены на должное.

Кун Цю и Мо Ди совершенствовали искусство прежних мудрецов, проникли в рассуждения о шести искусствах [54] Устами передавали их речи, жизнью осуществляли их устремления, ревностно исполняли долг, не отступали от обычая, а те, кого они покорили, исчисляются всего несколькими десятками. Если бы они заняли царский престол, то вся Поднебесная стала бы конфуцианцами и моистами. Чуский Чжуан-ван, скорбя о гибели Вэня Бесстрашного, поднялся, взмахнув рукавами и наспех натягивая одежды и шапку, немедленно подвел войска к стенам Сун [55]. Вот что значит авторитет власти. Чуский Вэнь-ван любил красивую одежду и носил шапку с изображением носорога, и в чуском царстве все ему подражали. Чжаоский правитель У Лин носил пояс, украшенный раковинами и пряжкой с изображением звериной морды, и в этом наряде давал аудиенции, и тем не менее все в царстве Чжао подчинялись ему [56]. А если на простолюдина в холщовой одежде надеть шапку с изображением носорога, повязать пояс с раковинами и звериной мордой и чтобы он в таком виде предстал на аудиенцию, то это, конечно, будет смешно.

Таких в народе, которые бы любили доброе, радовались правильному, не ожидая запретов и наказаний, сами следовали бы законам и установлениям, из десяти тысяч не найдется и одного. По отношению к низшим непременно нужны приказы. Тот, кто следует им, получает выгоду, кто

противится, терпит зло. Скорее солнце и луна остановятся, чем Поднебесная на всем пространстве меж четырех морей останется без правил. Когда надо взять меч за острие, чтобы поспорить в искусстве с Бэйгунцзы, то и военачальник Жуай Гуй, пожалуй, не примет вызова [57] Держась же за рукоять и помахивая кончиком меча, и простой человек может одержать победу. Ныне заставь хоть У Хо или Цзи Фаня [58] тянуть сзади вола за хвост, скорее хвост оборвется, чем вол сдвинется с места, потому что тянут против движения. А если продернуть ему через нос веточку шелкопряда, то и мальчик всего в пять *чи* ростом потянет его за собой хоть по всей Поднебесной, потому что это «следование». Так, и весло в семь *чи* в руках лодочников полезно благодаря воде.

Сын Неба издает приказы, рассылает распоряжения, устанавливает запреты – они сильны своим множеством. Чтобы остановить то, что вредно народу, чтобы дать простор тому, что выгодно народу, он пускает в ход авторитет, уподобляя его силе прорванной плотины, размытой дамбы. Плывя по течению, легко добираешься до места; мчась с попутным ветром, легко покрываешь расстояния. Хуань-гун, взойдя на престол, отказался от питающихся мясом животных, кормящихся зерном птиц, уничтожил сети для животных и птиц – только благодаря этим трем деяниям заслужил благосклонность народа. Чжоу Синь убил Би Ганя [59] из царского рода, и родные по крови возненавидели его; рассек ногу переходившему поутру вброд, и тьма народа взбунтовалась, то есть всего только дважды поступил недолжно – и потерял Поднебесную.

Исполняющий долг свой – не тот, кто способен принести пользу всей Поднебесной. Достаточно принести пользу одному человеку – и Поднебесная покорно последует за тобой. Творящий бесчинства – не тот, кто истощил злодейством всех среди четырех морей. Нанеси вред одному человеку – и Поднебесная встанет против тебя. Так, Хуань-гун в результате троекратного благодеяния девять раз собирал *чжухоу*[60]; иньский Чжоу только дважды совершил злодеяние и стал неугоден простому народу. Поэтому, делая что-либо, нельзя не быть осмотрительным.

Правитель, определяя налоги для народа, непременно должен сначала подсчитать урожай, размерить накопления народа, определить, каков урожай хлеба и овощей, а затем уж нагружать повозки одеждой и едой, чтобы насытить свои потребности. Не то чтобы высокие башни, многоярусные беседки, цепочки построек, анфилады зданий были не красивы, но когда народ прозябает в пещерах, тес- 146
ных землянках с очагом, то мудрый правитель не может получать удовольствие от своих террас. Не то чтобы оби-

лие мяса и крепкое вино, сладости и печения были не хороши, но когда народу не хватает даже отрубей, гороха и проса, то мудрый правитель перестает чувствовать сладость пищи. Не то чтобы удобные постели, тонкие циновки были не приятны, но когда народ ютится у городских стен, постоянно подвергается опасности, всюду смерть и непогребенные кости умерших, то, видя все это, мудрый правитель теряет покой.

Правители древности сострадали народу: если в стране был голод, не были привередливы в еде; если народ страдал от холода, не носили шуб. Если год был урожайным и у народа был достаток, то подвешивали гонги и барабаны, расставляли щиты и секиры [61], правитель и слуги, высшие и низшие – вместе радовались этому. В стране не было несчастных.

В древности для выражения радости использовали металл, камень, трубочки и шелковые нити [62]; для выражения гнева служили оружие и латы, топоры и секиры; для проявления добрых чувств были столовая утварь и церемонии застольных тостов – хозяина гостям и гостей хозяину; знаком горя были пеньковый белый головной убор и травяные туфли, удары в грудь и топтание на месте, слезы и стенания. Во всех этих случаях чувства наполняли грудь и находили вовне лишь выражение.

Когда же наступили времена беспутных властителей, то отбирали у народа без меры, накладывали поборы на низших, не соразмеряя с их достатком. И тогда мужи и жены оставили земледелие и ткачество и не могли удовлетворить требования высших – сколько ни прикладывали сил, все был недостаток. И тогда господин и слуга стали ненавистны друг другу. Народ изнемогал в труде так, что трескались губы, клокотала печень, а пищи едва хватало на один день и не было никаких запасов. Тогда-то и начали бить в большой гонг, колотить в барабан, дуть в *юй* и *шэн* [63], щипать струны *циня* и *сэ*. И все это походило на то, как если бы, надев латы и шлем, отправлялись в святилище предков или, облачившись в белый траурный креп, отправлялись с войском. Был утрачен сам источник радости. То, чем народ кормится, не превышает десяти *му,* обрабатываемых одним человеком, урожай со «среднего поля» и весь годовой урожай составляют не более четырех *ши с* одного *му* [64]. Все быстро съедается женами, детьми, старыми и слабыми. Время от времени случаются дожди, или засуха, или другие стихийные бедствия, нечем платить налоги и нет средств на колесницу, коня, оружие и латы. Если так взглянуть на вещи, то в этом и есть источник печали. Мощь неба и земли позволяет рассчитывать так, чтобы через три года поле давало годовой запас; за девять лет сбо-

ря такого запаса имелся бы трехгодичный фонд; за восемнадцать лет был бы запас на шесть лет, а за двадцать семь – девятилетний запас. И тогда пусть будут дожди, или засуха, или другие стихийные бедствия – народ не будет бедствовать и бродяжничать. Государство, в котором нет девятилетнего запаса, называется «недостаточным», в котором нет шестилетнего запаса, – «страдающим», в котором нет 147
трехлетнего запаса, – «нищим». Поэтому милостивый правитель, мудрый государь в поборах сдержан, в собственном потреблении умерен – он получает нужное от неба и земли и не страдает от голода и холода. Алчный же правитель, жестокий властелин не оставляет в покое низших, грабит свой народ, чтобы удовлетворить свои не знающие предела желания, и тогда его народ не окутывает небесная гармония и он не опирается на благо земли [65].

Пища – это основа народа, народ – основа государства, государство – основа государя. Поэтому правитель вверху следует природным сменам года, внизу исчерпывает богатства земли, в центре использует силу народа, все родится и вызревает, пять злаков пышно взрастают. Он научает народ выкармливать шесть видов домашних животных [66], в нужное время сажать деревья, содержать в порядке поля и межи, растить туты и коноплю. Плодородные и тощие земли, высокие и низкие – каждое использует в зависимости от того, к чему они подходят. На гористых и холмистых местах, где не родятся злаки, сажает бамбук и деревья. Весной срубает сухостой, летом собирает плоды, осенью собирает урожай овощей и зерна, зимой рубит дрова и хворост – все это для нужд народа. Тогда при жизни не знали ни в чем недостатка, а по смерти не оставались непохороненными.

По законам прежних ванов [67] при обработке полей не травили тьму существ, у зверей не отбирали молодняк, не спускали из озер воду для рыбной ловли, не поджигали лесов для охоты. До того, как шакалы не принесли жертвы зверям, не раскидывали силков и тенет на полях; до того, как выдра не принесет жертвы рыбой, не забрасывали сетей; пока соколы не начнут драться за добычу, не расставляли силков на птиц и сетей в долинах; пока травы и деревья не начнут увядать, не ходили с топором в леса и на горы; пока насекомые не спрячутся, не начинали жечь поля; не убивали детенышей в утробе, не лазили за яйцами птиц, не ловили рыбу меньше *чи* длиной, не брали кабана моложе года. Травы и деревья буйно взрастали, подобно рвущемуся из котла пару; хищные птицы и дикие звери собирались в стада, неиссякаемые, как бьющие из-под земли источники; птицы собирались в стаи, подобные кучевым облакам, потому что были ус-

ловия для жизни и роста. Правление прежних ванов состояло в том, чтобы после того, как поднимутся облака с четырех морей, приводить в порядок межи и границы; после того, как начнут квакать лягушки, прилетят ласточки, расчищать пути, чинить дороги; когда прилетят журавли и пройдет паводок – ремонтировать мосты; когда созвездие Натянутый лук [68] в сумерках находится в своей высшей точке – начинать сев; когда созвездие Большой Огонь достигает своей высшей точки – сеять просо и сажать бобы,
148 когда созвездие Пустота достигает своей высшей точки – сеять озимую пшеницу; когда созвездие Утиное гнездо достигает своей высшей точки – делать запасы на зиму, рубить хворост и дрова. Так благодетельствовали народу.

Прежние ваны оттого умели сообразовываться со временем, держать все в порядке, обогащать страну, приносить пользу народу, заполнять пустое, привлекать далеких, что их *дао* было совершенным. Они могли это не потому, что глаза их умели смотреть, а ноги ходить, а потому, что они стремились к пользе народа. Они стремились к пользе народа и никогда о ней не забывали, и благодаря этому во всех службах сам собой устанавливался порядок. Вот взять, например, сердце. Оно присутствует в девяти отверстиях и четырех конечностях, и хотя само не может выполнить ни одного дела, однако всегда и везде – в покое и движении, наблюдая и слушая – всему хозяин, потому что постоянно печется о пользе тела. Яо творил добро, и все доброе пришло к нему; Цзе творил неправое, и все неправедное собралось вокруг него. Добро накапливается, и подвиги свершаются; несправедливость накапливается, и несчастье происходит.

Известно, что одни осторожны, воля других устремлена к великому, ум тех подобен кругу, а поступки этих прямы, как стороны квадрата, одни широко используют свои способности, а другие предпочитают сосредоточиться на малом. Тот, кто осторожен, раздумывает о несчастье прежде, чем оно свершилось, готовится к бедствию раньше, чем оно разразилось; боится ошибиться, осмотрителен в самой малости, не смеет дать воли своим желаниям. Кто устремлен к великому, обнимает собой тьму государств, объединяет в одно различные нравы и обычаи, покрывает собой, как небо, весь народ, как если бы все принадлежали к одному роду; правые и неправые устремляются к нему, как спицы ко втулке. Чей ум подобен кругу [69], движется по кольцу, вращается по окружности, начало в конец, конец в начало, разливается по сторонам, растекается на четыре стороны, неиссякаем, как глубокий источник, побуждает к росту тьму вещей, все откликается ему, как эхо. Чьи поступки прямы, как стороны квадрата, стоит прямо и не

гибается, белоснежно чист и не загрязняется, идет до конца, не меняя поведения, проникает во все, будучи всегда сдержан.

Чьи способности многообразны, одинаково искусен как в военных, так и в гражданских делах, во всем знает меру; что-либо устанавливая или упраздняя, каждого определяет на должное, так что ему нет надобности силой обуздывать строптивых, всему находится точно соответствующее ему место. Кто предпочитает сосредоточиваться на малом, держит в руках рукоять власти, придерживается искусства; избирает необходимое, чтобы откликаться на многое; держится малого, чтобы управлять обширным; сохраняет покой, держась середины; вращается вокруг оси, чтобы с помощью одного объединять десятки тысяч так, как подбирают две половинки одной бирки.

Итак, тот, кто осторожен, накладывает на себя запрет в самом малом; чьи устремления велики, обнимает собою все; чей ум стремится к круглому, знает все; чьи поступки прямы, как стороны квадрата, – сдержан в действиях; кто способен ко многому, тому все подчиняется; кто ограничивает свои деяния, тот сосредоточивается на главном.

В древности Сын Неба давал аудиенции, *гуны* и *цины*[70] подавали прямые советы, ученые мужи читали нараспев песни, слепцы увещевали, учителя наставляли, простой народ передавал речения, историографы записывали прошлое, кравчий ведал столом – и все-таки как 149
будто чего-то недоставало. И вот Яо установил барабан для тех, кто хотел подать совет; Шунь завел дерево, к которому приносили жалобы на неправые дела; царь Воинственный подвесил маленький барабанчик для тех, кто хотел предостеречь царя, – ошибка может быть подобна маленькому волоску, но о ней надо знать. Мудрецы за добро, хоть малейшее, возвышали; ошибки, хоть самые малые, исправляли. Яо, Шунь, Юй, Тан, царь Просвещенный, царь Воинственный – все спокойно правили Поднебесной, обратив лицо к югу. В те времена при звуках большого барабана садились за еду, при звуках мелодии «Юн» кончали еду, отобедав, приносили жертву духу очага; отправляясь в путешествие, не обращались к шаманам, а души покойников не смели насылать наваждений, горы и реки не грозили бедствиями. Можно сказать, что это были времена, достойные высшего почитания. И тем не менее:

Страшись-страшись, трепещи-трепещи,
Будь осторожен каждый день [71].

Отсюда видно, что мудрецы помнят об осторожности В Песнях поется:

> Этот царь Просвещенный
> Осторожен был и предусмотрителен
> Славно служил Верховному Владыке
> И был одарен великим счастьем [72]

Об этом сказано. Царь Воинственный пошел карательным походом на иньского Чжоу, раскрыл житницы у Великого моста, раздал сокровища Оленьей башни, присыпал могилу Би Ганя, нашел селение Шан Юна, посетил храм Чэн Тана, освободил Цзицзы [73], повелел каждому занять свое жилище, обрабатывать свое поле, не различал ни старого, ни нового – лишь мудрость была ему близка, использовал себе не знакомое, брал на службу чужих так спокойно, как будто всегда так было. Отсюда видно, что устремления мудреца велики.

Царь Просвещенный и Чжоу-гун [74] обозревали чередование приобретений и утрат, вникали, что есть истина и ложь; что способствовало процветанию Яо и Шуня и что погубило сяского Цзе и иньского Чжоу – все запечатлено в Светлом зале [75]. Они скромно оценивали собственный ум и много спрашивали, чтобы откликаться беспредельному. Отсюда видно, что ум мудрецов подобен кругу.

Чэн и Кан [76] были преемниками царей Просвещенного и Воинственного, они сохранили установления Светлого зала, изучили причины существования и гибели, познали законы превращения успеха в поражение. Они не говорили вопреки *дао*, не поступали вопреки справедливости (долгу), а если вырывалось недолжное слово, свершался недолжный поступок, то избирали меньшее зло. Отсюда видно, что поступки мудрецов прямы, как стороны квадрата

Кунцзы был так велик, что умом превосходил Чан Хуна, храбростью поспорил бы с Мэн Бэнем, ступнями он измерил Цзяо и Ту [77], силой обладал такой, что выталкивал засов из городских ворот, обладал многими
150 способностями, однако известен среди людей не храбростью, не ловкостью и мастерством – славу некоронованного царя завоевал он благодаря своему особому образу жизни и проповедью учения. Вот что значит ограничивать область своих занятий. Летопись «Весны и осени» [78] охватывает период в двести сорок два года. За это время пятьдесят два государя пало, тридцать шесть государей было убито. [Конфуций] отобрал доброе, вымел безобразное и тем очертил путь царей. Вот что значит иметь широкий взгляд на вещи. Попав в окружение в Куане, он не изменился в лице и не прервал песни. Нахо-

дясь на краю гибели, подвергаясь крайней опасности, он оставался верен долгу, вел себя сообразно правилам, и воля его оставалась непоколебимой. Вот что значит знать свою судьбу [79]. Затем, став в Лу главой судебного приказа, какое бы дело ни слушал, непременно его правильно разрешал. Составил летопись «Весны и осени», в которой не говорил о духах, не брал на себя смелости судить об этом. Ум мудреца хоть и способен ко многому, однако то, что он оберегает, мало. Поэтому если что начинает, то непременно славно завершает. Ум же глупца слаб и способен к малому, однако он чрезвычайно деятелен и, взявшись за дело, быстро исчерпывается.

У Ци и Чжан И разумом не могли равняться Куну и Мо, однако вступили в соперничество с владеющим десятью тысячами колесниц, за что и были разорваны колесницей и четвертованы[80]. Итак, если кто совершает преобразования на основе истинного учения, тому легко, и он непременно достигнет успеха; кто же ересью опутывает современников, тому приходится трудно, и он непременно потерпит поражение. Если кто хочет чего-либо добиться в Поднебесной и при этом отказывается от легкого успеха, а берется за трудное и наверное обреченное на поражение дело, то он просто глупец. Так что эти шесть противоречивых вещей нельзя не принимать в расчет [81].

Знать все о тьме вещей и не знать пути человека не может называться умом. Любить все живое и не любить людской род – это не может быть названо милосердием. Милосердный любит себе подобных, умный не может сомневаться. Милосердный и при самом строгом суде сохраняет сострадание. Умный и в самом трудном деле умеет найти ясное решение. Он относится снисходительно к инакомыслящим, не навязывает своего мнения другим. Судит по близкому о далеком, по себе – о людях. Его поступки есть сочетание милосердия и ума. Извлекая урок из малого, он обеспечивает возможность существования великого; применяя наказание к малому, он обеспечивает покой великому. Только умному дано судить, не теряя сочувствия к судимому. Милосердие и ум переплетаются, иногда объединяются в одно. На их сочетании основано правильное поведение, на их переплетении основана власть. Их назначение – одно. Чиновники государственных палат стоят на страже закона, благородные мужи блюдут справедливость (долг). Но и чиновники государственных палат не могут должным образом управлять, если придерживаются лишь закона и не соблюдают справедливости [82]. 151

Занятия земледелием изнурительны, ткачество – утомительно. Хотя эти занятия утомительны и изнурительны, люди не бросают их, потому что знают, что они их

одевают и кормят. Человеческая природа такова, что не может человек обходиться без одежды и пищи, а основа этого – в земледелии и ткачестве. Известно, что занятия земледелием и ткачеством поначалу трудны, но в конце концов приносят выгоду. Масса глупцов умеет очень мало, а дел, требующих управления, очень много То, с чем может справиться глупец, незначительно, вот почему глупец является причиной многих несчастий. Умный же все, что необходимо сделать, делает исчерпывающе, с чем необходимо управляться, делает до конца, и потому он является причиной лишь единичных несчастий. Умный сначала противится, а затем соглашается. А глупый сначала наслаждается, а в результате страдает. Что нужно для сегодняшнего успеха? Что нужно для осуществления справедливости завтра? Об этом легко говорить, но трудно действительно знать – что же нужно для осуществления справедливости сегодня и успеха дела назавтра. Спроси слепого музыканта: «На что похоже белое?» Ответит: «На белый шелк». «А черное?» «На тутовую ягоду». А возьмет в руки белое и черное, посмотрит – и не знает где что. Люди распознают белое и черное глазами, рассуждают о них устами. Слепец на словах рассуждает о белом и черном, но не может их знать. Поэтому говорит о них так же, как все, а вот различить как все не может.

Дома проявляем почтительность к родичам, вне дома – преданность господину. Глупые и умные, добродетельные и непочтительные – все знают, что это долг. Но таких, кто бы мог описать, что есть преданность и почтительность, и знать, откуда они возникли, мало. Все сначала обдумывают, можно ли поступить так или иначе, но разница между умным и глупым состоит в том, что один решает правильно, а другой нет. В природе каждого ценить более всего милосердие, считать необходимым ум. Милосердие – основа всего, ум необходим для действия. Эти две вещи составляют корень жизни. Если к ним прибавить такие черты, как храбрость, красноречие, живость нрава, трудолюбие, сметка, бескорыстие, разумность, основательность, то это довершит все множество добродетелей. Если природные данные несовершенны, то они могут быть дополнены искусством (воспитанием), но если нет костяка в виде милосердия и ума, то сколько прекрасных вещей ни добавляй, они только подчеркнут ущербность. Вот почему не знающий, что есть милосердие, а обладающий смелостью и решительностью, чуть что как безумный хватается за меч; если нет ума, а красноречив, как софист, то его несет, как вырвавшегося на свободу скакуна. Хотя и обладает спо-

собностями, да они прилагаются не к месту, а только годятся на то, чтобы помогать всякой лжи, приукрашивать неправду. Обилие всякого рода умений в таком случае хуже их отсутствия.

Тому, у *кого грубое сердце, не поможет внешняя* бла- 152
гоприятная обстановка. Кто от природы глуп, тому бесполезны любые блага. Так, рыба наслаждается, плавая в воде. Когда же прорывается плотина и вода уходит, она становится добычей муравьев. Когда же выстроят дамбу, заделают течь, то рыба снова обретает необходимое для жизни. Государство также имеет то, благодаря чему существует; люди имеют то, благодаря чему живут. То, благодаря чему существует государство, – это милосердие и долг (справедливость); то, благодаря чему живут люди, – это доброе поведение. Государство, в котором не соблюдается долг (справедливость), хотя и велико, погибнет; человек, поступившийся добром, пусть храбр, непременно будет сокрушен. В государстве, которое управляется хорошо, высшие правят, не дожидаясь подсказки. *Ведь родителей почитают,* старшего брата и его жену уважают, заслуживают доверия друзей – не дожидаясь приказов. Освободить себя от того, что должен исполнять, и осуждать других за неисполнение – это противоречие.

Ученый муж поселяется в глухом уединении. Желая продвинуться, он прежде всего обращается к себе самому. В продвижении есть свой закон – если не приобретешь доброго имени, не сможешь и продвинуться. В приобретении доброго имени есть свой закон – не пользуешься доверием друзей, не сможешь и продвинуться. В завоевании доверия друзей есть свой закон – в служении родичам не чувствуешь радости, не завоюешь и доверия друзей. В служении родичам есть свой закон – в самосовершенствовании неискренен, не можешь служить и родичам. В искренности есть свой закон – сердце не умеет сосредоточиваться на одном, не сможешь быть и искренним. Закон увидеть легко, да трудно им овладеть, эффективность его налицо, да достичь-то ее нелегко, – потому и не достигают.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
КЛУБОК СУЖДЕНИЙ

153 *Дао* высоко так, что не имеет верха, глубоко так, что не имеет низа, ровнее уровня, прямее отвеса, круглее круга, прямее квадрата. Обнимает собою Пространство и Время и не имеет ни внутренней стороны, ни внешней. Струится потоком, все покрывает и несет на себе, само не опираясь ни на что [1]. Поэтому и воплотивший *дао* ни печален, ни весел, ни радуется, ни гневается, сидит не размышляя, спит без сновидений. Вещи приходят – дает им имя, дела подступают – на них откликается.

Правитель – это сердце государства. Когда сердце в порядке, тогда и все сочленения в покое; сердце встревожено, и все сочленения приходят в смятение. У кого сердце в порядке, у того тело и сочленения не докучают друг другу, в хорошо управляемом государстве господа и слуги забывают друг о друге. Желтый Предок говорит.

> Сумеречно-огромное, предрассветно-темное,
> Следует небесному пути,
> С Сокровенностью сливает свой эфир [2]

Тот, чья добродетель совершенна [3], сообща обсуждает планы, сообща принимает решения; верхи и низы при нем – единодушны. Когда же нет стоящих у обочины и нет посторонних, то закрыта дорога злу, открыты пути добру, а народ устремлен к правильному. В Переменах сказано «Будь с людьми в диком поле, одолеешь и широкую реку» [4].

Дао – это водитель вещей [5], Благо – опора природы вещей. Милосердие – это проявление любви к ближнему, исполнение долга-справедливости [6] – это единство с людскими сердцами и согласие с интересами многих. Вот почему когда утрачивают *дао*, то Благо находит применение. Благо приходит в упадок, и рождаются милосердие и долг-справедливость. Поэтому в высшие времена люди несли в себе *дао* и не нуждались в Благе, в средние времена хранили Благо и не разрушали его; в конечные времена с ног сбиваются, только бы не утратить в себе милосердия и долга-справедливости.

Благородный муж не способен забыть о добродетели и долге – для него это равносильно утрате смысла бытия; ничтожный человек не может жить без удовлетворения собственных страстей: утратит предмет своих вожделений и потеряет смысл существования. Иными словами, благородный муж боится потерять милосердие и долг-справедливость, а ничтожный человек – выгоду. Наблюдая, кто чего опасается, постигаем их различие. В Переменах говорится: «Встретил оленя, а нет егеря: благородный муж, едва вступив в лесную чащу, останавливается, ибо лучше упустить оленя, чем испытать досаду» [7].

Кто щедр в раздачах, тому отдается с лихвой, но горе тому, кто нанесет большую обиду. С древности и до наших дней не бывало, чтобы при малых милостях росло бы преклонение, а скопление обид не принесло бы несчастья.

Поэтому мудрец тщательно исследует прошлое, чтобы 154
знать будущее. *Дао* мудреца подобно чаше с вином, что стоит на перекрестке дорог: проходящие пьют кто много, кто мало – по-разному, но каждый столько, сколько ему нужно. Поэтому завоевать одного – значит завоевать всех, и если обращаться с низшими так, как они ждут этого от высших, то кто откажет в любви? Если служить высшим так, как они ждут этого от низших, то кто останется недоволен? В Песнях поется:

Любезен нам этот человек,
Ответом ему будет наш дар [8].

Дар – это нечто великое, а человек – это малость, но, оказав благодеяние малому, можно облагодетельствовать великое.

Благородный муж, видя чей-то проступок, не думает о наказании – он склонен увещевать; встретив в ком мудрое достоинство, не думает о его худородстве, поэтому всегда готов уступить; видя скромность достатка, не ставит в вину бедность, поэтому всегда готов к раздачам. Когда поступки несут на себе печать искреннего чувства, то, хотя бы они были ошибочны, не вызовут обиды; когда лишены чувства, то и те, что совершены из преданности, принесут лишь зло.

Хоуцзи щедро облагодетельствовал Поднебесную, однако не кичился этим; сполна внес свою лепту в ее благоденствие и Юй, все вложил в свой труд, но был не удовлетворен. Полное подобно недостающему, полнота схожа с пустотой[9]. Они поняли это до конца. Обычно люди ценят то, что их радует, а радуются тому, что им приятно. В мире всегда выдвигали достойных, но это приводило иногда к порядку, иногда – к смуте. Не потому, что люди обманывались, а потому, что мерили по се-

бе; сами же не обязательно обладали достоинством и, меряя по себе, в стремлении найти достойного ошибались Если мерить Шуня меркой Яо, то это возможно. Но мерить Яо меркой Цзе – это все равно что соизмерять вершок и аршин. Ныне услышав слово «хули» [10], можно не знать ни что такое «ху», ни что такое «ли». И не обязательно, что тот, кто не видел «ху», не видел и «ли». «Ху» и «ли» – это не совсем разные понятия, они принадлежат к одному роду. Но когда говорят «хули», не предполагают знания отдельно «ху» или «ли» [11]. Так же точно когда называют недостойного «достойный», то конечно же не знают, что такое «достойный», а когда называют достойного «недостойным», то, конечно, не знают, что такое «недостойный» [12].

Когда мудрец находится наверху, то народ наслаждается созданным им порядком, когда внизу – преклоняется перед его умом. Когда ничтожный человек наверху, то это беспокойно, словно лежишь на гвоздях, надоедливо, как копошение шелковичных червей, – ни мгновения покоя. Вот почему в Переменах говорится: «Колесница и кони вспять – кровавые слезы» [13]. Иными словами, нет ничего хорошего в том, когда человек ничтожный занимает не свое место.

Среди людей нет таких, которые бы не могли быть использованы. «Небесный петух» и «вороний клюв» [14] – злейшие яды, но хороший лекарь с их помощью лечит болезни; карлики и слепые певцы обычно лишь обременяют
155 людей, но правителям они служат для развлечений. Мудрец, подбирая оставшийся от обработки материал, ничего не оставляет неиспользованным.

Один храбрец издает клич, и целая армия оказывается спасена, потому что в этом кличе заключена сила искреннего чувства. Когда же кто-то запевает, а ему не вторят, подает мысль, а она не находит отклика, – значит, в сердцах не пробудил отзвука. Шунь, еще не быв на троне, овладел Поднебесной, потому что был взыскателен к себе Когда же высшие множат уловки, низшие изощряются в обмане. Никто никогда не слышал, чтобы при том, что тело криво, тень была бы прямой.

То, чего не достичь речью, можно выразить лицом То, что не смогло лицо, достижимо с помощью чувства Чувство трогает сердце, осознается умом, получает выход вовне и выливается в поступки – это предел того, на что способна телесная форма. Она может отразить положение вещей, но не способна предостеречь. Кони племен *жунов* [15] и *ди* в состоянии покрывать и близкое расстояние и далекое, но только Отец Цзао умел полностью использовать их силу. Народ Саньмяо всем удавалось

принудить к проявлению преданности и верности, но только танский Яо и юйский Шунь сумели полностью выявить их достоинства. В этом есть нечто непередаваемое. Чжунхан Мюбо [16] голыми руками одолевал тигра, но не мог его оживить. Значит, хоть и велика сила, но не всемогуща. Если использовать способности ста человек, то обретешь силу ста человек. Возьмись за то, что одобряет тысяча людей, и обретешь сердца тысяч. Это как подрубленное дерево – потяни за корень, и тысяча ветвей, тьма листьев не могут не последовать. Отеческая любовь к сыну не ждет благодарности – просто сердце ее не может сдержать; забота мудреца о народе не диктуется выгодой – просто его природа велит ему ее проявлять. Огонь сам возжигается, лед сам леденеет – кто об этом заботится? А уж если дело дойдет до того, что надо рассчитывать на силы, полагаться на труды, то все будут единодушны, как в горящей лодке.

Благородный муж, наблюдая начало, предвидит конец. Сваты расхваливают жениха и невесту не потому, что хотят сделать добро; работника хорошо кормят не из любви к нему. Ни родной отец, ни любящая мать ничего не изменят в этом. Есть причины, по которым это делается, но к любви это отношения не имеет. Провожают уходящих не потому, что придется встречать, а мертвых одаряют не исключительно ради живых. Искреннее чувство рождается внутри, а воздействие его ощущается далеко. Несут в храм разноцветную парчу – этим отдается дань красоте; первым подносят нефритовый скипетр [17] – этим подчеркнуто первенство простой основы. Поэтому благородным мужем может называться лишь тот, в ком узор не превосходит основы[18]. Колесник всю жизнь делает колесницы, но, если вдруг окажется, что нет трехвершковой чеки, не помчишься на ней; плотник старательно обтесывает и прилаживает дверь, но, если не будет засова в один *чи*, ничего за ней не схоронишь. Поэтому благородный муж задумывается над тем, что составляет узел вещей.

Те частицы *цзин,* что в сердце, делают возможным преобразование духа, но не могут быть водителем людей; те частицы, что в глазах, способны рассеивать неясное, но не способны возвестить грядущую беду. То, что находится в глубокой тьме, не изъяснить людям в словах. Вот почему Шунь, не быв на троне, упорядочил Поднебесную, а Цзе, не сходя с трона, привел ее к смуте. Что значат воззвания по сравнению с силой чувства! Если же нет ничего в тебе самом, то с древности и до наших дней не слышали, чтобы при этом можно было ждать чего-то от других. 156

Согласным с собой речам народ доверяет – но доверие предшествует речам; согласным с собой приказам народ

повинуется – если за ними стоит искреннее чувство. Когда мудрец наверху, народ приходит к нему и преобразуется – подчиняясь чувству. Когда действия верхов не получают отклика, это значит, что приказ и чувство разошлись. Поэтому в Переменах говорится: «Дракон на мели испытывает раскаяние» [19].

Трехмесячный младенец еще ничего не знает о пользе и вреде, но мать умеет передать ему свою любовь – благодаря природному чувству. Отсюда следует, что слова могут помочь в малом, но великое постигается без слов. Плотью речей благородного мужа является преданность. Искренность и преданность рождаются внутри, а получают отклик вовне. Юй исполнил танец с щитом и топором на помосте [20], и народ Саньмяо покорился. Ястребы парят над реками, а рыбы и черепахи, завидя их, уходят в глубину, птицы взлетают ввысь, – чтобы быть подальше от опасности. Бывает, что сын убивает отца, а слуга – господина, и дело не в стремлении к славе, а в том, что отеческое чувство, запрятанное внутрь, оказалось неспособным воспрепятствовать несчастью. Ведь и радость человеческая – это не одна лишь пляска, пляска только ее следствие. А скорбь благородного мужа – это не только принятый ритуал: люди лишь тогда почувствуют ее, когда она не извне привнесена, а изнутри родилась. Долг определяет отношения между господином и слугой, милосердие – между отцом и сыном. Господин может распоряжаться жизнью слуги, но не может заставить его поступать не должным образом; отец может гневаться на сына, но не может не заботиться о нем. Таким образом, долг выше господина, милосердие выше отца, и это условие таких отношений, при которых господин уважителен, а слуга предан, отец заботлив, а сын почтителен.

Когда мудрец находится наверху, преобразования происходят как по велению духа. Великий Владыка [21] говорит: «Я есмь их жизнь и судьба». Следующие за ним [22] говорили: «Я как они». В Песнях поется:

Вожжи держи словно шнур [23].

157 В Переменах говорится: «Сдерживая сиянье, можно устоять»[24]. То, что пришло в движение рядом, лишь на расстоянии проявляет свой узор. Поэтому, наблюдая, как человек движется ночью, Чжоу-гун почувствовал неловкость перед собственной тенью [25]. Вот почему благородный муж внимателен к себе самому, – не годится отбросить близкое, а искать вдалеке. Внимать добру легко, трудно выстроить себя в согласии с ним. Учитель, наблюдая троекратное превращение зерна [26], в волнении

произнес: «Лисица, умирая, поворачивается мордой к норе, мне же, похоже, надо повернуться к колосу!» Поэтому благородный муж, взирая на доброе, размышляет о себе: если сам праведен, не стоит труда привлечь и далеких. В Песнях поется:

Сами не будете праведны,
Не будет верен вам народ [27].

Принимаясь за дело, ничтожный человек говорит: «Лишь бы получить выгоду!» Благородный муж говорит: «Лишь бы соблюсти долг» [28]. И тот, и другой одинаково устремлены, но то, к чему устремлены, разное. Когда лодка идет по воде, то рыба уходит в глубину, а птицы взмывают ввысь: одним возбуждены, но по-разному действуют, единое для них здесь – природное чувство. Си Фуцзи, напоив и накормив цзиньского наследника, спас свое селение; чжаоский Сюань Мэн избежал опасности благодаря связке сушеного мяса [29] – ритуал был скромен, зато вознаграждены с избытком. Когда милосердие и благодарность за него встречаются, то возникающее пронзительное чувство глубоко входит в человека.

Крик один и тот же, но если он исходит от домашних старцев, то вызван любовью и заботой, а если от кредитора, то ведет к ссоре и тяжбе. Нет оружия сильнее воли, и даже меч Мо Се ей уступает; нет разбойников больших, чем *Инь-Ян*, и барабан и палочки бессильны против них [30]. Мудрец вершит добро не ради славы, а слава приходит; слава не есть непременное условие выгоды, но выгода следует за славой. Так же и человеческие радости и печали – они существуют сами по себе, не ради танца, но танец сопутствует им. Поэтому совершенный человек не придает значения внешним формам, – он лишь пользуется ими, как естественно потереть засорившийся глаз, искать опоры, оступившись. Мудрец осуществляет правление молча, не выставляя напоказ своих достоинств, только потом люди узнают, что они велики. Это подобно тому, как нет соперников скакунам Ци и Цзи [31] при дневном свете, ночью же их можно сравнить со слепцами – только с восходом солнца обнаружится разница.

Все в одно время полезно, в другое превращается в ущерб, ибо ущерб сопутствует пользе. Поэтому в Переменах говорится: «Разрушая, нельзя разрушать до конца – надо оставить что-то для возрождения» [32]. Скопление тонкости дает толщину, скопление низкого дает высоту. Благородный муж старательно создает себе славу, ничтожный человек угрюмо приближает свой позор, и где их концы и начала, не разглядел бы даже Ли Чжу. Вэнь-ван внимал добру так, как будто боялся не успеть;

остерегался недоброго так, как будто опасался дурного предзнаменования, – и все это не ради одного дня, а думая о будущем.

158 Поэтому в Песнях поется:

Хоть Чжоу и древле,
Быть ему с новой судьбой![1] [33]

Кто хранит в себе природное чувство, бережет в себе природу, того Небо не убьет, Земля не погубит. Пусть слава твоя наполняет Небо и Землю, а блеск ее соперничает с сияньем Солнца и Луны – это приятно. Если ты обращен к добру, то не будешь знать ненависти, даже в чем-то и перейдя меру; но если не обращен к добру, то и от преданных можно ожидать беды. Поэтому, чем винить других, лучше сердиться на себя; чем требовать от других, лучше быть требовательнее к себе. Молву сам возбуждаешь, себя сам выставляешь напоказ, имя сам себе создаешь, своим поступкам сам хозяин. Все – ты сам, что ж винить других, хвататься за копье и колоть, выхватывать нож и вонзать?! Гуаньцзы одевался в парчу и, хотя это было нехорошо, стоял на приемах в храме предков; Цзычань покрасил белые [храмовые] одежды, это красиво, но непочтительно [34]. Тот, кто одет в рубище, а за пазухой держит нефрит [35], пуст, но способен наполняться, пресен, но способен обретать вкус.

Двоедушие не способно завоевать и одного человека, но искреннее сердце может овладеть сотнями людей. Орхидея, посаженная мужчиной, прекрасна, но лишена аромата; приемные дети бывают толсты, но вид их нездоров – природное чувство не принудишь. Жизнь дается нам временно, а смерть есть возвращение к изначалу. Хун Янь, отстаивая честь, принял смерть [36].

Ванцзы Люй предпочел раскинув руки упасть на меч, но не идти на соглашение с Бай-гуном[37], потому что нельзя ради временного наносить вред вечному. В мире, в котором царит порядок, справедливость служит защитой жизни; в мире, в котором царит смута, ценою жизни защищают справедливость. Смертный час – это завершение поступков, поэтому благородный муж осторожен в этот момент – ведь им можно воспользоваться только один раз. Струсивший не всегда был трусом – просто, когда пришел трудный час, не сумел уберечь то, что должно хранить; жадный не всегда был алчен – просто, соблазнившись выгодой, забыл о вреде. Юйский гун, увидев нефрит из Чуйцзи, не знал, что Го уже готовят ему беду [38]. Только совершенный человек ничем не может быть совращен.

Кто жаждет славы, думает только о себе, – что пользы ему в других? Поступки же мудреца подчинены долгу, его

глубокая забота идет изнутри, – что проку ему в самом себе? Поэтому предков и царей было много, но Тремя царями назвали только одних, бедных и безродных много, но только Бо И восславлен [39]. Если бы высокородство означало мудрость, то мудрецов было бы множество; если бы бедность означала милосердие, то добродетельных была бы тьма. Почему же тогда мудрецов и добродетельных единицы?

Сосредоточенные на самих себе, люди бездумно и беззаботно проводят дни в суете, гоняясь за новизной, – забывая, что старость уже на пороге. Начинают с молодости, а кончают зрелыми мужами. От себя не убежишь и 159
от других не скроешься. Идя по бревну над водой, не спрячешь страха, даже если вокруг люди. Заставить других поверить себе легко, но прикинуться, что сам себе веришь, – трудно. Если чувство предшествует действию, действию все становится под силу; если ему все под силу, то все узлы развязываются; а если все узлы развязаны и нет путаницы, то становится легко. Когда танский Яо и юйский Шунь брались за дело, они делали его не из сочувствия к народу, они радовали только себя, а Поднебесная приходила к порядку; сяский Цзе и Чжоу Синь не из разбоя поступали так, как поступали, они тоже радовали себя, а все дела разлаживались. Порядок или смута царят в государстве, зависит от того, с любовью или с ненавистью здесь подают советы.

Поступки мудреца ни с кем не сходятся и не расходятся, подобно тому как барабан в оркестре ни с чем не согласуется и ни с чем не диссонирует[40]. Струнные инструменты, духовые или ударные – маленькие, большие, длинные или короткие, – каждый вступает по очереди. Все звуки разные, а образуют гармонию. Господа и слуги, верхи и низы заняты различной службой, но множество разнообразных дел оказывается согласованным. Ткач с каждым днем увеличивает пространство своего полотна, а пахарь – уменьшает незапаханную площадь. Направление их действий противоположно, а успех одинаков.

Шэнь Си [41], заслышав песню нищей, проникся скорбью, вышел наружу и видит – его мать. Во время битвы при Айлине Фу Чай [42] воскликнул: «Счастье с нами – мы побеждаем!» В обоих случаях раздались звуки, но то, в чем они уверяют, разное и зависит от вложенного в них чувства. Если сердце скорбит, то и песня не радует; если сердце ликует, то и плач не печалит. Учитель говорит: «Струна права, это в звуке ложь» [43]. Форма – это то, чем соприкасаемся с вещами, чувство же остается скрыто внутри, и тот, кто захочет вывести его наружу, если увлечется формой, то погубит чувство, а если излишне от-

дается чувству, убьет форму. Только когда чувство и форма проникают друг друга, являются нам феникс и цилинь [44], тогда говорят, что совершенная добродетель способна привлечь и далеких.

Колесник Ян говорил своему сыну: «Хороший мастер осторожно нащупывает меру между угольником и долотом. Овладение ею делает любые вещи совершенными»[45]. Мудрые государи таким же образом управляли народом, Отец Цзао – конями, И Ляо [46] – болезнями. Одинаково имели дело с материалом, но каждый использовал его по-своему. Когда высшие рождают замысел, а народ его подхватывает, это значит, что в нем заложено искреннее чувство. Без слов доверяют, без зова приходят. Если же тот, кто впереди, озабочен тем, что его не знают, значит, он сам
160 не познал себя. Заносчивость и чванство рождаются от недостаточности, а хвастливость и вранье есть производные от зазнайства. Те же, кто искренен и открыт, – счастливы и не ведают беспокойства, это естественно для них, как крик для филина, как проворность для медведя. Чем тут кичиться? Весной дева задумчива, осенью муж печален – они наблюдают превращенье вещей [47]. Плачет ли кто на крик, стонет ли всхлипывая – по звуку узнаем о переживаемом. Выражение лица, внешний облик, осанка и поза могут выдать ложность чувства.

Мудрецы с трепетом относились к своему внутреннему чувству и достигали в его постижении высшего предела. Последует ли за подвигом признание – это определяется Небом, а быть ли покорным порядку вещей – это человеческое. Тайгун Ван и Чжоу-гун Дань были созданы Небом не для У-вана; Чун-хоу и Элай [48] были порождены Небом не для иньского Чжоу, просто всякому времени – свои люди. Просвещение – это дело благородных мужей, малые люди только окутываются им как благодатью [49], выгода – это дело малых людей, благородные мужи лишь пользуются ею. Некогда, во времена Цзицзы от Восточных ворот [50], на дорогах не поднимали утерянного, оставшееся непосеянным просо ночевало на краю поля – и благородные мужи, и малый люд брали столько, сколько им было нужно. Поэтому праздник одного был праздником всех [51].

Все высокое ценит левую сторону [52] Поэтому низший, обращаясь к высшему, говорит: «Хочу быть слева от тебя» [53]. Это уважительное обращение слуги. Низкое ценит правую сторону. Поэтому высший, обращаясь к низшему, говорит: «Будь моей правой рукой». Это вежливость господина. Если высший будет обращаться к низшему, употребляя слово «левый», он утратит то, к чему относится с уважением. Если слуга употребит слово

«правый», он утратит то, что ценно для него. Мелочью легко нанести урон сути, а это тут же отзовется в форме. Цзычань обладал красноречием, при нем расцвели пышным цветом судебные дела, но не стало порока [54]. Потерял он внутреннее чувство, и все его красноречие пропало бы. В совершенном государстве ремесленники не заняты пустыми делами, земледельцы не тратят даром сил, добрые мужи не скрывают своих достоинств, чиновники не допускают неисполнения законов. Это подобно тому, как рыбак тянет сеть, а тысячи ячеек в ней раскрываются. Шунь и Юй приняли Поднебесную от предшественников. Яо и Шунь, передавая столь великое, сначала создали образец в малом: они опробовали его, передавая главной жене, потом братьям [55], передавая сначала семью, потом страну, и Поднебесная покорилась им. В военном деле через великое познается малое [56], а людям свойственно через малое постигать великое.

Дао благородного мужа близко, а не достичь, низко, а не взойти, ничего нет на телеге его, а непобедимо. Велико и светло, далеко простирается и высоко высится! Это *дао* не постичь через других, сам должен обрести его в себе, а 161
если будешь искать в другом, только удалишься от цели. Благородный муж радуется всегда, даже когда славы ему недостает; ничтожный человек не радуется никогда, даже если славы у него в избытке. Отсюда ясно, сколь далеки друг от друга бывают мерки достаточности и недостаточности.

Никогда не приходилось слышать, чтобы что-то было на устах и не вырвалось бы, было в ощущении и не обнаружилось бы. Благородный муж печется о долге и не заботится о выгоде; ничтожный человек жаждет выгоды и не озабочен долгом.

Учитель говорит: «Оба плачут, приговаривая: «Ты и я – как нам быть? Зачем обижаешь меня?»» Одинаково скорбят, но то, почему скорбят, – разное. Скорбь и наслаждение – эти чувства трогают человека глубоко. Копают ли землю, делают ли запруды, и тем не только изнуряют народ, но и, потворствуя своим желаниям, вносят беспорядок в живое. В обоих случаях они подчиняются чувству, но люди получают от них разное. Так, танский Яо и юйский Шунь ежедневно и неустанно занимались делами правления, а Цзе и Чжоу ежедневно самонадеянно близились к смерти и не ведали, что будут осмеяны потомками. Обычно стоит человеку выговориться, как забывают о горе и предаются веселью, а утратив то, что их радовало, впадают в скорбь. Но кому известно наслаждение жизнью, известна и скорбь смерти; знающего, что есть долг, не соблазнить выгодой, храброго не превра-

тить в труса – как не обмануть жаждущего пустым сосудом. Люди, отдающиеся многим желаниям, наносят ущерб долгу; подверженные многим печалям наносят вред уму, а многим страхам – мужеству. Распущенность – свойство ничтожных людей, варвары все таковы. Готовность к добру – свойство благородного мужа, силой оно может поспорить с блеском солнца и луны, и всей Поднебесной этой силы не исчерпать.

Хорошо управляемое государство наслаждается тем, благодаря чему оно существует, идущее к гибели государство наслаждается тем, что его ведет к концу. Чтобы вылить металл или олово в формы, надо их расплавить. Если заботы высших о низших идут не от души, то не повести им за собой народ; а если народ остается без попечения, то рвутся скрепы, связывающие верхи с народом. Когда же правитель возвращается к корню, то связи крепнут Высшее благоденствие – это когда все предусмотрено до мелочей и всем крупным делам дан ход.

Циский Хуань-гун был сосредоточен на крупных предприятиях и не придавал значения мелочам; цзиньский Вэнь-гун [57] был занят мелочами и не давал хода крупным делам. И потому цзиньский Вэнь-гун преуспел во внутренних покоях и потерпел неудачу на границах, а циский Хуань-гун потерпел неудачу во внутренних покоях, но укрепил положение своего двора. Вода течет вниз и обретает широкие просторы, правитель нисходит к чиновникам и преисполняется мудростью. Он не соперничает со своими подданными в их трудах, а порядок сам собой все пронизывает. Гуань Иу и Байли Си разрабатывали планы, а циский Хуань-гун и циньский Му-гун [58] следовали им.

162 Можно ошибиться и принять восток за запад, но заблуждение рассеется, как только взойдет солнце. Вэйский У-хоу говорил своим людям: «Детки, не щадите моей старости: если в чем ошибся, немедленно докладывайте» [59]. Он понимал, что хотя и не чувствует дряхлости, но в его годы ее не миновать. Тот, кто стар и сознает это, истинно проник в суть существования и гибели.

Людям не дано творить, они могут только действовать. Способность к действию не есть непременный залог успеха, человеческие деяния завершает Небо. Кто всю жизнь делал добро, без Неба не сделал ни шагу; кто всю жизнь вершил недоброе, без Неба не погибнет. Следовательно, добро – не от меня, счастье и несчастье – не в моей власти Поэтому благородный муж покоряется тому, что есть в нем самом, и только Природа дается человеку Небом, судьба же предрешена временем. Если обладавший талантами не встретил своего часа, это – Небо. В чем была сила

Тайгуна? В чем преступление Би Ганя? Поступки каждого определялись их природой, хоть во вред себе, хоть на пользу. Их направление – от *дао*, их достижение – от судьбы. Поэтому в силах благородного мужа делать добро, но не в его возможностях непременно обрести счастье; он не способен творить неправое, но из этого не следует, что он обязательно избежит несчастья

Правитель – это корневище и корни, слуги – это ветви и листья. Не слыхано, чтобы при том, что корни и корневище нехороши, ветви и листья были бы цветущи и пышны Во времена, когда царит *дао*, подыскивают людей для государства, когда нет *дао*, подыскивают государство для людей. Яо правил Поднебесной и печалился, что не может от нее освободиться, передал престол Шуню, и печаль рассеялась. Печалились и хранили ее, а затем с радостью отдавали достойному и никогда не преследовали собственной пользы. Среди всей тьмы вещей нет ни одной малости, которую бы нельзя было использовать. Тот же, кто не умеет пользоваться, и голубовато-зеленый нефрит [60] способен превратить в навоз.

Природное чувство заставляет людей во вредном искать для себя меньшего вреда, а в полезном – большей пользы. То, что из равных по вкусу кусков предпочтение отдается большему, это, конечно, из-за его сладости; а что из равных учителей музыки выделяют того, кто превосходит других, это из-за наслаждения, которое доставляет его игра. Не будь сладости вкуса, не будь наслаждения игрой, никогда бы не выделили их.

Благородный муж обретает свой час и действует, оставаясь верным долгу. Разве это везенье? Если не его время, отходит, оставаясь в границах должного, – разве это невезенье? Так, Бо И умер с голоду на горе Шоуян и ни о чем не пожалел [61]. Он отбросил то, что презирал, и обрел то, что ценил. Ростки счастья так незаметно слабы, зарождение несчастья так крошечно мало, начала счастья и несчастья так неуловимы! Поэтому люди пренебрегают ими. И только мудрец, наблюдая начало, знает 163
конец. В Преданиях говорится: «Луское вино оказалось слабым, и Ханьдань была окружена» [62]. «Бараньей похлебки недостало, и сунское царство оказалось на краю гибели» [63].

Мудрый правитель при награждении и наказании исходит не из собственных пристрастий, а из пользы государства. Он не награждает того, кто подходит ему, если у него нет заслуг перед государством, и не наказывает того, кто не угоден ему, если он нужен государству. Поэтому чуский Чжуан-ван говорил Гунъюну [64]: «Кто обладает добродетелью, получает от меня титул и жалованье; кто имеет заслу-

ги, получает от меня поля и жилище. Ты не обладаешь ни тем, ни другим, и я не имею причин тебя награждать». Разве это не разумно? Он отказал ему так, словно никогда ничего иного и не бывало.

Чжоуское правление было совершенным, иньское – устремленным к добру, сяское – деятельным. Деятельное правление доброе, но доброе не обязательно совершенно. Достигший совершенства человек не преклоняется перед деятельным правлением и не стыдится доброго. хранит внутри себя Благо, ступает по Пути, а высшие и низшие пребывают в радости, не ведая откуда что берется. Владевших государствами много, а знамениты лишь циский Хуань-гун и цзиньский Вэнь-гун. На горе Тай [65] имеется семьдесят жертвенников, но только Три царя истинно владели *дао*. Тогда господа не были чрезмерно требовательны к подданным, а подданные не лукавили с господами. Совершенствуя близких, государи достигали далеких, а последующие поколения восславили их величие. Они добивались славы, не переступая через близких, и никто не мог их превзойти. Держаться обряда, как Сяоцзи [66], можно, но нельзя оспаривать его славы, не овладев тем, что у него внутри. Благородный муж удобство ставит ниже долга, а ничтожный человек долг подчиняет удобству. Разумный успеха достигает без труда; следующий тот, кто трудится, не изнуряя себя; и последний – это тот, кто мучается, а не трудится [67]. Древние знали вкус, но не были жадны, нынешние жадны, но не имеют вкуса. Прелесть песен заключена в звуках, но звуков недостаточно для создания прекрасного. Усаживаются вместе, берут инструменты из металла и камня, шелковых нитей и бамбука, играют на них, но этого недостаточно для достижения высшего предела. Тот, кто способен чтить *дао*, исполнять долг, должен заставить свои страсти – радость и гнев, желание брать и отдавать – быть послушными, как трава ветру. Шао-гун [68] во время работ по сбору шелковичного червя и пахоты открывал тюрьмы, выпускал затворников, понуждая народ возвратиться к своим занятиям, исполнить службу. Вэнь-ван отказался от земель в тысячу *ли* в обмен на отмену казни у раскаленного столба.

164 Мудрец, принимаясь за дело, каждый раз соизмеряется с благоприятным моментом так естественно, как летом носят редкое полотно, а поднимаясь на колесницу, берутся за веревочные поручни. Лаоцзы учился у Шан Юна: глядя на его язык, понял, что следует беречь мягкое [69]. Лецзы [70] учился у Хуцзы: наблюдая за солнечным столбом, узнал, что нужно держаться позади. Мудрец не опережает вещей, но постоянно следит за тем, что их роднит, как дровосек

кладет поверх те сучья, что собрал последними[71]. Любовь людей друг к другу покоится на долге-справедливости; их множественность сохраняется благодаря принадлежности к общине, а могущество создается их множеством. Если благие деяния распространяются широко, то и признание силы простирается далеко; чем меньше благотворительность, тем меньше тех, кто подчинится силе оружия. Колокол чем чаще звонит, тем быстрее изнашивается; сальная свеча чем ярче горит, тем быстрее плавится; полосы на шкуре тигра и пятна на шкуре леопарда привлекают охотников, а ловкость обезьян – их ловцов. Цзылу из-за храбрости погиб, Чан Хун из-за ума попал в беду[72]: хватило ума, чтобы знать, но не хватило, чтобы не знать. Идущий через пересеченную местность не может ступать как по шнуру; выходящий из леса не идет по прямой дороге. Ночью путник закрывает глаза и вытягивает руки.. В делах есть свой предел, а в уме свой вред. С тем, кто способен пройти сквозь тьму и вступить в яркий свет[73], можно говорить о совершенном.

Сороки, когда вьют гнездо, уже знают, будет ли ветрено; выдры, роя норы, уже знают, будет ли вода высокая или низкая; *хуйму* знает, когда будет ясно, а *иньсэ* – когда дождливо[74]. Поэтому ошибаются те, кто ставит человеческий ум выше ума животных. С постигшим одно какое-то искусство, проникшим в смысл одного речения можно говорить о том о сем, но нельзя ожидать широкого понимания. Нин Ци ударил в бараний рог и запел, и Хуань-гун возвысил его и доверил ему великое правление. Учитель от Ворот Согласия был призван ко двору, и мэнчаньский правитель Тянь Вэнь залил слезами шнуры от шапки[75]. Петь и плакать может каждый, но высшее в чувстве заключается в том, чтобы каждый звук входил в уши и трогал сердце. Вот почему законы танского Яо и юйского Шуня были действенны – эти правители понимали людские сердца как никто. Цзянь-гун был убит из-за собственной мягкости, Цзыян погиб из-за своей жестокости[76] – они оба не обрели *дао*. Когда песня звучит, а лада в ней нет, безразлично, от «чистых» или «мутных» звуков[77] это происходит; плотницкий шнур отклоняется вовне или внутрь – не важно, а важно, что утрачена прямизна. Иньский Чжоу ввел в обращение палочки для еды из слоновой кости, и Цзицзы не смог сдержать стон[78]; лусцы решили класть с покойником фигурки, изображавшие живых людей, и Кунцзы тяжело вздохнул[79]. Оба они – и Цзицзы, и Кунцзы – умели по началу судить о конце. Так, река течет с гор, а впадает в море; зерно рождается на поле, а хранят его в амбаре. Мудрец, наблюдая, что из чего возникло, постигает то, куда оно придет. В мутной

165

воде рыба задыхается, от жестоких приказов народ впадает в смуту Если городская стена слишком высока, она непременно обрушится, берег слишком крутой – непременно сползет. Так, Шан Ян установил свои законы и был четвертован; У Ци ввел клеймение и был разорван колесницами. Управление государством подобно игре на *сэ*: потянешь слишком сильно большую струну, лопнет малая. Поэтому тот, кто слишком резко натягивает поводья, щедро пользуется плетью, не обладает искусством дальней езды.

Звучащий звук слышен не далее ста *ли*, беззвучный звук распространяется за четыре моря. Вот почему получающий жалованье, превышающее заслуги, оказывается внакладе; а пользующийся славой, превышающей действительность, оказывается в тени. Внутреннее чувство и поступки должны совпадать, тогда и слава присовокупляется – ведь несчастье и счастье не вдруг приходят. От дурного сна не спасет праведное поведение; от худого предзнаменования не спасет доброе правление Вот почему не имеющие заслуг не должны награждаться парадной шапкой и колесницей, а не свершившие преступления не должны нести кары через топор и секиру. Лишь тот, кто держится прямого, не отступает от *дао*. Благородный муж не отвергает самого малого добра по причине его недостаточности – малое добро накапливается и образует большое; не говорит, что малое зло не причиняет боли и потому допустимо, – малое зло накапливается, и образуется большое зло. Ведь гора пуха может потопить корабль; масса легкой поклажи способна переломить тележную ось. Благородный муж относится с осторожностью к малому. Однажды выказанная доброжелательность не способна выстроить Добро, но много раз проявленная доброжелательность превращается в Благо. Однажды проявленная ненависть не в состоянии вызвать обиды, но умноженная ненависть порождает ответную злобу. Поэтому добрая слава о Трех царях несет в себе тысячелетиями накопленную хвалу, а дурная слава Цзе и Чжоу имеет в основе тысячелетиями накопленную хулу.

У Неба в распоряжении четыре времени года, у человека – четыре достояния: ничто не определяет форму яснее, чем глаза; ничто не улавливает звука тоньше, чем ухо; ничто не запирает крепче, чем уста; ничто не хоронит глубже, чем сердце. И если глаз видит формы, ухо внемлет звукам, речь правдива, а сердце отзывчиво, то вся тьма вещей обретает соответствие самой себе [80]. Если земли ширятся благодаря благим деяниям, и государь почитаем за благие деяния, – это высшее. Если земли

ширятся благодаря распространению справедливости, и государь почитаем за справедливость, – это следующее. Если земли ширятся благодаря мощи государя, и государь почитаем за мощь, – это последнее. Поэтому и говорят: «Одномастный – это ван; пестрый – это *баван*; ни тот, ни другой – обречен на гибель» [81]. Некогда царственная чета Фениксов спустилась на двор [82], и правители Трех династий приблизились к воротам. Чжоуский двор достиг предела благой деятельности, и чем проще были 166
добрые деяния, тем более далеких они достигали; чем тоньше были благие деяния, тем более близких они захватывали. Благородный муж, будучи истинно привержен добру, остается таким независимо от того, делает он раздачи или нет; а ничтожный человек, будучи истинно лишен добра, остается таким независимо от того, делает он раздачи или нет. Добро, идущее от самого себя, по сравнению с добром от других людей можно сравнить с расцветом милосердия и Блага [83].

Тот, у кого природное чувство побеждает страсти, процветает, а тот, у кого страсти побеждают природное чувство, погибает. Желающий знать, что есть небесное *дао*, исследует его меру, желающий познать меру земли наблюдает за деревьями [84]; желающий узнать, что есть человеческое *дао*, смотрит на проявление страстей. Не дергайте, не запугивайте, и тьма вещей сама придет к своему порядку. Не теребите, не будоражьте, и тьма вещей сама очистится и успокоится.

С тем, кто уяснил себе лишь один поворот, нельзя рассуждать о преобразовании вещей; с тем, кто постиг лишь один момент, нельзя говорить о великом. Солнце не знает, что есть ночь; луна не знает, что есть день. Солнце и луна дают свет, но не могут светить одновременно. Только Вселенная способна вмещать их вместе, и только Бесформенное способно охватить собою Вселенную. Высокомерный господин не имеет преданных слуг, велеречивый человек не обязательно вызовет доверие, дерево в обхват не имеет толстых ветвей, канава в двойной *сюнь* не вместит рыбы, заглатывающей лодки. Когда корни слабые, то верхушка короткая, если корневище поранено, то и ветви засохнут. Счастье родится в недеянии, беда происходит от многих желаний, вред родится там, где не предусмотрели все сполна, сорняки родятся там, где не пропалывают. Мудрец делает добро так, как будто боится не успеть; готовится к беде так, будто боится, что не избежит.

Поднимать пыль и хотеть при этом не засорить глаза; переходить вброд и хотеть при этом не замочить подола – невозможно. Поэтому познавший себя не держит обиды

на других людей, познавший свое предназначение не корит Небо. Счастье от себя зависит, несчастье самим порождается. Мудрец не ищет славы, не бежит от позора, держится правильного, идет прямо, и масса неправильного сама рассеивается Ныне же отказываются от правильного, гонятся за кривым, отворачиваются от правого и следуют за большинством. Это значит пристраиваться к толпе и не иметь мерила своим поступкам. *Дао* имеет свои очертания и границы. Кому не дано достигнуть их, пробует – не имеет вкуса, смотрит – не имеет формы, нельзя его взять и передать другому. *Дацзи*[85] лечит водянку, трава *тинли*[86] лечит опухоли, использованные без меры могут, наоборот, вызвать болезнь. Вещи делятся на множество родов, и напрасно их корить за принадлежность к тому или другому, – только мудрец способен постичь их тонкость. Искусный возничий не забывает о своих конях, искусный стрелок не пренебрегает своим арбалетом, искусный верховный правитель не забывает о тех, над кем возвышается. Поднебесная может последовать лишь за тем, кто искренне способен любить ее и приносить ей пользу. Если же не любить и не заботиться о пользе, то и родной сын может восстать на отца. Поднебесной известны очень знатные люди, которые знатны
167 не благодаря высокому положению; есть очень богатые люди, которые богаты не золотом и нефритом; есть очень долголетние, чье долголетие не измеряется тысячелетиями. Они известны благодаря способности возвратиться к первоначальной своей природе, к изначальному сердцу. Они богаты тем, что живут в соответствии с природой чувств и мерой. Они долголетни потому, что понимают различие между смертью и жизнью. Ничтожный человек тот, в речах которого нет правды, в поступках которого нет уместности. Средний человек – это тот, кто постиг одно дело, проник в одно искусство. Мудрец – это тот, кто все покрывает и все совмещает, знает меру талантов и способностей и умело распоряжается ими [87].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
О ЕДИНСТВЕ ОБЫЧАЕВ

Поступать в соответствии со своей природой означает 169
следовать *дао*. Обрести свою небесную природу называется *дэ*[1]. С утратой своей природы начинают ценить милосердие; с утратой *дао* начинают ценить долг-справедливость, с установлением милосердия и справедливости далеко уходят *дао* и *дэ*, а с расцветом ритуала и музыки исчезают чистота и простота. Появляются правда и ложь, и народ повергается в растерянность. Когда оказываются в почете жемчуг и нефрит, Поднебесную охватывает раздор. Эти четыре вещи производит разрушающийся мир, они находят применение в конечные времена.

Так ритуал служит для разделения достойных и подлых, разграничения благородных и низких. Долг-справедливость – для приведения в соответствие отношений между господином и слугой, отцом и сыном, старшим братом и младшим, мужем и женой, другом и товарищем [2]. Ныне те, кто исполняет ритуал, внешне выражают уважение и почтительность, а на деле не прочь навредить; приверженцы долга-справедливости делают раздачи и ждут благодарности. Но когда господа и слуги хулят друг друга, родичи ненавидят друг друга, то это означает утрату основ ритуала и долга-справедливости. В результате – взаимные интриги и укоры [3].

Когда вода скапливается, рождаются пожирающие друг друга рыбы, а там, где земля скапливается, появляются звери, служащие кормом друг для друга. Расцвечивание ритуала и долга-справедливости служит основой для появления ханжества и лицемерия. Поэтому дуть на пепел и хотеть не засорить глаза; входить в воду и хотеть не промокнуть – недостижимо.

В древности народ был как неразумный отрок, не знал – где восток, где запад, своим внешним видом не стремился выразить больше, чем чувствовал; своей речью – больше, чем мог сделать. Его одежда была теплой, но без украшений Его оружие не было острым [4]. Их песни и мелодии не были переливчатыми; их плач и скорбь были безгласными. Копали колодцы и пили, пахали землю и ели. Никто не расхваливал их за их красоту, а они и

не нуждались в этом. Близкие и родичи не славили и не хулили друг друга, друзья не обижали друг друга и не одаривали. Когда же родились ритуал и долг-справедливость, то стали ценить имущество и товары, а ложь и фарисейство расцвели пышным цветом. Встали, перебивая друг друга, хула и слава, обиды и одаривания опережая одно другое. Тогда-то и стали неумеренно восхвалять красоту Сяоцзи, и появилось зло Разбойника Чжи и Чжуан Цяо [5]. А вслед за этим возникли царские выезды, драконовы стяги, балдахины, украшенные перьями, свисающие шнуры, квадриги и кавалькады всадников. При этом непременно появятся воры, перелезающие через стены, срывающие замки, с корзинкой в руках перемахивающие через загородку. Причудливый узор, богатая вышивка, кисея и белый газ – при этом непременно появятся плохо сидящие пеньковые сандалии [6], едва прикрывающие тело короткие куртки. Отсюда ясно, что высокое и низкое близки друг другу, короткое и длинное формируют друг друга. Лягушка становится перепелом, личинка стрекозы превращается в лилейник – и то, и другое родилось не от своего рода, и только мудрецу ведомы эти превращения [7]. Так, хусцы знают коноплю, но не знают, что из нее можно делать холст; юэсцы видят шерсть, но не знают, что из нее можно делать войлок. Поэтому с тем, кто не постиг вещи, трудно говорить об изменениях.

Некогда Тайгун Ван и Чжоу-гун Дань, получив наделы, встретились, и Тайгун спросил Чжоу-гуна:

– Как управляется царство Лу?

– С почтением к достойным и уважением к родичам.

– Лу так ослабнет, – заметил Тайгун.

– А как управляется Ци? – спросил тогда Чжоу-гун.

– Возвышая достойных и выдвигая заслуженных.

– В таком случае в будущем непременно государь будет убит, а власть его отнята.

С этих пор Ци становилось все мощнее и наконец достигло положения гегемона. Но в двадцать четвертом поколении род Тянь [8] заместил прежнюю династию. А царство Лу все уменьшалось в размерах и в тридцать втором поколении погибло. Вот почему в Переменах говорится: «Если ты наступил на иней, значит, близится и крепкий лед» [9]. Ум мудреца заключается в умении по началу судить о конце и говорить намеками.

Так, холмы из барды берут начало от палочек из слоновой кости, казнь *паоло* началась с горячего винного сосуда [10]. Цзылу вытащил тонущего и в награду получил вола. На это Кунцзы заметил: «В Лу всегда будут спасать людей в беде».

Цзыгун выкупил человека из неволи, но отказался взять за это деньги из казны, и Конфуций сказал: «В Лу больше не будут выкупать людей».

Цзылу принял награду и этим побудил людей делать добро; Цзыгун отказался от награды и тем положил конец добру. Мудрость Конфуция в том, что он на основании малого мог судить о большом, зная близкое, предвидел и далекое. Он поистине владел искусством рассуждения. С этой точки зрения бескорыстие может иметь место, но не может быть общим правилом. Общепринятые обычаи могут быть исполнены; дела, требующие обычных умений, легко делать. Кичливость и лживость, употребляемые на то, чтобы вводить в смущение мир; вызывающее поведение, имеющее целью противопоставить себя другим, – это мудрец не считает обычаем.

Высокие хоромы, просторные жилища, вереницы дверей, анфилады комнат – это то, что приносит отдохновение человеку, птица, попав сюда, затоскует. Высокие горы, опасные преграды, темные леса, густые заросли – это то, что радует тигров и барсов, человек, попав сюда, испытает страх. Речные долины, горные потоки, глубокие воды и водопады – они годятся для черепах и кайманов, человек, попав сюда, гибнет. «Небесный пруд», «Подносим облака», «Девять мелодий», «Шесть совершенств» [11] – это то, что радует людей, а птицы и звери, заслышав их, испугаются. Глубокие ложбины, отвесные кручи, деревья-великаны с длинными ветвями – это то, что радует обезьян, человек, поднявшись сюда, содрогнется от страха. Необычные формы, удивительные по природе вещи являются источником наслаждения, и одновременно они же – источник скорби; в них находят покой и отдых, и они же могут нести опасность. 171

Поэтому во всем, что покрывается небом, что несет на себе земля [12], что освещается солнцем и луной, каждому дано покоить свою природу, находить себе покойное убежище, обретать для себя пригодное, применять свои способности. Поэтому и у глупого есть достоинства, и у умного – недостатки. Колонной не выдрать зуба, шпилькой не подпереть свод; конь не может тянуть тяжелый груз, а вол – скакать; из свинца не делают ножей, а из меди – самострела; железо не годится для лодки, а дерево – для топора. Каждое используется на то, на что подходит, идет на то, на что годится. В этом – равенство вещей, и нет причин им искать недостатки друг в друге. Так, ясное зеркало [13] служит для того, чтобы отражать формы, а чтобы хранить пищу, более пригодна плетеная корзинка; быка чистой масти используют в качестве жертвы в храме предков, а для вызывания дождя более пригодна черная

змея [14]. С этой точки зрения среди вещей нет ни благородных, ни худородных. Если ценить вещи за то, что в них ценно, то все вещи будут ценны; если презирать вещи за то, что в них презренно, то все вещи окажутся презренными. Так, природному нефриту не вредит толщина, роговой пластинке на рукояти ножа – тонкость; лаку не вредит чернота, а пудре – белизна. Эти четыре вещи противоположны, но важны одинаково и одинаково необходимы. Что важнее – шуба или дождевик? В дождь шуба не нужна, ну а в доме нет надобности в дождевике. Лодка, телега, мокроступы, сандалии, *цюнлу* [15] – каждое из них чему-то подходит.

Поэтому когда Лаоцзы говорит: «Не возвышайте «достойных»», то речь идет о том, чтобы не понуждать рыбу лезть на дерево, а птицу – нырять в глубину пучины. Яо, управляя Поднебесной, поставил Шуня ведать земельными запасами, Ци – руководить военными делами, Юя – ведать
172 строительными работами, Хоуцзи – ведать полевыми работами, Си Чжуна – ремеслами. А они повели за собой тьму народа: рыбаков поселили у реки, дровосеков – на горах, пастухов – в долинах, крестьян – на берегах рек. Место определяло их занятия, занятия – орудия, орудия – применение, применение – людей. На озерах и в излучинах рек плели сети, на склонах и холмах пахали землю. Брали то, что имели, и меняли на то, чего у них не было. Продукты ремесла меняли на то, что другие не умели сделать. Поэтому бунтующих было мало, а послушных – много. Это как шахматные фишки – бросишь их на землю, круглые бегут в ямки, а квадратные остаются на поверхности, каждые следуют тому, что им удобнее. О каких тут первых или последних можно говорить?! Как ветер коснется флейты, она ощутит касание и ответит «чистыми» и «мутными» звуками. Обезьяны и мартышки обитают в гуще деревьев, не покидают их, а живут, устраивая в них гнезда. Барсуки и еноты обживают плотины, не уходят, а держатся их. Среди вещей нет таких, которые бы избегали полезного и устремлялись бы к вредному. Поэтому там, где «соседние государства смотрят друг на друга, слушают друг у друга пенье петухов и лай собак» [16], а человеческие следы не приближаются к границам *чжухоу*, колеи не тянутся дальше тысячи *ли*, – каждый имеет спокойное место. В таком случае государство в смуте похоже на процветающее; государство управленное похоже на пустое; гибнущее государство похоже на недостаточное; сохраняющееся государство похоже на избыточное. Пустое – не значит, что в нем нет людей, а значит, что все заняты своей службой. Процветающее – не значит, что многолюдное, а просто все заняты верхушками [17]. Избыточное – не значит, что в нем из-

лишек богатств, а значит, что страсти умеренны, а занятия не многочисленны. Недостаточное – не значит, что в нем мало имущества, а значит, что народ там несдержан и расточителен. Прежние ваны не создавали законов и уложений, они следовали имеющимся; не вводили запреты и наказания, а хранили те, что были.

Когда мы имеем дело с вещами [18], то все зависит не от вещей, а от нашего отношения к ним [19]; но отношение является не само по себе, оно зависит от человека; когда мы имеем дело с человеком, то все определяется не человеком, а его господином; когда мы имеем дело с господином, то все определяется не господином, а страстями; когда мы имеем дело со страстями, то все определяется не страстями, а человеческой природой; когда мы имеем дело с человеческой природой, то все определяется не этой природой, а Благом; когда же действует Благо, то все определяется не Благом, а *Дао*. Изначальная природа человека если окажется не способна очищаться от сора и мусора, то будет погребена вещами. Младенцы восточных *жунов*, южных или западных *и*, северных *хусцев* при рождении одинаково кричат, когда же вырастают, то сколько ни понуждай их выступить толмачом [20], не смогут перевести чужую речь – в разных обычаях воспитаны. Трехмесячный младенец, увезенный в другое царство, не может знать родных обычаев. Отсюда видно, что одежда, обряды и обычаи не составляют природы человека, а приобретаются извне. Так, в природе бамбука плавать, искалеченный, он становится табличкой для письма; связанные вместе и брошенные в воду, они тонут, поскольку бамбук утратил свою природу [21].

В природе металла тонуть, но погрузи его на лодку, и 173
он поплывет, – ему есть на что опереться. Шелк по природе белый, но, окрашенный квасцами, становится черным. Шелк для письма по природе желтый, окрашенный киноварью, становится красным. В человеческой природе нет зла, но, долго и глубоко погружаясь в обычаи, она меняется. Меняется и забывает свою основу, сливаясь с чужой. Так, солнце и луна хотят светить, наплывают облака и закрывают их; вода в Реке стремится к чистоте, но песок и камни замутняют ее; человеческая природа хочет быть ровной, но страсти и вожделения вредят ей. Только мудрец способен оставить вещи и возвратиться к самому себе. Так, плывущий на лодке вдруг смутится – не знает, где запад, где восток, а взглянет на Полярную звезду и очнется. Вот природа [22] и есть для человека Полярная звезда. Если есть это средство взглянуть на самого себя, он не утратит трезвого взгляда на вещи. Если нет этого средства, то стоит шевельнуться, как тут же заблудится в сомнениях. Это все

равно как пловец из Лунси – чем больше барахтался, тем быстрее тонул [23]. Кунцзы сказал Янь Хую: «Я ли служил тебе, ты ли служил мне, – я забыл. Пусть так, но хотя я и забыл, но все же останется нечто, что не забудется» [24]. Кунцзы понимал суть дела.

Тот, кто потворствует страстям и утрачивает свою природу, что бы ни предпринимал, не может сделать это правильно: себя повергнет в опасность, государство – в смуту, а армию приведет к поражению. Тот, кто не прислушивается к *дао*, не имеет возможности вернуться к своей природе.

В древности мудрые ваны умели обрести себя, поэтому их приказы действовали, их запреты останавливали. Их слава передавалась в поколениях, их благо распространялось на пространство меж четырех морей. Поэтому, принимаясь за дело, надо сначала привести в равновесие мысли, очистить дух. Когда дух чист, а мысли в равновесии, тогда можно выправлять вещи. Это подобно печати: вдавливаясь в глину, она прямое отпечатывает как прямое, косое как косое.

Так, Яо возвысил Шуня, поверив своим глазам; Хуаньгун призвал Нин Ци, поверив ушам. Поступать так, ничего не взвесив, а полагаясь только на глаза и уши, – значит порождать большую смуту. Принимать решения, полагаясь на глаза и уши, можно, если вериться своей природе и природному чувству. Слух тонет в хвале и клевете; глаза упиваются разноцветьем и красотой – при этом трудно ждать, что дела пойдут правильно. Тот, кто несет в себе скорбь, слыша голоса поющих, плачет; а тот, кто несет в себе радость, при виде плачущего смеется. То, что скорбь радует, а радость вызывает скорбь, зависит от того, что каждый несет в себе. Поэтому ценится пустота [25].

Вода взбудоражена, и поднимаются волны; *ци* взволновано, и разум мутится, а при замутненном разуме нельзя управлять, взбудораженную воду не вдруг успокоишь. Поэтому мудрые ваны держались Единого и не теряли его, и тогда тьма вещей проявляла свое природное чувство, а варвары четырех сторон и всех девяти областей покорно служили. Единое – самое ценное, и ему нет соответствия [26] в Поднебесной.

174 Мудрые ваны опирались на то, чему нет соответствия, поэтому держали в руках народ. Тот, кто исповедует милосердие, рассуждает об этом, используя понятия «скорбь – радость»; кто привержен долгу-справедливости, выясняет это через понятия «взять – отдать». То, что видят глаза, не превышает десяти *ли*, а хотят освещать и заботиться о народах в пределах морей, но скорбь и радость не могут их достигнуть. Не имеют в Поднебесной достаточного имущества, а желают содержать тьму народов, но им не удов-

летворить их запросов. Веселье и гнев, скорбь и радость – естественная реакция на воздействие на чувства. При этом плач находит выход в устах, слезы бегут из глаз – в том и другом случае они возбуждаются внутри, а форму получают вовне [27]. Это подобно тому, как вода течет вниз, а дым тянется вверх, – разве их кто-то принуждает к этому? Тот, кто громко плачет хотя и терзает себя, но не скорбит; кто усиленно демонстрирует родственные чувства, улыбается, но не ласков. Чувства возникают внутри, а звуки откликаются им вовне [28]. Чайник и еда Ли Фуцзи дороже нефрита из Чуйцзи; связка сушеного мяса Чжао Сюаньмэна благороднее колокола Чжи-бо [29]. Так что вежливый ритуал, сопровождающийся богатыми дарами, не прибавляет любви, а искренние побуждения способны привлечь далеких. Гунси Хуа обращался с родителями как с друзьями, а Цзэн Шэнь [30] обращался с родителями так, как будто служит суровому владыке, жестокому правителю, но они равно служили родителям. Хусцы, принося клятву, пьют вино из человеческого черепа, юэсцы – надрезают руку, в срединных царствах – обмазывают губы кровью жертвенного животного. Каждый из них исходит из своего, но в каждом случае это символ доверия. Люди племени *саньмяо* завязывают волосы пенькой, в срединных царствах носят головные уборы и пользуются шпильками, *цяны* [31] завязывают волосы у ворота, а *юэсцы* их стригут, – во всех случаях это принятое убранство волос.

По законам предка Чжуаньсюя женщина, не уступившая дорогу мужчине на улице, изгонялась на перекресток четырех дорог, а в нынешних столичных городах народу столь много, что мужчины и женщины соприкасаются плечами, задевают друг друга ступнями, – но те и другие следовали обычаю. Обычаи варваров четырех сторон не одинаковы, но все чтут своего владыку, любят своих родителей, с уважением относятся к старшим. Обычаи *сяньюнь* прямо противоположны [срединным царствам], но все относятся с любовью к своим детям и с боязнью к старшим [32]. Птицы летают клином, звери живут стадами. Кто научил их этому? Луское царство исполняет конфуцианский ритуал, живет по учению Конфуция, а в результате земли царства урезаны, слава его поникла, и оно уже не в состоянии помочь близким, привлечь далеких. А юэский ван Гоу Цзянь со стриженными волосами, татуированным телом, не имея ни кожаной шапки, ни пояса с нефритовыми дощечками для письма [33] и не выписывая ни круговых, ни прямых фигур [34], победил Фу Чая у Пяти озер, обратился лицом к югу и стал гегемоном Поднебесной. Двенадцать *чжухоу* с верховьев реки Сы [35], во главе варваров всех сторон, пришли к его двору. Не обязательно считать

государства *ху, мо, сюнну* не имеющими ритуала из-за того, что люди там одеты кое-как, нечесаны, сидят не по правилам, говорят вывернутым языком [36] – ведь они при этом сохраняют свои царства в нерушимости Чуский Чжуан-ван носил свободную одежду, широкий халат [37], а отдавал приказы всей Поднебесной, а затем и вовсе стал *баваном* среди *чжухоу*. Цзиньский Вэнь-цзюнь носил платье из грубого холста, халат на овчине [38], подвязывал меч сыромятным ремнем, а авторитет его распространялся на все пространство меж морей. Разве только этикет Цзоу и Лу может называться этикетом?

Поэтому тот, кто вступает в чужое царство, должен следовать его обычаям; входит в чужой дом – соблюдать его табу. Если не нарушать запретов, не идти поперек обычая, не встретишь затруднений, хотя бы речь шла о государствах *и, ди* или Нагих, в какой бы дали ни пролагали колеи колеса твоих колесниц.

Этикет – это форма сущности, милосердие – это изъявление любви Форма этикета определяется человеческим чувством, а милосердие есть сострадание [39] во внешнем проявлении. Этикет не может превосходить своей основы, а милосердие [40] не может застилать любви – это закон упорядоченного мира. Трехлетний траур люди не выдерживают и недостаток чувства прикрывают ханжеством. Трехмесячный траур [41] прерывает скорбь и насилует природу. Конфуцианцы и моисты не проникают в глубь человеческих чувств и своими правилами поведения идут против них. Установили пять видов траурной одежды [42]. Скорбь и печаль подчинили остальные чувства, похоронные дела стали заботой жизни. Если не заставлять людей делать то, что не в их силах, и не мешать делать то, на что они способны, то мера не будет теряться в уместности, а хвале и хуле неоткуда будет родиться. Не то чтобы древние не знали всех этих разнообразных восхождений и нисхождений, круговых движений, составляющих этикет, танцев под мелодии «Цай Ци» и «Сы Ся», но они считали их бесполезной и отнимающей много времени у народа суетой. Ритуал устанавливается, чтобы служить выявлению сущности, выражению смысла. Древние не то чтобы не могли расставить гонги и барабаны, разместить флейты и свирели, поднять щиты и топоры, взмахнуть перьями и бунчуками, они считали это пустой тратой имущества и внесением смуты в правление. Они вводили музыку для того, чтобы она сочеталась с весельем [43], несла с собой смыслы. Удовольствие не соперничало с музыкой. Не то чтобы они не знали, как истощить страну, нанести урон народу, опустошить кладовые, истощить имущество; не то чтобы не умели класть за щеку мертвым жемчуг, покрывать тело покровом с нефри-

ловыми украшениями, пеленать и перепоясывать, провожать умерших – считали это истощением народа, напрасным перерывом в занятиях и бесполезным для костей в гробу и тухлого мяса. Похороны есть только прибрание и укрытие, и все.

Некогда Шунь был похоронен в Цанъу, на рынках от 176
этого никто не поменял своих рядов. Юй был похоронен в горах Куайцзи, крестьянам не пришлось менять своих пашен. Ясно, что жизнь и смерть различаются уместностью употребления роскоши и экономией. В смутном государстве не так. Там слова противоречат поступкам, чувства расходятся с выражением лица. Этикет украшается суетливостью, музыка возбуждает распутство. Возвеличивают смерть, попирая жизнь; длят траур, похваляясь примерным поведением. Вот почему обычаи в мире теряют свою чистоту, а при дворе растут хула и славословия. Поэтому мудрец кладет этому конец и этими вещами не пользуется.

Долг [44] – это следование правилам и уместность поведения. Ритуал – это облечение чувств в форму и упорядочение ее рисунка. Долг – это уместность, а ритуал – ее форма [45]. Некогда Ююй [46] погиб, будучи привержен долгу, знал, что такое долг, но не ведал об уместности. Лу управлялось ритуалом, а земли его оказались урезанными: они знали, что такое ритуал, но не понимали, что такое форма.

Род Ююй при устройстве алтаря для принесения жертв использовал землю; жертвы приносились в центре дома [47]; захоронения производили на поле. Их мелодиями были «Небесный пруд», «Подносим облака» [48], «Девять напевов» [49]. В одежде они отдавали предпочтение желтому цвету.

Род Сяхоу у алтаря земли стал сажать сосну; жертву приносили у дверей; хоронили покойников у стены, покрывали балдахином; их мелодиями были «Сяские флейты» в девять частей, «Шесть рядов танцующих», «Шесть вериниц», «Шесть совершенств» [50]. В одежде предпочитали зеленый цвет.

Согласно ритуалу иньцев, алтарь возводили из камня; жертвы приносили у ворот; хороня, сажали сосну; их мелодиями были «Великий разлив» и «Утренняя роса» [51], в одежде предпочитали белый цвет.

Чжоусцы у алтаря сажали грушевое дерево, жертвы приносили у очага, при захоронениях сажали кипарис, их мелодиями были «Большой воинственный танец», «Боевые слоны» [52], «Под терновым деревом». В одежде они предпочитали красный цвет.

Во все эти династии ритуалы и мелодии были не схожи, цвета одежды резко различались, но не терялись доброта по отношению к близким и далеким, порядок отношений

между высшими и низшими. А ныне берут законы одного государя и не считаются с передающимися от династии к династии обычаями. Это равно тому, как если бы склеенным колком настраивать *сэ*. Поэтому мудрый правитель устанавливает одежду в соответствии с ритуалом и чином; вводит пояса как знак воздержанного поведения [53]. Одежда должна быть достаточна, чтобы прикрыть тело; должна соответствовать установлениям предков [54]; не просто следовать поворотам тела, а быть удобной для него, применяться к ходьбе, в одежде не следует стремиться к причудливости и красоте фасона, с закругленными и угловыми вырезами [55]. Пояс должен быть пригоден на то, чтобы подвязать и подобрать полы платья, чтобы завязать можно было крепко, стянуть туго. Не гнались за витиеватой формой башмаков. Устанавливая ритуалы и чин, в поведении следует добиваться высшего блага, а не цепляться за правила конфуцианцев и моистов.

Прозорливый – это не тот, кто делает выводы, наблю-
177 дая других, а тот, кто способен видеть себя; чутким называют не того, кто слышит других, а того, кто способен слышать себя. Достигшим называют не того, кто знает других, а того, кто знает себя. Вот почему тело – это опора *дао*: себя обрел – обрел и *дао*. Обрести *дао* – значит ясно видеть, когда смотришь; понимать, что слышишь; говорить – чтобы это было полезно всем; поступать так, чтобы за тобою следовали. Поэтому мудрец управляется с вещами так, как плотник тешет топором и сверлит сверлом, как Повар режет и разнимает жертвенную тушу [56] – поворачивает нож, следуя удобному, ничего не разрубая и не раня. Неискусный ремесленник не таков. Его инструмент то велик так, что все затыкает и не идет дальше; то столь мал, что в отверстии, сделанном им, не повернуться; а если такой плотник задумается и это передастся рукам, то и того хуже будет.

Мудрец рубит и тешет вещи, вскрывает их и расчленяет, отделяет и дробит, но так, что все излишки и недостатки снова сводятся к единству, и то, что покинуло свой корень, снова обращается к началу, а уже вырезанное и выгравированное вновь возвращается к первозданной простоте [57]. Собираясь вместе, эти части составляют *дао* и *дэ*; расходясь в стороны – становятся нормой и образцом [58], вращаясь, входят в Сокровенный мрак, рассеиваясь, откликаются Бесформенному. Разве могут ритуал, чин, сдержанное поведение исчерпать суть совершенного порядка? Те из нынешних, что слывут знающими толк в делах, далеко ушли от сути *дао* и *дэ*, говоря, что ритуала и чина достаточно для управления Поднебесной. С такими нечего и рассуждать об искусстве правления.

То, что называют ритуалом и чином, это следы одного времени – законов и обычаев Пяти предков и Трех царей. Это подобно тому, как когда сооружают соломенную собаку или земляного дракона [59], то расписывают их зеленым и желтым узором, обвязывают узорчатой парчой, обматывают красными шнурами. Покойник, одетый в белое [60], жрец – в черное, *дафу* в парадных головных уборах идут им навстречу. А после обряда это только куча земли и соломы, кому они нужны!

Так во времена Шуня Владеющие мяо [61] не покорились. Тогда Шунь усовершенствовал правление, спрятал оружие, взял щит и топор и исполнил танец. Во времена Юя в Поднебесной был великий потоп. Юй велел народу сгребать землю, собирать хворост, взбираться на холмы и возвышения. У-ван собрался в поход на Чжоу, установил поминальный столб и отправился [62]: в пределах четырех морей не было покоя, поэтому отказался от трехлетнего траура. Юй, столкнувшись с бедствием – разлившимися водами, занят был возведением насыпей и строительством запруд, поэтому в те времена вечером хоронили умерших утром. Все эти мудрецы предпринимали соответствующие действия, следуя моменту, откликаясь на изменения. Ныне одобряют щит и топор, но смеются над мотыгой и заступом [63]; признают трехлетний траур, но порицают похороны в один день – это все равно как признавать вола и отказываться от лошади; или если бы нота *чжи* осмеивала ноту *юй*. Если таким образом откликаться на изменения, то это все равно как играть мелодию «Под терновым деревом» на одной струне. Так что хотеть с помощью явлений, свойственных одному поколению, откликаться на момент, отвечать на изменения – это все равно что зимой носить полотно, а летом надевать халат на меху. Один прицел не может годиться для ста выстрелов, одно платье нельзя носить весь год. Мишень непременно выравнивается по высоте, одежда непременно соотносится с холодом или жарой. Поэтому когда мир меняется, меняются и дела, времена другие – и обычаи другие. Поэтому мудрец берет в рассуждение мир и устанавливает законы, следуя времени, начинает предприятия. 178

Ваны далекой древности возводили алтарь на Великой горе и молились Небу, приносили жертвы Земле в Лянфу [64]. То, что законы семидесяти мудрецов [65] различны, имеет основанием не стремление к противоположному, а объясняется временем. Поэтому не следовали однажды созданным законам, а следовали тому, что послужило причиной их создания. А то, что служит причиной создания законов, вызывается изменениями. Поэтому человек, спо-

собный меняться вслед изменениям, имеет особую ценность. Песне Ху Ляна [66] можно подпевать, но нельзя воспроизвести то, что породило его песню; законы мудрецов можно наблюдать, но то, что послужило к их созданию, не проследить. Речью оратора заслушаешься, но что ее делает такой, не выразить словами. Меч *чуньцзюнь* не любят, но ценят искусство Оу Е. Ван Цяо и Чи Сунцзы [67] выдыхают воздух и вдыхают, выдыхают старый, вдыхают новый, оставили форму, отвергли ум, бережно хранят простую основу, вернулись к естеству, чтобы странствовать в сокровенной тонкости, вздыматься к заоблачным небесам. А ныне те, кто подражают их искусству, не достигнув их способа воспитания эфира *ци*, установления в духе, а только, глядя на них, вдыхают и выдыхают, то сокращаются, то вытягиваются, то ясно, что так не оседлать облака, не подняться ввысь.

Пять предков и Три царя не дорожили Поднебесной, считали за мелочь тьму вещей, равно относились к смерти и жизни, не делали различий между изменениями и превращениями, крепко хранили в себе сердце великих мудрецов, чтобы зеркально [68] отражать природную суть тьмы вещей. Вверху дружили с божественным разумом, внизу вместе с Творящим изменения были с людьми. Ныне же тот, кто захочет подражать их искусству, не обретя их чистого разума [69], сокровенной мудрости, а будет держаться только их законов и приказов, ясно, что ничего не сможет привести в порядок. Поэтому и говорится: «Владение десятью острыми мечами не сравнится с владением мастерством Оу Е; владение сотней быстрых скакунов не сравнится с обретением искусства Бо Лэ» [70].

Когда первозданная простота достигает своего максимума, она не имеет формы; когда искусство достигает предельной тонкости, оно не имеет меры. Поэтому небесный круг не очертить циркулем, земной квадрат не охватить угольником. Прошлое, древность, будущее и современность называем Временем; четыре стороны света, зенит и надир называем Пространством. *Дао* находится между ними, но никто не знает его места.

179 Поэтому с тем, кто видит недалеко, нельзя рассуждать о великом; с тем, чьи знания недостаточно обширны, нельзя говорить о совершенном. Некогда Фэн И обрел *дао*, чтобы плавать под водами великих рек; Цянь Це обрел *дао*, чтобы поселиться на Куньлуне, Бянь Цюэ – чтобы лечить болезни [71], Отец Цзао – чтобы управлять конями, Охотник – чтобы стрелять из лука, Чуй – чтобы гравировать. То, что они делали, – разное, но мастерство одно. Поэтому те, кто обрел *дао* и постиг вещи, не имеют

причин отрицать друг друга, как и дамбы, орошающие поля. Ныне забивают быка для жертвы, готовят его мясо: делают его либо кислым, либо сладким, жарят на сковороде или калят на костре, смешивают вкусы тысячами способов, но корень остается все тот же – это коровья туша. Берут разные сорта камфорного дерева [72], колют и расщепляют, одно идет на внешний и внутренний гроб, другое – на столбы и перекладины, ошкуривают, рубят, тешут и строгают, используют тысячами способов, но все это остается одним – древесным материалом. Так и речи ста школ: их соображения и доклады высшим противоречат друг другу, но все они согласуются с *дао*. Так, струнные, бамбуковые, металлические, каменные инструменты в оркестре едины, но музыканты – разные [73], однако держат целое. Бо Лэ, Хань Фэн, Цинь Я, Гуань Цин [74] – их искусство определения ценности коней по внешнему виду было разным, но все они одинаково были их знатоками. Законы Трех царей и Пяти предков были разные, но эти владыки одинаково владели людскими сердцами. Поэтому Тан, войдя в Ся, пользовался их законами, У-ван, войдя в Инь, следовал их ритуалу. То, благодаря чему погибли Цзе и Чжоу, стало средством наведения порядка для Тана и У-вана. Кривые резцы для гравировки и пилки лежат рядами – не потому, что хороший мастер не может без них обработать дерево; горны, мехи и формы для литья приготовлены – не потому, что добрый литейщик не может без них выплавить металл. Ту – Разделыватель туш за одно утро готовил девять туш, а нож его по-прежнему рассекал волосок; Повар пользовался одним ножом девятнадцать лет, а он оставался как только что заточен [75]. Отчего так? Оттого, что нож их гулял среди множества пустот. Циркули, угольники, крюки и отвесы – только орудия мастерства, но не то, чем мастерство создается. Если у лютни нет струн, будь ты хоть Мастером Вэнь [76], не сможешь сыграть мелодии. Но сами струны не передают скорби. Поэтому струны – это орудие передачи скорби, но не то, чем скорбь образуется. Движение рук Плотника [77] подобно пусковой пружине арбалета, выпускающего одну стрелу за другой так, что рябит в глазах и неясно их движение. Он входит в самую тонкость тьмы, дух его напряженно ловит созвучие, гуляет в многочисленных пустотах меж сердцем и руками, и нет между ним и вещью границ [78]. Отец не может научить этому сына. Слепой музыкант отпускает свое воображение и создает образ вещи [79], мысленно воспроизводит его в танцевальных движениях и передает его в звучании струн – искусство это не может описать даже брат брату. 180

Ныне ровная поверхность вымеряется уровнем, прямая – отвесом, но способность вымерять ровность и прямизну без уровня и отвеса – это не всем данное искусство. Ударишь ноту *гун,* и *гун* откликнется, тронешь струну *цзюэ*, и *цзюэ* дрогнет [80] – это взаимный отклик подобных звуков. Но то, что не имеет соответствия в пяти основных звуках, но чему откликаются все двадцать пять струн, – это непередаваемое искусство. Колебание листвы в осенней тишине [81] – это господин формы; покой и тишина – хозяин звука.

В Поднебесной нет устойчивого представления об истинном и ложном, каждое поколение утверждает свою правду и отрицает свою неправду. То, что называют правдой и ложью, – различно у каждого, но каждый утверждает свою правду и отрицает чужую. С этой точки зрения в делах есть нечто совпадающее с тобой, но это не имеет отношения к истине, как есть нечто противное сердцу, но это не имеет отношения ко лжи [82]. Так что те, кто домогаются истины, не ищут действительного порядка вещей, а только совпадающего с собой. Тот, кто отвергает ложь, не искореняет разветвлений порока, а гонит то, что противно его сердцу. Но противное мне не обязательно не подходит другим, а то, что подходит мне, не обязательно не будет отрицать толпа. Истинные правда и ложь состоят в том, что высшая правда не несет в себе лжи, а высшая ложь не имеет в себе правды. И то, что правда здесь, может быть ложью там; а ложное там может быть правдой здесь, – одна и та же правда, одна и та же ложь. Эти ложь и правда есть только один угол или закоулок, а то, что есть Истина и Ложь, – это весь космос (Пространство и Время). Ныне я хотел бы найти правду и утвердиться на ней, найти ложное и отбросить его, но не знаю, что в мире называют правдой и что ложью, не знаю, кто прав, а кто нет! [83] Лаоцзы говорит: «Управление большим царством напоминает приготовление блюда из мелких рыб» [84] Добрые скажут: «Не надо волноваться». Жесткие скажут. «Прибавь соли да кислоты, вот и все» [85]. Цзиньский Пин-гун сказал не должное, и Наставник Куан поднял *цинь* и метнул его в царя, *цинь* зацепился за полу царского платья и ударился о стену. Приближенные хотели изгнать Куана, но Пин-гун сказал: «Оставьте его, это моя ошибка» [86]. Кунцзы, узнав об этом, сказал: «Пин-гун не то чтобы не чувствовал боли, но он хотел, чтобы его и в дальнейшем наставляли». Ханьцзы же возразил: «Если слуг. нарушивших ритуал, не казнить, это поведет к новым ошибкам». Это и есть причина того, что Пин-гун так и не стал *баваном.*

181

Однажды гость Мицзы [87] представил ему своего гостя. Когда тот вышел, Мицзы сказал:

– Твой гость сделал сразу три ошибки: войдя, улыбался – это развязность, в разговоре не упомянул о своем учителе – это непокорность; при поверхностном знакомстве затронул глубокие темы – это грозит смутой.

– То, что я, войдя, улыбался, – отвечал гость, – это от заинтересованности в общем деле; во время разговора не упомянул учителя – это моя компетентность; а то, что с малознакомым говорил на глубокие темы, – это мое доверие.

Облик гостя был один и тот же, но его можно было принять за благородного мужа, а можно – за ничтожного человека. Разница – в собственном взгляде. Так, люди одних интересов чем более откровенны, тем становятся ближе; а далекие друг другу, если и советуют то, что должно, то все же относятся друг к другу с подозрением [88]. Родная мать выдавливала сыну чирей на голове, кровь лилась до ушей. Все, кто наблюдал это, считали, что она делает это из большой любви. Но будь она мачехой, посторонние приняли бы это за нелюбовь. Случай один и тот же, но взгляд на него – разный. С городской стены бык видится бараном, а баран – свиньей, потому что место высокое. Если смотреться в воду в тазу, лицо будет круглым; а если в четырехгранном сосуде – продолговатым. Лицо было все то же, а причина того, что оно виделось то круглым, то продолговатым, была в том, откуда на него смотрели. Ныне я хотел бы правильно воспринимать вещи, но откуда мне знать, как мир смотрит на меня? Если же колобком крутиться, торопясь идти в ногу с современниками, то это равно тому, как стремиться убежать от дождя, – везде намокнешь. Неизменяемое хотело бы пребывать в пустоте, но бытие не может быть пустотой. Так же точно, не прилагая усилий, чтобы стать пустым, стать таковым само собой – об этом можно мечтать, но это недостижимо [89]. Поэтому тот, кто проник в *дао*, подобен тележной оси, которая сама не вращается, но со ступицей пробегает тысячу *ли*, катится в бескрайние дали. Тот же, кто не постиг *дао*, подобен заблудившемуся: скажут ему, где восток, запад, север, юг, он как будто уразумел, а чуть повернул в сторону – опять смущен. Так всю жизнь зависит от людей, как флюгер от ветра, ни мгновенья не знает покоя.

Поэтому мудрец воплощает в себе *дао* и возвращается к своей природе, не претерпевает превращений вслед за встречающимися изменениями и так избегает превратностей бытия. В управленном мире легко хранить себя, легко делать дела, исполнять обряды, возвращать долги. Вот 182
почему раньше люди не совмещали служб, а служа, не совмещали занятий. Существовали чиновники, крестьяне, ре-

месленники, торговцы, области были разграничены, округи размежеваны. И тогда крестьяне с крестьянами обсуждали свои труды, служилые мужи с мужами обсуждали поведение, ремесленники с ремесленниками говорили об искусстве ремесла, торговцы с торговцами обсуждали счета. Поэтому у мужей не было упущений в поведении, у крестьян не было порух в трудах, у ремесленников не было трудных дел, у торговцев не было потерь в товарах. Каждый жил в согласии со своей природой и не спорил с другим.

Поэтому И Инь [90] преуспел в земельных трудах. Длинноногим дал заступ и велел копать землю; с сильным хребтом велел ее носить на спине; кривым – вымерять уровень, горбатым – ровнять землю [91]. Каждого определил на то, чему тот подходил, и их природные качества оказались уравненными [92]. Хусцы привычны к коням, юэсцы – к лодкам. Разные формы, свои роды – измени им занятия, и все пойдет вспять. Утрата своего места обесценивает, а обретение благоприятного для себя положения поднимает в цене. Мудрец все обнимает и всему находит применение, его искусство – единственное. Знать наперед, видеть далеко, провидеть за тысячу *ли* высящиеся таланты и не возлагать ответственности за правление на народ, быть широкообразованным, обладать сильной волей, быть красноречивым и находчивым – это все прекрасные свойства ума, но мудрый правитель не требует их от низших. Гордиться перед современниками, презирать вещи, не пачкать себя причастностью к толпе – это поведение, выделяющее среди других, но в управленном мире этим не пользуются для преобразования народа. Пружина духа глубоко скрыта, резец не оставляет следа – таково тончайшее мастерство, но в управленном мире не считают это делом всего народа. Чан Хун [93] и Наставник Куан предвидели счастье и несчастье, в их речах не было ничего, что бы не пошло в дело, но они не могли исполнять службу как все. Гунсунь Лун [94] был мастером парадоксов и вычленения истины, выделил понятия «тождество» и «различие», отделил «твердое» и «белое». Он шел своим путем, не с массой. Северянин по имени Нет Выбора отверг предложение Шуня [95] и, оскорбленный, бросился в чистую прохладу пучины. Они не могут служить образцом для Поднебесной. Лу Бань и Моцзы сделали из дерева летающего коршуна, в течение трех дней он летал, не садясь. Но они так и не стали ремесленниками. Недостижимо высокое не может быть мерой для людей: поведение, с которым не сравняться, не может стать обычаем для государства Когда взвешиваешь что-то на руке, то можешь определить вес в пределах *чжу* и *ляна* [96]. Мудрец не пользуется этим способом, а подвешивает груз и смотрит, насколько высоко поднялась гирька и чтобы раз-

ница не превышала *чи* и *цуня*. Мудрый правитель этим не пользуется, а выверяет равновесие по уровню. Почему? Потому что нельзя опираться на исключительность таланта, а меры и веса передаются из поколения в поколение. Поэтому если в государстве царит порядок, то его можно поддерживать и с глупцами, а военный контроль отдать в распоряжение власти. Если впрягать в колесницу Яоняо и Летающего Зайца [97], то никто в мире не захочет ступать на 183
обычную колесницу. Если ждать в супруги Мао Цян или Си Ши, то за всю жизнь не обретешь семьи. Однако если не дожидаться древних героев, а удовлетворяться тем, чем люди удовлетворяются, то все может пойти на пользу. Скакуны Ци и Цзи в день одолевают тысячу *ли*, а захудалая кляча десять раз переночует и за декаду достигнет того же. Отсюда видно, что человеческие таланты не таковы, чтобы на них исключительно полагаться, а искусство *дао* [98] имеет всеобщее применение. Законы смутного времени таковы, что мера задана высокая, а обвиняют в том, что этой высоты не достигают; служба задана трудная, а наказывают за неисполнение; обрекают на риск, граничащий с запретами, а казнят за нерешительность. Народ, пребывая в затруднении от этих к нему требований, придумывает ухищрения и обманывает высших, преступает запреты и живет кривдой, а потом просит помилования. Это значит, что неприступные законы, суровые наказания не могут победить порок. Отчего? Сил недостаточно. Поэтому пословица говорит: «Птица в крайности клюет, зверь в крайности бодается, а человек в крайности лжет». Об этом сказано.

Учение [99] о *дао* и *дэ* подобно солнцу и луне: их направление не меняется в зависимости от того, происходит это на юге от Цзян или на севере от Хэ, промчись хоть на тысячу *ли* вперед, они не поменяют своего места. То, как принимаются или отвергаются ритуалы и обычаи, подобно отношению к расположению помещений в усадьбе: восточный сосед называет их западными, а западный – восточными. Призови на суд хоть самого Гао Яо, и тот не сможет определить их место. Приятие и отказ – одни и те же, но хвалят это или хулят, зависит от обычая. Равные мысли и поступки истощаются или процветают в зависимости от времени. Тан и У копили поступки, множили добро, и они были достижимы для всех, когда же мир встретился с правлением Цзе и Чжоу Синя, то это стало расцениваться как небесный дар. Ныне, когда есть мысли Тана и У, но нет времени Цзе и Чжоу, а хотят осуществить дело *бавана*, тоже недалеко от этого. Некогда У-ван, держа в руке боевой топор и алебарду, пошел в поход на Чжоу Синя и победил Инь. [Побежденные], заткнув памятную

дощечку за пояс и опираясь на посох, явились ко двору После кончины У-вана иньцы взбунтовались. Чжоу-гун заступил в Восточный дворец, ступил на подножку колесницы [100]. Стоя в простенке между окон [101], устроил аудиенцию *чжухоу*. Затем сослал Цай Шу, казнил Гуань Шу, покорил иньцев и казнил шанца [102], принес жертвы Вэнь-вану в Светлом зале. Через семь лет передал власть Чэн-вану [103] Таким образом, У-ван был прежде воином, а потом уж стал носителем мира [104], не потому что его мысли изменились, а потому что он на время откликался. Чжоу-гун сослал старшего брата и казнил младшего не потому, что был лишен родственного чувства [105], а для того, чтобы пресечь смуту. Итак, если дела вписываются в современность, то успех обеспечен; если усилия соответствуют времени, то слава установится. Некогда циский Хуань-гун, встав на обычную колесницу, отправился на собранный им съезд *чжухоу* [106], а по возвращении ввел казнь с топором и секирой. Цзиньский Вэнь-гун созвал *чжухоу* и отправился на съезд на тяжелой колеснице, а по возвращении правил, соблюдая обряды и чин [107] Хуань-гун вначале был мягок, а потом тверд; Вэнь-гун вначале был тверд, а потом мягок
184 Однако они равно диктовали свои правила Поднебесной, равно властвовали над *чжухоу*. Это потому, что хорошо чувствовали изменение обстоятельств. Луский государь захотел поставить первым министром отшельника Янь Хэ, но тот не согласился Тогда он послал вперед человека с подарками. Янь Хэ бежал через пролом в задней стене дома и был прославлен Поднебесной Если же взять времена Шан Яна и Шэнь Бухая, то казнили до трех родов [108], что уж говорить о себе самом! В мире много славят древних людей за их высокое поведение Если взять нынешнее время, то равные им мало ценятся Не потому что их таланты ниже, а потому что время неподходящее. Поэтому же шестерка скакунов *цицзи*, четверка рысаков *цзюэти* [109] при переправе через Цзян и Хэ уступит полому бревну. И все в мире так. Поэтому человек, устанавливающий подвиг, разборчив в поведении, осторожен в выборе времени А нынешние люди толпы подвиг считают проявлением достоинства, преодоление несчастья – умом, встречу с бедой – тупостью, смерть за идеалы – верхом глупости. А я считаю, что каждый достигает своего потолка, и только. Ванцзы Би Гань не то чтобы не знал, что Цзицзы распустил волосы и притворился безумцем, чтобы спасти свою жизнь, однако нашел удовлетворение в прямом поведении, в высшей преданности и умер за это Поэтому и не поступил, как Цзицзы Бо И и Шу Ци конечно же могли принять жалованье и служить и так установить подвиг, однако нашли удовлетворение в том, чтобы уйти от мира, проти-

сопоставить свое поведение большинству Поэтому и не служили. Сюй Ю и Шань Цзюань не то чтобы не могли умиротворить Поднебесную, успокоить пространство меж четырех морей и одарить милостью народ, но им было стыдно из-за вещей приводить в волнение Гармонию Поэтому не приняли [Поднебесную] Юй Жан и Яо Ли [110] не то чтобы не находили радости в семье, в обеспечении покоя жене и детям и ради этого не хотели бы остаться в живых, однако нашли удовлетворение в честных поступках, в смерти за господина [111]. Поэтому и не остались дома. Ныне если с точки зрения Цзицзы посмотреть на Би Ганя, то это выглядит глупостью, а если с точки зрения Би Ганя – на Цзицзы, то низко. Если с точки зрения Гуань Чжуна и Янь Ина посмотреть на Бо И, то это опять-таки глупо, а с точки зрения Бо И, поступки Гуань Чжуна и Янь Ина есть только проявление алчности. То, что все эти люди принимали или отвергали, – прямо противоположно, чего страстно желали, – обратно одно другому, но каждый из них искал удовлетворения в своем деле. Так что кто может их поправить? Цзэнцзы говорит: «Заслышав удары весла, птицы взмывают вверх, а рыба уходит в глубину». Так что выбор разный, но и те, и другие обретают себе удобное. Хуйцзы в сопровождении ста колесниц ехал вдоль озера Мэнчжу. Чжуанцзы, увидев это, выбросил свою последнюю рыбу [112]. Пеликан пьет воду по несколько *доу*, и все ему мало [113], а угорь, попади ему в рот хоть росинка, умрет. Чжи-бо владел Тремя Цзинь [114], а все не мог успокоиться. У Линь Лэя и Жун Цици [115] из одежды были только травяные плащи, но они и не думали жаловаться.

Отсюда видно, что интересы и поступки у каждого 185
свои, зачем порицать друг друга! Тот, кто ценит жизнь, не будет ради выгоды вредить себе. Поборник чести в трудную минуту не уклонится. Жаждущий жалований при виде выгоды не думает о своем теле, а заботящийся о своем имени не способен к бесчестью и разборчив в средствах. Все эти суждения противоположны, как лед и пепел, как веревка и крюк, – где тот момент, в который они совпадают? Если бы мудрец выступил третейским судьей и примирил бы их, то не стало бы тогда правых и неправых. Для летящей птицы главное – гнездо, для хорька главное – нора. Гнездовые, построив гнездо, обретают приют; норные, сделав норку, – ночлег. Человеческий выбор, поступки и честь – это то же, что для птицы и хорька приют и ночлег. Каждый находит удовольствие в том, что несет ему покой. Достигший того, что ему соответствует, называется состоявшимся человеком. Поэтому тот, в чьих рассуждениях присутствует *дао*, все выравнивает и сводит в одно. *Дао* управленного государства состоит в том, чтобы высшие не

докучали приказами, чиновники управляли ненавязчиво, мужи достойно несли службу [116], ремесленники не позволяли излишеств в своем искусстве. Их действия подчиняются правилам [117], и нет в них неразберихи; их сосуды совершенны, но лишены украшательств.

В смутном государстве не так. Те, кто отличается достойным поведением, друг друга возвышают, чтобы самим подняться; кто демонстрирует благопристойность, друг перед другом кичатся и фарисействуют. Их экипажи и колесницы исчерпывают все возможности росписи и резьбы, их сосуды соревнуются в гравировальном мастерстве. Те, кто гонится за товарами, считают сокровищем труднодоступные. Критиканы свои пустые разглагольствования выдают за остроту ума, соперничают в том, кто более поразит красноречием, долго разбирают суть, но так ничего и не решают, – в этом нет пользы для управления.

Ремесленник делает сосуд, проходят годы, прежде чем он будет завершен, – но он не предназначен для повсеместного употребления. Поэтому закон Священного земледельца гласит: «Если взрослый и крепкий мужчина не пашет, то в Поднебесной появляются страдающие от голода; если женщина, достигшая должного возраста, не ткет, то в Поднебесной появляются страдающие от холода». Поэтому сам пахал землю, а его жена ткала. Так, находясь впереди Поднебесной, они вели ее за собой. Они не ценили труднодоступных товаров, не пользовались бесполезными предметами. Вот почему у того, кто не прикладывает сил к пахоте, нечем пестовать жизнь, у того, кто не прикладывает сил к ткачеству, нечем прикрыть тело. Иметь излишек или испытывать недостаток, зависит только от тебя. Когда еды и одежды вдоволь, не возникают пороки и ересь. Когда царят покой и радость и нет «дел» [118], то Поднебесная обретает равновесие и покой. И тогда Кун Цю и Цзэн Шэнь не имели бы места распространять свое «добро», а Мэн Бэнь и Чэн Цзин [119] – силой утверждать авторитет.

В обычае разрушающегося мира использовать хитроумие и ложь, украшать и множить бесполезное, ценить заморские товары, дорожить труднодоступным богатством, не приумножать тех средств, которые нужны для поддержания жизни, а истощать полноту Поднебесной, порубить все, что составляет первооснову [120] Поднебесной, надеть ярмо на коней и быков, превратив их в скот; перемутить людей; чистое превратить в грязь. Тогда жизни взметаются
186 как пыль, все приходит в смятение и волнение. Чистосердечие и искренность оказываются размыты, люди утрачивают природные ориентиры. Тогда-то и появляются украшения из перьев зимородка, носорожьей и слоновой

кости, расшитые парадные одежды, узорчатые ткани [121] – чтобы волновать взоры. Ароматные яства из У и Юэ [122], мясные и крупяные – чтобы усладить уста. Колокола, барабаны, флейты и свирели, инструменты струнные, деревянные, из металла и камня – чтобы наполнить звуками уши. Разговоры о том, что чему предпочесть, как себя вести, что такое обряд и благочинье, открытая критика и советы, – чтобы лишать покоя сердца. И тогда народ вскипает и в великом смятении тратит дни на преследование выгоды, от волнения и суеты теряет силы. Законы и честь отрицают друг друга, правила поведения и стремление к выгоде противоречат друг другу, при этом будь хоть десять Гуань Чжунов, не навели бы порядка. Что же до богатых людей, то они ездят на колесницах и в экипажах, одетые в парчовые наряды, кони их украшены бунчуками и украшениями из слоновой кости, на колесницах – пологи и циновки, шелковое шитье и шнуры, цвета – желтое и зеленое – перебивают друг друга, всего не описать. А бедняки летом покрывают тело сермягой, подпоясанной веревкой, едят бобы, чтобы набить кишки, пьют пустую воду – чтобы спастись от летней жары. А зимой носят изрешеченный дырами бараний плащ, короткую одежду из грубой ткани, которая не покрывает тела, и греются у раскаленного очага. Эти люди не отличаются от простонародья, живущего за плетеными дверьми. Бедные и богатые далеки друг от друга, как государь от раба, – не стоит и говорить об этом. Используя уловки, ложь и фарисейство, они вольготно себя чувствуют среди современников. Держась правильного и разумного, будучи разборчивым в средствах, не избежать голода и холода. При этих обстоятельствах хотеть, чтобы народ покинул верхушки и вернулся к корню [123], – это все равно что открыть источник и перекрыть течение его вод. Резьба по дереву, гравировка по металлу наносят вред крестьянскому труду; парчовые узоры, шелковые перевязи вредят женским работам. А если крестьянский труд пропадет и женские работы понесут ущерб, то создастся угроза холода и голода. Но когда наступают голод и холод одновременно, с древности и поныне не слыхали, чтобы при этом люди не нарушали законы, не страшась наказания. Так что в том, что честный муж находится в захолустье, виновато не его поведение, а время. Вред или польза зависят от судьбы, а не от ума. Так, в терпящей поражение армии солдаты, даже мужественные и храбрые, спасаются бегством, и военачальники их не могут остановить; а в победоносной армии даже трусы готовы на смерть, робкие не могут бежать. В деревнях, охваченных разливом рек

Хэ и Цзян, отцы и дети, старшие и младшие братья оставляют друг друга и бегут, отталкивая друг друга, карабкаются на курганы, взбираются на холмы. Легкие на ногу взбираются первыми и не могут заботиться о других. Когда же все счастливы и спокойны, то, видя, как тонут люди в соседнем царстве, и то скорбят, тем более если это их родственники. Так что если сам спокоен, то
187 любовь распространяет даже на соседнее царство, готов ради них пожертвовать своими делами. Если же сам в опасности, то забываешь о родственниках, и тут уж не до других. Плывущий не может спасти утопающего – его руки и ноги напряжены; обожженный на пожаре не может спасать обгорающих – у него тело болит. Так и народ: если в достатке, то уступчив, если в нужде, то склонен к тяжбам. Когда уступчив, то процветают обряды и благочинье, когда начинаются тяжбы, то растет смута. Постучи в дверь, попроси воды, никто не откажет, потому что питья – вдоволь. В лесу не торгуют хворостом, на озерах не продают рыбу – их и так избыток. Так что при изобилии желания скромны, а если запросы не велики, то и нет тяжб. Во времена циньского вана [124] дело доходило до того, что ели детей, – такая была нужда. Когда же род Лю [125] взял в руки бразды правления, то даже одинокие принимали сирот, – потому что имущества стало в избытке.

Если мир упорядочен, то и ничтожные люди способны удерживать правление и не прельщаться выгодой, если мир в смуте, то и благородные мужи оказываются подвержены порокам и никакие законы им не запрет.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ОТЗВУКИ *ДАО*

Высшая чистота спросила у Бесконечности: 189
– Ведомо ли тебе *Дао*?
– Не ведомо, – отвечала Бесконечность.
Спросила у Недеяния:
– Ведомо ли тебе *Дао*?
– Ведомо, – отвечало Недеяние.
– *Дао*, которое тебе ведомо, имеет какую-нибудь меру?
– *Дао*, которое мне ведомо, имеет меру.
– Какова же она?
– Ведомое мне *Дао*, – отвечало Недеяние, – может быть слабым, может быть сильным; может быть мягким, может быть твердым; может быть холодным, может быть горячим; может быть темным, может быть светлым; может обнимать собою Вселенную, может откликаться не имеющему сторон [1]. Вот откуда я знаю о мере *Дао*.
Высшая чистота обратилась к Безначальному:
– Я спрашивала о *Дао* у Бесконечности, и она сказала, что оно ей не ведомо. Спрашивала у Недеяния, и оно ответило, что оно ему ведомо. Тогда я спросила, имеет ли меру то *Дао*, которое ему ведомо. И Недеяние ответило, что то *Дао*, которое ему ведомо, имеет меру. Я спросила, какова она, и оно ответило, что ведомое ему *Дао* может быть слабым, может быть сильным; может быть мягким, может быть твердым; может быть холодным, может быть горячим; может быть темным, может быть светлым; может обнимать собою Вселенную, может откликаться не имеющему сторон. Вот то, откуда оно знает о мере *Дао*. Если так, то кто из них прав: Недеяние со своим знанием или Бесконечность со своим незнанием?
Безначальное отвечало:
– Незнание глубоко, а знание мелко: незнание касается внутреннего, а знание – внешнего; незнание тонко, а знание грубо.
Высшая чистота, возведя очи к небу, вздохнула:
– Значит, незнание и есть знание, а знание – незнание? Но кто может знать, когда знание обращается в незнание, а незнание в знание?!
Безначальное продолжало:

– *Дао* нельзя слышать, слышимое – не *Дао*; *Дао* нельзя видеть, видимое – не *Дао*. *Дао* неизреченно, изреченное не *Дао*. Кто может знать, как облечь в форму бесформенное? [2]

Поэтому Лаоцзы говорит: «В Поднебесной все знают, что добро – это добро, но оно же и зло» [3]; и еще: «Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает» [4].

Бай-гун задал вопрос Кунцзы [5]:

190 – Можно говорить намеками?

Кунцзы не отвечал. Бай-гун продолжал:

– Что будет, если камень бросить в воду?

– Ныряльщики из У и Юэ достанут его, – отвечал Конфуций.

– А если одну воду плеснуть в другую?

– Если смешать воду из рек Цзы и Шэн, И Я различит ее на вкус [6].

– Значит, нельзя говорить намеками? [7]

– Почему нельзя? – отвечал Конфуций. – Только знает ли тот, кто говорит, что такое речь? [8] Знающий, что такое речь, говорит без слов. Кто ловит рыбу, промокает; кто гонит зверя, быстро мчится, – но не ради удовольствия. Так и высшие речи избегают слов, высшее деяние есть недеяние. А соперничество тех, кто обладает мелким знанием, пустое занятие.

Бай-гун не понял этого и погиб в бане [9].

Поэтому Лаоцзы говорит: «В словах имеется начало, в делах имеется главное. Поскольку люди их не знают, то они не знают и меня» [10].

Хуйцзы разрабатывал для вана Милостивого закон [11]. Закончив, показал учителям [12], и те одобрили его. Представил его вану. Ван остался доволен и передал его Ди Цзяню [13]. Тот сказал:

– Добро.

Ван спросил:

– Можно давать ему ход?

– Нет.

– Но если он хорош, то почему не дать ему ход?

– Когда поднимают большое дерево, – отвечал Ди Цзянь, – передние восклицают: «Юй-сюй!» [14], а задние им откликаются. Это возглас тех, кто поднимает тяжести. Почему же не поют при этом песен Чжэн и Вэй и не напевают быстрых мелодий Чу? Потому что не подходят. Хорошо управляемое государство опирается на ритуал, а не на изощренное красноречие.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников» [15]. Об этом сказано.

Тянь Пянь [16] беседовал с циским ваном об искусстве *Дао*. Ван в ответ сказал:

– Мои владения – это царство Ци. Искусство *Дао* мало пригодно для устранения его бед. Хотелось бы послушать, как им управлять.

– Мои речи, – сказал Тянь Пянь, – хотя и не об управлении, но могут быть полезны управлению. Вот, например, лес. Это не материал, но он может стать материалом. Хочу, чтобы ван вдумался в то, что было сказано, и сам выбрал пригодное для управления. Хотя *Дао* и не устраняет бед, но его силою все переплавляется и преобразуется во Вселенной и в пределах шести сторон света. Зачем спрашивать о делах правления в царстве Ци?!

Это имел в виду Лао Дань, когда говорил: «Форма без формы, образ без существа» [17]. Ван спросил о царстве Ци, Тянь Пянь ответил примером о древесном материале: материал – еще не лес, лес – еще не дождь, дождь – еще не *инь-ян*, *инь-ян* – еще не Гармония, а Гармония – еще не *Дао*. 191

Бай-гун Шэн [18] завоевал Цзин и никак не мог решиться разделить имущество со складов и арсеналов между людьми. Прошло семь дней, и Ши Ци [19] сказал ему:

– Неправедно добытое да еще не раздать – это накликать беду. Не можешь отдать, лучше сожги, не восстанавливай людей против себя.

Бай-гун не послушался, и через девять дней явился Е-гун. Он открыл большие склады и арсеналы и раздал товары и оружие народу, а затем напал на Бай-гуна и через девятнадцать дней пленил его.

Итак, царство не принадлежало ему, а он захотел владеть им – это можно назвать верхом алчности; не уметь принести пользу ни себе, ни людям – можно назвать верхом глупости. Скаредность Бай-гуна можно сравнить с любовью совы к своим птенцам [20].

Поэтому Лаоцзы говорит: «Чем переполнять сосуд – лучше его вовсе не наливать; как ни заостряй предмет при ковке, он все равно затупится» [21].

Чжаоский Цзяньцзы [22] назначил Сянцзы своим наследником. Узнав об этом, Дун Яньюй сказал ему:

– Усюй [23] из худого рода. Почему же вы сделали его своим наследником?

– Он из тех людей, что могут стерпеть позор ради родных алтарей.

Прошло время. Как-то Чжи-бо сидел с Сянцзы на пиру и вдруг схватил Сянцзы за голову. Приближенные Сянцзы просили позволения убить Чжи-бо, но Сянцзы сказал:

– Когда прежний ван ставил меня на престол, он сказал: «Сянцзы может ради родных алтарей стерпеть позор». Разве он сказал: «Сянцзы может убить человека»?

Через десять лун Чжи-бо окружил Сянцзы в Цзиньяне. Разделив свои отряды, Сянцзы нанес Чжи-бо сокрушительное поражение, а из его головы сделал винную чашу.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Знающий свою силу, умеющий быть слабым для Поднебесной – как горная долина» [24]

Беззубый спросил Учителя в Тростниковом Плаще [25] о *дао*, и тот ответил:

– Выпрямляй свое тело, сосредоточивай свое зрение, и небесная Гармония приблизится к тебе. Сдерживай свое знание, выправляй свою меру, и дух придет и поселится с тобой. Благо придет и будет с тобой рядом. Сама Красота и *дао* станут твоим жилищем. Простодушный как новорожденный телок, ты не будешь доискиваться никаких причин.

Речь его еще не отзвучала, как Беззубый прозрел. А Учитель в Тростниковом Плаще, удаляясь, запел песню:

Телом подобен иссохшим ветвям,
Сердцем подобен угасшему пеплу,
Правдив и невежествен,
Темный, обширный,
Нет равной ему души,
Вот какой он человек!

Поэтому Лаоцзы говорит: «Если мудрость распространяется на все четыре стороны света, возможно ли, чтобы что-то оставалось вне знания?» [26]

192 Чжаоский Сянцзы напал на племя *ди* и разбил его [27]. Взял два города - Южэнь и Чжунжэнь. Сянцзы как раз принимался за трапезу, когда прибыл вестник с этой новостью. Сянцзы опечалился. Кто-то из свиты спросил его:

– Взять за одно утро два города – для всех это радость. Почему государь помрачнел?

– Даже на самых больших реках половодье не бывает более трех дней, ведь «жестокая буря не длится весь день, а солнце в зените стоит лишь миг» [28]. Не остается места для доблестных деяний рода Чжао: за один день взять два города – это означает, что погибель ждет меня.

Кунцзы, услышав об этом, сказал:

– Чжао находится в расцвете! [29] Ведь потому и процветают, что печалятся. Погибают же оттого, что радуются.

Трудность не в том, чтобы победить, а в том, чтобы удержать победу. Мудрые ваны умели удерживать ее, потому завоеванное ими благоденствие распространялось и на последующие поколения. Царства Ци, Чу, У и Юэ, случалось, одерживали победы, а в конце концов погибли, – они не поняли, что значит удерживать победу. Кунцзы был настолько силен, что управлялся с засовом на городских воротах [30], но не хотел славы силача; Моцзы построил оборону и победил Гуншу Баня, но не захотел быть прославленным за свое военное мастерство [31]. Кто обладает искусством удержания победы, свою силу почитает за слабость.

Поэтому Лаоцзы говорит: «*Дао* пусто, но в применении неисчерпаемо» [32].

Хуй Мэн был принят сунским Кан-ваном [33]. Затопав ногами от негодования, тот прохрипел:

– Я люблю смелые подвиги и не люблю проповедников добродетели и долга. В чем же гость может меня наставить?

– Я могу сделать так, что смелый и сильный, делая выпад, не попадет в цель, нанося удар, промахнется. Не хотите ли об этом послушать?

– Добро, это как раз то, что я хотел бы услышать.

– Колоть и не попасть, наносить удар и промахнуться, – продолжал Хуй Мэн, – это все-таки позорно. Я могу сделать так, что храбрец и не посмеет колоть, а силач – ударить. Но не сметь колоть, не сметь ударить не значит не иметь такого желания. Я могу сделать так, что и не возникнет такого желания. Однако без такого желания не появится и любовь к пользе. У меня же есть учение, которое поставит вас выше всех. Благодаря ему все мужи и жены Поднебесной воспылают любовью к пользе. А это куда достойнее храбрости и силы.

– Да, я хотел бы еще послушать.

– Таковы Кун и Мо, – продолжал Хуй Мэн. – Кун Цю [34] 193
и Мо Ди не имели земли, а были владыками, не имели чинов, а были начальниками. Мужи и жены Поднебесной, вытянув шеи и поднявшись на цыпочки, с надеждой ждали от них покоя и пользы. А ныне ван владеет десятью тысячами колесниц, и если он действительно пожелает, то в четырех пределах все получат свою выгоду. Это будет намного достойнее Куна и Мо.

Сунский ван не нашел что ответить. Когда Хуй Мэн вышел, он сказал своей свите:

– Гость красноречив! Сумел меня убедить! [35]

Поэтому Лаоцзы говорит: «Кто храбр и не воинственен, – будет жить» [36]. Отсюда видно, что настоящая храбрость не в храбрости.

В древности у Яо было девять помощников, у Шуня – семь, у У-вана – пять. Яо, Шунь, У-ван без своих помощников не могли сделать ничего и сложа руки пожинали плоды, – они умели пользоваться человеческими талантами. Так, если человек бежит за скакуном, ему никогда не одолеть скакуна, но встань он на колесницу – никакой скакун его не догонит. На севере есть животное, называется *цзюэ*: спереди – крыса, сзади – заяц. Когда бежит, тычется в землю, когда мчится, летит кувырком [37]. Часто для *чунчун-цзюйцзюя* [38] добывает сладкую траву и кормит его Когда что-нибудь грозит *цзюэ*, *чунчун-цзюйцзюй* берет его на спину и уносит. Так способности одного восполняют недостатки другого.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Кто, заменяя великого мастера, рубит [топором], повредит свою руку» [39].

Бао И беседовал с вэйским Сы об искусстве управления. Государь сказал:

– Я владею тысячью колесниц, и хотел бы получить наставление.

– У Хо, – отвечал Бао И, – поднимал тысячу *цзюней*, что уж говорить об одном *цзине*!

Ду Хэ беседовал с чжоуским Чжао Вэнем [40], и тот сказал Ду Хэ:

– Хотел бы поучиться тому, как покоить в мире Чжоу

– Если мои слова окажутся не пригодны, то не суметь тебе покоить Чжоу, а если сгодятся, то Чжоу само придет к покою.

Это и называется «не приводя в покой, покоить».

Поэтому Лаоцзы говорит: «Великий резчик не режет» [41],
194 «Кто стремится к владению многими колесницами, лишится последней» [42].

По законам царства Лу, пожелавший выкупить рабалусца у *чжухоу* мог взять деньги на это в казне. Цзыгун выкупил одного лусца, а деньги брать отказался.

– Ты делаешь ошибку, – сказал ему Конфуций. – Действия мудреца могут изменять обычаи и нравы, а его уроки – распространяться на последующие поколения, потому что они годны для всех. Ныне в царстве богачей мало, а бедняков много. Если взять деньги в казне, то поступишь против совести, если же лусцы не будут брать в казне, то не станут выкупать своих у *чжухоу*.

О Конфуции можно сказать, что он знал толк в обычаях.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Видеть [значительное в] малом называется мудростью» [43].

Вэйский У-хоу спросил у Ли Кэ [44]:

– Отчего погибло царство У?

– Оттого, что много воевало и много побеждало.

– Но разве много воевать и много побеждать не благо для государства? Отчего же оно все-таки погибло?

– Когда много воюют, – отвечал Ли Кэ, – народ распускается; когда много побеждают, правители становятся высокомерны. А при распущенном народе и высокомерных правителях редко бывает, чтобы царство не погибло. Высокомерие ведет к произволу, произвол – к жестокости, распущенность порождает злобность, злобность – волнения. Правители и народ находились в таком напряжении, что гибель У еще поздно наступила.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Когда подвиг свершен и пришла слава, надо отступить. Таков небесный закон» [45].

Нин Ци [46] желал служить цискому Хуань-гуну, но был беден и не мог продвинуться. Тогда он нанялся к странствующим купцам грузить телеги. Пришли они в Ци и расположились на ночлег за городскими воротами. Вечером ворота открылись и, тесня груженые телеги, с многочисленной свитой и факелами выехал Хуань-гун – встречать гостей в предместье. Нин Ци, который в это время кормил вола, издали увидев Хуань-гуна, загрустил. Ударяя в воловий рог, он запел песню купца. Хуань-гун услышал и, тронув за руку своего возничего, сказал:

– Странно! Это поет необыкновенный человек!

И приказал следующей за ним на колеснице свите забрать певца с собой. Как только Хуань-гун прибыл во дворец, свита напомнила ему о Нин Ци. Одарив Нин Ци одеждой и шапкой, он принял его. Заговорили о делах Поднебесной. Довольный беседой, Хуань-гун решил взять гостя на службу. Однако его чиновники воспротивились.

– Гость – человек из Вэй. Вэй не так далеко от Ци. Послали бы, государь, расспросить. Если он достойный человек, не поздно будет и принять на службу.

– Нет, – отвечал Хуань-гун. – Начнем расспрашивать, и вдруг, к несчастью, у него окажется какой-нибудь маленький недостаток. Из-за мелочи забудем о больших достоинствах. Именно так государи теряют настоящих мужей Поднебесной! 195

Конечно, беседы недостаточно, и обычно услышанное проверяется. Если же не проверять, то следует положиться на впечатление. Но о человеке трудно судить, по-

этому просто взвешивают положительные стороны, и все. Поступив так, Хуань-гун выиграл.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Велико небо, велика земля, велико *дао*, велик также и государь. Во Вселенной имеются четыре великих, и среди них государь» [47]. Тем самым говорится, что она вмещает его.

Великий ван Дань-фу жил в Бинь [48]. Племя *ди* напало на него. Попробовали откупиться кожами, шелком, жемчугом, нефритом. Но *ди* не приняли даров и сказали:

– Нам нужны ваши земли, и здесь не помочь дарами.

Дань-фу ответствовал:

– Я не могу, живя со старшим братом, убивать младшего; живя с отцом, убивать сына [49]. Все вместе уйдем в другие земли. Чем отличны мои подданные от людей *ди*? К тому же я слышал такие слова: «Не наноси вреда тому, что взращиваешь, тем, чем его взращиваешь» [50].

И, опираясь на посох, пошел прочь. Люди один за другим последовали за ним и основали царство у подножия горы Ци [51].

О Великом ване Дань-фу можно сказать, что он умел беречь жизнь. Будучи богатым и знатным, не наносил себе вреда тем, что́ кормило его; будучи бедным и незнатным, не обременял свое тело ради выгоды. Ныне наследуют ранги и жалованье и старательно их растрачивают. Не заблуждение ли с такой легкостью утрачивать то, что само пришло и долго хранилось?

Поэтому Лаоцзы говорит: «На того, кто дорожит Поднебесной как своим телом, она может положиться. Тому, кто любит свое тело как Поднебесную, можно ее доверить» [52].

Чжуншаньский царевич Моу спросил Чжаньцзы [53]:

– Тело мое – на просторах рек и морей, а мысли – у вэйских ворот. Отчего это так?

– Цени жизнь, – отвечал Чжаньцзы. – Кто ценит жизнь, тот презирает выгоду.

– Хоть и знаю это, не могу побороть себя.

– Если не можешь побороть себя, то следуй своему влечению, и дух твой перестанет противиться. Не быть способным с собою справиться и насильно отворачиваться от того, к чему влечет, – значит наносить себе тяжелую рану, а тяжело раненный человек – не долгожитель.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Знание гармонии называется постоянством. Знание постоянства называется мудростью. Обогащение жизни называется счастьем. Стремление управлять чувствами называется упорством» [54]. «Следуя его, [*дао*], сиянию, постигай его смысл» [55].

Чуский Чжуан-ван спросил Чжань Хэ:

– Как управлять государством?

– Умеешь управлять собой и не умеешь управлять государством?

– Я поставлен хранить храм предков и алтари, и хотел бы знать, как их уберечь, – пояснил Чжуан-ван. 196

– Мне никогда не доводилось слышать, чтобы царство того, кто умеет управлять собой, было в смуте; или сам бы ван был в смуте, а царство его – упорядочено. Таким образом, корень в тебе самом. Не смею договаривать до конца.

– Добро, – отвечал чуский ван.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Кто совершенствует [*дао*] внутри себя, у того добродетель становится искренней» [56].

Хуань-гун читал книгу в зале, а Колесник обтачивал колесо у его ног [57]. Отложив зубило и молоток, Колесник спросил Хуань-гуна:

– Что читает государь?

– Книгу мудрецов, – отвечал Хуань-гун.

– Эти люди еще живы?

– Уже умерли.

– Так это только барда, оставшаяся от выпитого вина, – от тех мудрецов.

С гневным видом Хуань-гун воскликнул:

– Я, государь, читаю, как смеешь ты, простой ремесленник, надо мной насмехаться? Есть что сказать, говори, а нет, умрешь!

– Хорошо, я скажу. Я попробую пояснить это на своем примере – как я обтесываю колесо. Нажимаю быстро и сильно, не идет; медленно и мягко, колесо оказывается непрочным. А вот ту высшую тонкость, когда нажимаешь ни сильно, ни слабо, а так, чтобы откликалось в руках, отзывалось в сердце, я не могу передать сыну, а сын не может взять это у меня. И вот уж мне семьдесят лет, я стар, а все делаю колеса. Ныне суть речей тех мудрецов также скрыта, они состарились и умерли, осталась лишь барда – как от выпитого вина.

Поэтому Лаоцзы говорит: «*Дао*, которое может быть выражено словами, не есть постоянное *дао*. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя» [58].

Некогда Цзы Хань, ведающий строительными работами [59], был первым министром в Сун.

– Покой или непрочное положение государства, – говорил он сунскому государю, – порядок или смута в народе зависят от государевой политики наград и наказаний. Народ любит чины, награды, пожалования – пусть государь дает

им это; смертную же казнь, наказания и штрафы народ ненавидит, и поэтому, прошу вас, передайте их в мое ведение.

– Хорошо, – сказал государь. – Я возьму на себя то, что нравится народу, а ты на себе испытаешь его ненависть. Таким образом я не потеряю лица в глазах *чжухоу*.

С тех пор подданные в царстве знали, что убийства и казни дело рук Цзы Ханя; большие чиновники стремились приблизиться к нему, народ боялся его. И вот не прошло и месяца, как Цзы Хань, оттеснив сунского государя от управления, сосредоточил всю власть в своих руках.

Вот почему Лаоцзы говорит: «Как рыба не может покинуть глубину, так и государство не должно выставлять напоказ людям свои совершенные методы [управления]» [60].

Ван Шоу [61] перебросил через плечо котомку с книгами и отправился в путь. В Чжоу он повстречался с Сюй Фэном [62].

– События свершаются под воздействием перемен, – сказал тот, – а перемены происходят от времени. Поэтому тот, кому ведомо время, не имеет постоянного образа действий. Книги – это произнесенные некогда речи, речи произносятся знающими, а знающие не хранят свое знание в книгах.
197

И тогда Ван Шоу сжег свои книги и исполнил танец[63].

Поэтому Лаоцзы говорит: «Обильные слова легко исчерпываются, лучше держаться меры» [64].

Первый министр Цзы Пэй пригласил на пир Чжуанвана [65]. Чжуан-ван принял приглашение. [Тогда Цзы Пэй приготовил угощение на башне Цянтай, но Чжуан-ван не пришел [66].] Сложив почтительно руки и обратившись лицом к северу, Цзы Пэй, босой [67], предстал перед государем в тронном зале.

– Ранее государь принял приглашение, а теперь вот не пришел. Думаю, в этом моя вина, – сказал он.

– Я слышал, что ты приготовил пир на башне Цянтай, – отвечал государь. – На юг с нее открывается прекрасный вид на гору Ляошань и реку Фанхуан, слева течет Цзян, справа – Хуай. Любоваться этим видом такое наслаждение, что можно забыть о смерти. Я слаб и не могу себе позволить это удовольствие: боюсь, останусь там и не вернусь [68].

Поэтому Лаоцзы говорит: «Не показывай людям вожделенного, и их чувства не будут приходить в смятение» [69].

Цзиньский царевич Чун Эр, спасаясь от преследования, проходил через Цао. Правитель Цао с ним обошелся бесцеремонно [70]. Жена Ли Фуцзи [71] сказала своему мужу:

– Государь обошелся бесцеремонно с цзиньским царевичем. Между тем я видела его свиту – все достойные люди. Если они помогут ему вернуться в царство Цзинь, то он непременно выступит походом против Цао. Почему бы вам заранее не выказать ему доброе отношение?

Ли Фуцзи послал царевичу сосуд с едой и вдобавок нефритовый круг. Чун Эр принял еду, а нефрит отослал обратно. Когда он вернулся в Цзинь, то поднял войска в поход на Цао и покорил его, приказав не вторгаться в селение Ли Фуцзи.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Согнутое выпрямится, кривое станет прямым» [72].

Юэский ван Гоу Цзянь воевал с У [73] и потерпел поражение. Царство было разгромлено, ван бежал, бедствовал в Куайцзи. Разжигал сердце, растил ненависть, гневом пылал как кипящий источник, набирал и готовил солдат, бросался в огонь словно на смерть. Однако просил уского вана взять себя в слуги, а жену в наложницы, с копьем в руках, ведя под уздцы коня, позволить идти впереди уских войск [74]. А в конце концов пленил Фу Чая в Ганьсуе.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Слабое побеждает сильное, мягкое – твердое. В Поднебесной все знают это, но никто это знание не способен применить» [75]. Юэский ван на себе познал это, потому и стал во главе Срединных царств.

Чжаоский Цзяньцзы умер, но еще не был похоронен, когда город Чжунмоу отделился и перешел к царству Ци. На пятый день после похорон Сянцзы поднял войска и атаковал Чжунмоу. Однако не успел он сомкнуть кольцо, как стены сами рухнули на десять *чжанов.* Сянцзы тотчас ударил в гонг и отступил. Военачальники стали убеждать его, говоря:

– Государь наказал Чжунмоу за предательство, и стены сами рухнули. Если Небо помогает нам, зачем же уходить?!

– Я слышал, – отвечал Сянцзы, – что Шу Сян [76] говорил: «Благородный муж не пользуется чьей-либо удачей и не преследует того, кто в опасности». Пошлите починить стену. Когда стена будет готова, снова атакуем. 198

Услышав о справедливости Сянцзы, жители Чжунмоу попросили позволения сдаться.

Вот поэтому Лаоцзы говорит: «Только с тем, кто не соперничает, в Поднебесной никто не может соперничать» [77].

Циньский Му-гун [78] сказал Бо Лэ:

– Твои годы уже немалые. Есть ли в твоей семье кто-нибудь, кого можно послать выбрать хорошего коня?

– Хороший конь, – отвечал Бо Лэ, – распознается по стати и крепкому костяку, а настоящий конь Поднебесной таков, что как будто исчезает, как будто пропадает, как будто теряется его тело. Такой конь мчится, не поднимая пыли, не оставляя следов. У моих сыновей небольшие таланты – они могут найти хорошего коня, но им не найти настоящего коня Поднебесной. Но есть один человек, с которым мы вместе тянули лямку, собирали хворост. Его зовут Запруда Девяти сторон. Он в конях разбирается не хуже меня. Пригласи его.

Му-гун призвал его и отправил на поиски коня. Через три луны тот вернулся и доложил:

– Добыл коня в Шацю – на Песчаных холмах [79].

– Что за конь?

– Каурый жеребец.

Му-гун послал людей за конем, оказалось – кобыла, и вороная. Му-гун огорчился, призвал Бо Лэ и сказал ему:

– Ничего не вышло! Человек, которого ты послал за конем, не разбирает ни масти, ни пола. Что он может понимать в лошадях!

Бо Лэ восхищенно выдохнул:

– Неужели до такой степени?! Это значит, что тысячи таких, как я, ничто в сравнении с ним! Он провидит самую небесную суть, он схватывает самое тонкое и забывает о грубом, погружается внутрь и забывает о внешнем, видит то, что видит, и не видит того, чего не видит; смотрит на то, на что смотрит, и оставляет в стороне то, на что не смотрит. Если он нашел, то это наверняка отличный конь.

Лошадь привели, и поистине это был конь, способный проскакать в день тысячу *ли*.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Великая прямизна подобна кривизне, высшее искусство похоже на неумение» [80].

У Ци, будучи первым министром в Чу, отправился както в Вэй* и беседовал там с Цюй Ижо [81]:

– Наш ван не знает меня, он знает только, что я – первый министр. Вы, учитель, постарайтесь меня понять.

– Что ты собираешься сделать?

– Я хочу отменить все титулы в Чу и сравнять жалованье; взять у того, у кого излишек, и отдать тому, у кого недостает; совершенствовать вооружение и при удобном случае вступить в борьбу за выгоду в Поднебесной.

– Я, Ижо, слышал, что в древности было так: умеющий держать страну в порядке не менял ее древних установлений, не изменял обычаев. Ныне ты собираешься отменить

все титулы в Чу, уравнять жалованье, взять у того, у кого излишек, отдать тому, кому недостает, – это и значит изменять древние установления, менять обычаи, и сделавший это не получит выгоды. Я, Ижо, слышал: гнев враждебен благу [82]; война – жестокое средство; соперничество – корень людских отношений. Ныне строя тайные планы, идти против блага; делать ставку на жестокое средство, вздымать в людях то, что составляет их корень, – это предел противостояния Небу. К тому же, ты не должен был искать удачи в Ци, пользуясь луским войском, а искал; не должен был искать удачи в Цинь, пользуясь вэйским войском, а искал. Я, Ижо, слышал: не творя несчастья, не подвергнешься несчастью. Наш ван столько раз шел против небесного пути, столько преступал человеческие законы, что удивительно, как до сих пор не случилось беды. И тебе следует подумать [83].

199

У Ци испуганно спросил:

– И ничего нельзя изменить?

– Нельзя изменить обстоятельств, формирующих события [84]. А тебе следует быть мягче и честнее.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Притупи остроту, освободись от суеты, умерь блеск, смешайся с пылью» [85].

Цзинь пошло походом на Чу. Когда они без остановки покрыли три перехода [86], чуские дафу стали просить у вана позволения выступить им навстречу.

– Во времена прежнего государя Цзинь не ходило походом на Чу, – сказал чуский Чжуан-ван. – Когда же на престол сел я, сирота, оно пошло. Моя вина, позор мне!

– Во времена прежних слуг Цзинь не ходило походом на Чу, – возразили *дафу*. – Ныне же, когда мы служим, оно пошло. Это наша вина! Позвольте отразить удар.

Ван пал ниц и, оросив слезами полу халата, поднялся и поклонился *дафу*.

Узнав об этом, цзиньцы сказали:

– Государь и слуги спорят друг с другом, чья вина! К тому же государь склоняет голову перед слугами. Нельзя нам нападать.

И ночью отвели войска.

Поэтому Лаоцзы говорит: «Правителем может называться лишь тот, кто способен принять позор страны на себя» [87].

Во времена сунского Цзин-гуна Марс вошел в область созвездия Сердце. Гун испугался, призвал Цзы Вэя и сказал:

– Марс вошел в область созвездия Сердце, что это значит?

– Марс – это небесная кара, а созвездие Сердце находится в той части неба, которая ведает царством Сун [88]. Несчастье грозит государю. Но можно его перевести на первого министра.

– Первый министр правит государством, и если на него навлечь смерть, не будет нам счастья!

– Можно на народ, – продолжал Цзы Вэй.

– Если народ погибнет, над кем я буду владыкой? Уж лучше мне умереть самому.

– Можно перевести на урожай.

– В урожае вся жизнь народа. Не будет урожая, погибнет и народ. Кто назовет меня государем, если пожелаю убить свой народ ради собственного спасения? Нет, пришел мой конец. Ничего не говори больше!

Цзы Вэй отступил назад, повернулся лицом к северу и,
200 дважды поклонившись, сказал:

– Позвольте поздравить вас, государь. Небо высоко, но слышит нас, низких. Вы трижды произнесли подобающие государю слова, и Небо трижды наградит вас. Нынче ночью звезда переместится на три созвездия, и жизнь государя будет продлена на двадцать один год.

– Откуда тебе известно это?

– Государь трижды произнес подобающие государю слова: звезда передвинется на три созвездия, расстояние между ними составляет семь *ли*, и для прохождения их нужно время в один год; три раза по семь – это двадцать один. Поэтому жизнь государя продлится на двадцать один год. Я, ваш слуга, прошу позволения припасть к ступеням трона и наблюдать: если звезда не переместится, прошу казнить меня.

– Оставайся, – отвечал гун.

В этот вечер звезда переместилась на три созвездия.

Лаоцзы говорит: «Способного принять на себя беды царства называют царем Поднебесной» [89].

Некогда Гунсунь Лун [90] во времена своего пребывания в Чжао сказал своим ученикам:

– С неспособными людьми я не странствую.

Однажды появился странник в сермяге, подпоясанной веревкой, попросил его принять и сказал:

– Я умею кричать.

– Есть среди нас человек, умеющий кричать? – вопросил Гунсунь Лун, обернувшись к ученикам.

– Нет, – был ответ.

– Тогда включите его в список.

Прошло несколько дней, и Гунсунь Лун отправился на переговоры с яньским ваном. Подъехал к реке и увидел, что паром – на другой стороне. Велел новому ученику вызвать его. Тот крикнул – и паром пришел. Поэтому и говорят: наличие мудреца не исключает присутствия умельца.

Лаоцзы говорит: «Человек не отвергает человека, вещь – вещи: это и называется высшей мудростью» [91].

Когда Цзы Фа атаковал Цай и одержал победу, Сюаньван выехал в предместье приветствовать победителя. Он отмерил ему во владение сто *цинов* земли и преподнес нефритовый скипетр. Но Цзы Фа не принял дары, сказав:

– Управлять страной, осуществлять правление и принимать послов от *чжухоу* – дело государя; издавать распоряжения, рассылать приказы, заботиться о том, чтобы противник бежал прежде, нежели войска сомкнут кольцо, – дело военачальника. Вступать же строем в бой и побеждать противника – дело простых людей. Воспользоваться заслуженной ими наградой и забрать положенные им титулы и жалованье – дело несправедливое и недостойное; поэтому отказываюсь и не принимаю.

Лаоцзы говорит: «Успешно свершает и не требует признания заслуг; именно потому, что не требует признания заслуг, успех не покидает его» [92].

Цзиньский Вэнь-гун напал на Юань. Для взятия его назначил трехдневный срок. Когда через три дня город еще не пал, приказал отвести войска. *Дафу*, увещевая его, сказали:

– Еще день-два, и Юань будет повержен.

– Когда я назначал трехдневный срок, – отвечал Вэнь-гун, – я был уверен, что этого достаточно для взятия города. Но теперь, когда срок истек, не отвести войска – значит подорвать к себе доверие. Стоит ли того Юань?

Жители города, узнав об этом, сказали:

– Такому государю можно сдаться.

И сдались. Город Вэнь также попросил взять его под свою руку.

Лаоцзы говорит: «Глубокое, темное, внутри него семена; его семена – само естество; внутри него – вера. Поэтому прекрасные речи способны внушить уважение, а прекрасные поступки поистине возвышают» [93].

Гунъи Сю, первый министр царства Лу, любил рыбу. 201
Посланники одного из царств преподнесли ему рыбу, но Гунъи Сю не принял дар. Ученики спросили его:

– Учитель так любит рыбу, почему же не принял?

– Вот потому, что люблю, и не принял. Примешь – лишишься должности и тогда останешься без того, что любишь. Если же не примешь, то и должности не потеряешь, и рыбу всегда будешь иметь.

Это мудрость человека, знающего свою пользу.

Лаоцзы говорит: «Ставь себя позади, и окажешься впереди; забудь про себя, и сохранишься. Не потому ли он [мудрец] удовлетворяет свой интерес, что не блюдет его?» [94] И еще говорит: «Знай меру, и не испытаешь позора» [95].

Старец с Лисьего холма задал вопрос Суньшу Ао:

– Знаешь ли ты, что есть три вещи, возбуждающие в людях недовольство?

– Какие?

– Высокий титул вызывает зависть служащих; высокий пост – неприязнь владык; большое жалованье – ненависть на местах.

– Чем мой титул выше, – отвечал Суньшу Ао, – тем мои желания умереннее; чем значительнее занимаемое мной положение, тем я осторожнее; чем больше мое жалованье, тем щедрее раздачи. Можно таким образом избежать недовольства?

Лаоцзы говорит: «Знатные непременно должны иметь своим корнем незнатных, а высокое – иметь своим основанием низкое» [96].

Кузнецу, кующему крюки у старшего военачальника [97], было уж восемьдесят лет, а крюки оставались все такими же острыми.

– В твоем мастерстве есть какой-то секрет? – спросил его военачальник.

– Есть кое-что, что я храню, – отвечал кузнец. – С двадцати лет я пристрастился ковать крюки, ничего вокруг не видел, ничем, кроме них, не занимался.

Таким образом, полезное непременно находит опору в бесполезном, и тогда надолго сохраняется, уж не говоря о случае, когда опираются на то, что не бывает бесполезным [98]. Тогда уж ни одно дело не остается без поддержки.

Лаоцзы говорит: «Кто в своих действиях опирается на *дао*, тот становится с ним един» [99].

Вэнь-ван оттачивал добродетель, совершенствовал правление. Прошло три года, и более половины Поднебесной пришло к нему. Чжоу [100], досадуя, сказал:

– Я с утра до ночи занят соперничеством с ним, но только зря насилую сердце, тружу тело. Но если дать ему волю и помиловать, то, боюсь, поднимет он на меня войска.

Чун-хоу Ху [101] сказал:

– Чжоуский правитель Чан [102] добродетелен, справедлив и искусен в составлении планов; его наследник Фа смел и решителен; средний сын Дань – почтителен, бережлив и знает цену моменту. Если потрафлять им, нам несдобровать; дав им волю и помиловав, погибнем сами. «Шапка хоть и старая, но сгодится покрыть голову». Пока ничего не случилось, подумайте, что предпринять.

Тогда Цюй Шан заключил Вэнь-вана в Юли [103]. После 202
этого Сань Ишэн добыл редких драгоценностей на тысячу золотом, упряжки *цзоуюя* и *цзисы*, три сотни штук черно-красной яшмы, сотню *пэн* больших раковин, черного леопарда, желтого медведя и зеленую дикую собаку, тысячу шкур белого тигра [104]. Через Фэй Чжуна он передал дары Чжоу Синю [105]. Чжоу Синь увидел дары и возрадовался. Он освободил Вэнь-вана и подарил ему заколотого по этому случаю быка. Вернувшись в свои владения, Вэнь-ван построил Яшмовые ворота, возвел Чудесную башню, устроил зрелище с игрой на барабанах и гонгах и с участием молодых девушек. И стал ждать, когда Чжоу Синь попадется на эту удочку.

Чжоу Синь, прослышав обо всем этом, обрадовался и сказал:

– Чжоуский правитель Чан изменил свои принципы и образ жизни, и мне теперь не о чем беспокоиться.

И он установил пытку паоло [106], вскрыл сердце Би Ганю, разрезал нутро беременной женщине, убивал тех, кто его увещевал. А Вэнь-ван продолжал осуществлять свой план.

Лаоцзы говорит: «Познавший, что есть слава, и остающийся в позоре может стать долиной для Поднебесной» [107].

Чэн-ван беседовал о делах правления с Инь И [108]:

– Какими благими деяниями я могу добиться того, чтобы народ относился к высшим как к родным?

– Используй его в соответствии с сезонами и с почтением прислушивайся к нему.

– Но где мера этому?

– Держись так, словно стоишь у края пучины, как будто ступаешь по тонкому льду.

– Трепещите, ваны!

– В пространстве меж небом и землей, меж всех четырех морей если что-то нравится, то мы пестуем это; если не нравится, становимся ему врагом. Некогда подданные династий Ся и Шан отнеслись как к врагам к Цзе и Чжоу [109] и стали служить Тану и У; народ *суша* [110] обрушился на своего правителя и ушел к Священному земледельцу. Это хорошо известные миру примеры. Как не трепетать!

Лаоцзы говорит: «Нельзя не страшиться того, что страшно» [111].

Сообщник Разбойника Чжи его спросил [112]:

– Есть ли у разбойников свое учение?

– Как можно без учения? – ответил Чжи. – Угадать, что в доме есть сокровища, – это мудрость; войти в дом первым, – это смелость; выйти последним, – это справедливость и долг; разделить добычу поровну, – это человеколюбие; знать, возможен грабеж или нет, – ум. Без этих пяти добродетелей никто в Поднебесной не может стать крупным разбойником [113]. Отсюда следует, что разбойники и воры в своих расчетах непременно опираются на *дао* мудрецов, а потом уж приступают к делу.

Лаоцзы говорит: «Откажитесь от мудрецов, отбросьте умствования, и народ выгадает во сто крат» [114].

Чуский полководец Цзы Фа любил отыскивать людей, сведущих в каком-либо искусстве. В Чу был один искусный вор. Придя к Цзы Фа, он сказал:

– Я слышал, господин ищет людей, сведущих в каком-либо искусстве. Я – рыночный вор. Хотел бы пополнить ряды ваших воинов.

203 Услышав его слова, Цзы Фа, не подпоясав платье и не поправив шапку, поспешно вышел и встретил гостя согласно ритуалу.

– Вор – разбойник Поднебесной, к чему с ним церемониться? – заметили его люди.

– Не вам о том ведать, – отвечал Цзы Фа.

Вскоре цисцы напали на Чу. Цзы Фа трижды водил против них войска, и трижды войска отступали. Наконец лучшие люди в Чу исчерпали все планы обороны, истощили все свое старание, а циские войска все наседали. Тогда перед Цзы Фа предстал рыночный вор и сказал:

– Искусство мое невелико, но я хотел бы его употребить для господина.

Цзы Фа ни о чем его не спросил и отпустил. Между тем вор снял с шатра полководца Ци полог и принес его Цзы Фа. Цзы Фа приказал вернуть полог противнику со словами: «Солдат вышел за хворостом, а принес полог от шатра господина. Отдайте распорядителю».

На следующее утро вор принес уже изголовье полководца. Цзы Фа опять послал человека вернуть его. Тогда вор принес булавку от головного убора военачальника. И вновь Цзы Фа велел вернуть украденное. Узнав об этом, циские воины всполошились, а военачальник стал держать с чиновниками совет:

– Если нынче не уйдем, боюсь, унесут мою голову.

И они повернули войска и ушли.

Поэтому говорится: «Всякий талант может быть полезен правителю».

Лаоцзы говорит «Недобродетельные – это богатство для добродетельных» [115]

Янь Хуй, обращаясь к Чжунни [116], сказал:

– Я полон.

– Что это значит?

– Я забыл о ритуале и музыке [117].

В другой день он снова пришел и сказал:

– Я еще более полон.

– Что это значит?

– Я забыл, что такое милосердие и долг-справедливость.

– Хорошо, но этого еще недостаточно.

Снова пришел Янь Хуй к учителю:

– Я совершил преступление забвения.

Конфуций взволнованно сказал:

– Что значит «совершил преступление забвения»?

– Разрушил свое тело, перестал видеть и слышать, отринул форму, отказался от знания, слился в одно с потоком изменений. Вот что значит «совершил преступление забвения».

Конфуций отвечал:

– «Слился в одно» – значит, не стало склонности к чему-либо одному; «с потоком изменений» – значит, не стало ничего постоянного [118]. Вы, учитель, заняли место среди достойных [119], позвольте мне следовать за вами.

Лаоцзы говорит: «Может ли пребывающая в путах земная душа объять Единое и при этом не покинуть тела? Можно ли обрести младенческую сущность, сосредоточив эфир *ци* и став мягким?» [120]

Циньский Му-гун поднял войска, собираясь напасть на Чжэн.

– Нельзя на них нападать, – сказал Цзянь Шу. – Я слышал, нападать можно на царство, отстоящее не более чем на сто *ли*, – если ехать на повозках, и не более чем на тридцать *ли*, – если идти пешим ходом, дабы весть о походе не успела разнестись, латы не износились, оружие не притупилось, провиант не истощился, а люди не заболели 204
и не разбежались. Все это обеспечивает высокий дух и подъем сил. Так можно устрашить врагов и внушить авторитет. Ты же отправляешься в поход на тысячи *ли* и еще должен не раз пересечь земли *чжухоу*. Не думаю, что это возможно. Подумай, государь.

Му-гун не послушался, и Цзянь Шу провожал войска в траурном одеянии и с плачем. Когда, пройдя Чжоу, войска Му-гуна повернули на восток, чжэнский купец Сянь Гао преподнес им двенадцать волов. Военачальники встревожились:

– Мы прошли много тысяч *ли*, чтобы внезапно напасть на них. Мы еще не подошли к ним, а они уже знают о том, что мы идем. Конечно, они заранее приготовились, и теперь нельзя наносить удар.

Повернули войска и ушли. Как раз в это время умер цзиньский Вэнь-гун. Он еще не был похоронен, и Сянь Чжэнь сказал Сян-гуну [121]:

– Прежний ван был дружен с Му-гуном, в Поднебесной всем это известно, и *чжухоу* знают. Ныне наш государь почил, но ведь еще не похоронен, и не выразить соболезнования нашему горю, не спросить разрешения на проход – значит считать, что государь мертв, а вы, сирота, слабы. Позвольте атаковать их.

Сян-гун согласился. Сянь Чжэнь поднял войска и в сражении при Яо наголову разбил циньцев, захватил в плен трех военачальников и вернулся. Му-гун, узнав об этом, в траурной одежде обратился с покаянной речью к народу близ храма предков.

Лаоцзы говорит: «Знать и думать, что не знаешь, – высшее; не знать, а думать, что знаешь, – ошибка» [122].

Умерла государыня царства Ци. Ван хотел поставить на престол новую, но не решался и обратился за советом к *дафу*. Се-гун [123], стремясь угадать желание вана, преподнес ему десять пар серег, и среди них одну – самую красивую. На следующее утро спросил, у кого эти красивые серьги, и затем приложил усилия к тому, чтобы поставить именно эту женщину государыней. Циский ван очень обрадовался и стал отличать Се-гуна. Так слуги, наблюдая за тем, как проявляются мысли вана вовне, управляют ими.

Лаоцзы говорит: «Заткни все отверстия, запри все двери, и во всю жизнь не изведаешь усталости» [124].

Лу Ао [125] отправился в путешествие к Северному морю. Пересек крайний север, дошел до горы Сокровенные врата. У вершины горы Мэнгу повстречал человека: глаза глубоко посажены, виски черные, слезы текут из глаз, плечи высокие, как у коршуна, богатырь в верхней части тела и пигмей внизу, величаво движется навстречу ветру, танцуя. Увидев Лу Ао, медленно опустил руки и скрылся за высоким камнем. Лу Ао подошел взглянуть на него: дер-

жится независимо, одет в черепаховый панцирь и жует морские устрицы. Лу Ао заговорил с ним:

– Я тот самый Ао, который, оставив всех, покинув своих, видел все, что творится за пределами шести сторон света. Кто бы другой смог? Я с детства любил путешествовать, и потом это не прошло. Обошел весь свет, все четыре предела. Только крайнего севера еще не видал. Ныне вдруг встретил вас. Может быть, будем с вами друзьями? 205

Человек обнажил в улыбке зубы и сказал:

– А-а, ты из Срединных земель. Неужели осилил такой далекий путь? Ведь это край, где светят лишь солнце и луна, движутся звезды и созвездия, *инь* и *ян* отправляются в путь, рождаются четыре времени года. Но есть край по сравнению с безымянными землями еще более глубокий и темный. Я отправляюсь на юг и попадаю в край Пустоты, на севере отдыхаю в Глубокой Черноте, на западе достигаю Глубокой дали, на востоке открываю мир, который предшествовал Хаосу. Здесь внизу нет земли, наверху нет неба, слушаешь – не слышишь, смотришь – ничего не рассмотреть. За ним только плеск Тайво [126], а за нею глянешь – простор в сотни тысяч *ли*. Я и то не могу там побывать. А ты ныне прибыл только сюда, а уж говоришь, что все видел. Но и это, конечно, далеко. Ты оставайся здесь, а у меня назначено свидание с Широким Разливом за пределами девяти небес. Я не могу здесь долго обретаться.

Человек поднял руки, подпрыгнул и ушел в облака. Лу Ао, вскинув голову, смотрел и не увидел. Печально остановился у колесницы, ему было так горестно, как будто у него кто умер. И он сказал:

– Я по сравнению с этим мужем все равно что земляной червь в сравнении с желтым лебедем! За день не продвинется и на один *чи*, а думает, что ушел далеко. Как скорбно!

Чжуанцзы говорит: «За короткую жизнь не узнать того, что за долгую, малому знанию далеко до большого. Утренней букашке-однодневке неведомо, что будет новолуние, цикаде неведомо, что бывает весна и осень» [127]. Есть нечто, скрытое и от мудрости.

Цзицзы [128] правил в Даньфу уже три года, когда Ума Ци в простой одежде, изменив внешность, отправился посмотреть на его преобразования. Как-то ночью он увидел, что рыбак поймал рыбу и отпустил ее. Ума Ци спросил:

– Твое дело ловить рыбу, почему же ты ее отпустил?

– Цзицзы запрещает ловить маленькую рыбу, вот я ее и отпустил.

Вернувшись домой, Ума Ци доложил Конфуцию:

– Цзицзы обладает высшей добродетелью! Даже ночью
206 его люди ведут себя так, словно им грозит суровая казнь. Как ему удалось достичь этого?

– Мне случалось спрашивать его об искусстве управления, – отвечал Конфуций, – и он говорил: «Предостерегай одних и наказывай других». Возможно, в этом все дело.

Лаоцзы говорит: «Откажись от одного – возьми другое» [129].

Полутень спросила у Тени [130]:

– Белый свет – это божественный свет?

– Нет, – отвечала Тень.

– Откуда тебе это известно?

– Смена дня и ночи происходит на Фусане, – отвечала Тень. – Солнце освещает космос, лучи белого света заливают пространство меж четырех морей; но закрой дверь, прикрой окно, – и они не проникнут. Божественный же свет льется со всех четырех сторон одновременно, и нет места, которого бы он не достигал: вверху граничит с небом, вниз свивается до земли, порождает и вскармливает тьму вещей, но не имеет образа. Он и в промежутке меж верхом и низом, и за пределами четырех морей. Разве это доступно белому свету?

Поэтому Лаоцзы говорит: «Самое нежное в Поднебесной побеждает самое крепкое» [131].

Свет спросил у Небытия:

– Ты действительно существуешь или ты все-таки не существуешь?

Небытие не отвечало. Не дождавшись ответа, Свет стал всматриваться в его облик: темное, неясное, смотришь – не видишь его формы, слушаешь – не слышишь его голоса, хочешь схватить – не обретаешь, вглядываешься в даль – не видно края. И Свет сказал:

– Великолепно! Кто бы мог достигнуть такого! Я могу быть или не быть, но не могу абсолютно не быть. Как оно достигло такого?

Лаоцзы говорит: «Небытие входит в не имеющее промежутка, и я узнаю, что недеяние полезно» [132].

Бай-гун Шэн замыслил смуту, распустил двор, встал на престол. Однажды, нечаянно повернув к себе острием палку, которой пришпоривают лошадей, поранил щеку. Кровь стекала на пол, а он и не замечал. Чжэнцы, услышав об этом, сказали:

– Если уж о собственной щеке забыл, то, уж наверное, все забыл [133].

Отсюда видно, что если дух устремлен вовне и мысли клубятся внутри, то нельзя не утратить контроль над телом. Когда дух занят далеким – упускается близкое.

Лаоцзы говорит: «Чтобы знать Поднебесную, не надо выходить со двора; чтобы видеть небесное *дао*, не надо выглядывать из окна; чем дальше идешь, тем меньше знаешь» [134].

Завладев Поднебесной, циньский *хуанди* боялся ее не удержать. Он создал пограничные гарнизоны, построил Великую стену, привел в порядок заставы и мосты, установил преграды и заграждения, завел почтовые станции, по- 207
ставил пограничные посты, – но род Лю [135] забрал все это с легкостью, с какой поворачивают ключ в замке.

Некогда У-ван пошел походом на Чжоу [136] и разбил его в битве при Муе. После этого присыпал могильный холм над могилой Би Ганя, поставил табличку о заслугах Шан Юна в его селении, загородил вход в пустующий дом Цзицзы [137], стал вести царские приемы в зале Чэн Тана, открыл склады с зерном у моста Цзюй, раздал золото Оленьей башни, разбил барабаны, поломал барабанные палочки, расслабил луки, порвал тетиву. Покинул дом, ночевал в поле. Снял меч и повесил на поясе табличку для письма, – чтобы показать, что нет у него врагов и что он ищет мира. Тогда Поднебесная возликовала и воспела его, ко двору явились с данью *чжухоу*, и его потомки удерживали власть в течение тридцати четырех поколений.

Лаоцзы говорит: «Кто умеет запирать, и без замка закроет так, что не открыть; кто умеет завязывать узел, и без веревки завязывает так, что не развязать» [138].

Инь Сюй учился управлению колесницей, но за три года так и не постиг науку. Он был очень огорчен и постоянно размышлял над этим. И вот вечером он видит сон, будто научился у своего учителя «осеннему управлению» [139]. На следующий день он отправился ко двору. Учитель, только завидев его, сказал:

– Мне не жаль секрета управления колесницей для тебя, но боюсь, ты его не способен воспринять. Ныне я покажу тебе «осеннее управление».

Инь Сюй отступил назад, повернулся лицом к северу и дважды поклонился [140]:

– На меня сошла небесная благодать: вчера под вечер я во сне этому научился.

Лаоцзы говорит: «Стремись всеми силами к достижению пустоты, будь тверд в сохранении покоя, и вещи сами взрастут, а тебе останется лишь наблюдать их ход» [141].

Суньшу Гордый трижды становился первым министром и не испытывал радости, трижды уходил с этого поста и не чувствовал печали; яньлинского Цзицзы только раз усцы захотели поставить ваном, но он не согласился; Сюй Ю уступали Поднебесную, но он ее не принял. Яньцзы, давая клятву Цуй Шу, и перед лицом смерти не отступил от должного. Все эти люди были дальновидны. Разве способны вещи смутить того, кто духом проник в самое жизнь и смерть?!

Некий Цы Фэй из Цзин добыл драгоценный меч в Ганьсуе [142] и, возвращаясь домой, переправлялся через реку. Когда лодка достигла середины течения, Ян-хоу [143] поднял волны, и два водяных дракона закружили лодку.

– Случалось ли раньше кому-нибудь при этом остаться в живых? – спросил Цы Фэй лодочника.

– Никогда не слышал, – отвечал лодочник.

Цы Фэй, сощурив в ярости глаза, взмахнул рукавами халата и выхватил меч.

– Воину пристало убеждать, используя понятия о добродетели и долге, а не грабить и отнимать. Бросай меч, речная падаль! Не жди пощады от меня!

С этими словами он прыгнул в воду, пронзил мечом драконов и отрубил им головы. Ветер и волны успокоились, все, кто был в лодке, остались живы.

За этот подвиг цзинцы пожаловали ему титул «держащий нефритовый жезл» [144]. Конфуций, узнав об этом, сказал:

208 – Не потому ли его назвали Цы Фэй – Ловкач, что он заставил эту падаль бросить меч?

Лаоцзы говорит: «Тот, кто не ценит жизнь, мудрее того, кто ее излишне ценит» [145].

Цисец Чуньюй Кунь обсудил с вэйским ваном план *цзун* [146], и вана убедило его красноречие. Снарядили десять колесниц, с которыми Чуньюй Кунь должен был отправиться в Цзин. Он простился и уже собрался в путь, как нашелся кто-то, кто посчитал его план недостаточным и так же красноречиво выступил с планом *хэн* [147]. Тогда вэйский ван отставил поездку Чуньюй Куня, а его самого отдалил. В результате ван отказался от одного плана, но ничего не достиг и с помощью другого. Причина неудачи – в отсутствии твердости.

В словах есть корень, в делах – основа. Будь сколь угодно разнообразны умения и способности, они не стоят ничего, если не знать, в чем корень.

Вот почему на чжоуском треножнике изображен Чуй с закушенными пальцами: чтобы прежние ваны видели, что великое мастерство не может быть воплощено [148]. Поэтому Шэньцзы [149] говорит: «Плотник, который делает дверь, еще не знает, что такое дверь. Чтобы узнать это, надо ее закрыть».

Среди моистов был некий Тянь Цзю. Он стремился попасть на аудиенцию к циньскому вану. Снарядил колесницы, приехал в Цинь и остался там на житье. Но в течение целого года не мог добиться встречи с ваном. Нашелся некий гость, который рассказал об этой истории чускому вану, и тот пригласил Тянь Цзю к себе. Благосклонно принял, вручил ему верительную бирку полководца и отправил с ней в Цинь. Циньский ван принял его и был с ним приветлив. Выйдя с царского двора, Тянь Цзю сказал своим людям:

– Три года я прожил в Цинь, но так и не удостоился приема, и не знал, что путь к этому лежит через Чу.

Среди вещей поистине есть такие, которые кажутся близкими, а далеки, кажутся далекими, а близки.

Поступки больших людей не вымеряются по шнуру, они достигают своего предела, и все. Так, сова Гуань-цзы летит ровно настолько, насколько ей позволяет шнур, а река Ли глубиной в тысячу *жэней* не принимает и пылинки: брось в нее железный крючок, и увидишь его ясно, не потому что не глубока, а потому что чиста. Рыбы, черепахи, драконы, змеи не решаются заплывать сюда. И на каменистых землях не растут злаки, на лысых горах не пасутся лани – потому что нет места, где спрятаться.

Некогда чжаоский Вэньцзы спрашивал у Шу Сяна [150]:

– Из цзиньских военачальников [151] кто первый погибнет?

– Чжунхан и Чжи.

– Почему?

– Потому что в правлении они считают мелочную придирчивость – требовательностью, нажим – умелым руководством, жестокость – проявлением преданности, множество планов – заслугой. Это все равно что тянуть кожу, – велика-то велика, да скоро лопнет.

Лаоцзы говорит: «Когда правление бездеятельно, народ прост; когда правление докучливо, народ погибает» [152]. 209

Цзин-гун спросил своего Главного гадателя:

– Что может твое искусство?

– Может поколебать землю.

Яньцзы пришел на аудиенцию к гуну, и тот сказал ему:

– Я спросил Главного гадателя, что может его искусство, и он ответил, что оно может поколебать землю. Как может земля поколебаться?

Яньцзы промолчал, ничего не ответил. Выйдя от гуна, он пошел к Главному гадателю и сказал:

– Ночью я видел, что Изогнутая звезда [153] заняла положение между созвездиями Дом и Сердце. Это поколеблет землю?

– Да, – отвечал гадатель.

Яньцзы вышел, а Главный гадатель отправился к гуну.

– Я не могу поколебать землю, – сказал он, – но земля непременно поколеблется.

Тянь Цзыян, узнав об этом, заметил:

– Яньцзы промолчал, ничего не сказав, потому что не хотел смерти гадателя, а пошел к нему потому, что не хотел, чтобы гуна обманывали. Яньцзы можно назвать преданным по отношению к высшим и милостивым по отношению к низшим.

Лаоцзы говорит: «Выправляя, не режет; вычищая, не ранит» [154].

Вэйский Вэнь-хоу угощал *дафу* в Цюйяне. Порядочно опьянели, и Вэнь-хоу сказал:

– Только ли у меня нет в слугах Юй Жана? [155]

Цзянь Чжун поднял кубок и, передавая его Вэнь-хоу, воскликнул:

– Штрафная, государь!

– Что такое?

– Я слышал, – пояснил Цзянь Чжун, – что счастливые родители не ценят почтительного сына, праведный правитель – преданного слугу. Разве не таков был господин Юй Жана?

Вэнь-хоу принял кубок, осушил его и, не передавая дальше, сказал:

– Нет таких слуг, как Гуань Чжун и Баошу Я [156], вот и славят Юй Жана.

Конфуций осматривал храм Хуань-гуна. Здесь был сосуд, который назывался *ючжи*.

– Как хорошо, что мне довелось увидеть этот сосуд! – воскликнул Конфуций и, обернувшись к ученикам, попросил: – Принесите воды.

Воду налили в сосуд. Пока он не заполнился до половины, он стоял прямо, а когда стали доливать, перевернулся. Конфуций восхищенно сказал:

– Прекрасно! Он держит полноту!

Стоявший рядом Цзыгун спросил:

– Что это значит «держит полноту»?

– Прибавь, и он убавится.

– Что это значит?

– С расцвета начинается упадок, высшее наслаждение переходит в скорбь, солнце в зените – значит, начинает са-

диться, полнолуние ведет к ущербу [157]. Вот почему мудрость держится глупостью, образование и красноречие – невежеством, сила и мужество – страхом, богатство и преуспеяние – экономией, благодеяния и раздачи – уступчивостью. С помощью этих пяти вещей прежние ваны хранили 210
Поднебесную и не утрачивали ее, а нарушение этих пяти соответствий не может не привести к краху.

Лаоцзы говорит: «Кто служит этому пути, не стремится к полноте: ведь только неполный может стареть и не обновляться» [158].

У-ван спрашивал Тайгуна:

– Теперь, когда я покарал Чжоу [159], для Поднебесной это значит, что слуга убил своего господина, низший покарал высшего. Боюсь, как бы последующие поколения не воевали без устали, не соперничали без конца. Что делать?

– Ван задал очень хороший вопрос, – отвечал Тайгун. – Ведь пока не взяли зверя, беспокоятся о том, чтобы рана не оказалась мала, а когда уже взяли, то жалеют о том, что ран слишком много. Если ван хочет долго удерживать Поднебесную, он должен заткнуть народу глаза и уши и все девять отверстий, занять его бесполезными делами, утомить мелочными наставлениями, и пусть он радуется своим занятиям, отдает им всю душу. Пусть из светлого-светлого встанут на путь темного-темного. И тогда они откажутся от распущенных по плечам волос и наденут шапки с украшениями [160], снимут мечи и повесят на пояс дощечки для записи. Установи трехгодичный траур, и пусть никто не родится. Пусть высокое красноречие и внедрение почтительной скромности помешают народу вступать в соперничество и заводить тяжбы. Дай ему вино и мясо – для общения, флейты и *сэ* – для веселия, чертей и духов – для устрашения, пышные узоры одежд и утвари и все умножающиеся ритуалы – для забвения природной простоты, пышные похороны и долгий траур – для опустошения их домов. Пусть закладывают в рот покойника жемчуг и покрывают его тело лентами – растрачивая свое имущество; роют глубокие колодцы и насыпают высокие холмы – истощая свои силы. Семьи обнищают, роды уменьшатся, но мало кого это будет тревожить. Вот так изменив жизнь, можно надолго удержать Поднебесную в своих руках.

Лаоцзы говорит: «Если те, кого преобразуют, задумают действовать, я подавлю их с помощью простоты, не имеющей имени» [161].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
КРАТКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

369 Создатели этих трактатов в качестве главного взяли дао и дэ, в качестве основы и утка – людские дела. Наверху исследовали небо, внизу – землю, внутри – закон [внутреннего соответствия]. Хотя и не смогли извлечь самую сердцевину сокровенного, однако постарались обозреть начала и концы. Они *обобщили* главное, не оставили без внимания обычное. Но в словах трудно вскрыть первозданную чистоту и простоту, не упустить главного. Боясь, что люди по своему неразумению не смогут их понять, [авторы] много говорят, пространно изъясняются. А кроме того, еще опасались, что люди покинули корень и устремились к верхушкам, и потому если говорить о дао и не говорить о делах правления, то не сможешь идти в ногу с современностью; но если говорить о делах правления и не говорить о дао, тогда *нет возможности следовать изменениям*. Составили двадцать глав: «Об изначальном дао», «О начале сущего», «Небесный узор», «Земные формы», «Сезонные распоряжения», «Обозрение сокровенного», «О духе», «Коренная основа», «Искусство владычествовать», «Клубок суждений», «О единстве обычаев», «Отзвуки дао», «Общие суждения», «Толкование речей», «Военная тактика», «О горах», «О лесах», «О людях», «О долге службы», «Великое стяжение».

«Об изначальном *дао*». В ней говорится, что первоначальное *дао* обитает в шести пределах, содержит в себе в хаотическом единстве тьму вещей, является образом Великого Единого. Оно проникает в глубину глубочайшего мрака и парит в краю пустоты и небытия; опираясь на малое, обнимает великое; охраняя узкое, управляет обширным. Благодаря этой главе люди узнают о счастье и несчастье, *проистекающих* из положения впереди или позади; о пользе или вреде состояния действия или покоя. Тот, кто истинно познал *ее смысл*, *приобретает широкий* взгляд. Захочешь внять одной речи, – и станешь чтить природу (небо) и дорожить естественностью; захочешь вникнуть в другую, – и научишься презирать вещи и ценить себя; захочешь постигнуть третью речь, – и отрешишься от вещей и вернешься к своей природе. Овла-

девший главным смыслом этой главы поддерживает гармонию пяти внутренних органов, сохраняет эластичность внешнего покрова, следует природным законам и хранит их всю жизнь. Он откликается на тьму превращений, проникает в сотни изменений и делает это так легко, как будто катает шарик на ладони. Всего этого достаточно ему для наслаждения.

«О начале сущего». В этой главе рассматриваются начала и концы изменений, выясняется самая суть бытия и небытия, разбираются превращения тьмы вещей, выясняется единство смерти и жизни – понимание этого заставляет людей оставить вещи и возвратиться к себе. В ней исследуется грань «милосердия» и «долга», постигаются законы тождества и различия, познаются всеобщность высшего блага, законы изменений и превращений. [Авторы] пытаются выразить в словах сердцевину сокровенной тонкости, постичь источник творимых изменений. 370

В главе «Небесный узор» говорится о гармонии эфира *инь* и *ян*, закономерностях смены солнца и луны, чередовании сезонов «открытия» и «закрытия» [1], смене на небосводе звезд и созвездий; о том, как познать последствия «следования» или «противодействия», избежать несчастий от нарушений табу, как откликаться на движение времен года, ориентироваться на постоянство пяти духов [2]. Она побуждает людей следовать небу и не нарушать его постоянства.

С помощью главы «Земные формы» исчерпываем всю протяженность с севера на юг, охватываем всю ширь с востока на запад, определяем расположение гор и холмов, местоположение рек и горных потоков. Эта глава говорит о «хозяине» тьмы вещей, дает знание о множественности живого; исчисляя горы и пучины, перечисляя дальние и ближние пути, создает целостное представление о мире, дает людям власть над вещами, освобождая от страха перед необычайным.

«Сезонные распоряжения» говорят о том, как следовать небесным (природным) сезонам, исчерпывать силы земли; опираясь на меру, вершить необходимое; согласовать все это с человеческими установлениями. «Сезонные распоряжения» берут за основу двенадцать разделений [3], составляющих круг, который кончается и вновь начинается, вращаясь без конца. Следуя ему и опираясь на него, познают истоки счастья и несчастья. Держаться чего-либо или отказаться от него, начать или кончить – на все есть драконовы запреты [4]. Для приказов и распоряжений также есть сезонные сроки. Все это сказано затем, чтобы те, кто управляет, знали, как приниматься за дело.

«Обозрение сокровенного» говорит о том, как Совершенное *цзин* проходит до Девяти небес, Совершенная тонкость проскальзывает в бесформенное, Кристальная белизна вступает в пределы Совершенной чистоты. Светлое-светлое пронизывает темное-темное, и с этого начинается нащупывание вещей, извлечение родов их. [Авторы] исследуют и разбирают, обдумывают и сводят в роды, вещам находят мысленный образ и тогда преодолевают затруднения и преграды на пути познания. Человеческую мысль связывают с беспредельным и так постигают воздействие одних родов вещей на другие, отклик подобных друг другу эфиров, сочетание *инь* и *ян*, зачатки границ и форм – все это для того, чтобы люди могли дальше и глубже видеть.

«О духе» – благодаря этой главе открываем самые корни происхождения человека, осознаем, что есть его тело и девять отверстий. Это можно понять, взяв за его прообраз небо, уподобив его кровь и эфир грому и молнии, ветру и дождю; сравнив его гнев и радость с днем и ночью, зимой и летом. В этой главе исследуется, что́ есть смерть и жизнь, тождество и различие, движение и покой, с тем чтобы помочь каждому возвратить к основе свою природу и судьбу, чтобы побудить людей заботиться о воспитании своего духа, успокоении души, чтобы под влиянием вещей не из-
371 менять себе и крепко охранять дом, в котором живут пустота и небытие [5].

«Коренная основа» – благодаря этой главе узнаем о благих деяниях великих мудрецов, постигаем изначальный путь правления, восстанавливаем образ событий закатных времен и древности, чтобы воздать хвалу прежним поколениям и обличить ничтожество неправедного правления последних поколений. Все это для того, чтобы побудить людей отказаться от свидетельств слуха и зрения, успокоить мятущийся дух, остановить разбегающийся взор, восстановить необходимое для человеческой природы равновесие, распознать, что есть власть предков и царей, научиться различать большое и малое.

«Искусство владычествовать» говорит о делах правления, о том, как, определяя на должность и требуя исполнения, заставить всю массу слуг исчерпывать свои способности; показывает, как пользоваться властью, удерживать скипетр, чтобы управлять массой низших; как, называя именем, требовать соответствия сущности. Эта глава исследует запутанности, чтобы побудить властителей опираться на искусство, держаться необходимого, не давая воли ни удовольствию, ни гневу. Она учит, как упорядочить награды и исправить порок, отбросить своекорыстие и утвердить общее благо так, что-

бы сто чинов были рачительны и устремлены к одному, как спицы ко втулке. Если каждый исполняет свое, то успех дела обеспечен. Отсюда ясно, в чем состоит искусство владычествования.

«Клубок суждений». Эта глава раскладывает отдельные суждения о *дао* и *дэ*, разбирает по порядку, что есть «милосердие» и «справедливость», кратко говорит о людских занятиях, стремится все обобщить в [идее] блага божественного разума. Находит образы, выбирает подобия, чтобы объяснить одно через другое; расчленяет все на части, чтобы не оставить без внимания даже мелочь, и нет здесь недостатка во внимании к спорным речам и разноречивым суждениям.

«О единстве обычаев» говорит о единстве свойств – достоинств и недостатков – всей массы живого, о сходстве обычаев всех варварских народов, рассматривает древние учения, проникает в закон [внутреннего соответствия] тьмы вещей, оценивает пригодность обрядов и правил, очерчивает начала и концы человеческих деяний.

«Отзвуки *дао*» – эта глава идет по следам прошедших деяний, пристально изучает черты глубокой древности, исследует возвраты счастья и несчастья, пользы и вреда; поверяет их искусством Лаоцзы и Чжуанцзы, с тем чтобы постигнуть законы приобретений и утрат.

«Общие суждения» – с помощью этой главы, как иглой протыкаем тончайший шелк, попадаем в малейшую щель. Она учит продолжать путь древних, выпрямлять кривое, чтобы открыть дорогу первоначальной простоте и уметь предвидеть смену приобретений и утрат, повороты пользы и вреда. Все это для того, чтобы люди не отдавались безрассудно во власть выгоды, не поддавались обстоятельствам, жили, идя за солнцем, ориентируясь на времена года и следуя общему ходу изменений.

«Толкование речей». В этой главе с помощью примеров вскрываем смысл человеческих деяний, описательно разъясняем существо порядка и смуты, извлекаем тончайшую суть глубоких речей, показываем внешние черты внутренних законов вещей, латаем прорехи упущений.

«Военная тактика» – из этой главы становится ясно искусство побеждать и наступать, значение условий местности, возможность обмана противника, умение пользоваться искусством «следования», владение тактикой «держаться позади». Из этой главы мы узнаем, что без *дао* нельзя расстроить боевые порядки, без *дэ* нельзя подготовить наступление и укрепить оборону. Уяснив смысл сказанного, можно избегнуть ошибок при наступлении и отступлении, в передвижениях вправо, влево. Уменье извле- 372

кать для себя выгоду из нападения на находящегося в опасности противника, использовать удобные условия, брать за основу чистоту и покой, пренебрегать полным и стремиться к пустоте – все это позволяет загонять противника, как стадо баранов. Вот что говорится о военном искусстве.

Главы «О горах», «О лесах» говорят о том, как проникать в глубину затруднений, встречающихся в делах, проходить через препятствия, проистекающие от тьмы вещей. Сравнения и образы, различные уподобления и многообразные средства вносят стройность в мысли, распутывают неясности, развязывают узлы сомнений. Все это затем, чтобы яснее обозначить границы дел.

«О людях» – эта глава наблюдает за сменой счастья и несчастья, вглядывается в чередование пользы и вреда, нащупывает следы приобретений и утрат, вскрывает для всеобщего обозрения начала и концы, разбирает тонкости сотен дел, вскрывает пружину существования и гибели для того, чтобы люди знали, что несчастье может обернуться счастьем, потеря – обретением, успех – поражением, польза – вредом. С помощью примеров, разъясняющих совершенную мысль, эта глава учит смотреть со стороны на обычаи своего поколения и не быть отравленным ядом клеветы.

«О долге службы». Эта глава учит не тонуть в глубинах *дао*, не теряться среди обилия теорий, их изощренность поверять критерием чистоты и покоя, бесстрастия и беззаботности. Те же, кто ленится разбираться в учениях, потворствуют своим желаниям, угождают чувствам, предаются праздности, – такие при встрече с великим *дао* упираются в него как в преграду. Безумный не знает печали, и мудрый тоже не знает печали. Мудрый потому не знает печали, что благодаря благу пребывает в гармонии. Безумный же потому беспечален, что не знает разницы между счастьем и несчастьем. Отсюда видно, что недеяние вследствие проницательности и недеяние вследствие непонимания подобны друг другу. Их объединяет недеяние. Причины же бездеятельности различны. Ради разъяснения этого изливаю потоки слов, разливаю речи, чтобы быть услышанным и чтобы побудить тех, кто учится, с еще большим усердием стремиться к совершенствованию.

«Великое стяжение» обнимает собой восемь пределов, простирается до высоких вершин, дает свет трем светилам, приводит в гармонию воду и землю, связывает учение древности и современности, определяет последовательность человеческих принципов и естественных законов вещей, объединяет в одно всю тьму превращений и

возвращает все к одному корню. Все это, чтобы описать путь правления, определить дела вана, затем проследить истоки искусства познания, выявить законы человеческой природы и чувств, навести порядок в душе – обители чистоты и покоя, очистить от мути частицы *цзин* божественного разума, чтобы слиться в одно с небесной гармонией.

С помощью этой главы обозреваем деяния Пяти предков и Трех царей, объемлем небесный (природный) эфир, обнимаем небесный (природный) разум, держимся середины, храним гармонию. Тот, у кого благо формируется 373
внутри, обвивает собою небо и землю, пробуждает *инь* и *ян*, устанавливает чередование времен года, исправляет все четыре стороны света; будучи в покое, он покоен, побуждаемый – движется. И таким образом выплавляется вся тьма вещей, преобразуется вся тьма живого. В этом хоре царит согласие, в движении главное – следование. В пределах четырех морей все живет одним сердцем и имеет общий конец. Тогда становится видна Звезда Тени [6], приходят благодатные дожди, спускается с небес Желтый Дракон, феникс гнездится в рощах, следы линя появляются в предместьях. Когда же благо не обретает формы внутри, то пускаются в ход законы и установления, произвольно используются уставы и параграфы, небесные и земные духи не откликаются, благовещие знамения не являются, пространство меж четырех морей остается непокоренным, народ – непросвещен. Отсюда видно, что великая основа управления состоит в формировании внутреннего блага.

Вот о чем говорит глава «Великое стяжение» книги «Великая мудрость» [7].

Таким образом, все трактаты направлены к тому, чтобы освободить путь, устранить препятствия и помочь последующим поколениям познать то, что способствует всякой деятельности. Вовне с вещами соприкасаться, но не ослепляться ими; внутри правильно определять место разума, пестовать свой эфир и тем покоить совершенную гармонию. В себе самом находить наслаждение и быть восприемником неба и земли (Вселенной).

Толковать о *дао*, не понимая начал и концов, – значит не ведать, что служит нам опорой. Толковать о началах и концах, не принимая во внимание неба и земли и четырех времен года, – значит не понимать, чего следует избегать. Толковать о небе и земле и четырех временах года и не искать аналогий, не прибегать к подобиям – значит не постигать смысла явлений. Толковать о Совершенном *цзин*, не применяя этого к человеческому духу и эфиру, – значит не понимать пружины жизни как

таковой. Докапываться до истоков человеческих чувств и не говорить о добродетели великих мудрецов – значит не разбираться в пяти правилах поведения [8]. Говорить о пути божественных предков и не говорить о делах современных правителей – значит ничего не знать о том, как приходили в упадок малое и великое. Говорить о делах правления и не использовать примеры – значит не знать, в каких случаях полезнее действие, в каких – покой. Если говорить, приводя примеры, но не упоминать о разных обычаях, то не узнаешь сути единства. Если говорить о разных обычаях и не говорить о прошлых делах, не будешь знать об отзвуках *дао* и *дэ*. Зная *дао* и *дэ* и не зная современного тебе мира, нельзя надеяться постигнуть всю тьму различных преобразований. Знать общие рассуждения и не уметь их толковать – значит не использовать их на практике. Постигнуть содержание всех писаний и не знать военных приказов – значит не уметь обращаться с воинами. Знать великую стратегию и не знать примеров ее применения – значит не иметь средств осуществить дело. Знать, что есть общее благо, и не знать людей – значит быть беспомощным перед лицом несчастья. Знать людей и не знать ничего о долге службы – значит не иметь средств побудить ученых напрягать свои силы.

Как ни старались экономить слова, обозреть только самое главное, но без окольных речей, сторонних путей не исчерпать смысла *дао* и *дэ*. Поэтому составили книгу в двадцать глав, из которой постигаем естественный закон неба и земли, соприкасаемся с делами людей, узнаем о со-
374 вершенстве пути предков и царей. Среди речей есть и незначительные и великие, тонкие и грубые, собирающие все вместе и разбирающие по отдельности – всему находятся слова. Ныне много рассуждающих о *дао*, однако только мудрецы способны были постигать корень и знать о верхушках. Теперешние ученые не обладают талантами мудрецов, и потому если не растолковать все подробным образом, то всю жизнь будем кувыркаться во мгле хаоса и так и не постигнем искусства пробуждения в ярком свете истины. Двух триграмм «Книги Перемен» – *цянь* и *кунь* [9] – достаточно для исчерпания *дао*, постижения смысла; с помощью восьми триграмм можно распознавать счастливое и злое предзнаменование, знать о несчастье и счастье. Однако Фуси изобрел шестьдесят четыре варианта их. В Чжоу к ним добавили шесть *яо* [10]. Благодаря этому сполна измерили чистоту и прозрачность *дао*, выявили основу тьмы вещей.

Число пяти тонов не превышает *гун, шан, цзюэ, чжэн, юй*. Однако на пятиструнном *цине* еще не заиграешь – нуж-

но настроить инструмент, а уж потом можно играть. Или вот рисуют голову дракона. Кто смотрит, не знает, что это за зверь. Когда же видят всего его, то никто не сомневается, что это дракон. Ныне о *дао* говорят много, о вещах – мало; об искусстве рассуждают пространно, о делах – скупо. То, что не может быть выражено словами, пытаемся донести до внимающих учению без слов. Учение *дао* очень глубоко, и потому трачу много слов, чтобы выразить его суть; тьма вещей многообразна, и потому пространно говорю, чтобы разъяснить их смысл. Слова, свиваются ли в кольцо, льются ли чередой, перепутываются или разливаются вширь, – благодаря им напитывается влагой и очищается совершенная мысль, они мешают ей застыть и осесть на дно, заставляют держаться на ладони и не рассыпаться. Так, реки, большие и малые, полны всякой падали, однако же воду берут из них даже для жертвоприношений – потому что они велики; если в стакан вина попадет муха, то и простолюдин не станет пить – потому что пространство мало.

Постигший учение всех двадцати глав и овладевший их сутью способен покрывать девять полей, проходить через десять врат [11], отрываться от неба и земли, преодолевать горы и реки. Он странствует в необозримом пространстве человеческого мира, где непрерывной чередой текут многообразные формы вещей, творимые Великим Мастером. Такие, как он, помогают солнцу и луне светом и не утрачивают блеска, питают влагой тьму вещей и не истощаются. Широкое, распростертое пространство это необозримо; необъятное, безбрежное, без конца и края – в нем можно странствовать.

Во времена царя Просвещенного Сыном Неба был Чжоу [12]. Налоги при нем собирались без меры; убивали и казнили беспрестанно. Неумеренные наслаждения и пьянство были его занятием, во дворце народ толпился, словно на площади. Чжоу Синь изобрел пытку у раскаленного столба, вспарывал внутренности подававшим советы, вскрывал чрево беременных женщин. Вся Поднебесная жестоко от него страдала. 375

Четыре поколения царя Просвещенного [13] известны своей доблестью, он совершенствовал добродетель, жил согласно долгу. Поселился меж Ци и Чжоу [14], все место не занимало и ста *ли*, а пол-Поднебесной пошло за ним. Царь Просвещенный хотел с помощью презренных и слабых справиться с сильными и жестокими, чтобы в Поднебесной не стало несчастий, были искоренены разбойники и восторжествовал «путь царей». Так родился план Великого гуна. Царь Просвещенный начал дело, но не завершил. Царь Воинственный, став его преемником,

реализовал план Великого гуна, созвал воинов со всей земли, сам надел латы и шлем, чтобы покарать утративших путь, наказать забывших о долге; на равнине Муе он обратился к войскам с речью, оправдывающей попрание им трона Сына Неба [15]. Поднебесная еще не успокоилась, меж четырех морей еще не настал мир, а царь Воинственный захотел прославить высокую добродетель царя Просвещенного и повелел племенам *и* и *ди* нести дары в дань. Так как живущие слишком далеко не могли успеть, то установили трехлетний траур, гроб с телом царя Просвещенного был помещен между двумя колоннами до прибытия посланцев из далеких стран.

Царь Воинственный царствовал три года. Когда он почил, Чэн-ван по малолетству еще не мог править. Его дядья Цай и Гуань побуждали Луфу, старшего сына Чжоу [16], поднять мятеж. Тогда Чжоу-гун [17] продолжил дело царя Просвещенного, принял бразды правления Сына Неба, с тем чтобы быть полезным чжоускому дому, поддержать Чэн-вана. Опасаясь, что оспаривавшие *дао* не успокоятся и что низшие слуги пойдут на высших, он отпустил коней на волю на Цветущей горе, отправил быков пастись в Персиковую рощу, проколол барабан, сломал барабанные палочки, заткнул за пояс дощечку для письма [18] и явился ко двору, чтобы принести мир в царский дом, умиротворить *чжухоу*. Когда Чэн-ван вырос и мог взяться за дела правления, гун Чжоу принял в удел Лу и им правил, меняя обычаи, изменяя нравы.

Кунцзы обобщил путь Чэна и Кана [19], изложил наставления Чжоу-гуна, обучая семьдесят своих учеников, велел надевать им те же одежды и шапки, совершенствовать дошедшие до них записи. Так родилось конфуцианское учение. Моцзы, освоив конфуцианское учение, воспринял искусство Конфуция, однако считал, что его обряды слишком обременительны и трудны для исполнения, что пышные похороны требуют больших средств и доводят народ до бедности, траур опасен для здоровья и вредит делам. Поэтому он пошел против Чжоу и выступил за правление Ся. Во времена Юя, когда на Поднебесную обрушился потоп, Юй сам носил корзины с землей, потому что ставил народ прежде себя, отвел воды рек и проложил им путь через девять гор, развел воды реки Цзян по девяти потокам, наполнил пять озер и успокоил тем самым воды Восточного моря. В те времена жа́ра не выветривали от нечего делать, влагу не высушивали. Умерших на холмах хоронили на холмах, умерших
376 на болотах хоронили на болотах. Отсюда и родилось учение об экономии имущества, о скромных похоронах, о законах одежды [20].

При циском Хуань-гуне власть Сына Неба ослабла, *чжухоу* восстали друг на друга. На севере племена *и*, на юге племена *ди* то и дело нападали на срединные царства, и они висели на волоске. Царство Ци на востоке примыкает к морю, а с севера защищено рекой [Хуан]Хэ. Территория небольшая, обрабатываемых земель мало, но народ хитер и изворотлив. Хуань-гуна печалили несчастья срединных царств, беспокоили беспорядки, чинимые *и* и *ди*. Он хотел учением о существовании и гибели, преемственности и ее прерывности возвысить трон Сына Неба, расширить дело царя Просвещенного и царя Воинственного. Так появилась книга «Гуаньцзы» [21].

Циский Цзин-гун во дворце проводил время с танцовщицами, вне дворца пропадал на охоте, упиваясь скачками и травлей, жил в безудержном разгуле. Построил башню с приемными покоями, отлил огромный колокол – когда в него ударяли во дворце, в пригороде откликались фазаны. Каждый прием стоил по три тысячи *чжун* [22]. Лянцю Цзюй и Цзыцзя Гуай были в свите и подавали советы. Так появились «Советы Яньцзы» [23].

В поздние времена *чжухоу* шести царств разделили ущелья, поделили русла рек, перегородили реки, отделились горами, и каждый стал управлять внутри своих границ, охранять свою часть земли, держать в руках каждый свой собственный жезл власти, рассылать свои приказы. Не стало наместников [24], не стало Сына Неба. Право на власть решалось силой, победитель становился правым, сами мирились с дружественными царствами, заключали важные союзы, ломали верительные бирки, прибегали к помощи дальних стран, чтобы сохранить свою страну, спасти алтари Земли и Проса. Тогда-то и родились рассуждения *цзун* и *хэн*, о достоинствах и недостатках [25].

Шэньцзы [26] был помощником ханьского Чжао Ли. Хань было частью царства Цзинь [27]. Земли бесплодны, народ недобр, и расположено оно между большими царствами. Еще не исчезли старые обычаи Цзинь, как Хань ввело новые законы. Еще не исполнены были распоряжения старого правителя, как уже спущены приказы нового. Новое и старое противоречили друг другу, прежнее и последующее взаимно перепутывались. Сто чинов пришли в смятение, не зная, каким приказам следовать. Так появилась книга о наказаниях и именах [28].

Нравы жителей царства Цинь отличаются алчностью, циньцы склонны к насилию, там мало заботятся о долге, а гонятся за выгодой. Их нужно устрашать наказаниями и нельзя изменить добром; можно воздействовать наградами, но не привлечь славой. Царство окружено опасными горами и опоясано реками, четыре заставы крепки, земля

плодородна, рельеф удобен, запасы обильны. Сяо-гун [29] задумал тигриной и волчьей силой поглотить *чжухоу*. Поэтому и появились законы Шан Яна [30].

Книга же рода Лю [31] обозревает образ Вселенной, постигает суть прошлых событий, оценивает дела и устанавливает в них должный порядок, соразмеряется с формой и выбирает ей соответствующее; сердцевину первоначального *дао* согласует с обычаями Трех царей, с тем чтобы управлять обширным; сердцевину священносокровенной тонкости подвергает тщательному рассмотрению, отбрасывает все мутное, выцеживая прозрачное и чистое, чтобы объять всю Поднебесную, объединить одним законом тьму вещей, уметь откликаться на изменения, постигать разнородность видов; не следовать однажды проложенной колее, не держаться однажды избранного угла зрения, не быть во власти вещей и не идти слепо за своим поколением. Тогда и помещенный на нескольких футах – не заполнишь их до отказа, распространенный на всю Поднебесную – не исчезнешь в ее глубине[32].

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

В библиографическом разделе «Истории Хань» (Хань шу. И вэнь чжи, I в. н.э.) под рубрикой «Хуайнань» значатся так называемые «внутренняя» (содержащая 21 гл) и «внешняя» (33 гл.) книги, оды (фу) числом 82, а также трактат о звездах из 19 глав. Считается, что известный нам текст «Хуайнаньцзы» и есть «внутренняя» книга.

Основные – и наиболее древние – комментарии к «Хуайнаньцзы» принадлежат ханьским комментаторам II в. н.э. Гао Ю и Сюй Шэню. С авторством первого связывают в основном комментарии к 13 главам (1–9, 13, 16, 17, 19), с авторством второго – к восьми (10, 11, 12, 14, 15, 18, 20 и 21). Однако ученые признают условность такого разделения*. Из других комментаторов наиболее известны Ван Няньсунь (XVIII в.), Цянь Тан (1735–1790), которому принадлежит комментарий на третью, астрономическую, главу, Чжуан Куйцзи (1735–1818), Тао Фанци (1845–1884) и др. Ссылки на них также приводятся в наших Примечаниях.

В новых исследованиях «Хуайнаньцзы» используются издания, в которых за основу приняты комментарии Сюй Шэня и Гао Ю. Таковы современное собрание «Сыбу цунькань», воспроизводящее печатный текст XI в., собрание «Сыбу бэй яо», основанное на издании XVIII в. Чжуан Куйцзи, а также новые критические издания Лю Вэньдяня 1923 и 1924 гг. В «Собрании сочинений философов» (Чжуцзы цзичэн) 1956 г. комментарии Сюй Шэня и Гао Ю дополнены также комментариями Чжуан Куйцзи. В 1997 г. в Китае в издании Пекинского университета вышла книга ««Хуайнаньцзы» и комментарии к нему» в 2 томах. Ее автор, проф. Чжан Шуанди, использовал для пояснения текста работы более 80 комментаторов, собрав таким образом в одно целое всю традицию по изучению «Хуайнаньцзы» в Китае.

В настоящих Примечаниях ссылки на китайские тексты «Лецзы» (с коммент. Чжан Чжаня) и «Чжуанцзы» (с коммент. Ван Сяньцяня) даются по т. 3 упомянутого «Собрания сочинений философов», номер тома при этом опускается, указываются только страницы; русский перевод дается по изданию: Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы / Пер., вступит. ст. и коммент. Л.Д. Позднеевой. М., 1961 (далее: Атеисты...). Китайский текст Лаоцзы «Дао дэ цзин» (Книга о *дао* и *дэ*, далее: Дао дэ цзин) цитируется по тому же, 3-му, тому «Собрания сочинений философов» по тексту: *Лаоцзы.* Дао дэ цзин. Коммент Ван Би, – а ссылки на его русский перевод Ян Хиншуна даются по изданию: Древнекитайская философия. Собрание текстов: В 2 т. М.,

* См об этом в предисловии Цянь Тана к его комментарию на гл 3 «Хуайнаньцзы» // Хуайнань хунле цзицзе 2-е изд Тайбэй, 1992 С 766.

1972 1973 Т 1 В последнем случае имя переводчика оговаривается Непереведенные главы «Хуайнаньцзы» (с 13-й по 20-ю) цитируются по т 7 «Собрания сочинений философов», при ссылках в данном случае цифра «7» сохраняется Ссылки на примечания внутри каждой главы даются со словами «выше» и «ниже»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] *Дао* – общая категория, обозначающая мировую силу функция которой заключается в рождении и регулировании жизненного процесса В данном фрагменте *дао* выступает как творческая сила и неиссякаемый источник мирового движения Словосочетание «покрывает несет на себе» означает, что предмет охвачен, объят другим *Восемь пределов* (бы цзи), или восемь полюсов, соответствуют четырем сторонам и четырем полусторонам света Согласно определению, данному философом Цзоу Янем (304–240 до н э) и дошедшему до нас в позднем переложении, это граничные точки в которых сходятся небо и земля (см *Хуань Куань* Спор о соли и железе / Пер с кит Ю Л Кроля Т 2 М , 2001 С 172) – *21*

[2] *Дао обнимает небо и землю,* т е как бы охватывает собою Вселенную Ср ниже, о Едином «В нем (Едином – *Л П*) покоится Вселенная Оно для *Дао* служит заставой» Словами «сообщается с» здесь передано значение глагола *биншоу.* Перевод основывается на том, что вторая часть этого глагола – *шоу* имеет в тексте ключевой знак «рука» и, следовательно, должен быть понят как «отдавать», в то время как первая часть – *бин* означает «принимать» Общее значение слова, таким образом, – «отдавать и принимать», т е сообщаться, быть во взаимосвязи, обмениваться Слово *биншоу* имеет и в другом месте значение «брать-отдавать» (7, 338) Комментатор Гао Ю толкует его как «отдавать» Ева Крафт переводит это место как «одаряет бесформенное» (beschenkt das Gestaltlose *Kraft E* Zum Huai-nan-tzu Einfuhrung, Ubersetzung // Monumenta Serica 1957 V XVI P 207), т е соглашается с толкованием Гао Ю – *21*

[3] Сравнение *дао* с фонтанирующим источником указывает на самопроизвольность его движения – *21*

[4] Т е ему присуща вечная молодость – *21*

[5] *Шесть сторон,* т е четыре стороны света, зенит и надир Следующий далее ряд противопоставлений характеризует способность *дао* переходить из одной противоположности в другую *21*

[6] Кит *жоу* – термин, очень важный в даосской эстетике Слово это значит не только «мягкий», но и «гибкий», «податливый», «эластичный» в противоположность «твердому», «жесткому», «несгибающемуся» (см также ниже, прим 28) *21*

[7] Имеется в виду образ неба натянутого как балдахин над колесницей-землей Балдахины над колесницами крепились четырьмя поперечными шнурами (тяжами) которые соответствовали четырем сторонам света и служили также якобы для выравнивания хода колесницы-земли Каждый из них «ответственен» за пребывание ее в определенном секторе небесной сферы (см текст ниже, с 23)

Инь-ян – в древнекитайской космогонии эфир двух родов *инь* и *ян,* образовавшийся в начале творения из единого эфира *ци,* на-

полнявшего небытие-пустоту Массы *инь* и *ян*, обладая противоположной заряженностью, приходят в соприкосновение и рождают вещи Подробнее см начало гл 3 – *21*

[8] Букв «трем источникам света» *(сань гуан)*, т е солнцу, луне и звездам – *21*

[9] Здесь находят отражение мифологические представления о происхождении мира из жидкой, грязеобразной массы Говоря «предельно тонкое», философы из Хуайнани стремятся отграничить *дао* от самых малых сущностей, но в то же время сохранить идею его реального существования, «бытийности» Ср в связи с этим выражение «как будто нет, а есть, как будто умерло, а живо» (наст изд , с 30) – *21*

[10] *Линь*, или *цилинь*, – сказочное благовещее животное с телом оленя, бычьим хвостом и большим рогом, *Феникс* – благовещая птица (см. также прим 53 к гл 3 и прим 82 к гл 10) Эти существа считались также символами совершенства – *21*

[11] *Два государя (эр хуан)*, согласно комментатору, – это Фуси и Священный земледелец (Шэнь-нун), по исторической традиции, легендарные государи, которые здесь олицетворяют собой *инь-ян* В подтверждение своей мысли Гао Ю обращает внимание на то, что их «два, а не три», имея в виду, по-видимому, высказывание Лаоцзы «*Дао* рождает одно, одно рождает два, два рождают три . », см Дао дэ цзин (Книга о *дао* и *дэ*), § 42, пер Ян Хиншуна Ср упоминание о «двух духах» (*эр шэнь*) в начале 7-й гл и прим 2 к с. 117 – *21*

[12] Словом «разум» в данном случае переведен термин *шэнь* (см ниже, *прим* 40), употребляющийся в тексте в нескольких значениях, а именно разум, устанавливающий и поддерживающий мировой порядок, – «божественный разум» (*шэнь мин*), разум, главенствующий над формой и обитающий в сердце, – «обиталище души» *(линфу)*, дух, который в виде сверхтонких частиц *шэнь* может пребывать в покое в сердце или истекать вовне (подробнее см *Померанцева Л.Е* Поздние даосы , с 387–389) *Изменения* – здесь *хуа* Термин «изменения» *(хуа* или *бяньхуа)* выражает идею становления, представление о том, что ничто ни на миг не остается неизменным, а все возникает, изменяется и гибнет непрерывно и безостановочно под воздействием другого и само воздействуя на него Выражение «разум сопутствовал изменениям» указывает на целесообразность протекающих изменений – *21*

[13] Образы вращающегося колеса, ступицы, гончарного круга и пр символы вечного движения Вода благодаря своим свойствам – безобразности, вездесущности, значению для жизни – служит философам прообразом *дао* (см наст изд , с 29, а также Дао дэ цзин, § 8) – *21*

[14] Т е все возникает и становится в результате взаимодействия, «откликаясь» (*ин*) на воздействие и само воздействуя *Ничто* букв здесь в тексте – «ни одно дело», что знаменательно авторы относят к природным вещам также и человеческую деятельность, которая, таким образом, оказывается в сфере действия природы – *21*

[15] Комментатор считает, что это надо понимать так, что изменения происходят мгновенно и не оставляя следов Существует любопытная параллель в греческой мифологии где есть демон, который

«молниеносно производит какое-либо действие и тут же бесследно исчезает». В. Иванов приводит определение Г. Узенера – «бог данного мгновения» (цит. по. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1 М., 1997. С. 366). – *21.*

[16] *Луань* – чудесная жар-птица, на которой путешествуют бессмертные. – *21.*

[17] См. выше, прим 13.

[18] Процесс творения в данном фрагменте образно представлен как работа незримого мастера, который на гигантском гончарном стане формует *тьму вещей.* В гл. 7 есть вариант описания этого процесса (см. наст. изд., с. 120). Традиция уподобления процесса творения вещей плавке и формовке идет от Чжуанцзы (43; Атеисты.., с. 166 и др.). Слово *пу,* переведенное как «основа», этимологически значит «необработанный, невыделанный древесный материал». – *21.*

[19] ...*без усилий*, букв. «недеянием». Авторы страстно выступают против «деяний» *(вэй),* в основе которых лежит человеческий произвол, и подчеркивают непреложность естественного «пути». Отсюда проповедь «недеяния» *(увэй),* т.е. отказа от произвольных действий, противоречащих внутренним законам вещей и явлений и нарушающих их естественную взаимосвязь. Это означает, что рождение, формирование и гибель вещей не подвластны ничьей личной воле, а только общему движению всего целого, направляемому *дао.*

Благо (дэ) – второе после *дао* важнейшее понятие даосской философии. При переводе конфуцианских текстов это понятие чаще всего переводится как «добродетель». Ян Хиншун, переводчик «Книги о *дао* и *дэ*», понимает *дэ* как «постоянные свойства» вещей, или их атрибуты (см.: *Ян Хин-шун.* Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л., 1950. С. 63), и оставляет термин без перевода. Следуя его интерпретации, Л.Д. Позднеева переводит термин как «свойства» (Атеисты.., с. 355, прим. 1 к гл. 5). Е. Крафт дает перевод «жизненная сила» (Lebenskraft, S. 109). Последний перевод наиболее близко подходит к содержанию термина *дэ* в «Хуайнаньцзы», в частности в комментируемом случае, однако, на наш взгляд, слишком узок для тех границ, в которых действует космическое *дэ.* Предлагаемый перевод этого термина словом «благо» основывается также на некоторой близости его понятию блага у Платона (см.: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. С. 636–642). См. также прим. 3 к гл. 10. Фрагмент, следующий несколькими строками ниже комментируемого места, характеризует функции блага, заключающиеся в рождении, вскармливании и оберегании живого от преждевременной гибели. Очевидно, что здесь оно интерпретируется как внешняя сила, поддерживающая жизнь.

Слова «в спокойной радости» наряду с другими подобными определениями (спокойно-бездумен, покойно-беззаботен, невозмутим и др.) характеризуют идеальное состояние блаженства, к достижению которого направлены усилия даосского мудреца. Образцом, как всегда, служит природа, для которой безмятежность и бесстрастие являются естественным состоянием. Слова «не зная гордыни» выражают осуждение философами высокомерия, поскольку оно основано на противопоставлении личной воли общему целесообразному ходу вещей.

Понятие *гармонии* занимает очень важное место в мире авторов «Хуайнаньцзы». Все построено или должно быть построено на гармонии: космос, природа, человек со всем механизмом своих чувств и ума, общество, искусство. Она также является порождающим началом. – *21.*

[20] *Природа (син)* есть качественная характеристика вещей, не только отличающая данную вещь от всякой другой, но и определяющая ее цель и назначение. Отсюда представление, что всякая вещь выполняет свою особую функцию в целостном организме Вселенной, занимает в ней свое место, благодаря чему и достигается общая гармония. – *21.*

[21] *...кончик осенней паутинки* – самая малая материальность, по представлениям древних китайцев. Наделяя даже ее разумом, авторы «Хуайнаньцзы», таким образом, подчеркивают идею разумности природы (ср. прим. 31 к гл. 2; см. также прим. 176 к гл. 3). – *22.*

[22] *...четыре времени года* (*сы ши*) понимаются в «Хуайнаньцзы» как воздушные потоки, попеременно сменяющие друг друга во Вселенной (подробнее см. начало гл. 3); *...пять первоэлементов* (или стихий) – вода, земля, огонь, металл, дерево. – *22.*

[23] *Радуга* и необычные небесные явления считались следствием нарушения небесной гармонии и потому дурными предзнаменованиями. См. также текст ниже, с. 39. – *22.*

[24] *Дао,* таким образом, является причиной изменений, но оставляет для них возможность свободного развития. – *22.*

[25] *...наступает время* – поскольку все происходит во взаимосвязи, то и всякое изменение возникает в определенный момент, «откликаясь» на момент. Смысл всей этой фразы в подчеркивании объективной природы *дао* и неправомерности идеи какой-либо его персонификации. – *22.*

[26] В этих строках подчеркнут нетелесный характер *дао.* – *22.*

[27] Комментатор поясняет, что поскольку движение *дао* возбуждает отклик, постольку и говорится, что оно «не пустое». – *22.*

[28] Становиться *твердым* – значит также сгущаться, становиться *мягким* – разрежаться; однородные массы *инь* ассоциируются с тяжелым воздухом, массы *ян* – с легким, *дао* «опускается», как опускается холодный воздух *инь,* и «поднимается», как поднимается теплый воздух *ян.* Все вместе передает процесс круговорота в природе, с которым *дао* движется в едином ритме. – *22.*

[29] Согласно комментарию Гао Ю, *Фэн И* и *Да Бин* обрели *дао* и могли управлять *инь-ян.* – *22.*

[30] Букв. «дальше полюсов». – *22.*

[31] *...не оставляли следов.., не оставляли тени,* т.е. они стали бестелесными, как само *дао.* – *22.*

[32] Букв. «оперлись, раскачались и взвились вверх, как по спирали бараньего рога» – известный даосский образ (ср.: Чжуанцзы 2; Атеисты.., с. 136). – *22.*

[33] Китайский Олимп, где обитали небожители. – *22.*

[34] *Чанхэ* и *Небесные врата* – и то и другое – врата неба. Согласно комментарию, за Чанхэ начиналось восхождение на небо, за Небесными вратами была резиденция Верховного Владыки (Шан-ди). – *23.*

[35] Мудрец, обретший *дао.* – *23.*

[36] *Творящее изменения (цзаохуачжэ)* – в зависимости от контекста, *дао* или Единое. – *23.*

[37] Букв. «цельность» *(цюань).* Как термин «целое» означает структурное целое, в котором все его части необходимо присутствуют, а удаление одной из них сопряжено с разрушением целого Таково и человеческое тело, действующее как живой организм. Отсюда часто встречающиеся рекомендации хранить свое тело в целостности, что означает не столько физическое совершенство, сколько правильную соотнесенность души и тела, ума и чувств и пр. – *23.*

[38] Ср. первую фразу данной главы и см. прим. 1. Мудрец, таким образом, уравнивается с самим *дао.* – *23.*

[39] Совмещение покоя и движения есть свойство *дао* и уподобляющегося ему мудреца. – *23.*

[40] Речь идет о высшей, по «Хуайнаньцзы», форме познания, доступной только мудрецу. Он порывает с иллюзорностью внешних впечатлений, доставляемых ощущениями, и находит опору в разуме *(шэнь),* единственно дающем истинное знание. Конечная форма восхождения разума есть его объединение «в одно» с *дао.* – *23.*

[41] *...восьми тяжей (ба хун)* – Гао Ю говорит, что это веревки, которыми опутаны как сетью небо и земля и которые составляют их внешнюю сторону; *...девяти сторон* – здесь восемь пределов (см. выше, прим. 1) и центр. – *23.*

[42] Букв. «рукоять необходимости *дао*», т.е. то, что указывает мудрецу «необходимый» путь вещей. – *23.*

[43] Зеркало – распространенная метафора у даосских философов: его чистой спокойной поверхности, точно отображающей вещи, уподобляется сердце мудреца. См. также прим. 47 к гл. 2. – *23.*

[44] Смысл данного фрагмента в целом заключается в следующем. Зеркальное отражение, эхо и тень являются лишь подобием отображаемого и полностью находятся во власти своего оригинала, с непреложностью подчиняясь его изменениям. Так и вещи подвластны направляющей их силе *(дао)* и потому не нуждаются во вмешательстве человека. – *23.*

[45] *...природный закон [внутренней соотнесенности]* – перевод термина *тяньли.* Этот термин (и ряд подобных, таких, как *ли, даоли*) отражает представление древних даосов о таком устройстве мира, в котором целое и части несут в себе определенные и соотносимые друг с другом параметры, обеспечивающие не только целостность всей системы, но и ее правильное функционирование. Искусственное изменение этих внутренних природных параметров ведет к сбою работы отдельного звена («вещи») и всей системы в целом. Наоборот, следование этим параметрам стимулирует не только природный процесс, но и человеческую деятельность во благо целого. Эти построения древних философов находят аналогию в положениях современной науки синергетики, «которая занимается изучением систем, состоящих из большого числа частей, компонент или подсистем, сложным образом взаимодействующих между собой» (см.: *Кудрявцев И.К., Лебедев С.А.* Синергетика как парадигма нелинейности // Вопросы философии. 2002. № 12). – *23.*

[46] Иными словами, *кто постиг дао* (или овладел *дао*, воплотил *дао* и др), тот *не меняет* естественного на искусственное. – *23.*

[47] «*Природное чувство*» – *цин;* как и другие термины в «Хуайнаньцзы», *цин* имеет несколько значений: чувство, ощущение, а кроме того – «природное чувство», чутье. Последнее значение выводится из представления о живущем внутри «вещей» некотором подобии внутреннего компаса, указывающего на отклонение от должного, в терминологии памятника – от *дао*, т.е. правильного пути. Колебания этого «компаса» и ощущает человек («вещь»). В идеале это «природное чувство» должно находиться в покое, как стрелка компаса, когда человек движется в правильном направлении (подробную разработку категории *цин* см. в гл. 10). – *23.*

[48] *«Небытие», у,* фигурирует в тексте памятника в нескольких значениях. Смысл фразы в том, что, хотя мудрец независим от непостоянного мира вещей и стремится к вечному и «постоянному», ему без труда доступно все в мире телесном, поскольку этот мир определяется нетелесным. – *24.*

[49] Имеется в виду природное (*тянь*), а не космическое *время* (в сочетании *юйчжоу* – Пространство-Время). Поэтому и говорится о его «отдыхе». – *24.*

[50] Кит. *цзюй* (чаще – *бэй*) – термин, лежащий в одном ряду с цельностью и полнотой. – *24.*

[51] Кит. *шу* – «число», «считать», «рассчитывать». *Мера* имеет и другой терминологический вариант – *ду.* Мера есть соблюдение определенных пределов, недопущение крайностей. – *24.*

[52] *Чжань Хэ* (или Дань Хэ) и *Цзянь Юань* – согласно комментарию, знаменитые рыболовы (о Чжань Хэ см. также: Лецзы 59, 90, 95, 125–126). – *24.*

[53] *Вороний лук* – лучший лук, которым Охотник И убил девять из десяти солнц-воронов, некогда одновременно появившихся на небе и тем вызвавших мировую катастрофу. *Стрела из циского бамбука с опереньем из Вэй* – лучшая из стрел, изготовленная из бамбука в царство Ци. *Охотник И* – герой солярных и богоборческих мифов, который своим искусством стрельбы из лука спасал землю от бедствий. *Фэн Мэн* – ученик Охотника И. – *24.*

[54] *Бесформенный образ* – здесь *дао.* – *24.*

[55] *Гунь* (Кит) – мифический борец с потопом, позже трактуемый в традиции как древний правитель. – *24.*

[56] *Юй* (Молодой Дракон) – сын и восприемник Гуня, также трактуемый в традиции как древний правитель. – *24.*

[57] *Коварные помыслы* – букв. «механические помыслы» *(цзи се).* Такое определение не случайно: все искусственное, включая и технические усовершенствования, отрицалось даосской школой, и здесь это привычная отрицательная характеристика.

Белизна (в ориг. три слова: «белизна, чистота и беспримесность») является важнейшим в эстетике «Хуайнаньцзы». Так обычно характеризуется идеальное состояние, присущее как Единому, небытию, *дао,* так и через посредство последнего – природе, мудрецу, разуму, когда они стремятся уподобиться совершенству Единого, небытия, *дао* (см., напр., наст. изд., с. 26). – *24.*

[58] *И Инь* и *Цзао-фу* – знаменитые легендарные советники правителей. Цзао-фу (Отец Цзао) известен как искусный возничий. Управление колесницей и правление государством, правитель и возни-

чий часто выступают синонимами в рассуждениях на тему об искусстве управления (ср наст изд , с 153–154) – *24*

[59] *Искусство* в «Хуайнаньцзы» понимается как особый вид знания и так же как знание, имеет ступени Положительная или отрицательная трактовка искусства зависит от того вида искусства о котором идет речь в каждом конкретном случае Подробнее см *Померанцева Л Е* Поздние даосы , с 84–91 – *24*

[60] *Ли Чжу*, согласно легенде, славился необыкновенно острым зрением *Наставник Куан* (или Мастер Куан, Ши Куан) – легендарный слепой музыкант, обладавший исключительно тонким слухом Сила его искусства была такова, что ей подчинялись духи и природные стихии (см наст изд с 108) О *гармонии восьми ветров* и их соотнесенности с музыкальными звуками см прим 62 и слт к гл 3 – *25*

[61] *Равновесие* в своей высшей форме есть свойство небытия, *дао*, Вселенной, а потому является одним из тех идеальных состояний наряду с покоем, гармонией, мерой и пр , к которым стремится мудрец – *25*

[62] *Священный земледелец* (Шэньнун) почитался как бог земледелия – *25*

[63] *Сюнну* – северные племена *У* и *Юэ* – южнокитайские царства – *25*

[64] Повинуясь своей природе *(син),* всякая вещь способна самоопределяться стремясь к полезному и избегая вредного Под действием этого внутреннего безотчетного побуждения она находит для себя, как говорится в тексте, «удобное» *(и, бянь),* «подходящее» *(и),* «соответствующее» *(ши)* – *25*

[65] Т е все свершает необходимый круг оборот, расцветает и увядает, приспосабливается к условиям и живет руководимое внутренней силой естества (*цзыжань*) – *25*

[66] Горная гряда, состоящая из *девяти пиков* причудливой формы Их похожесть друг на друга давала средневековым комментаторам пищу для этимологических опытов (одно из отождествлений – гора Девять сомнений) Находится в совр пров Хунань – *25*

[67] Данное понятие выражается целым рядом слов *цун, шунь, инь, суй, фа* и др Все в мире устроено таким образом, что предполагает *следование* одного другому Все, что стоит иерархийно ниже, следует тому, что стоит выше Так, у Лаоцзы говорится «Человек следует земле, земля следует небу, небо следует *дао,* а *дао* следует естественности» (§ 25) В данном фрагменте приспособление вещей к внешним условиям также толкуется как следование Точно так же к следованию относится и уважение чужих обычаев и законов – *26.*

[68] Букв «Гусиные ворота» – горы на северо-западе нынешней провинции Шаньси Название происходит якобы оттого, что две горы стоят так, что образуют пролет для перелетных птиц – *26*

[69] Букв «удобство» (*бянь*) – *26*

[70] *Цзян* – в древних текстах название р Янцзы, *Ци* – река в совр пров Шаньдун, *Вэнь* – река в совр пров Шаньдун *26*

[71] Термин *«прозрачная чистота» (цин цзин)* стоит в одном ряду с такими, как «белизна» «чистота» и «беспримесность», здесь только специально подчеркнуто еще одно свойство, а именно прозрачность ясной и ровной водной поверхности – *26*

[72] Этот образ принадлежит сфере религиозной мифологии, которая складывается в конце древности имеется в виду способность даосского мудреца достигать такого состояния, когда он может в прямом смысле «пронзать облака» – *26*

[73] *Частицы цзин* являются как бы квинтэссенцией животворного эфира *ци,* наполняющего и оживляющего Вселенную В природе из них состоят солнце, луна, звезды, гром и молния, ветер и дождь, в человеке они сконцентрированы в «пяти внутренних органах» – *26.*

[74] Гао Ю справедливо уточняет – «строят» (*чжи* букв значит «упорядочивать») – *26*

[75] *Гунгун* (Ведающий Разливами – в пер Л Д Позднеевой, Бог разливов – в пер Э М Яншиной) – мифический титан, который боролся за владычество и стал причиной мировой катастрофы Вариант мифа о борьбе Гунгуна за владычество см в начале гл 3 Подробную сводку сведений о нем см *Сыма Цянь* Исторические записки Т 1 С 234–235 *гора Щербатая* (Бу чжоу) – гора на северо-западе Китая *Гао Синь* – мифический правитель – *27*

[76] *Наследник* царя Юэ, не желая занимать престол и не будучи в состоянии противостоять упорству своих подданных, непременно хотевших возвести его на царство, бежал в горы Однако юэсцы нашли его и там Этот эпизод использован и в «Чжуанцзы» См Атеисты , с 286 – *27*

[77] *Шунь*, или юйский Шунь, – мифический правитель китайского «золотого века», простолюдин, возведенный Яо на престол за добродетели *Ли* – название горы в совр пров Шаньдун – *27.*

[78] Выражение *«хуа. жо шэнь»* равно по смыслу другому *«шэнь юй хуа ю»* («разум сопутствовал изменениям», см начало главы) Тонкость заключается в том, что *шэнь* кроме всего прочего значит еще и «дух», «бог», а это уже область мифологии, мира всеобщей одушевленности вещей Но дело еще и в том, что в настоящем тексте «бог» фактически заменяется на *Дао,* которое и выступает властелином всех мировых процессов, так что теперь это только образное выражение, смысл которого в том, что *дао* управляет процессом становления, и человек не должен в него вмешиваться – *27.*

[79] *То дао, которое нельзя выразить [словами]* (бу дао чжи дао) – аллюзия на § 1 «Дао дэ цзин» «*Дао,* которое может быть выражено словами, не есть постоянное *дао*» (пер Ян Хиншуна) – *27*

[80] *Саньмяо, племя Крылатых, государство Нагих, сушэни* – некитайские племена, которые, по преданию, покорились мудрости мифических китайских правителей О *саньмяо* (или «Трех *мяо*») см также прим 77 к гл 4 – *27.*

[81] *Корень (бэнь) и верхушка (мо)* – здесь синонимы «внутреннего» и «внешнего» – *27.*

[82] Т е постигать внешний мир, но не давать ему власти над собой – *27*

[83] Мудрец очищает свое сердце от всего, что связывает его с вещным миром, и так соединяется в одно с природой Ее движение и есть то «должное», на что он «откликается» – *27*

[84] В первом случае имеется в виду вежливая форма речи, при которой говорящий, хотя бы и принадлежащий к благородному сословию, называет себя именем подлого сословия (русское «Ваш раб» и пр) Во втором случае имеется в виду аналогия с постройкой ее нижняя часть служит основанием для верхней – *28*

[85] Как уже говорилось, искусство в «Хуайнаньцзы» понимается как особый вид знания *Искусство Одного* есть по существу познание Одного Одно в разных контекстах может быть понято как единица - начало отсчета, и как *Дао*, ведающее началом и концом всего сущего, и как Единое – стоящее вообще особо от всего сущего, чаще это *тай и* – «Великое Единое» Законом Одного-*Дао* является *ли* – ограничивающее представление о всеобщей соотнесенности вещей – *28*

[86] Реминисценция из Лаоцзы «Твердое и крепкое – это то, что погибает, а нежное и слабое – это то, что начинает жить» (Дао дэ цзин, § 76, пер Ян Хиншуна) – *28*

[87] Вельможа в царстве Вэй, ученик Конфуция – *28*

[88] *Колокольцы* вделывались в рукоять оружия – *28*

[89] Т е «уподобляются», «в точности совпадают» с изменениями, или «вписываются» в поток становления *28*

[90] Мера длины, около 30 см или десять вершков (*цуней*) – *29*

[91] Речь идет о борьбе мифического героя *Юя* (см выше, прим 56) с потопом *29*

[92] Сравнение с *водой* не случайно Среди пяти первоэлементов свойства воды (ее бесцветность, пресность, вездесущность и пр) должны были в первую очередь привлечь внимание тех, кто искал материальную первооснову бытия Конкуренцию ей мог составить только воздух, впоследствии – эфир (*ци*) – *29*

[93] Почти точная цитата из «Дао дэ цзин» (§ 43) – *29*

[94] В «Хуайнаньцзы» различаются несколько видов существования бесформенное, или нетелесное *(усин),* – таково небытие Единое, *дао* и все, что относится к области «внутреннего» (напр , гармония, внутренняя структура вещей и пр), «имеющее образ» *(сян)* – таковы свет, который «можно видеть, но нельзя зажать в ладони» и вода, «которой можно следовать, но нельзя ее уничтожить», и, наконец, телесное, «имеющее форму» *(юсин)* – такова вся тьма вещей То, что существует в форме образа, соединяет в себе качества нетелесного и телесного миров и занимает между ними промежуточное место, одновременно принадлежа тому и другому миру, таково, в частности, *дао* (см наст изд , с 117, 238 239) – *30*

[95] Ср в «Дао дэ цзин» «Тридцать спиц соединяются в одной ступице, но употребление колеса зависит от пустоты между ними (спицами) Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них Вот что значит полезность бытия и пригодность небытия» (§ 11) – *30*

[96] См выше, прим 41, подробнее см гл 3 – *30*

[97] Т е оно само по себе ни из чего не происходит и ничем не питается («нет корня»), хотя имеет нечто от себя производное («есть листья») *30*

[98] Т е *дао* связано каким-то образом с этим Единым – *30*

[99] Речь явно идет о благе как свойстве *дао* *30*

[100] Эта характеристика представляет собой своего рода общее место (ср наст изд , с 37, 232 и др) а по существу есть перифраз определения «бестелесное» «бесформенное» – *30*

[101] Т е Поднебесная (имеется в виду весь мир) есть сочетание и синтез телесного и нетелесного, внешнего и внутреннего, материального и идеального – *30*

[102] *Пять тонов* 5-ступенного звукоряда – это *гун, шан, цзяо, чжи, юй, пять вкусов* – острый, кислый, соленый, горький, сладкий, *пять цветов* – синий желтый красный, белый черный *30*

[103] Здесь *ли* см выше прим 45 – *30*

[104] «Совершенный человек» *чжи жэнь* – одна из дефиниций мудреца наряду с *шэн жэнь* – «мудрец», *чжэнь жэнь* – «естественный человек» «Мудрец» обычно уподобляется самому *дао* и причастен как миру вечному, так и становлению «естественный человек» полностью выходит за пределы становления (ср наст изд , с 120–122) «Совершенный человек» в «Хуайнаньцзы» может в разных контекстах выступать как «мудрец» (в том числе как мудрец на троне) и как «естественный человек» (ср наст изд с 127) См также прим 40 к гл 2

Перевод *цунмин* как «слух и зрение» не вполне точно отражает содержание понятия *Цунмин* означает букв «способность умозаключать на основе услышанного *(цун)* и увиденного *(мин)*» *Внешние украшения (вэнь чжан)* – здесь искусственность, противополагаемая естественной простоте – *31*

[105] *Размышления и знания* связаны с сердцем как органом чувственного познания поэтому и отвергаются мудрецом См след прим – *31*

[106] *пять внутренних органов* (сердце, печень, почки, легкие, селезенка) являются хранилищем частиц *цзин*, благодаря которым человек способен чувствовать и мыслить Сердце, кроме того, хранит и сверхтонкие частицы *шэнь*, придающие ему небесные свойства Поэтому сердце – «господин пяти внутренних органов» Подробнее см в нашей работе «Поздние даосы » (наст изд , с 387 и далее) См также прим 7 к гл 5 – *31*

[107] Кит *сюань фу*, букв «сокровенное хранилище» – здесь имеется в виду *дао* как всеобщий оберег – *32*

[108] *Цзинтай* и *Чжанхуа* – известные в царстве Чу башни, *Облачные сны* (Юньмэн) – озеро в царстве Чу, *Песчаные холмы* (Шацю) – согласно комментарию, башня времен иньского Чжоу *Девять мелодий* – музыка мифического Шуня, *шесть тонов* – музыка мифического Чжуаньсюя, бога воды, тьмы и севера – *32*

[109] Т е следуют *инь-ян* – *32*

[110] Ученик Конфуция – *32*

[111] Т е под деревом, дающим мало тени и не защищающим от жары – *32*

[112] История этой *мелодии* известна нам из «Хань Фэйцзы» (гл «Десять ошибок», см *Иванов А* Материалы по китайской философии Введение Школа фа Хань Фэйцзы СПб , 1912) Ее варианты популярны в текстах конца древности, поскольку уже с IV–III вв до н э ее тема связана с полемикой вокруг «новой музыки» (*синь инь*) Эта «новая музыка» противопоставлялась канонической, считалась безнравственной, порочной (*инь*) и угрожающей существованию самого государства Появление этой мелодии возводится ко временам иньского Чжоу Синя, который якобы услышал ее случайно на берегах реки Пу и повелел записать своему музыканту Впоследствии государь царства Цзин Пин-гун принудил легендарного Мастера Куана сыграть ему ее несмотря на предупреждение об опасности этого действия, и в результате Пин-гуна поразила немощь, а царство его три года не могло освободиться от засухи *Чжаогэ* (Утренняя

песнь) – название иньской столицы Есть и другие варианты перевода названия этой мелодии (см , напр *Сыма Цянь* Указ соч , т 1, с 296, прим 101, 102) – *32.*

[113] Кит *шэньци,* букв «вместилище духа» – *33*

[114] Цитата из «Дао дэ цзин» (§ 29, ср пер Ян Хиншуна) – *33*

[115] *Яо,* или танский Яо (названный так по месту правления) – мифический правитель китайского «золотого века» С рассказа о борьбе Яо с потопом начинается каноническая «Книга преданий» *Сюй Ю* – его советник, согласно даосской традиции, даосский мудрец чем и объясняется его отказ принять трон – *33*

[116] *Истинное* и *ложное* (*ши фэй*), по «Хуайнаньцзы», – понятия относительные, мнения, и не имеют отношения к действительной истине, которая в отличие от них «постоянна» *(чан),* т е вечна и неизменна Под *сокровенными вспышками,* вероятно, имеются в виду небесные явления типа мерцания звезд либо «падающих» звезд, происхождение которых для тех времен таинственно Здесь, по-видимому, подразумевается также их мгновенное появление и исчезновение – *34*

[117] *Скачки на знаменитых скакунах* – в ориг букв. «скачки на знаменитом скакуне Яоняо», который в день мог пробежать десять тысяч *ли «Колыхающиеся перья»* и *«Боевые слоны»* – ритуальные танцы времен царя Воинственного (У-вана), правившего, согласно традиции, с 1122 по 1116 г до н э *Музыка Чжэн и Вэй* – мелодии и песни царств Чжэн и Вэй, по выражению Цзи Кана (III–IV вв), «самые красивые , самые прекрасные, которые воодушевляют и трогают людей» (цит по Литература древнего Востока Под ред Н И Конрада , с 378), но это мнение средневекового автора, а на протяжении древности, начиная с самого Конфуция, эта музыка порицалась как порочная Причина - в неприятии каноном новой эстетики, центром распространения которой были южные царства (ср прим 9 к гл 2) – *34*

[118] Букв в «пружину неба» (*тянь цзи*), или небесную «механику» – *34*

[119] Целостность мудреца и его единство с природой столь же естественны для него, как для птиц их голоса – *34*

[120] Т е всякая вещь, рождаясь, получает одновременно со своей материальной формой и «природу» *(син),* и «судьбу» *(мин),* определяемую свойствами вещи – *35.*

[121] *Циркуль и угольник крюк и отвес (шнур),* в других контекстах *уровень и отвес* – упоминание этих плотницких инструментов в даосских текстах служит, как правило, намеком на конфуцианский, с точки зрения даосов, ограниченный взгляд на мир как на нечто поддающееся измерению и разметке. Такому взгляду противополагается представление о неизмеримости, необъятности и беспредельности мира Оппозиция измеримого и неизмеримого всегда подразумевается в случае употребления этих выражений, даже если явно не выражена В данном случае имеется в виду, что не всякий круг и квадрат, кривая и прямая могут быть измерены каким бы то ни было инструментом (см также прим 160 к гл 3) – *35*

[122] По преданию, Шунь сокрыл *золото в горах* Цзиньянь, а *жемчуг – в пучине* у Пяти озер, чтобы пресечь злостное стяжательство – *35*

[123] Словом «воля» переводится гермин *чжи* Как все термины

этого ряда воля воспринимается авторами «Хуайнаньцзы» как нечто материальное, что может пребывать в каком-то месте или оставлять это место, устремляясь к другому – *35*

[124] Т е быть одновременно и в покое, и в движении, уравновесить покой и движение – *36*

[125] Т е он следует *дао* во всех изгибах, как складки одежды – телу, а на изменения реагирует мгновенно и точно, подобно *пуску стрелы* – *36*

ГЛАВА ВТОРАЯ

[1] Цитата из «Чжуанцзы» (12–13, Атеисты , с 143) – *37*

[2] Поскольку *Свет* относится к миру образов, то он причастен как бытию, так и небытию – *38*

[3] Фрагмент в целом известен по «Чжуанцзы» (Атеисты с 143, 251) – *38*

[4] То же см в «Чжуанцзы» (40, Атеисты , с 163) – *38*

[5] Ср вариации на эту тему в «Чжуанцзы» (16–17, Атеисты , с 145–146) – *38.*

[6] Некий человек из царства Лу (комментарий Чэнь Гуанчжуна) – *38*

[7] Ср наст изд , с 22 и прим 23 к гл 1 – *39*

[8] Фрагмент представляет собой типичную даосскую утопию, хорошо известную еще из «Чжуанцзы» (см , напр , 77, 195, а также Лецзы 14, Атеисты , с 53 и др) – *40*

[9] Имеются в виду *обряды* и сопровождающая их обрядовая *музыка*, предписываемые конфуцианским каноном («Книгой обрядов» – «Ли цзы») И то и другое должно было закреплять и оформлять комплекс этических норм и поведенческих правил, среди которых важнейшими полагались «милосердие» (*жэнь*) и «долг-справедливость» (*и*) (см. текст ниже, а также гл. 10 и прим 6 к с. 172) Конфуцианскому «благородному мужу» (ср vir bonus Цицерона) должны были быть свойственны милосердие, следование «долгу-справедливости» (*и*), «обряду» (или ритуалу – *ли*), «знание» в специфическом для конфуцианства значении, мужество (*юн*) (подробнее см · Литература древнего Востока Тексты, с 221–222) Сфера действия этих добродетелей – семья, община и государство, понимаемое как большая семья. – *40.*

[10] Имеется в виду скрупулезная регламентация каждого движения и жеста в культивируемом конфуцианцами обряде, лишающая, по мнению авторов, поведение естественности – *40*

[11] Фраза имеет отрицательный оттенок потому, что истинный мудрец стоит выше вещного мира и вследствие этого не обременяет себя познанием сути отдельных вещей – *40.*

[12] *«Белый снег»* – чарующая мелодия знаменитого Наставника Куана, *«Чистый рог»,* по-видимому, одна из столь же знаменитых в свое время мелодий – *40.*

[13] *Чжуншань* – другое название Куньлуня – *40*

[14] Спор о том, следует ли пожертвовать собственным *волоском* ради пользы *Поднебесной*, имеет давнюю традицию в истории (Атеисты , с 23–24, 112–113). – *40.*

[15] Т е. пребывает там, где идет творение вещей, однако не подвластен становлению – *40*

[16] *Мэнмэнь* – одна из девяти главных гор Поднебесной, ущелье в горах Тайхан; см. также гл. 4. *Чжунлун,* или Чжуннань, – гора, ее главный пик находится к югу от г. Сиань пров. Шэньси. – *40.*

[17] *Люйлян* – река и водопад в Пэнчэне (на месте совр. г. Сюйчжоу, совр. пров Цзянсу). – *40.*

[18] *Великий хребет* (Тайхан) – горный хребет, протянувшийся с севера на юг по совр. пров. Шаньси; *Горные потоки* (Шицзянь) – глубокий горный ручей; *ущелье Летающей Лисицы* (Фэйху) – горный проход в отрогах Тайхана; *Гоуван* – одно из названий гор Яньмэнь, расположенных в совр. пров. Шаньси. – *40.*

[19] Т.е., уйдя от мира, не может забыть его забот. – *41.*

[20] Эти два существа по природе своей одновременно и противоположны (дракон – божество дождя, змея – поглотитель воды), и едины (дракон – та же змея), и каждое из них может являться в обеих этих ипостасях. Таким образом, *дао,* находясь в покое, может соединять в себе противоположные качества, являясь то в одном, то в другом. То же – уподобляющийся ему мудрец. О мифологии драконов-змей в Китае см.: *Яншина Э.М.* Мифология Древнего Китая. Канд. дисс. М.,1965. С. 156–172. – *41.*

[21] *Девять врат* служили входом к «девяти небесам»... *шесть дорог* – то же, что шесть сторон света (см. прим. 5 к гл. 1). – *41.*

[22] Один из примеров отступления авторов от «чистой» теории в пользу признания возможности для себя и своих современников занятий делами: как и в 1-й гл , утверждается право на деятельность, если она движется в русле *дао.* – *41.*

[23] *Гороховое дерево и вяз* – северные растения, *померанцы и пумело* – южные. *Юмяо* – государство на юге, *Саньвэй* – гора на западе. – *41.*

[24] *Ху* – северные «варвары», *юэ* – южные. – *41.*

[25] *Мо Ди, Ян Чжу, Шэнь Бухай* и *Шан Ян* – древнекитайские философы V–III вв. до н. э. – *41.*

[26] Отлитые сяским Юем *девять треножников* (по числу составляющих Поднебесную областей) передавались из династии в династию как символ власти. Здесь они названы *чжоускими* по имени последней владевшей ими династии Чжоу (XII–III вв. до н. э.). – *42.*

[27] Истинную ценность имеет только то, что «не переплавляется», что не подвержено изменению. Второстепенную ценность имеют вещи, возникающие естественно, в процессе творения природы, и последнее место в этой иерархии занимают вещи, сделанные руками человека, – *вещи правильной формы* – *42.*

[28] Речь идет о *дао,* которое само, не будучи вещью, творит все многообразие вещей: так и *облака* проливаются дождем и увлажняют вещи, сами не будучи влажными (по тогдашним представлениям). – *42.*

[29] *Си Чжун* – легендарный изобретатель колесниц. *Бо Лэ* – легендарный знаток коней, живший якобы в VII в. Иными словами, люди не могут быть одинаково искусными ни в разных областях, как Си Чжун и Фэн Мэн, ни в близких, как Цзао-фу и Бо Лэ, – они искусны только в какой-нибудь одной сфере. – *42.*

[30] Т.е. в земной мир. – *42.*

[31] *Осенняя паутинка* и *тростниковая пленка* – самые тонкие и малые вещи в Поднебесной. Здесь, по-видимому, под ними подра-

зумевается человеческий разум, способный проникать в «небытие», т.е. за грань чувственного мира, и вновь возвращаться в область реально осязаемой действительности (см. также прим. 21 к гл. 1). *Дао* же не обладает и этой тонкостью, однако способно не только странствовать в беспредельном, но и творить сами вещи. – *42.*

[32] *Господа и слуги* – калька с китайского выражения *цзюнь-чэнь*, которое имеет широкий спектр смыслов: государь и подданные, высшие и низшие, господин и служащие ему – в зависимости от контекста значение приобретает та или иная пара, а порой и все вместе. – *43.*

[33] Данный фрагмент представляет собой отголоски давней полемики, шедшей между даосами и конфуцианцами. Следы ее есть в «Чжуанцзы» (57, 177) и в «Мэнцзы» (Гаоцзы, ч. 1, § 1). Конфуций и особенно его последователи (в лице, в частности, Мэнцзы) настаивали на том, что человеческая природа необходимо нуждается в исправлении. Даосы, как всегда, отстаивали неприкосновенность как всей природы в целом, так и отдельных ее «вещей». И те и другие в этом споре использовали пример с *жертвенной чашей*. – *43.*

[34] Здесь то же, что частицы *цзин* (см. прим. 73 к гл. 1). – *44.*

[35] Букв. *дао шу*. – *44.*

[36] *Три источника* – самые глубокие подземные воды. – *44.*

[37] *Фэйлянь* – сказочное животное, полузверь-полуптица. *Дуньу*, согласно комментарию, – род тигра. – *44.*

[38] По древнекитайским мифологическим представлениям, на небе живут *десять солнц*, которые восходят по очереди в каждый день десятидневного цикла. – *44.*

[39] *Куафу* (Отец Цветущего, в пер. Э.М. Яншиной) – мифический герой. Одна из версий «Каталога гор и морей» о нем рассказывает: «В Великой пустыне есть гора... [Она] держит на себе Небо. На ней живет человек. В ушах у него продеты две желтые змеи, пару желтых змей он держит в руках. Имя его – Отец Цветущего (Куа-фу). ...Отец Цветущего не рассчитал сил и захотел догнать солнце. [Он почти] догнал его на закате в Долине Обезьян, кинулся к Большому озеру, но не дошел и умер здесь...» (Каталог.., с. 124). См. также прим. 90 к гл. 4. *Мифэй* – по одной из версий, богиня реки Ло. *Небесная Ткачиха* – одна из звезд созвездия Лира; по преданию, Небесная Ткачиха ткет утреннюю зарю. – *44.*

[40] Здесь следует обратить внимание на различение *мудреца, естественного человека* и *достойного* (*сянь жэнь*). Похожее рассуждение см. в «Чжуанцзы» (Атеисты.., с. 280–281). См. также прим. 104 к гл. 1. – *44.*

[41] *Желтый предок* (Хуан-ди) – мифический герой, впоследствии представлявшийся древним правителем, изначально бог земли. Его имя ассоциировалось с цветом земли на лёссовом плато в очаге китайской цивилизации – долине р. Хуанхэ (Желтой реки). Адепты даосского вероучения почитают Желтого предка наряду с Лаоцзы. – *44.*

[42] *Кунь У* – согласно традиции, зафиксированной в «Люйши чуньцю», изобретатель гончарного искусства. См также: Каталог гор и морей, с. 116, 168. – *44.*

[43] Династия *Чжоу* правила с XII по III в. до н. э. – *45.*

[44] *Песни* и *Предания* – два древних свода, впоследствии вошедшие в конфуцианский канон под названиями соответственно «Книга песен» («Шицзин») и «Книга преданий» («Шуцзин»), с давних пор

были основой образования в Китае, а со II в. до н. э. включались в обязательный экзаменационный минимум. – *46.*

[45] *...обряды возвышающие и принижающие* – зафиксированные «Книгой обрядов» правила поведения, устанавливавшие строгую социальную иерархию в семейных, общественных и государственных отношениях; *...платья с поясами и шапки* – предписываемые этими обрядами платье и головной убор в зависимости от положения, места и времени. – *46.*

[46] *...пучина ума* – в ориг. *чжи чжи юань*, где первое *чжи* – ум. – *46.*

[47] В древнем Китае *зеркала* были двух типов: бронзовое блюдо (бронзовые зеркала) либо чаша, наполненная водой (водяное зеркало). Здесь имеется в виду первый тип зеркал, отражающая поверхность которых была тщательно отполирована. – *47.*

[48] Это устойчивое выражение равно в сущности двум другим бытие рождается в небытии, сущее берет начало в пустоте. – *47.*

[49] Цитата из «Чжуанцзы»; комментатор «Чжуанцзы» Ван Сяньцянь поясняет: *пустое жилище* – сердце, *свет* – *дао* (см. кит. изд., 24; Атеисты.., с. 151, у Л.Д. Позднеевой перевод иной). В основе образа – картина темной комнаты, которая освещается лучом света, проникающим в нее через приоткрытую дверь. – *47.*

[50] Близко к выражению «Лецзы»: «...порождающий вещи не рождается, изменяющий вещи не изменяется» (1–2; Атеисты.., с. 43). И здесь и там имеется в виду *дао*, сообщающее всему движение и жизнь (а следовательно, и смерть), само же не подверженное законам мира форм и потому вечное. – *48.*

[51] *Лишань* – гора Ли, находится в совр. пров. Шэньси, к востоку от уезда Линьтун. *Четыре моря и девять рек* – по представлениям древних китайцев – все моря и все реки Поднебесной, т.е. Земли. – *48.*

[52] О *восьми ветрах* – см. гл. 3. *Ян А* – согласно комментатору, знаменитый в древности певец. *Загадка ожерелья* – известный в древности эпизод в дипломатической борьбе между царствами Цинь и Ци: когда на царском приеме посол Цинь предложил цисцам неразрешимую задачу – разъять ожерелье, цисцы решили эту задачу неожиданно просто – разбили ожерелье молотком. – *48.*

[53] *Цин* – название ударного музыкального инструмента, издающего звуки, похожие (по свидетельству философа Сюньцзы) на текущую воду. На самом деле в тексте нет слова *цин*, а есть выражение «нефритовый камень». Словом «камень» (или «каменный» – *ши*) обозначали в древности и сам звук, издаваемый «камнем». Всего различали восемь звуков, воспроизводимых инструментами из металла, камня, земли, кожи, дерева, тыквы, бамбука и струнами из шелковых нитей. Поскольку здесь речь идет об улавливании звуков «нефритового камня», то переводчики (в частности, Чэнь Гуанчжун) переводят это сочетание как «нефритовый *цин*». – *49.*

[54] Считалось, что падение нравов сказывается на свойствах священных и особо почитаемых предметов, каковыми считались упоминаемые здесь *девять треножников, жемчуг и нефрит*. – *49.*

[55] По преданию, во время усмирения потопа мифическим Юем река *Хуанхэ* выбросила *карту* рек, с помощью которой *Юй* и сориентировался, а *река Ло* выбросила письмена, содержавшие некий таинственный смысл, разгадку природы. Как Яо уступал Поднебесную *Сюй Ю*, так и его преемник Шунь уступал ее *Шань Цзюаню* (Атеи-

сты.., с. 285). *Фан Хуй* – отшельник времен Яо, *Пии* (Учитель в Тростниковом Плаще) – учитель учителей Сюй Ю (там же, с. 189). – *49.*

[56] По преданию, *сяский Цзе* – последний правитель мифической династии Ся (3–2-е тыс. до н. э.). *Иньский Чжоу* (Чжоу Синь) – последний государь династии Шан-Инь (XVIII–XII вв. до н. э.). Казнь *у раскаленного столба* была изобретена Чжоу Синем и заключалась, по одной версии, в том, что человека привязывали к раскаленному металлическому столбу, по другой – в том, что его заставляли бежать по смазанному жиром и скользкому металлическому бревну и в конце концов он падал на раскаленные угли. – *49.*

[57] Есть несколько версий этого предания в разных древних памятниках (в «Люйши чуньцю», в «Исторических записках» Сыма Цяня). Время жизни этих *хоу* и *бо* относится к правлению иньского Чжоу Синя. По поводу причин казни есть несколько вариантов, но все они обеляют красавицу дочь гуйского хоу. – *49.*

[58] *Яо* – гора в совр. пров. Хэнань, *...три реки* – Цзин, Вэй (в пров. Ганьсу и Шэньси) и Цянь (берет начало в пров. Шэньси, впадает в р. Вэй). – *49.*

[59] *Лиян* – уезд в княжестве Хуайнань. – *50.*

[60] *Шаманок* (Ушань) – гора в пров. Сычуань. Из *гриба цзычжи* (другое название – *линчжи*) мудрецы делали дурманящий напиток. О *дереве гаося* аналогичных сведений как будто нет. Комментарий говорит, что это высокое дерево с плотной шелковистой древесиной белого цвета и что *гаося* и *цзычжи* – символы благородства, а *чернобыльник* и *полынь* – символы ничтожества. – *50.*

[61] Т.е. стал государем. – *50.*

[62] *Сицзы* – по одной из версий, изобретатель *самострела*, по другой – известный мастер, чьи самострелы были лучшими. – *50.*

[63] *Юэ* – древнее царство на юге Китая (части совр. пров. Шаньдун, Цзянсу, Аньхуй, Цзянси и Чжэцзян); *Шу* – древнее царство, находилось на территории совр. пров. Сычуань. – *50.*

[64] Шицзин (Книга песен) I 1, 3. – *50.*

[65] В кит. оригинале с. 34 – пустая. – *50.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В этой главе астрономия впервые представлена как отдельный предмет и впервые дано систематическое описание звездного неба и движения зодиакальных созвездий, планеты выделены в отдельный класс, определен год в 365 ¼ дня, как это и есть в ныне действующем солнечном календаре, а также зафиксирован факт использования циклических знаков для счета не только дней, но и лет. В главе содержится много ценных сведений, важных для истории науки о звездах, музыке, календаре. Хотелось бы указать на имеющуюся греческую параллель этому тексту — поэму Арата «Явления», в которой можно обнаружить сходство многих подходов в описании небесной сферы. См.: *Россиус А.А.* Художественный мир эллинистического поэта Арата из Сол Докт. дисс. М., 1996.

[1] Кит. *тай чжао,* букв. «первоначальный свет». – *51.*

[2] *Пустота и Туманность* – мифолого-философские образы-понятия. Туманность – кит. *ко* – букв. значит «влажная дымка после

дождя». Здесь и далее имеет место искусственная опоэтизация картины рождения мира, опирающаяся на, возможно, известные авторам текста мотивы и схемы и связанная с общей тенденцией ханьской эпохи к созданию «новой» мифологии (см. также гл. «Земные формы»). – *51.*

[3] *Ци* – первоначальная тонкая материальная субстанция, материальная первооснова мира, отождествляемая иногда с паром, дыханием, воздухом, эфиром, а также с греческим понятием «пневма» (автор этого соположения – А.И. Кобзев). – *51.*

[4] Здесь рождение четырех *времен года* (*сы ши*) предстает как следующая за *Инь* и *Ян* ступень «расщепления» единого *ци*: сначала на два, теперь на четыре рода. Одновременно формируются и дифференцируются их свойства. – *51.*

[5] *Чжуаньсюй* – бог тьмы, воды и севера. – *51.*

[6] *Гора Щербатая* находится на северо-западе современного Китая. – *51.*

[7] ...*туда* – т.е. с запада на восток, в этом направлении в Китае текут все реки, миф объясняет эту особенность китайского ландшафта. – *51.*

[8] Древние китайцы считали, что «вещи либо круглые, либо прямоугольные» (Математический трактат о чжоу-би, гл. 1. Комментарий Чжао Цзюньцина, III в.; цит. по: *Березкина Э.И.* Математика древнего Китая. М., 1980. С. 67). К «вещам» относились и самые большие вещи – небо и земля. «Небесные движения являются кругами» (там же), поэтому небесные измерения происходили на основе измерения окружности; земля, как плоскость, воспринималась в качестве прямоугольника, и соответственно строились измерения. – *51.*

[9] Имеются в виду *Тьма*, которая опускается на Землю ночью, и *Свет*, который дается Солнцем (в отличие от космических Тьмы и Света). – *51.*

[10] *Тень* понимается как поток *ци*, исходящий от объекта, как нечто, промежуточное между образом и формой. В различении тени «внешней» и «внутренней», вероятно, подразумевается то, что Солнце (т.е. Свет и производное от него – *Огонь*), будучи принадлежностью Неба, и Луна (т.е. Тьма и производное от нее – *Вода*), будучи принадлежностью Земли, рассматриваются по отношению друг к другу не только как верх – низ, но и как внешнее – внутреннее. Косвенно такого рода ассоциации могут свидетельствовать об имеющихся в то время догадках о шарообразности Земли (несмотря на существующее представление о Земле как прямоугольнике или квадрате). Ср. встречающееся в тексте утверждение о том, что бесформенное, «сыном» которого является Свет, а «внуком» – Вода, охватывает собою Небо и Землю. – *51.*

[11] Т.е. рождает новую форму, иными словами, Небо оплодотворяет, а Земля родит. – *51.*

[12] Здесь и далее делается попытка создания научной классификации животного мира на основе наблюдаемых признаков. – *52.*

[13] В комментарии Гао Ю уточняется: в день зимнего солнцестояния олени ми (Alces machlis), а в день летнего солнцестояния олени лу (Cervus sika) *сбрасывают рога.* – *52.*

[14] Такой перевод предлагает Гао Ю, букв. «течет», «вытекает» (*лю*). – *52.*

[15] *Янсуй* и *фанчжу* – приборы для добывания соответственно огня (от солнца) и воды (от луны). Для добывания огня брали медный таз или медное зеркало. В полдень, когда солнечные лучи падают прямо, к тазу подносили пучок полыни или палочку из дерева цзи, и они загорались. Для добывания воды брали раковину большого моллюска или тоже медный таз, которые в полнолуние выносили на воздух, сосуд отпотевал, и эту воду собирали. См. также прим. 7 к гл. 5. – *52.*

[16] Т.е. восточные *ветры*, которые дуют в направлении снизу вверх, из глубины ущелий к вершинам гор (прим. комментатора). – *52.*

[17] Возможно, это определение связано с тем, что Вода — тень (см. текст выше). – *52.*

[18] Так древние китайцы объясняли солнечные и лунные затмения. – *52.*

[19] Шелковичный червь, или *шелкопряд*, старея, выпускает золотистую нить, которая похожа на *серьгу* (комментарий Гао Ю). *Шан* – вторая ступень китайского 5-ступенного звукоряда. Здесь, как обычно, народные приметы, мифы, астрологические расчеты и данные реальных наблюдений составляют один ряд. – *52.*

[20] Комментаторы по-разному называют *фэн*: звезда-гость (Гао Ю, II в н.э.), текущая звезда (Го Пу, IV в.), бегущая звезда (Тао Фанци, XVII в.) и др., но ни один из них не дает ее координат (см.: *Чжан Шуанди*, т. 1, с. 260–261), современные словари просто отсылают к этому фрагменту «Хуайнаньцзы». *Бохай* – залив в северо-восточной части современного Китая. В древности с этим названием ассоциировалось представление о бездонной пропасти, в которую сливаются воды, приносимые реками в море. См.: Каталог.., с. 140. – *52.*

[21] Считалось, что между государем и космосом существует связь, и гнев государя или его неправые действия вызывают ответные возмущения в природе и космосе. – *52.*

[22] Т.е. императорские указы, связанные с хозяйственной и иной деятельностью, традиционно принимавшиеся в начале, середине и конце каждого из *сезонов*. Им специально посвящена гл. 5, носящая название «Сезонные распоряжения». – *52.*

[23] ...*девять полей* (*е*), или девять небес (*тянь*), – небесные пространства, представлявшиеся древним в виде слоев. Выражение «девять тысяч девятьсот девяносто девять углов (*юй*)» в образной форме передает представление о максимально раздвинутом пространстве. Угол не значит геометрический угол, а только удаленное место (в данном случае – на небесах). – *52.*

[24] ...*пятистах тысячах* – кит. *у и*, слово «и» означало «сто тысяч», хотя в настоящее время значит «миллион». *Пять планет* – букв. звезд. Слово *«син»*, звезда, употребляется в «Хуайнаньцзы» также в значении «созвездие», «группа созвездий» и «планеты». «Пять звезд», или пять планет, – это всегда пять ближайших к Земле планет: Юпитер, Марс, Сатурн, Венера, Меркурий (см. ниже, прим. 41, 45, 48, 52, 54). Расшифровку выражений *восемь ветров, двадцать восемь созвездий, пять ведомств* см. ниже, в тексте. *Шесть палат* – это называемые далее шесть созвездий, образующих небесные владения Верховного Владыки – главного божества. Здесь и далее переводы названий звезд и их астрономические идентификации даются в основном по «Указателю астрономических терминов» Р.В. Вяткина к

главе «Трактат о небесных явлениях» «Исторических записок» Сыма Цяня (*Сыма Цянь.* Указ соч., т. 4, с. 411–449) Расхождения с этим «Указателем» специально оговариваются. *Фиолетовый дворец.* Цзы гун (*цзы* – букв. «фиолетово-багряный») – группа звезд вблизи полюса мира, часть созвездия Дракона В «Указателе» Вяткина он фигурирует под названием «Пурпурный дворец» и значится как дворец Верховного Владыки (ср. в тексте «Хуайнаньцзы» – дворец Великого Единого). Наш перевод основывается на символике фиолетового цвета в даосской литературе. Совсем скоро, в первых веках н э , этот дворец силой религиозного воображения адептов даосизма заселится многими жителями. Пока мы становимся свидетелями лишь первых шагов в этом направлении, не вполне осознанных, скорее это все еще поэтическая фантазия, а не религиозное строительство. *Великое малое* (в «Указателе» – Великое непостижимое) – группа звезд (более 10), расположенных соответственно в созвездиях Льва, Волос Вероники, Девы и Секстанта Перевод «Великое малое» кажется более предпочтительным не только потому, что он буквален, но и вследствие особого внимания авторов памятника к философским категориям «великое» и «малое». Чэнь Гуанчжун называет это созвездие Тай вэй юань («Великая малая ограда») и так определяет его местоположение к югу от Ковша, к северу от созвездий Повозка и Крыло (Хуайнаньцзы и чжу, с 111). *Сюаньюань* (Колесница, в «Указателе» это название оставлено без перевода) – группа из 17 звезд в созвездиях Льва и Рыси Возможно, название связано с космологической теорией гай-тянь (небесный балдахин, распростертый над колесницей-землей, см. прим. 7 к гл. 1). *Небесный пруд* (в «Указателе» – Рыбный пруд) – группа из пяти звезд, входящих в созвездия Возничий и Телец. В отношении названия *Четыре стража* (в тексте Сыма Цяня его нет) среди комментаторов II–XVIII вв. нет единства. Диапазон толкований очень широк: от понимания его как названия звезды или созвездия до признания в качестве формального обобщающего словосочетания. Учитывая общий контекст названий «палат», можно предположить, что имелась в виду стража, охранявшая владения Верховного Владыки, и, как и в предыдущих случаях, с ней ассоциировались определенные звезды или созвездия. В отношении названия *Небесный въезд, тянь э* (букв. «небесные карнизы», «небесные балки», в тексте Сыма Цяня его также нет), как и в предыдущих случаях, уместно, кажется, то же предположение, а именно: созданная воображением картина двора Верховного Владыки дополняется вымышленными «созвездиями» – небесными постройками, в данном случае яркой деталью китайской постройки – карнизом, который есть часть декора башенных въездных ворот и здесь поэтически замещает собой целое. – *52.*

[25] С этого места в тексте начинается перечень звезд и созвездий, перемещающихся по зодиакальному кругу вслед за «указанием» (движением, поворотом) ручки Ковша Большой Медведицы Всего таких созвездий 28, и они распределяются по девяти секторам, *полям*, неба: центр, восток, северо-восток, север, северо-запад, запад, юго-запад, юг, юго-восток. Отсчет идет от центра небесной сферы и далее с востока на запад. – *52.*

[26] *Центр* называется *Равновесным небом* (*цзюнь* – равновесие),

поскольку его функция, вероятно, заключается в уравновешивании разнонаправленных пространств и векторов движения *ци*. У Сыма Цяня в соответствующей главе мы находим иное распределение и секторов, и звезд по секторам и само количество звезд и созвездий (Исторические записки, т. 4, с. 115–121). – *52.*

[27] Созвездия *Рог* (Цзюэ), *Шея* (Кан или Ган) и *Основа* (Ди) относятся к Центру. В Рог входят две звезды, соответствующие альфе и эте созвездия Девы, в Шею – четыре звезды, соответствующие йоте, каппе, ми и фи созвездия Девы; в Основу – четыре звезды, соответствующие альфе, бете, гамме и йоте созвездия Весов. – *52.*

[28] *...темно-голубое* – кит. *цан*; этимология этого слова позволяет переводить его и как «зеленый» (цвет травы), и как «седой» (цвет полыни), «синий, или темно-зеленый, переходящий в синий» цвет (см. выборку Ван Ли из словарей «Шо вэнь» и «Эръя» // *Ван Ли.* Тун юань цзыдянь. Пекин, 1982. С. 335–336). – *52.*

[29] Созвездия *Дом* (Фан), *Сердце* (Синь) и *Хвост* (Вэй) относятся к восточному вектору. В Дом входят четыре звезды, соответствующие бете, дельте, пи и ро Скорпиона; в Сердце – три звезды, соответствующие альфе (Антарес), сигме и тау Скорпиона; в Хвост – три звезды, соответствующие альфе Водолея, эте и омикрону Пегаса. – *52.*

[30] Созвездия *Корзина* (Цзи), *Ковш* (Доу) и *Волопас* (по «Указателю» Вяткина, Воловод, Цяньню) относятся к северо-востоку. В Корзину входят четыре звезды, соответствующие гамме, дельте, ипсилону и эте Стрельца; в Ковш – шесть звезд, соответствующие ламбде, ми, сигме, тау и дзете созвездия Стрельца; в Волопас – шесть звезд, соответствующие альфе, бете, кси, пи, ро, омикрону Козерога. – *52.*

[31] Созвездия *Ожидающая дева* (Сюй нюй), *Пустота* (Сюй), *Кровля* (Вэй) и *Построенный дом* (Ин ши) относятся к северному сектору неба. В Ожидающую деву входят три звезды, соответствующие ипсилону, ми, ни Водолея; в Пустоту – две звезды, соответствующие бете Водолея и альфе Малого Коня; в Кровлю – три звезды, соответствующие альфе Водолея (Садальмек), эте и омикрону Пегаса; в Построенный дом – две звезды, соответствующие альфе и бете созвездия Пегас. – *52.*

[32] Созвездия *Восточная стена* (Дун би), *Скипетр* (Куй) и *Оковы* (Лоу) относятся к северо-западному сектору неба. В Восточную стену входят две крупные звезды, соответствующие альфе Андромеды и гамме Пегаса и образующие вместе с созвездием Дом (см. выше, прим. 29) четырехугольник; в Скипетр входят 16 звезд, соответствующих девяти звездам созвездия Андромеды (эта, ми, пи, дельта, ипсилон, дзета, бета и др.) и семи звездам созвездия Рыб (омега, фи, хи, пси и др.); в Оковы входят три звезды, соответствующие альфе, бете и гамме созвездия Овна. – *52.*

[33] Созвездия *Желудок* (Вэй), *Утиное гнездо* (Мао) и *Вилы* (Би) относятся к западному сектору неба. В Желудок входят три звезды, соответствующие звездам Овна (в том числе – дельте и ипсилону созвездия Овна); в Утиное гнездо – группа звезд, соответствующая звездному скоплению Плеяды в созвездии Тельца; в Вилы – восемь звезд, соответствующих звездному скоплению Гиады и альфе Тельца (Альдебаран). – *53.*

[34] Созвездия *Морда* (Цзуйхуй), *Заслуги* (Шэнь) и *Восточный колодец* (Дун цзин) относятся к юго-западному сектору неба. В Морду входят три звезды, соответствующие ламбде, фи$_1$ и фи$_2$ Ориона; в Заслуги – семь звезд, соответствующих звездам Ориона, в том числе альфе (Бетельгейзе), гамме (Беллатриксу), бете (Ригель) Ориона; в Восточный колодец входит группа звезд, включающая гамму (Альгена), ипсилон, дзету, ламбду, ми созвездия Близнецов. – *53.*

[35] Созвездия *Колесница чертей* (Юй гуй, в «Указателе» Вяткина – «Духи людей»), *Ива* (Лю) и *Семизвездье* (Ци син) относятся к южному сектору неба. В Колесницу чертей входят четыре-пять звезд, соответствующих гамме, дельте, тете, эте и звездному скоплению № 44 в созвездии Рака; в Иву – восемь звезд, соответствующих западным звездам созвездия Гидры (эта, сигма, дельта, ипсилон, ро, дзета, омега и тета), в Семизвездье – семь звезд, шесть из которых соответствуют звездам созвездия Гидры, включая ее альфу (Альфард). – *53.*

[36] Созвездия *Натянутый лук* (Чжан), *Крыло* (И) и *Повозка* (Чжэнь) относятся к юго-восточному сектору неба. В Натянутый лук входит группа звезд, соответствующая средней части созвездия Гидры (каппа, ипсилон, ламбда, ми, фи), и одна из звезд Секстанта; в Крыло – группа звезд, соответствующая звездам созвездия Чаша и южным звездам созвездия Гидры; в Повозку – четыре крупные звезды в форме неправильного четырехугольника, соответствуют бете, дельте, гамме и ипсилону Ворона. На этом заканчивается классификация и «распределение» созвездий по девяти сторонам света. В отличие от «Хуайнаньцзы» Сыма Цянь делит небо на пять частей: центральный, восточный, южный, западный и северный дворцы. В «Хуайнаньцзы» обращает на себя внимание и порядок следования сторон света: после центра следуют восток, северо-восток, север, северо-запад, запад, юго-запад, юг, юго-восток. В то же время у Сыма Цяня за центром следует восток, а затем юг, и заканчивает круг север (Указ. соч., т. 4, с. 116–120). – *53.*

[37] Связь *востока* с *Деревом* обозначена и в другой главе, а именно в «Сезонных распоряжениях». Однако там об этом сказано более определенно: «...благая сила (*дэ*) с наибольшей полнотой воплощена в дереве» (см. прим. 46 к с. 79). Начиная с этого места, в тексте раскрывается связь основных сторон света со стихиями, или первоэлементами (см. прим. 22 к гл. 1). Порядок перечисления стихий в «Хуайнаньцзы» иной, чем в «Книге преданий», восходящей к далекой древности (см.: Шуцзин, гл. «Хун фань»), или у Бань Гу в «Бо ху тун» – тоже конфуцианском памятнике, но относящемся к I в. (см.: Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990. С. 227). – *53.*

[38] Кит. *Тайхао.* Комментатор Гао Ю здесь и далее отождествляет божества природы с правителями китайского «золотого века». В данном случае он говорит, что Тайхао – тронное имя Фуси, которому после смерти приносили жертвы как богу востока. Как кажется, здесь для подобных отождествлений нет оснований, поскольку в этой главе последовательно подчеркивается мысль хотя и о небесном, но как бы «естественном» происхождении жизни – от Света, от Тьмы, от Пламени (Янь-ди) и др. *Хао* значит «белый свет, которым светит солнце на восходе» («Шо вэнь»), а *тай* – «большой [свет]», но с оттенком неоконченности действия, разрастания его («начало света», «занимающийся свет»). Божество запада по той же логике называется Младший свет – Шао хао, где *шао* значит «меньший», с

оттенком убывания. Для того чтобы подчеркнуть его связь с *Занимающимся светом*, его имя переведено как Закатный свет. Гао Ю опять-таки отождествляет его с сыном Хуан-ди – Цинъяном. – *53.*

[39] Кит. *Гоуман*, слово «гоу» значит «согнутый, еще не выпрямившийся росток», «ман» – «выпрямившийся росток», так что в целом слово значит «кривой росток, готовый выпрямиться» (см. также прим. 15 к гл. 5). О других интерпретациях этого имени и мифологии этого божества см.: Каталог.., с. 102 и 191–192. – *53.*

[40] Круг и окружность ассоциативно связывались с небом (см. начало главы и выше, прим. 8), отсюда понятно, почему атрибутом божества, стоящего у начал жизни, является инструмент для выписывания круга. – *53.*

[41] Кит. *Суй син*, планета Юпитер. Перевод «Урожайная звезда», а не «Годовая звезда», как у Вяткина, предпочтительнее по крайней мере в этой главе, поскольку в ней положение Юпитера напрямую связывается с прогнозом на урожай (см. конец главы). Слово «суй» значит и «год», и «урожай», так что оба перевода оправданны. – *53.*

[42] Здесь и далее ступени музыкального звукоряда привязываются к сторонам света. Основание для этого – представление о «поющем» космосе, столь поэтично описанном в «Чжуанцзы» (см.: Атеисты.., с. 204–205, а также: Люйши чуньцю, с.109 и сл.). *Третий тон (цзюэ)* – третья ступень китайского 5-ступенного звукоряда (о музыкальном космосе см.: *Ткаченко Г.А.* Космос, музыка, ритуал. Миф и эстетика в «Люйши чуньцю». М., 1990, а также: *Исаева М.В.* Резонансная теория устройства космоса согласно «Записям» (чжи) из *Хоу Хань шу* и текстов *чэньвэй*. М., 2000, и др.). – *53.*

[43] Традиционно дни в Китае передаются так называемыми циклическими знаками. Число знаков в цикле и их названия зависят от цикла: солнечный – десятеричный (*тянь ганъ* – небесные стволы), лунный – двенадцатеричный (*ди чжи* – земные ветви). Ниже в привязке к сторонам света дни указываются в десятеричном исчислении. – *53.*

[44] Кит. *Чжумин*, во всей многообразной световой и цветовой символике «Хуайнаньцзы» (как и в других древних памятниках) мы встречаемся с множеством близких по значению определений, что, к сожалению, не всегда удается отразить в переводе. В данном случае речь идет о солнечном свете, который представлен как божество света. В словаре III в. «Гуанъя» Чжумин толкуется как «солнце» (см. толковый словарь «Цы хай» («Море слов»), ст. «Чжумин»). Гао Ю замечает, что «раньше говорили: Чжуюн – Заклинающий свет». – *53.*

[45] Марс. – *53.*

[46] Кит. *Чжу няо*; некоторые исследователи отождествляют эту *птицу* с Чжу цяо – фениксом, или Сюань няо – Пурпурной птицей, предком-тотемом племени *инь* (см.: Древнекитайская философия. Эпоха Хань.., с. 435). – *53.*

[47] Кит. *Хоу ту*; согласно «Каталогу гор и морей», – это дочь бога Разливов и бабка Отца Цветущего – бога растительности (Каталог.., с. 129, 124). Однако в отношении пола этого божества среди ученых нет единогласия (см. там же, с. 212). – *53.*

[48] Сатурн. – *53.*

[49] Кит. *Хуан лун*; в 21-й гл. (наст. изд., с. 243) он толкуется как благовещее животное. – *53.*

[50] Ср. прим. 38 о *Занимающемся свете*. – *53.*

[51] Кит. *Жу шоу*, в «Книге гор и морей» сказано: «Богом запада (является) Собирающий плоды Жушоу. С его левого уха свисает змея. Он ездит на двух драконах» (Каталог.., с. 98, см. также комментарий Э.М. Яншиной о мифологии этого божества на с. 153). – *53.*

[52] Кит. *Тайбай* (или *Тайбо*), планета Венера. – *53.*

[53] Кит. *Сюань мин* – здесь нередкий случай олицетворения отвлеченного понятия. Более позднее значение слова «сюань» – «священный», но этимологически оно связано с обозначением черного (темного) дыма, исходящего от жирной жертвы и пронизанного языками пламени. Отсюда и название феникса – *Сюань няо* (см. выше, прим. 46) Авторы используют все значения слова *сюань*, что находит соответствующее отражение в переводе его как «сокровенный», «черный», «темный» либо «красный» с примесью «темного». *Мин*, переведенное здесь как «Тьма», означает космическую тьму, удвоенное *мин* (*мин мин*) переводится как «темный мрак». – *53.*

[54] Планета Меркурий. – *53.*

[55] В «Указателе» Вяткина – «Черная черепаха», священное животное, символизирующее север. Есть и другие идентификации имени *Сюаньу*. В частности, толковый словарь «Цы хай» дает подборку цитат из нескольких древних памятников и комментариев к ним, где это животное отождествляется и с черепахой, и с фантастическим существом, соединяющим в себе черепаху и змею, т.е. с получерепахой-полузмеей. В настоящее время все чаще можно видеть перевод «Черный Воин» (см.: *Major John S.* Heaven and Earth in Early Han Thought.., p. 72; *Ткаченко Г.А.* Культура Китая. М., 1999. С. 291; *Воробьев А.Н.* Традиционный китайский календарь как основа фэншуй. М., 1999. С. 68, и др.). – *53.*

[56] *Великая тень* (Тай инь) – не существующая в реальности, воображаемая «пара» планеты Юпитер, его, возможно, «супруга» (основания для такого перевода см. ниже, по тексту). Ее называют еще «анти-Юпитером», поскольку она всегда занимает «симметрично противоположное положение на небе» (см.: *Сыма Цянь.* Указ. соч., т. 4, с. 275, а также: *Major John S.* Op. cit., p. 73). Вся небесная сфера поделена на 12 равных частей (по окружности), помеченных циклическими знаками из двенадцатеричного (или лунного) цикла, а также на 10 частей, помеченных циклическими знаками десятеричного (солнечного) цикла. Положение *меж четырех центральных знаков,* по Гао Ю, соответствует положению Великой тени в центре знаков лунного цикла, обозначающих восток-запад (*мао-ю*) и север-юг (*цзы-у*), т.е. в центре четырех сторон света. ...*три созвездия* – букв. «три стоянки», *сю* – данное слово обозначает «ночлег» и «останавливаться на ночлег». – *53.*

[57] Это *углы*, образуемые, если считать от центра, между знаками двенадцатеричного цикла *чоу* и *чэнь*, *шэнь* и *сы*, *инь* и *хай*, *вэй* и *сюй* (комментарий Гао Ю) или *чоу-инь, чэнь-сы, вэй-шэнь, сюй-хай* (см.: Хуайнаньцзы и чжу, с. 111, а также наст. изд., с. 55). – *53.*

[58] *Градусы* даны по шкале, принятой в этом памятнике – *53.*

[59] ...*в знаках цзя-инь* – т.е. в секторе между первым знаком десятеричного цикла (*цзя*) и третьим знаком двенадцатеричного цикла (*инь*). ...*начинает подъем с созвездия Ковша* – т.е. находясь в это время вблизи Ковша. – *54.*

[60] ...*чэнь* и *сюй* – знаки двенадцатеричного цикла, соответственно пятый и одиннадцатый, находящиеся на противоположных

сторонах окружности (небесной сферы). ... *чоу* и *вэй* – знаки двенадцатеричного цикла, первый и восьмой (также противоположные по местоположению). – *54.*

[61] Это *ветры*, попеременно дующие через равные промежутки времени (а именно через каждые 45 дней) с четырех сторон и с четырех полусторон света и образующие, таким образом, повторяющиеся циклы (ср. понятие четырех времен года, четырех сезонов). Ниже следуют названия ветров, отчасти общие другим древним памятникам, отчасти разнящиеся даже с другими частями «Хуайнаньцзы». Некоторые из них легко переводятся на русский язык, или их смысл разъясняется комментаторами, другие не поддаются переводу. – *54.*

[62] Здесь и далее Гао Ю в своем комментарии соотносит ветры со звуками определенных музыкальных инструментов и триграммами «И цзина». *Ветрам тяо* соответствуют звучание музыкального инструмента *шэн* и триграмма *гэнь* (гора). *Шэн* («свирель, состоящая из неровных трубочек, вставленных в тыкву-горлянку») имела 13 или 17 трубок различной длины. – *54.*

[63] Этим *ветрам*, по Гао Ю, соответствуют триграмма *чжэнь* (гром) и звучание *гуань* – трубки, в которой, по одним источникам, шесть, а по другим – восемь отверстий. – *54.*

[64] Кит. *цинмин*; это название состоит из двух слов: «чистый» (свежий и прозрачный) и «ясный» (светлый). Гао Ю связывает эти *ветры* со звуками музыкального инструмента *чжу* (резонирующий ящик с узким дном и широким верхом, служил для подачи сигнала о начале музыки) и триграммой *сюнь* (ветер). – *54.*

[65] Кит. *цзин* (ср. «теневые облака» на с. 52 и выше, прим.17); Гао Ю связывает эти *ветры* с триграммой *ли* (огонь) и струнными музыкальными инструментами. – *54.*

[66] Кит. *лян;* Гао Ю связывает эти *ветры* с триграммой *кунь* (земля) и музыкальным инструментом *сюань* (духовой инструмент из обожженной глины). – *54.*

[67] Гао Ю связывает эти *ветры* с триграммой *дуй* (болота и озера) и звуком колокола. – *54.*

[68] Гао Ю связывает эти *ветры* с триграммой *цянь* (небо) и звуком музыкального инструмента *цин* (каменный или металлический гонг). – *54.*

[69] Гао Ю связывает эти *ветры* с триграммой *кань* (вода) и звуком барабана. – *54.*

[70] Далее ниже следует перечень наиболее важных «земных» распоряжений и действий, приуроченных к сезонным изменениям. Их смысл – включение земной жизни людей в общий космический распорядок. Подробно они рассматриваются в 5-й гл. – «Сезонные распоряжения». – *54.*

[71] Гонги и колокола. – *55.*

[72] Вспомним о функции Равновесного неба (см. выше, прим. 26). Та же функция – гармонизации, упорядочивания – приписывается здесь действиям *центра* по отношению к разным ведомствам. Следовательно, небо, по мысли авторов, осуществляет властные функции не только относительно небесных (космических) сфер, но одновременно и земных, прописанных, как показывает текст этой и других глав, с не меньшими, но даже бóльшими подробностями. – *55.*

[73] Т.е. область полусферы в 180 градусов. Эти полусферы смещаются последовательно от одного знака двенадцатеричного цикла к другому, начиная от оси «юг (*у**) – север (*цзы*)». «Звездочкой» (*у**) здесь и далее помечен седьмой знак двенадцатеричного цикла в отличие от пятого знака десятеричного цикла (*у*). – *55.*

[74] *Великое Единое* понимается в «Хуайнаньцзы» в нескольких смыслах. Так, в 14-й гл. находим следующее определение: «Небо и земля пребывают в хаотическом единстве, в хаотическом смешении составляют основу. Еще не образовались и не сформировались вещи. Назову это Великим Единым. [Все] одинаково выходит из Одного» (7, 235). В других случаях это надвселенская сущность (см. также прим. Гао Ю: «Великое Единое есть Небо – его форма и дух», наст. изд., с. 127). Особенность мышления авторов памятника такова, что абстракции обретают вид олицетворений. В данном фрагменте мы имеем дело как раз с таким случаем: Великое Единое предстает в образе владыки небесного дворца и палат. Вообще весь нижеследующий фрагмент рисует картину даосского неба в том виде, как она складывается в это время в религиозном сознании. В ней присутствуют и элементы древнейших мифов, и, как уже говорилось, преобразованные в новые мифы элементы философских систем, и художественная фантастика. – *55.*

[75] Гао Ю делает здесь замечание: «Небесный пруд – название звезды, являющейся небесным духом речных рыб», исходя из посылки, что все, что есть на земле, имеет свой прообраз на небе, земные реалии прописываются на карте неба. *Рыбный заповедник* является в некотором роде рыбным раем и в то же время это часть дворцового комплекса небесного Владыки. – *55.*

[76] Название горы, расположенной вблизи Южного полюса (комментарий Гао Ю). – *55.*

[77] Название горы, расположенной вблизи Северного полюса (комментарий Гао Ю). – *55.*

[78] В понимании термина *Тяньи* у комментаторов нет единства: одни считают, что это синоним Великого Единого и, следовательно, соответствует Верховному Владыке, другие – что это Юпитер; в самом тексте этой главы его называют то Сине-зеленым драконом, то Великой тенью. – *55.*

[79] Здесь у переводчиков имеются разночтения – Дж. Мэйджер: «.. ежедневный сдвиг солнца – 1 градус»; Чэнь Гуанчжун: «Ручка Ковша ежедневно сдвигается на 1 градус». – *55.*

[80] Кит. *эр шэн, шэн*, что значит – плотничий шнур, которым вымеряют прямо ниспадающую вертикаль; так что точки юга (*у*) и севера (*цзы*), востока (*мао*) и запада (*ю*) представляются соединенными такими «отвесами». – *55.*

[81] ...*тяж (вэй)* – веревка, шнур; всего их четыре (*сы вэй*); см. прим. 7 к гл. 1. Образность их названий здесь свидетельствует, по-видимому, об очень древнем происхождении этих представлений. Подробнее об этих «перемещениях» см. текст ниже, с. 57–59. – *56.*

[82] Словарь «Шо вэнь» указывает на идентичность слов *ян* (баран) и *сян* (счастье, благополучие, счастливое предзнаменование). Заметим, кроме того, что *баран* относится к главным жертвенным животным. Об использовании здесь авторами, как и в других случаях, мифических и ритуальных представлений для построения карти-

ны мира см.: *Померанцева Л.Е.* Мифотворчество как искусство... Тезисы докладов. Возможно также, что здесь нашла отражение память о реальном ритуально-обрядовом действе, связанном с календарной тематикой. – *56.*

[83] Как видим, движение колесницы-земли не только ориентировано по сторонам света, не только рассчитано в градусной шкале, но и распределяется по временным циклам. Временные циклы суть передвижения разнозаряженных масс *инь* и *ян*. – *56.*

[84] Т.е. в день зимнего солнцестояния энергия *инь* достигает наивысшей силы, после чего идет на убыль, наоборот, эфир *ян* только начинает обретать эту силу. Здесь приветствуется усиление эфира *ян* явно в связи с наступлением весны как поры всеобщего пробуждения к жизни. Ориентировка этой главы на земледельческий календарь очевидна. – *56.*

[85] Кит. *дэ*, слово включает в себя много смыслов и соответственно переводится по-разному. В данном случае речь идет о противопоставлении сил, способствующих рождению, росту и развитию живого, и сил, ослабляющих живое и ведущих его к гибели. Они обобщенно выражены в понятиях «Благодать» (*дэ*, см. прим. 19 к гл. 1) и «Гибель» (*син*, см. ниже, прим. 89). – *56.*

[86] Логика этого представления та же, что и выше: теперь энергия *ян* достигла апогея и должна идти на убыль. Это связано с поворотом ко второй половине лета и будущим уходом живого в зимнюю спячку. – *56.*

[87] *Северный полюс (бэй цзи)*, или северный предел, – конечно, не в современном, а в древнем понимании: северная оконечность Вселенной. – *56.*

[88] *Желтые источники* – подземное царство мертвых, цвет связан с цветом лёссовой земли (см. также прим. 41 к гл. 2). – *56.*

[89] Иными словами, вслед за движением сезонов идет кругообращение сил, способствующих (*Благодать*) либо, наоборот, мешающих (*Гибель*) рождению и росту живого. Образно это представлено в виде «странствия» этих сил из поля (т.е. внешнего мира) на улицу, в переулок, в ворота, во двор, в приемный зал, в дом, а затем снова в поле и т.д. (см. ниже «семь стоянок»). Это опоэтизированная картина мифологических представлений об умирающем и воскресающем растительном божестве. Аналогичный путь проходит и Солнце. Уместно вспомнить «Книгу песен» (гимн «Рождение народа» III 2, 1), где растительное божество Хоуцзи дважды рождается, или известные фольклору всего мира сюжеты о «блудном сыне». Аналогичным был и древний свадебный обряд, в котором жених и невеста совершали «путешествие» по схожему маршруту. Интересная параллель усматривается в южноиндийской культуре (см.: *Дубянский А.М.* Ритуально-мифологические истоки древнетамильской лирики. М., 1989. С. 105 и др.). – *56.*

[90] Т.е. до южной оконечности Вселенной. – *56.*

[91] Пять основных злаков: просо, пшеница, ячмень, рис, соевые бобы. – *56.*

[92] Имеется в виду прибор для измерения влажности воздуха, соответствующей сезону и состоянию *ци*. Прибор представлял собой весы-коромысло, на чашах которых взвешивалась зола. В дни зимнего и летнего солнцестояния (т.е. в поворотные дни) зола должна была быть соответственно влажной или сухой, а значит, «тяжелой» или «легкой». – *56.*

[93] Такой *шест* применялся для измерения высоты солнца над горизонтом и направления полуденной линии, т.е. служил гномоном. – *56.*

[94] Кит. слово *люхуан* (здесь «блестеть») комментируется по-разному. Так, Гао Ю в этом месте говорит, что Люхуан – имя духа земли, который в это время оживает и выходит наружу. В другом месте Гао Ю говорит, что это нефрит (гл. 8), в гл. 4 упомянуто царство *люхуан.* – *56.*

[95] Кит. *бань ся* – лекарственное растение, появление которого знаменует приход периода времени «середина лета». – *56.*

[96] Солнце также проходит семь стоянок в пассаже, описывающем его путь (см. наст. изд., с. 63). – *57.*

[97] Так символически представлен брак *Инь* и *Ян.* – *57.*

[98] Далее в тексте стоят два слова: *«эр шэн»,* т.е. «и движется вверх». Не понятно, что здесь это значит. Комментаторы и переводчики не вносят ясности: одни предлагают иное разбиение этой и следующей фразы и замену иероглифа *«шэн»* – «восходить» на *«доу»* - «Ковш» (Чжан Шуанди, Чэнь Гуанчжун), другие не дают комментария (Гао Ю, Лю Вэньдянь), а Дж. Мэйджер оставляет эти слова без перевода. – *57.*

[99] Все 24 временны́е отрезка, составляющие календарный год, исчисляются ниже. Их названия имеют в русских переводах небольшие вариации. – *57.*

12-ступенный звукоряд

Инь (женский ряд)	Ян (мужской ряд)
Большое путешествие *да люй*	Желтый колокол *хуан чжун*
Стиснутый колокол *цзя чжун*	Великое скопление *тай цу*
Середина путешествия *чжун люй*	Купание девушек *гу си*
Лесной колокол *линь чжун*	Гость в поклоне *жуй бинь*
Южное путешествие *нань люй*	Распоряжения об убиении *и цзэ*
Откликающийся колокол *ин чжун*	Отсутствие пресыщения *у и*

– *57.*

[100] Опять-таки движение мыслится как круговое. Как уже говорилось, окружность эта разделена на 10 (в системе «небесных стволов») и 12 (в системе «земных ветвей») циклических знаков. *Ручка Ковша* Большой Медведицы, вращаясь, попеременно указывает на один из циклических знаков. Кроме того, каждый отрезок сопряжен с определенной ступенью китайского 12-ступенного хроматического звукоряда, причем таким образом, что мужские и женские ступени этого звукоряда следуют чередуясь: если такой-то отрезок соотнесен с женской ступенью, то следующий будет соотнесен с мужской. Важна также и последова-

тельность смены ступеней звукоряда в течение смены временны́х отрезков. Если обозначить мужские ступени цифрами с 1 по 6, а женские цифрами 1*-6* , то мы получим такую последовательность: 1 - 6* - 6 - 5* - 5 - 4*- 4 - 3* - 3 - 2* - 2 - 1* -1 - 1* - 2 - 2* - 3 - 3* - 4 - 4* - 5 - 5* - 6 - 6* и снова 1 - 6* и т.д. Если же поставить их в колонки, то очевидно будет, что 1-й мужской тон вынесен как бы за ряд и совпадает с моментами зимнего и летнего солнцестояния. Он и считается главным.

[101] Речь идет о проверке правильности настроя специальных трубок разной длины, воспроизводящих каждая один из 12 тонов 12-ступенного звукоряда (подробнее см.: Го юй (Речи царств) / Пер. С. Таскина. М., 1987. С. 337, а также: *Сыма Цянь.* Указ. соч., т. 4, гл. «Трактат о музыкальных звуках и трубках», с. 24–25). Трубки служили камертоном и должны были быть настроены в соответствии с качеством («звучанием») эфира *ци*, определявшимся соответственным периодом года. Ниже следует классификация 24 временных (сезонных) отрезков по их соотнесенности с циклическими знаками и музыкальными тонами. Особенность этой классификации состоит в том, что число сезонов (24) не равно сумме циклических знаков, даже взятых в целом, – «небесных» и «земных». Проблема решена таким образом, что в конечном итоге оказываются задействованы все циклические знаки из «земной» ветви и 8 из 10 знаков «небесных стволов» (исключены два центральных – *у* и *цзи*). «Ведущими», таким образом, оказываются знаки из «земной» ветви. Отсчет начинается с дня зимнего солнцестояния, который метится первым знаком двенадцатеричного цикла – *цзы*, соответствующим северной точке небесной сферы. Поскольку это движение обусловлено движением природы от зимы к весне, то на небесной сфере это будет обозначаться как движение от севера к востоку. Тон соотносится с желтым колоколом (*хуан чжун*) – с первым из шести мужских тонов китайского 12-ступенного хроматического звукоряда, который соответствует примерно ре (D) в европейской номенклатуре, составляет 292,7 (по одним данным) – 230,8 (по другим данным) колебаний для 1-й октавы. Названия тонов хроматического звукоряда настолько вошли в традицию, что не осознаются современными китайцами в их первоначальном значении. Однако в «Хуайнаньцзы», как показывает данная глава, эти названия связывались с определенными смыслами. Так, *хуан чжун* понимался именно как «желтый колокол». В этом названии каждое из слов несет свою нагрузку: так, «желтый» обозначает здесь цвет спелого колоса (см. с. 64 этой главы), колокол же во многих культурах (и китайская не составила исключения) издревле был предметом особого культа. Из 12 названий музыкальных тонов четыре содержат слово «колокол» («желтый колокол», «стиснутый колокол», «откликающийся колокол», «лесной колокол»), что не случайно. Вот что дает анализ определения «откликающийся»: Откликающийся дракон – божество дождя (Каталог.., с. 114), в засуху заклинают этого дракона, обитающего в Южном пределе, а тон под названием «откликающийся дракон» следует в женском звукоряде за тоном «южное путешествие», или «путешествие на юг». Стоит задуматься

над этими связями. Названия других тонов имеют в своем составе слово *«люй»*. Хотя по поводу перевода этого слова нет единого мнения, но все же приводятся варианты: попутчик, товарищ, путешествие (слова, омонимичные слову *люй*). Другие названия связаны с природными «рождениями»: скоплением (перед выходом на поверхность), купанием (омовением – возрождением), приемом гостей, приготовлением жертвы, пиром-обжорством (возможно, с обрядами, направленными на плодородие), «казнью» (возможно, убиением жертвенного животного). С ними соотносятся названия временных отрезков, и все это сочетается с сезонными изменениями, так что год представляет собой путешествие вместе с перемещающимися теплыми и холодными массами воздуха, сопровождающееся определенной обрядовой музыкой и пирами (также, конечно, с магической целью). Главный музыкальный инструмент – колокол. В наглядном виде это представлено в расположенной выше таблице.

[102] Кит. *у и* – возможно, название мелодии, сопровождающей соответствующий обряд. – *57.*

[103] Кит. *и цзэ* – название, возможно, связано с принесением жертв по случаю сезона. – *57.*

[104] В перечне ветров на с. 54–55 в этой главе *Великие ветры* не называются, что может говорить о не устоявшейся еще схеме разделения периодов, когда названия заимствуются из разных систем. – *58.*

[105] С этого места идет обратный ход: «Желтый колокол» – «Большое путешествие» – «Великое скопление» – «Стиснутый колокол»... – *58.*

[106] В тексте вместо обычного иероглифа *ян* – «баран» стоит знак *ян* – «солнце». Как уже говорилось по другому поводу, возможно, это не описка, а признак неустойчивости терминологии. – *58.*

[107] С *севером* в древнем Китае ассоциировалась страна мертвых. – *58.*

[108] Здесь круг завершается, и именно поэтому, как говорится в тексте, происходит рождение *Инь* от *Ян* и наоборот. – *59.*

[109] *Крупка перелесковая*, или дубравная (*тинли*) – Draba nemorosa (бот.). – *59.*

[110] В тексте употреблено не одно слово *доу*, как было до сих пор, а два – *доу бяо*, что значит «ручка Ковша», т.е. звезды с пятой по седьмую созвездия Ковша. – *59.*

[111] Кит. *Тайсуй*, Чэнь Гуанчжун дает примечание: здесь это Великая тень, антипод Юпитера, Суйинь, или Тайинь (Хуайнаньцзы и чжу, с. 126). Ван Няньсунь считал, что сунские переписчики здесь допустили ошибку. – *59.*

[112] Т.е. *четыре* сектора по 90 градусов, соответствующие разделению сферы на восток, запад, север, юг. – *59.*

[113] Речь идет о царствах, которые находятся в сфере влияния Урожайной звезды. Далее следуют астрологические указания того, какие действия могут считаться благоприятными, а какие нет. – *59.*

[114] Чэнь Гуанчжун слова «Небесный тяж» переводит как «Тайсуй» (Юпитер). – *59.*

[115] Т.е. идет вверх по зодиакальному кругу. – *59.*

[116] Имеется в виду смещение по зодиакальному кругу. – *59.*

Зимнее солнцестояние
Желтый колокол
Цзы

Большой снег
Откликающийся колокол
жэнь

Малый снег
Отсутствие пресыщения
хай

Установление зимы
Южное путешествие

Выпадение инея
Распоряжения об убиении
сюй

Холодные росы
Лесной колокол
синь

Осеннее равноденствие
Гость в поклоне
ю

Белые росы
Середина путешествия
гэн

Прекращение жары
Купание девушек
шэнь

Становление осени
Стиснутый колокол

Большая жара
Великое скопление
вэй

Малая жара
Большое путешествие
дин

Малые холода
Откликающийся колокол
гуй

Великие холода
Отсутствие пресыщения
чоу

Становление весны
Южное путешествие

Дожди и потоки
Распоряжения об убиении
инь

Пробуждение насекомых
Лесной колокол
цзя

Весеннее равноденствие
Гость в поклоне
мао

Очистительные ветры
Середина путешествия
и

Хлебный дождь
Купание девушек
чэнь

Установление лета
Стиснутый колокол

Малое изобилие
Великое скопление
сы

Остистый колос
Большое путешествие
бин

Летнее солнцестояние
Желтый колокол
*у**

– 57.

[117] Имеется в виду первый год восшествия на престол хуайнаньского вана Лю Аня, хотя комментаторы не единогласны в этом мнении. – *60.*

[118] Цянь Тан (XVIII в.), привлекая доводы авторитетных источников, поясняет, что во времена ханьского императора У-ди *Великим Единым* именовали Тайсуй. См.: *Чжан Шуанди,* т. 1, с. 320. Сочетание десятеричных и двенадцатеричных циклических знаков здесь говорит о том, что речь идет о днях лунного месяца. – *60.*

[119] Фраза представляет собой пример псевдоматематических манипуляций, смысл которых в сведении различных природных явлений к единой материальной основе. – *60.*

[120] Результат арифметического действия 2+3=5 служит обоснованием пентатоники – китайской гаммы. Музыкальные звуки рассматриваются здесь как эфир особого качества. – *60.*

[121] Имеются в виду шесть мужских и шесть женских *тонов* китайского 12-ступенного хроматического звукоряда. – *60.*

[122] Опять-таки путем математической операции календарные временные отрезки (декады и луны-месяцы), так же как ранее музыкальные тоны, вписаны в общую систему движения эфира *ци.* – *60.*

[123] Расчет производится таким образом, что количество дней за один месяц умножается на 12 и получается сумма дней в году – 354 и 348/940 дня. Поскольку год принимается состоящим из 365¼ дня, то за вычетом из него суммы в 354 и 348/940 образуется излишек в 10 и 827/940 дня, что за 19 лет составляет сумму в 260 и 673/940 дня, т.е. приблизительно 7 месяцев («вставок»). – *60.*

[124] *Знаки* эти указывают на точки юг – север и восток – запад соответственно. – *60.*

[125] Гао Ю дает примечание: «День, который следует спустя три дня после зимнего солнцестояния этого года, оказывается на будущий год днем летнего солнцестояния». На самом деле, замечает Чэнь Гуанчжун, смещение оказывается не на 6 дней, а на 5¼ дня. См.: Хуайнаньцзы и чжу, с. 130, прим. 3. – *60.*

[126] Здесь и ниже выражение «принимают на себя управление» означает, что природа и люди находятся в соответствующий период под воздействием сил, связанных с этими знаками. Однако данное выражение предполагает, кроме того, что управление принимается от кого-то, передается как эстафета. – *60.*

[127] Здесь обнаруживаем новые «корреляции» – со стихиями и чуть ниже – с цветами. Знаки небесного ряда, начиная со знака *цзя,* в соединении с первым знаком земного ряда (т.е. двенадцатеричного) *цзы* через один (т.е. *цзя, бин, у, гэн, жэнь* и обратно – *гэн...*) сопрягаются последовательно со стихиями дерева, огня, земли, металла и воды, составляя, таким образом, также круг. Им также соответствуют «правильные», т.е. основные, цвета: синий, красный, желтый, белый, черный. – *60.*

[128] Движение как бы пошло в обратную сторону: от знака *жэнь* к знаку *гэн.* – *60.*

[129] Ниже дается перечень необходимых хозяйственных дел, соответствующих каждому из пяти отрезков года, выделенных на вышеназванных основаниях. – *60.*

[130] Гао Ю говорит: «...запрещается оставлять старых гостей и принимать новых». – *61.*

[131] Категории «нечистый» («мутный») и далее по тексту «чистый» соотносятся, вернее всего, с музыкальными звуками, характеризуя их по состоянию атмосферы в разные сезоны. О звуках «чистых» и «мутных» см. прим. 45 к гл. 9. – *61.*

[132] Ниже следуют предостережения, в основном касающиеся возможных природных катаклизмов в случае нарушения людьми диктуемых природой действий. – *61.*

[133] *Водяной овес*, или цицания широколистная, болотный злак Zizania latifolia. – *61.*

[134] Не ясно, о какой *твердости* идет речь. Чжан Шуанди приводит мнение Ван Иньчжи (комментатора конца XVIII в.) о том, что знак «твердость» является ошибкой и должен быть заменен знаком *цзэ* – показателем условно-временно́го предложения. Тогда фраза читается так: «...если... поступать так, как *в гэн-цзы*, то рыбы не будет». – *61.*

[135] Бог грома. – *62.*

[136] *Синяя* [как небеса] *дева* – Циннюй, богиня, ведающая снегом и инеем (комментарий Гао Ю). – *62.*

[137] Т.е. Дева убивающая, если следовать написанному знаку. Но Гао Ю говорит, что это божество весенне-летнее, ведающее ростом и вскармливанием (воспитанием). Очевидно, с нашей точки зрения, противоречие, которого, однако, может не быть в сознании древних. – *62.*

[138] Фусан, солнечное дерево. – *62.*

[139] Кит. *Цюйэ* – географическое название уезда в бывшем царстве Чу, возникшее якобы из реального факта: Цинь Шихуан велел прорубить там в горах *кривую* дорогу. Однако здесь, похоже, просто мифическая локализация, а комментарий относится скорее к более позднему времени. – *62.*

[140] В отношении данного названия реальных аналогий нет. Как и в предыдущем случае, похоже, авторская фантазия творит миф. – *62.*

[141] Название горы. – *62.*

[142] Гора *Куньу* упоминается в «Каталоге гор и морей» (с. 127) как расположенная среди девяти холмов, окруженных со всех сторон водой. – *62.*

[143] Название горы на юго-западе (комментарий Гао Ю). – *62.*

[144] *Долина Скорби* – впадина на юго-западе. Гао Ю говорит, что при приближении к ней захватывает дух, чем и объясняется ее название. – *62.*

[145] Согласно Гао Ю, это место тьмы на северо-западе. В «Каталоге гор и морей» в несколько иной записи слова *«нюй цзи»* встречаются в 5-й и 7-й главах (см.: Каталог.., с. 177, 186). Э.М. Яншина дает два перевода этого словосочетания – Материнский алтарь и Мать, приносящая жертву (там же, с. 80 и 97). – *62.*

[146] Место, через которое проходит Солнце в этот период, обозначается знаком «*шэнь*», и соответствует времени с трех часов пополудни до пяти. – *63.*

[147] Горы на северо-западе. – *63.*

[148] Относительно данного названия комментариев нет. Чэнь Гуанчжун говорит, что это название реки, взятое из легенд. Это подтверждает ту мысль, что и все предыдущие названия имели цель лишь создать образ фантастического путешествия Солнца и бо́ль-

шая их часть либо заимствована из мифов, либо вдохновлена литературными источниками (прежде всего произведениями Цюй Юаня, первого поэта Китая; см. вступит. ст. в наст. изд.). – *63.*

[149] Речь, конечно, идет о богине Сихэ, совершающей путешествие по небу на колеснице. Она же, согласно «Каталогу...», – мать десяти солнц (см. с. 117–118). По более поздним источникам, она родилась первая после рождения Вселенной и ведала не только Солнцем, но и Луной. См.: Шань хай цзин цюань. Гуйчжоу, 1995. С. 292, прим 75. – *63.*

[150] Похоже, это название есть также плод фантазии авторов, причем если взять весь фрагмент, то в нем усматривается некоторая игра слов: «юань юй» – букв. «пучинная печаль» и «юй юань» – «печальная пучина». Не исключено, что так передается чувство печали, охватывающее человека на закате и дня, и света, и жизни. Это вполне в стиле «Хуайнаньцзы». – *63.*

[151] Гора на севере; Гао Ю прибавляет: «...место, которое посетил Лу Ао». Рассказ о Лу Ао есть в гл. 12. – *63.*

[152] Ср. выше, прим. 89. – *63.*

[153] Здесь деятельность *Юя* (см. прим. 91 к гл. 1) распространяется на природно-космическую область. – *63.*

[154] Здесь и далее идет разъяснение этимологии названий музыкальных звуков, составляющих 12-ступенный китайский звукоряд. – *63.*

[155] Речь идет о созревании плода. – *63.*

[156] Данное место остается непонятным. – *64.*

[157] Этот смысл вполне логичен: закончился полуцикл, необходимы другие ритуалы. И все же в контексте названий тонов музыкального звукоряда, так явно намекающих на пиршество (конечно, обрядовое), жаль расставаться с интерпретацией слов «изменение распоряжений» как «распоряжения об убиении» (т.е. «приготовление жертвы»). Ведь слово *«и»* имеет вполне распространенное значение «убивать», и, чтобы объяснить текст как «изменить», надо заменить этот иероглиф на его омоним *«и»* – «менять». – *64.*

[158] Безусловно, что в двух последних абзацах речь идет об обрядовой еде, которая предполагала обжорство как магическое действие, имеющее целью заклинание будущего благополучия (урожая прежде всего). – *64.*

[159] По-видимому, имеет место ассоциация с желтыми плодами осени или цветом спелого колоса. – *64.*

[160] *Циркуль* вызывает ассоциацию с кругом-небом, *угольник* – с квадратом-землей (см. также прим. 121 к гл. 1), *весы* – с семенами весной, *гири* – с плодами осенью. – *64.*

[161] В понимании этой фразы есть несколько нюансов: «путь» – то же слово, что и *«дао»*, и хотя речь идет о ежедневном пути *солнца*, конец фразы все же ассоциируется и с тем положением, что *дао* и есть *Единица*, Одно, с которого начинается отсчет во Вселенной. Эту ассоциацию подкрепляет и следующая строкой ниже цитата из Лаоцзы, в которой под точкой отсчета снова подразумевается *дао*. Таким образом, между солнцем и *дао* строится и поддерживается параллель. – *64.*

[162] Цитата из Лаоцзы (см.: Дао дэ цзин, § 42), однако не с начала, прежде идут слова: «Дао рождает одно, *одно рождает...*» и т.д. – *64.*

[163] В «Цзо чжуань» под 18-м годом правления Сюань-гуна (примерно 591 г. до н.э.) рассказывается, как некий Цзы Цзя в

момент отдачи последних почестей умершему «оголил плечо, перевязал волосы пеньковой веревкой, подошел к покойному, возопил, *трижды подпрыгнул* и вышел». По-видимому, это рассматривалось как наиболее полная форма ритуала прощания с покойным. – *64.*

[164] *Цунь* – одна десятая *чи*. Какова была длина 1 *чи*, можно судить по тому, что ниже в тексте говорится: «...человеческий рост – 8 *чи*». По поводу длины трубки *хуан чжун* Сыма Цянь уточняет: «Музыкальная трубка Хуан-чжун («Желтый колокол». – *Л.П.*) делается длиною 8 *цунь* и одна [седьмая] десятая...» (*Сыма Цянь.* Указ. соч., т. 4, с. 105). Для авторов «Хуайнаньцзы» важно найти такие числовые соотношения, которые бы подтверждали идею всеобщей соотнесенности, и ради этого можно пренебречь долями. В другом месте этой главы говорится, что длина трубки была 9 *цуней*. – *64.*

[165] В тексте «*дэ*» (см. прим. 19 к гл. 1). – *65.*

[166] О достаточно архаичных представлениях о музыкальных звуках (в том числе и издаваемых колоколом) см.: Го юй, с. 74–76. – *65.*

[167] Здесь, таким образом, проясняется смысл названия первого из музыкальных тонов в 12-ступенном звукоряде. Из этого объяснения очевидно, что речь идет о колоколах и о символике цвета «желтый». Это оправдывает наш более ранний перевод музыкального тона «*хуан чжун*» как «желтый колокол» (см. выше, прим. 101 и 164). – *65.*

[168] Т.е., возможно, имеется в виду, что в месяце три декады. – *65.*

[169] Далее следует шкала тонов двенадцатеричного цикла; убавление или прибавление одной доли обозначается как *движение вниз* или *движение вверх* соответственно. Этот принцип определения высоты звука в китайской музыкальной теории носил название *сань фэнь суньи фа* – «способ убавления или прибавления по третям» (см.: *Сыма Цянь.* Указ. соч., т. 4, с. 105, 251; прим. 67). – *65.*

[170] В основе нижеследующих числовых комбинаций, связанных с музыкальными тонами, лежат манипуляции с тройкой. Так, например, если от 81 отнять одну треть, получим 54, а если к 54 прибавить одну треть его, то получим 72 и т.д. В этой системе прибавление или отнятие «доли» в одну треть числа создает звуки двенадцатеричного звукоряда. – *65.*

[171] Это значит, что цикл завершен и дальше все начинается сначала. – *66.*

[172] По мнению комментаторов, правильнее должно быть так: «Звук *гун* рождает звук *чжи*, звук *чжи* рождает звук *шан*» (*Чжан Шуанди*, с. 362, прим. 54). – *66.*

[173] Известно, что на протяжении древней эпохи значения мер и весов в разные времена менялись. Здесь авторы «Хуайнаньцзы», исходя из своей задачи всему найти соответствие, приводят значения, которые были приемлемы для их времени. Чжан Шуанди ссылается на данные «Шо вэнь», согласно которым в период Чжоу (т.е. XI–III вв. до н.э.) 8 *цуней* составляли 1 *чи*. Но в нашем случае расчет строится на том, что в 1 *чи* заключается 10 *цуней* (см. ниже, в тексте), тогда 2 *чи* и 7 *цуней* составят сумму в 27 *цуней*. – *66.*

[174] Авторы хотят сказать, что *сюнь* рассчитан исходя из роста человека. – *66.*

[175] *Чжан* мера длины (или высоты) приблизительно в 10 *чи* В «Шо вэнь» *чжан фу* – букв «мужчина ростом в один *чжан*» – значит просто «взрослый человек» *Пи* – изначально длина рулона ткани Это интересно так как по-видимому, ткани в рулоне было столько, сколько ее нужно для того чтобы обернуть ею человека – *66*

[176] *Острие ости колоска* (*бяо*) как и «кончик паутинки» (см прим 21 к гл 1) – в древних текстах самая малая материальная частица Таким образом *зерно (су)* выступает как мера длины См также прим 46 к гл 9 – *66*

[177] *Фэнь* и далее *чжу, лян, цзинь, цзюнь, ши* – меры веса – *66*

[178] Каждый сезон включал в себя три *луны* первую под названием *мэн* (начало), вторую – *чжун* (середина), третью – *цзи* (конец) – *66*

[179] Имеются в виду звуки 5-ступенного звукоряда – *66*

[180] Как показывает текст ближайших страниц за *Великой тенью* следуют пять астральных духов в сопровождении которых она совершает восемь «переселений» по орбите своего движения (см наст изд с 68–69) – *67*

[181] Звезда (или созвездие) позже ассоциировалась с женскими покоями («задним дворцом») Великого Единого – *67*

[182] Комментаторы бьются над этим местом не одно столетие непонятно, как *Великая тень* сама над собой может устанавливать контроль – но решения нет (см также *Чжан Шуанди* т 1 с 376–377) – *67*

[183] Ср названия годов на с 73 74 наст изд – *67*

[184] Под *одним* имеется в виду год как завершенный цикл, под *пятерыми* – пять первоэлементов – *69*

[185] *Пятерка* – то же, что «пятеро» первоэлементов в предыд прим , под «тройкой» – знаки, под которыми якобы проходит их рождение, мужание и смерть, а «восемь» есть искусственное число которым обозначаются «переселения» и которое относится к области астрологии – *69*

[186] Здесь сопоставляется пояс движения солнца с поясом движения луны – они пересекаются по дням солнцеворота – *69*

[187] Эта фраза переведена в соответствии с комментарием к этому месту, содержащимся в предисловии к разделу «Время» энциклопедии «Тайпин юй лань» – «Обозрение годов правления Тайпин» (см *Чжан Шуанди*, т 1, с 392) О разногласиях в толкованиях этой фразы см там же – *70*

[188] В этом перечне обращает на себя внимание включение в общеханьский мир *варваров* всех четырех сторон, что соответствовало духу эпохи (см вступит ст) «Звездочкой» здесь, как и в перечнях выше, на с 70, и ниже, на с 71, помечено название царства Вэй, находившегося на территории нынешней пров Шэньси, в отличие от царства Вэй, находившегося на территории нынешней пров Хэнань – *71*

[189] Поскольку *четыре сезона,* как и циклические знаки, выступают в тексте «управителями» (они связаны с центром), постольку их место в перечне оправданно – *71*

[190] Под именами «мать» и «сын» имеются в виду дни, соотнесенные с определенными знаками из десятеричных и двенадцатеричных циклов, а также с одним из пяти первоэлементов Они рассматриваются как стоящие «выше» (*шан*, мать) или стоящие «ниже» (*ся*, сын)

Во всех случаях речь идет о кругообразном движении по орбите, отображающем и движение Луны и Солнца, и смену друг другом пяти первоэлементов («рождение», «преодоление» и пр) как главенствующих стихий в тот или иной период календарного года Авторы искусственным путем пытаются соединить в одну систему солнечный и лунный циклы, использовав для этого архаичную систему взаимного порождения первоэлементов Все это находит применение в астрологической практике Об этом см *Гэ Хун* Баопу-цзы / Пер Е А Торчинова СПб , 1999 С 274 и др , о «трудном положении» см там же, с 373, прим 9 – *71*

[191] В ориг употреблено не «Тайсуй» (Урожайная звезда), а «суй» – «урожай», «год» – *71*

[192] Словами «суставы» и «конечности» передан употребленный в оригинале иероглиф «чжи» Цянь Тан ссылается здесь на главу «Человеческие соответствия небесным числам» из «Чуньцю фаньлу», в которой смысл этой фразы получает разъяснение (см *Чжан Шуанди*, т 1, с 398 прим 44) – *72*

[193] Далее в оригинале следует схема, содержание которой воспроизводится ниже текстом, начиная со слов «Дерево рождается в знаке *хай* » и кончая словами « что соответствует созвездиям Оковы, Скипетр» Смысл схемы – в сочетании знаков десятеричного и двенадцатеричного циклов с элементами пяти стихий – их постепенным возрастанием и переходом друг в друга, а также соотнесением с 28 зодиакальными созвездиями, их движением слева направо, т е по часовой стрелке – *73*

[194] Букв «разделывание туши» – *74*

[195] Букв «осеннее опадание листвы», однако этот образ в китайском сознании – благодаря поэзии в частности Сун Юя, – накрепко соединен с переживанием печали при расставании, а это в свою очередь нередко связано и с войной – *74*

[196] Далее в тексте следуют несколько задач, которые в древности были известны под названием «определение расстояний до недоступных предметов» (см *Березкина Э И* Математика древнего Китая, с 271 и др) Дж Мэйджер в своей книге дает этот фрагмент в Приложении («A Chinese Eratosthenes of the Flat Earth» by Christopher Cullen) Текст является одним из наиболее ранних, относящихся к истории математики, и это привлекало к нему внимание многих ученых, достаточно назвать имена А Масперо, Дж Нидэма и др , анализируется он и в относительно недавних работах по истории математики в Китае (см , напр *Volkov A* The Mathematical Work of Zhao Youqin // Taiwanese Journal for Philosophy and History of Science 1996–1997 N 8 P 144) В качестве «недоступных предметов» здесь выступают предельные точки сторон света расстояние до которых от наблюдателя измеряется с помощью гномонов (шестов высотой в 8 *чи*) В основе расчетов лежат операции с прямоугольными треугольниками

Не будучи математиком, я привожу здесь, в примечании, перевод этого места с перевода его на современный китайский язык, выполненного Чэнь Гуанчжуном (см Хуайнаньцзы и чжу) Некоторые его комментарии и наши пояснения даны в квадратных скобках

«Если нужно определить местонахождение востока и запада утром и вечером, то можно установить один шест на восточной стороне, а потом в десяти шагах (*бу*) от первого установить еще один (этот шест ставится к юго-востоку от предыдущего), с тем чтобы вести наблюдение за изменением тени от них относительно друг друга (рис. 1). Солнце начинает появляться с северной стороны шеста, и солнечная тень доходит до юго-западной стороны шеста. Ставим еще один шест к юго-востоку от первого Используя шест, установленный на западной стороне, сопоставляем с ним: в этот момент солнце от северной стороны западного шеста прямо светит на южную сторону юго-восточного шеста. Так устанавливается точное расположение востока.

Берем точку центра между восточным и юго-восточным шестами, соединяем ее с западным шестом, это будет линия направления с востока на запад.

В день зимнего солнцестояния солнце восходит из области юго-восточного тяжа. В день весеннего и осеннего равноденствия солнце восходит из центральной точки востока и заходит в центральной точке запада. В день летнего солнцестояния солнце восходит из области северо-восточного тяжа, а садится в области северо-западного тяжа. Так с помощью шеста можно вымерить четыре *цзи* — дни зимнего и летнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия.

Если хочешь знать протяженность с востока на запад и с юга на север, можно поставить четыре шеста по четырем сторонам света на расстоянии 1 тыс. *ли* друг от друга так, чтобы они образовали квадрат (рис. 2). За десять дней до весеннего или осеннего равноденствия начинаем наблюдение от гномона, находящегося на северной стороне квадрата. Когда солнце на рассвете доходит до точки *дань мин* (что соответствует, по мнению Цянь Тана, времени солнечной стоянки под названием «Кривые горы». – *Л.П.*), ждем, когда наступит совпадение. Если противоположные (шесты) совпадут, значит, мы окажемся на одной линии с солнцем. Теперь используем южный шест для наблюдения. Возьмем число, показывающее вхождение в предыдущий шест, за основу измерений. Делим малый *гоу* (*гоу* – меньший катет прямоугольного треугольника) на малый *гу* (*гу* – больший катет прямоугольного треугольника), малый *гоу* на большой *гу* и получаем число, показывающее протяженность с востока на запад. Предположим, солнце на восходе вошло в предыдущий шест на расстояние в 1 *цунь*, возьмем 1 *цунь* за 1 *ли*. В 1 *ли* 18 тыс. *цуней*. Наблюдаем за солнцем на закате: если оно войдет в предыдущий шест на *полцуня*, то *полцуня* – это то же, что 1 *ли*. Возьмем *полцуня* и разделим на 1 *ли* и получим сумму 18 тыс. *цуней*, что равняется 36 тыс. *ли*. Это есть расстояние отсюда в сторону запада, исчисленное в *ли*. Если сложить два расстояния на запад и на восток, то получится точное расстояние между предельными точками востока и запада.

Если солнечная тень встанет вертикально, когда день весеннего равноденствия еще не наступил, или в день осеннего равноденствия вертикаль солнечной тени не установится, это значит, что солнце находится прямо на юге. Если день осеннего равноденствия еще не наступил, а вертикаль солнечной тени установилась или когда день осеннего равноденствия уже наступил, а вертикаль не установилась, это значит, что солнце находится прямо на севере.

Когда день весеннего равноденствия еще не наступил, а вертикаль не установилась, это значит, что солнце находится в центре между северным и южным направлениями. Используя эту центральную точку, можно узнать расположение юга: до наступления дня осеннего равноденствия вертикаль не установилась, значит, в этот момент солнце занимает положение в центре между югом и севером

С помощью этой центральной точки можно представить себе расстояние от северного предела до южного – нужно вести наблюдение за солнцем от юго-западного шеста (рис. 3). В день летнего солнцестояния солнце восходит в области северо-восточного тяжа и с северным шестом устанавливается одна линия, так что расстояния от северного и северо-восточного шестов оказываются одинаковы. Поскольку расстояние до точки востока составляет 18 тыс. *ли*, то и до точки севера тоже 18 тыс. *ли*. Удвоим это число и получим сумму в 36 тыс. *ли* – расстояние от юга до севера.

Если измерять не используя точку центра, то можно пользоваться цифрами, показывающими уменьшение или увеличение тени первого шеста в момент восхода или захода солнца. Если тень уменьшилась на 1 *цунь*, значит, в расчетах надо сделать уменьшение на 1 *ли*. Если она превысила 1 *цунь*, то надо произвести увеличение на 1 *ли*.

Если хочешь знать высоту неба, можно сделать это, измеряя тень от шеста высотой в 1 *чжан* (рис. 4). В месте, которое удалено от точек севера и юга на расстояние в 1 тыс. *ли*, в одно и то же время измерь длину солнечной тени. На севере ее длина будет 2 *чи*, на юге – 1 *чи* и 9 *цуней*: по мере движения к югу длина тени уменьшилась на 1 *цунь*. На расстоянии 20 тыс. *ли* к югу не будет тени, это значит, что северное место находится прямо под солнцем. Если тень составляет 2 *чи*, то нужен шест высотой в 1 *чжан*. Поэтому тень от южного шеста относится к высоте шеста как 1:5. Тогда если считать, что расстояние от места расположения южного шеста до места, где нет тени, составляет 20 тыс. *ли*, то надо умножить его на 5, получим 100 тыс. *ли* – это и есть высота неба.

[«Это ошибочное рассуждение сторонников учения *гай тянь*», – добавляет Чэнь Гуанчжун (с. 176). Далее следуют его собственные рисунки и пояснения к ним.]

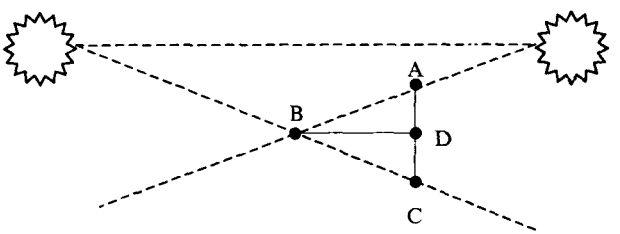

Рис. 1

A – первый гномон, он же – восточный гномон; *B* — западный гномон; *C* – третий гномон. Устанавливая гномон *C* по отношению к гномону *A* к югу или к северу, превращаем линию, соеди-

няющую центр линии AC (обозначенной как D) с точкой B (местом нахождения западного гномона), в линию, разделяющую поровну треугольник ABC. И тогда линия BD оказывается вровень с линией, указывающей на положение солнца утром и вечером.

[«Однако, – замечает Чэнь Гуанчжун, – в тексте говорится только, что «поставим еще шест на восточной стороне», и не объясняется, как он соотносится с первым шестом (A)».]

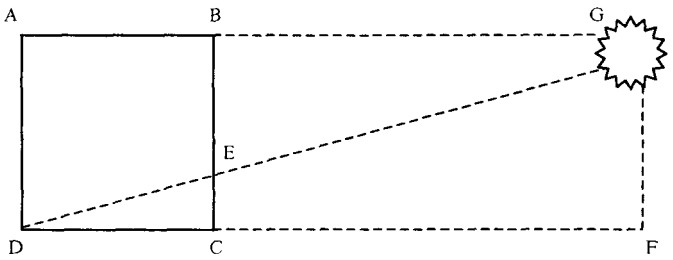

Рис. 2

Поставленные на расстоянии 1 тыс. *ли* друг от друга четыре шеста образуют квадрат. Два шеста с северной стороны расположены точно по линии восток-запад. За десять с небольшим дней, считая с весеннего или осеннего равноденствия, наблюдают от северных шестов за движением солнца на восходе. В тот момент, когда два шеста с солнцем образуют одну линию, наблюдают за ними со стороны южных шестов. Смотрят, как далеко в этот момент расходятся линии солнца и юго-западного шеста. Производное, полученное от деления этого показателя на высоту и длину стоящего шеста, и есть расстояние от востока до запада.

Эти четыре шеста обозначим A, B, C, D, а солнце – G. $AB=BC=CD=AD=1$ *ли*, от юго-западного шеста D ведем наблюдение, и когда линия DG проходит через BC в точке E, можно начинать расчет. Он таков:

CE, деленное на FG, равно: CD, деленное на DF,

$AG=DF$,

$CD=AB=FG=1$ *ли*,

CE, деленное на CD, равно: AB, деленное на AG,

AG равно: AB, умноженное на CD и деленное на CE; равно: 1x1 и деленное на CE.

Предположим, что CE равняется 1 *цуню*, который равен расстоянию в одну 18-тысячную *ли*, тогда AG будет равно 18 тыс. *ли*.

Если CE равно 0,5 *цуня*, а 0,5 *цуня* равны одной 36-тысячной *ли*, тогда AG равно 36 тыс. *ли*.

Древние считали, что солнце встает от восточного предела земли, поэтому расстояние, вычисленное утром, и есть расстояние от точки наблюдения на земле до восточного предела. Точно такой же способ используется при наблюдении на закате солнца, и наблюденное расстояние есть расстояние от точки наблюдения до западного предела. Сложение этих расстояний дает протяженность земли с запада на восток.

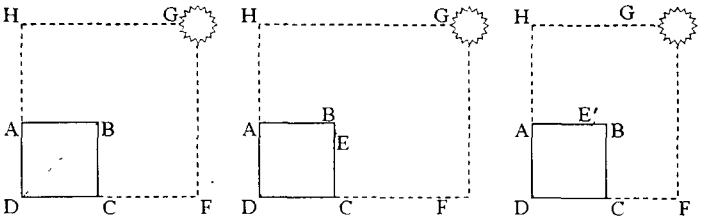

Рис. 3

Если надо узнать земное расстояние от юга до севера, нужно установить четыре шеста, обозначим их *A, B, C, D*. Они образуют квадрат. *AD* и *BC* – направление с юга на север, *AB* и *CD* – направление с востока на запад. В день летнего солнцестояния ведем наблюдение за восходящим солнцем от юго-западного шеста в направлении к северо-востоку. Если солнце встает прямо в точке *B* северо-восточного шеста, это значит, что *D* и *B* с солнцем находятся на одной линии, как показано на рисунке.

1-я позиция показывает, что расстояния от точки наблюдения до северного предела и до восточного предела одинаковы, т.е. DH=GF. Если удалиться от точки востока на 18 тыс. *ли*, то это на столько же удалит нас и от точки севера. Удвой это расстояние, и оно окажется расстоянием между северной и южной точками земли, а наблюдатель окажется в центре. Это особая ситуация. Обычная ситуация состоит в том, что, когда в день летнего солнцестояния наблюдают восход солнца от точки *D*, солнце не обязательно оказывается в точке *B*, а или чуть южнее, или чуть севернее. Предположим, что наблюдение ведется не в точке *B*, а южнее на 1 *цунь*, т.е. в точке *E*, тогда *BE* = 1 *цуню*. Тогда в соответствии с принятым соотношением 1 *цунь* = 1 *ли* точка севера будет отстоять от места наблюдения по сравнению с точкой востока дальше на 1 *ли*.

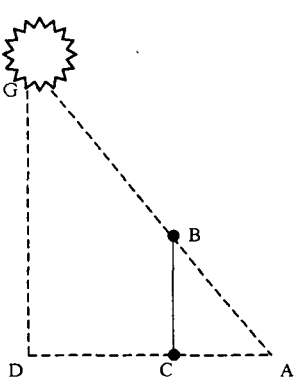

Рис. 4

На тех же основаниях если вести наблюдение за восходом солнца от точки *D*, то линия наблюдения пройдет севернее точки *B*, а именно в точке *E′*, как показано в третьей позиции на рис. 3. Так что если *BE′*=1 *цуню*, то точка севера от наблюдателя по сравнению с точкой востока будет дальше на 1 *ли*.

BC – шест в 1 *чжан* высотой, *AC* – тень, отбрасываемая шестом на север длиной в 2 *чи*, *D* – место прямого падения солнца, *AD* – расстояние в 20 тыс. *ли* от точки наблюдения до места «падения» солнца. В треугольниках, образуемых *ADG* и *ABC*, при их соположении имеем:

GD, деленное на *AD*, равно *BC*, деленное на *AC*, равно 10 деленное на 2, т е 5 (*чи*)
AD равно 20 тыс *ли*,
GD равно 20 тыс *ли* х 5 = 100 тыс *ли*
Это и есть высота неба»

Здесь Чэнь Гуанчжун отсылает читателя к работе Чжоу Гуйдяня «Тянь вэнь пянь чу тань» («Начальное исследование главы «Небесный узор»») – *74*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Эта глава дает представление о разнообразных классификационных схемах («матрицах»), использовавшихся в древности для описания земли В «Шуцзин» («Книге преданий») – первой части Пятикнижия – в главе «Юй гун» было положено начало описанию земли по областям или материкам, границами которых служили «высокие горы и большие реки» Затем в III в до н э появилась «Шань хай цзин» «Книга гор и морей» (рус пер «Каталог гор и морей»), в которой внутрь схемы «гор и вод» была введена ориентационная схема – по сторонам света (информацию о подобных схемах в древнем мире см *Подосинов А В* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии М , 1999) И наконец, эта глава «Хуайнаньцзы» в ней ориентационная схема по сторонам света выведена как основная, а внутрь нее включены уже известные подсхемы материков, гор и вод Содержанием схемы являются подробные описания почв, климатических поясов, направлений ветров и дождей флоры, фауны, полезных ископаемых, редкостей и т д В эту же схему вводятся такие парадигмы, как пять стихий, пять цветов, пять вкусов, пять музыкальных звуков, которые затем здесь же сами становятся самостоятельными схемами и в свою очередь вмещают в свои ячейки новые описания Последняя глава «Шань хай цзин», содержащая мифологические генеалогии, дала образец для фантастических генеалогий нашей главы преследующих цель связать в одно целое небесный и земной мир Опыт подобного описания земли, но в очень сжатом и неполном виде, мы находим также в «Люйши чуньцю», гл «Юши-лань» – «Начало» // Люйши чуньцю (Весны и осени господина Люя) *Лао-цзы* Дао дэ цзин (Трактат о Пути и Доблести) / Пер Г А Ткаченко М 2001, с 181–182 (кит изд Пекин, 1956, т 6, с 126)

[1] С некоторыми разночтениями эта фраза составляет начало шестого цзюаня (главы) «Каталога гор и морей» См Каталог , с 94 а также Шань хай цзин , с 191 О *шести сторонах* см прим 5 к гл 1 – *75*

[2] Разделение всей обитаемой суши на *девять областей* относится традицией к мифологическим временам Древние источники («Шуцзин», «Чжоу ли» «Эръя» и др) приписывают это деяние разным героям (Юю, Хуан-ди), но изначальный смысл, по-видимому, связан с появлением матери-земли как среды обитания (см Шуцзин, гл «Юй гун») Отсюда возможен перевод слова *чжоу* в этом контексте

как «материк» Границами *материков* служат горы и воды О *восьми пределах* (*ба цзи*) см прим 1 к гл 1 – *75*

[3] *Девять горных проходов (сай)* — опасные проходы в горах *на водах (цзэ)* – букв «на озерах», *девять топей (соу)* – в примечании к другому месту этой же главы (см ниже, прим 10) Гао Ю говорит что *соу* называется непроточная вода – *75*

[4] О *восьми ветрах* см гл 3 (наст изд с 54) – *75*

[5] Следующий ниже перечень *областей* отличается от тех, что известны по другим древним источникам здесь приведены другие названия «материков» и прибавлены характеристики земель – *75*

[6] Комментарий говорит, что ее разметил Хоуцзи – бог Зерна (Владычествующий над Просом) – *75*

[7] *Северо-восток* ассоциируется с зимним периодом, когда все замирает в природе («прячется») Нельзя не заметить, что названия земель даются исходя из их плодоносных свойств – *75*

[8] *Куайцзи* находится в совр пров Чжэцзян, на юго-восток от города Шаосин, *Тайшань* и *Тайхуа*, или Хуашань (Цветущая гора), – два из пяти знаменитых в древности пиков, соответственно пик востока и пик запада, *Ваньу, Шоушань, Янчан, Мэнмэнь* находятся в совр пров Шаньси, *Цишань* – в совр пров Шэньси, *Тайхан* (Великий хребет) – горный хребет, тянется через совр пров Шаньси, Хэнань, Хэбэй – *75*

[9] *Тайфэнь* – согласно Гао Ю, проход в горах, расположенных в царстве Цзинь, *Мяньэ* находился в горах на территории совр пров Хэнань, *Цзинъюань* и *Фанчэн* были на территории бывшего царства Чу, *Яобань* находится на границе совр пров Шэньси – Хэнань, *Цзинсин* и *Линцы* – на территории совр пров Хэбэй, *Гоучжу* – на территории совр пров Шаньси, *Цзюйюн* – на северо-западе от теперешнего Пекина – *75*

[10] Топи, кит *соу* – согласно Гао Ю, в данном случае озера – *75*

[11] *Цзюйцюй*, говорит Гао Ю, находится между царствами У и Юэ – *75*

[12] Ср названия ветров в гл 3 Разночтения принадлежат разным традициям – *75*

[13] Здесь в тексте явная описка – значится «северо-западный» вместо «западный» – *75*

[14] *Хэшуй* – теперешняя р Хуанхэ, *Ляошуй* ныне течет через пров Цзилинь и Ляонин, *Хэйшуй* течет в районе пров Шэньси Ганьсу, Цинхай, *Цзяншуй* – ныне р Янцзыцзян, *Хуайшуй* – нынешняя Хуайхэ – *76*

[15] Ср эти цифры с приведенными в гл 3 – *76*

[16] Здесь ошибка в тексте оригинала В «Хронике Люя» в упоминавшейся главе «Начало» это место читается как «горных долин – шесть» – *76*

[17] *Тайчжан* и чуть ниже *Шухай* – легендарные скороходы – *76*

[18] Об этом рассказывает и «Каталог гор и морей» (с 101) – *76*

[19] В ориг опять-таки *соу* (см выше, прим 10) – *76*

[20] Согласно «Каталогу » *Куньлунь* – земная столица Верховного Владыки (Предка) См Каталог , гл 11 В нашем тексте Юй предстает как «демиург», который как бог устраивает для богов и людей землю после потопа, нарушившего природный порядок Нижеследующий фрагмент представляет собой описание своего рода

макета Земли ее прообраз в мифолого-фантастическом отображении Такой подход логичен для авторов «Хуайнаньцзы», которые исходили из идеи восходящей к Чжуанцзы, о воспроизведении в бытийном мире «образов» возникших в Небытии (ср « то, что мы сжимаем в ладони, ведет свой род из-за грани Великого предела» – наст изд , с 109) – *76*

[21] *[земляная] насыпь* – в ориг *чэн*, стена, ограда, однако из описания очевидно, что это какая-то площадка, возможно пирамида, поскольку говорится о *террасной* (ступенчатой) форме То, что высота площадки измеряется (см текст ниже) в мерах длины *ли*, шаги, *цуни*, *чи*, возможно, означает, что она определяется шириной ступеней, т е суммой, складывающейся (при восхождении) из чисел, соответствующих их ширине В древних текстах существует несколько описаний *Куньлуня*, самое важное – в «Каталоге гор и морей», в частности гл 11 (с 105) и др – *76*

[22] Здесь комментаторы вновь в тупике Идет ли речь о ширине ворот (так считает комментатор XIX в Юй Юэ // *Чжан Шуанди*, с 414) или о расстоянии от одних ворот до других? И предложим третий вариант слово *ли* обозначает не только меру длины, но и заселенную площадь («селение») Можно предположить, что фразу, в оригинале звучащую как «мэн цзянь сы *ли*, *ли* цзянь цзю тунь », следует понимать так « в каждом проеме было четыре помещения, каждое в девять *туней* высотой» Можно также думать, что текст испорчен и адекватный перевод невозможен – *76*

[23] Здесь также неясности в тексте порождают разногласия комментаторов остановимся на трактовке этого места Чжан Шуанди, который привлекает для его понимания комментарий Гао Ю и фразу из «Люйши чуньцю» о том, что в колодцах Куньлуня содержится «самая прекрасная вода» (что следует понимать как «эликсир бессмертия») См *Чжан Шуанди* т 1, с 437 – *76*

[24] Под названием «Киноварная река» в древних текстах известны разные реки См Каталог с 140 прим 57 – *76*

[25] Го Пу, комментируя «Каталог гор и морей», говорит, что *Бохай* – это название скалистых гор (Шань хай цзин , с 15) Название «Гора Камней, нагроможденных Юем», несколько раз встречается в «Каталоге », например в гл 11 (с 104 а также с 189 прим 11) – *76*

[26] Горы в совр пров Ганьсу – *76*

[27] Кит *тай ди* – высший Владыка – *77*

[28] Имеется в виду солнечное дерево Фусан (Шелковица) – *77*

[29] *Дугуан* – название царства и горы – *77*

[30] Здесь *ди* – *77*

[31] См прим 41 к гл 1 – *77*

[32] Край, где мало мужчин и много женщин, как говорит комментатор – *77*

[33] Страна пигмеев ростом не более трех *чи*, согласно комментарию Гао Ю – *77*

[34] *Иму* – страна циклопов (?), *песчаное место* – край, откуда берут начало Зыбучие пески, по другим версиям – название озера (Гао Ю) – *77*

[35] Переведено по комментарию, хотя в тексте сказано «восемью правильностями», что непонятно – *77*

[36] По комментарию Гао Ю, *Чанхэ* значит «собирают жатву тьмы вещей и закрываются», т е это *ворота* смерти – *78*

[37] *Центральные земли*, согласно Гао Ю, – Цзичжоу, т е то пространство, которое занимала Поднебесная – *78*

[38] *Иулюй* – гора в совр пров Ляонин Эти же виды нефрита (яшмы) упоминаются в «Каталоге гор и морей», гл 11 Го Пу дает к ним примечание все это «красный нефрит (яшма)» См Шань хай цзин , с 249, прим 48 *Ляншань* находится в совр пров Хунань – *78*

[39] В тексте просто «камень» (ши), но, по Гао Ю, это «содержащий нефрит камень» – *78*

[40] В «Каталоге гор и морей» упоминаются эти *нефриты* в гл 11 Юань Кэ приводит цитату из Го Пу «*лянгань* похож на жемчуг» (Шань хай цзин , с 250, прим 60) – *78*

[41] Гао Ю говорит, что *Темная столица* располагалась в древности в районе к северу от Гусиных гор, который был особенно пригоден для разведения скота, и что *рога скота* и *сухожилия* использовались для изготовления луков – *78*

[42] Гора Тайшань согласно комментарию Гао Ю – *78*

[43] *Горы* – это стихия *ян*, а *воды* – *инь* Если рассматривать их роль в сезонном обороте, то *ян* несут тепло и рост, а *инь* – холод и смерть См также гл 3, о смене Благодати и Гибели – *78*

[44] Гао Ю говорит круг – это *ян*, а квадрат (прямая линия) – это *инь*, *жемчуг* (водный продукт) – это *инь* внутри *ян* (жемчужина круглая), а *нефрит* (горный продукт) – это *ян* внутри *инь* (камень остроугольный) – *78*

[45] *Белый нефрит* (*юй ин*) может светиться чудесным светом – *78*

[46] Гао Ю связывает смысл этой фразы с представлением о востоке как о стихии дерева, т е полной доброты (*жэнь*) (ср прим 37 к с 53), а о западе – как о стихии металла, т е определяемой оружием Но есть и другие версии например, Чэнь Гуанчжун (см Хуайнаньцзы и чжу , с 195) считает, что под «трупом» имеется в виду персонаж по имени Синтянь из гл 7 «Каталога гор и морей» (см Каталог , с 97, 186, прим 7) Мне не кажется это объяснение органичным, исходя из общего контекста фрагмента – *79*

[47] *Слюда* – букв Мать облаков (*юнь му*) *Земляного дракона* как символ дождя некогда во время засухи приказал сделать Чэн Тан, и дождь пошел Ласточки весной *прилетают*, а гуси *улетают* на север, осенью ласточки *улетают*, а гуси *прилетают* на юг (комментарий Гао Ю), знаменуя приход весны и наступление осени – *79*

[48] Т е рыбы и морские животные – *79*

[49] Т е черви – *79*

[50] Т е лазающие по деревьям – *79*

[51] Имеется в виду тутовый шелкопряд – *79*

[52] Т е тигры и барсы – *79*

[53] Т е обретшие святость – *79*

[54] Кит *цин*, точнее, *никто не знает* того, что руководит *природой* существ, их инстинктом – *79*

[55] Счет идет от «сотворения мира» небо родилось первым, земля – второй, а человек родился от их соития – третьим Подробнее о числовых манипуляциях см гл 3 (наст изд , с 85) – *79*

[56] Согласно Гао Ю, имеется в виду циклический ряд «небесные стволы», в основе которого лежит число *десять* – *79*

[57] Т е движением зодиакальных созвездий определяется месячное время – *79*

[58] Имеется в виду 12-ступенный *звукоряд*, в котором шесть тонов так называемых «мужских» (*ян*) и шесть – «женских» (*инь*). Подробнее см. гл. 3, с. 65 наст. изд. и таблицу в прим. 100 к с. 57. – *79.*

[59] О кругообороте *Инь* и *Ян* см. гл. 3 (наст. изд., с. 56). – *80.*

[60] Берет начало в пров. Шаньси, впадает в Хуанхэ. – *80.*

[61] Берет начало в пров. Хэнань, впадает в Хуанхэ. – *80.*

[62] Одна из рек, упоминаемых в «Шуцзин», в гл. «Юй гун», берет начало в пров. Шэньси, впадает в Хуанхэ. – *80.*

[63] Берет начало в пров. Ганьсу, впадает в Хуанхэ. – *80.*

[64] Берет начало в пров. Шэньси, впадает в Янцзы. – *80.*

[65] Букв. «острым». – *80.*

[66] Т.е. цвет востока. Подробнее о символике цветов в связи со сторонами света см. гл. 3. – *80.*

[67] Цвет юга. – *81.*

[68] Цвет запада. – *81.*

[69] Цвет севера. – *81.*

[70] Цвет земли и Центра. – *81.*

[71] Букв. «шесть видов скота», т.е. корова (бык), лошадь, баран, собака, курица (петух), свинья. – *81.*

[72] Речь идет о взаимном порождении пяти стихий. Подробнее см. гл. 3. – *81.*

[73] Здесь и далее знаки препинания расставлены в соответствии с китайским изданием. – *81.*

[74] Имеется в виду 5-ступенный звукоряд. – *81.*

[75] Здесь интересная попытка объяснить взаимопревращение стихий. – *82.*

[76] Почти все упоминаемые ниже народы существуют в «Каталоге гор и морей». По поводу перевода их наименований есть много разных точек зрения, которые частично приведены в примечаниях к соответствующим местам перевода «Каталога...» на русский и современный китайский языки (соответственно Э.М. Яншиной и Юань Кэ). Наш перевод в основном следует за переводом Э.М. Яншиной, случаи расхождений специально оговариваются. – *82.*

[77] *Твердогрудые* – кит. *цзе,* букв. «узлом завязывать»; источники по-разному интерпретируют это название, в частности и как птичья (или куриная) грудь. См.: Шань хай цзин.., с. 194, прим. 9. *Царство* Хуаньтоу упоминается в разных древних источниках, в частности и в «Каталоге гор и морей» (см. с. 95, 116, а также 183, прим. 9). По ассоциации с другими наименованиями царств можно предположить, что и здесь присутствие слова «голова» (*тоу*) имеет свой смысл: большинство названий даны по внешнему признаку людей, населяющих эти земли. *Царство «Трех мяо» (сань мяо)* в древнекитайских источниках встречается довольно часто: в «Книге преданий», в «Каталоге гор и морей», в «Речах царств» и др., обычно как непокорное племя. Подробнее см.: Каталог.., с. 184, прим. 11. Юань Кэ приводит средневекового комментатора «Каталога...» Го Пу: «Некогда Яо уступал Поднебесную Шуню, государь Трех *мяо* воспротивился этому, Владыка казнил его, а народ *мяо* ушел к Южному морю и основал там царство Трех *мяо*» (Шань хай цзин.., с. 195).

Спящих ногами вместе в пер. Э.М. Яншиной – «Людей с перекрещенными голенями» – «*цзяо цзин* (*цзин* – голень) *минь*». В современном тексте «Хуайнаньцзы» значится «*цзяо чжи* (*чжи* – пят-

ка)». Го Пу, цитируя «Хуайнаньцзы», пишет не «*цзяо чжи*», а «*цзяо цзин*», хотя, впрочем, замечает, что это одно и то же. См.: Шань хай цзин.., с. 196, прим. 36. – *82.*

[78] Кит. *цзао* – сверло; «с зубами, похожими на сверло» – тоже возможный вариант перевода. – *82.*

[79] Кит. *Сюань гу.* – *82.*

[80] См.: Каталог.., с. 102, 123, 191. – *82.*

[81] Кит. *лао минь*, букв. «людей постоянно (и напрасно) трудящихся». Юань Кэ предлагает: «Наставляющих» – на том основании, что «лао» и «цзяо» (наставлять) близки по звучанию. В пер. Э.М. Яншиной – «Трудолюбивых». – *82.*

[82] Переведено по правке Гао Ю: вместо «*гоу*» следует читать «*цзю*». – *82.*

[83] Четыре из последних царств встречаются в «Каталоге...», гл. 8, последнее – там же, гл. 17. – *82.*

[84] Гао Ю говорит, что это две горы, за которые заходит солнце. Го Пу считает, что *Лотан* или Лочан – название дерева (Шань хай цзин.., с. 209–210, прим. 53). – *82.*

[85] Гао Ю говорит: «похожа на карпа, читается *бан*». – *82.*

[86] Букв. «есть духи, два человека». – *82.*

[87] Гао Ю говорит: «громко кричащих в ночи». – *82.*

[88] См. для сравнения близкий перечень диковин в «Каталоге...», гл. 9, с. 101. *Нефрит вэй* толкуется по-разному, в частности как нефрит, который кладут вместе с умершим или посылают в дар туда, где есть покойник (*Чжан Шуанди*, с. 488, прим. 22). ...*японская айва* (*чжа*) – Chaenomeles japonica. – *82.*

[89] См. это место в «Каталоге...», гл. 8, с. 100. – *82.*

[90] *Роща Плодородия Дэнлинь* отождествляется с рощей Персиковой (см.: Шань хай цзин.., с. 218). Полный вариант мифа см.: Каталог.., гл. 8, с. 100. Миф о *Куафу* является китайским вариантом мифа об умирающем и воскресающем божестве плодородия (см.: *Яншина Э.М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984. С. 95). См. также прим. 39 к гл. 2. – *82.*

[91] Гао Ю говорит: «Куньу – предок чусцев, внук Чжу Жуна (Зажигающего свет), был правителем в Ся; в Песнях (в «Книге песен». – *Л.П.*) говорится, что это сяский правитель Цзе». – *83.*

[92] Согласно Гао Ю, *Сюаньюань* – прозвание в Поднебесной Хуан-ди (Желтого Предка); см. прим. 41 к гл. 2. – *83.*

[93] Из этой *долины* восходит солнце. Написание ее названия разнится в источниках. Э.М. Яншина, следуя Го Пу, переводит «долина Кипящих ключей». См. также: Шань хай цзин.., с. 229, прим. 27. – *83.*

[94] Гао Ю говорит, что это были жены Ди Ку. *Цзяньди* проглотила посланное Небом яйцо и родила Ци, это и был Сюань-ван, предок иньцев. – *83.*

[95] Гао Ю говорит: «Сань вэй – гора на западном пределе (оконечности)». – *83.*

[96] Э.М. Яншина переводит «Свет Светильника». Го Пу считает, что *Ночной Свет* и Свет Светильника (*Чжугуан*) – дочери Шуня. См. на эту тему: Каталог.., с. 108. – *83.*

[97] Согласно Гао Ю, это название реки или горы. – *83.*

[98] Название области в период Хань, в совр. пров. Аньхуй. – *83.*

[99] Т.е. в центральных землях. – *83.*

[100] Гао Ю в комментарии добавляет «в зубах он держит свечу». – *83.*

[101] Бог зерна (проса), покровитель земледелия, почитался как предок чжоусцев. – *83.*

[102] Либо: воскресая, превращаются в рыб. – *83.*

[103] Ср.: Каталог.., с. 109 – *83.*

[104] Гора *Минь* находилась на территории бывшего царства Шу. – *83.*

[105] Гора, расположенная в Восточном море, согласно комментарию. – *83.*

[106] Течет в совр. пров. Аньхуй – *83.*

[107] Отроги Тайхан. – *83.*

[108] Река *И* вытекает из Шаньдуна и течет в Цзянсу. – *83.*

[109] Река *Ло* (с «водой» в ключе) впадает в р. Вэй – ту, что упоминается в «Шицзин» (LXIV 12) – *83.*

[110] Гора в пров. Шэньси. – *83.*

[111] Находится в Лунси. – *83.*

[112] Местоположение гор Верхнее Вэй неизвестно. – *83.*

[113] Река на северо-западе Китая (комментарий Гао Ю) в отличие от реки с таким же названием, упомянутой выше, в прим. 109. – *83.*

[114] Гао Ю уточняет – «в Тайюани» – *84.*

[115] *Дракон-гора* упоминается в «Каталоге. .», с. 119. По версии «Каталога ..», «сюда заходят солнце и луна». – *84.*

[116] Согласно Гао Ю, это единое слово, хотя и Лю Вэньдянь, и Чэнь Гуанчжун разделяют его на два. – *84.*

[117] Гао Ю говорит, что *Чжуцзи, Шэти* и все другие, кончая *Цюнци*, – небесные духи (боги). Эти имена, за исключением Гунгуна, похожи на названия каких-то природных олицетворений. Ср. нижеследующие парадигмы. См. далее по тексту. – *84.*

[118] Лю Вэньдянь дает чтения «ба», или «бо», или «фа» – *84.*

[119] Кит. *цзюнь* значит «плесень». – *84.*

[120] В ориг. *шу жэнь* – простолюдин. – *84.*

[121] Здесь и в дальнейшем утверждается та мысль, что вся земная флора и фауна имела до своего рождения неких прародителей (Гао Ю так и говорит: «Покрытый мелкими волосками – предшественник человека»), мифологизированных сущностей, несущих в себе лишь образ последующего рода. Обращает на себя внимание тот факт, что развитие идет по нисходящей: от Мудреца – к обычному человеку, от Феникса – к обычной птице и т.д. Иными словами, здесь как раз речь идет уже не о небесных богах, а о новых, «приземленных» существах, которые в недалеком будущем заселят окружающее людей пространство и станут персонажами популярных сборников рассказов о чудесах. Наступает эра «новой мифологии». – *84.*

[122] В имени «Юйцзя» важно слово «юй» – крылья. *Юйцзя* и *Летающий дракон* (Фэйлун) – прародители летающих насекомых, у Летающего дракона есть крылья. – *84.*

[123] Возможно, это жираф. – *84.*

[124] Согласно комментарию, панцирного дракона. – *84.*

[125] *Кунь гэн* – букв. «подавиться рыбьей костью». – *84.*

[126] Гао Ю говорит: «Цзе – страна-предок черепах». – *84.*

[127] Первоначала, аналогичные тем, что представлены в гл. 3: Огонь и Вода как первопредки *Инь, Ян*, Солнца, Луны, от которых в свою очередь родятся огонь, вода и т.д. – *84.*

[128] *Пять родов* – покрытые мелкими волосками, крылатые, покрытые шерстью, чешуйчатые, панцирные. – *85.*

[129] *Чэнжо* не поддается переводу, но обращает на себя внимание тот факт, что жо, жу и пр. означают подобие, а в тексте говорится, что все создается, уподобляясь одно другому. – *85.*

[130] Согласно комментарию, водяной (букв. «плавающий») дракон, лебедь. – *85.*

[131] Гао Ю комментирует, что пятерка – число центра, поэтому здесь все связано с нею. Минерал *реальгар* встречается в некоторых серебряных, золотых и полиметаллических месторождениях. Цвет от ярко-красного до оранжево-красного. Часто соединен с аурипигментом, «золотой краской». Использовался в алхимических опытах. Последние были широко распространены в поздней древности и в средние века в Китае, о чем свидетельствуют источники, художественная литература и специальные трактаты (на рус. яз. см.: *Гэ Хун.* Баопу-цзы / Пер. с кит., предисл. и коммент. Е.А.Торчинова. СПб., 1999). – *85.*

[132] Здесь и далее «прячется» означает уход тотема. – *85.*

[133] Гао Ю помечает: «Желтое море – срединное море». – *85.*

[134] Число сине-зеленого неба, т.е. востока, – восемь, поэтому трансформации связаны с этим числом. *Зеленый камень* – т.е. голубой кварц, используемый, в частности, в китайской медицине. – *85.*

[135] Т.е. свинец. – *85.*

[136] Т.е. южной земли. – *85.*

[137] Семерка – число юга. – *85.*

[138] Красная медь, червонное золото. – *85.*

[139] Т.е. западной земли. – *86.*

[140] Девятка – число запада. *Белый минерал*, как говорит Чэнь Гуанчжун, – один из ядовитых минералов. – *86.*

[141] Т.е. в западное море. – *86.*

[142] Т.е. северной земли. – *86.*

[143] Шесть – число севера. Кит. слово *сюань* в тексте везде переведено как «сокровенный», но здесь, поскольку речь идет о цвете, оно передано как «темный» (см. прим. 53 к гл. 3). *Темный камень* – точильный камень. – *86.*

[144] Т.е. в северное море. – *86.*

[145] В кит. оригинале с. 68 – пустая. – *86.*

ГЛАВА ПЯТАЯ

Данная глава имеет аналоги в других древних памятниках – в «Книге обрядов» (гл. «Юэ лин» – «Полунные приказы»), в «Люйши чуньцю» (начальные главы первых 12 книг. См.: Люйши чуньцю, с. 71, 79, 88 и далее), – а некоторыми темами перекликается с «Чжоу ли». Упомянутые тексты относятся к разному времени, но все предшествуют тексту «Хуайнаньцзы» и отличаются от него многими, весьма значимыми, деталями. При этом между текстами из «Книги обрядов» и «Люйши чуньцю» нет практически разницы, тогда как текст «Сезонных распоряжений» в «Хуайнаньцзы» носит уже на себе следы обработки. Она направлена главным образом на то, чтобы выделить связь космогонических и природных процессов с хозяйственной и государственной деятельностью, от этого подробности об-

рядовой жизни оказываются, по сравнению с первыми двумя текстами, оттесненными на второй план

[1] *Чжаояо,* в «Указателе» Вяткина – «Колеблющаяся», – название звезды, находящейся вблизи созвездия Большой Медведицы По другому комментарию, – 7-я звезда Б. Медведицы Согласно комментарию Гао Ю: направление ручки Ковша Б Медведицы. Это направление указывало на определенный сектор неба, с которым сопрягалось начало первого лунного месяца в каждом из четырех сезонов. ...*третий знак* (*инь*) цикла – это третий знак в системе «земные ветви». Год, который начинался со времени, когда ручка Ковша Б. Медведицы указывала на знак *инь*, соответствует так называемому сяскому календарю, который просуществовал со времен Хань до династии Цин (XVII–XX вв.). Ручка Ковша указывала на тот сектор неба, который сопряжен с этим знаком (в дальнейшем последовательно со всеми двенадцатью циклическими знаками). См. подробнее гл. 3. *Созвездие Заслуги* (Шэнь), согласно комментарию Гао Ю, – это созвездие Белого тигра, оно принадлежит западной стороне неба. В *сумерки* оно находится в южной стороне. *Хвост* (Вэй) – это созвездие Темно-голубого дракона в восточной стороне неба, на рассвете оно находится на южной стороне неба. – *87.*

[2] Каждой луне соответствуют определенные циклические знаки из десятеричного цикла, сопрягавшиеся традиционно с одной из пяти стихий, в данном случае – с *деревом*, поскольку именно в дереве весной сосредоточены самые большие жизненные силы, или *благая сила (дэ).* – *87.*

[3] Гао Ю поясняет: поскольку весной твари, находившиеся в спячке, выходят наружу через выход («двери»), то в эту луну жертвы приносят *у дверей.* В комментарии к «Юэ лин» приводится пояснение Цай Юна (132–192): жертвы приносились духам дверей, колодца, очага и пр., и местом жертвоприношения были соответственно двери, колодец, очаг и пр. – *87.*

[4] В первый весенний месяц *выдра* якобы раскладывает рыбу около воды на четыре стороны света, – поэтому говорится, что она *приносит жертву.* То же относится к соколам (в седьмой месяц), шакалам (в девятый месяц). – *87.*

[5] Следует обратить внимание на то, что *Сын Неба* во всех подобного рода действиях выступает как верховный жрец.

В «Чжоу ли» говорится, что лошадь выше 8 *чи* называлась *драконом* (комментарий Гао Ю). – *87.*

[6] Здесь имеются в виду определенные ритуалы: *фу ба фэн шуй* – ритуал получения «чистой» воды от Луны и *цуань цзи суй хо* – ритуал добычи огня от Солнца (см. прим. 15 к гл. 3). Во втором случае зажигали палочку из дерева *цзи,* пользуясь специальным металлическим зеркалом. См.: Шисань цзин чжу шу, «Чжоу ли», с. 1304 и комментарий Чжэн Сюаня. Здесь видно, что действия, которые раньше исполнял жрец, теперь перешли к императору (*Сыну Неба*). Чэнь Гуанчжун ставит в один ряд *вкушение* баранины с пшеницей и *питье* (*фу* здесь понимается как «пить») «росы, принесенной восемью ветрами», а также *поджаривание* корней бобовых (*цуань* «значит готовить на огне»), а *цзи* Чэнь Гуанчжун понимает как «*ци*» – «стебли бобовых». О «восьми ветрах» подробнее см. гл. 3, прим. 61 и слл. – *87.*

[7] В Китае цвет лица связывался с основными парадигмами, такими, как пять первоэлементов (стихий), четыре стороны света и

центр, пять внутренних органов и тепловая шкала исходящего от них *ци* (легкие – самая теплая часть, на втором месте – сердце, затем – селезенка, печень и почки), вкусовые ощущения, звуки и пр. Различались зеленый, красный, желтый, белый и черный цвета. Как сообщает Чжэн Сюань, цвет лица должен был соответствовать определенному времени года, и изменение его служило предвестием счастья или несчастья. См.: Шисань цзин чжу шу, т. 11, с. 169–170. *Спальные служительницы* – в тексте *юй нюй*. Чэнь Гуанчжун переводит эти слова как «дворцовые служительницы», но так назывался целый аппарат женских служащих, ведающих разнообразными сферами жизни женской части двора, включая хозяйственную жизнь, отправление религиозных ритуалов, интимную жизнь императора и др. В данном же контексте, как кажется, имеются в виду служительницы, которые обеспечивали правильность совершения сезонного ритуала в «Ласточкиных покоях», т.е. в спальне императора (см. об этом подробнее: Шисань цзин чжу шу, т. 11, гл. 8, с. 286). – *87.*

[8] Упомянутые музыкальные инструменты сделаны из дерева – основного элемента этой луны. – *87.*

[9] Все действо происходило в храме, носящем общее название Минтан (Светлый зал), где отправлялись самые важные ритуалы, заслушивались *приказы* и наставления (см. также прим. 75 к гл. 9). В центре строения был Главный зал (Тайши). От него по сторонам света были выходы в другие комплексы, состоящие каждый из трех помещений. Восточный комплекс назывался *Цинъян* – Зеленое Ян (Ян – мужской символ и, кроме того, имя сына Хуан-ди, Желтого предка, Шаохао). Южный комплекс назывался Светлый зал (Минтан), западный – Цзунчжан, а северный – Темный (или Сокровенный). Центральное помещение комплекса (как показывает наш текст) называлось Главный храм предков (Тай мяо), а те, которые были по бокам, назывались соответственно левый и правый приделы.

Гао Ю здесь толкует слово «чао» («прием», «аудиенция») как «чжао» – «утро», в то время как, кажется, речь идет о приеме чиновников при дворе. – *87.*

[10] *Три гуна* – в период Хань это главный *сыкун* (см. ниже, прим. 13), главный *сыту* (см. ниже, в тексте) и главный *сыма* (ведавший военными делами). Девять *цинов* – здесь министры двора.

Восточное предместье – место отправления ритуала «встречи» нового сезона, в данном случае весны. Ритуал проводился в «день становления» соответствующего сезона, в день, который рассчитывался специальным ведомством во главе с *тайши* (совмещавшим функции главного астролога, хранителя древних установлений, главного историографа и др.). Ритуал проводился соответственно в восточном, южном, западном и северном предместьях, на расстоянии восьми (восточная сторона), семи (южная сторона) и девяти (западная сторона) *ли* от городской стены. Что касается северной стороны, то только основатель ханьской династии Гао-цзу установил жертвенник на северной стороне Подробнее см.: *Сыма Цянь* Указ соч., т. 4, с 165, 301 (прим. 68). – *87.*

[11] ...*молят духов* – в тексте: *гуйшэнь*. Гао Ю говорит: «человеческие духи называются «*гуй*», небесные – «*шэнь*»». – *87.*

[12] Только такая жертва считалась чистой. – *87.*

[13] Отсюда очевидно, что с *первого месяца* весны наступал новый

год. ...ведающий землеустройством – не вполне точный перевод термина «сыкун»: функции этого чиновника были шире, но включали в себя и управление земельными ресурсами, землепользование, а также контроль за границами и их обустройство. *Сыкун* также ведал и строительными делами. – *88.*

[14] Звезда *Лук (Ху)* находится к югу от Колесницы чертей (Юй гуй), *Водруженная* (Цзянь) – над Ковшом Б. Медведицы (согласно Гао Ю). – *88.*

[15] В ориг. *гоумэн: гоу* – кривой росток, *мэн* – всход, начало роста и развития. См. также комментарий к «Полунным приказам» Цай Юна: «...кривой росток – *гоу*, когда выпрямляется, называется *мэн*». Описанные в фрагменте действия являют пример симильной магии: открыть все темницы и выпустить все, что там насильно удерживается, чтобы стимулировать весенний рост. См. также прим. 39 к гл. 3. – *88.*

[16] Кит. *юань жи*. Гао Ю толкует это сочетание как «благоприятный день». – *88.*

[17] Вероятно, потому с *деревянным*, что стихия этой луны – Дерево. – *88.*

[18] Т.е. если не проявить благоразумия в выборе момента для зачатия ребенка. – *88.*

[19] *Нефритовые песты и диски (гуй би)* использовались в жертвоприношениях, связанных с культом плодородия. Ср.: «...совершают обряд плодородия, используя сто нефритовых пестов (гуй) и сто нефритовых дисков (би)» (Каталог.., с. 38). – *88.*

[20] Т.е. все, что было схоронено зимой, выходит наружу, начинает расти. – *89.*

[21] Кит. *бибо*. В древности так назывались *подарки*, которые в соответствии с ритуалом вручались или отсылались в определенные дни года. В их состав входили нефрит и нефритовые (яшмовые) диски, шелка, кожи, лошади. – *89.*

[22] *...для работы в тутах* – т.е. на сбор шелкопряда, что всегда было женской работой. Этот выезд имел такой же ритуальный смысл, как запахивание первой борозды Сыном Неба в день становления весны, – обряд, существовавший в доханьский период и отмеченный в «Полунных приказах» (см.: «Книга обрядов», гл. «Юэ лин»). – *90.*

[23] Ткачество и шитье одежды. – *90.*

[24] *Склады*, где хранились конское снаряжение, оружие, все необходимое для жертвоприношений, приемов гостей (что также входило в ритуальное расписание), музыкальные инструменты. – *90.*

[25] В столичном городе было *девять* городских *ворот*. Комментируя обряд, Гао Ю говорит: «Под гром барабанов и выкрики участников изгоняется злой дух из всех закоулков и темных углов». *...кончается весенний эфир* – т.е. кончается весна. – *90.*

[26] Счет *лун*, или месяцев, в этой главе и вообще в китайской традиции идет по двум критериям: по сезонам, каждый из которых включает три луны (месяца), и по числу лун (месяцев) в году (т.е. первая, вторая, третья.., кончая двенадцатой). – *90.*

[27] В тексте Унюй, но Гао Ю говорит, что это то же, что Сюйнюй – *Ожидающая дева* (область созвездия Пряхи). – *90.*

[28] В тексте – для встречи «года» или «урожая». – *91.*

[29] В ориг. «сю» – «приводить в порядок», что не очень понятно.

Чэнь Гуанчжун понимает это как исполнение высокого Ритуала (Хуайнаньцзы и чжу, с. 231). – *91.*

[30] Здесь не вполне ясно, почему этим должен быть занят *тайвэй – глава военного приказа.* Эту неясность Гао Ю сглаживает, говоря, что поскольку эти функции не входили в обязанность тайвэя, постольку и следует специальное распоряжение. – *91.*

[31] Чэнь Гуанчжун считает, что Сын Неба не *вкушает,* а подносит свинину готовой созреть пшенице, поскольку существовало поверье, что свинья, будучи животным, связанным с водяной стихией, может стимулировать рост и созревание пшеницы, поспевающей раньше других злаков. – *91.*

[32] *Свирель гуань* – трубка с 6–10 отверстиями, у *свирели чи* их восемь; *флейта сяо* имела 16 либо 23 трубки, *флейта юй* – 36 трубочек. – *92.*

[33] Все перечисленное – предметы, используемые танцором. – *92.*

[34] *Ритуал Великого моления о дожде* (или о его прекращении или предотвращении засухи) имеет глубокие корни и упоминается во многих древних памятниках («Шицзин», «Чуньцю» и «Цзо чжуань», «Ли цзи», «Чжоу ли» и др.); см. также прим. 21 к гл. 9. «Все музыкальные средства» – перевод кит. «шэн юэ»; эти слова обозначали музыкальное представление, в котором были задействованы все инструменты и все формы действа: пение, танцы, музыкальные выступления. – *92.*

[35] *Вишня* в это время поспевает. Слово «циньмяо» состоит из двух слов: *цинь* – как бы алтарная часть храма предков, находящаяся в глубине храма; *мяо* – собственно место, где приносятся моления и жертвоприношения. – *92.*

[36] Согласно Гао Ю, *запрещается срезать индиго,* поскольку оно еще «зеленое», т.е. не созрело. Индиго (Indigofera tinctoria) – полукустарниковое растение высотой в 100–150 см и выше, его листья содержат голубое красящее вещество – индиговую краску, с древних времен широко использовавшуюся для крашения. *...запрещается... отбеливать на солнце холст,* согласно комментатору, чтобы не испортить его на жарком солнце. – *92.*

[37] Чтобы поберечь жеребых *кобыл.* – *92.*

[38] Т.е. в этот момент происходит смена влияний животворных и мертвящих сил. Подробнее см. гл. 3. – *92.*

[39] Так называемая китайская роза. – *93.*

[40] Гао Ю добавляет: «а еще говорят, что здесь речь идет о наблюдениях за явлениями природы (напр., за формой облаков. – *Л.П.*) и гаданиях по ним». – *93.*

[41] Ср. эти запреты и рекомендации с аналогичными в гл. 3. – *93.*

[42] Кит. *сян,* т.е. первыми министрами, теми, кто в наибольшей степени способен создать условия для возрождения. – *93.*

[43] Т.е. *центр* воображаемой небесной сферы, поделенной на стороны света и центр. – *93.*

[44] Циклические знаки *у* и *цзи* связаны со стихией земли. – *93.*

[45] Кит. *бай чжун* – то же, что *линь чжун* – «лесной колокол» (комментарий Гао Ю). – *93.*

[46] Кит. *чжун гун,* в описании комплекса Минтан (см. прим. 9 к с. 87) такого *дворца* нет. Возможно, это еще какой-то дворец или другое название Главного зала (Тайши). См. выше, прим. 9. – *93.*

[47] В ведении этих *смотрителей* были горы, леса, реки и озера. – *93.*

[48] Т.е. обеспечить стариков пищей – кашей и рисовым отваром. – *94.*

[49] Т.е., как и все в природе, плод в чреве матери не сможет вызреть. – *94.*

[50] Возможно, имеется в виду вообще начало всех действий, связанных с убиением: казнь, забой скота, охота и пр. – *94.*

[51] *Белый* цвет в Китае – цвет траура, связан со смертью. – *94.*

[52] Имеется в виду постепенное исчезновение в это время *эфира инь*. – *95.*

[53] Melia azedarach, дерево высотой в 2–3 м. – *96.*

[54] *Столик* и *посох* вручались должностным лицам по достижении 60 лет как символы возраста: сидя, уже нужно опираться на столик, а при ходьбе – на посох. – *96.*

[55] В жертву приносились животные только чистой масти. – *96.*

[56] В «Полунных приказах» в этом месте: «чтобы дать ход осеннему эфиру», т.е. изгнать эфир *ян*, чтобы не вернулась жара. – *96.*

[57] *Большие города, ду* – города, где есть храм предков; *малые, и* – города, где нет храма предков. – *96.*

[58] *Цзюнь* – в древности мера веса в 30 *цзиней* (*цзинь* – приблизительно фунт), *дань* – 10 *доу, доу* – 10 *шэнов, цзюэ* – мера объема в 4 *шэна* (1 *шэн* – мера объема для жидких и сыпучих тел, приблизительно 1 л). – *97.*

[59] Здесь возможны варианты перевода: кит.: *шэнь цан* – «амбары духов» и *ди цзи чжи шоу* – «все, что собрано для *ди* (предков, богов)». – *97.*

[60] Букв. «большой пир богам (ди)». В комментарии к «Полунным приказам» говорится, что во вторую луну лета устраивалось Большое моление о дожде (см. выше, прим. 34), теперь же – благодарственный пир с жертвоприношениями предкам. – *98.*

[61] Букв. «о делении на сто уездов (сянь)»: владения Сына Неба по чжоускому уложению составляли 1 квадратную тысячу *ли*, и эта территория делилась на сто уездов. – *98.*

[62] Имеются в виду кинжал, меч, палаш (мао), копье, стрела. – *98.*

[63] *Экран* – здесь деревянное заграждение, отделяющее Сына Неба от выстроившихся для смотра *колесниц* (см. также прим. 2 к гл. 9). – *98.*

[64] Т.е. приняв положение слуги, подданного. – *98.*

[65] Кит. *гуан* («широкий», «просторный»); может быть, имеются в виду украшения, содержащие богатую символику и имевшие магическое значение. – *98.*

[66] Здесь комментатор «Полунных приказов» и Гао Ю расходятся в понимании того, происходит ли дело до охоты или после. – *98.*

[67] Здесь, по-видимому, имеется в виду прежде всего *готовность* к зиме, хотя слово *хоу* может иметь и другие значения. – *98.*

[68] Конь, подвески и знамя имеют цвет *сюань* – густо-черный, ассоциировавшийся с космическим (священным) мраком. – *99.*

[69] Здесь также *сюань* – «темный», «сокровенный» (см. прим. 53 к гл. 3). – *99.*

[70] Кит. *шэнь вэй*, букв. «перед местом богов». – *99.*

[71] Функции *сыту* в «Чжоу ли» описаны как функции советника или помощника Сына Неба по делам управления территориями. В ряде случаев они пересекаются с функциями *сыкуна* (см. выше, прим. 13). – *99.*

[72] Гао Ю уточняет: «установить срок траура – двадцать пять месяцев». – *99.*

[73] Букв. «небесных предков» (тянь цзун). Комментарий в «Полунных приказах» к этому месту: «Небесные предки – это солнце, луна и звезды». – *100.*

[74] Кит. *гун шэ* переведено по комментарию Гао Ю, хотя есть и другие толкования (см., напр., в «Полунных приказах»). В целом же смысл тот, что молят небо и землю (а потом и предков) о будущем благополучии. – *100.*

[75] В тексте это слово – *дун* («восток») – пропущено. – *100.*

[76] *Храм предков* здесь – центральная часть комплекса *Темного зала* (см. прим. 9 к с. 87). – *101.*

[77] Дальнейший текст показывает, что речь идет не только о припасах на зиму, но и в более широком смысле – о том, что хоронится и природой, и человеком. – *101.*

[78] Т.е. не *поднимать людей* на работы или на войну. – *101.*

[79] В ориг. стоит слово «чан» с элементом «поле» в ключе, что в словаре «Шо вэнь» поясняется как «безжизненный, неродящий». В параллельных текстах «Полунных приказов» и «Люйши Чуньцю» в ключе значится «шэнь» («расправить», «разгладить»), и в этом случае значение – «веселый, спокойный». Однако принятие той или другой трактовки зависит от того, с какой точки зрения к этому подходить: можно считать зиму отдыхом, а можно ее считать пустыней. Для земледельцев – отдых, для природы – временная смерть, сон. И то и другое вполне приемлемо для древнего текста, вопрос в том, что хотели подчеркнуть авторы «Хуайнаньцзы». – *101.*

[80] В «Полунных приказах» здесь в примечании сказано, что рис и сорго были пяти степеней «ци» («ровности»), для каждой процедуры – своя. – *101.*

[81] *Литин*, или малань, дикорастущая трава, ростки которой идут в пищу. – *101.*

[82] Кит. *дувэй.* – *102.*

[83] Т.е. восточном. – *102.*

[84] Согласно комментарию Гао Ю, «большое изгнание проводится, чтобы вытеснить силы *инь*, изгнать моровые болезни и открыть путь силам *ян.* Разрывают собаку и барана и разбрасывают части по четырем сторонам, молясь о предотвращении болезней и мора». Это было действо, в котором принимал участие весь народ, в отличие от того, которое проводилось в середине зимы только Сыном Неба (комментарий к «Полунным приказам»). *...выставить земляного быка* – совершить обряд наподобие нашего масленичного, когда выносят на поле соломенное чучело. Как говорится в «Полунных приказах» – «чтобы прогнать морозный воздух». Гао Ю комментирует: «чтобы стимулировать подготовку земли к пахоте». – *102.*

[85] Т.е. *смотрителям*, ведающим горами, лесами, реками и озерами. Согласно комментариям к «Полунным приказам», для приготовления пищи и для освещения при *жертвоприношениях* смотрители рубили большого размера хворост, а маленький связывали в пучки. – *102.*

[86] В комментарии к «Полунным приказам» в этом случае говорится о необычных явлениях на земной поверхности («панцирные твари поведут себя необычно») как о приметах, предвещающих войну. Этим, возможно, объясняется страх людей на границах. Кроме того, осень связана со стихией металла и традиционно – с периодом войн. – *103.*

[87] Т.е. в конце года предприняли действия, соответствующие его началу. – *103.*

[88] Здесь кончается текст, имеющий параллели в «Книге обрядов» и в «Люйши чуньцю». – *103.*

[89] Т.е. Корею. Ханьский У-ди разгромил Корею и учредил на этой территории уезд. – *103.*

[90] Дерево Фу, т.е. «Шелковица фу», солнечное дерево. *Зеленую землю* комментаторы здесь предлагают отождествлять с Зеленым холмом. О мифологии Зеленого холма см.: Каталог.., с. 29, 136. – *103.*

[91] Гао Ю комментирует: «есть гора Недвижная, о том, что их две, ничего не знаю». – *104.*

[92] Ср. данный фрагмент с описанием устроения земли после *потопа* Юем в гл. 4. – *104.*

[93] Т.е. уделять внимание всему, что уходит, умирает. – *104.*

[94] Гао Ю комментирует, что *Девять озер* – это северные озера. *Ся хуй* – букв. «великая ночная темень», поэтому название *Великая темень* можно понимать как «Вечная ночь». Название *Линчжэн* имеет разночтения: Динлин, Линчжи (в разном написании). Гао Ю комментирует: «озерный край в районе Бэйхай (Северное море)». – *104.*

[95] Кит. *Сюаньмин* – Гао Ю трактует здесь это название как «дух» *Чжуаньсюя*, которому «после его смерти» поклонялись как божеству воды. – *105.*

[96] Не совсем понятное место. Гао Ю комментирует: «знаком расцветшего лета является выход наружу (фа се)» – вероятно, имеется в виду преждевременный выход на поверхность живого – растений и животных. – *106.*

[97] Т.е. небесный владыка. Иерархия получается такая: Небо – Верховный Владыка – боги – «все сущее». Все пронизано единой мерой, окутано Благом, проникнуто мудростью. – *106.*

[98] Ср.: Дао дэ цзин, § 9. – *106.*

[99] Здесь комментаторы предлагают заменить слово «хуй» – «сорная трава» на слово «гуй» – «ранить», поскольку иначе «нет смысла» (см.: *Чжан Шуанди*, т. 1, с. 627). Мне кажется, что понятия «простой, дешевый» (*и*) и «сорная, простая трава» (*хуй*) вполне соотносимы и могут быть поставлены рядом. – *106.*

[100] *...ровными и покойными* они остаются в силу соотнесенности с общей мерой целого. Гао Ю комментирует: «ровность» («пин») есть «правильность» («чжэн»). – *106.*

[101] В кит. оригинале с. 88 – пустая. – *107.*

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[1] *Пин-гун* – правитель царства Цзинь в VI в. до н.э. Несчастья, происшедшие с ним самим (его болезнь) и его царством (стихийные бедствия), объясняются комментаторами как результат его неправедности. *Вдова* (Шунюй) – молодая вдова из царства Ци, с которой легенда связывает следующую историю. По смерти мужа она не вышла второй раз замуж, детей у нее не было, и она посвятила себя служению свекрови. У свекрови не было сыновей, а была дочь, которая захотела завладеть имуществом матери и потому побуждала мать выдать невестку замуж. Но Вдова не соглашалась выходить второй раз замуж. Тогда дочь убила свою мать, а грех взвалила на

Вдову. Та не смогла оправдаться перед людьми и воззвала к небесам. Небо громом и молнией поразило башню правителя царства Ци – Цзин-гуна, а море вследствие этого землетрясения вышло из берегов.

Цзин-гун – правитель царства Ци в VI в. до н.э. Оба примера – и музыканта *Куана,* и Вдовы – имеют целью напомнить, что существует взаимосвязь между происходящим на земле (за что ответствен правитель) и на небе (Высшее Небо карает неправедного). – *108.*

[2] *Совершенное цзин* стоит иерархически выше частиц *цзин,* они соотносятся между собой так же, как божественный разум и разум, т.е. и частицы *цзин,* и Совершенное *цзин* по природе своей – одно, но первое принадлежит человеческой душе, второе – космосу. Как видно из фрагмента, в некоторых случаях они уравниваются. – *108.*

[3] В древности под этим названием известна переправа на Хуанхэ. – *108.*

[4] *Ян-хоу* – правитель *(хоу)* города-государства Линъяна. После смерти почитался как водяной дух. – *108.*

[5] *Луян-гун* – внук чуского Пин-вана (VI в. до н. э.), правитель области в царстве Чу. *Хань* – название царства. – *108.*

[6] О солнечных *стоянках* подробнее см. гл. 3, с. 63. – *108.*

[7] Поскольку всякая форма (и человек в том числе), по даосским представлениям, есть только скопление эфира, который при рождении обретает границы, а по смерти распадается и возвращается к своей «основе», или *корню,* постольку в этом выражении передается мысль о единении с космическим эфиром, со всей природой и космосом. – *108.*

[8] Т.е. родился человеком. – *108.*

[9] *Учитель от Ворот Согласия* (Юнмэнцзы) – знаменитый в период Сражающихся царств (V–III вв. до н. э.) музыкант и певец. Ворота Согласия – западные ворота в царстве Ци, он жил поблизости от них, отсюда его имя-прозвище. *Мэнчан-цзюнь* – циский министр Тянь Вэнь, правитель *(цзюнь)* области Мэнчан (IV–III вв. до н. э.). – *108.*

[10] Т.е. духом, который, согласно даосским представлениям, обитает в сердце и управляет формой. – *109.*

[11] *Пу Цецзы* – знаменитый мастер стрельбы из лука из царства Чу. – *109.*

[12] Самая тонкая из пяти струн. – *109.*

[13] Древние китайцы считали, что появление светящегося *ореола* вокруг луны предвещает опасность окружения для войск. Для спасения от него, по поверью, надо нажечь золы, разбросать ее под лунным светом и сделать в ней *проход.* – *109.*

[14] О приборах *янсуй* и *фанчжу* см. прим. 15 к гл. 3. Из контекста следует, что по форме они были похожи на солнце и луну. – *109.*

[15] *Фу Юэ* (Юэ из гор Фу) – советник легендарного государя Иньской династии (XVIII–XII вв. до н.э.) Удина, которого последний увидел во сне, велел написать его портрет, по которому его и нашли в горах, где он строил вместе с каторжниками дамбы. *...оседлал звезду Чэньвэй* – т.е. стал бессмертным. Гао Ю добавляет: «эта звезда носит также название Тяньцэ (Небесная плетка)». – *109.*

[16] Почти дословная цитата из «Чжуанцзы» (131; Атеисты.., с. 241). – *109.*

[17] Это выражение также см. в «Чжуанцзы» (50; Атеисты.., с. 171). – *109.*

[18] Т.е. только мудрецы, которые одни способны во тьме видеть свет. – *109.*

[19] Образное выражение, идущее от Лаоцзы, у которого сказано, что «тогда страна хорошо управляется и в ней царит мир» (Дао дэ цзин, § 46). – *109.*

[20] Легенда рассказывает, что однажды *суйский хоу* (правитель) увидел раненую змею и вылечил ее. Змея в благодарность выловила ему такую *жемчужину*, которая своим сиянием затмевала свет солнца и луны. Согласно легенде *о нефрите Хэ*, некий чусец по фамилии Хэ нашел в чуских горах драгоценный нефрит и преподнес его Ли-вану. Тот не поверил в его ценность и отрубил в гневе левую ногу Хэ Когда на престол взошел У-ван (VIII в. до н.э.), Хэ снова преподнес свой нефрит. Но и У-ван не поверил ему и отрубил Хэ правую ногу. Когда настало время править Вэнь-вану (VII в. до н.э.), Хэ не пошел к нему, а сидел, обняв свой нефриг, у подножия Цзинских гор и плакал. Вэнь-ван прислал людей спросить у него, о чем тот горюет. Хэ отвечал: «Я скорблю не о том, что отрублены ноги, не о том, что драгоценный камень зовут простым, а о том, что честный муж ославлен как безумец!» Тогда ван прислал людей оценить его нефрит. И с тех пор он зовется «нефритом Хэ». Источником этой истории послужила гл. «Хэ» из «Хань Фэйцзы». – *110.*

[21] На *гармонии* основан весь космический порядок. Именно поэтому постижение ее делает человека всесильным. – *110.*

[22] *Гора Яо* расположена в Юнчжоу (от северной части нынешней пров. Шаньси до северо-запада Ганьсу); *Боло* – другое название реки Цзин (нынешняя пров. Шэньси). *Цюй Е* – знаменитый *оружейник* из царства Юэ; *чуньцзюнь* – согласно комментарию, название большого острого *меча* в древности. – *110.*

[23] *Цзо Цян* – льстивый и лживый советник Чжоу Синя; *Великий гун (Тайгун Ван)* – мудрый и честный советник царя Просвещенного, а затем его сына *царя Воинственного*. – *110.*

[24] *Цзичжоу* – одна из девяти областей, на которые Юй разделил Поднебесную. *Чета драконов* – сказочно-мифологические персонажи: *безрогий Красный* – драконица, *рогатый Сине-зеленый* – дракон. – *111.*

[25] *Куньлунь* – китайский Олимп; *Шупу* – сад на Куньлуне; *Каменный Столб* (Дичжу) – название горы, относящееся ко времени усмирения мифическим Юем потопа; *Мэнфань* – согласно комментарию, место, где встает солнце; *Дугуан* – гора на юго-востоке, по которой боги спускались на землю; *Ицзе* – место захода солнца; *Мертвая река* (Жо; др. назв.: Слабая) – река, где все тонет; *Пещера ветров* (Фэнсюэ) расположена на севере. Весь фрагмент напоминает описание странствия героя поэмы в «Скорби отлученного» («Лисао») Цюй Юаня – проводы солнца от восхода до захода. – *111.*

[26] *Ван Лян,* знаменитый в древности *возничий*, после смерти, по одной из версий, вознесся на небо и стал одной из звезд созвездия Скорпион. *Цзаофу* – знаменитый возничий чжоуского Му-вана (947–928 до н.э). – *111.*

[27] *Цянь Це* и *Да Бин* – древние *возничие*, которые, согласно даосскому преданию, обрели *дао* и потому могли обходиться в своем

искусстве без каких-либо материальных орудий, управляя конями единственно мыслью (или духом). – *112.*

[28] Местонахождение *горы Вздымающиеся камни* в настоящее время неизвестно (см. соответствующую статью толкового словаря «Цыхай» – «Море слов»); *Гуюй* – гора в царстве У. – *112.*

[29] *Фусан* – дерево, с которого вставало солнце (миф.); *Лотан* – гора, за которую заходило солнце (миф.) – *112.*

[30] О *Желтом предке* (см. прим. 41 к гл. 2). *Лиму* и *Тайшаньцзи* – его советники. Имя Лиму происходит из легенды, по которой Желтый предок увидел во сне человека, обладающего огромной физической силой (*ли*) и пасшего (*му* – пастух) тысячеголовое стадо овец, разыскал его и сделал своим советником. – *112.*

[31] Т.е. в это время изобилия кормом для *собак* и *свиней* служили *бобы* и *зерно*, которых в обычное время не хватает и для людей. – *112.*

[32] О *фениксах* (см. прим. 10 к гл. 1); *единороги* – мифические животные с одним рогом на голове, соединявшие в себе признаки нескольких животных (например, тело оленя, хвост быка, голову коня); *фэйхуан* – также сказочное животное, похожее на лису, но на спине у него – рог, живет тысячу лет. Все они символизируют в китайской фольклорной традиции благоденствие и процветание государства и появляются среди людей в «золотые» времена. Государства *северных варваров* – в тексте государства *Чжубэй, Даньэр*, которые Гао Ю относит к странам «северного предела», т.е. достаточно фантастичным. Даньэр (государство Длинноухих) встречается в «Каталоге гор и морей». – *113.*

[33] Женщина-Лягушка – мифическая Матерь-устроительница земли, дочь *Черного дракона*, олицетворяющего водяной хаос. – *113.*

[34] Т.е. ввела меры. – *113.*

[35] Т.е. до подземной страны мертвых. – *113.*

[36] Персонаж китайской мифологии. – *113.*

[37] *Лоту* – карты, вынесенные водами реки Ло (см. прим. 55 к гл. 2). Превращение священных карт в *циновку* лежит в русле образной системы текста, в котором высокий пафос мифа снижается до обыденного бытовизма. – *113.*

[38] *Врата Души* – резиденция небесного Верховного *Владыки* (Шан-ди). – *113.*

[39] *Великий предок* – согласно комментарию Гао Ю, предок *дао*, однако возможно, что это восприятие человека более позднего времени, мне кажется, имеется в виду все тот же Шан-ди – Верховный Предок (или Бог). – *113.*

[40] Характеристику *естественного человека* см в гл. 7. – *114.*

[41] Т.е. *отбросили* и *оттолкнули* законы *пяти* мифических правителей (Фуси, Священного земледельца, Желтого предка, Шао Хао, Чжуаньсюя) и основателей *трех* династий – сяского Юя (3-е тыс. до н.э.), шанского Тана (XVII в. до н.э.), чжоуского царя Вэнь-вана (XII в. до н.э.). – *114.*

[42] Т.е. животные обезумели в предчувствии «конца света». – *114.*

[43] Хозяйка Куньлуня. – *114.*

[44] Существовало поверье, что перед смертью *лиса*, где бы она ни была, поворачивается мордой к родной норе. – *114.*

[45] *Семь* крупнейших *царств* периода V–III вв. до н.э., боровшихся за гегемонию (Ци, Чу, Янь, Чжао, Хань, Вэй, Цинь). – *114.*

[46] Союз шести царств против Цинь носил название *цзун,* те же из них, кто вышел из коалиции и присоединился к Цинь, образовали союз *хэн.* – *114.*

[47] Имеются в виду *династии* Ся, Шан и Чжоу, а само выражение значит «с древности и до наших дней». – *115.*

[48] К *постоянному,* т.е. пребывающему вне мира становления, могут быть причислены *дао* и небытие разных уровней. – *115.*

[49] См. выше, прим. 27. – *116.*

[50] Часть «Книги преданий», в которой нашли отражение деяния первых правителей чжоуской династии. – *116.*

[51] *Шэнь [Бухай], Хань [Фэй или Фэйцзы], Шан Ян* – политические деятели IV–III вв. до н. э., сторонники легизма, отстаивавшие главенство закона. Из них самый крупный – Хань Фэй (280–233 до н.э.), известно его сочинение «Хань Фэйцзы». – *116.*

[52] Клеймение, отрезание носа, отрубание ног, кастрация, смертная казнь. – *116.*

[53] Жена Охотника. – *116.*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[1] Из этой фразы следует, что «образы» есть промежуточная ступень между небытием (которое и есть истинное бытие) и бытием как бытием форм (образом «образов»). – *117.*

[2] Судя по продолжению фразы, имеются в виду идеальные прообразы неба и земли, т.е. еще одна ступень, которую проходит мир на пути к выделению двойственного из Единого: божества неба и земли, как сиамские близнецы, вместе рождаются из первозданного хаоса, чтобы распорядиться по поводу неба и земли. Гао Ю, комментируя это место, говорит, что два духа – это духи *инь-ян.* – *117.*

[3] Обращает на себя внимание то, что небо и земля в этой схеме образуются первыми, а *инь* и *ян* – вторыми, в то время как в начале третьей главы как раз *инь* и *ян* образуют землю и небо. – *117.*

[4] Цитата из «Дао дэ цзин», § 42, пер. Ян Хиншуна. – *117.*

[5] См. прим. 41 к гл. 1. – *118.*

[6] Так древние китайцы объясняли затмение солнца и луны. – *118.*

[7] Так называемые девять отверстий у человека (глаза, уши, ноздри и т.д.), благодаря которым он воспринимает внешний мир. – *119.*

[8] См. рассуждение на эту тему в «Лецзы» (Атеисты.., с. 48). – *120.*

[9] Нефритовый полукруг, или половина диска, царская регалия времен Сяхоу (3-е тыс. до н.э.). Возможны и другие отождествления, но всегда это выражение обозначает бережно хранимое сокровище, подтверждающее право на власть. – *120.*

[10] Почти точная цитата из «Чжуанцзы» (см.: Атеисты.., с. 268). – *121.*

[11] В гл. 9 говорится: «Небесный эфир образует душу *хунь,* земной эфир образует душу *по*» (наст. изд., с. 142). – *121.*

[12] Т.е. в Единое, дао. – *121.*

[13] *...сухому дереву, ...угасшему пеплу* – т.е. в них нет движения. Аллюзия на «Чжуанцзы» (см.: Атеисты.., с. 139). – *121.*

[14] В тексте конкретно указаны реки: [Хуан]хэ и Хань. – *121.*

[15] Знаменитые в древности красавицы. – *122.*

[16] Т.е. ощущает полноту жизни и силу роста. – *122.*

[17] Имеется в виду календарное *время*, сопутствующее росту. – *122.*

[18] По логике этой главы *неизменяющееся* – это дух неба и земли (см. начало гл. 9). – *122.*

[19] Фрагмент близок к «Лецзы» (см.: Атеисты.., с. 43). – *123.*

[20] Особенно дорого ценившийся *белый мех* с грудки *лисы* использовался для изготовления царских шуб. – *123.*

[21] Нижеследующий фрагмент встречается также в «Лецзы» (см.: Атеисты.., с. 60), а также в «Чжуанцзы» (см. там же, с. 171). *Хуцзы Линь* (он же Хуцю-цзы Линь, или Ху-цзы) родом из царства Чжэн, по одной из версий – учитель Лецзы. Жил приблизительно в VI–V вв. до н.э. – *123.*

[22] Т.е. жизнь определяется «внутренним», а «внешнее» есть лишь его оболочка. – *123.*

[23] Такое имя традиции неизвестно. Гао Ю говорит, что это некий чусец (уроженец царства Чу). Но здесь надо иметь в виду, что в ханьских текстах почти все маги и кудесники «прописаны» в царстве Чу – оплоте язычества. – *123.*

[24] Сходный портрет горбуна см. в «Чжуанцзы» (Атеисты.., с. 165). – *123.*

[25] *Яньцзы* (Янь Ин) – государственный деятель царства Ци (ум. в 493 г. до н.э.). Традиция приписывает ему авторство сочинения «Яньцзы чуньцю». *Цуй Шу* – циский дафу, известный тем, что убил циского Чжуан-гуна, нарушив долг слуги перед господином. Затем Цуй Шу стал министром им же возведенного на престол нового правителя – Цзин-гуна. По версии «Яньцзы чуньцю» (есть разные версии этого события), Цуй Шу принудил под страхом смерти собраться у алтаря всех военачальников, крупных чинов, известных мужей и простой народ и принести ему клятву в верности. Только Яньцзы сначала вовсе отказался, но затем, вынужденный, произнес вместо слов верности слова обвинения в адрес Цуй Шу и не взял их обратно, несмотря на угрозу смерти (Яньцзы чуньцю, с. 124–125). – *124.*

[26] *[Цилян] Чжи и Хуа [Чжоу]* – два военачальника (VII в. до н.э.), до конца исполнившие свой воинский долг и не остановившие сражения, несмотря на щедрые посулы противника, по одной версии, и настояния собственного гуна – по другой. – *124.*

[27] *Царевич Чжа* (он же Цзи Чжа) – младший сын уского Шоумэн-гуна (594 до н.э.), пользовался славой мудрого и достойного человека. Отец хотел возвести его на престол, но тот отказался. Затем братья уступали ему престол, но он также отказался. В конце концов он покинул царство У, бежал в Яньлин и больше никогда не возвращался на родину. Известен также под именем Яньлинский Цзицзы (Яньлинский Учитель Цзи). – *124.*

[28] *Цзы Хань* (VIII в. до н. э.) отказался принять драгоценный *нефрит* в подарок, сказав, что не понимает его ценности и пусть уж лучше он останется у того, кто видит в нем богатство. Однако человек, принесший нефрит, сказал, что не может заплатить деревенских податей. Тогда Цзы Хань взял нефрит в погашение долгов, а затем велел вернуть его обратно. – *124.*

[29] *У Гуан*, по преданию, отказался принять престол (см. ниже, прим. 32), который ему, как достойному, предлагал Тан, и, оскор-

бившись самим этим предложением, покончил с собой, бросившись в воды р. Лу. Тан свергнул Цзе военной силой и за это осуждается традицией. У Гуан считал для себя постыдным пользоваться почетом у неправедного владыки. *Цзе* (или сяский Цзе), по преданию, последний правитель династии Ся (3–2-е тыс. до н.э.), в традиции за ним закрепилась слава жестокого и порочного правителя, так же как и за последним правителем династии Шан-Инь – Чжоу Синем (или иньским Чжоу). – *124.*

[30] «*Золотая перевязь*» («Цзинь тэн») – глава из «Книги преданий». Когда чжоуский У-ван был при смерти, Чжоу-гун, младший брат, опасаясь за судьбу молодого государства, молил предков о том, чтобы они взяли его жизнь взамен жизни У-вана. Текст этой молитвы, «перевязанный золотым шнуром» («цзинь тэн»), хранился в закрытом ларце. После смерти У-вана Чжоу-гун стал регентом при Чэн-ване, его малолетнем сыне, и был оклеветан недругами, требовавшими его изгнания. Тогда-то и был обнаружен ларец, и всем стала очевидна преданность Чжоу-гуна. Об этих событиях и рассказывает «Золотая перевязь».

«*Леопардовый колчан*» («Бао тао») – одна из глав «Шести колчанов» («Лю тао»), сочинения по военному искусству, приписываемого традицией Тай-гуну (он же люйский Шан, Тай-гун Ван, Учитель Шанфу и др.), помощнику Вэнь-вана и наставнику У-вана. – *125.*

[31] *Свободные земли* – т.е. незапаханные. Здесь имеется в виду предание о многолетней тяжбе между правителями царств Юй и Жуй (XII в. до н.э.) из-за пахотных земель. Чтобы разрешить свой спор, они пошли в царство Чжоу к добродетельному Вэнь-вану. Там они увидели, что никто не спорит друг с другом: путники уступают друг другу дорогу, земледельцы на полях – межи. Устыдившись, они вернулись домой и оставили спорные земли свободными. – *125.*

[32] *У Гуан,* отказываясь от престола, сказал Тану: «Свергнуть высшего – нарушить долг... Если другой, рискуя, шел на преступление, мне пожинать его выгоду – значит стать бесчестным» (см.: Атеисты.., с. 193, 292). См. также выше, прим. 29. – *125.*

[33] Красиво украшенный барабан, укрепленный на стержне с фигурными изображениями птиц и львов. – *125.*

[34] Государственные житницы, учрежденные Цинь Ши-хуаном, первым государем первой древнекитайской империи Цинь, просуществовавшей с 221 по 206 г. до н.э. – *125.*

[35] В организме человека *инь* и *ян* находятся в постоянном взаимодействии, сохраняя при этом известное равновесие. Всякое волнение приводит к нарушению этого равновесия и вредно для тела и души. – *125.*

[36] *Янь Хуй* – другое имя Янь Юаня. – *127.*

[37] *Цзылу* был казнен страшной казнью: голову его вывесили над городскими воротами, а тело было посторугано на мелкие кусочки и засолено на рыночной площади в царстве Вэй. – *127.*

[38] *Цзэнцзы* (Учитель Цзэн) – он же Цзэн Шэнь, Цзыюй, ученик Конфуция. Ему принадлежит трактат «Цзэнцзы», почти наполовину утраченный уже к началу правления династии Хань (начало III в. до н.э.). – *127.*

[39] *Высший Владыка*, согласно комментарию, – Небо или Приро-

да. Для эпохи «Хуайнаньцзы» появление таких определений для поименования высших природных сил характерно. – *127.*

[40] Здесь приведен ряд аналогичных исторических случаев. Некогда Чжи-бо (V в. до н.э.), собираясь напасть на *Цюю* – государство северных «варваров» *(ди)*, преподнес его правителю большой колокол. Тот, прельстившись дорогим подарком, открыл дороги, и царство его погибло от войск Чжи-бо. Похожий эпизод произошел, когда царство Цзинь, идя походом на царство Го, попросило *юйского правителя* позволить пройти через его владения своим войскам. Поначалу тот отказал, но, прельщенный конями с *нефритом из Чуйцзи*, почитавшимся как сокровище, дал дорогу. Цзиньцы же, одержав победу над Го, на обратном пути разбили и Юй. *Сянь-гун* (675 до н.э.) во время похода на царство Лижун взял себе в жены красавицу *Цзи*, а она потом погубила его царство. *И Я*, или Ди Я, знаменитый древний кулинар, служил цискому правителю Хуань-гуну (685–643 до н.э.). Хуань-гун был большим гурманом. И Я, чтобы доказать ему свою преданность, сварил для него отвар из головы собственного сына и вошел таким образом к нему в доверие. После смерти Хуань-гуна, борясь за престол, его сыновья в течение шестидесяти дней не находили времени похоронить отца. Циньский Му-гун (659–621 до н.э.), собираясь в поход против хусцев, послал *хускому царю* в дар танцовщиц. Увлекшись ими, правитель забросил дела, и этим воспользовался Му-гун, отвоевав у него лучшие земли. – *128.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[1] В даосских утопиях в одних случаях говорится, что вследствие благоденствия не было надобности гадать; в других – что духи не слали предвестий; в третьих (как здесь), наоборот, что они сочувствовали людям и потому *слали предвестья.* – *129.*

[2] Что это за трава, точно неизвестно, комментатор говорит: «ее появление – благовещий признак». – *129.*

[3] Чэнь Гуанчжун переводит: «людям нечего было есть» (Хуайнаньцзы и чжу, с. 342). Мне кажется, что речь идет не о голодных временах, а о хищническом истреблении живого ради удовлетворения собственных извращенных вкусов (см. текст выше). – *129.*

[4] Имеются в виду *реки* Цзин, Вэй и Пин, берущие начало с легендарной горы Ци. ...*баран и* – дух земли. По преданию, перед гибелью династии Инь его видели в окрестностях города Шан, у поля Муе: на этом поле чжоуский царь Воинственный разгромил иньского Чжоу. – *130.*

[5] Эта мысль звучит уже в «Люйши чуньцю»: «Небо, земля и все сущее – одно человеческое тело» (Чжуцзы цзичэн, т. 6, с. 126). Однако редакция, которая произведена в «Хуайнаньцзы», знаменательна для ханьского времени и отвечает идеям универсализации, которые проявляются и в других местах текста. – *131.*

[6] Т.е. то искусство подгонки вещей друг к другу, которым природа владеет в высшей степени (о чем речь шла в предыдущих строках). Знаменательно то, что в недалеком будущем о таком искусстве будет говорить поэт применительно к своей материи – о трудностях создания поэтического текста (см.: *Лу Цзи.* Ода изящному слову /

Пер В М Алексеева // *Алексеев В М* Китайская литература Избранные труды М , 1978 С 263 и др) – *131*

[7] Т е люди были честны и прямодушны, им не в чем было упрекнуть себя – *131*

[8] Здесь надо иметь в виду, что со словом «юэ» («музыка») в древности ассоциировался целый пучок значений Это в первую очередь была ритуальная музыка, сопровождавшая различные торжества (от приема гостей до обряда жертвоприношений предкам) Она была связана с конфуцианским воспитательным комплексом и именно в этом значении подразумевается в данном месте Этим словом обозначалось также синкретическое действо включавшее песню, музыкальное сопровождение и танец, одно было неотделимо от другого (поэтому и возможно выражение «танцы не почтут за музыку») Этим же словом назывались увеселения на пирах с музыкой, танцами и яствами (отсюда еще одно значение этого иероглифа, с чтением *лэ*, – «наслаждение») – *132*

[9] Т е *можно измерить* видимое пространство и время в границах, подвластных *инь-ян* – *132*

[10] Гао Ю «чистые» – *шан*, «мутные» – *гун* См также прим 131 к гл 3 – *132*

[11] *Невыделанное дерево* – первозданная простота, *сосуд* – рукотворное изделие – *132*

[12] Очевидно, что это пословица – *133*

[13] Здесь Гао Ю подробно объясняет, в чем дело С появлением искусственности (Цан Се увидел следы птиц и зверей и изобрел письмена) было забыто земледелие (пахота), и потому *Небо полило* злаки, чтобы спасти людей от голода А *души умерших* (неприкаянные) испугались, что с помощью записок с заговором на них будут поданы жалобы, в ночи (их время) *заплакали* – *133*

[14] *Бо И*, помощник Шуня, изобрел колодец для добывания воды *Дракон* понял, что будут прорывать русла рек, рыть пруды, и, испугавшись, поднялся в облака, точнее, к *Черному* (сюань), сокровенному, *облаку* – *133*

[15] В этом словесном обороте совершенный человек в роли правителя сближается с самой природой, которая дарит благо и не требует за это благодарности («нигде не видно того, кто это делает») (ср гл 1) – *133*

[16] *Не отказывается* – как принято якобы из вежливости – *133*

[17] *Яогуан,* букв «Нефритовый свет», седьмая звезда Б Медведицы, вращаясь, обозначает четыре сезона – *133*

[18] *Юн Чэн* – легендарный изобретатель календарного счета времен Хуан-ди Примечательно, что он здесь поставлен впереди *Яо* (см текст чуть ниже), в то время как традиционные конфуциански ориентированные хронологии начинаются с Яо – *134*

[19] Гао Ю комментирует «Яюй с виду напоминает драконью голову, еще говорят, похож на лиса, быстро бегает, пожирает людей, обитает на западе» *Яюй* также упоминается в «Каталоге гор и морей» «Обитающее там животное похоже на буйвола, но у него красное туловище и человеческое лицо Пожирает людей» (с 52) Комментируя название следующего животного, Гао Ю пишет, что «зубы у него длиной в три *чи*, свисают ниже подбородка, держит в руках копье и щит» Здесь и далее отождествления мифических жи-

вотных даны по комментарию Гао Ю *Девять младенцев* – демоны воды и огня, вредят людям

Тайфэн или Фэн-бо бог ветра разрушает жилища людей *Дикий Вепрь* – огромный вепрь Его наименование, по Гао Ю, указывает на чуское происхождение Подробнее его мифологию см Каталог с 211, прим 17 *Длинный Змей* – гигантский змей, заглатывает трех слонов, три года их переваривает, затем выплевывает кости – *134*

[20] *Цветущее поле* – название озера на юге, *река Зловещая* – область расселения племен северных *ди*; *Зеленый холм* – название озера на востоке Таким образом, Охотник очистил пространство со всех четырех сторон – *134*

[21] *Озеро Дунтин* – древнее озеро, с которым в Китае связано множество легенд Находится на юге *Роща шелковиц* – священная роща (см прим 21 к гл 9) – *134*

[22] Дерево-тотем одного из иньских родов, по Гао Ю – также название места в царстве Лу Но контекст с очевидностью связывает это название с доисторическими временами В «Каталоге гор и морей» есть гора и река под этим названием (с 59, 62), а в «Люйши чуньцю» рассказан миф о происхождении И Иня его мать, нарушив запрет духа, превратилась в *полую шелковицу* (в пер Г А Ткаченко – в «полый тут» (с 197)) – *134*

[23] Реки *Чань* и *Цзянь* находятся в совр пров Хэнань – *134*

[24] Т е на деревьях были подвешены туши скота для приготовления яств и водоемы были заполнены вином для пиршеств – *134*

[25] Все названия – «библейские» хорошо известные в их китайском наименовании, но, поскольку по большей части они значимы, мы предпочитаем там, где это возможно их переводить *Сюаньши* – зал, в котором объявлялись указы – *134*

[26] Дао дэ цзин, § 1, здесь общий тезис о невыразимости сущностных вещей преломлен применительно к категории времени от него зависит найдет ли нечто значимое свое реальное воплощение или нет – *135*

[27] Шицзин (Книга песен) II, V 1 Комментаторы поясняют «люди знают что это опасно, но не знают, что это грозит гибелью» Ср пер А А Штукина, с 259 – *135*

[28] Т е берутся во внимание только «мужские» тоны – *135*

[29] Кит *лю хэ* – *135*

[30] Рождение – смерть – рождение вещей образно рисуется как непрерывный, круговой процесс в области *Неизмеримого* и *Безначального* – *135*

[31] Рождение Природой вещей в «Хуайнаньцзы» часто рисуется по аналогии с зачатием – *136*

[32] Т е определения меры того, что важно и неважно – *136*

[33] *Естество – цин,* здесь понимается как сила, которая обязывает всю тьму вещей следовать себе – *136*

[34] *Круг* – небо, *квадрат* – земля См прим 8 к гл 3 – *136*

[35] Бу кв «своей любви» – *136*

[36] Иными словами, вместо того чтобы воплощать Великое Единое, они сместятся на порядок ниже – *136*

[37] Т е *утратив* инструмент для измерения того, что «верно», что «неверно» – *136*

[38] Гао Ю комментирует «уши, глаза, сердце и уста» – *137*

[39] Речь, кажется, идет о состоянии медитации – *137.*

[40] О них речь шла выше, это пять первоэлементов, или стихий. – *137.*

[41] Многоэтажные, ярусные постройки – *137.*

[42] Т.е. в виде четырехгранника (или многогранника). – *137.*

[43] Обе реки неточно идентифицируются По поводу реки *Юй* комментатор говорит, что это река в Син Имеется ли в виду столица Инь (в XVI–XV вв. до н.э.) или царство Син (на территории совр. пров. Хэбэй) времен Чуньцю (VIII–V вв до н.э.), трудно сказать. Река *У* берет начало в горах Ланъе (совр. пров. Шаньдун). – *138.*

[44] Вид диких гусей. – *138.*

[45] Т.е. украшенные резьбой в виде дракона и с резной головой цапли на носу. – *138.*

[46] *Катальпа* (Catalpa ovata) – высокое дерево, использовалось в строительстве. *Кудрания* (Cudrania triloba) – род тутового дерева, из него изготавливали желтую краску, а на его листьях выращивали шелкопряда. – *138.*

[47] *Винная чаша гу* – сосуд округлой и продолговатой формы с ребристыми стенками. – *139.*

[48] Здесь комментарий поясняет: вода движет *инь*, огонь движет *ян*, дерево движет тепло, металл движет холод, земля движет ветер. Пять видов воздушных масс находятся в постоянном движении, поэтому и называются «пятью движениями» (*у син*). – *139.*

[49] Имеется в виду траурный ритуал, при котором в обычае было бить себя в грудь и подпрыгивать, что служило признаком непереносимого страдания. – *139.*

[50] Кит. *вэнь*, букв. «узор», внешняя форма. – *139.*

[51] Имеется в виду такой строй жизни, когда *чжухоу* подчинялись *Сыну Неба*, главе всех *хоу*, и когда между последними существовали взаимные обязательства, за исполнением которых следил не только Сын Неба, но и весь союз. – *140.*

[52] В кит. оригинале с. 126 – пустая. – *141.*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[1] Т.е. не нарушает естественного хода событий, не идет против их течения, а только вслед ему. – *142.*

[2] *Экран*, или щит, сооружался перед воротами дома и, по поверьям, должен был охранять хозяина от злых духов. В царском дворце он стоял у ворот с внешней стороны, в то время как у домов знати – с внутренней стороны, во дворе. Здесь этот обычай толкуется иначе: этим способом государь якобы ограждал себя от суеты. – *142.*

[3] Т.е. в пустоту, в бесформенное. – *142.*

[4] Автор хочет сказать, что в то время все сезоны были уравновешены и в природе царствовала гармония. – *143.*

[5] *Страна Спящих ногами вместе* (Цзяо чжи) – так древние китайцы называли племена *мань*, у которых, по преданию, был обычай спать ногами вместе, а головами – врозь. *Темная столица* (Ю ду) – крайний север. *Солнечная долина (Ян гу)* – место, откуда восходит солнце. – *143.*

[6] Согласно комментатору – цитата из ханьского списка «Песен». – *143.*

[7] Надо помнить, что всякая абстракция в данном тексте мыслится предметно, так что и *дух* – это тончайшие частицы *шэнь*, в которые при определенных условиях могут превращаться частицы *цзин*, ответственные за сферу ощущений и чувств – *144.*

[8] Многие категории и просто предметы и вещи возводятся здесь, как некогда в мифологии, к своему родоначальнику, который теперь предстает в виде идеальной родовой сущности, существующей отдельно, но, как показывает и данный фрагмент, управляя сферой своего влияния и контролируя ее. – *144.*

[9] *Суньшу Ао* – министр в царстве Чу; *Ин* – столица царства Чу. – *144.*

[10] *И Ляо* – чусец по прозванию Сюн (Медведь), известный силач. Однажды к нему обратился сын убитого наследника чуского престола Шэн с просьбой помочь убить человека, помешавшего ему отомстить за отца. Но этим человеком был Цзы Си – первый министр соседнего царства У. Вмешательство И Ляо могло повлечь за собой смуту в царстве Чу. Поэтому И Ляо отказался. Когда же ему пригрозили мечом, он не двинулся с места и спокойно *играл шариком*, катая его на ладони. Ни одно из *двух семейств* – ни Шэн, ни Цзы Си – не преследовало И Ляо за его отказ. – *144.*

[11] *Цзыгун* – ученик Конфуция. – *144.*

[12] *Цзяньцзы* – министр в царстве Цзинь в VI в. до н.э. *Гао Яо* (ниже) – советник Шуня, создатель закона, учредитель тюрем. – *144.*

[13] *Цуй Шу,* сановник в царстве Ци в VI в. до н.э., поднял *мятеж* против гуна Чжуана и убил его. – *145.*

[14] *Цин Сян* – чуский ван в III в. до н. э., *Чжао Ци* – чуский сановник. – *145.*

[15] *Сюньчан* – мера длины, «двойной сюнь», а каждый *сюнь* равен восьми *чи* (0,32 м в современном измерении). – *145.*

[16] *Юн Цици* (Учитель долголетия Юн) – даосский отшельник. О встрече с ним Конфуция рассказывается в «Лецзы» (6; Атеисты.., с. 47). Л.Д. Позднеева перевела это имя-прозвище как «Юн Открывающий Сроки». – *145.*

[17] Об этом персонаже ничего не известно. – *145.*

[18] Согласно комментатору Ван И, *Нин Ци* родился в Вэй, будучи простым торговцем, отличался высокой добродетелью. Ночевал как-то вместе с купцами за восточными воротами царства Ци. Циский гун Хуань вышел ночью на прогулку и услышал песню, которую пел Нин Ци. По ней он понял, что Нин Ци – человек необыкновенный, и призвал его к себе на службу. – *145.*

[19] *Мастер Сян,* согласно комментарию, был главой музыкального ведомства в царстве Лу, на родине Конфуция. – *145.*

[20] *Яньлинский Цзицзы,* или Яньлинский Учитель Цзи, – младший сын уского вана Юй Мэя (VI в. до н.э.). Отказавшись от престола, стал правителем удела Яньлин. Отсюда его прозвище. – *145.*

[21] *Тан* – основатель династии Шан (XVIII в. до н. э.). В священной *Роще шелковиц* Тан *молил небеса* о ниспослании дождя, говоря: «Если я один совершил преступление, не карай весь народ. Если народ совершил преступление, покарай меня одного». – *145.*

[22] Т.е. были бесстрастны и нелицеприятны. – *146.*

[23] Имеется в виду следование *дао.* – *146.*

[24] *Мо Се* – жена знаменитого оружейника Гань Цзяна. Однажды, когда Гань Цзян по приказу правителя царства У принялся

за выделку мечей, он никак не мог расплавить металл в печи. В отчаянии он вспомнил, что древние в этих случаях приносили богу огня в жертву женщину. Мо Се решила пожертвовать собой и уже кинулась к печи, как вдруг металл пошел. Таким образом были отлиты, по легенде, два знаменитых в древности меча, названные именами Гань Цзяна и Мо Се. Здесь эта легенда приведена в подтверждение мысли о том, что человеческая воля всесильна. *Инь-Ян* здесь выступают в несколько мифологизированном виде. Они представлены «разбойниками», вероятно, на основании имеющихся в поэтическом арсенале картин их противоборства и яростной борьбы, следствием которых являются стихийные бедствия. В *барабан фугу* били при поимке разбойников. Поэтому времена, когда его не было слышно, считались временами мира и спокойствия. Все же смысл фрагмента остается неясным. К сожалению, не помогает его уяснению и вариант этого фрагмента в «Чжуанцзы» (150; Атеисты.., с. 257). – *146.*

[25] *Цинь* и *Чу* – два древних китайских царства, соперничавшие в могуществе. – *147.*

[26] *Минтяо* и *Цзяомэн* – места последних сражений племени Ся против победивших их шанцев. – *147.*

[27] *Гнедой* и *Луэр* – прославленные кони легендарного чжоуского правителя Му (Прекрасного); см. также ниже, прим. 34. – *147.*

[28] К сословию *ши* относились *чиновники* невысоких рангов, писцы, странствующие учителя мудрости, ораторы и пр. – *148.*

[29] Культ *звезды Линсин* был установлен Ханями как продолжение древнего культа бога земледелия Хоуцзи. *Покойник* – главное действующее лицо в обряде жертвоприношений предку («покойнику»), он был живым олицетворением предка на пиру в его честь. – *148.*

[30] Кольцеобразное, круговое вращение есть в «Хуайнаньцзы» синоним вечного движения. См. прим. 13 к гл. 1. – *150.*

[31] Знаменитый в древности силач. – *150.*

[32] См. прим. 7 к гл. 3. – *150.*

[33] *...для меня*, т.е. для государства; цитата из речи чжоуского Му-вана. См.: Книга преданий, гл. «Приказ Люю о наказаниях» // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963. С. 437 (перевод наст. издания незначительно отредактирован). – *152.*

[34] *Ци* и *Цзи* – два из восьми легендарных коней чжоуского Мувана (X в. до н.э.), прославленного своими «кругосветными» путешествиями. В III в. в раскопе был обнаружен текст на бамбуковых планках, на основе которого возникло произведение неизвестного автора того же времени «Жизнеописание Сына Неба Му» (известное и под другими названиями), содержащее своеобразный дневник путешествия Му-вана по разным частям страны, к инородцам, к богине запада Сиванму и пр. Частое упоминание этого сюжета в древних источниках говорит о популярности легенд этого цикла. – *153.*

[35] *Юй Жан* – родом из царства Цзинь, служил родам Чжунхан и Фань, известен как персонаж этого исторического эпизода. Сыма Цянь использовал данный сюжет в главе «Жизнеописания удальцов» (*Сыма Цянь.* Указ. соч., гл. 86), откуда мы и узнаем подробности. В рассказе Сыма Цяня есть некоторые нюансы: Юй Жан не был

в достаточной степени оценен прежними своими патронами и только Чжи-бо сумел увидеть его достоинства. Поэтому он мстил, по Сыма Цяню, не просто за смерть хозяина, а за смерть человека, отнесшегося к нему с уважением. *Чжунхан Вэньцзы* – цзиньский дафу по имени Сюнь Инь, сын Чжухан Муцзы (V в. до н.э.). – *154.*

[36] *Чжао Сянцзы*, т.е. Сянцзы из Чжао, – один из троих (наряду с ханьским Канцзы и вэйским Хуаньцзы) участников борьбы с Чжи-бо (сер. V в. до н.э.). *Цзиньян* – место южнее нынешнего города Тайюань, пров. Шаньси. – *154.*

[37] Этот момент также изменен у Сыма Цяня: Юй Жан, поднимая руку на победителя, сам шел на смерть. Он изменил внешность для того, говорит Сыма Цянь, чтобы не быть узнанным и спасти своих родных от казни в случае, если бы его имя стало известным. – *154.*

[38] Подробнее о ханьской концепции *взаимной благодарности* см.: *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь – историк. М., 1971. – *154.*

[39] Горные *пики*, расположенные на восточных, западных, северных и южных границах Поднебесной и в его центре, которые непременно объезжали ваны, принося жертвы. – *155.*

[40] Жертвенники, где возносились жертвы главным божествам земледельческих племен – Земле и Зерну. Здесь речь идет о том, что *Яо* считал своим долгом перед Небом сохранять мир в Поднебесной, как берегут алтари. – *155.*

[41] Т.е. силу берут несправедливость и неправда. – *155.*

[42] Ср. фрагмент из «Изречений» Конфуция: «Цзыгун сказал: «Ошибки правителя видны всем подобно затмению солнца или луны – ведь когда с солнцем или луной что-то происходит, все обращают к ним взоры»» (XIX 21); то же см. в «Мэнцзы» (Гунсунь Чоу, ч. 2, § 9). – *155.*

[43] Т.е. аконита. – *156.*

[44] *...у внутренних ворот*, т.е. через женские покои, поскольку они помещались за «внутренними воротами»; *...меж западными и восточными углами* – т.е. в закоулках коридоров. – *156.*

[45] *Звуки «чистые» и «мутные»* – модификации тональностей в китайском пентатоническом ряду музыкальных звуков, связанные с двумя первыми членами ряда. «Чистые» звуки отождествлялись с высокими, нежными и мягкими, «мутные» – с низкими, глубокими и грубыми. – *158.*

[46] Самое *острие колоска* (ср. прим. 176 к гл. 3) – это мера длины, десять таких мер образовывали один *фэнь* (в современном измерении 3,2 мм), *цунь* состоял из десяти *фэней*. Форма здесь представляет собой нечто самостоятельно существующее и дающее жизнь всему разнообразию форм, в том числе и солнцу; сама форма может явиться только тогда, когда есть свет, благодаря которому она становится видима, но свет рождается из *тьмы*. Поскольку тень является частью тьмы, постольку здесь и говорится, что «форма рождается от тени». – *158.*

[47] Эта идея общественного договора будет использована в дальнейшем деятелями китайского Возрождения. См., в частности, отзвуки этой полемики у Лю Цзунъюаня (VIII в.) в его эссе «Слово о Небе» (см.: Слово о Небе / Пер. В. Федорука // Проблемы восточной филологии. М., 1979) и «Рассуждение о Небе» // Лю Хэдун цзи. Шанхай, 1958. – *158.*

[48] Цитата из «Изречений» Конфуция (XIII 6). – *159.*

[49] *Гуань Чжун, Янь Ин* – прославленные первые министры в царстве Ци. Благодаря мудрости Гуань Чжуна царство Ци достигло подъема в царствование Хуань-гуна (VII в. до н.э.); Янь Ин жил на сто с лишним лет позже и также прославился как мудрый советник царства Ци (VI в. до н.э.). *Разбойник Чжи* – известный разбойник времен Конфуция (VI – V вв. до н.э.), *Чжуан Цяо* – полководец чуского Вэй-вана (IV в. до н. э.), отличавшийся разбойным нравом. – *159.*

[50] *Цзан Хо* – лусец, о котором известно только, что он был плохим возничим. – *159.*

[51] См. прим. 40 к гл. 7. – *161.*

[52] *Циньский Му-гун* (VII в. до н.э.) известен своими походами на запад – к племенам *жунов,* которых называли также племенами *ху* (а затем *сюнну*). Упоминаемый здесь эпизод, по-видимому, относится ко времени этих походов. – *161.*

[53] *Цзылу* – ученик Конфуция. – *162.*

[54] *Шесть искусств* – во времена Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.) название Шестикнижия, или конфуцианского канона: «Книга перемен», «Книга обрядов», «Книга музыки», «Книга песен», «Книга преданий», «Весны и осени», – составлявшего главный образовательный комплекс. – *162.*

[55] Рассказывают, что *чуский Чжуан-ван* (613–591 до н.э.) отправил послов в царство Ци, не спросив разрешения на проход у царства *Сун*, через которое пролегал их путь. *Вэнь Бесстрашный*, который был в составе, а может быть, и во главе посольства, заметил вану, что сунцы могут их убить. Чуский ван, однако, успокоил его, сказав, что в таком случае он нападет на Сун. Сунцы действительно, увидев чужих послов на своей земле, восприняли это как пренебрежение к ним и убили Вэня Бесстрашного. Тогда чуский ван немедленно выступил походом на царство Сун. – *162.*

[56] По-видимому, такой наряд считался нарушением придворного этикета. – *162.*

[57] *Бэйгунцзы* – известный в V – III вв. до н. э. храбрец, *Куай Гуй* прославился в царстве Чжао мастерским владением мечом. – *163.*

[58] Как и упомянутый ранее (на с. 150 наст. изд.) *У Хо*, знаменитый в древности силач. – *163.*

[59] *Би Гань* – старший дядя (по другой версии – брат) иньского *Чжоу*, посмевший выразить ему порицание. В ответ Чжоу якобы сказал: «Я слышал, что в сердце мудреца семь отверстий» – и велел вскрыть сердце Би Ганя. – *163.*

[60] Т.е. *девять раз* был ими признан как глава. – *163.*

[61] Т.е. расставляли утварь для празднества. – *164.*

[62] Т.е. гонги. каменные барабаны, дудки и гусли. – *164.*

[63] См. прим. 62 к гл. 3 и прим. 32 к гл. 5. – *164.*

[64] *Ши* – мера веса. Тридцать *цзиней* (ок. 600 граммов) составляли *цзюнь*, а четыре *цзюня* равнялись одному *ши*. *Ши* – также и мера объема для сыпучих тел. *Му* – мера площади, в III в. до н. э. так называлось поле в 240 шагов. – *164.*

[65] Здесь в очередной раз можно видеть, что с небом соединялась в сознании авторов функция гармонизации, а с землей – функция обеспечения жизни. – *165.*

[66] См. прим. 71 к гл. 4. – *165.*

[67] Далее упоминаются народные приметы. Считалось, что *шакал* в десятую луну убивает какого-нибудь зверя и раскладывает его куски по четырем странам света – как бы приносит жертву и что то же самое делает *выдра* с рыбой в первую луну весны, раскладывая ее около воды. – *165.*

[68] Созвездие *Натянутый лук* и другие, упомянутые далее, расположены на небесной сфере соответственно в южном, восточном, северном и западном секторах. Они достигают своей кульминации соответственно в третью, четвертую, восьмую и девятую луны. Подробнее см. гл. 3. – *166.*

[69] Ср. нижеследующие характеристики типов личности с характеристиками, данными в конце гл. 5. – *166.*

[70] *Гуны* – ближайшие родственники царя в царствах Чжоу; *цины* – высшие сановники царств. – *167.*

[71] В 18-й гл. эти слова приписываются Яо (7, 305). – *167.*

[72] Цитата из «Книги песен» (III 1, 2), пер. А.А. Штукина. – *168.*

[73] Царь *Воинственный раскрыл* царские *житницы*, чтобы накормить народ. *Оленья башня* была якобы протяженностью в три китайские мили и высотой более трех тысяч метров, в ней иньский Чжоу хранил свои сокровища. *Шан Юн* – согласно комментатору, учитель Лаоцзы, живший якобы во времена иньской династии (XVI–XII вв. до н.э.). Лаоцзы, как известно, жил в VI в. до н.э. Возведение его «генеалогии» к *Шан Юну* связано, по-видимому, с процессом сложения в ханьское время житий первоучителей философских школ. В 10-й гл. прямо говорится: «Лаоцзы учился у Шан Юна: глядя на его язык, понял, что следует беречь мягкое» (наст. изд., с. 184). Поясняя это место, комментатор говорит, что Шан Юн показал язык Лаоцзы, и тот понял различие между мягким (язык) и твердым (зубами). В этом рассказе учитель представлен в виде юродивого мудреца, что также типично для даосского жития. Упоминая здесь Шан Юна, автор, конечно, намеренно связывает имя царя Воинственного (конфуцианская традиция) с основателем даосизма Лаоцзы. *Цзицзы,* согласно комментатору, – сводный брат иньского Чжоу, обращенный им в рабство. По другой версии – его дядя. – *168.*

[74] Знаменитый регент при малолетнем Чэн-ване. – *168.*

[75] О *Светлом зале* см. подробнее гл. 5 и прим. 9 к с. 87. Светлый зал в представлении древних ассоциировался с определенным образом правления, связываемым со священными именами древнейшей китайской истории (Яо, например), а также с временем правления основателей династии *Чжоу* (XI–III вв. до н.э.). Из текста следует, что этот храмовый комплекс служил также хранилищем государственных документов. – *168.*

[76] *Чэн* и *Кан* – ваны (цари) раннего периода династии Чжоу. Согласно традиции, правили в 827–782 и 781–771 гг. до н.э. – *168.*

[77] *Чан Хун* – чжоуский дафу, служил Цзин-вану (VI–V вв. до н.э.), оказался замешанным в заговоре и был убит Цзин-ваном, стал затем персонажем житийных сказаний, имел прозвище Познавший Великое *дао*, Конфуций у него учился музыке. *Цзяо* – маленький город в царстве Цзинь во времена Конфуция. *Ту* – маленький город в Лу. Вероятно, автор хочет сказать, что Конфуций, сам будучи родом из Лу, бывал в разных царствах и в самых маленьких уголках этих царств. – *168.*

[78] Составление и редакция этой *летописи* приписываются Конфуцию. Впоследствии она была включена в конфуцианский канон «Пятикнижие», в ханьское время уже воспринималась как назидание Конфуция потомкам. Сыма Цянь (II–I вв. до н.э.), в частности, писал: «Действительно, канон «Чуньцю» .. на первом месте ставит – осветить путь истинных трех древних государей, а на втором – судить историю людей и действий их; указал он (Конфуций. – *Л. П.*) на то, что ему неприемлемо и одиозно, объяснил, где лежит правда и неправда...» (см.: Китайская классическая проза.., с. 99). – *168.*

[79] В «Изречениях» Конфуций в этом эпизоде говорит: «Царь Просвещенный умер, но разве не я должен продолжить его дело? Если бы Небо желало положить конец просвещению, то разве вручило бы его мне, живущему после? Если же Небо не хочет губить просвещение, то что мне могут сделать куанцы?» (IX 5). – *169.*

[80] У *Ци* и *Чжан И* – известные политические деятели IV в. до н.э. По свидетельству Сыма Цяня, У Ци был заколот копьями в царстве Чу, а Чжан И умер своей смертью в Вэй (*Сыма Цянь.* Избранное / Пер. В. Панасюка. М., 1963. С. 79, 142). *Владеющий десятью тысячами колесниц* – Сын Неба. – *169.*

[81] *Шесть противоречивых вещей* – перечисленные основания успеха. – *169.*

[82] Весь пассаж пафосом своим имеет примирение двух правовых норм: судить по совести или по закону. Конфуцианством утверждалось обычное право, легисты стояли за закон, равный для всех. Эта тема была предметом дискуссий на протяжении нескольких столетий в древнем Китае. – *169.*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[1] Ср. перифраз в гл.1: «У него есть листья, но нет корня» (наст. изд., с. 30). – *172.*

[2] В первой строфе речь идет о Вселенной, космосе; *небесный путь – дао. Сокровенность* – космическая бездна, недоступная человеческому сознанию. – *172.*

[3] Словом «добродетель» здесь переведено *дэ.* Однако в данном контексте возможен и другой перевод: «...кто постиг Благо» (по аналогии с выражением «кто постиг *Дао*»). Именно обладание Благом дает правителю право вести свою «паству» по правильному пути, обеспечивая ее сохранение. Кроме того, в комментируемом фрагменте видно, как функция Блага, заключавшаяся в обеспечении жизни, расширяется до границ нравственного поля, что означает перевод этой всемирной силы в русло человеческих отношений. Отсюда и возможны в соответствующих контекстах переводы *дэ* словами «добродетель», «добрые деяния», «благие деяния», «дары» и даже – «милости». Такое расширение значений объясняется поисками компромисса между даосским и конфуцианским толкованиями термина. См. также прим. 19 к гл. 1. – *172.*

[4] Книга «Перемен», или «Ицзин» (см.: *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960), – часть конфуцианского канона – в ханьское время становится особенно популярна благодаря содержащейся в ней концепции развития («изменений», или «метаморфоз», – в пер. В.М. Алексеева), представлению о жизненном

процессе как потоке метаморфоз. Часть гл.10 может рассматриваться в некотором смысле как комментарий к отдельным положениям «Книги перемен».

Здесь цитируется гексаграмма № 13. См.: *Щуцкий Ю.К.* Указ. соч., с. 170, а также ср. перевод на нем. яз.: Iging. Das Buch der Wandlungen. Aus dem Chinesischen verdeutscht und erlautert von Richard Wilhelm. Jena, 1924, S. 63. Цитаты из «Книги перемен» приводятся в 10-й гл. «Хуайнаньцзы» не вполне точно. Возможно, это результат редактирования: они должны были служить авторитетным подтверждением формулируемых положений и потому в них вносились необходимые коррективы, – но, может быть, и результат разночтений. Наш перевод иногда частично расходится с русским и немецким переводом, подчиняясь требованиям контекста. – *172.*

[5] Здесь выделена еще одна функция *дао* – не только как источника мирового движения, но и его регулятора. – *172.*

[6] Расшифровка понятия *долга-справедливости* (*и*) в тексте данной главы отличается от изначального смысла у Конфуция, где упор более делался на первом компоненте – долге, теперь раскрывается содержание второго – справедливости. Долг выполняется при условии, если требования справедливы, а справедливыми их делает любовь. – *172.*

[7] «Книга перемен», гексаграмма № 3. *Щуцкий Ю.К.* Указ. соч., с. 164; *Wilhelm R.* Iging.., S. 23. – *173.*

[8] Песни (или «Книга песен») III 1, 9 (4-я строфа). См. вариант перевода: Шицзин, пер. А.А. Штукина, с. 349. – *173.*

[9] Реминисценция на Лаоцзы, ср.: «Великое совершенство похоже на несовершенное... великая полнота похожа на пустоту». См.: Дао дэ цзин, § 45, пер. Ян Хиншуна. – *173.*

[10] Китайское слово «хули» состоит из двух самостоятельных слов: «ху» и «ли», передающих близкие понятия – лиса, хорек, ласка. Однако «хули» означает помимо этого «хитрый, коварный и жестокий человек» (ср. в рус. яз. переносное значение «хорек»). Выведением аналогий на основании схожих примеров занимались и авторы «Люйши чуньцю» (см. пер. Г.А. Ткаченко, с. 405–406). – *174.*

[11] В этой главе на разных уровнях проявлен интерес к логике. В данном случае умозаключение строится на том основании, что предметы, принадлежащие одному роду или виду, имея безусловные черты сходства, сохраняют известные различия, а потому название, объединяющее их в одно целое на основании какого-то выделенного признака, не всегда равняется смыслу каждого из них в отдельности. – *174.*

[12] Оба примера демонстрируют интерес к синонимии в духе античного философа III в. до н.э. Продика (подробнее см.: *Попов П.С., Стяжкин Н.* Развитие логических идей...). – *174.*

[13] «Книга перемен», гексаграмма № 3 (*Щуцкий Ю.К.* Указ. соч., с.164; *Wilhelm R.* Op. cit., S. 27). *Колесница* (или возничий) и *кони* – устойчивый символ правителя и народа в китайской философской прозе. – *174.*

[14] Соответственно пятилетний и двухлетний ядовитый корень лекарственного растения аконит (Aconitum sineuse). – *174.*

[15] Северо-западные племена. – *174.*

[16] *Чжунхан Мюбо* – один из представителей знатного и богатого

рода Чжунхан в царстве Цзинь (V в. до н.э.), прославился физической силой. – *175.*

[17] В *парче* ценится узор, цвет, внешний вид; в *нефритовом скипетре* – материал, из которого он изготовлен: нефрит издавна в Китае был оберегом, считалось, что он имеет очистительные свойства. – *175.*

[18] Речь идет о кардинальных эстетических понятиях: *вэнь – узор* и *чжи* – природа, природная *основа*. Под *вэнь* в древнекитайской культуре понимается целый комплекс понятий: от природных пятен и полос на шкуре животных; небесных явлений; письмен, которые были изобретены по образцу следов от птичьих лапок на снегу; вытканного на полотне узора и др. до воспитательного минимума, который превращает человека необразованного и невоспитанного в благородного. Этим термином также обозначается понятие культуры как таковой, а также всякого рода обработанность, отделанность, изящество и вкус (сводку основных значений см.: *Захарьин А.Б.* Формирование концепции «культура» в Древнем Китае. Канд. дисс. М., 2002). Суть дела состоит в постоянном противоборстве *вэнь* и *чжи* – узора (формы) и материала (содержания), которые, как того требовала классическая эстетика, должны находиться в гармонии (см., напр.: Лунь юй VI 18). – *175.*

[19] «Книга перемен», гексаграмма № 1 (*Щуцкий Ю.К.* Указ. соч., с. 163; *Wilhelm R.* Op. cit., S. 5). – *176.*

[20] Т.е. совершил ритуал, продемонстрировав свои благие намерения и силу добродетели, чем и покорил самых непокорных. – *176.*

[21] *Великий Владыка* (Тай шан), похоже, новый титул, он отчасти напоминает более поздние даосско-буддийские титулы верховных владык Неба. В начале средних веков так именовали императора-отца после его смерти. Гао Ю говорит: «правитель, обладающий царственной добродетелью». В самом деле, в 301 г. чжаоский ван объявил себя императором, взяв титул «тай шан хуан» (см.: Цзинь шу. Гл. «Хуй ди цзи» («Основные записи о царствовании Хуй-ди»)). Не известно, кто из традиционных китайских божеств здесь имеется в виду и был ли вообще такой ранее. О наименованиях божеств у ранних чжоусцев см.: *Сыма Цянь.* Исторические записки, т. 1, с. 314. – *176.*

[22] Согласно комментарию, это Пять владык, с которых начиналась китайская псевдоистория, восходящая чуть не к 5-му тыс. до н.э. – *176.*

[23] Книга песен I 3, 13; то же I 7, 4. Ср.: Шицзин, пер. А.А. Штукина, с. 50, а также с. 97. – *176.*

[24] «Книга перемен», гексаграмма № 44 (*Щуцкий Ю.К.* Указ. соч., с. 326; *Wilhelm R.* Op. cit., S. 184). Речь идет о том, чтобы не проявлять своей воли и страстей, а чутко улавливать волю народа. – *176.*

[25] Эта фраза имеет отношение к теме определения оснований и следствий. В терминологии «Хуайнаньцзы» основанием называется то, что находится «впереди», а следствием – то, что находится «позади». Проводится аналогия между внешними по отношению к человеку обстоятельствами и его действиями в ответ на них, с одной стороны, и между телом и его тенью – с другой. Как действия человека зависят от обстоятельств (он действует, понуждаемый «вещами»), так тень зависит от движения тела. Подробное разъяснение этого положения есть в «Лецзы» (8; Атеисты.., с. 118). Это большая тема, здесь перед нами только осколок ее. Ночь – другая тема: она лишает человека ориентиров и главного инструмента – зрения

(см. прим. 25 к гл. 10). Человек движется неуверенно, вытянув вперед руки, – он не видит «вещей», не знает, что «впереди», т.е. он не знает основания, которому должен следовать. И потому у него рождается сочувствие к тени – ведь она никогда не знает, что предпримет тот, кто «впереди». – *176.*

[26] *Учитель,* согласно комментарию, — Конфуций. *Троекратное превращение зерна* – т.е. зерно, росток, колос как символы непреложности порядка «изменений», как проявление закона необходимости, как подтверждение идеи кругооборота. – *176.*

[27] «Книга песен» II 4, 7. См. вариант перевода А.А. Штукина: Шицзин, с. 246. – *177.*

[28] Ср.: Лунь юй IV 16. – *177.*

[29] *Си Фуцзи (Ли Фунцзи),* дафу в царстве Цао (VII в. до н.э.), некогда принял у себя находившегося тогда в изгнании *наследника* царства Цзинь по имени Чун Эр. Когда позже, уже заняв престол Цзинь, Чун Эр пошел войной на царство Цао, он приказал воинам обойти ту часть города, где жила семья Си Фуцзи. *Сюань Мэн* (он же – Чжао Дунь) – человек из царства Чжао, был спасен от верной гибели человеком, которому он помог ранее избежать голода (см. прим. 29 к гл. 11). – *177.*

[30] См. прим. 24 к гл. 9. – *177.*

[31] О *скакунах Ци и Цзи* см. прим. 34 к гл. 9. – *177.*

[32] «Книга перемен», гл. «Толкования порядка гексаграмм» (Сюйгуа чжуань), ч. 1 (цитата неточная). В русском переводе этого раздела у Ю.К. Щуцкого нет. – *177.*

[33] Книга песен III 1, 1. Вариант перевода А.А. Штукина: Шицзин, с. 329. – *178.*

[34] *Гуаньцзы,* будучи первым министром, не всегда соблюдал установленный ритуалом порядок, об этом, в частности, пишет Сыма Цянь в своих «Исторических записках» (пер. Р.В. Вяткина, т. 7, с. 35). *Цзычань* – Гунсунь Цяо по имени Цзычань, первый министр в царстве Чжэн (VI в. до н.э.), больше сорока лет державший власть в своих руках. Влиятельный политик, искусный дипломат, широко известный в древнем мире. Эта фраза вызывает затруднения у комментаторов (см.: *Чжан Шуанди,* т. 1, с. 1060–1061). Возможно, имеется в виду какая-то деятельность Цзычаня, которая не встречала полного одобрения. Например, известно, что он ставил милосердие выше закона, за что заслужил неодобрение Мэнцзы (IV–III вв. до н.э.), который сказал: «Милостив, но не умел управлять» (Мэнцзы 8, 2). Древнекитайская эстетика ставит все естественное выше искусственного, соответственно «некрашеное» выше «крашеного», как «материал» («природа») выше «изделия» из него. Известен диалог Конфуция со своим учеником на тему, что сначала – ритуал или милосердие. В результате с помощью аналогии с простой и расшитой тканью устанавливается, что «ритуал вторичен» (Лунь юй III 8). – *178.*

[35] Ср.: Дао дэ цзин, § 70, пер. Ян Хиншуна. – *178.*

[36] *Хун Янь* – согласно легенде, слуга вэйского И-гуна (VIII в. до н.э.). Когда северные племена *ди* напали на царство Вэй, то они съели И-гуна, а печень его осталась. Хун Янь вспорол себе живот и вложил внутрь него печень господина (печень у древних китайцев считалась средоточием храбрости и мужества). – *178.*

[37] *Ванцзы Люй* известен только по этому эпизоду. *Бай-гун* по

имени Шэн, сын чуского Пин-вана (V в. до н.э.), хотел посадить Цзылюя на престол, но тот отказывался. Тогда Бай-гун решил принудить его к согласию и ударил копьем, но Цзылюй и раненный не принял престол. – *178.*

[38] См. гл. 7. – *178.*

[39] *Три царя* – основатели династий Ся, Шан, Чжоу – Юй, Тан, Вэнь-ван вместе с сыном У-ваном. *Бо И* – конфуцианский праведник, с ним связана следующая легенда: когда У-ван поднялся в поход на нечестивого правителя Чжоу Синя, Бо И и его брат Шу Ци повисли на уздечке его коня, пытаясь этому воспрепятствовать, поскольку по конфуцианским правилам младший (низший) не может поднять руку на старшего (высшего). Не преуспев в этом деле, Бо И и Шу Ци удалились на гору Шоуян, чтобы не ступать по земле супостата, и умерли там с голоду. – *179.*

[40] *Барабан* (в том числе китайский) обладает постоянной настройкой на относительную высоту в отличие от темперированного строя других инструментов, в частности струнных. – *179.*

[41] *Шэнь Си,* согласно легенде, потерял свою мать, и она нищенствовала на дорогах. Известен только по этому эпизоду. – *179.*

[42] *Фу Чай* – правитель царства У (V в. до н.э.), нанес поражение цисцам *при Айлине* в 489 г. до н.э. – *179.*

[43] Комментатор приводит эти слова как слова Конфуция, но при этом не дает отсылки ни к какому тексту. – *179.*

[44] См. прим. 10 к гл. 1. – *180.*

[45] Притча известна из «Чжуанцзы» (правда, там *Колесник* носит имя Пянь). См.: Атеисты.., с. 202–203. – *180.*

[46] Легендарный лекарь. – *180.*

[47] *Весна* – время смены эфира *инь* (сил холода и тьмы) животворным эфиром *ян* (силами тепла и солнца), а *осень* – время ухода *ян* и прихода *инь*, несущего смерть (сон) живому. В фольклоре весна – время свадеб, а осень – военных походов и охот. – *180.*

[48] *Чунхоу* – подвластный иньцам правитель времен Чжоу Синя. *Элай* – слуга иньского Чжоу Синя. – *180.*

[49] *Малые люди* (или в иных контекстах – ничтожные люди) и *благородные мужи* – антиподы, они противостоят по социальным, нравственным и эстетическим параметрам. – *180.*

[50] *Цзицзы от Восточных ворот* (Дунху Цзицзы) – древний правитель, время жизни которого относится к эпическому периоду чжоусцев. – *180.*

[51] Аллюзия на речь чжоуского Му-вана (см. прим. 34 к гл. 9) из «Книги преданий». – *180.*

[52] Аналогия построена на игре слов: и «левый» (*цзо*), и «правый» (*ю*), и оба вместе «левые и правые» (*цзою*) в китайском языке в разное время значили «помогать», «быть в свите» и пр. До империи более ценилось слово «правый», в империи Цинь и Хань – «левый» (в придворной титулатуре). Под словом «высокое» имеется в виду небо, комментатор поясняет: «небо вращается влево, поэтому здесь говорится, что у высших в почете левая сторона». – *180.*

[53] Т.е. быть помощником, служить. – *180.*

[54] Фрагмент неясен. *Цзычань* якобы составил уложение о наказаниях (слово «юй» трактуется при этом как уголовное законодательство), которое кем-то было подробно откомментировано, отче-

го статей стало много, но народ избавился от пороков. Возможно, логика такова: хотя было много поводов привлечь человека к суду, но милосердие Цзычаня (о котором говорится в другом месте) было залогом справедливости, и потому в народе стало меньше порока. См. также выше, прим. 34. – *181.*

[55] По-видимому, имеется в виду система наследования власти в семье и государстве в далекие времена. – *181.*

[56] Т.е. сначала выстраивается стратегия, а потом разрабатывается тактика. – *181.*

[57] *Циский Хуань-гун* и *цзиньский Вэнь-гун* (вступил на престол в 636 г., умер в 627 г. до н.э.) – оба добились титула бавана, став главами союза государств. – *182.*

[58] *Байли Си* – помощник *циньского Му-гуна,* который так же, как циский Хуань-гун, имел титул бавана. – *182.*

[59] *Вэйский У-хоу* правил в Вэй в течение 53 лет в период Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.). Согласно комментарию, эти слова он произнес в возрасте 95 лет. – *182.*

[60] Такой *нефрит* ценился как самый красивый. – *183.*

[61] История *Бо И* очень известна. Древние источники полны дискуссий на тему о том, жалел ли герой о своем поступке перед смертью или нет. Начало ей положил Конфуций, сказав: «Они стремились быть добродетельными и были ими, о чем же жалеть?» Другое мнение выражает автор «Жизнеописания Бо И» Сыма Цянь спустя 400 лет после Конфуция. См.: Китайская классическая проза.., с. 127. – *183.*

[62] В основе этой фразы лежит следующий исторический эпизод: в царстве Чу на приеме были посланцы царств Лу и Чжао. Лусцы привезли для чуского вана вино. Известно было, что вино из Лу слабое, а из Чжао крепкое. Главный виночерпий потребовал для себя вина у Чжао, но чжаосцы отказали. В отместку чиновник преподнес чускому вану под видом чжаоского вино из Лу. Луский ван, подумав, что чжаосцы поят его слабым вином, поднял войска и осадил Ханьдань, столицу Чжао. – *183.*

[63] Имеется в виду предание о том, как во время войны с царством Чжэн сунский полководец Хуа Юань, чтобы накормить воинов, зарезал барана, но возничему не досталось куска. Обиженный возничий во время боя вынес колесницу Хуа Юаня прямо в чжэнские порядки, и Хуа Юань был схвачен. – *183.*

[64] *Гунъюн* – слуга *чуского Чжуан-вана.* – *183.*

[65] *На горе Тай* правителями приносились жертвы Небу и Земле. Эти жертвоприношения в императорское время в особенности связывались с получением от Неба мандата на правление. – *184.*

[66] *Сяоцзи* – сын иньского правителя У-дина, или Гао-цзуна (XIII в. до н.э.). Однако смысл ссылки на него здесь неясен. – *184.*

[67] Здесь автор использовал форму известного изречения Конфуция: «Знающий от рождения – высший; следующий тот, кто приобрел знание учением; кому было трудно, но он все же учился, – третий; а тот, кто бросил учение, потому что было трудно, – последний» (Лунь юй XVI 9). – *184.*

[68] *Шао-гун* по имени Ши, жрец (тай бао), – полуисторическая личность, традиция связывает его имя с начальным периодом династии Чжоу. – *184.*

[69] См. прим. 73 к гл. 9, а также положение Лаоцзы: «Твердое и крепкое – это то, что погибает, а нежное и слабое – это то, что начинает жить» (Дао дэ цзин, § 76, пер. Ян Хиншуна). Шан Юн предположительно жил при династии Шан-Инь (XVII–XI вв. до н.э.), в то время как Лаоцзы – в VI–V вв. до н.э. – *184.*

[70] *Лецзы* – философ VI в. до н.э. Сохранилось философское сочинение под названием «Лецзы», которое, по мнению большинства ученых, принадлежит более позднему времени, хотя это не исключает того, что отдельные его части имеют раннее происхождение. – *184.*

[71] Речь идет о том, что связь явлений проясняется только в конце цепочки аналогий. Ср. высказывание ниже: «Мудрец, наблюдая, что из чего возникло, постигает то, куда оно приведет». Построение цепочки соположений, ее выстраивание уподобляется складыванию копны хвороста, от одной ветки к множеству, снизу – вверх. – *185.*

[72] *Цзылу* (или Чжун Ю), ученик Конфуция, служил вэйскому Чугуну, оставаясь верным ему во время мятежа; во что бы то ни стало он стремился проникнуть во дворец, где тому грозила смерть, в результате погиб сам (см.: *Сыма Цянь.* Исторические записки, т. 5, с. 119). *Чан Хун* хотел помочь чжоусцам своим искусством, и они убили его. – *185.*

[73] Т.е. постигнуть скрытый, тайный смысл вещей и обрести новое видение вещей и их связей. – *185.*

[74] *Хуйму* – мифическая птица с ядовитым оперением, ее крик предвещает ясную погоду. *Иньсэ* – самка хуйму, ее крик предвещает дождливую погоду. – *185.*

[75] *Учитель от Ворот Согласия* (Юнмэн-цзы) по имени Гу – известный плакальщик. См. также прим. 9 к гл. 6. – *185.*

[76] *Цзянь-гун* – правитель царства Ци, был убит своим подданным в 481 г. О необходимости удалить его из окружения гуна говорили верные ему люди, однако гун не хотел проявить твердость (подробнее см.: *Сыма Цянь.* Указ. соч., т. 5, с. 61–62). *Цзыян* – первый советник чжэнского правителя, убит им в 411 г.; согласно комментатору, приверженец системы наказаний. – *185.*

[77] См. прим. 45 к гл. 9. – *185.*

[78] *Цзицзы* огорчился, что люди отходят от простоты и обращаются к роскоши, и сказал, что за *палочками из слоновой кости* последуют и нефритовые чаши, изысканные яства, роскошные одежды, высокие башни и пр. – *185.*

[79] Один из вариантов толкования этого места из «Изречений»: Конфуций огорчился тем, что обычай принесения в жертву людей, хотя бы и в виде деревянных фигурок, не изжил себя. – *185.*

[80] Речь идет о проблеме адекватности восприятия внешних предметов, возможности их точного отображения внутри себя и, как следствие этого, воссоздания в образах. Однако здесь слышится только намек на обсуждение этой проблемы, актуальной она станет в первых веках н.э. (см., напр., Оду изящному слову Лу Цзи). – *186.*

[81] Эта фраза связана с предыдущей, в которой проводится градация между высшим, средним и низшим *государями.* Здесь с помощью цитаты из «Сюньцзы» (см.: Чжуцзы цзичэн. Т. 2. Пекин, 1956. С. 136) подтверждается та же мысль. Сравнение государя с *одномастным* быком оправдано тем, что именно бык чистой мас-

ти мог приноситься в жертву во время главного жертвоприношения – чистая масть в сознании людей связывалась с причастностью к божественной сфере. В жертвоприношениях более низкого ранга допускалась примесь другой масти, но никогда не допускалась пестрота. В целом, как кажется, авторы ищут аргументы в пользу утверждения божественности верховной власти. – *187.*

[82] *Фениксы* слетаются на царский двор, когда правление благостно. См. также прим. 10 к гл. 3. – *187.*

[83] Т.е. главное – самому обладать *милосердием* и нести в себе *Благо*, это и приведет к их расцвету. – *187.*

[84] *Исследовать меру* – здесь значит изучать движение небесных тел относительно друг друга, их взаимное расположение, которое постоянно изменяется, при том что в этом изменении есть свое постоянство (мера, или «число»). В *дереве*, по представлениям древних китайцев, воплощались силы земли. – *187.*

[85] *Дацзи* (букв. «большая алебарда») – одна из разновидностей молочая, Euphorbia Pekinensis. – *188.*

[86] *Тинли* – крупка перелесковая, или дубравная (бот.), Draba nemorosa. – *188.*

[87] В кит. оригинале с. 168 – пустая. – *188.*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[1] Определенность, с которой формулируется здесь, что есть *дао* и *дэ*, не должна вводить в заблуждение: это заявляется тема, не более того. Такова техника изложения – «вбрасывание» темы, а потом развертка ее в каком-то одном или нескольких интересующих автора аспектах. – *189.*

[2] *...другом и товарищем* – кит. *пэнъю;* в современном китайском языке это слово значит «друг», в древности его части существовали отдельно: *пэн* и *ю*. Как они различались, это вопрос. «Лунь юй» открывается фразой: «...разве не радость, когда ученик (друг – *пэн*) приезжает к тебе из дальних краев?» (Лунь юй I 1). В «Лецзы» есть такое выражение: «Учителем Лецзы был старый Шан, а другом (*ю*) – дядя Высокий» (Атеисты.., с. 53). Похоже, это были ступени дружества, которые проектировались и на отношения наставника и ученика в школе философов. – *189.*

[3] Комментатор предлагает это понимать иначе: «...только власть связывает, власть кончилась, и связь разрушается». – *189.*

[4] В ориг. говорится, что их оружие не заострялось и не затачивалось. – *189.*

[5] *Сяоцзи* – сын иньского правителя Удина, отличался благородством и сыновней почтительностью, но его отец, поверив наветам мачехи Сяоцзи, сослал его, а затем убил, о чем народ скорбел. *Дао Чжи* и *Чжуан Цяо* – легендарные разбойники. – *190.*

[6] Букв. «на одну ногу». – *190.*

[7] *Лилейник* – одно из значений знака *ван,* выбрано, исходя из логики фрагмента. В ориг. же стоит название, которого нет в словарях, поэтому комментаторы пытаются выяснить смысл соположением сходных иероглифов. Их заключение – это *стрекоза.* Но логика противоречит этому: речь идет о том, что всякий род стал родить не себе подобных (см. следующую фразу в тексте).

Далее речь идет о том, что *мудрецу ведомы* грани, отделяющие вещи или явления друг от друга или связующие их, и то, что обычному человеку может показаться чудесным, для мудреца лишено покрова тайны. – *190.*

[8] *Род Тянь* – род Тянь Чэнцзы – *190.*

[9] См.: *Щуцкий Ю.К.* Указ. соч , с. 202. *Иней* – признак осени, *лед* – зимы. Иными словами, все закономерно пришло к тому концу, к которому шло. – *190.*

[10] Иньский Чжоу якобы столь безмерно предавался пьянству, что после его пиров остались целые *холмы* винного отстоя. О *палочках из слоновой кости* см. прим. 78 к гл. 10. В отношении упоминаемой здесь *казни* комментаторы предлагают несколько версий, ни одна из них не кажется убедительной. Смею предположить, что речь идет не об утюге (версия Сюй Шэня), которым некогда тот же иньский Чжоу убил неосторожного стольничего, подавшего слишком горячий «суп», а, возможно, о винном сосуде (прямое значение *доу*), в котором было слишком сильно подогретое вино, что и вызвало гнев и затем расправу Чжоу. – *190.*

[11] Первые две мелодии принадлежат Хуан-ди. В «Люйши чуньцю» (см. пер. Г.А. Ткаченко, с. 115) создание мелодии «чэнъюнь» («Подносим облака») приписывается Фэйлуну (Летучему Дракону). «Девять мелодий» – музыка юйского Шуня. «Шесть совершенств» – музыка Чжуаньсюя. – *191.*

[12] Знаменательная перемена: раньше в этих выражениях характеризовалась способность обнимать собой Вселенную (см. гл. 1, начало). Теперь же речь идет о пространстве между небом и землей. – *191.*

[13] См. прим. 47 к гл. 2. – *191.*

[14] Кит. *хэй лэй* – Сюй Шэнь говорит, что речь идет о чудесной *змее*, которая живет в пучине и способна вызывать тучи и дождь. Вероятно, был обычай ее заклинания. – *192.*

[15] Комментатор поясняет: «...лодку используют на воде, *телегу* – на суше, *мокроступы* – в грязь, *сандалии* (условно: *сы*) – в песках, а *цюнлу* – в поле, по траве». – *192.*

[16] Цитата из Лаоцзы, § 80, пер. Ян Хиншуна. – *192.*

[17] Т.е. необязательными занятиями, не теми, которые составляют «корень». – *192.*

[18] *...имеем дело* – кит. *чжи*, букв. «управлять, упорядочивать»; в «Люйши чуньцю» в аналогичном контексте Гао Ю делает примечание. *«чжи* – это *чи*: направлять, распоряжаться, давать приказ». – *193.*

[19] В этом месте комментаторы, во-первых, поправляют текст, исключая два слова как повтор; во-вторых, заменяют слово *му* на *лу*, а затем и на *ди* – земля, но признают, что фраза неясная. Наш перевод исходит из значения слова *му* – близкие, родственные, дружеские отношения, дружелюбие. Это понятие, употребленное в контексте универсалий, как кажется, обозначает новые мотивы, а именно: включение психологической составляющей в прежде объективную картину мира. Параллельный текст, местами точно совпадающий, есть в «Люйши чуньцю» (см. пер. Г А Ткаченко, с. 401) Там вся парадигма увенчивается «природой вещей» – дальше счета нет. Здесь мы видим, что она продолжается и заканчивается Благом (*Дэ*) и *Дао* как конечными мировыми силами. – *193.*

[20] В разделе «Распорядок вана» («Ван чжи») «Книги обрядов»

дано следующее объяснение: «...[толмача] на востоке называют *цзи*, на юге – *сян*, на западе – *дити*, на севере – *и*». В нашем тексте использованы два слова – южное название и западное. – *193.*

[21] Букв. «тело» (ти). – *193.*

[22] Имеется в виду *природа* вещей, прирожденные свойства (*син*). Подробнее о связи природы вещей с *Дэ* – Благом см. наст. изд., с. 378–381 (о *дэ* см. прим. 19 к гл. 1). – *193.*

[23] Вероятно, здесь подразумевается какая-то притча. Чэнь Гуанчжун переводит: «...человек из Лунси путешествовал, и чем более беспокоился, тем тяжелее становилась его ноша». – *194.*

[24] В «Лунь юй» есть несколько схожий параграф (XI 11), в котором Конфуций по смерти Янь Хуя сокрушается, говоря, что тот относился к Конфуцию как к отцу, но Конфуций не смог отнестись к нему как к сыну, позволив ученикам похоронить Янь Хуя в богатом саркофаге, т.е. отступил от своего правила избегать роскоши. – *194.*

[25] Т.е. сохранение в любых обстоятельствах бесстрастия и равновесия духа. – *194.*

[26] Ян Шуда здесь предлагает заменить слово *ши* (соответствовать) на слово *ди* (противостоять). Чэнь Гуанчжун следует этой поправке. Как кажется, в этом нет необходимости: речь идет о *Едином*, которое, будучи всеобщим регулятором, само ни с чем не может быть сопоставлено. Об упомянутом выше *ци* см. прим. 3 к гл. 3. – *194.*

[27] Ср. в «Великом предисловии» к «Книге песен»: «Чувства приходят в движение внутри нас и обретают формы в речах» (цит. по: *Лисевич И.С.* Великое Введение к «Книге песен» // Историко-филологические исследования. М., 1974. С. 180). – *195.*

[28] В «Книге обрядов» (Лицзи чжэньи) сказано так: «Чувства приходят в движение внутри [нас] и обретают формы в звуках» (Шисань цзин чжу шу, т. 6, с. 1586; цит. по: *Лисевич И.С.* Указ. соч., с. 180). – *195.*

[29] О *Ли Фуцзи* (он же Си Фуцзи) см. прим. 29 к гл. 10. *Чуйцзи* – местность, где добывался самый красивый *нефрит* (см. прим. 40 к гл. 7). Рассказ о том, как Чжао Дунь (посмертное имя – *Сюаньмэн*) накормил голодного, а тот впоследствии не раз спасал его от беды, находим у Сыма Цяня (см.: *Сыма Цянь.* Указ. соч., т. 5, с. 169). О *колоколе* см. прим. 40 к гл. 7. Рассказ этот содержится также в «Хань Фэйцзы», в гл. «Шо линь». – *195.*

[30] *Гунси Хуа* – ученик Конфуция по имени Чи, второе имя Цзыхуа. *Цзэн Шэнь,* или Цзэнцзы, – ученик Конфуция, второе имя Цзыюй. И Гунси Хуа, и Цзэн Шэнь известны как знатоки правил сыновнего поведения. Дискуссия на эту тему продолжается и позже. См.: *Хуань Куань.* Спор о соли и железе / Пер. с кит. Ю.Кроля. Т. 2. М., 2001. С. 66 и далее. – *195.*

[31] Западные варвары. – *195.*

[32] *Сяньюнь* – северные хусцы *относятся к старшим с боязнью*, вызванной ожиданием сурового к себе отношения. – *195.*

[33] Т е. *не имея* атрибутов парадной одежды конфуцианского «благородного мужа». – *195.*

[34] Т.е не совершая (*не выписывая*) поклонов и поворотов тела, составляющих часть конфуцианского ритуала. – *195.*

[35] Лю Вэньдянь считает, что выражение «двенадцать чжухоу» не

обязательно подразумевает двенадцать царств Подробнее см. *Лю Вэньдянь*. Хуайнань хунле цзицзе, с. 355.

Согласно комментарию Чэнь Гуанчжуна, Конфуций учил на берегу р. *Сы*, поэтому впоследствии этот район воспринимался как заповедник науки. – *195.*

[36] *Мо* – северо-восточные варвары. Весь этот набор отрицательных характеристик противопоставлен цивильным правилам, принятым в ханьской империи, в которой одежда (ее покрой и цвет), прическа, положение тела «за столом» (т е. сидя на циновке), сама речь подчинялись в срединных царствах строгому этикету. *Вывернутым* язык варваров назван потому, что воспринимался столь же отличным от человеческого, как и язык птиц и зверей. – *196.*

[37] Этикет требовал подпоясывать одежду. – *196.*

[38] Царская одежда была обычно на лисьем меху. – *196.*

[39] Кит. *пэн*, это слово, кажется, есть точный эквивалент греческому συμπάθεια – сострадание. – *196.*

[40] Здесь *милосердие* – чувство Интересно, однако, что обычно *милосердие* не воспринимается иначе как конфуциански толкуемое поведение – по определенному ритуалу, в определенной форме. Кроме того, у Конфуция «основой» этикета было как раз «милосердие» (см., напр.: Изречения III 3). См. также прим. 9 к гл. 2. – *196.*

[41] *Трехмесячный траур* действовал во времена Сяхоуши (комментарий). – *196.*

[42] *Пять видов траурной одежды* соответствовали трехгодичному, годичному, девятимесячному, пятимесячному и трехмесячному трауpам. – *196.*

[43] Имеется в виду конфуцианский ритуал, сопровождаемый ритуальной же музыкой, которая, однако, представлялась как единственно приемлемая (правильная). – *196.*

[44] Здесь кит. *чин* – одна из ипостасей «долга» (*и*): соблюдение правил поведения, соответствующих положению в семейной или государственной иерархии. – *197.*

[45] *Уместность*, принципиально выносится на первый план, и в результате этого безусловность исполнения конфуцианских норм корректируется обстоятельствами, отношение к ним приобретает субъективный характер. – *197.*

[46] Имя *Ююй* может быть переведено как Владеющий (или Владеющие) *юем* – тотемным животным, к которому в «Книге песен» (I 2, 14) обращен один из древнейших заговоров Этот персонаж известен и по другим источникам и принадлежит области мифологии и эпоса. В историзованной версии Ююй – сводный брат сяского Ци, сына Юя, основателя (по этой же версии) династии Ся. Юй вопреки создавшемуся прецеденту – передаче престола достойному, как это было в случае Яо и Шуня, передал престол по наследству – своему сыну Ци. Поэтому Ююй выступил с войском против Ци, но был им разгромлен. Ююй по-своему действовал в пределах правил. долг каждого – защищать нормы общежития, не отступать от обычаев предков. Вывод авторов, однако, заключается в том, что Ююй не понял, что нормы общежития должны меняться применительно к временам. – *197.*

[47] *Алтарем* им служила земляная насыпь; о принесении жертв *в центре дома* см. прим. 7 к гл. 5. – *197.*

[48] Согласно комментарию, это *мелодии*, которыми Шунь пользовался вместе с Хуан-ди. – *197.*

[49] Мелодия, созданная самим Шунем (комментарий). – *197.*

[50] Сажали *сосну* (сун) или какое-то другое дерево, растущее в данной местности (комментарий). Словом «балдахин» переведено кит. *ша*, но здесь не очень ясно, что это было – опахало, зонт, балдахин или покрывало. Мелодии в каждой части менялись, поэтому в первом случае другое название – «Девять изменений» (*Чжан Шуанди*, с. 1154, прим. 13) Ср. поэму Сун Юя (III в. до н.э.) под этим же названием; т.е. возможно, что на эти мелодии Сун Юем (Цюй Юанем – по другим версиям) было создано новое, авторское произведение.

Танцы под мелодии *«Шесть рядов танцующих»* сопровождали жертвоприношения. Число танцующих в каждом ряду соответствовало рангу «хозяина»: Сын Неба – 8, *гуны* – 6, *хоу* – 4, простые мужи – 2 (см.: Комментарий к канонической летописи «Чунь цю»: Гулян чжуань, Инь-гун, 5-й год правления). В танце «*Шесть верениц*» в каждом ряду было шесть танцующих, т.е. образовывалось шесть шестерок. «*Шесть совершенств*» (*Лю ин*) – мелодия Чжуаньсюя. – *197.*

[51] То и другое – создания Чэн Тана. – *197.*

[52] Описание первого танца см.: *Сыма Цянь.* Указ. соч., т. 4, с. 90. Букв. название второго – «Три слона»; Чжан Шуанди поясняет: «...рядились в слонов для устрашения» (см.: *Чжан Шуанди*, с. 1155, прим. 20). – *197.*

[53] Кит. *цзе син – поведение*, основанное на знании меры. – *198.*

[54] Букв. «следовать «Дянь фэнь» (или «Дянь вэнь»)» – древним сводам заповедей мудрых правителей: Фуси, Шэньнуна, Хуан-ди, Шао Хао, Чжуаньсюя, Гао Синя, Яо, Шуня. – *198.*

[55] Т.е. осуждается кроеная одежда. – *198.*

[56] О *Поваре* (Паодине) см.: Чжуанцзы (Атеисты.., с. 147). – *198.*

[57] Здесь в образной форме характеризуются логические операции: анализ и синтез или дедукция и индукция. – *198.*

[58] *Собираясь вместе... расходясь в стороны – хэ... ли.* букв. «пригоняясь друг к другу», «покидая друг друга». – *198.*

[59] *Соломенная собака* – что-то вроде нашего масленичного чучела, с помощью *земляного дракона* вызывали дождь, то и другое – элементы земледельческого обряда. – *199.*

[60] *Покойник* в обряде поминания предков – главное лицо, к которому обращено действие. В древние времена предка на пиру в его честь изображал мальчик лет десяти–двенадцати. См. также прим. 51 к гл. 5. – *199.*

[61] Ср. ранее: Владеющие *юем*, прим. 46. – *199.*

[62] Имеется в виду иньский *Чжоу* (Чжоу Синь). *У-ван* пошел в поход не похоронив своего отца Вэнь-вана, а только водрузив *поминальный столб.* – *199.*

[63] *Щит и топор* – намек на действия Шуня, *мотыга и заступ* – на действия Юя. – *199.*

[64] Предполагают, что это был холм в районе Тайшань или одна из вершин этой горы. – *199.*

[65] Ср. греческую традицию о семи мудрецах (см.: *Плутарх.* Застольные беседы. Л., 1990. С. 242–256. Пир семи мудрецов). – *199.*

[66] О *Ху Ляне* сведений нет, но очевидно, что это был знаменитый певец. – *200.*

[67] *Ван Цяо*, уроженец царства Шу, города Уян, под руководством наставника обрел *дао* и стал небожителем (комментарий Сюй Шэня). *Чи Сунцзы* – также персонаж новой даосской житийной литературы. – *200.*

[68] Ср. в «Чжуанцзы»: «Сердце мудрого в покое – это зеркало неба и земли, зеркало [всей] тьмы вещей» (Атеисты.., с. 197). – *200.*

[69] Букв. «чистой ясности» (имеется в виду чистая поверхность сердца-зеркала). – *200.*

[70] Л.Д Позднеева переводит это имя как «Радующийся мастерству». – *200.*

[71] *Фэн И* – речной дух Хэбо (Дядя Реки). Комментарий: «проглотил «восемь камней» и стал небожителем». «Восемь камней», видимо, алхимическое снадобье, порошок из восьми составляющих. В других частях памятника Фэн И и *Цянь Це* выступают как искусные возничие. *Бянь Цюэ* – древний врачеватель, живший предположительно в VII в. до н.э. У Сыма Цяня есть его жизнеописание. См *Сыма Цянь*. Ши цзи, «Ле чжуань» («Жизнеописания»), гл. 45; см. также о нем на рус. яз.: *Хуань Куань*. Указ. соч., т. 2, с. 19. – *200.*

[72] Далее речь идет о трех разновидностях *камфорного дерева*: *пянь* – камфорное дерево, используемое для изготовления саркофагов; *нань* (Phebe nanmu или Machilus nanmu); *юйчжан* – лавр камфорный (Cinnamomum camphora). – *201.*

[73] Здесь намечается мысль о том, что в искусстве дело не в средствах, а в исполнителе. Так, в средние века Лю Се, автор знаменитой поэтики «Резной дракон литературной мысли», выразил эту мысль, сказав, что произведения в одном жанре различны, как лица людей. – *201.*

[74] Согласно комментарию, все это известные в то время знатоки *коней*. – *201.*

[75] *Ту* – знаменитый мастер разделки жертвенных туш из царства Ци. – *201.*

[76] *Мастер Вэнь*, говорит комментатор, – «имя музыкального наставника». Имя как раз и обращает на себя внимание: *вэнь* во время Хань значит «узор», в частности музыкальный узор. Ср. в «Великом Введении к «Книге песен»»: «Звуки образуют узор (вэнь)...», пер. И.С. Лисевича. Таким образом, это имя может быть переведено как «Мастер музыкального узора». – *201.*

[77] Аллюзия на «Чжуанцзы». См.: Атеисты.., с. 202–203. – *201.*

[78] Эта мысль будет очень продуктивна в средневековых поэтиках (Лу Цзи, Чжун Жун и др.). – *201.*

[79] Букв. «отпускает мысль и представляет вещь». – *201.*

[80] Речь идет о настраивании ударного и струнного инструментов по камертону. – *202.*

[81] Словосочетание *колебание листвы* (*сяо тяо*) известно из древней поэзии, им характеризуется покой предзимья, когда затихает природа, останавливается вода в водоемах, становясь покойной и прозрачной, осенний тихий ветерок колышет ветви и листву деревьев (*сяо сэ* – см.. *Сун Юй*. Девять изменений). – *202.*

[82] Ср. греческое «мнение». См., напр.: *Платон.* Сочинения Т. 3(1). М., 1971. С. 493. – *202.*

[83] Интересно, что здесь слышна страдательная интонация: личность не чувствует себя в единстве с обществом и от этого страдает. – *202.*

[84] Дао дэ цзин, § 60, пер. Ян Хиншуна. – *202.*

[85] Поскольку речь идет об управлении, то это надо понимать так, что правление может быть спокойным, когда «рыбешки» сами успокоятся, а может быть жестким – «с солью и уксусом». – *202.*

[86] Весь эпизод ведет свое происхождение от «Хань Фэйцзы», гл. «О затруднениях», ч. 1 (см.: *Иванов А.* Материалы по китайской философии. Введение. Школа фа. Хань Фэй-цзы. СПб., 1912). И в том и в другом тексте есть неясности, которые комментаторы стремятся устранить каждый на свой лад путем сравнения обоих источников. – *202.*

[87] *Мицзы* (или Фуцзы) – ученик Конфуция Ми Буци, второе имя – Цзыцзянь. – *202.*

[88] Имеется в виду не только субъективность людей, но и индивидуальность их психологии. – *203.*

[89] Здесь речь ведется в категориях «бытие» (*ю*), «пустота» (*сюй*) и «деяния» (*вэй*), Чэнь Гуанчжун (см.: Хуайнаньцзы и чжу, с. 522) прописывает смыслы: «пустота» – отсутствие чувств и желаний, «бытие» – мир чувств и желаний, «деяния» – реализация, возникновение. Скорее надо «бытие» связать с «деяниями», а «пустоту» – с «недеянием». – *203.*

[90] Согласно традиции, советник (или министр) Чэн Тана, основателя династии Шан-Инь (XVII в. до н.э.). – *204.*

[91] Т.е. *кривым* не надо было прищуриваться, чтобы видеть яснее, а *горбатым* (согласно комментатору) не надо специально наклоняться. – *204.*

[92] Т.е. управление состоит в определении каждого на подходящее ему место – идея исконно конфуцианская, но в Хань она погружена в контекст обсуждения проблемы «уместности», «соответствия». – *204.*

[93] См. прим. 60 к гл. 9. – *204.*

[94] *Гунсунь Лун* (ок. 330–242), философ, софист, знаменит своим афоризмом «Белая лошадь – не лошадь» и анализом выражения «твердый белый камень». О его учении см. подробнее: *Быков Ф.С.* Зарождение политической и философской мысли в Китае. М., 1966. – *204.*

[95] *Северянин по имени Нет Выбора* (Бэйжэнь Уцзэ) – персонаж, известный из «Чжуанцзы» и «Хроники Люя» (см. соответственно: Атеисты.., пер. Л.Д. Позднеевой; Люйши чуньцю, пер. Г.А. Ткаченко). *Предложение Шуна* состояло в том, чтобы Северянин принял от него Поднебесную в управление. – *204.*

[96] *Чжу* составляет $^{1}/_{48}$ *ляна.* – *204.*

[97] *Яоняо* и *Летающий Заяц* – легендарные скакуны, пробегающие десять тысяч *ли* за день. – *205.*

[98] Искусство *дао – даошу* – здесь, похоже, искусство, основанное на расчете, счете, мере и пр. – *205.*

[99] Кит. *лунь;* здесь это слово надо переводить не «рассуждения», а «учение». – *205.*

[100] *Восточный дворец* был резиденцией наследника престола, поэтому сказанное надо понимать как сообщение о том, что *Чжоу-гун* стал регентом при малолетнем сыне У-вана; Чжоу-гун *ступил на подножку колесницы* (имеется в виду подставка, на которую вступал владыка, поднимаясь на колесницу) – в переносном смысле это значит, что он стал правителем. – *206.*

[101] В оригинале букв. «стоя перед экраном»; согласно коммента-

тору, экран находился внутри помещения, между дверью и окнами (ср. прим. 2 к гл. 9). – *206.*

[102] *Цай Шу* – старший брат Чжоу-гуна, *Гуань Шу* – младший, *шанец* – сын Чжоу Синя по имени Лу Фу (Сыма Цянь называет Чжоу Синя шанским правителем). – *206.*

[103] *Чэн-ван* – сын У-вана. – *206.*

[104] Здесь словом «мир» переведено кит. *вэнь*; в других контекстах: просвещение, письменность, культура и др. (см. прим. 18 к гл. 10). – *206.*

[105] *Родственное чувство* в этом случае – перевод кит. *жэнь* – милосердие, гуманность и пр. Данный контекст, кстати, показывает, что корни слова «жэнь» (милосердие) лежат в родственном чувстве, которое по инициативе Конфуция распространено на граждан государства, социум (см. выше, прим. 40). – *206.*

[106] Т.е. он стал баваном. – *206.*

[107] *Тяжелая колесница* – это боевая колесница, *чин (и)* – долг-справедливость. – *206.*

[108] В отношении того, что значит «до трех родов», единого мнения нет. Один из вариантов: род родителей, род жены, род старшего и младшего брата. – *206.*

[109] *Цицзи* – чудо-кони, *цзюэти* – быстрые кони северных племен *ди*. – *206.*

[110] *Юй Жан* служил Чжи-бо, фактическому правителю царства Цзинь при Ай-гуне (V в.). *Яо Ли* служил ускому вану Хэ Люю. – *207.*

[111] Это тема «Жизнеописаний» Сыма Цяня. – *207.*

[112] *Чжуанцзы* и *Хуйцзы* – постоянные оппоненты. Хуйцзы упрекал Чжуанцзы в том, что он проповедует учение, в котором нет никакой пользы (см.: Атеисты.., с. 138). Чжуанцзы, не желая быть «полезным», жил в уединении, не служил и добывал себе пропитание, в частности, ловлей рыбы. Выбрасывая остатки рыбы, он хотел сказать Хуйцзы, который в это время служил первым министром в Лян, что человеку немного надо, настолько мало, что он может обойтись даже и без этого малого. – *207.*

[113] *Пеликан* питается рыбой. Ловит рыбу, втягивая в себя воду. Поскольку не каждый раз рыба попадается, постольку и говорится о многих *доу* воды, которыми он «никак не напьется». – *207.*

[114] Царство *Цзинь* в период смуты было разделено на *три* части *Чжи-бо*, будучи фактическим правителем Цзинь, старался прибрать к рукам земли владетелей этих частей. А в результате был ими убит в 453 г. до н.э. Подробнее см.. *Сыма Цянь*. Указ. соч., т. 5, с. 180. – *207.*

[115] *Линь Лэй* (в пер. Л.Д. Позднеевой – Учитель Лесной) и *Жун* (или Юн) *Цици* (в пер. Л.Д. Позднеевой – Юн, Открывающий сроки) – легендарные отшельники, учители, у которых учились мудрости знаменитые даосы (Лецзы, Чжуанцзы и др.). – *207.*

[116] Везде речь идет о поведении (*син*) в конфуцианском понимании – достойном, отвечающем требованиям конфуцианской морали. Такому поведению противопоставляется его лицемерная копия. – *208.*

[117] Кит. *цзин*, т.е. правилам, обозначенным каноном. Что здесь понимается под каноном, не раскрывается. – *208.*

[118] Т.е. когда не плодятся «дела», попусту занимающие народ и истощающие его силы. – *208.*

[119] Обращает на себя внимание фамильярное наименование учителей: не Кунцзы (Конфуций, см. прим. 34 к гл. 12), а по име-

ни – *Кун Цю*, не Цзэнцзы, а *Цзэн Шэнь*. *Мэн Бэнь* и *Чэн Цзин* (менее известный) – легендарные силачи, их часто использовали в политической борьбе как наемную силу для утверждения собственного авторитета. – *208.*

[120] Кит. *пу,* букв. «необработанная древесина», в переносном смысле – первозданность, простая основа. – *208.*

[121] Фактически здесь две пары синонимичных определений: *фу-фу* – вышитый черно-белый или цветной узор на парадной одежде и *вэньчжан* – цветной узор. – *209.*

[122] Т.е. из царств У и Чу. – *209.*

[123] Стандартная фраза, означающая призыв оставить роскошь и вернуться к простоте, в более широком плане – вернуться к временам «золотого века», безыскусственности и слиянию с природой. – *209.*

[124] Имеется в виду Цинь Ши-хуан, но показательно, что основатель первой империи здесь именуется *ваном*, т.е. фактически царем. – *210.*

[125] Т.е. династия Хань, основателем которой был *Лю Бан.* – *210.*

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[1] Т.е. небытию-пустоте. – *211.*

[2] Вариант этого диалога см. в «Чжуанцзы» (Атеисты.., с. 251, а также с. 245–246 – здесь *Знание* беседует с *Незнанием*). – *212.*

[3] Дао дэ цзин, § 2 и 56, пер. Ян Хиншуна. Для сравнения также можно пользоваться английским переводом: *Lao tsu.* Tao te ching. Transl with an Introduction by D.C. Lau. L., 1970 (далее: Lau D.C.). – *212.*

[4] Дао дэ цзин, § 56, пер. Ян Хиншуна. – *212.*

[5] То же в «Лецзы», см.: Атеисты.., с. 123, а также в «Чжуцзы цзичэн», т. 3, с. 93 и в «Люйши чуньцю», с. 292–293. *Кунцзы* – Конфуций (см. ниже, прим. 34). – *212.*

[6] *И Я* – см. прим. 40 к гл. 7. – *212.*

[7] Примеры с *водой* и *камнем* имеют целью показать, что, как бы глубоко ни был скрыт смысл, знающий непременно его «вьыудит». – *212.*

[8] Здесь ошибка: вместо «*вэй*» стоит «*шуй*». См.: *Лю Вэньдянь*, с. 379 (цитируется мнение Ван Няньсуня, XVIII в.). Л.Д. Позднеева перевела это место по комментарию к «Лецзы» цзиньского Чжан Чжаня: *вэй чжэ* – «смысл того, что произносится». Тогда: «смысл того, что произносит тот, кто знает толк в речах». – *212.*

[9] Чусцы убили его в *бане.* – *212.*

[10] Дао дэ цзин, § 70, пер. Ян Хиншуна (вариант перевода: «Слова имеют своего родоначальника, а дела – господина. Только невежество причиной тому, что не понимают меня»). – *212.*

[11] Этот эпизод см. в «Люйши чуньцю», с. 299, а также с. 284. – *212.*

[12] Статус *учителей* остается неясным. – *212.*

[13] *Ди Цзянь* – советник вэйского Хуй-вана. – *212.*

[14] Восклицание, подобное «эй!» и др., побуждающее к совместному одновременному действию. – *212.*

[15] Дао дэ цзин, § 57, пер. Ян Хиншуна. Здесь редкое в китайских источниках свидетельство о роли красноречия в деле отстаивания закона. – *213.*

[16] *Тянь Пянь* (ок. 350–275), родом из царства Ци, известный своим красноречием софист, преподавал в академии Цзися. – *213.*

[17] Дао дэ цзин, § 14, пер. Ян Хиншуна. Лучше: «образ без вещи». – *213.*

[18] *Бай-гун* – внук чуского Пин-вана, правившего в VI в. до н.э., сын наследника Цзяня, его имя – *Шэн*. – *213.*

[19] *Ши Ци* – человек из сторонников Бай-гуна. – *213.*

[20] По поверью, *птенцы совы*, вырастая, съедают свою мать. Смысл намека: имущество, которое так любил Бай-гун, погубило его. – *213.*

[21] Дао дэ цзин, § 9 (ср. пер. Ян Хиншуна). – *213.*

[22] *Чжаоский Цзяньцзы* – правитель сер. V в. до н.э. – *213.*

[23] *Усюй* – имя Сянцзы, он был побочным сыном Цзяньцзы, и это составило проблему. – *213.*

[24] Ср.: Дао дэ цзин, § 28, пер. Ян Хиншуна. «Горная долина», согласно комментатору, – место, куда все горные ручьи стекаются сами собой, без принуждения и без призыва (см.: *Лаоцзы.* Дао дэ цзин. Комментарий Ван Би, с. 16; ср. § 32 (с. 18–19)). – *214.*

[25] Весь следующий фрагмент представляет собой близкий к тексту пересказ аналогичного фрагмента из «Чжуанцзы». См.: Атеисты.., с. 247–248. – *214.*

[26] Здесь явно имеется в виду § 10 из «Дао дэ цзин», однако у Лаоцзы речь идет не о знании, а о недеянии. Наш перевод отличается от перевода Ян Хиншуна; приводим здесь этот фрагмент: «Возможно ли осуществление недеяния, если познать все взаимоотношения в природе?» (ср. кит. изд., с. 5). – *214.*

[27] С небольшими вариациями этот фрагмент содержится в «Лецзы». См.: Атеисты.., с. 123–124. – *214.*

[28] По-видимому, это пословица, она встречается уже у Лаоцзы. См.: Дао дэ цзин, § 23, пер. Ян Хиншуна. – *214.*

[29] Конфуций, утверждая это, имел в виду мудрость *Чжао Сянцзы*, благодаря которой его царству обеспечено дальнейшее процветание. – *215.*

[30] Комментатор говорит, что это было трудным делом. – *215.*

[31] То, что ни Конфуций (*Кунцзы*), ни *Моцзы* не хотели быть прославленными за свои дела, объясняется тем, что они стремились не к овладению отдельными вещами, а к познанию всеобщей сути явлений, того Одного, что дает понимание всего. – *215.*

[32] Дао дэ цзин, § 4, пер. Ян Хиншуна. – *215.*

[33] Фрагмент см. также в «Лецзы» (Атеисты.., с. 66–67), а также в «Люйши чуньцю», пер. Г.А. Ткаченко, с. 230–231 (только имя Хуй Ан, а в «Атеистах...» Хой Ан здесь заменено на Хуй Мэн). *Хуй Мэн* известен по этим эпизодам. Л.Д. Позднеева пишет о нем как о софисте, искусном ораторе (Атеисты.., с. 341). *Кан-ван* – предположительно посмертный титул сунского царя Би-бина (ум. в 370 г. до н.э.), см.: *Сыма Цянь.* Указ. соч., т. 5, с. 137. – *215.*

[34] *Кун Цю* – Конфуций, Кун – фамильный знак, Цю – имя. В зависимости от того, как именовался Конфуций (Кунцзы – философ, или Учитель Кун), просто по имени – Цю, Кун Цю, Чжунни, можно судить об отношении говорящего к Конфуцию: почтительном, нейтральном, бесцеремонном, пренебрежительном. Многое также определяет контекст: иногда и нейтральное обращение воспринимается как пренебрежительное. Философы даосской школы нередко превращают Конфуция в литературный персонаж (см., в частности, «Чжуанцзы»), наделяя его несвойственными ему чертами. – *215.*

[35] Весь фрагмент – хороший пример сочетания силлогизма (большая часть речи) и энтимемы в переходе от силы к пользе лю-

дей. Без желания сражаться нет желания вообще, а вот если обратиться к «добродетели и долгу» (т.е. к идее «общего блага»), то достигнешь действительных высот. Иными словами, вернулись к началу: к проповеди добродетели и долга. – *215.*

[36] Дао дэ цзин, § 73, пер. Ян Хиншуна. – *216.*

[37] Иными словами, он не может быстро бегать. – *216.*

[38] Сказочное животное, у которого передние ноги длинные, а задние короткие. – *216.*

[39] Дао дэ цзин, § 74, пер. Ян Хиншуна. – *216.*

[40] *Ду Хэ* – один из стратегов, разрабатывавших планы для политического союза «шесть царств» (*хэ цзун*). О *Чжао Вэне* см. в «Чжуанцзы» (Атеисты.., с. 142), хотя Чэнь Гуанчжун (см.: Хуайнаньцзы и чжу, с. 553, прим. 3) дает иное толкование; Гао Ю в примечании к этому месту говорит, что царство Чжоу, придя к концу, разделилось на восточное и западное и Чжао Вэнь был правителем одного из них. – *216.*

[41] Ср.: Дао дэ цзин, § 28, пер. Ян Хиншуна. – *216.*

[42] Ср. там же, § 39. Чэнь Гуанчжун: «Стремящийся к громкой славе лишится ее совсем» (Хуайнаньцзы и чжу, с. 554). – *216.*

[43] Ср.: «Видение мельчайшего называется зоркостью», § 52, пер. Ян Хиншуна. – *217.*

[44] *Вэйский У-хоу* правил в Вэй* с 396 по 370 г. до н.э. *Ли Кэ* – его советник. – *217.*

[45] См.: Дао дэ цзин, § 9, пер. Ян Хиншуна. – *217.*

[46] В тексте стоит *Нин Юэ*, но, возможно, это опечатка; известен по этому эпизоду. – *217.*

[47] Этот фрагмент – яркий пример работы древнего автора с хорошо известным его современникам текстом. Параграф из Лаоцзы приведен здесь не полностью, и в нем произведена существенная перестановка (см.: Дао дэ цзин, § 25, пер. Ян Хиншуна). Во-первых, у Лаоцзы он целиком посвящен характеристике *дао*, его роли во Вселенной, поэтому и в цепочке «великих» оно стоит на первом месте, в то время как в нашем случае оно отодвинуто на третий план – после неба и земли, но зато приближено к вану (государю) так, что в результате читается: «...велико *дао*, велик также и государь». Таким образом, его роль прямо сопоставляется с ролью *дао* во Вселенной. – *218.*

[48] *Дань-фу* – вождь племени *чжоу* (XIV–XIII вв. до н.э.), с его именем китайская традиция связывает период установления дома (династии) Чжоу. Его посмертное имя Тай-ван (Великий ван). О нем см.: *Сыма Цянь*. Указ. соч., т. 1, с. 180. Этот фрагмент есть полностью в «Люйши чуньцю», с. 362. *Бинь* – место поселения племени *чжоу* еще во времена гуна Лю (по версии «Шицзина»), т.е. за девять поколений до Дань-фу. – *218.*

[49] Т.е. отправлять на войну родичей, подробнее см.: *Сыма Цянь*. Указ. соч., т. 1, с. 180. – *218.*

[50] Другими словами, не следует из-за земли, которой кормится народ, наносить вред народу, – лучше уйти с земель, но сохранить народ. – *218.*

[51] По преданию (см. «Шицзин»), начало дома Чжоу было положено у этой горы. – *218.*

[52] Дао дэ цзин, § 13. – *218.*

[53] Чжуншань – государство, территория которого была издавна заселена племенем *сяньюй* (нынешняя пров. Хэбэй). В период V–III вв.

до н э эту территорию получил во владение вэйский *царевич Моу* Весь фрагмент есть в «Люйши чуньцю» (с 363) и в «Чжуанцзы» (Атеисты , с 290) *Чжаньцзы*, или Чжань Хэ, – мудрец, обретший *дао* – *218.*

[54] Дао дэ цзин, § 55, пер. Ян Хиншуна – *218.*

[55] Там же, § 52 (перевод Ян Хиншуна немного изменен, как того требовал контекст). – *218.*

[56] Там же, § 54. Предпочтительнее перевод: «Кто совершенствует себя самого, в том благо (*дэ*) живет естественно». – *219.*

[57] См также: Чжуанцзы (Атеисты. , с 202–203) – *219.*

[58] Дао дэ цзин, § 1. *Постоянное* – значит, истинное – *219.*

[59] Под именем *Цзы Ханя* известны два человека – так считает Чэнь Гуанчжун. Оба служили в Сун, но один жил в период Чуньцю (VIII–V вв до н.э.), а другой – в период Чжаньго (V–III вв. до н.э.). *Ведающий строительными работами* – чиновничья должность. – *219.*

[60] Дао дэ цзин, § 36, пер Ян Хиншуна. Возможный вариант перевода «Рыбе нельзя покидать глубины, средства управления государством нельзя показывать людям» – *220.*

[61] Известный книжник, согласно комментарию – *220.*

[62] Отшельник, живший в царстве Чжоу – *220.*

[63] Т.е. он с радостью сжег свои книги, осознав их бесполезность Аналогичная тема звучит в «Чжуанцзы», в гл. «Вращается ли Небо» См.: Атеисты. , с 206. – *220.*

[64] Дао дэ цзин, § 5; ср. пер. Ян Хиншуна. – *220.*

[65] *Цзы Пэй* был первым министром в царстве Чу при *Чжуан-ване* (613–591 до н.э.). – *220.*

[66] Заключенная в квадратные скобки фраза отсутствует в тексте и восполнена комментатором. При этом комментатор указывает, что *башня* носит в источниках два названия – Цзинтай и *Цянтай* – *220*

[67] Т е. *Цзы Пэй* принял положение подданного перед государем, лик которого всегда обращен к югу, и *предстал босой*, желая тем самым показать, что признает свою вину. – *220.*

[68] Есть фрагмент из «Хань Фэйцзы» («Десять ошибок»), где эта тема губительности наслаждения для государя рассматривается в связи с прослушиванием им «новых мелодий» (синь шэн). – *220*

[69] Дао дэ цзин, § 3; ср. пер. Ян Хиншуна. – *220.*

[70] *Правитель Цао*, прослышав про физический недостаток царевича – у того была птичья грудь, приказал пригласить его в купальню, чтобы подсмотреть за ним исподтишка. – *220.*

[71] Эпизод см. в «Гой Ю» («Речи царств»), с. 166 – *220*

[72] Дао дэ цзин, § 22, пер Ян Хиншуна «Ущербное становится совершенным, кривое – прямым» – *221.*

[73] История борьбы царств *У* и *Юэ* содержится в 19–21-й главах «Речей царств». – *221.*

[74] Т.е. стать воином усцев – *221.*

[75] Дао дэ цзин, § 78, ср пер. Ян Хиншуна. – *221.*

[76] *Шу Сян* – цзиньский дафу Яншэ Си, известный по «Речам царств», где его устами формулируется кодекс чести правителя См Речи царств, с 66 и далее. – *221.*

[77] Дао дэ цзин, § 22; ср. пер. Ян Хиншуна: «Он ничему не противоборствует, поэтому он непобедим в Поднебесной» – *221*

[78] Эпизод см. также в «Лецзы» (Атеисты. , с. 125) – *221*

[79] С названием *Шацю*, или *Песчаные холмы*, в древности ассо-

шировались различные понятия и географические места Здесь, имея в виду легендарный сюжет, следует, как кажется, выбрать значение «пустыня» либо удаленный морской или речной берег. – *222.*

[80] Дао дэ цзин, § 45; ср. пер. Ян Хиншуна. «Великая прямота похожа на кривизну; великое остроумие похоже на глупость». – *222.*

[81] *Цюй Ижо* – чуский дафу, бежавший из Чу в Вэй* – *222.*

[82] *Благо (дэ)* здесь – онтологическое понятие, сила, действующая во Вселенной вместе с *дао.* – *223.*

[83] Вариант Чэнь Гуанчжуна «Оно скоро настигнет тебя!» (с. 572). – *223.*

[84] Комментатор говорит, что несчастье формируется в народе, и потому нельзя повернуть ход событий. – *223.*

[85] Дао дэ цзин, § 56, см. также § 4. Ср. пер Ян Хиншуна, Чэнь Гуанчжуна (с. 572), см. также: Ло Д.К. (Lau D.C., p. 60 и 117, последний пассаж: «Пусть твои колеса двигаются только по старой колее»). Мне кажется, что речь идет в обычном даосском ключе: спрячь то, что торчит (хотя в «Лаоцзы бэньи» говорится: «спрячь острие, которым колешь»); перестань суетиться, смягчи свое сияние (каким сияет благородство), соединись в одно с людьми – пылью (с которой ассоциируется низкое положение). Лаоцзы бэньи // Чжуцзы цзичэн, т. 3, с. 56. – *223.*

[86] Согласно Чэнь Гуанчжуну, каждый *переход* равнялся тридцати *ли.* – *223.*

[87] Дао дэ цзин, § 78. Интересно, что правитель здесь назван как «хозяин алтарей земли и проса», т.е., вероятно, имеется в виду и его жреческая функция. – *223.*

[88] О подведомственности *царств* созвездиям см. в гл. 3 (наст. изд., с. 70). – *224.*

[89] Дао дэ цзин, § 78. – *224.*

[90] *Гунсунь Лун* был родом из *Чжао.* – *224.*

[91] Здесь соединены в одно две фразы, которые у Лаоцзы в § 27 заключают соответственно два самостоятельных суждения. «Мудрец всегда готов прийти на помощь людям, *поэтому он не отвергает [отдельного] человека*». «[Он] всегда готов помочь, *поэтому он никого не отвергает*». Ср. пер. Ян Хиншуна. Как видим, авторы «Хуайнаньцзы» заменили слово «мудрец» на слово «человек» в первом случае, а во втором – на слово «вещь» (в смысле «тьма вещей»). От этого смысл фрагмента изменился. такой образ поведения свойственен должен быть не только мудрецу, но и всем людям, а кроме того, и всем тварям, т.е. природе в целом. – *225.*

[92] Ср.: Дао дэ цзин, пер. Ян Хиншуна: «[Поэтому совершенномудрый]... успешно завершая [что-либо], не гордится. Поскольку он не гордится, его заслуги не могут быть отброшены» (§ 2), «[Поэтому совершенномудрый]... совершает подвиги и себя не прославляет» (§ 77). В обоих случаях у Лаоцзы речь идет о мудреце, а в «Хуайнаньцзы» – о правилах чести. – *225.*

[93] Там же, § 21, пер Ян Хиншуна «Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью» – *225*

[94] Ср. там же, § 7, пер. Ян Хиншуна У Лаоцзы опять-таки речь идет о мудреце, в то время как в «Хуайнаньцзы» это выведено как общее правило. – *226.*

[95] См. там же, § 44, пер. Ян Хиншуна. – *226.*

[96] Там же, § 39, пер. Ян Хиншуна. – *226.*

[97] *Крюк* (*гоу*) – вид древнего оружия. *Старший военачальник* – Да сыма; Чэнь Гуанчжун ссылается на «Чжоу ли» и говорит, что этот чин ведал политикой бана, т.е. царства (Хуайнаньцзы и чжу, с. 580). – *226.*

[98] Имеется в виду *дао*. – *226.*

[99] Не вполне точно воспроизведен § 23 «Дао дэ цзин». У Лаоцзы: «Небо и земля и то не вечны, тем более человек. Поэтому человек опирается на *дао*. Опирающийся на *дао* ему уподобляется»; пер. Ян Хиншуна: «Даже небо и земля не могут сделать что-либо долговечным, тем более человек. Поэтому он служит *дао*. Кто [служит] *дао*, тот тождествен *дао*». – *226.*

[100] Имеется в виду *Чжоу Синь*. – *226.*

[101] *Чун-хоу Ху* – персонаж псевдоисторического предания о последних годах правления Чжоу Синя. Чун – место его владения. По Чэнь Гуанчжуну, нынешняя пров. Шаньси. – *227.*

[102] Т.е. будущий Вэнь-ван. – *227.*

[103] *Цюй Шан* – слуга Чжоу Синя, *Юли* – название места в Хэнэй (междуречье) – комментарий Гао Ю. – *227.*

[104] *Сань Ишэн* известен только по этому эпизоду (как и другие подобные персонажи предания); *цзоюой* и *цзисы* – волшебные животные, одолевающие за день большие расстояния; *три сотни штук*, кит. *гун* – три куска яшмы (нефрита) составляли один *гун*, пять раковин образовывали один *пэн*; *тысяча шкур* у Чэнь Гуанчжуна передано как «тысяча коробов»: *хэ* – соединять заменено на *хэ* – коробка. Это в принципе возможно, но здесь, мне кажется, это просто счетное слово – штука. – *227.*

[105] *Фэй Чжун* – фаворит *Чжоу Синя*. То же самое описано у Сыма Цяня: «...слуги Си-бо нашли красивую девушку, редкостные изделия и добрых коней и поднесли Чжоу [Синю], тогда Чжоу помиловал Си-бо» (*Сыма Цянь*. Указ. соч., т. 1, с. 176 и вариант 182). – *227.*

[106] См. прим. 69 к гл. 2. – *227.*

[107] Дао дэ цзин, § 28. – *227.*

[108] *Инь И* – историограф И. – *227.*

[109] Т.е. *Чжоу Синю*. – *227.*

[110] Согласно Чэнь Гуанчжуну, это народ, живший на Восточном море (с. 583). – *227.*

[111] Дао дэ цзин, § 20; ср. пер. Ян Хиншуна: «Надо избегать того, чего люди боятся». – *228.*

[112] Весь следующий фрагмент почти точная цитата из «Чжуанцзы». См.: Атеисты.., с. 178. – *228.*

[113] Здесь цитата из «Чжуанцзы» заканчивается. – *228.*

[114] Дао дэ цзин, § 19. – *228.*

[115] Там же, § 27. – *229.*

[116] Примечательно, что здесь Конфуций назван не Учитель Кун (или философ Кун, что букв. значит слово «Конфуций»), а по имени (см. выше, прим. 34). – *229.*

[117] Речь идет о ритуальной *музыке*, см. прим. 9 к гл. 2. Комментатор поясняет смысл фразы, цитируя Лаоцзы: «...откажитесь от мудрецов, отбросьте умствования» и предайтесь недеянию. – *229.*

[118] Это очень показательное заявление: здесь Конфуций признает первенство за «изменениями», т.е. за жизнью, за живым, в отличие от прежних представлений о первенстве «постоянного». – *229.*

[119] *Достойный* означает, что человек занимает следующую за мудростью (святостью) ступень ведения – *229.*

[120] Речь идет о том, можно ли, оставаясь живым, соединиться с Единым. Младенческое состояние понимается как переходное от небытия к бытию, мягкость есть его свойство, в котором заложена потенция жизни (в отличие от твердого, которому предстоит умереть). Вопрос в том, можно ли оставаться на грани бытия и небытия (жизни и смерти). См. также: Lau D.C., § X. (О *ци* см. прим. 3 к гл. 3.) – *229.*

[121] *Сянь Чжэнь* – цзиньский дафу, *Сян-гун* – сын цзиньского Вэнь-гуна. – *230.*

[122] Дао дэ цзин, § 71. – *230.*

[123] *Се-гун* – он же Тянь Ин. – *230.*

[124] Дао дэ цзин, § 52. «Отверстия» и «двери» – так называемые девять отверстий у человека (см. прим. 7 к гл. 7). – *230.*

[125] *Лу Ао* был отправлен Цинь Шихуаном на поиски островов бессмертных, ушел и не возвратился (комментарий Сюй Шэня). – *230.*

[126] Пограничная с небом река, с которой сливаются «четыре моря», омывающие Поднебесную. – *231.*

[127] Ср.: Атеисты.., с. 136. – *231.*

[128] Ученик Конфуция Фу Цзыцзянь. – *231.*

[129] Дао дэ цзин, § 12 и 72. – *232.*

[130] *Полутень* – Ван Лян, дух воды; *Тень* – Цзин, – тень от солнца, луны и воды. – *232.*

[131] Дао дэ цзин, § 43. – *232.*

[132] Там же (продолжение предыдущей цитаты с небольшой вариацией). – *232.*

[133] *Чжэнцы* убили отца *Бай-гуна* и опасались мести. – *233.*

[134] Дао дэ цзин, § 47. – *233.*

[135] Имеется в виду основатель следующей за Цинь династии (Хань) – *Лю Бан.* – *233.*

[136] Имеется в виду *Чжоу Синь*, последний правитель династии Шан-Инь. – *233.*

[137] О действиях *У-вана* после победы над *Чжоу Синем* см. также: *Сыма Цянь.* Указ. соч., т. 1, с. 177, 188, 189 и др. *Цзицзы* (см. прим. 85 к гл. 9), устрашенный бесчинствами Чжоу Синя, притворился безумцем и служил рабом. Согласно комментарию, после смерти Чжоу Синя он бежал в Страну утренней свежести (Корею) и долго там оставался, живя в бедности. – *233.*

[138] Дао дэ цзин, § 27. – *233.*

[139] Согласно комментарию, имеется в виду высшая форма искусства управления колесницей. – *233.*

[140] Согласно этикету. – *233.*

[141] Дао дэ цзин, § 16. – *234.*

[142] Возможно, правы комментаторы, говоря, что *Гань* – название города-государства, знаменитого своими мечами, а *суй* – тропинка в горах. – *234.*

[143] Водяной дух – *234.*

[144] *Нефритовый жезл* (*гуй*) – атрибут царской власти, а раньше – культовый предмет: по форме совмещает круг (небо) и квадрат (землю). – *234.*

[145] Дао дэ цзин, § 75. – *234.*

[146] *План «цзун»* предусматривал действия, направленные на объединение царств, расположенных «по вертикали» (т.е. с севера на юг, если рассматривать их географическое положение относительно

друг друга), против царства Цинь, претендовавшего на роль владыки Поднебесной – *234.*

[147] *План «хэн»* предусматривал союз царств, расположенных относительно друг друга по горизонтали, т.е. с запада на восток. – *234.*

[148] См. также гл. 8. Здесь имеется в виду, что замысел художника, рожденный в его душе, не обязательно адекватен воплощенному в «материале»: Чуй, увидев готовый треножник, закусил пальцы, чтобы больше никогда не пытаться повторить опыт. – *235.*

[149] Он же Шэнь Бухай (IV в. до н.э.), философ-легист. – *235.*

[150] *Шу Сян* – прозвище Яншэ Си, цзиньского дафу (VI–V вв. до н э), о нем см. в «Речах царств». – *235.*

[151] Имеются в виду шесть *цзиньских военачальников* – полководцы Хань, Чжао, Вэй, а также Фань Цзишэ, Чжунхан Инь и Чжи-бо. Все они – участники раздоров в Цзинь, приведших царство к гибели. – *235.*

[152] Ср.: Дао дэ цзин, § 58, пер. Ян Хиншуна. – *235.*

[153] В оригинале – звезда Гоу (Крюк), переменная звезда («гостья»). Такое ее положение на небе грозит землетрясением. – *236.*

[154] Ср.: Дао дэ цзин, § 58, пер. Ян Хиншуна. Опять-таки в цитате из Лаоцзы опущено слово «совершенномудрый» (*шэн*). – *236.*

[155] Историю *Юй Жана* см.: *Сыма Цянь.* Избранное, пер. В. Панасюка, с. 200–202. Он остался в памяти поколений как образец истинной преданности оценившему его достоинства господину. См также прим. 39 к гл. 9. – *236.*

[156] Т.е. нет таких слуг-соратников, которые бы помогли правителю в делах правления. – *236.*

[157] В этих словах, приписываемых Конфуцию, заключена максима, которая станет доминантой в средние века: эстетическое удовольствие доставляет наблюдение не самого явления, а той грани, промежутка, которые отделяют одно явление от другого. – *237.*

[158] Ср.: Дао дэ цзин, § 15, пер. Ян Хиншуна. Имеется в виду, что поскольку всякий конец ведет к началу нового, то предпочтительным остается такое состояние, когда ощущение полноты не наступает. – *237.*

[159] Имеется в виду *Чжоу Синь.* – *237.*

[160] В «Чжуанцзы» есть параллель: Разбойник Чжи язвительно говорит о костюме конфуцианцев, также упоминая воткнутые в шляпы «ветки дерева» Однако комментатор здесь эти «ветки» отождествляет с птичьими перьями, украшавшими парадный головной убор придворных. – *237.*

[161] Ср.: Дао дэ цзин, § 37, пер. Ян Хиншуна. На самом деле у Лаоцзы речь идет о том, что когда *ваны* и *хоу* умеют действовать недеянием, то народ сам подчиняется (см. также § 32), но если народ, увлекаемый страстями, захочет сам действовать, то он будет приведен в покойное состояние путем отвлечения от страстей и возвращения к естественной простоте. Пассаж же, содержащий совет Тай-гуна, являет собой саркастическое наставление в том, что остается вану, который не сумел действовать недеянием. – *237.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[1] Под *сезонами «открытия» и «закрытия»* имеются в виду весна и лето, когда все оживает и растет, и осень и зима, когда все отцветает и умирает. – *239.*

[2] Т.е. на пять ближайших к нам планет. – *239.*

[3] Т.е. *двенадцать* лун, или месяцев. – *239.*

[4] *Драконовыми запретами,* согласно комментатору, северные и южные некитайские народности называли дни, неблагоприятные для начала какого-либо предприятия и потому запретные. – *239.*

[5] *...дом, в котором живут пустота и небытие,* – это тело, пять внутренних органов. – *240.*

[6] *Звезда Тени,* согласно комментарию к гл. «Трактат о небесных явлениях» «Исторических записок» Сыма Цяня, появляется в ночь перед новолунием и похожа на половину луны, она как бы «помогает» потухшей луне своим светом. Появление этой звезды на небосклоне считается знаком добродетельного правления (см.: *Сыма Цянь.* Исторические записки, т. 4, с. 143). – *243.*

[7] «Великая мудрость» («Хун ле») – название «Хуайнаньцзы». Гао Ю в своем предисловии к книге разъясняет: «...назвали «Хун ле». «Хун» значит «Великая», «ле» – «мудрость»». См.: *Гао Ю.* Предисловие к «Хуайнаньцзы» // Чжуцзы цзичэн. Т. 7. Пекин, 1956. С. 2. – *243.*

[8] Имеются в виду *пять* основных конфуцианских норм. – *244.*

[9] *Цянь* и *кунь* – названия первых двух (из восьми) триграмм «Книги перемен», обозначавшие соответственно «небо» и «землю». Считается, что восемь триграмм – это древнейший слой «Книги перемен». – *244.*

[10] Словом *яо* называются черты в гексаграммах «Книги перемен», они делятся на сплошные черты и прерывистые. Первые связываются с «небом» и числом 9, вторые – с «землей» и числом 6. – *244.*

[11] *Девять полей* – см. прим. 41 к гл. 1; *десять врат* – восемь сторон и полусторон света, зенит и надир. – *245.*

[12] Имеется в виду последний иньский правитель *Чжоу Синь.* Царь Просвещенный при нем владел областью Юнчжоу. – *245.*

[13] *Четыре поколения царя Просвещенного* – это правители Тайван, Ван Цзи, сам царь Просвещенный, царь Воинственный. – *245.*

[14] *Ци* – название горы, Чжоу – название царства, основанного у ее подножия. – *245.*

[15] *Царь Воинственный,* так же как *царь Просвещенный,* был подданным *Сына Неба* Чжоу, и потому выступление его против своего господина было посягательством на «законную» власть. Жестокость и неправедность Чжоу лишь частично оправдывали такое преступление. Поэтому со времен по крайней мере Конфуция при упоминании о царе Воинственном не забывали прибавить, что он поступил как неверный подданный. – *246.*

[16] Речь идет о низвергнутом *царем Воинственным* иньском правителе *Чжоу Сине.* – *246.*

[17] *Чжоу-гун* приходился младшим братом царю Воинственному. – *246.*

[18] *...отпустил коней на волю на Цветущей горе, отправил быков пастись в Персиковую рощу* – в «Книге преданий» эти действия отнесены к царю Воинственному, который хотел таким образом продемонстрировать окончание военных действий (Книга преданий, разд. «Книга Чжоу», гл. «У и Чэн»). *Проколол барабан, сломал барабанные палочки* также в знак мира. *Дощечка для письма* была принадлежностью чиновника, носившего ее заткнутой за широкий пояс; таким образом гун выказал готовность служить царскому двору. – *246.*

[19] *Чэн* и *Кан* – чжоуские правители (XII – XI вв. до н. э.). – *246.*

[20] Авторы имеют в виду *учение* Мо Ди (V в. до н. э.) и его последователей, дошедшее до нас в памятнике III – II вв. до н. э. «Моцзы» (см.: *Титаренко М.Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985). – *246.*

[21] Под этим названием известен памятник, записанный в IV–III вв до н. э., но восходящий, как показывает название, к цискому министру Гуань Чжуну (VIII – VII вв. до н. э.), прославившемуся в истории древнего Китая своими реформами в царстве Ци во время правления Хуань-гуна. – *247.*

[22] *Чжун* – мера сыпучих веществ, согласно комментарию, равен десяти *ху* (совр. 51,7 л). – *247.*

[23] Речь идет, по-видимому, о сочинении «Весны и осени Яньцзы» (Яньцзы чуньцю), главным действующим лицом в котором является Янь Ин (VI в. до н.э.), министр цискоro царя Цзин-гуна Остается неясным смысл упоминания Лянцю Цзюя и Цзыцзя Гуая Здесь это читается так, как будто они и были авторами «Яньцзы чуньцю» – книга действительно написана в форме советов Цзин-гуну, подаваемых в основном Яньцзы. Но авторство ее остается неизвестным. – *247.*

[24] При династии Чжоу *наместники (фанбо)* были представителями власти Сына Неба в окраинных землях. – *247.*

[25] Речь идет о развитии софистики в период Сражающихся царств (V–III вв. до н.э.), отразившемся в деятельности и речах представителей школы «цзун хэн» (вертикаль и горизонталь), которые с помощью ораторских и логических приемов успешно защищали интересы то одной, то другой группировки. Подробнее см.. *Васильев К.В.* Планы Сражающихся царств (Исследование и переводы). М., 1968. С. 52. – *247.*

[26] *Шэньцзы* (или Шэнь Бухай, 385–337 до н.э.) был сторонником учения об «имени и сущности». В 351 г. стал первым советником ханьского Чжао-хоу (который в тексте назван *Чжао Ли*) и попытался осуществить принципы этого учения на практике. Он считал, что речи и поступки чиновников должны соответствовать занимаемому ими месту, и в зависимости от того, соблюдает или не соблюдает чиновник это соответствие, он награждается или наказывается. – *247.*

[27] С 402 г. до н.э. *царство Цзинь* перестало существовать, распавшись на три независимых владения: Вэй, Чжао, Хань. – *247.*

[28] Авторство книги приписывается Шэньцзы. – *247.*

[29] *Сяо-гун* – циньский правитель (361–338 до н.э.). – *248.*

[30] *Шан Ян* (Гунсунь Ян, 390–338 до н.э.) – политический деятель, сторонник главенства закона, был советником Сяо-гуна. Под *законами* Шан Яна – это название встречается еще у Хань Фэйцзы (III в. до н. э.), – по-видимому, подразумевается трактат «Книга правителя области Шан». – *248.*

[31] *Книга рода Лю* – другое название «Хуайнаньцзы», поскольку хуайнаньский ван принадлежал к роду основателей ханьской династии Лю. – *248.*

[32] Образное выражение, смысл которого в том, что мудрец, обретя *дао*, становится гибок и эластичен, может «обживать» как самое малое пространство, так и всю Вселенную: самое малое ему не тесно, самое большое – не слишком просторно. Ср. характеристику *дао:* «Растянутое – покрывает шесть сторон, свернутое – не заполнит и ладони» (наст. изд., с. 21). – *248.*

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРСОНАЖЕЙ МИФОВ И ЛЕГЕНД И ИМЕН ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ

Ао см. Лу Ао

Ба – Покрытый мелкими волосками 84
Бабка Запада Сиванму 83, 114, 116
Бай-гун (Бай-гун Шэн) 178, 212, 213, 232
Бай-гун Шэн см. Бай-гун
Байли Си 182
Байлун см. Белый дракон
Байху см. Белый тигр
Бао И 216
Баошу Я 236
Беззубый 214
Безначальное 211
Белый безрогий дракон 113
Белый дракон 86
Белый тигр 53
Бесконечность 211
Би Гань 163,168, 183, 206, 207, 227, 233
Бо И (времен У-вана) 179, 183, 206, 207
Бо И (помощник Шуня) 133
Бо Лэ 42, 161, 201, 221, 222
Бэйгунцзы 163
Бэйжэнь Уцзэ см. Северянин по имени Нет Выбора
Бянь Цюэ 200

Ван Лян 111,159,161
Ван Цяо 200
Ван Шоу 220
Ван Эр 130
Вансунь Чо 110
Ванцзы Люй 178
Вдова 108
Великий ван Дань-фу см. Дань-фу
Великий Владыка (Тайшан) 176
Великий гун (Тайгун, Тайгун Ван) 110, 180, 183, 190, 237, 245, 246
Великий Мастер 245
Великий предок (Тай цзу) 113
Великий Свет см. Свет
Великое Единое 55
Верховный Владыка 106,168
Владыка (ди) 55, 82, 113 см. также Великое Единое
Владыка Пламени Янь-ди 53
Владычествующая над землей 53, 104
Воинственный царь (У, У-ван, чжоуский) 108, 110, 134, 135, 147, 150, 154, 167, 168, 199, 201, 205, 206, 216, 227, 233, 237, 245–247
Всевидящий 84
Высшая чистота 211
Вэй-ван (циский) 145
Вэнь Бесстрашный 162
Вэнь Мастер 201
Вэнь-ван (чжоуский) см. Просвещенный царь
Вэнь-ван (чуский) 162
Вэнь-гун (цзиньский) 182, 184, 206, 225, 230
Вэнь-хоу (вэйский) 236
Вэньцзы (чжаоский) 235
Вэнь-цзюнь (цзиньский) 196

Гао Синь 27
Гао Яо 145, 205
Гаоцзи 84
Главный гадатель 235
Гнедой, скакун 147
Гоу Цзянь, юэский ван 152, 195, 221
Гоуман см. Кривой Росток
Гуань см. Гуань Шу
Гуань Иу см. Гуань Чжун
Гуань Цин 201

Гуань Чжун (Гуань Иу, Гуаньцзы) 159, 162, 178, 182, 207, 209, 235, 236
Гуань Шу (Гуань) 206, 246
Гуаньцзы см Гуань Чжун
Гуй см. Чудесная черепаха гуй
Гунгун 27, 51, 84, 134
Гунню Ай 38
Гунси Хуа 195
Гунсунь Лун 204, 224, 225
Гуншу Бань 130, 215
Гунъи Сю 225
Гунъюн 183
Гунь 24

Да Бин 22, 112, 116
Дань, сын чжоуского Вэнь-вана 227
Дань-фу (Великий ван Дань-фу) 218
Девять Младенцев 134
Ди Цзянь 212
Дикий Вепрь 134
Длинный Змей 134
Дракон-Светильник 83
Ду Хэ 216
Дун Яньюй 213

Е-гун 213

Жаба 118
Жань Боню 127
Желтый дракон 53, 85, 243
Желтый предок 45, 53, 104, 112, 114, 172
Жоцзюнь – Похожий на плесень 84
Жун (Юн) Цици 207
Жушоу см Собирающий плоды

Зажигающий Свет 83
Закатный Свет (Шаохао) 53, 104
Занимающийся Свет (Тайхао) 53, 103
Зубы-Буравы 134

И см Охотник
И Инь, министр 147, 204
И Ляо 144, 180
И Я 128,161
Ижо см. Цюй Ижо
Инлун см. Откликающийся дракон
Инь И, астролог 227
Инь Сюй 233

Кан см. Кан-ван
Кан-ван (сунский) 215
Кан-ван (чжоуский) 168, 246
Колесник 219
Колесник Ян 180
Конфуций (Кун, Кунцзы, Кун Цю, Чжунни) 47, 127, 145, 147, 159, 162, 168, 169, 185, 190, 191, 194, 195, 202, 204, 208, 212, 215, 216, 229, 231, 232, 234, 236, 246
Красная птица 53
Красный безрогий дракон 111
Красный дракон 85
Красный предок 103
Красный Свет 53
Кривой Росток (Гоуман) 53, 103
Куай Гуй 163
Куан см. Наставник Куан
Куафу 44, 82
Кун см. Конфуций
Кунцзы см. Конфуций
Кун Цю см. Конфуций
Кунь У 45
Куньгэн 84

Лао Дань см. Лаоцзы
Лаоцзы 29, 184, 192, 202, 212–230, 232–237, 241
Летающий дракон 84
Летающий Заяц, скакун 205
Летучий Змей 148
Лецзы 184
Ли Кэ 217
Ли (Си) Фуцзи 177, 195, 220, 221
Ли Чжу 177
Лиму 112
Лин-ван (чуский) 152
Линь Лэй 207
Луань 84
Лу Ао (Ао) 207, 230, 231
Лу Бань 204
Луфу (сын Чжоу Синя) 246
Луэр, скакун 147, 153, 159
Луян-гун 108
Лэй-гун 44
Лю, род правящей династии Хань 210, 233, 248
Лянцю Цзюй 247

Маоду см. Покрытый шерстью теленок
Мао Цян 132, 205
Мастер Вэнь 201
Мастер Сян 145
Милостивый ван (Хуй-ван, лянский) 212
Мифэй 44
Мицзы 202
Мо см. Мо Ди
Мо, астролог 144
Мо Ди (Мо, Моцзы) 41, 47, 147, 162, 169, 204, 215, 246
Мо Се 177
Морской человек 84
Моу (чжуншаньский царевич) 218
Моцзы см. Мо Ди
Му-гун (циньский) 182, 221, 222, 229, 230
Мудрец 84
Мэн Бэнь, силач 168, 208
Мэнчан-цзюнь (Тянь Вэнь) 108, 109, 185

Наставник Куан (Ши Куан, Куан) 25, 108, 145, 202, 204
Не Цюэ см. Беззубый
Небесная Ткачиха 44
Небесный Владыка 77
Небытие 232
Недеяние 211
Нин Ци 145, 185, 194, 217
Ночной Свет 83
Нюйва 113, 116
Нюйи 62

Обычная птица 84
Отец Цзао см. Цзаофу
Откликающийся дракон 84, 113, 148
Оу Е 200
Охотник (И) 24, 45, 116, 134, 200

Пао Дин см. Повар
Первый дракон 84
Пии см. Учитель в Тростниковом Плаще
Пин-гун (цзиньский) 108, 202
Плотник 201
Повар 201
Покрытый чешуей 84
Покрытый шерстью теленок 84
Полая Шелковица 134
Полутень 232
Просвещенный царь (Вэнь-ван, чжоуский правитель Чан) 145, 150, 167, 168, 177, 206, 226, 227, 245–247
Простая рыба 84
Простая трава 85
Простая черепаха 84
Простое дерево 85
Простой зверь 84
Простой человек 84
Пу Цецзы 109
Пять предков 114–116, 135, 199–201, 243

Разбойник Чжи 159, 190, 228

Сань Ишэн 227
Свет (Великий Свет) 38, 51, 232
Священная морская черепаха юань 84
Священный земледелец 25, 45, 143, 145, 208, 227
Северянин по имени Нет Выбора 204
Се-гун 230
Си Фуцзи см. Ли Фуцзи
Си Чжун 42, 192
Си Ши 132, 205
Сиванму см. Бабка Запада Сиванму
Силач 38
Сине-зеленый рогатый дракон 111, 113
Синий дракон 85, 113
Синяя дева 62
Сицзы 50
Собирающий плоды 53, 104
Сокровенная тьма (Сюань мин) 53
Старец с Лисьего холма 226
Суньшу Ао (Гордый) 144, 226, 234
Сы (вэйский) 216
Сюань Мэн (чжаоский) 177
Сюань-ван (чуский) 225
Сюаньлун см. Темный дракон
Сюань мин см. Сокровенная тьма
Сюаньу 53
Сюй Фэн 220
Сюй Ю 47, 125, 126, 207, 234
Сян-гун 230

Сянцзы см Чжао Сянцзы
Сянь Гао 230
Сянь Чжэнь 230
Сянь-гун 128
Сяо-гун 248
Сяомин см Ночной Свет
Сяоцзи (сын иньского У-дина или Гао-цзуна) 184, 190
Сяхоу, сяский род 197

Тайгун см Великий гун
Тай-ди см Небесный Владыка
Тайфэн 134
Тайхао см Занимающийся Свет
Тайчжан 76
Тайшаньцзи 112
Тан (Чэн Тан) 134, 135, 145–147, 167, 168, 201, 227, 233
Творящее изменения 23, 26, 108, 120, 129, 200
Темно-голубой дракон 53
Темный (Сокровенный) дракон 86
Тень 232
Трехлапый ворон 118
Три царя 114, 179, 184, 186, 199–201, 243, 248
Ту – Разделыватель туш 201
Тунши см Всевидящий
Тянь, циский род 190
Тянь Вэнь см Мэнчан-цзюнь
Тянь Пянь, философ-софист 213
Тянь Цзыян 236
Тянь Цзю 235

У см Воинственный царь
У-ван см Воинственный царь
У Гуан 124, 125
У Лин (чжаоский) 162
У Хо 150, 163, 216
У Ци 169, 186, 222, 223
Ума Ци 231
Усюй см Чжао Сянцзы
Усянь-Прорицательница 83
У-хоу (вэйский) 217
Учитель в Тростниковом Плаще (Пии, Бэй И) 49, 214
Учитель от Ворот Согласия 108 185

Фа, сын чжоуского Вэнь-вана 227
Фан Хуй 49
Фениксы (Феникс Фэнхуан Фэн и Хуан) 65 84, 111, 113 129, 130, 187
Фу Чай 179, 195, 221
Фу Юэ 109
Фуси 45, 113, 116, 145, 244
Фэй Чжун 227
Фэйлун см Летающий дракон
Фэйхуан 113
Фэн см Фениксы
Фэн И 22, 200
Фэн и Хуан (чета фениксов) см Фениксы
Фэн Мэн 24, 42
Фэнбо 23
Фэнлун 62
Фэнхуан см Фениксы

Хань Фэйцзы 116
Хань Фэн 201
Ханьцзы 202
Хоуту см Владычествующая над землей
Хоуцзи 173, 192
Ху Лян 200
Хуа (Хуа Чжоу) 124
Хуан см Фениксы
Хуан-ди см Желтый предок
Хуанлун см Желтый дракон
Хуань-гун (циский) 128, 145, 161–163, 182, 184, 185, 194, 206, 217–219, 236, 247
Хуй-ван см Милостивый ван
Хуй Мэн 215
Хуйцзы (Хуй Ши), философ, лянский министр 207, 212
Хун Янь 178
Хуцзы см Хуцзы Линь
Хуцзы Линь 123, 124, 184
Хуцю чжанжэнь см Старец с Лисьего холма
Хэ (Хэши) 110
Хэйлун см Черный дракон
Хэн Э 116

Цай (Цай Шу) 206, 246
Цан Се 133
Цанлун см Темно-голубой дракон
Цзан Хо 159
Цзаофу (Отец Цзао) 24, 42, 111, 151, 159, 174, 180, 200

Цзе (Цзе сяский) 49, 114, 134, 147, 149, 152, 166, 168, 174, 175, 179, 181, 186, 201, 205, 227
Цзелинь см Покрытый чешуей
Цзи, скакун Му-вана 153, 159, 177, 205
Цзи из Ли 128
Цзи Фань 163
Цзин-гун (сунский) 223
Цзин-гун (циский) 108, 162, 235, 247
Цзицзы (Цзыцзянь), ученик Конфуция 231, 232
Цзицзы, родственник Чжоу Синя 168, 185, 206, 207, 233
Цзицзы (яньлинский) 125, 145, 234
Цзицзы от Восточных ворот 180
Цзо Цян 110
Цзоу Цзи 145
Цзы Вэй 223, 224
Цзы Пэй 220
Цзы Фа, военачальник 225
Цзы Хань 124, 125, 219, 220
Цзы Цю 123, 124
Цзыгун 144, 191, 216, 236
Цзылу 127, 162, 185, 190, 191
Цзыся 127
Цзыцзя Гуай 247
Цзычань 178, 181
Цзыян 185
Цзэн Шэнь см Цзэнцзы
Цзэнцзы (Цзэн Шэнь), философ, ученик Конфуция 127, 195, 207, 208
Цзянь Чжун 236
Цзянь Шу 229, 230
Цзянь Юань 24
Цзянь-гун 185
Цзяньди 83
Цзяньма – Прямостоящая лошадь 84
Цзяньсе 84
Цзяньцзы (чжаоский) 213, 221
Цзяньцзы, цзиньский министр 144
Цзяолун 84
Ци, скакун Му-вана 153, 159, 177, 205
Ци, сподвижник Шуня и Юя 192
Цилинь 84
Цин Сян 145
Цинлун см Синий дракон
Циннюй см Синяя дева
Циньский хуанди 233
Цинь Я 201
Цуй Шу 145, 234
Цы Фэй 234
Цюй Боюй 28, 144
Цюй Е 110
Цюй Ижо 222, 223
Цюй Шан 227
Цюнци 84
Цянь Це 112, 116, 200

Чан см Просвещенный царь
Чан Хун 168, 185, 204
Черный дракон 113
Чжа (царевич Чжа) 124
Чжан И 169
Чжань Хэ (Чжаньцзы) 24, 109, 218, 219
Чжаньцзы см Чжань Хэ
Чжао, род 214
Чжао Вэнь (чжоуский) 216
Чжао Ли (ханьский) 247
Чжао Сюаньмэн 195
Чжао Сянцзы (Сянцзы) 154, 213, 214, 221
Чжао Ци 145
Чжи, цзиньский род 235
Чжи (Цилян Чжи) 124
Чжи-бо 154, 195, 207, 214
Чжоу см Чжоу Синь
Чжоу Синь (иньский Чжоу) 49, 108, 110, 134, 154, 163, 168, 179, 180, 181, 185, 186, 199, 201, 205, 226, 227, 233, 245, 246
Чжоу-гун см Чжоу-гун Дань
Чжоу-гун Дань (Чжоу-гун, гун Чжоу) 168, 176, 180, 190, 206, 246
Чжу Жун – Заклинающий свет 103
Чжуан Цяо 159,190
Чжуан-ван (чуский) 162, 183 196, 219, 220, 223
Чжуан-гун (циский) 145
Чжуанцзы 207, 231, 241
Чжуаньсюй 51, 53, 104, 195
Чжуби 84
Чжугуан см Зажигающий Свет

Чжулун см. Дракон-Светильник
Чжумин см. Красный Свет
Чжунни см. Конфуций
Чжунхан, цзиньский род 235
Чжунхан Вэньцзы 154
Чжунхан Мюбо 175
Чжуняо см. Красная птица
Чжуцзи 84
Чи Сунцзы 200
Чи-ди см. Красный предок
Чифэнжо 84
Чудесная черепаха гуй 84
Чуй 133, 200, 235
Чун Эр 220, 221
Чун-хоу (Чун-хоу Ху), хоу времен Чжоу Синя 180, 227
Чун-хоу Ху см. Чун-хоу
Чуньюй Кунь 234
Чэн см. Чэн-ван
Чэн Тан см. Тан
Чэн Цзин, силач 208
Чэн-ван 168, 206, 227, 246

Шан Юн 168, 184, 233
Шан Ян 41, 116, 186, 206, 248
Шан-ди см. Верховный Владыка
Шань Цзюань 49, 207
Шао-гун 184
Шаохао см. Закатный Свет
Ши Куан см. Наставник Куан
Ши Ци 213
Широкий Разлив (Ханьмань) 231
Шу Сян 221, 235
Шу Ци 206
Шужэнь см. Простой человек
Шунь (юйский) 27, 49, 124, 126, 134, 155, 159, 167, 168, 174, 175, 179, 181, 183, 185, 192, 194, 197, 199, 204, 216
Шухай 76
Шэнжэнь см. Мудрец
Шэнь Бухай 41, 116, 206
Шэнь Си 179
Шэньнун см. Священный земледелец
Шэньцзы 235, 247
Шэти 84

Элай 180

Юань см. Священная морская черепаха юань
Юй 24–26, 29, 63, 76, 123, 134, 167, 173, 176, 181, 192, 197, 199, 246
Юй Жан 154, 207, 236
Юйцзя – Крылатый красавец 84
Юйцян 84
Юйши 23
Юн Цици см. Жун Цици
Юн Чэн 134
Юнмэнь-цзы см. Учитель от Ворот Согласия
Ююй, сводный брат Ци, сына Юя 197

Ян А 48
Ян Чжу 41
Ян-хоу 108, 234
Янь Ин см. Яньцзы
Янь Хуй 127, 194, 229
Янь Хэ, луский отшельник 206
Янь Юань см. Янь Хуй
Янь-ди см. Владыка Пламени
Яньцзы (Янь Ин) 124, 159, 162, 207, 234–236
Яо (танский) 33, 49, 123, 124, 134, 149, 152, 155, 159, 166–168, 174, 175, 179, 181, 185, 192, 194, 216
Яо Ли (служил ускому вану Хэ Люю) 207
Яоняо, скакун 205
Яюй 134

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

Айлин 179

Башня, г. 83
Безутробных, ц. 82
Белое небо 86
Белые ворота (Бяньцзюй), г. 78
Белых людей страна 82
Бессмертных, ц. 82
Бинь, ц. 218
Благородных мужей, ц. 82
Боло, г. 83
Боло, р. 110
Большая пещера, г. 83
Большое озеро (Да цзэ) см. Непроточное
Большой остров (Да чжу) см. Малое море
Большой сон см. Широкое
Бохай 76
Бочжоу (Скрывающая земля) 75
Бочжун, г. 83
Бучжоу см. Щербатая
Бэйхусунь 103
Бяньцзюй см. Белые ворота

Ванъу (Царские хоромы), г. 75
Великанов страна 82, 103
Великая башня (Ся тай) 134
Великая оконечность (Да цюн) см. Юго-восток
Великая темень 104
Великая тьма (Да мин) см. Север
Великий мост 168
Великий предел 109
Великий хребет (Тайхан), г. 48, 75
Великое Ся см. Северо-западная сторона
Верхнее Вэй, г. 20
Верхнее Небо 77
Вздымающиеся камни, г. 103, 104, 112
Висячие сады, г. 76, 77
Владеющие мяо, ц. 199
Волосатых, ц. 82
Ворота Жары см. Южный предел
Ворота Темной столицы см. Щербатая
Ворота Чанхэ см. Западный предел
Восточная сторона (Терновый лес, Шелковичный край) 62, 77
Восточное море 134, 246
Восточный край 103
Восточный предел (др. назв.: врата Открывающие свет), г. 78, 83
Врата Души 113
Времени, р. 83
Высокая торба, г. 84
Вэй, р. 83
Вэй*, р. 84
Вэй, ц. 24, 34, 70, 144, 212, 217
Вэй*, ц. 70, 71, 83, 222
Вэйши, р. 84
Вэйюй, г. 77, 83
Вэнь, город 225
Вэнь, р. 83

Ганьсуй 221, 234
Гармонии Холм см. Холм Гармонии
Глубокая даль 231
Глубокая печаль, пучина 63
Глубокая Чернота 231
Глубокоглазых, ц. 82
Горные потоки 40
Гоуван, г. 40
Гоучжу, г. 75
Громовое, оз. 83
Гу, р. 84

* Сокращения: ц. – царство, г. – гора, р. – река, оз. – озеро. Омонимы отмечены звездочкой (*).

Гусиные ворота (Яньмэнь), г. 26, 41, 83
Гуюй, г. 112

Да Ся см. Северо-западная сторона
Дай, г. 78
Далу (Большая суша), оз. 75
Даньфу 231
Даньшуй см. Киноварная
Даньэр см. Северных варваров государства
Дахао, г. 84
Девы см. Юго-восток
Девяти младенцев, ц. 82
Девять гор 75
Девять небес 108, 113, 231
Девять озер 104
Девять пиков, г. 25
Девять проходов 75
Девять топей 75
Длинноногих страна 82
Длинноруких, ц. 82
Долина Восходящего солнца 62
Долина Мрака 63
Долина Скорби 62
Дракон-гора 84
Драконовы ворота, г. 83, 104, 134
Дружно родящая земля см. Яньчжоу
Дугуан, г. 77, 111
Дунтин, оз. 134
Дэнбао, г. 83
Дэнлинь (роща Плодородия) 82

Желтая вода, р. 76
Желтое море 85
Желтые источники 113
Женское царство 82
Жошуй см. Слабая
Жу, р. 84
Жунчжоу (Обширная земля) 75
Жэнь, р. 84

Запад (Цзюцюй; др. назв.: Родниковое озеро, Золотой холм, Плодородный край) 77
Западный край 104
Западный предел (др. назв: Ворота Чанхэ), г. 22, 54, 55, 76, 78, 84
Зеленого холма, оз. 134
Земли варваров 70, 71
Земля Созревания см Цзичжоу*
Зловещая, р. 134
Золотой холм см. Запад
Зыбучие пески 76, 104

И, р. 83
И*, р. 83
Иму см. Северо-запад
Инь, ц. 201
Источник скорби 63
Иулюй, г. 78
Ицзе 111
Ицюэ, г. 134

Кайму (Матери Открывающей), г. 83
Каменная балка, г. 84
Каменная гряда 63
Каменный мост, г. 84
Каменный Столб, г. 111
Квадратная земля (др. назв.: Темно-голубая), г. 78
Киноварная, р. 76, 84
Киноварное озеро см. Чжуцзы
Кипарисовая, г. 83
Красавиц, ц. 83
Красная река см. Чишуй
Красное море 86
Красное небо 85
Кривые горы 62
Крылатых людей страна 77, 82
Крыло-гора 83
Куайцзи, г. 75, 78, 197, 221
Куан, город 168
Куньлунь, г. 22, 76–78, 82, 83, 104, 110, 133, 138, 200
Куньлуньский холм 77
Куньу, г., холм 62, 83

Ле (Охота), г. 83
Летающей Лисицы, г. 40
Ли, р. 235
Ли (Лишань), г. 27, 48
Линтай см. Чудесная башня
Линцы, г. 75
Линчжэн, долина 104
Лишань см. Ли
Ло, р 49, 83
Ло*, р. 83
Лотан, г. 82, 112
Лу (Луское), ц. 70, 71, 169, 190, 195, 196, 216, 225, 246
Лунси 194

Лунмэнь см. Драконовы ворота
Лупин, г. 84
Лутай см. Оленья башня
Людей о трех головах, ц. 82
Людей с вывернутым языком, ц. 82
Людей с высверленными зубами, ц. 82
Людей с Плодородной земли страна 82
Людей с пронзенной грудью, ц. 82
Людей со свиным рылом, ц. 82
Люйлян, г. 40, 134
Люша см. Зыбучие пески
Лян, р. 84
Лянфу, холм (?) 199
Ляншань, г. 78
Ляо (Ляошуй), р. 76, 84
Ляошань, г. 220
Ляошуй см. Ляо

Малая пещера, г. 83
Малое море (др. назв.: Большой остров) 77
Мань, г. 84
Маолу см. Тростниковая хижина
Матери Открывающей см. Кайму
Матери Цзи, г. 62
Мать волн (др. назв.: Солнечные врата), г. 78
Медвежье ухо, г. 83
Мертвая река см. Слабая
Минтяо 147
Минь, г. 83
Морское озеро см. Северо-западная сторона
Муе см. Пастушье поле
Мужское царство 82
Муи, г. 84
Мутная, р. 83
Мэн (Свирепые), г. 84
Мэнгу, г. 230
Мэнмэнь, г. 40, 75
Мэнфань 111
Мэнцзинь 108
Мэнчжу, оз. 75, 83, 207
Мэньэ, г. 75
Мяньэ, г. 75

Нагих государство 26, 27, 82, 196
Нагромождение камней, г. 76, 83
Налюй, ц. 83
Наньхай см. Южное море
Наньцзи см. Южный полюс
Небесные врата 23, 26
Небесный пруд 62
Небесных людей страна 82
Недвижные, г. 104
Не имеющих потомства, ц. 82
Непроточное (др. назв.: Большое), оз. 77

Облачные сны (Юньмэн), оз. 32, 75
Обширная земля см. Жуньшоу
Общая пещера мышей и птиц, г. 83
Огненная земля (Янь ту) см. Юго-западная сторона
Одноглазых, ц. 82
Одноногих страна 82
Одноруких страна 82
Озабоченных, ц. 82
Океанская река см. Яншуй
Оленья башня 168
Открывающие свет врата см. Восточный предел

Пастушье поле (Муе) 134, 154, 233, 246
Пахотная земля см. Шэньчжоу
Первозданное озеро (Юань цзэ) см. Юго-восточная сторона
Персиковая роща 246
Песчаное место см. Северо-запад
Песчаные холмы, местность и башня 32, 222
Печальная пучина 63
Пещера ветров 111
Пламенных ветров край 103
Плодородная земля см. Цычжоу
Плодородный край (Во е) см. Запад
Прохладные ветры, г. 76, 77
Птичий ночлег, г. 62
Пустоты край 231
Пустынная земля (Хуан ту) см. Холм Гармонии
Путянь (Огороды), оз. 75
Пучина Грязи, р. 84
Пучина на Реке 83
Пыльное небо 85

Пэй 83
Пэньсюн, г. 84
Пять озер 195

Равновесие света, г. 62
Радующегося народа, ц. 83
Река см. Цзян
Родниковое озеро (Цюань цзэ) см. Запад
Роща Плодородия см. Дэнлинь
Роща шелковиц (Санлинь) 134, 145

Санлинь см. Роща шелковиц
Саньвэй, ц. 41, 83, 104, 143
Саньмяо см. Трех мяо
Север (Великая тьма, Студеное озеро, Скопление льда (Вэйюй)) 77, 83
Северное море 230
Северный край 104
Северный предел (др. назв.: Студеные ворота), г. 78
Северных варваров государства 113
Северо-запад (Иму – Один глаз; др. назв.: Песчаное место) 77
Северо-западная сторона (Великое Ся (Да Ся); др. назв.: Морское озеро) 77
Синее море 85
Скопление льда см. Север
Скрывающая земля см. Бочжоу
Слабая (др. назв.: Мертвая), р. 76, 83, 111
Собачье царство 83
Сокровенное небо 25
Сокровенные врата, г. 230
Сокровенные вспышки, р. или г. 83
Солнечная Долина 83, 143
Солнечные врата см. Мать волн
Спящих ногами вместе, ц. 82, 143
Срединная земля см. Цзичжоу
Средоточия огня край 103
Стремнинный водоем (Туаньчи) 83
Студеное озеро (Хань цзэ) см. Север
Студеные ворота см. Северный предел
Суй, р. 83
Сун, ц 70, 75, 162, 219, 224
Сушэней страна 82
Сы, р. 83, 195
Сюаньпу см. Висячие сады
Сюаньши 134
Сюаньюань, холм 83
Сюаньяо см. Сокровенные вспышки
Ся, ц. 24, 201
Сяньчи см. Небесный пруд
Сяньюй, г. 84

Тай (Высокая), г. 83
Тайво, р. 231
Тайфэнь, г. 75
Тайхан см. Великий хребет
Тайхуа, г. 75
Тайчжоу (Тучная земля) 75
Тайшань (Великая гора) 49, 75, 184
Тангу см. Долина Восходящего солнца
Тань, ц. (?) 22
Твердогрудых страна 82
Темная столица (Ю ду) 78, 143
Темно-голубая см. Квадратная земля
Темное (Сокровенное) море 86
Терновый лес (Цзи линь) см Восточная сторона
Точильные камни, г. 84
Трех мяо (Саньмяо), ц. 82, 174, 176
Трехтуловищных, ц. 82
Три Цзинь 207
Тридцать шесть царств 82
Тростниковая хижина, г. 84
Ту, г. 24
Ту, город 168
Туаньчи см. Стремнинный водоем
Тучная земля см. Тайчжоу

У, р. 138
У, ц. 25, 70, 138, 209, 212, 215, 221
Ужэнь (Воитель), г 82
Умножающая земля см. Янчжоу
Утренней свежести страна (Корея) 103
Утуны за оградой, г. 76
Ушань см. Шаманок

Фабао, г. 83

Фанхуан, р. 220
Фанчэн, г. 75
Фаньху (юг) 77
Фу (Котел), р. 84
Фусан см. Шелковица Фу
Фуци, г. 20
Фучжоу (Опрокинутая лодка), г. (?) 84
Фэйху см. Летающей Лисицы
Фэнъян, г. 84
Фэнь, р. 12, 80, 84

Хайюй (Морская заводь), оз. 75
Хань, р. 80, 83
Хань, ц. 70, 71, 104
Хао, р. 84
Ходящих на цыпочках, ц. 82
Холм Гармонии (др. назв.: Пустынная земля) 77, 82
Хошань, г. 78
Хуай (Хуайшуй), р. 83, 134, 220
Хуайнань, обл. 60
Хуанхэ (Хэ, Хэшуй), р. 49, 76, 83, 104, 130, 205, 206, 210, 247
Хуаньтоу, ц. 82
Хуацяо (Цветущее отверстие), г. (?) 20
Хуашань см. Цветущая
Хуто, р. 84
Хэ см. Хуанхэ
Хэйшуй (Черная река) 76
Хэли, г. 76
Хэнъян см. Равновесие света
Хэшуй см. Хуанхэ

Цай, ц. 225
Цанъу 197
Цао, ц. 220, 221
Цветущая, г. 78, 246
Цветущее поле, оз. 134
Цветущий холм 82
Центр 104
Ценцюань см. Ярусные ключи
Цзели, г. 83
Цзецзихэ, р. 84
Цзеши см. Вздымающиеся камни
Цзи, р. 26, 83, 104
Цзи* 80
Цзин, г. 83
Цзин*, г. 84
Цзин, р. 83
Цзин см. Чу
Цзинсин, г. 75
Цзинтай, башня 32
Цзинь, р. 84
Цзинь, ц. 70, 75, 108, 145, 221, 223, 247
Цзинъюань, г. 75
Цзиньян, город 154, 214
Цзичжоу (Срединная земля) 75, 83, 110, 113
Цзичжоу* (земля Созревания) 75
Цзиши см. Нагромождение камней
Цзоу, ц. 196
Цзы, р. 84, 212
Цзэ, ц. (?) 22
Цзюи см. Девять пиков
Цзюй, р. 83
Цзюйлу (Олень-великан), оз. 75
Цзюйцюй см. Юго-восточная сторона
Цзюйцяо см. Великий мост
Цзюйюн, г. 75
Цзюнь, р. 84
Цзюцюй см. Запад
Цзян (Цзяншуй, Янцзы, Река), р. 26, 80, 83, 104, 120, 130, 134, 193, 205, 206, 210, 220
Цзянь, р. 134
Цзяо, г. 84
Цзяо, город 168
Цзяомэн 147
Цзяоцзяо см. Юго-западная сторона
Цзяочжи см. Спящих ногами вместе
Ци, г. 245
Ци, р. 84
Ци, ц. 70, 71, 75, 213, 215, 217, 221, 223, 230
Цинчжан (Чистая), р. 83
Цинь, ц. 70, 71, 75, 146, 235, 247
Цишань, г. 75
Цычжоу (Плодородная земля) 75, 82
Цюйэ см. Кривые горы
Цюйян 236
Цюнши, г. 76
Цянтай, башня 220

Чанхэ см. Западный предел
Чань, р. 134
Черная река см. Хэйшуй
Чернозубых, ц. 82
Черноногих, ц. 82
Чжанхуа, башня 32

Чжао, ц. 70, 71, 75, 162
Чжаоюй, оз. 75
Чжоу, ц. 70, 216, 220, 229, 245
Чжуаньсюя страна 103
Чжубэй см. Северных варваров государства
Чжунжэнь, город 214
Чжунмоу, город 221
Чжуцзы (Киноварное озеро) 76, 77
Чжэн, ц. 34, 70, 75, 212, 229
Чи, г. 78
Чистое небо (Цин тянь) 23, 85
Чишуй (Красная река) 76, 82
Чу (Цзин), ц. 70, 71, 75, 138, 147, 209, 213, 215, 222, 223, 228, 234, 235
Чудесная башня 227
Чуйцзи 178
Чэньюй, р. 104

Шаманок, г. 50
Шацю см. Песчаные холмы
Шелковица Фу (Фусан) 112, 232
Шелковичный край см. Восточная сторона
Шесть рек 76
Шилян см. Каменная балка
Широкое (др. назв.: Большой сон), оз. 77
Шицзянь см. Горные потоки
Шицяо см. Каменный мост
Шоушань (Голова-гора) 75
Шоуян, г. 183
Шу, г. 83
Шу, ц. 50
Шупу, сад 76, 111
Шэн, р. 212
Шэнь, водоем 83
Шэньчжоу (Пахотная земля) 75
Щербатая (др. назв.: Ворота Темной столицы), г. 27, 51, 54, 55, 76, 78, 83, 84

Юань, город 225
Юг (Дугуан, Фаньху) 77
Юго-восток (Великая оконечность; др. назв.: Девы) 77
Юго-восточная сторона (Цзюйцюй; др. назв.: Первозданное озеро) 75, 77
Юго-запад см. Чжуцзы
Юго-западная сторона (Цзяоцзяо; др. назв.: Огненная земля) 77
Ю ду см. Темная столица
Южное гнездо 134
Южное море 76, 77
Южный край 103, 104
Южный полюс 56
Южный предел (др. назв.: Ворота Жары), г. 78, 103
Южэнь, город 214
Юй, р. 138
Юйшань см. Крыло-гора
Юли 227
Юмяо, ц. 41; см. также Владеющие мяо и Трех мяо
Юньмэн см. Облачные сны
Юэ, ц. 25, 50, 70, 75, 212, 215

Янчан (Бараньи кишки), г. 75
Янчжоу (Умножающая земля) 75, 77
Яншуй (Океанская река) 77
Янъюй, оз. 75
Янь, ц. 70, 71, 75, 84
Яньмэнь см. Гусиные ворота
Яньский холм, г. 84
Яньчжоу (Дружно родящая земля) 75, 77
Яо 230
Яо, г. 110
Яобань, г. 75
Ярусные ключи, г. (?) 62

УКАЗАТЕЛЬ АСТРОНОМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ*

Белый тигр, общее название семи зодиакальных созвездий западного сектора неба, его символ 53, 67, 69
бин, третий знак десятеричного цикла 53, 60–62, 66, 69–73, 91, 92
Благодать 64; см. Гибель
Большая Медведица см. Ковш (Доу)
Большое возвращение 62
Большое время 59
Большое число трубки «желтый колокол» 65
Большой год (Тайсуй) 59

Великая белизна (Тайбо, Венера) 53, 54
Великая тень (анти-Юпитер) 53, 54, 67–70, 72
— движение по орбите, размеченной циклическими знаками 67, 68
Великий порядок 106, 107
Великий Свет 51
Великое Единое, созвездие 60
Великое завершение (20 Периодов) 55
Великое малое, созвездие 52, 53, 55
Весна 70, 87, 107, 113
— как циркуль
— первая луна (первый месяц года) 87, 105
— вторая луна (второй месяц года) 88, 105
— третья луна (третий месяц года) 89, 90, 105
— становление весны (*ли чунь*) 57
Весы (символ Юга) 53, 64, 66, 106, 107, 131, 149
Ветры (ветер) 54, 108, 111, 118, 129, 132, 240
— восемь 25, 52, 54, 75, 77, 95, 96, 99, 101; см. *тяо, лян, гуанмо, миншу, цзин фэн, цинмин*, в. от Ворот Чанхэ, в. от горы Щербатой
— великие 58
— весенние 25, 106
— восточные 87, 109
— *гуанмо* см. пустынные
— ласковые (тяо) 54, 84
— леденящий 109
— *лян* см. прохладные
— *миншу* см. ясные
— осенние 25
— от Ворот Чанхэ (Чанхэ фэн) 54, 55, 84
— от горы Щербатой (Бучжоу фэн) 54, 55, 84
— очистительные (*цинмин*) 54, 55, 58, 84
— прохладные (*лян*) 54, 55, 58, 84, 93–96, 105
— пустынные (*гуанмо*) 54, 55, 84
— теневые (*цзин фэн*) 54, 55, 84
— *тяо* см. ласковые
— *цзин фэн* см. теневые
— *цинмин* см. очистительные
— ясные, *миншу* 54, 55, 84
Вилы (Би), одно из 28 созвездий 53, 68, 70, 72, 94
Водруженная, звезда 88
Волопас (Цяньню), одно из 28 созвездий 52, 54, 67, 68, 70, 72, 89, 96
Восток (Темно-голубое небо, восточная сторона) 52, 53, 55, 203; см. также Циркуль

* Составлен совместно с А В Матешук

Восточная стена (Дун би), одно из 28 созвездий 52, 67, 68, 70, 72, 100
Восточный колодец (Дун цзин), одно из 28 созвездий 53, 54, 67, 68, 70, 72
Времена года (четыре времени года, четыре сезона, четыре временных периода) 22, 23, 51, 52, 54, 58, 64, 71, 72, 75, 79, 80, 112, 129, 130, 136, 231, 243
— движение 239
(см Весна, Лето, Осень, Зима)
Время 24, 28, 29, 200
— Второго толчения риса 63
— Второй еды 62
— Дневной еды 62
— Первого толчения риса 63
— Первой еды 62
— Большое 59
— Малое 59
— ограниченное 26
— и перемены 220
Вселенная 35, 127, 132, 187, 211, 243
вэй см. Знаки двенадцатеричного цикла, восьмой

Гармония 37, 45, 48, 50, 78, 82, 109, 179, 207, 213, 218, 243
— восьми ветров 25
— пяти звуков 66
— эфира *инь* и *ян* 64, 239
— Высшая 110, 111
— небесная 39, 62, 214
Гибель
— и Благодать 56, 57, 68, 69
Гири (символ Севера) 53, 64, 106, 107
Гномон см Солнечные часы
Год 60, 63, 66, 103, 224
— название (по 12-летнему циклу) 67, 68, 73, 74
Гоучэнь, звезда (созвездие?) 67, 69
Гром (громы) 21 23, 51, 86, 88, 96, 105, 106, 108, 111, 118, 130–132, 240
гуй, десятый знак десятеричного цикла 53, 69–71, 74, 99, 100, 102
Гун, первый тон (звук) пятиступенного ряда 53, 65, 82, 93, 110, 202
— господин всех тонов 65 81
— образует пять тонов 30
Густые Сумерки 63
гэн, седьмой знак десятеричного цикла 53, 60–62, 66, 70–72, 74, 94, 96, 97

Девять небес 30, 44, 113, 240
Девять полей 30, 52, см Центр Восток, Северо-восток и т д
Девять сторон света 23
Девять тысяч девятьсот девяносто девять углов (*цюй*) 52
Десять солнц 134
дин, четвертый знак десятеричного цикла 53, 69–73, 91, 92
Дни (день, дневное время) 63, 72
— летнего солнцеворота 66
— осеннего равноденствия 66
— солнцестояния см Солнцестояние
— становления весны 67, 87
— становления лета 91
— благоприятный 88
— первый — десятый (десять) 53, 79
— подавляющие 71
— самый длинный 92
— счастливый 90
— четные и нечетные 69
— и ночь 57, 63, 64, 80, 240
Дождь (дожди) 25, 77, 78, 109 111, 118, 129, 191, 240, 243
Дом (Фан), одно из 28 созвездий 52, 68, 70, 72, 236

Жара иссушающая 109
Желтый дракон, символ центра небесной сферы 53
Желудок (Вэй), одно из 28 созвездий 53, 68, 70, 72
жэнь, девятый знак десятеричного цикла 53, 60, 61, 66, 70, 71, 74, 99, 100, 102

Запад (Сверкающее небо, западная сторона) 53–55, 203, см также Угольник
Заслуги (Шэнь), одно из 28 созвездий 53, 68, 70, 72, 87
Засуха 108
Звезда Тени 243
Звезды (звездные ряды) 51, 52, 55, 71, 75, 80, 112
— ход 132

— и созвездия 103, 239
(см также Созвездия)
Звуки (звук) 33, 66, 79, 179, 202
— пять см музыкальные
— число 66
— влажные (чистые) и мутные 66, 132, 192
— звучащий и беззвучный 186
— музыкальные 60, 65, 66, 119, см *Гун, Чжи, Шан, Юй, Цзюэ*
— и тоны 60, 110
(см также Тон)
Звукоряд 79
Земля 23, 43, 62, 65, 69, 75, 82, 94
— как уровень 106
(см также Небо)
Зенит
— и надир 200
Зима 59, 70, 80, 98, 100, 102, 107, 113, 128, 131, 240
— как гири 106
— первая луна (десятый месяц года) 98, 99, 100, 105
— вторая луна (одиннадцатый месяц года) 100–102, 105
— третья луна (двенадцатый месяц года) 102, 103, 105
Знаки
— двенадцатеричного цикла (лунные з.) 56, 66, 71, 79
первый (*цзы*, «наливаться» (о колосе)) 55, 59–62, 64–72, 74, 100
второй (*чоу*, «поворачивать») 54, 55, 63, 64, 67–70, 72, 102
третий (*инь*, «шевеление насекомых») 53–55, 59, 63, 64, 67, 69–71, 73, 87
четвертый (*мао*, «пышное изобилие») 55, 59, 60, 63, 64, 67, 69–71, 73, 88
пятый (*чэнь*, «сотрясение») 54, 55, 63, 67, 69, 70, 72, 73, 89
шестой (*сы*, «рождение уже состоялось») 55, 58, 63, 67–73, 90
седьмой (*у**, «противодействие») 55, 59, 60, 63, 67–72, 74, 92
восьмой (*вэй*, «густые сумерки») 54, 55, 64, 65, 67–70, 72, 74, 93
девятый (*шэнь*, «звук всасывания») 55, 64, 67, 68, 71, 72, 74, 94
десятый (*ю*, «насыщение») 55, 60, 64, 67–69, 71, 72, 74, 96
одиннадцатый (*сюй*, «гибель») 54, 55, 64, 67–69, 71 72, 74, 97
двенадцатый (*хай*, «преграждать») 55, 64, 67–69, 71, 72, 98
— десятеричного цикла (солнечные з) см. *цзя, и, бин, дин, у, цзи, гэн, синь, жэнь, гуй*
— солнечные (десять) 71, см з десятеричного цикла
— циклические 70
— четыре центральные 53, см *мао, ю, цзы, у**
Знамения небесные 22

и, второй знак десятеричного цикла 53, 69–71, 73, 87–89
Ива (Лю), одно из 28 созвездий 53, 67, 68, 70, 72, 97
Изгиб
— и прямая 35
Изогнутая звезда 236
Иней 98, 105, 106, 130, 131
Инхо (Мерцающая звезда, Мерцающий огонь, Марс) 53, 54, 223, 224
инь см Знаки двенадцатеричного цикла, третий

Календарь (календарный счет) 109, 112, 132
Квадрат 136
— есть хозяин Тьмы 51
— Великий 35
— земной (к Земли, к есть путь Земли) 51, 113, 200
(см. также Круг)
Ковш (Доу, Северный Ковш, Ковш Большой Медведицы), одно из 28 созвездий 39, 52–59, 63, 64, 67–72, 79, 94, см также Ручка Ковша
Колесница чертей (Юй гуй), одно из 28 созвездий 53, 54, 67, 68, 70, 72
Колокола (колокол, колокольный звон) 65, 132, 185
— двенадцать 65
— белые 95, 97
Кометы (хуй син, чаньчэн) 39, 52, 109
Корзина (Цзи), одно из 28 созвездий 52, 68, 70, 72
Космос (космическое пространство) 22, 37, 44, 48, 126, 130, 131, 202

Красная птица, общее название семи зодиакальных созвездий южного сектора неба, его символ 53, 55, 67, 69
Красное небо (Чжу тянь) см. Юго-запад
Кровля (Вэй), одно из 28 созвездий 52, 67, 68, 70, 72, 92, 98, 99
Круг 51, 67, 69, 136, 239
— есть хозяин Света 51
— Великий 39
— зодиакальный 67
— небесный (к. Неба, к. есть путь Неба) 113, 200
— солнечный 66
— и квадрат 35
Крыло (И), одно из 28 созвездий 53, 68, 70, 72, 90
Крюки 201

Лето 58, 70, 107, 113, 128, 131, 240
— как весы 106
— первая луна (четвертый месяц года) 90, 91, 105
— вторая луна (пятый месяц года) 92, 93, 105
— третья луна (шестой месяц года) 93, 94, 105
Лук, созвездие 88
Луна 29, 51, 52, 55, 56, 59, 60, 62, 71, 79, 112, 118
Луны (месяцы) 54, 56, 57, 62, 63, 65–72, 87–103, 105, 109, 117
— шесть сочетаний 105, 106 (см. Весна, Лето, Осень, Зима)

Малое возвращение 62
Малое время 59
Малый год (Сяо суй) 59, 71 (см. также Ручка Ковша)
мао см. Знаки двенадцатеричного цикла, четвертый
Марс см. Инхо
Мерило 136
Мерцающая звезда см. Инхо
Мерцающий огонь см Инхо
Меры
— и веса 205
Месяцы см. Луны
Молния 85, 86, 108, 111, 112, 180, 240
Морда (Цзуйхуй), одно из 28 созвездий 53, 68, 70, 72, 96
Музыка (мелодии, танцы) 34, 40, 91, 132, 189, 196, 197, 199, 201
— и ритуал 132, 220
Музыкальные трубки (трубки) 60, 65–67, 87–89, 91–94, 96, 97, 99, 100, 102, 132
— двенадцать 65, 66
— шесть 65, 66, 136

Натянутый лук (Чжан) одно из 28 созвездий 53, 67, 68, 70, 72
Небесные врата 23, 26
Небесный въезд (Тяньэ) 52, 55
Небесный пруд 52, 55, 59
Небо 23, 52, 62, 64, 66, 69, 72, 109, 120, 180, 182, 199, 224
— это отвес 106
— лазурное 113
— черное 112
— и земля 22, 25, 35, 37, 40–42, 45, 48, 51, 62, 64, 69, 77, 79, 95, 109, 118, 119, 129, 130, 178, 191, 238, 243
путь 67; см. Квадрат, Круг
Ночь см. Дни

Облака 22, 77, 82, 85, 86, 109
— теневые 52
Огненное небо (Ян тянь) см. Юг
Ожидающая дева (Сюй нюй), одно из 28 созвездий 52, 67, 68, 70, 72, 90
Оковы (Лоу), одно из 28 созвездий 52, 54, 68–70, 72, 93, 102
Осень (осенний сезон) 58, 59, 70, 95, 97, 107, 113, 131
— как угольник 106
— первая луна (седьмой месяц года) 94–96, 105
— вторая луна (восьмой месяц года) 96, 97, 105
— третья луна (девятый месяц года) 97, 98, 105
Основа (Ди), одно из 28 созвездий 52, 68, 70, 72, 102
Отвес (символ Центра, отвесы) 31, 35, 53, 55, 56, 64, 113, 136, 201, 202
— точка пересечения 57, 58
— и крюк 35
— и шнур 31
Отрезок см. Перемены временные

Переменное небо (Бянь тянь) см. Северо-восток

Перемены (периоды) временны́е (временно́й отрезок) 64, 220
— двадцать четыре 57, 66
— четыре см. Времена года
— «белые росы» 58
— «большая жара» 58
— «большой снег» 59
— «великие холода» 57
— «весеннее равноденствие» 57
— «выпадение инея» 59
— «дожди и потоки» 57
— «зимнее солнцестояние» 57
— «летнее солнцестояние» 58
— «малая жара» 58, 92
— «малое изобилие» 58
— «малые холода» 57
— «малый снег» 59
— «осеннее равноденствие» 58
— «остистый колос» 58
— «прекращение жары» 58
— «приход очистительных ветров» 58
— «пробуждение тех, кто в спячке» 57
— «становление весны» 57
— «становление зимы» 59
— «становление лета» 58
— «становление осени» 58
— «хлебный дождь» 58
— «холодные росы» 55
Периоды
— двадцать см. Великое завершение
Повозка (Чжэнь), одно из 28 созвездий 53, 68, 70, 72, 100
Позднее утро 62
Полдень 62
Полярная звезда 193
Построенный дом (Ин ши), одно из 28 созвездий 52, 55, 67–70, 72
Потоп 134
Предрассветная заря 62
Пространство 23, 46
— ограниченное 26
— Световое 122
— между небом и землей 48, 75
— и время 21, 51, 130, 131, 172, 200, 202
Пустота 48, 194, 203
Пустота (звезда Пустоты, Сюй), одно из 28 созвездий 52, 67–70, 72, 97
Пять ведомств 52, 55
Пять звуков см. Звуки
Пять первоэлементов 29, 82, 118
— дерево, огонь, земля, металл, вода 69, 71, 72, 81, 82, 137
Пять планет 52, 53, 118, 129

Равновесное небо (Цзюнь тянь) см. Центр
Радуга 22, 89, 99
Распряженная колесница 63
Рассвет 62
Рог (Цзюэ), одно из 28 созвездий 52, 54, 68, 70, 72
Ручка Ковша (Доу Бяо) 59; см. также Малый год

Сверкающее небо (Хао тянь) см. Запад
Свет и тьма 51
Светлое небо (Ян тянь) см. Юго-восток
Север (Сокровенное небо) 52–56, 203; см. также Гири
Северный полюс 56
Северо-восток (Переменное небо) 52, 56
Северо-запад (Темное небо) 51, 52, 56, 59
Сезоны
— «открытия» (см. Весна, Лето) и «закрытия» (см. Осень, Зима) 239
— небесные (природные) 239 (см. также Времена года, Перемены временны́е)
Секторы звездные 70
Семизвездье (Ци син), одно из 28 созвездий 53, 67, 68, 70, 72, 89, 99
Семь стоянок см. Стоянки
Сердце (Синь), одно из 28 созвездий 52, 68, 70, 72, 93, 223, 224, 236
синь, восьмой знак десятеричного цикла 53, 70–72, 74, 94, 96, 97
Скипетр (Куй), одно из 28 созвездий 52, 54, 68–70, 72
Слабые Сумерки 63
Смещение (сдвиг) 59, 60
Снег 130
Созвездия
— двадцать восемь 52; см. Великое малое, Вилы, Волопас и т.д.
— зодиакальные 55, 59, 63, 66, 67, 70, 71, 79
Сокровенное небо (Сюань тянь) см. Север

Солнечное свечение (протуберанец) 109
Солнечные часы (Бяо) 132
Солнце 29, 51, 52, 55, 62–64, 66, 71, 77, 79, 103, 109, 110, 112, 118
— число 66
— и Луна 21, 40, 43, 75, 118, 129, 178, 187, 191, 205, 239
Солнцеворот см. Солнцестояние
Солнцестояние (солнцеворот)
— зимнее (день зимнего с.) 55–57, 59, 60, 63, 65, 131
— летнее (день летнего с.) 55, 56, 58, 60, 63, 66
Стороны света 98
— четыре 21, 23, 42, 53, 75, 200, 243
Стоянки (*сю*, стоянка) 53, 54, 63, 70
— семь 56, 57
Струны (струна) 201
— двадцать пять 110
— пять 202
— и звук 179
Сумерки 89; см. также Густые Сумерки, Слабые Сумерки
сы см. Знаки двенадцатеричного цикла, шестой
Сюаньу, общее название семи зодиакальных созвездий северного сектора неба, его символ 53, 67, 69
Сюаньюань, созвездие 52, 55
сюй см. Знаки двенадцатеричного цикла, одиннадцатый

Тайбо см. Великая белизна
Тайсуй см. Большой год
Темно-голубое небо (Цан тянь) см. Восток
Темно-голубой дракон, общее название семи зодиакальных созвездий восточного сектора неба, его символ 53, 67
Темное (Сокровенное) море 51
Темное небо (Ю тянь) см. Северо-запад
Тон (тоны, звук, нота) 60, 66
— пять 30, 81, 110, 241; см. *Гун, Шан, Цзюэ, Юй, Чжи*
— шесть 60
— шестьдесят 66
— «великое скопление» (*тай цу*) 58, 63, 65, 87
— второй см. *Шан*
— «желтый колокол» (*хуан чжун*) 57, 58, 64–66, 100
— «большое путешествие» (*да люй*) 58, 64, 65, 102
— «гость в поклоне» (*жуй бинь*) 57, 58, 63, 65, 66, 92
— «купание девушек» (*гу сянь*) 58, 63, 65, 66, 89
— «лесной колокол» (*линь чжун*) 57, 59, 64–66
— «откликающийся колокол» (*ин чжун*) 57, 59, 64–66, 99
— «отсутствие пресыщения» (*у и*) 57, 59, 64, 65, 97
— первый см. *Гун*
— пятый см. *Чжи*
— «распоряжения об убиении» (*и цзэ*) 57, 59, 64–66, 94
— «середина путешествия» (*чжун люй*) 58, 63, 66, 91
— «сто колоколов» 93
— «стиснутый колокол» (*цзя чжун*) 58, 63, 65, 66, 88
— третий см. *Цзюэ*
— четвертый см. *Юй*
— «южное путешествие» (*нань люй*) 57, 59, 64, 65, 96
Три светила 21
Трубки см. Музыкальные трубки
Тяж (тяжи, шнуры) 56, 57, 63, 77, 78
— восемь 23
— земные 51
— небесный 59
— четыре 21, 63
— Возвращение благодати 56, 57
— Поднятое копыто 56, 59
— Упершийся баран 56, 58
— Уходящий баран 56, 58
Тяньи (Небесное Единое) 55, 72

у, пятый знак десятеричного цикла 53, 60–62, 66, 70, 71, 74, 93
*у** см. Знаки двенадцатеричного цикла, седьмой
Угольник (символ Запада) 30, 53, 64, 106, 107, 113, 132, 200, 201
Уровень 136, 202, 205
Урожайная звезда (Суйсин, Юпитер) 53, 67, 68, 70, 71
Утиное гнездо (Мао), одно из 28 созвездий 53, 68, 70, 72
Утренняя заря 62
Утро 63

Фиолетовый дворец, созвездие 52, 53

хай см. Знаки двенадцатеричного цикла, двенадцатый
Хаос
— первоначальный 45
Хвост (Вэй), одно из 28 созвездий 52, 68, 70, 72, 87

Центр (Равновесное Небо) 21, 23, 52, 53, 55, 64, 93
— отвесов 56
— тяжей 56
цзи, шестой знак десятеричного цикла 53, 70, 71, 74, 93
цзы см. Знаки двенадцатеричного цикла, первый
Цзюэ, третий тон (звук) пятиступенного ряда 53, 65, 66, 82, 87–89, 110, 202
цзя, первый знак десятеричного цикла 53, 55, 60–62, 66, 67, 69–71, 73, 87–89
Ци см. Эфир
Цикл 53–55, 63, 67
— лунный 60
— солнечный 60
Циркуль (символ Востока) 30, 53, 64, 106, 107, 200
— и угольник 35, 42

Чет
— и нечет 79, 80
Четыре временны́х периода см. Времена года
Четыре сезона см. Времена года
Четыре стороны см. Стороны света
Четыре стража, созвездие 52
Четыре чжуна (угла) 53, 55, 59
Чжаояо, звезда 87–90, 92–100, 102
Чжи, пятый тон (звук) пятиступенного ряда 53, 65, 66, 82, 91, 92
Чжэнь (Сатурн) 53, 54
Число 65–67, 79, 80
чоу см. Знаки двенадцатеричного цикла, второй
Чэнь (Меркурий) 53, 54
чэнь см. Знаки двенадцатеричного цикла, пятый
Чэньвэй, звезда 109

Шан, второй тон (звук) пятиступенного ряда 52, 53, 65, 66, 82, 94, 96, 97
Шест в 8 чи длиной 56
Шесть мер 106; см. Отвес, Уровень, Циркуль, Весы, Угольник, Гири
Шесть палат (созвездий) 52, 55; см. Великое малое, Небесный въезд, Небесный пруд, Сюаньюань, Фиолетовый дворец, Четыре стража
Шесть пределов (сторон) 21, 25, 44, 75, 131
Шесть сочетаний см. Луна
Шесть сторон см. Шесть пределов
Шея (Ган), одно из 28 созвездий 52, 54, 68, 70, 72, 92
Шнур см. Тяж
шэнь см. Знаки двенадцатеричного цикла, девятый

Эфир 35, 37, 39, 77, 85, 86, 89, 95, 96, 118, 119, 243
— комет и Большой Медведицы 39
— са́мочной земли 86
— сильной земли 85
— слабой земли 86
— весенний 90
— гармоничный 129
— земной 131, 142
— кристально чистый 117
— мутный 117
— небесный 109, 142
— осенний 96
— разбойный 131
— человеческий 130
— э. с окраинных земель 85
— э. *ци* 194, 200
— э. *Ян* 58, 89, 96
и *Инь* 56, 57, 95, 112, 239, 240

ю см. Знаки двенадцатеричного цикла, десятый
Юг (Огненное небо) 53, 203; см. также Весы
Юго-восток (Светлое небо) 51, 53, 56, 59
Юго-запад (Красное небо) 53, 56
Южный полюс 56
Юй, четвертый тон (звук) пятиступенного ряда 53, 65, 66, 82, 99, 100, 102
Юпитер 75

Ян см. Эфир
Яогуан, седьмая звезда Большой Медведицы 133

ПЛЕМЕНА И НАРОДЫ, УПОМИНАЕМЫЕ В «ХУАЙНАНЬЦЗЫ»*

Восточные варвары (*дун и*) 70, 247
Дай 71, 70, 247
Ди, северные, северо-западные варвары 26, 70, 174, 196, 214, 218, 247
Жун, северо-западные варвары 71, 174, 193
Западные варвары (*си и*) 70, 193
Мо, северо-восточные племена 196
Сюнну, северные варвары 25, 113, 196
Ху, северные варвары 41, 71, 147, 190, 193, 195, 196
Цзячжи, царство 82, 143
Цян, западные варвары 195
Южные варвары (*нань и*) 70
Юэсцы (*нань юэ*) 41, 128 147, 190, 195

---

* Речь идет о племенах и народах окружавших Срединные земли собственно ханьцев и воспринимавшихся последними как «варвары» т е не-ханьцы

МЕРЫ, УПОМИНАЕМЫЕ В «ХУАЙНАНЬЦЗЫ»

Меры длины

12 кончиков остей колоса приравниваются по длине 1 злаковому зерну
12 зерен = 1 цунь
1 чи = 10 цунь
1 чжан = 10 чи
1 сюнь (двойная длина вытянутой руки, считая от середины груди) = 8 или 10 чи
1 пи = 4 чжана
1 тунь = 1 чжан 5 чи
9 тунь = 1 ли

Меры веса

12 кончиков остей колоса приравниваются по весу 1 злаковому зерну
12 зерен = 1 фэнь
12 фэнь = 1 чжу
24 чжу = 1 лян
16 лян = 1 цзинь
30 цзинь = 1 цзюнь
4 цзюнь = 1 ши (дань)

Меры площади

1 цин = 100 му (10 му — площадь среднего поля)

Меры объема для сыпучих тел

1 ши (дань) = 10 доу (ковшей) = 10 шэн (приблизительно 10 л)

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЗДНИЕ ДАОСЫ О ПРИРОДЕ, ОБЩЕСТВЕ И ИСКУССТВЕ [1]

Глава 1. УЧЕНИЕ О МИРЕ

Мир в представлении авторов «Хуайнаньцзы» есть нечто целостное, соединяющее в себе материальное и идеальное. Идеальное определяет его смысл, его внутренние законы. Материальное есть его плоть, материальное осуществление смысла, материализация внутренних законов. Материальное и идеальное зависимы друг от друга. В силу своего идеалистического в принципе воззрения на мир авторы «Хуайнаньцзы» считают всякое идеальное, внутреннее основой материального, внешнего. Поэтому в их онтологии материальное является порождением идеального. Как таковое идеальное выделяется в самостоятельную субстанцию, которая является причиной самой себя и существование которой ничем не обусловлено. Мир идеального – это мир абсолютного покоя, небытие; материальный мир – это движение, непрерывный процесс становления (по терминологии даосов – «изменения»). То, что сообщает всему движение, есть *Дао*, которое выступает как бы посредником между миром идеальным и миром материальным. *Дао* же движет себя само. Как идеальное было выделено в самостоятельно существующую субстанцию, так и самодвижение получило имя *дао*.

Поскольку способность к движению у древних соединялась с представлением об одушевленности и разумности, то *дао* и выступает в качестве всеобщей души и разума.

Однако в тексте мы не найдем столь определенного и последовательного изложения этой системы, поскольку авторы «Хуайнаньцзы» менее всего были озабочены такой задачей. И тем не менее эта система у них присутствует и может быть нами выделена из отдельных периодов, фраз, отступлений, философских «зачинов» глав. Это оказывается возможным и необходимым потому, что, как ни заняты авторы политическими проблемами, ради которых они и создают свою теорию, в условиях того времени она не может быть построена иначе чем на традиционном общефилософском фундаменте Вопрос заключается в том, вносят ли они какие-либо изменения в традиционное понимание вещей и каковы эти изменения. Анализ материала показывает, что эти изменения про-

[1] Главы из книги

изводились в целом на даосской основе. Они, однако, не затрагивали основ даосизма и выражались зачастую не столько в каком-то принципиальном дополнении, сколько в развитии уже известных положений или иной акцентировке. Превалирующей и наиболее четко выделяемой идеей являлась идея единого источника происхождения мира и единства руководящих им законов, а отсюда – и взаимосвязи явлений.

После этого краткого и очень общего вступления обратимся к текстам [2].

БЫТИЕ И НЕБЫТИЕ

«В то время, когда небо и земля еще не обрели формы, все было парение и брожение, струилось и текло. Назову это – Великий Свет. *Дао* возникло в пустоте и туманности. Пустота и туманность породили пространство и время (космос). Пространство и время породили эфир (*ци*). Эфир разделился: чистый и светлый взметнулся вверх и образовал небо, тяжелый и мутный сгустился и образовал землю. Чистое и тонкое легко соединяется, тяжелое и мутное трудно сгущается. Поэтому небо образовалось раньше, а земля установилась позже. Соединившиеся в одно частицы *цзин* неба и земли образовали *инь* и *ян*. Их (т.е. *инь* и *ян*) концентрированные частицы *цзин* образовали четыре времени года. Рассеянные частицы *цзин* четырех времен года образовали тьму вещей. Жаркий эфир скопившихся [масс] *ян* породил огонь, а из частиц *цзин* огненного эфира образовалось солнце. Холодный эфир скопившихся [масс] *инь* образовал воду, а из частиц *цзин* водяного эфира образовалась луна. Частицы *цзин*, истекшие от солнца и луны, образовали звезды и созвездия» (7, 35) [3].

---

[2] В ссылках на «Хуайнаньцзы», «Дао дэ цзин», «Лецзы», «Чжуанцзы» в круглых скобках первая цифра указывает на том, вторая – на страницу в издании «Собрание сочинений философов». Пекин, 1956. Цитаты из «Дао дэ цзин», «Лецзы», «Чжуанцзы» имеют также ссылку на страницу русского перевода (третья цифра): Древнекитайская философия. Дао дэ цзин. Пер. Ян Хин-шуна. М., 1972. Т. 1 (в тексте – Дао дэ цзин); Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы (VI–IV вв. до н.э.). Пер. Л. Д. Позднеевой. М., 1967 (в тексте – Лецзы, Чжуанцзы). В тех случаях, когда понимание автором терминов и понятий даосской философии расходится с пониманием их у русских переводчиков, цитаты приводятся по русским переводам со значительными изменениями, что в дальнейшем специально не оговаривается.

[3] Ср.: «Чистое и легкое поднимается и образует небо, мутное и тяжелое опускается и образует землю. Происшедший от их столкновения гармонический эфир образует человека Из хранимых небом и землей частиц *цзин* преобразованием рождается тьма вещей» (Лецзы 3, 2, 44); «Высшая степень *инь* – это жестокий холод, высшая степень *ян* – это иссушающая жара. Жестокий холод уходит в небо, иссушающая жара движется на землю. От их соития образуется гармония, и все вещи рождаются» (Чжуанцзы 3, 131, 241). Из всех этих цитат явствует, что *инь* и *ян*, четыре времени года, «гармония» (или гармонический эфир), частицы *цзин* – все рождены от воздуха, или эфира

Таков один из вариантов происхождения бытия. Отсюда ясно то, что не представляется сомнительным и по другим даосским текстам, и по другим фрагментам «Хуайнаньцзы»; космос рождается в пустоте. Но что такое пустота? Пустота не представлялась древним как нечто полностью не существующее. Она появляется из единого и нераздельного целого как первый необходимый шаг к раздельности. В самом деле, для того чтобы раздельность могла осуществиться, она должна быть отделена от другой раздельности промежутком (*цзянь*).

Этот промежуток и есть пустота. Пустота у даосов абсолютизирована и представлена как самостоятельно существующее ничто. Терминологически это понятие выражается словами *сюй у* – «пустота-ничто». Как отличающаяся от бытия она есть небытие (*у*).

Таким образом, космос родится в пустоте. Космос – это буквально «пространство и время» (*юй чжоу*). Из «Чжуанцзы» знаем, что пространство обладает сущностью (*ши*), а время – длительностью (*чан*).

«То, что обладает сущностью, но не помещением [для нее], – пространство. То, что обладает длительностью, но не имеет ни начала, ни конца, – время» (Чжуанцзы 3, 151, 258). Но что такое сущность, которая нигде не помещается, или время, которое «не имеет ни начала, ни конца» (букв. «ни корня, ни верхушки»)? Это беспредельные время и пространство. Однако пространство и время уже и здесь обладают свойствами – «сущностью» и «длительностью». Таким образом, они в одно и то же время в отношении бытия есть небытие (поскольку ничем не ограничены, не имеют материальной формы), но в отношении абсолютной идеальности есть уже бытие (поскольку обладают свойствами). В этой среде рождается воздух, или эфир (*ци*), как сущее, обладающее многими свойствами.

Весь остальной процесс происходит материальным путем. Все, начиная с неба и земли и кончая тьмой вещей, образуется в результате того, что массы воздуха или его частицы вздымаются или опускаются, соединяются или рассеиваются в зависимости от его свойств (легкий или тяжелый, чистый или мутный, холодный или горячий). Однако при этом нельзя забывать, что рождению космоса как первой пространственно-временной раздельности предшествует появление *дао*.

Другой фрагмент из «Хуайнаньцзы» делает более ясными признаки, отличающие бытие от пустоты-небытия. Здесь внимание сосредоточено на рождении тьмы вещей. Космос как таковой оставлен за границами описания. Отсчет ведется от момента образования неба и земли. Воздушные потоки неба и земли устремляются навстречу друг

другу, приходят в соприкосновение, и все как бы замирает перед первым вздохом: «Так называемое начало. Всеобщее затаенное возбуждение еще не прорвалось. Как обещание почки, как отрастающие после порубки ростки. Еще нет каких-либо форм и границ. Только шорох абсолютного небытия. Все полно желанием жизни, но еще не определились роды вещей... Было бытие. Тьма вещей во множестве пустила корневища и корни, образовались ветви и листья, зеленый лук и подземные грибы. Сочная трава ярко заблестела, насекомые встрепенулись, черви зашевелились, все задвигалось и задышало. И это уже можно было подержать в руке и измерить» (7, 19).

Минуя «беллетристическую» сторону, обратим внимание на характеристику двух основных признаков бытия: наличия форм («И это уже можно было подержать в руке и измерить») и движения («Тьма вещей во множестве пустила корневища и корни... насекомые встрепенулись, черви зашевелились, все задвигалось и задышало»).

Продолжение этого же фрагмента содержит характеристику небытия-пустоты как мира нечувственного по контрасту с только что приведенной характеристикой бытия: «Было небытие. Смотришь – не видишь его формы; слушаешь – не слышишь его голоса; трогаешь – не можешь его схватить; смотришь вдаль – не видишь его предела. Свободно течет и переливается как в плавильном котле. Бескрайне, безбрежно. Нельзя ни измерить его, ни рассчитать» (там же).

Таким образом, бытие есть мир форм, мир чувственно воспринимаемых вещей, а небытие-пустота есть бесформенное существование, не подвластное чувствам.

Но до сих пор речь шла о происхождении бытия, из чего могло создаться впечатление, что небытие только рождает бытие, а затем уже не имеет к нему отношения. Однако это не так. Между бытием и небытием происходит постоянное движение: «Из небытия (вещи. – *Л. П.*) вступают в бытие и из бытия – в небытие...» (7, 11); «Из небытия вступаем в бытие, из бытия – в небытие. Начало и конец не имеют грани» (7, 109). Бытие понимается как жизнь, а небытие как смерть. Жизнь – это пребывание в определенной форме, а смерть – распадение этой формы и возвращение в бесформенное: «При жизни я принадлежу к роду обладающих формой, по смерти я исчезаю в бесформенном» (7, 102). Жизнь и смерть толкуются как «превращения» (*хуа*), которые следуют одно за другим непрерывной чередой: «Тьма превращений, сотни изменений вольно текут, ни на чем не задерживаясь» (7, 13), т.е. мир представляет сплошную текучесть, ни на миг не останавливается его движение. Но движение это особого свойства. Это движение по кругу: начало в конец, конец в начало («Начало и конец подобны кольцу». – 7, 105); жизнь – смерть –

жизнь; бытие – небытие – бытие. Все есть только постоянная смена форм. То, что умирает в этой форме, в следующий миг возрождается в другой. Всякая вещь, таким образом, в какой бы момент ее ни взять, стоит между бытием и небытием (как ничто). Поэтому часто говорится, что жизнь и смерть имеют одно тело (7, 109, ср. в «Чжуанцзы»: «Я дружен с тем, кто знает о единстве бытия и небытия, жизни и смерти» (3, 151, 258); «Мы подружились бы с тем, кто способен считать небытие головой, жизнь – хребтом, а смерть – хвостом» (3, 42, 165)). Отсюда же представление, что все родится из ничего, бытие из небытия: «Бесформенное, а рождает имеющее форму; беззвучное, а поет пятью голосами; безвкусное, а образует пять [оттенков] вкуса; бесцветное, а создает пять цветов. Так бытие рождается в небытии, сущее берет начало в пустоте» (7, 11) [4].

В связи с представлением о небытии как порождающем начале авторы «Хуайнаньцзы» выделяют некую особо существующую субстанцию, стоящую и над бытием, и над небытием-пустотой. Помимо того небытия, в которое вещи уходят по смерти и из которого они вновь появляются, обретая форму, в текстах явно выступает и некое более высокое небытие. Оно носит разнообразные имена – хаоса, бесформенного, Единого, Великого Единого. В форме хаоса оно в «Хуайнаньцзы» выступает в функции бытия формально – это наипервейшее состояние мира: «В то время, когда небо и земля еще не обрели формы, все было парение и брожение, струилось и текло...» (7, 35); «В древности, когда не было еще неба и земли, были только образы, не было форм. Темнота, мрак... неразличимый хаос» (7, 99); «Небо и земля пребывают в хаотическом единстве, в хаотическом смешении образуют основу. Еще не образовались и не сформировались вещи. Назову это Великим Единым» (7, 235). Ничего более определенного специально о хаосе мы в «Хуайнаньцзы» не найдем. Однако в «Лецзы» и «Чжуанцзы» есть нечто, разъясняющее этот предмет. В «Лецзы» говорится: «Существует первонепостоянство, существует первоначало, существует первообразование, существует первоэлемент. При первонепостоянстве еще нет воздуха, первоначало – начало воздуха, первообразование – начало форм, первоэлемент – начало свойств [вещей]. Все вместе – воздух, форма, свойства – еще не отделились друг от друга. Поэтому и называются хаосом. Хаос – смешение тьмы вещей, еще не отделившихся друг от друга» (3, 2, 44). Здесь довольно ясно выделяются два основных мо-

[4] Ср. высказывание на этот счет Демокрита: «...из несуществующего не может быть возникновения . ни цвет не может возникнуть из бесцветного, ни природа или душа из не имеющего качеств и не поддающегося внешнему воздействию» (цит по: *Лурье С. Я.* Демокрит Л., 1970. С. 218)

мента: состояние, когда еще нет и самой первоматерии, воздуха, – это так называемое «первонепостоянство»; и «начало» первоматерии – «первоначало». Кроме этого важно, что все стадии, начиная с «первоначала», характеризуются как «начала» – начало воздуха, начало форм, начало свойств. Но это «начало» ни в коем случае не означает еще рождения воздуха, форм и их свойств в их отделенности друг от друга. Наоборот, подчеркнуто, что «воздух, формы, свойства еще не отделились друг от друга. Поэтому и называются хаосом». Что же дает основание квалифицировать это как «начало»? По-видимому, «началом» называется наметившееся разделение. В «Чжуанцзы» этот момент прояснен: «В первоначале было небытие, не было бытия, не было имен. С возникновением одного стало одно, но еще не было форм... То, что не имело еще форм, уже имело разделение, но не имело промежутка. Назову это судьбой» (3, 73, 191). Таким образом, в «Чжуанцзы» уже определенно говорится о разделении как о потенциальной возможности, еще не реализованной здесь («не было промежутка»), и называется это разделение «судьбой». Следовательно, хаос есть такое единство, в котором уже заложена идея вещей, их смысл и назначение (ср. «судьба») [5].

Это небытие выступает, как сказано было выше, и в качестве бесформенного и Единого: «То, что называю бесформенным, есть название Единого. То, что называю Единым, не имеет пары в Поднебесной. Подобный утесу, одиноко стоит; подобный глыбе, одиноко высится. Вверху пронизывает девять небес, внизу проходит через девять полей. Его окружность не выписать циркулем, его стороны не описать угольником. В великом хаосе образует одно. У него есть листья, но нет корня. В нем покоится Вселенная. Оно для *дао* служит заставой» (7, 11).

В связи с вышесказанным прежде всего следует обратить внимание на выражение: «У него есть листья, но нет корня», т.е. оно само по себе, ни из чего не происходит и ничем не питается («нет корня»), хотя и имеет нечто от себя производное («есть листья»). «В нем покоится Вселенная» – эта фраза сталкивает нас с представлением о положении Вселенной относительно этого Единого, оно буквально «держит ее за пазухой» или в груди, т.е. окружает ее. «Не имеет пары в Поднебесной», «одиноко стоит», «одиноко высится» – все это говорит о его способности. «Его окружность не выписать циркулем, его стороны не описать угольником», т.е. оно неизмеримо. Заметим здесь попутно, что это небытие является «заставой» для *дао*, через которую *дао* как-то сообщается с небытием, хотя, как увидим позже, деятельность *дао* развертывается только во Вселенной.

---

[5] Ср такое выражение «Хуайнаньцзы». «То, что можно подержать в руке, выводит свой род из-за грани Великого предела» (7, 91).

Идея особности небытия, его абсолютности находит выражение и в таком фрагменте из «Хуайнаньцзы»: «Свет решил вступить в небытие и отступил, растерявшись. И сказал: «Я могу быть и не быть, но не могу абсолютно не быть»» (7, 20) или в другом варианте: «Свет спросил у Небытия: «Ты действительно существуешь? Или ты на самом деле не существуешь?» Небытие не отвечало. Не получив ответа, Свет стал всматриваться в его облик: темное, неразличимое, смотришь – не видишь его формы, слушаешь – не слышишь его голоса. Хочешь схватить – не можешь, вглядываешься в даль его – не видно края. И Свет сказал: «Великолепно! Кто бы мог достигнуть этого! Я могу быть и не быть, но не могу абсолютно не быть»» (7, 206) [6]. Для понимания этого фрагмента надо учитывать, что Свет принадлежит не к миру форм, а к миру образов (*сян*): «...бесформенное – великий предок вещей... Его сын – Свет, его внук – вода, оба они родились от бесформенного. Свет можно видеть, но нельзя зажать в ладони, воде можно следовать, но нельзя ее уничтожить» (7, 10–11). Благодаря тому что Свет видим, он как бы принадлежит бытию, но отсутствие у него других характерных для мира форм свойств – вкуса, запаха, четких очертаний и пр. – делает его только «образом», причастным и к небытию. Светом, кроме того, наполнена пустота-ничто (7, 19). Таким образом, когда Свет говорит, что он может «быть и не быть» в одно и то же время, но не может «абсолютно не быть», это значит, что выделено некое иное небытие, которое недоступно даже для небытия как пустоты и ничто.

Мы не беремся здесь с большой определенностью говорить о гранях между бытием и небытием (как двух противоположностях диалектического единства) и о небытии как самостоятельной субстанции, стоящей над бытием и небытием (как единством). Это компетенция специалистов-философов. В нашу задачу входит только указать на то, что филологический анализ текста показывает существование явственного различия этих граней в тексте, и притом именно в такой соподчиненности.

ДАО

Эта тема вновь возвращает нас к истокам происхождения Вселенной. Мы установили, что все, начиная с неба и земли и кончая тьмой вещей, образуется в результате движения воздуха, или эфира (см. с. 36). Тогда же мы отметили, что не следует забывать, что этому движению воздуха предшествовало появление в пустоте *дао* (7, 35). Теперь обратим внимание на следующее высказывание «Хуайнаньцзы»: «Не *инь-ян*, не четыре

[6] См то же в «Чжуанцзы» (3, 143, 251).

времени года рождают вещи. Не дождь и росы, не сезонные осадки взращивают травы и деревья. Вещи рождаются благодаря слиянию с божественным разумом, благодаря гармонии *инь* и *ян*» (7, 349). «Древесный материал (пригодный для выделки. – *Л. П.*) – это еще не лес; лес – это еще не дождь (благодаря которому вырос лес. – *Л. П.*); дождь – это еще не *инь* и *ян* (от столкновения которых образуется дождь. – *Л. П.*); *инь* и *ян* – это еще не гармония [7], а гармония – это еще не *дао*» (7, 190–191). Таким образом, в этих высказываниях подчеркивается, что для рождения вещей необходима не только материальная основа (воздух того или иного качества), но и нечто идеальное (божественный разум, гармония, *дао*).

«*Дао* выходит из одного источника, проходит девять врат, расходится по шести дорогам, устанавливается в не имеющем границ пространстве. Оно безмолвно благодаря пустоте и небытию» (7, 23). Небытие является телом *дао*, «...что является телом *дао*?»... «Телом ему служит небытие» [8] (7, 271). Обращает на себя внимание выражение «выходит из одного источника». Этот «один источник» есть Единое, которое, как говорит другой фрагмент, «для *дао* служит заставой» (7, 11). В другом месте памятника говорится, что *дао* «является образом Великого Единого» (7, 369) [9]. *Дао* получает от Великого Единого частицы *цзин*, т.е. наимельчайшие частицы воздуха – первоматерии, которые, как увидим ниже, обладают способностью одухотворять: «Частицы *цзин* Великого Единого проникают в небесное *дао*» (7, 127). Таким образом, *дао* непосредственно связано с тем высшим небытием, которое является синонимом Великого Единого.

Но одновременно с этим говорится, что *дао* «проходит девять врат, расходится по шести дорогам, устанавливается в не имеющем границ пространстве». Иными словами, оно устанавливается в космическом пространстве, потому что «девять врат» и «шесть дорог» – это стороны и полустороны

---

[7] О значении термина «гармония» (*хэ*) см. ниже, с. 78–80.

[8] Поскольку небытие есть «тело» *дао*, постольку небытие и *дао* имеют часто одни и те же описательные характеристики. Ср., например, такую характеристику *дао*: «Нет предела высоте *дао*, нет предела и глубине его .. Обнимает собою пространство и время (космос) и не имеет ни внешней стороны, ни внутренней. Хаотичное, все покрывает и поддерживает, само не имея опоры» (7, 153) – с характеристикой небытия: «Вверху пронизывает девять небес, внизу проходит через девять полей. Его окружность не выписать циркулем, его стороны не описать угольником. В великом хаосе образует одно У него есть листья, но нет корня» (7, 11). В «Хуайнаньцзы» говорится о *дао* как о «бесформенном» (7, 247), «не имеющем четких границ» (7, 253), творящем вещи, но «вещью не являющемся» (там же).

[9] Лаоцзы также называет *дао* «образом» – «великим образом» (Дао дэ цзин 3, 20, 125), «формой без форм, образом без существа (без плоти – *Л. П.*)» (там же, 3, 7–8, 118). Эта характеристика знаменательна, поскольку образ, по «Хуайнаньцзы», есть промежуточное состояние между небытием и бытием (7, 99) К образам относятся также свет и вода (7, 11)

света, зенит и надир, безграничное, но ориентированное по странам света пространство. Таким образом, *дао*, выйдя из Великого Единого, устанавливается в этом пространстве.

Как всякое идеальное, *дао* в «Хуайнаньцзы» имеет порождающую функцию. Если Великое Единое, также обладающее этой функцией, только в основных чертах предопределяет будущие раздельности (воздух, формы, свойства), то *дао*, наоборот, самым детальным и исчерпывающим образом содержит в себе потенциально все возможные свойства всех когда-либо бывших и будущих раздельностей. «То *дао*, о котором я знаю, может быть слабым, может быть сильным, может быть мягким, может быть твердым, может быть холодным (*инь*), может быть теплым (*ян*), может быть темным, может быть ясным» (7, 189). Оно в этом смысле представляет собой единство всех возможных противоположностей. Но суть дела заключается еще и в том, что *дао*, будучи по происхождению своему связанным с небытием, в то же самое время связано и с бытием, являясь как бы посредником между ними. Функционально это выражается в том, что *дао* не только содержит в себе в потенции все возможные свойства вещей, но и обладает способностью эту потенцию реализовать. Поэтому о *дао* говорится, что оно «рождает тьму вещей» (7, 2), «делает вещи вещами» (7, 253), «*дао*... одно устанавливается, и тьма вещей родится» (7, 12). Лаоцзы называет *дао* «матерью» Поднебесной (Дао дэ цзин 3, 14, 122).

Дао участвует в творении природы как сила, сообщающая всему движение: «*Дао* покрывает небо, поддерживает землю, развертывает четыре стороны света, раскрывает восемь пределов. Высоко беспредельно, глубоко безмерно, обнимает небо и землю, сообщается с бесформенным. Бежит источником, бьет ключом. Пустое, постепенно наполняется. Клокочет и бурлит. Мутное, постепенно очищается. Встанет между небом и землей и наполнит все пространство; ляжет между четырьмя морями и заполнит всю ширь. Раздает и не иссякает. Нет для него ни утра, ни вечера. Растянутое – покрывает шесть сторон, свернутое – не заполнит и ладони. Сжатое – способно расправляться, темное – способно быть светлым, слабое – способно быть сильным, мягкое – способно быть твердым. Натягивает четыре шнура, таит во рту *инь-ян*. Связует пространство и время, сообщает свет трем светилам. Предельно разжиженное, оно как кашица; предельно тонкое, оно едва уловимо. Горы благодаря ему высоки, пучины благодаря ему глубоки, звери благодаря ему бегают, птицы благодаря ему летают, солнце и луна благодаря ему светят, звездный хоровод благодаря ему движется, линь благодаря ему бродит, феникс благодаря ему парит» (7, 1).

Весь видимый мир оказывается в сфере действия *дао*, небо и земля (Вселенная); четыре стороны света и четыре полусто-

роны («восемь пределов»); пространство меж четырех морей, т.е. Поднебесная; три рода светил – солнце, луна и звезды; горы и пучины, звери и птицы; даже священные благовещие животные линь и феникс. В этом описании коротко дана вся картина мира, как она стояла перед глазами древнего китайца. И все это – царство *дао*.

Насколько замкнуто в себе Великое Единое, настолько *дао* обращено в этот мир: «Раздает и не иссякает. Нет для него ни утра, ни вечера», т.е. оно неисчерпаемо и вечно молодо, как фонтанирующий источник, с которым оно и сравнивается в первых строках.

Ничто не происходит без его участия, все развертывается, раскрывается, уходит в глубину или в высоту, светит или свершает кругооборот, бегает и летает благодаря участию *дао*. Иными словами, оно здесь выступает как вечный источник движения. *Дао*, таким образом, сообщает всему движение, но его собственное движение не обусловлено ничем (см. сравнение его с самопроизвольно истекающим родником) [10].

Дао, кроме того, выступает как все живящая душа и как все упорядочивающий ум. Первая его функция связана с «благом» (*дэ*), вторая – с «божественным разумом» (*шэнь мин*).

Надо заметить, что в более ранних даосских памятниках нет столь определенного членения: *дао* и благо часто выступают на одном уровне, во всяком случае их функции часто смешиваются. Так, например, в «Дао дэ цзин», при том что говорится «*дао* рождает вещи, *дэ* вскармливает их» (Дао дэ цзин 3, 31, 129), может быть сказано, что *дао* «делает и пестует тьму вещей» (там же, 3, 20, 125), т.е. выполняет функцию блага. Упорядочивающая сила *дао*, выраженная в «Хуайнаньцзы» через «божественный разум», в «Дао дэ цзин» отнесена просто к *дао*, а о разуме его нет пока еще и речи (ср.: «*Дао* неизменно и не имеет имени... когда хоу и ваны умеют хранить его, тьма вещей сама будет им служить, небо и земля сольются в одно, чтобы пролить сладкую росу, народ и без приказов успокоится». – 3, 18–19, 124).

В «Чжуанцзы» уже есть сам термин «божественный разум», но из семи случаев его употребления четыре встречаются в тридцать третьей главе, которая считается поздней, и только три – во второй, тринадцатой и двадцать второй. Значение его при этом просвечивает только в одном случае: «Небо почитаемо, земля презираема – таков порядок, установленный божественным разумом; весна и лето сначала, а за ними осень и зима – в этом порядок четырех времен года; тьма вещей рождается преобразованием, прорастает, обретает форму и погибает, пройдя расцвет и увядание, – в том ход изме-

[10] Ср. также выражение Лаоцзы «Человек следует земле, земля следует небу, небо следует *дао*, а *дао* следует естественности» (Дао дэ цзин 3, 14, 122)

нений. Если уж небо и земля при всей своей разумности имеют порядок, при котором есть почитаемые и презираемые, первые и последние, то что уж говорить о человеческом *дао*» (Чжуанцзы 3, 83, 199). *Дао* и благо в «Чжуанцзы» так же, как у Лаоцзы, могут выступать как понятия равные. Все это не значит, что в «Хуайнаньцзы» вовсе нет подобной смешанности, но в нем более определенно говорится о «божественном разуме» как разуме *дао*, а о благе – как животворящей силе *дао*.

Так, в «Хуайнаньцзы» говорится в применении к *дао* «его» разум и «его» благо (7, 2). Одновременно с этим разум *дао* понимается как разум природы, проявляющийся в ее упорядоченности. Мало того, разум природы концентрируется в небе, в то время как жизнетворная сила природы – в земле [11]. Поэтому небо может выступать как синоним *дао* в его упорядочивающей функции. Сравним два фрагмента из «Хуайнаньцзы». «Небо устанавливает солнце и луну, располагает в порядке звезды и созвездия, приводит в согласие *инь* и *ян*, развертывает [во времени] четыре времени года. День устанавливает, чтобы двигаться, ночь – чтобы отдыхать, ветер – чтобы высушивать, дождь и росу – чтобы увлажнять. Оно рождает вещи так, что нигде не видно того, кто питает их, а они растут. Оно убивает вещи так, что нигде не видно того, что губит их, а они исчезают. Это и называется божественным разумом» (7, 347). Здесь определенно говорится, что порядок движения солнца, луны и звезд, чередования сезонов, смены дня и ночи, прихода ветров и выпадения осадков определяется небом, и это называется «божественным разумом».

Теперь рассмотрим второй фрагмент. «В центре солнца живет колченогий ворон, в центре луны живет жаба. Солнце и луна, будучи заглатываемы ими, теряют свой ход, утрачивают свет. Ветры и дожди, приходя не в свое время, ломают [порядок], рождают стихийные бедствия. Когда пять планет утрачивают свой ход, все страны страдают от несчастий. Отсюда следует, что *дао* неба и земли при всем своем величии как бы экономит свой свет, щадит свой божественный разум» (7, 100).

Здесь столь же определенно говорится, что нарушения в порядке кругооборота в природе происходят оттого, что *дао* «щадит свой божественный разум», дает ему как бы отдых, ослабляет его «свет» [12]. Эта цепочка (*дао* – природа – небо) ста-

---

[11] Ср., например, такое выражение: «Человеческая душа – это принадлежность неба, человеческое тело – принадлежность земли» (7, 99)

[12] Кстати, это допущение возможности нарушения порядка и его мотивировка показывают, что авторы «Хуайнаньцзы» отдавали себе отчет в том, что не все в природе свершается по законам необходимости, что момент случайности также может присутствовать В данном случае они пытаются его объяснить мифологически, но, возможно, имеет смысл проследить эту мысль и внутри их философской концепции

новится понятна и логически оправдана, если мы вспомним, что *дао* – это душа природы, то, чем природа живет и управляется, а небо – это концентрация всего духовного как противоположности телесного (земля). Отсюда – при художественном мышлении древнего философа – понятно перенесение имени с части на целое и обратно, т.е. известная метафоричность языка.

«Его (*дао. – Л. П.*) благо приводит в согласие небо и землю, в гармонию *инь* и *ян*, сочленяет четыре времени года, согласует пять первоэлементов. Оберегает и пестует, и тьма вещей во множестве рождается. Оно напаивает деревья и травы, напитывает металлы и камни. Вырастают большими птицы и звери, умащивается их подшерсток и шерсть, крепнут перья и крылья, у оленей отрастают рога. У зверей нет выкидышей, у птиц – яиц-болтунов, отцы не знают печали утраты сына, старшие братья не плачут по младшим, дети не остаются сиротами, жены – вдовами. Радуга не показывается, зловещие небесные знамения не являются. Это достигается тем, что во всем содержится благо» (7, 2).

Таким образом, благо есть некая сила, которая обеспечивает всему жизнь и нормальное, здоровое развитие. Причем нужно обратить внимание на то, что жизнь понимается не как нечто относящееся только к субъекту, а более широко. Во всем этом фрагменте подчеркивается нормальное течение жизни – она не пресекается под покровительством блага *дао* насильственно: «Дети не остаются сиротами, жены – вдовами». Но, по представлениям авторов «Хуайнаньцзы», благо состоит не в том, чтобы жизнь какого бы то ни было отдельного организма продолжалась бесконечно, а в том, чтобы правильно свершался кругооборот жизни всего большого организма – Вселенной, где жизнь и смерть отдельных видов – нормальное явление. Поэтому и говорится: «Те, что бегают и дышат, летают и пресмыкаются, наступает время – и рождаются, но не из-за его благоволения; наступает время – и умирают, но не из-за его вражды» (там же). Отсюда понятно, что благо в онтологическом смысле никак не может отождествляться с этическим понятием «добродетель», понятием, которое в основе своей имеет не объективную закономерность мира и природы, а субъективную волю. Ни у природы, ни у *дао* как души природы, ни у неба, по представлениям авторов «Хуайнаньцзы», не было той функции наказующей власти, которая у Конфуция и его последователей соединялась с понятием неба как «небесной воли» и, таким образом, сообщала небу характер некоего высшего существа, надзирающего за делами людей и опускающего свой карающий меч на того, кто нарушил его «волю». Поэтому в «Хуайнаньцзы» подчеркивается, что «дела Поднебесной не нуждаются в управлении – они идут, следуя своей естественности» (7, 3). Естественность же заключается в нормальном чередовании начала

и конца, жизни и смерти, в «порядке», заведенном природой – *дао* – небом: «Небо достигает своей высоты, земля достигает своей толщины, луна освещает свою ночь, солнце освещает свой день, *инь* и *ян* превращаются, в порядке располагаются звезды» (7, 348–349); «В тьме вещей, в сотнях родов все от корня до верхушки подчинено порядку» (7, 254).

Во времена далеких предков, умевших не нарушать порядка природы, «сладкие дожди выпадали вовремя, пять злаков густо взрастали. Весна порождала, лето растило, осень приносила урожай, зима прятала...» (7, 128); «Тогда солнце и луна были кристально ясны, звезды и созвездия не сбивались в движении, ветры и дожди приходили вовремя, злаки вызревали, тигры и волки зря не кусались, хищные птицы зря не нападали. Фениксы спускались на подворье, единороги бродили в предместьях, сине-зеленого дракона впрягали в упряжку, *фэйхуан* мирно склонялся над кормушкой...» (7, 94 – 95) [13].

Таким образом, природа предстает в «Хуайнаньцзы» как некое целесообразное целое, руководимое своей душой, *дао,* соединяющей в себе функции разума и блага, т.е. целенаправляющего и животворящего начал. В руках *дао* объединены бразды правления, и недаром человек, обретший единство с *дао*, уподоблен возничему колесницы, объезжающему как хозяин свои обширные владения:

«Великий муж спокойно бездумен, покойно беззаботен. Небо служит ему балдахином, земля – основанием колесницы, четыре времени года – конями, *инь-ян* – возничим. Оседлав облако, поднявшись над туманами, следует творящему изменения. Ослабив волю, расправив суставы, в стремительном движении несется через пространство. Где можно шагом – там шагом, где вскачь – там вскачь. Повелевает богу дождя (Юйши) оросить дороги, посылает бога ветра (Фэнбо) смести пыль. Молния служит ему плеткой, гром – колесами колесницы. Поднимается вверх и странствует в занебесном пространстве. Спускается вниз и выходит из ворот безграничного. Внимательно все осматривает и обозревает, возвращая всему полноту. Приводит в порядок все четыре предела и возвращается в центр. Так как небо для него балдахин, то нет ничего, что бы он не покрывал. Так как земля для него – основание колесницы, то нет ничего, что бы он не поддерживал. Так как четыре времени года его кони, то нет ничего, что не смогло бы ему служить. Так как *инь-ян* его возничий, то нет ничего, что было бы не предусмотрено. Стремителен, но недвижен, мчится далеко, а не ведает усталости. Четыре конечности неподвижны, слух и зрение не истощаются. Откуда же знает он границы восьми пределов и девяти сторон света? В руках у него рукоять *дао*, и потому он способен странствовать в беспредельном» (7, 3).

---

[13] Феникс, единорог, сине-зеленый дракон, фэйхуан – сказочные благовещие птицы и животные

Глава 2. УЧЕНИЕ О ЗНАНИИ

Прежде чем приступить к изложению этого учения по текстам, необходимо сделать несколько замечаний, касающихся особенностей трактовки этой темы в древнефилософских памятниках вообще и в частности в «Хуайнаньцзы». И здесь мы опять-таки предпочитаем сослаться на опыт античников. Речь и в данном случае пойдет о Платоне. «Вопрос о знании, – пишет В. Ф. Асмус, – отнюдь не ставится у Платона ни как отдельная, изолированная, ни тем более как основная проблема философии. Основополагающее значение гносеологическая проблема получила только начиная с XVII в. и только в некоторых направлениях и учениях философии. Конечно, и у Платона имеются исследования и рассуждения... посвященные вопросу о знании и его видах. Однако учение Платона о познании неотделимо от его учения о бытии, от его психологии, от его учения о человеке (антропологии), от его учения о мире (космологии), от его диалектики» [14]. В. Ф. Асмус, таким образом, подчеркивает исторически обусловленную особенность постановки гносеологической проблемы у Платона как представителя древней эпохи. Эпоха древности, эпоха синкретизма, совершенно исключала выделение одной какой-либо проблемы в отдельное учение.

В. Ф. Асмус приводит это разъяснение, полемизируя с учеными, склонными преувеличивать значение платоновской гносеологии. Мы же считаем необходимым подчеркнуть этот характер древнего мировоззрения в связи с прямо противоположным явлением – с недооценкой некоторыми учеными значения древнекитайской гносеологии. Не находя «чистой» теории знания и «соответствующих терминов», эти ученые делают выводы, что «китайские мыслители уделяли мало внимания теории познания» [15]. Гносеологические проблемы оказываются в древнекитайских, в частности в даосских, памятниках так тесно переплетены с другими, что с трудом выделяются из общего комплекса – и в этом сложность их исследования. Но в этом синкретизме – особенность древней эпохи и ее мировоззрения.

«Хуайнаньцзы» не является исключением, и потому, начиная изложение учения о знании «Хуайнаньцзы», мы должны быть готовы к тому, что нам снова и снова придется возвращаться к понятиям, связанным с учением о бытии, что внутри этого раздела мы должны будем касаться и учения о человеке, о природе, о вещах и формах, и не только касаться, но и специально на них останавливаться.

---

[14] *Асмус В. Ф.* Платон. М., 1969. С. 61.
[15] Там же. С. 24.

КОСМОС И ЧЕЛОВЕК

По представлениям авторов «Хуайнаньцзы», весь мир, Вселенная и космос, со всем тем, что в нем обитает, т.е., выражаясь словами памятника, со всей «тьмой вещей», есть некое единство, имеющее одно происхождение и одну материальную основу: «То, что покрывается небом, что поддерживается землей, обнимается шестью сторонами света, что живет дыханием *инь* и *ян,* что увлажняется дождем и росой, что опирается на *дао* и благо, – все это рождено от одного отца и одной матери, вскормлено одной гармонией (*хэ*)» [16] (7, 24). Кроме того, все обладает целостностью единого организма: «Небо и земля (Вселенная), пространство и время (космос) живут как одно человеческое тело. В пределах шести сторон [17] все управляется как в одном человеке» (7, 115). По мнению авторов «Хуайнаньцзы», существует аналогия между телом человека и «телом» космоса: «Голова круглая по образу неба, ступня квадратная по образу земли. Природа обладает четырьмя временами года [18], пятью первоэлементами [19], девятью разделениями [20], тремястами шестьюдесятью шестью днями. Человек также обладает четырьмя конечностями, пятью внутренними органами, девятью отверстиями, тремястами шестьюдесятью шестью сочленениями. В природе есть ветер, дождь, холод и жар. В человеке есть также свойства брать и отдавать, радоваться и гневаться. Из желчного пузыря образуются облака, из легких – воздух, из печени – ветер, из почек – дождь, из селезенки – гром... а сердце – хозяин всем. Поэтому уши и глаза – это солнце и луна, кровь и эфир – это ветер и дождь» (7, 100).

Таким образом, вся Вселенная мыслится как живое тело. Как живое тело она обладает душой (*дао*), проявляющей себя как разум (божественный разум – *шэньмин*) и благо (*дэ*). Точно так же и человек обладает душой, проявляющей себя как разум и жизненная сила. Уже идея единства космоса и человека дает возможность предполагать, что душа космоса будет поставлена в прямую связь с душой человека.

Отправным моментом в трактовке этой темы служит представление об эфире (или воздухе) как первичной осно-

---

[16] О гармонии см с 78–80

[17] Шесть сторон – четыре стороны света, зенит и надир

[18] «Четыре времени года» понимаются везде как эфир, свойства которого определяются каждым из сезонов

[19] Пять первоэлементов в китайской натурфилософии – вода, земля, огонь, металл, дерево

[20] Девять разделений – восемь сторон и полусторон света и центр

ве всего существующего. Эфир наполняет небо и землю, эфир же наполняет и человеческое тело. Движение эфира во Вселенной делает ее живой, движение эфира в человеческом теле – также признак его жизни. Вся Вселенная представляет собой живой организм, и человек является неотъемлемой частью этого организма, живущей одним дыханием со всей Вселенной. Но эфир этот не однороден. В нем содержатся так называемые частицы *цзин.* Частицы *цзин* представляют собой как бы квинтэссенцию эфира, его мельчайшую и чистейшую сущность. Частицы *цзин* играют в даосском учении чрезвычайно важную роль. В природе из них состоят солнце, луна и звезды, гром и молния, ветер и дождь (7, 120). В человеке они сосредоточены в «пяти внутренних органах» – легких, почках, желчном пузыре, печени и сердце (7, 100). Но «пять внутренних органов» связаны с органами чувств – глазами, ушами, ртом, носом: «легкие господствуют над глазами, почки – над носом, желчный пузырь – надо ртом, печень – над ушами» (там же). Частицы *цзин,* проникая через посредство «пяти внутренних органов» в глаза, уши, рот и т.д., сообщают им способность восприятия, способность ощущения: «Частицы *цзин* проникают в глаза, и глаза становятся зоркими; в уши – и уши становятся чуткими; задерживаются во рту – и речи становятся должными; собираются в сердце – и мысль становится проницательной» (7, 121).

Но и частицы *цзин,* сколь они ни малы, ни тонки, ни чисты, могут достигать крайней степени этой малости, тонкости, чистоты. И тогда они становятся частицами нового качества – частицами *шэнь* (7, 129), из которых состоит душа как космоса, так и человека. Душа космоса – это *дао,* посредствующее между миром абсолютного небытия, небытия-пустоты и бытия, а душа человека – это «сокровище» его сердца (7, 103).

Таким образом, получается иерархия: эфир *ци,* частицы *цзин* и частицы *шэнь.* Эфир *ци* разлит по всему «телу» Вселенной; частицы *цзин* сконцентрированы в солнце, луне и звездах, в громе и молнии, ветре и дожде; частицы *шэнь* – в «сердце» Вселенной – *дао.* В человеке эфир *ци* разлит в теле, частицы *цзин* – в «пяти внутренних органах», частицы *шэнь* составляют «сокровище сердца». Соответственно этой иерархии и человеческое знание распределяется по уровням: наравне со всей природой; наравне с солнцем, луной и звездами как источниками света; и, наконец, наравне с *дао.*

Теперь посмотрим, каково то знание, которое соответствует этим уровням.

ВИДЫ ЗНАНИЯ

По представлениям авторов «Хуайнаньцзы», всякая вещь во Вселенной способна самоопределяться благодаря присущей ей «природе» (*син*): «Приходят весенние ветры, и падает благодатный дождь. Оживает и начинает расти тьма вещей. Пернатые высиживают птенцов, покрытые шерстью вынашивают плод. Цветение трав и деревьев, птичьи яйца, звериные детеныши – нигде не видно того, кто делает это, а все успешно завершается. Осенние ветры опускают на землю иней, пригибают живое, губят слабое. Орлы и коршуны дерутся за добычу [21]; насекомые прячутся, травы и деревья уходят в корень; рыбы и черепахи скрываются в пучинах. Нигде не видно того, кто делает это, а все исчезает бесследно. Деревья растут в лесах, вода течет в руслах. Птицы и звери живут в гнездах и логовах, люди – в жилищах... Каждый изобретает то, в чем нуждается, чтобы спастись от палящего солнца или сырости; каждый находит место, чтобы защитить себя от холода или жары. Все находит себе удобное, [всякая вещь] устраивает свое место. Ясно, что тьма вещей твердо держится естественности» (7, 6). Благодаря своей природе всякая вещь сама «знает», что ей удобно, что не удобно, что полезно для нее, а что вредно:

«Пресмыкающиеся и черви, насекомые и бабочки – все знают, что доставляет им радость или отвращение, несет с собой выгоду или вред. Отчего? Оттого, что их природа остается при них и их не покидает...» (7, 17).

«Природа» является для вещи «Полярной звездой» (7, 173), ориентируясь на которую вещь находит подходящие для себя условия существования. Вещи обладают этой способностью потому, что их природа руководима благом: «...благо – это то, на что опирается природа вещей» (7, 153). Основная же функция блага – в сохранении жизни. Поэтому «природа вещей» также руководит вещами, охраняя их от вредного и направляя к полезному. Таким образом, когда в тексте говорится о том, что вещь определяется в мире «естественно», сама собой, то это означает, что она не подвластна ничьей личной воле, а движется руководимая силой своего естества, своей «природой», хотя ее «природа» и ведома силой мирового блага.

«Природа» свойственна всем вещам во Вселенной, как бы велики они ни были (небо и земля) и как бы малы они ни были (черви и насекомые). «Знание» того, как сохранить жизнь, присуще всем от рождения:

«Природа вещи и ее судьба выходят из рождающего их корня одновременно с формой» (7, 16). Как видим, природа вещи тесно связана с двумя понятиями – «судьбой» (*мин*) и «формой» (*син*). Иными словами, как говорит А. Ф. Лосев, характеризуя

---

[21] В народных поверьях схватки орлов за добычу символизируют момент наступления осени

греческое представление о вещах, «в каждой вещи мы наглядно находим и вполне ощутимо видим всю материальную структуру вещи, в которой выражена и вся ее внутренняя сторона, т е как действующая в ней сила, так и та цель и назначение, которые дают смысл всей вещи целиком» [22]. «Форма» является материальной структурой вещи, «природа вещи» – действующей в ней силой, а «судьба» – ее целью и назначением. Все три «составные части» не могут быть отделены друг от друга: всякая отдельная форма обладает именно этой «природой» и имеет именно это, а не другое назначение, вытекающее из ее «природы», из прирожденных ей свойств [23]. Последнее очень важно подчеркнуть, потому что слово «судьба» опять-таки здесь понимается не как сверхъестественная сила, предопределяющая жизнь человека, а именно как назначение всех вещей во Вселенной, определяемое их особенными свойствами: «Нет ни малого, ни большого, ни длинного, ни короткого – каждое определяется на то, к чему подходит; круглое и квадратное, квадрат и круг – всему находится применение», только «нельзя хорька заставить ловить быка, а тигра – мышей» (7, 139).

Таким образом, «знание», диктуемое природой вещей, им прирожденно, и способность к такому знанию свойственна всей Вселенной во всем множестве составляющих ее вещей, в том числе и человеку.

«Знание» вещи получают через ощущения (*цин*). Ощущения же возникают в результате воздействия внешнего мира на вещи, на их форму. Вещи есть только «скопление эфира» (Чжуанцзы 3, 138, 246; Лецзы 3, 9, 50), поэтому воздействие мира на них выражается во взаимодействии эфира, из которого состоит данная форма, и эфира, из которого состоит воздействующая на нее форма. Они, как говорится в «Хуайнаньцзы», «откликаются» (*ин*) друг другу.

Более конкретное рассуждение по поводу знания ведется в «Хуайнаньцзы» на уровне человека. О растениях, животных и неживой природе речи в этом плане почти нет.

В человеке ощущения возникают в результате реакции формы на внешнее воздействие. Наиболее общее определение формы звучит так: «Форма – прибежище жизни» (7, 17). Таким образом, форма может быть понята как тело, но с одной оговоркой –

---

[22] *Лосев А Ф* История античной эстетики Софисты Сократ Платон М , 1969 С 92

[23] Из этого общефилософского положения проистекает ряд выводов имеющих выход в политическую теорию «Хуайнаньцзы» Этим утверждается особая ценность всякой природной вещи (в переносе на общество каждого человека) необходимость считаться с ее в каждом случае особой «природой» (в обществе – обычаями людей), возможность разумно использовать свойства вещи определяющие ее назначение (в человеке – его способности) Отсюда же берет начало идея равенства всех вещей с точки зрения их особой функции в том большом организме, который представляет собой вся Вселенная

тело, способное к восприятию Поэтому форма – это видящие глаза и слышащие уши, обоняющий нос, осязающая кожа и ощущающий вкус рот: «То, чем природа воздействует на человека, – это звук и цвет, различаемые через глаза и уши; аромат и зловоние, различаемые через рот и нос; холод и жар, различаемые через кожу» (7, 29). Все эти ощущения, по мнению авторов «Хуайнаньцзы», одинаково свойственны и тем, кто мудр, как само *дао,* и тем, кто безумен (там же). То, что дает форме способность ощущения, – это «пять внутренних органов»: легкие, почки, желчный пузырь, печень и сердце, в которых сосредоточены частицы *цзин.* Форма является по отношению к «пяти внутренним органам» внешним началом, а «пять внутренних органов» по отношению к форме – внутренним началом. Внутреннее господствует над внешним, поэтому легкие господствуют над глазами, почки – над носом, желчный пузырь – надо ртом, печень – над ушами (7, 100). Сердце же, пятый «внутренний орган», обладает способностью ощущения особого рода – умом[24]: «Ум – это кладовая сердца» (7, 29). Ум сообщает сердцу так же, как другим четырем внутренним органам, ощущения через посредство частиц *цзин:* «Частицы *цзин...* собираются в сердце, и мысль становится проницательной» (7, 121).

Но в сердце, кроме того, хранится его «сокровище» – разум (*шэнь*), который составляет высшую ступень мышления («Разум – это пучина ума». – 7, 29). Таким образом, получается, что сердце объединяет в себе *две* способности: выступает как орган чувственного познания и как орган спекулятивного познания. Это закреплено и терминологически словом *цзин-шэнь,* которое выражает синтез знания, получаемого через ощущения (через посредство частиц *цзин*), и знания, получаемого с помощью разума («сокровище» сердца – *шэнь*). Отсюда *цзиншэнь* есть такой разум, который является синтезом чувственности и ума.

Обладание разумом ставит сердце среди других четырех внутренних органов в главенствующее положение: «...сердце – господин пяти внутренних органов» (7, 14). Поскольку «пять внутренних органов» главенствуют над формой, постольку разум также господствует над формой (7, 103).

Итак, результатом внешнего воздействия на человека являются ощущения, которые, по классификации «Хуайнаньцзы», делятся на те, что присущи всей природе и как бы проводятся через посредство эфира *ци;* на те, которые свойственны человеку (и, по-видимому, животным) и проводятся через посредство частиц *цзин.* Высшим же средством позна-

---

[24] О том, что ум понимается как ощущение же, мы можем судить из такого высказывания «Человеческие ощущения – это способность к размышлению, способность понимать то, что слышишь и видишь, способность испытывать удовольствие и гнев» (7, 120)

ния является разум, свойственный только человеку и связанный с частицами *шэнь*

Суммарно вся эта иерархия может быть представлена в схеме

Форма (*син*)	Пять внутренних органов (*у цзан*)	Сердце (*синь*)
Эфир *ци*	Частицы *цзин*	Частицы *шэнь*
Природа вещи (*син*)	Чувства и ум (*цин чжи*)	Разум (*цзиншэнь*)

Первая горизонтальная линия отражает иерархию формы, «пяти внутренних органов» – как познающих «органов», и сердца; вторая – эфира *ци,* частиц *цзин* и *шэнь* – той материальной первоосновы, которая сообщает «органам» способность познания, третья – природы вещей, чувств и ума как способности суждения и того разума, который есть синтез чувственности и способности суждения. Рассмотренная по вертикали, эта схема дает возможность видеть сферы, которыми ведает каждый из «органов» познания.

Соответственно этому выстраивается и иерархия знания

Человек, едва родившись, испытывает на себе воздействие вещей, которые побуждают его «откликаться» (7, 4). Уже само движение, в которое приведены его чувства и ум вещами, рассматривается как «порча» его природы, основа которой – покой. Но так или иначе чувства и ум рождают знание о вещах и возбуждают в человеке «любовь и ненависть» к ним, т е. страсти, которые приводят разум в волнение. Разум же есть «пучина» (7, 29), поверхность которой подобна поверхности водяного зеркала, способной только тогда правильно отражать вещи, когда она покойна. Будучи приведенной в волнение страстями, «пучина» искажает предмет и сообщает неверное о нем представление (7, 29).

В учении о знании большую роль играет диалектика внешнего (*вай*) и внутреннего (*нэй*) Нам уже приходилось говорить о том, что форма есть внешнее по отношению к «пяти внутренним органам» и разуму. Каждая часть этого внутреннего несет свою функцию· «Форма – прибежище жизни, эфир – наполнитель жизни, разум – управитель жизни» (7, 17). Все эти части связаны между собой как части единой структуры, где нарушение функций одной из частей сопряжено с нарушением функций целого «Когда одно из них утрачивает свое место, то все три терпят ущерб» (там же) Всякое единое целое, а человеческое тело представляет собой именно такое целое, основано на равновесии, гармонии внутреннего и внешнего, оно как бы удерживается в рамках целого силой этого равновесия и этой гармонии «Утрата места» понимается как результат нарушения равновесия между внутренним и внешним Это нарушение происходит

вследствие перевеса внешнего над внутренним, вызывающего «истечение» внутреннего вовне При нормальном состоянии форма находится под контролем разума «Когда пять внутренних органов подчинены сердцу и не выходят из повиновения, то своевольные помыслы побеждаются, а поступки выправляются» (7, 100) Когда же форма «выходит из повиновения», тогда эта гармония нарушается, преступается основной закон – господство внутреннего над внешним Это опасно как для внутреннего (разума), так и для внешнего (формы)· «Кто ищет вовне, теряет внутри Кто хранит внутреннее, теряет во внешнем. Это как корень и верхушка: если потянешь за корень, то тысяча ветвей, десятки тысяч листьев не могут не последовать» (7, 99).

Переход внутреннего вовне происходит вследствие соприкосновения формы человека с вещами. Это соприкосновение возбуждает в человеке страсти (*юй*). Страсти приводят в волнение «пять внутренних органов» (в том числе и сердце), которые уходят из-под власти разума, устремляются вовне, увлекая за собой и разум: «Поэтому у того, кто делает разум господином, форма идет следом, и в этом польза, кто делает форму управителем, у того разум идет следом, и в этом вред... Разум [у такого] с каждым днем истощается и уходит далеко, долго блуждает и не возвращается» (7, 18)

Таким образом, главенство формы над разумом приводит к пагубным последствиям для тела.

Оно пагубно еще и потому, что знание, доставляемое формой или «пятью внутренними органами», не обладает истиной, а является в лучшем случае лишь мнением, или, что то же, суждением: «Ощущений глаз и ушей недостаточно для определения законов вещей; усилий сердца и мысли недостаточно для установления истины» (7, 92). Иными словами, знание, данное в ощущениях и доставляемое умом, поверхностно судит о вещах, не давая возможности проникнуть в их внутренний закон, не способно дать представление о внутренней причинности явлений. Человек оказывается при этом накрепко привязан к вещам и увлекается ими в поток непрекращающегося становления (*бяньхуа*), которым характеризуется мир вещей. Оно, это знание, не касается «постоянного» (*чан*) в вещах, того, что составляет их смысл, и остается неизменным при любых «превращениях»

То, что нарушает равновесие внутреннего и внешнего и вносит диссонанс в гармонию формы и разума, суть страсти, удовлетворение которых сообщает форме чувство «удовольствия» Авторы «Хуайнаньцзы» направляют всю силу своего негодования против этих удовольствий: ведь становление заключается в том, что всякий миг уже иной, и потому то, с чем в данный миг связала себя форма, в следующий миг уже иное, и то удовольствие, ради которого форма направила свои чувства и рассудок на тот или иной предмет, оказывается не-

прочным, то возникающим, то исчезающим «Расставили гонги и барабаны, разложили флейты и цитры, разместили хоругви и подушки, развесили флаги и украшения из слоновой кости. Ухо наслаждается дворцовыми песнями, роскошной музыкой северных варваров. Красавицы выстроились рядами. Расставили вино, пустили по кругу чары. Ночь сменяет день. Разряжают самострелы в высоко летящих птиц, гонят собаками быстрого зайца. Это они считают наслаждением... Распрягли колесницы, разнуздали коней, убрали вино, остановили музыку – и сердце опустошено, как будто что-то утратило; опечалено, как будто что-то потеряло» (7, 14). Иными словами, чувственное удовольствие временно и не приносит прочного удовлетворения.

Вследствие того что увлечение страстями ведет к нарушению природной гармонии внешнего и внутреннего, выводит форму из-под контроля разума, наносится ущерб и «природе» человека («Страсти и вожделения – путы человеческой природы». – 7, 12). Коль скоро природа вещей оказывается поврежденной, не способной охранять от «вредного» для жизни и направлять на «полезное» для нее, то человек становится открытым для всякого вреда, потому что охраняющая сила блага действует в нем через «природу», и человек, утративший свою «природу», уже оказывается вне сферы действия блага.

Таким образом, мало того что знание, доставляемое чувствами и умом (через «пять внутренних органов»), не несет в себе истины, но опора на такое знание приводит к увлечению страстями, к порче «природы» и губит тело, нарушая внутренний закон его жизни. Иными словами, два момента – достоверность знаний и здоровье познающего субъекта – связаны в одно целое. Как всегда, внутреннее (разум) и внешнее (тело) рассматриваются как взаимосвязанные части одного целого.

Итак, чувства и ум несут ограниченное знание. Ограниченность происходит оттого, что они не могут проникнуть в области, лежащие вне сферы достижения формы, в то, что не может быть увидено глазами, услышано ушами, прощупано на ощупь. Эти области доступны только разуму: «Разум проходит сквозь горы Лишань и Тайхан и не встречает препятствий, входит в четыре моря и девять рек (т.е. во все известные моря и воды. – *Л. П.*) и не намокает. Помещенный в малое и узкое, не заполняет его. Развернутый на все пространство между небом и землей, не оставит и маленькой пустоты. Не постигший этого пусть глазами способен пересчитать тысячеголовое стадо баранов, ушами различить гармонию восьми ветров, ногами вытанцевать танец Ян А, жестами передать стремительность мелодии «Зеленая вода», умом охватить небо и землю, ясностью (проницательностью) затмить солнце и луну, искусством дипломатии решить загадку ожерелья, сделать светящимся нефритовый

цин – все это бесполезно для управления Поднебесной» (7, 31). Отсюда видим, что область, доступная форме, достаточно обширна, но не всеобъемлюща. Обычные люди могут обладать большими или меньшими способностями, однако в любом случае они не выходят за границы, доступные постижению формой. Тот же, кто обладает способностью видеть внутренние пружины явлений и управлять ими, тот уже относится к классу мудрецов.

МУДРОСТЬ

Мудрость заключается прежде всего в освобождении от власти «вещей», запутывающих человека в потоке своего становления. Путем «возвращения» к изначальной своей природе, объединения в одно с теми главенствующими силами, которые направляют поток становления, человек обретает свободу в рамках *дао,* блага и «божественного разума». Человек, опирающийся исключительно на свои чувства и ум, видит мир как нечто чрезвычайно дробное, хаотическое, множественное, изменчивое и непрочное. Наоборот, перед внутренним взором мудреца мир предстает как нечто единое, целостное, взаимосвязанное и покоящееся на прочной основе.

Первым шагом к овладению мудростью служит «возвращение» своей природы, освобождение ее от оков, от пут страстей, поскольку «страсти и природа вещей противоречат друг другу, не могут быть вместе: когда одно устанавливается, другое разрушается» (7, 242). Средством к этому служит соблюдение меры: «Мудрец ест, соразмеряясь с желудком, одевается, соразмеряясь с формой (телом), сдерживает себя – и только» (7, 30). Освобожденная от пут страстей природа вновь становится его руководителем. Поскольку же она ведома благом, то человек через ее посредство вновь вступает в то согласованное и взаимосвязанное единство, которое представляет собой мир, управляемый *дао.* «Поэтому и говорится, что его жизнь – это шествие неба (природы), его смерть – это преобразование вещи. В покое с *инь* закрывается, в движении с *ян* открывается... Обнимает благо, хранит гармонию, чтобы следовать небу (природе). Граничит с *дао,* соседствует с благом... Его небесная душа и его земная душа [25] занимают каждая свое место, а разум хранит свой корень. Смерть и жизнь не производят в нем изменений Поэтому о нем говорится – высший разум» (7, 103). Мудрость восстанавливает присущую от природы гармонию внешнего и внутреннего. Поскольку нарушение

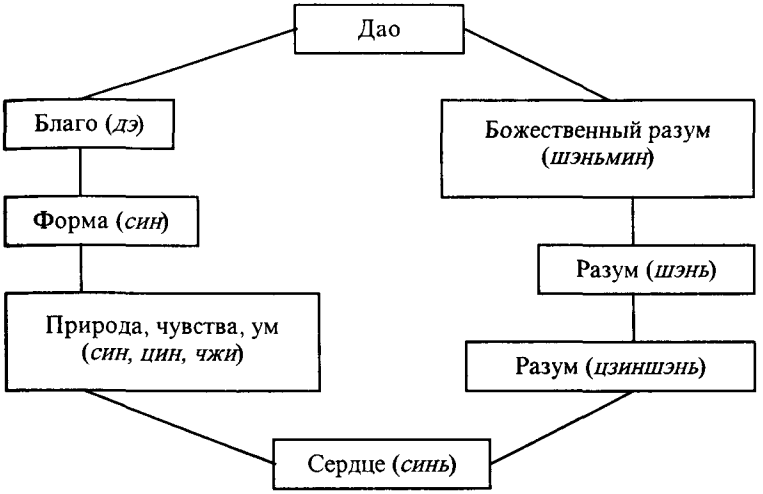
[25] Ср «Небесный эфир образует душу *хунь,* земной эфир образует душу *по*» (7, 127)

этой гармонии связывается с истечением знания, доставляемого чувствами и умом, вовне, происходящим в результате того, что «пять внутренних органов» выходят из-под контроля сердца, то в мудрости подчеркивается именно способность сохранять главенство сердца над формой, при котором «разум хранит свой корень»: «Поэтому сердце – господин формы, а разум – сокровище сердца» (там же).

Мудрец этого плана (*шэнжэнь*) уподобляется, как видно из текста, *дао* (отсюда, между прочим, синонимические выражения «воплотивший *дао*», «проникший в *дао*», «достигший высшего *дао*», «овладевший *дао*»). *Дао* же, как нам уже приходилось говорить, причастно как миру вечного, так и становлению. Поэтому и мудрость заключается не в том, чтобы выйти из становления, оторваться от внешнего мира, а в том, чтобы постигнуть те пружины, которые им управляют, и «следовать» им. Тот, кому это становится доступно, «вместе с *дао* тонет и всплывает, поднимается и опускается. В покое – следует, вынужденный – пользуется. Его следование подобно складкам одежды, его использование подобно пуску стрелы» (7, 18). Мудрость этого плана не оторвана от мира становления, мудрец является идеалом правителя, способного направить Поднебесную на истинный путь.

Но в то же время мудрец, как и само *дао,* причастен к миру вечного. Вечное же есть то, что не подвержено изменениям и концентрируется в пустоте, в ничто. Поэтому «учение мудрецов основано на стремлении вернуть свою природу к изначалу и странствовать сердцем в пустоте» (7, 29); мудрец «с помощью небытия откликается бытию и тогда непременно постигает внутренние законы; с помощью пустоты откликается сущности и тогда непременно исчерпывает все коленца [вещей и явлений]» (7, 103). Поскольку мудрец способен преодолеть власть формы, то он свободно «странствует» в области бесформенного: «Мудрец помещает свой разум в обитель души и возвращается к началу вещей (т.е. в бесформенное. – *Л. П.*). Всматривается в темный мрак, вслушивается в беззвучное. Внутри темного мрака один видит свет, в нерушимом безмолвии один получает отклик» (7, 25).

Итак, мудрость состоит в том, чтобы возвратить свою изначальную природу, освободиться от власти вещей, восстановить нарушенную страстями и знаниями гармонию внутреннего и внешнего (разума и формы), воссоединиться с природой, следовать *дао,* подчиняясь его благу и разуму, и в результате достичь высшего знания – знания не внешней стороны вещей и явлений, а их внутренней сущности. Иными словами, в мудреце наконец осуществляется полная гармония человека и природы, и происходит это благодаря его единению с *дао* приблизительно по тем ступеням, которые отражает приводимая ниже таблица.

Выделяется и еще одна степень мудрости в «Хуайнаньцзы» или, вернее сказать, еще один тип мудреца – это «истинный человек», или «естественный человек» (*чжэнь жэнь*). Если мудрец уподоблен *дао,* то «естественный человек» – это тот, кто еще не отделился от Великого Единого (7, 235). Если мудрец, как и само *дао,* причастен как миру вечному, так и становлению, то «естественный человек» выходит полностью из становления так, чтобы в него и не возвращаться. Если в мудреце подчеркивается его власть над формой, над внешним, то в «естественном человеке» акцентируется его несвязанность с миром форм, абсолютная свобода от внешнего и полная замкнутость во внутреннем, хотя и понимаемом весьма широко, вплоть до самого Великого Единого. Вот выдержка из текста, характеризующая «естественного человека»:

«Тот, кого называют естественным человеком, свою природу приводит в соответствие с *дао.* Поэтому его бытие подобно небытию, его сущность подобна пустоте. Полагает себя в одно и не знает, что есть два. Упорядочивает свое внутреннее и не знает, что такое внешнее... Воплотив корень, обняв разум, странствует в пространстве меж небом и землей. Свободный, бродит за пределами пыльного мира... Необъятный, обширный, с сердцем, не обремененным ухищрениями искусства[26]. Поэтому жизнь и смерть для него одинаково велики и не производят в нем изменений. Хотя и покрывается небом и кормится землей, но не зависим от них.

[26] Об искусстве в «Хуайнаньцзы» см раздел «Искусство»

Его способность постижения не имеет изъяна, но он не загрязняет себя вещами. Видя всю суету дел, способен держать их корень. Подобные ему упорядочивают желчный пузырь и печень (т.е. органы, где рождаются страсти. – *Л. П.*), отказываются от свидетельств глаз и ушей, концентрируют сердце и волю внутри, далеко проникают, находя себе пару в Едином... Форма их подобна сухому дереву, сердце подобно угасшему пеплу. Забывают о пяти внутренних органах, сокращают значение для себя тела. Не учатся, а знают, не смотрят, а видят, не занимаются делами, а достигают успеха, не управляют, а все разъясняется. Ощущая – откликается, побуждаемый – движется, вынужденный – идет, подобно отсвету, подобно тени... Вещи не могут его взволновать... Огонь горящих болот не может его опалить; мороз, сковывающий Великую реку и реку Хань, не может его обморозить; раскат грома, обрушивающий гору, не может его испугать; сильнейший ветер, затмевающий солнце, не может его поранить. Жемчуг и кораллы для него равны мелкой гальке; самые почитаемые и самые известные люди для него все равно что проезжий гость; Мао Цян и Си Ши (знаменитые красавицы. – *Л. П.*) похожи для него на огородное пугало. Жизнь и смерть для него – только превращение, тьма вещей – только один из родов [явлений]. Уподобляет свои частицы *цзин* корню Великой чистоты и странствует в просторах, где нет границ. Обладает частицами *цзин,* но ими не пользуется, обладает разумом, но его не посылает. Объединяется с безыскусственностью Великого хаоса и устанавливается в центре Совершенной чистоты. Поэтому спит без сновидений, его ум молчит, его земная душа в покое, его небесная душа не волнуется. Бродит между началом и концом, не зная их границ. Сладко спит в обители Великой тьмы и пробуждается в световом пространстве...» (7, 103–104).

Мы видим, что эта характеристика очень близка к характеристике мудреца. Собственно, здесь обозначены уже знакомые моменты: контроль за чувствами и умом, свобода от вещей и страстей, объединение в одно с *дао,* подчеркивание единичности («полагает себя в одно и не знает, что есть два»), следование естественному ходу природы, обладание высшим знанием (его способность к постижению «не имеет изъяна»), странствие в пустоте и небытии и т. д. Может быть, несколько более подчеркнута его отдельность от мира форм. «Обладает частицами *цзин,* но ими не пользуется, обладает разумом, но его не посылает... его ум молчит... Сладко спит в обители Великой тьмы» – все это более, чем в мудреце, акцентирует внимание на покое, неподвижности, пассивности. Такая близость характеристик мудреца и «естественного человека» имеет свое объяснение, если мы вспомним, что *дао* и

Великое Единое, стоящее над бытием и небытием-пустотой, тоже имеют близкие характеристики: Великое Единое – это тело *дао*.

В тексте также специально выделяется еще один идеал – «совершенного человека» (*чжи жэнь*). Мы затрудняемся дать определение его отличий от мудреца и «естественного человека», поскольку те характеристики, которые имеются в «Хуайнаньцзы», не позволяют выделить в нем каких-либо специфических черт. В них соединяются как черты мудреца, так и черты «естественного человека». В качестве примера приведем две из них: «...совершенный человек, управляя, прячет свой слух и зрение, отвергает внешние украшения, полагается на *дао,* отказывается от умствований, с народом вместе исходит из общего блага. Сокращает то, что бережет; сводит до минимума то, чего домогается; бежит от соблазнов и привязанностей, отбрасывает страсти и вожделения, воздерживается от размышлений» (7, 12); «Совершенный человек питается, соразмеряясь с желудком, одевается соразмерно с формой, странствует, покоряясь телу, поступает в соответствии с чувством (своей природы. – *Л. П.*). Дай ему хоть Поднебесную, это не пробудит в нем алчности, отними хоть тьму вещей, он не будет считать себя в убытке. Он живет в широчайшем пространстве, странствует в не имеющих предела краях. Восходит к Тайхуан (высшее божество. – *Л. П.*), седлает Великое Единое, катает небо и землю как шарик на ладони» (7, 111).

Глава 3. ЭСТЕТИКА

Хотя в «Хуайнаньцзы» мы не найдем систематического изложения учения о прекрасном, тем не менее можно утверждать, что эстетический подход является определяющим при трактовке любой из основных проблем памятника, идет ли речь об онтологии, о теории познания или о чем бы то ни было другом. Теоретически идеальное отделено от материального и даже ему противопоставлено. Практически же древность этого периода оказывается все же не способной мыслить чисто идеальное, чисто внутреннее отдельно от его материального выражения. Именно поэтому даже такая «чистая» идеальность, какой являются в «Хуайнаньцзы» абсолютное небытие и *дао,* представляется фантазии древнего философа в виде тела (7, 271). Сколько бы ни говорилось о примате идеального и внутреннего над материальным и внешним, на деле всегда оказывается в конечном счете, что все, о чем ни говорится как об истинном, есть синтез материального и идеального.

Эти предварительные замечания необходимы для понимания особенностей трактовки эстетического в «Хуайнань-

цзы». В частности, эта особенность проявляет себя в том, что эстетическое почти невозможно бывает отделить в «Хуайнаньцзы» от художественного, т е. сам принцип прекрасного от его материального воплощения.

Эстетика «Хуайнаньцзы» глубоко онтологична. Отсюда понятно, что одной из главных тем является рассмотрение эстетических категорий, связанных в тексте с космологией.

Все дело заключается в том, что высшим эталоном красоты и одновременно самым совершенным произведением искусства в памятнике выступает сама природа. Творцом же этой красоты и этого произведения является ее душа – *дао,* «творящее изменения». Представление о *дао* как о демиурге возникает как результат этого еще вполне художественного осмысления мира. *Дао* как искусный мастер творит вещный мир по законам красоты.

Как в онтологии и в учении о знании, так и в эстетике «Хуайнаньцзы» примат отдан идеальному – будь то абсолютное небытие, стоящее «за гранью великого предела», или небытие-пустота, т.е. принадлежность мира явлений. Все настолько прекрасно, насколько способно приблизиться к качествам этого идеального. В связи с этим понятно, что в первую очередь нас должны интересовать эти качества, коль скоро мы хотим понять, что такое прекрасное по «Хуайнаньцзы».

Дальнейшее изложение будет по необходимости кратким, поскольку на данной ступени изучения вопроса мы не можем дать исчерпывающего анализа ни всей терминологии, относящейся к этому предмету, ни даже той ее части, которая нами выделяется. Для этого нужно провести специальное исследование. Задача нашего обзора сводится к тому, чтобы дать общую картину, которая может быть развернута, дополнена, уточнена в ходе дальнейших исследований.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Целый ряд терминов соотносится в «Хуайнаньцзы» с понятием бескачественности, предшествующей всякому качеству. Ведь все, по представлениям авторов «Хуайнаньцзы», рождается из ничто, и потому ничто является основой для всего. Это, по определению А. Ф. Лосева, «доструктурные модификации», терминология, выражающая не соотношение идеи и образа, а характеризующая «качества» чистой идеи.

Простота и чистота. В этом значении употребляются в основном два термина. *пу,* имеющее собственное значение необработанного, невыделанного древесного материала: и *су* – необработанный, некрашеный шелк. Как и все другие термины в «Хуайнаньцзы», они используются и в своем прямом значении: как определения пород дерева, употреб-

ляемого на разные нужды – для изготовления гробов и саркофагов или для перекладин и решетин, могут быть тысячи способов их использования, но все это один древесный материал (7, 179); некрашеный шелк, т.е. белый шелк, использовался для траурных одежд и в этом значении не однажды встречается в тексте (7, 204, 326).

Терминологическое значение этих слов производно от их этимологического и характеризует первозданность, естественность и безыскусственную простоту той основы, из которой возник мир. Это простота Великого Единого, в котором еще не произошло разделения: «Небо и земля подобны друг другу, в хаосе образуют простую основу» (7, 235). *Дао,* которое управляет становлением, также характеризуется этим термином – оно просто и чисто, как «невыделанное дерево» (7, 12). В процессе становления вещи проходят «шлифовку» и вновь возвращаются к «простоте» (7, 2). Природное в отличие от человеческого, т.е. созданного руками и умом человека, понимается как «невыделанное дерево», «некрашеный шелк» (7, 6). Времена «золотого века» также характеризуются этой простотой и безыскусственностью: «В те времена... все само собой формировалось... [Первозданная] чистота и простота еще не рассеялись. Необъятная эта ширина составляла одно» (7, 28); век упадка связывается с представлением об утрате этой первозданной простоты и безыскусственности (7, 28, 169, 185), поэтому дело мудреца – возвратить простоту (7, 103). Достигается это освобождением от уз страстей (7, 117), потому что именно увлечение страстями приводит к разрушению первоначальной простоты (7, 116).

Если в термине *пу* подчеркнуто значение материала, самой основы, которая затем будет подвергнута обработке, то в термине *су* явственно ощущается значение «белый» в смысле чистоты, беспримесности, сохранения сущности в нетронутом виде. Чаще всего этот термин встречается в контексте мудреца, совершенного человека и естественного человека: мудрец бережно хранит свою «высшую чистоту» (7, 22); естественный человек, овладев «простотой», странствует в области, где смыкаются небо и земля (7, 103), мудрец не отягощает сердца размышлениями и возвращается в «высшую чистоту» (7, 109), «бережно хранит простоту и возвращается к естественности, чтобы странствовать в тончайшем» (7, 178). Эта же чистота и простота некрашеного шелка могут характеризовать *дао* (7, 27, 237) и «золотой век», соотносимый с временами Великого Единого (7, 113).

Таким образом, простота и безыскусственность понимаются как некое идеальное состояние, к которому устремлены усилия мудреца. Это идеальное состояние присуще стадии, предшествовавшей рождению мира, и являет собой образец для него. *Дао* как направляющая мировой процесс сила несет в себе эти же свойства и воплощает их в природе. Отсюда и природа оказывается носительницей этих свойств.

С понятием чистоты как беспримесности связаны также и два других термина: *чунь* – чистый и белый, но выделанный шелк и *цуй* – чистый, но с тем же оттенком – очищенный, рафинированный (например, настой). Эти термины выступают синонимами первых двух – самостоятельно или в паре с ними: «То, что называю небесным (природным), – это беспримесная чистота», оно есть «невыделанное дерево», «некрашеный шелк», «то, что никогда ни с чем не смешивалось» (7, 6); целостность единого «чиста, подобно «невыделанному дереву» (7, 12); поступки мудреца «кристально чисты и не имеют примеси» (7, 23); когда *дао* устанавливается, народ «чист и прост» (7, 116); «высшая чистота в том, чтобы не смешиваться с вещами» (7, 12) и пр.

Понятие чистоты как прозрачности связано в тексте памятника с термином *цин*. Этимологическое значение этого слова – чистота воды. Его исходное значение очень важно для понимания богатства оттенков, которым оно обладает и которое активно используется в тексте. Мутный поток вырвавшегося на поверхность земли фонтана клокочет и бурлит, лишь постепенно входя в русло, успокаивает течение и «очищается» (7, 1); вода устанавливается в покое и обретает чистоту и прозрачность (7, 273); чистая и прозрачная вода обладает способностью зеркально отражать, отсюда ясность разума сравнивается с ясностью зеркала (7, 30); глубокая и чистая вода, в представлении авторов, – вода пучины, в наибольшей степени обладает этими свойствами, отсюда выражение «разум – это пучина ума. Когда пучина чиста, то ум ясен» (7, 29); «когда вода в покое, ее поверхность ровна, ровна – значит, чиста и прозрачна, чиста и прозрачна – значит, можно видеть форму вещей» (7, 291); «холодная осенняя вода обладает наибольшей прозрачностью, отсюда образ чистой и прохладной пучины» (7, 182). Собственное значение этого термина (чистота, ясность, прозрачность) в контексте синонимов, с которыми он употребляется («прозрачный», «чистый», «спокойный», «чистый и ясный», «ясный»), получает в результате такую насыщенность, что воспринимается всякий раз не в одном каком-то смысле, а зачастую во всех смыслах сразу, т.е. *цин* означает одновременно чистоту, прозрачность и ясность ровной водной поверхности, пребывающей в покое. Этим термином характеризуется опять-таки прежде всего Единое – «высшая чистота» (7, 22, 104, 107, 113, 189 и др.). Таково небытие, пребывающее в «равновесии и покое», в «чистоте и прозрачности» (7, 20). «Небо покойно благодаря чистоте, земля устойчива благодаря покою» (7, 99). Мудрец «чист, спокоен и свободен от размышлений» (7, 104). Кто хочет овладеть искусством *дао,* не овладев его «чистой ясностью и сокровенной мудростью», тот обречен на неудачу (7, 178). Разум мудреца «чист», и страсти не способны его взбаламутить (7, 30). «Человеческий разум легко за-

мутняется и с трудом очищается» (7, 32). Времена упадка характеризуются, в частности, тем, что люди грязное и мутное берут за прозрачное и чистое (7, 185, 251).

Таким образом, чистота понимается как идеальное состояние, присущее как Единому, небытию, *дао,* так и через посредство последнего – природе, мудрецу, разуму, когда они стремятся уподобиться совершенству Единого, небытия, *дао.*

Покой. Основным термином здесь является *цзин.* Два других слова, имеющие то же значение, – *нин* и *ань* – почти не употребляются как эстетические термины, а только в своем обыденном значении: покой в отличие от движения, мир, и соответственно в глагольном значении – привести в состояние покоя, успокоить, умиротворить. Надо заметить, что и термин *цзин* уже больше связан с чувственным миром, чем с идеальным. С этим термином мы еще встретимся, когда речь пойдет об искусстве. Здесь же в немногих словах следует сказать о его соотнесенности с идеальным. «Чистота и покой – это высшее выражение блага» (7, 11); небытие пребывает в «равновесии и покое» (7, 20); свойство человеческой природы – «мир и покой», страсти возмущают этот покой (7, 29); во времена «великой чистоты», т.е. в даосский «золотой век», все пребывало в свободном от дел покое (7, 113), и те, кто обретал *дао,* были «покойны, следуя небу и земле» (7, 254). Вот то немногое, что говорит о связи этого термина с идеальным, но и оно, как представляется, достаточно красноречиво.

Равновесие (пин, цзюнь). Здесь материал также невелик и также большей частью должен быть отнесен к искусству. Поэтому и здесь мы ограничимся тем, что приведем цитаты, относящиеся к нашей теме. Опять-таки небытие пребывает в «равновесии и покое» (7, 20); «равновесие есть основа *дао*» (7, 27, 236; основа – букв. «некрашеный шелк»); *дао* высоко так, что нет ничего выше, глубоко так, что нет ничего ниже, «равновесие его подобно выверенному по уровню» (7, 153); когда человек «следует естественному ходу неба и земли (Вселенной), тогда и равновесие шести пределов окажется недостаточно выдержанным», т.е. их равновесие, которое мыслится как высшее, уступает той степени равновесия, которой достигает этот человек (7, 5).

Тонкое и малое. Эти значения в основном связаны с двумя терминами – *вэй* и *мяо.* Оба слова могут иметь значение малого и тонкого и пониматься как «малое и тонкое» одновременно. Когда, например, речь идет о заоблачной дымке, то выражение *вэй мяо* скорее означает «тонкая дымка», но когда говорится, что благородный муж распространяет запреты и на *вэй,* потому что когда «малое зло собирается, то образует большое зло» (7, 165), то ясно, что *вэй* в данном случае значит «небольшое», «малое», «незначительное», могущее перерасти в свою противоположность. Но у этих двух терминов есть помимо всего значение «смысл», и в таком контексте

они могут пониматься как «мельчайшее и тончайшее», т.е. суть и смысл. «Близнецов только мать может распознать, нефрит от простого камня только хороший мастер может отличить, «мельчайшее и тончайшее» преданий и легенд только мудрец способен растолковать» (7, 344). Последнее значение «смысл», «идея» высказывания не случайно.

Отделяя небытие от абсолютного небытия, авторы говорят: «Когда оно (т.е. небытие-пустота. – *Л. П.*) становится абсолютным небытием, то достигает такой тонкости, что ему невозможно следовать» (7, 20). Самая малая материальная вещь, которая только может быть мыслима, – «кончик осенней паутинки». Но есть то, что не обладает и этой тонкостью и малостью, – это *дао* (7, 25). Благодаря своей сверхтонкости оно, «выходя из небытия, входит в не имеющее промежутка», «проскальзывает в не имеющее промежутка», «нет места, где бы его не было» (7, 10, 25, 254, 370). Ван Цяо и Чи Сунцзы, овладевшие *дао*, «отвергли ум, бережно хранят простую основу («некрашеный шелк»), вернулись к естественности, чтобы странствовать в сокровенной тонкости» (7, 178). Тонкостью обладает и человеческий разум, причем интересно, что его тонкость понимается как результат шлифовки. Выражено это не прямо, а через сравнение: если уж твердые породы нефрита можно гравировать, то «что уж говорить о мыслях! Разум, гибкий и податливый, тонкий и малый, устремляется вслед за изменениями, покорный движению вещей» (7, 339), иными словами, его ювелирная тонкость позволяет ему проникать в тончайшие связи вещей (7, 264), в саму их внутренность (7, 261).

Малое и тонкое рассматривается как бы на нескольких ступенях: в обывательском значении это просто малое, незначительное, и здесь синонимом является *сяо* – малое в отличие от большого (7, 165, 326); малое и тонкое, относящееся к смыслу (7, 344); и предельно малое и тонкое, выходящее за пределы умопостигаемого: это есть «сокровенная тонкость, глубочайшая малость, которую не постигнуть рассуждением, не изъяснить в речах» (7, 90, вар. 91). Малое и тонкое средней ступени поддается расчету (7, 25), но предельно малое и тонкое уже настолько мало и тонко, что становится равно самому большому, как бы растворяясь в нем (7, 280, 289), и такое малое и тонкое уже не поддается расчету, поскольку не имеет меры (7, 178). Это последнее есть качество *дао* и бесформенного.

Тьма и свет. Эти две категории, пожалуй, самые трудные для понимания. Основными терминами здесь являются *мин* – глубокая бездонная тьма и *чжао* в разных написаниях – со значением «ясный», «светлый», «свет». Синонимами к темному являются также следующие слова: *ю* – «темный» в смысле «лишенный света»; *хунь мин* – букв. «струящаяся тьма», «поток тьмы»; *яо мин* – с оттенками тьмы далекой дали, где уже ничего нельзя рассмотреть именно из-за дальности, недоступности зрению.

Тьма и глубокий мрак опять-таки прежде всего характеризуют небытие: «Свет спросил у Небытия: «Ты действительно существуешь или ты на самом деле не существуешь?» Небытие не отвечало. Не получив ответа, Свет стал всматриваться в его облик: темное, неразличимое, смотришь – не видишь его формы, слушаешь – не слышишь его голоса, хочешь схватить – не можешь, вглядываешься в даль его – не видно края» (7, 206). И второй фрагмент, в котором одна душа спрашивает другую о *дао,* и та отвечает, что телом *дао* является небытие: «Я однажды встретилась с ним: смотришь – нет формы, слушаешь – нет голоса. Называют Темный мрак. Темный мрак походит на *дао*, но это не *дао*» (7, 271). Тьма и глубокий мрак характеризуют *дао* (7, 2, 129). Во времена далекого прошлого, когда еще не было нарушено Великое Единство, люди жили в покое, не зная ни обрядов, ни долга, ни насилия, ни жестокостей, как будто «в центре струящейся тьмы» (7, 21, 115). Таков и мир странствий мудреца: «Он овладевает снежной белизной и не бывает черным; поступки его кристально чисты и не имеют примеси; обитает в сокровенной тьме, а не темен, отдыхает в природном горниле и не переплавляется» (7, 23); «Мудрец скрывается в безначальном... вращается в бесформенном... наверху достигает вершины совершенной высоты, внизу измеряет дно совершенной глубины... сердцем устанавливается в далекой тьме» (7, 262, см. также 7, 22, 25, 98, 156).

Тьма связывается в тексте «Хуайнаньцзы» с представлением о глубочайшем смысле, запрятанном так далеко и являющемся такой тонкостью, что овладение им не под силу чувственному знанию (7, 91). Поэтому искать знания этого смысла с помощью глаз и ушей означает «отказаться от яркого света и дать дорогу темному мраку. Это означает утратить *дао*» (7, 30). Здесь-то мы и встречаемся со сложным значением термина «тьма». В самом деле, из приведенного фрагмента явствует, что следование тьме есть незнание, а свет значит знание. Но все дело в том, что и глубочайшая тьма обладает светом, доставляющим знание. Есть свет и свет. Различие между ними раскрывается в диалоге Тени и Полутени, где Тень говорит: «На Фусане (священное дерево, на котором, согласно мифологическим представлениям, отдыхает солнце, свершив свой очередной круг по небу. – *Л. П.*) происходит смена дня и ночи. Солнце освещает космос. Лучи света заливают пространство меж четырех морей. Но закрой двери, прикрой окна, и этот свет не сможет проникнуть. Божественный же свет льется сразу с четырех сторон, нет места, которого бы он не достигал. Вверху граничит с небом, внизу доходит до земли. Преобразует и пестует тьму вещей, но не имеет образа... Разве сравнится с его светом [солнечный] свет!» (7, 206). Но «божественный свет» – это «божественный разум» *дао* (см. с. 46–47). Солнечный свет способен «проливать свет» на материальный мир, смысл которого может

быть истолкован в речах (7, 156), но есть нечто неподвластное ему, неподвластное речам. Оно доступно только мудрецам, постигшим божественный свет, или разум *дао.* Поэтому мудрец «внутри темного мрака один видит свет» (7, 25), он «выходит из света и вступает во тьму, чтобы проникнуть в *дао*» (7, 321). Но из этой тьмы он, обогащенный новым представлением о свете, вновь возвращается в область «солнечного света». Поэтому с тем, кто «прошел через тьму и вошел в светлое, можно говорить о совершенном» (7, 164). Другие же не обладают «талантами мудрецов... всю жизнь барахтаются во мгле хаоса и так и не овладевают искусством пробуждения в свете» (7, 374).

Подведем некоторые итоги этого анализа. Есть свет, и есть тьма. Свет – способность различения, дающая знание. Тьма скрывает различия и потому есть незнание (в темной комнате и тот, кто способен догнать быструю лань, оказывается не способным поймать даже черепаху. – 7, 294). Но в мире есть множество вещей, скрытых от света и потому недоступных зрению. Прежде всего тот смысл, который не дается простым наблюдением и не лежит на поверхности вещей и явлений, а предполагает глубокое вхождение в их внутреннюю суть, познание тончайших нитей, связывающих все разнообразие и множество вещей и явлений в один тугой узел. Этот смысл, это идеальное есть «тьма», однако такая, которая обладает своим светом, не физическим, а тоже «идеальным». Высшей же формой идеального являются небытие и *дао,* таящие в своей глубокой тьме и высший свет – «божественный свет (разум)». Тот, для кого открылся высший свет, оказывается и в краю физического света видящим более, чем это доступно простому зрению. Физическое зрение, чувственное знание [27] уступает место внутреннему зрению, интеллектуальному знанию.

До сих пор речь шла о терминологии, связанной большей своей частью с описанием свойств идеального, стоящего за пределами мира явлений. То же, что в мире явлений есть от этих свойств, представляет собой только их отражение, слабое подобие, «тень». Мудрецы подражают, следуют этим образцам и как высшая степень этого «следования» уподобляются их чистоте, простоте, беспримесности, цельности, покою, равновесию, а свой разум уподобляют тонкости, тьме и свету одновременно.

Но и мир явлений может быть совершенным, если он руководится принципами, приближающими его к совершенству идеального самого по себе. Эти принципы организуют и

---

[27] Здесь надо помнить, что к «чувственному знанию» относится не только знание, доставляемое органами чувств, но и знание «сердца», т.е ума. И все это знание противопоставляется тому, которое дается разумом – синтезом чувств и ума Поэтому и физический свет несет знание не только внешней «формы», но и того, что доступно уму, что может быть им размерено и учтено Высшие же связи познает разум

оформляют бытие, которое предстает как произведение искусства, в котором внешнее и внутреннее, идеальное и материальное приведены в гармоническое единство. Поэтому следующий ряд терминов, который мы рассмотрим, будет относиться к характеристике этих принципов.

Гармония (хэ, тяо). Гармония употребляется в тексте прежде всего в прямом значении – как музыкальное согласие, созвучие: «Так, настраивающий струны тронет струну *гун* – и *гун* откликнется, тронет струну *цзяо* – и *цзяо* отзовется. Это гармония подобных звуков» (6, 92). «Мелодия, не согласующаяся с мелодией од и гимнов, не может называться музыкой» (7, 365). Слово «гармония» также имеет значение того состояния, в которое приводят гармоничные звуки человеческие чувства: «Музыка существует для достижения гармонии, а не для чрезмерного услаждения» (7, 124). Отсюда же слово *хэ* имеет значение «веселый», «ласковый», «мягкий», «довольный», «удовлетворительный». Конфуций, услышав игру Юн Цици, «три дня испытывал наслаждение, тронутый ее мягкостью» (7, 130); Нюйва, устроявшая мир, сделала «весну мягкой, а лето – жарким» (7, 95); «Гармония и радость, покой и тишина составляли природу древних мудрецов» (7, 33).

Но это все «бытовые» значения слова «гармония». Как термин же оно имеет другое значение. Гармония занимает очень важное место в мире авторов «Хуайнаньцзы». Все построено или должно быть построено в идеале на гармонии: природа, человек со всем механизмом своих чувств и ума, общество, искусство.

Вся «тьма вещей» родится благодаря гармонии *инь* и *ян*: «Высшая степень *инь* – это леденящий ветер, высшая степень *ян* – это иссушающая жара, от их соития образуется гармония и рождается вся тьма вещей» (6, 91) [28], и к этому прибавлено: «Коли будет масса самцов и ни одной самки – какое же порождение возможно?» (там же); «Среди воздушных [масс] меж небом и землей нет ничего больше, чем *хэ; хэ* – это гармония *инь* и *ян... инь* и *ян* приходят в связь, и так образуется *хэ*» (7, 216). Из этой цитаты ясно, что *хэ* – это не только гармония как некое состояние, но это еще и некий результат – воздух нового качества, происшедший от гармонии *инь* и *ян*. Здесь же говорится: «Жизнь и созревание возможны только с обретением частиц *цзин* от [гармонического синтеза] *хэ*» (там же). Таким образом, гармония понимается как результат синтеза двух противоположностей, каковыми являются *инь* и *ян,* и, кроме того, она является основой новой «жизни», т.е. рождения нового. На гармонии зиждется весь космический порядок. Осуществляется она в природе силой блага: «Его (*дао. – Л. П.*) благо приводит в согласие небо и землю, в гармонию *инь* и *ян*, сочленяет четыре

[28] Почти точная цитата из «Чжуанцзы» (3, 131, 241).

времени года, согласует пять первоэлементов... и тьма вещей во множестве рождается» (7, 2). Здесь надо заметить, что небо и земля также суть две противоположности, поэтому их «гармония» также является основой рождения вещей: «Небо и земля объединяются в гармонии, и тогда *инь* и *ян* выплавляют тьму вещей» (7, 115). Поскольку в представлении авторов «Хуайнаньцзы» идеальные свойства природы часто переносятся на свойства неба, то и гармония оказывается свойством неба. Отсюда выражение «небесная гармония»: люди во времена даосского «золотого века» «одеты в небесную гармонию, сыты благом земли» (7, 21, вар. 147). Из приведенного материала ясно, что гармония понимается не только как определенное состояние, она получает и особое космологическое значение, так что мы можем в тексте встретить один ряд – *дао,* благо и гармония: круговращение бытия основано на стихийной ориентации вещей на *дао,* благо и гармонию (7, 2). Это значение хорошо чувствуется и тогда, когда речь идет об обретении «совершенной» (*чжи*), или «высшей» (*тай*), гармонии мудрецами: «Для кого небо и земля – дом, кто держит за пазухой всю тьму вещей, дружит с творящим изменения, таит во рту совершенную гармонию... тот обозревает все, постигает одно, знает и непознаваемое, а сердце его – бессмертно» (7, 90); мастера высшего класса «владеют чистейшим искусством (*дао*), величайшей гармонией» (там же); «Тот, кто постиг Высшую гармонию, подобен пребывающему в чистом опьянении, сладко засыпает, чтобы странствовать в ее сердцевине...» (7, 92).

Гармония может пониматься как согласие подобных друг другу вещей (когда, например, тон *гун* откликается тону *гун,* или когда лук приводится в гармонию со стрелой, или кони в упряжке приводятся в согласие один с другим) и как согласие вещей неподобных, различных или противоположных (как согласие двадцати пяти струн в одном инструменте). Первый вид гармонии рассматривается как наипростейший, второй – доступен только мудрецам и мастерам высокого класса, однако первый вид является необходимой ступенью к достижению второго: когда кони не приведены в согласие, то и Ван Лян, Цзао Фу (мастера высокого класса) ничего не достигнут (7, 142, 265). Если первый вид направлен на согласование «внешнего» с «внешним» (лук и стрела), то второй – предполагает созвучие «внешнего» с «внутренним» при главенстве «внутреннего» (например, «сердца» мастера и его рук). Но есть еще третий вид – когда мудрец или мастер обретают Высшую гармонию, тогда они вообще не нуждаются во «внешнем», а, как мы уже видели, «странствуют в сердцевине» Высшей гармонии.

Мера (*ду* или *шу*). Основной пафос рассуждений о мере сводится в «Хуайнаньцзы» к требованию исключить всякие крайности, ни в чем не переходить известной границы.

Мерой обладает прежде всего природа. Сколь бы ни был хаотичен и беспорядочен поток становления, в нем не утрачивается мера (7, 4). Древние мудрые правители «брали за образец небо, за меру – землю» (7, 351), т.е. здесь «мера» есть также образец, по которому меряют, с которым соразмеряются, так что и все выражение должно быть понято как то, что образцом, или мерой, им была природа, «небо и земля». Мерой в значении образца может служить только то, что обладает материальной формой, то, что может быть измерено, а ни *дао,* ни вообще бесформенное не могут быть измерены (7, 178, 258). Поскольку же есть вещи, к которым неприложимо мерило, постольку мера имеет ограниченное применение – она всегда связана с местом и временем и есть величина переменная, а не постоянная. Так, «законы – это меры и веса Поднебесной, уровень и отвес для правителя» (7, 140), но законы и установления меняются со временем (7, 212), и тот, кто не меняет законов и установлений вслед за изменением условий, погибает (7, 213). Законы же и установления должны также быть построены на мере, иначе они будут невыполнимы. Так, например, существующие правила соблюдения траура – в три года, в год, в девять месяцев, в пять месяцев и в три месяца – не под силу даже самому стойкому. Кто же его не выдерживает, подвергается порицанию, а кто выдерживает – прославлению. Но если бы не была в этих правилах утрачена мера, то и не рождались бы ни хвала, ни порицание (7, 175). Точно так же искусство мудрецов слишком высоко для обычных людей, оно следует и воспроизводит искусство *дао* и потому не может быть измерено и не может быть мерой для людей (7, 182). Во времена упадка нравов законы берут за меру высокое, а несовершенное вменяют в преступление, это и является причиной смуты (7, 183).

В связи с управлением более всего говорится о мере. Правитель «глубоко проникает в меру мягкости и резкости [натяжения вожжей] и знает, где натянуть, где ослабить» (7, 137); «преступивший закон, будь он человеком достойным, должен быть казнен; следующий мере, будь человеком недостойным, должен быть признан невиновным» (7, 141); мудрый правитель в поборах умерен, в собственном потреблении придерживается меры (7, 147); правитель, ведущий страну к гибели, в поборах «не знает меры» (7, 146). Мера также есть основа мастерства: «мастер любит меру» (7, 278); стрелок определяет угол (меру) с помощью мишени, плотник – с помощью циркуля и наугольника (7, 25); для правителя такой мерой являются, как мы видели, законы.

Мера понимается так же, как умеренность, воздержанность. «Мудрец ест, соразмеряясь с желудком, одевается, соразмеряясь с формой (телом), сдерживает себя – и только» (7, 30, 111), народ в далекие времена «золотого века» «был экономен и бережлив» (7, 123), а во времена упадка «приходит конец бережливости» (там же).

Однако умеренность не всегда толкуется в положительном смысле. Люди в век падения нравов «пресекают желания глаз мерой, сдерживают радость сердца обрядом... снаружи связали свою форму, внутри стиснули свое благо, зажали гармонию *инь-ян,* подавили свои природные чувства, на всю жизнь сделались несчастны».

Конфуцианцы не смотрят в корень того, что может вызывать желания, а запрещают желаемое; не вникают в то, что вызывает наслаждения, а запрещают то, чем наслаждаются (7, 110). То есть речь должна идти не о том, чтобы пресекать желания, а о том, чтобы не желать чрезмерного, и пресекать надо то, что вызывает необузданность. Это рассуждение стоит в одном ряду с другими, относящимися к наказаниям, запрещениям, к средствам пресечения. Все запрещения бесполезны, потому что касаются «верхушек» и не затрагивают корня, они относятся к результатам, а устранять надо причины (7, 5).

Прекрасное (*мэй*). Понятие прекрасного еще не вполне сложилось ко времени составления «Хуайнаньцзы», о чем красноречиво свидетельствует неопределенность употребления этого термина в памятнике. «Прекрасное» часто встречается в тексте вместе с «добрым» (или «хорошим» – *шань*): говорится о «добрых речах» (7, 14) и о «прекрасных речах» (7, 201), о «прекрасных поступках» (там же) и о «добрых поступках» (7, 360) без всякого различия. «Прекрасны» такие человеческие качества, как ум, храбрость, сила (7, 242), искренность, честность (7, 262), и пр. «Широкая образованность, смелость мысли, красноречие и остроумие – прекрасные свойства человеческого ума» (7, 182). Точно так же и «безобразное» может быть употреблено как синоним «недоброго», «неправедного»: летопись «Весна и осень» «насаждает доброе, искореняет безобразное» (7, 150). Иными словами, этическое и эстетическое здесь не разделено.

«Прекрасное» может относиться к внешней красоте – женщины (7, 30, 292, 300 и др.), жемчужины (7, 302), сосуда (7, 122) и др. Причем если естественная красота называется «прекрасной» без оговорок, то об украшенном узором сосуде говорится, что такие вещи людям «нравятся». Градация в оценке «прекрасного» еще более отчетливо видна, когда говорится о деревянной жертвенной чаше с причудливо вырезанным узором и обрубках, оставшихся от куска дерева, из которого чаша вырезана, что они различаются как «прекрасное и безобразное», но равно утратили свойства дерева (7, 26). Мертвое не может быть прекрасным: портрет красавицы Си Ши уже не доставляет удовольствия, потому что «погиб господин формы», т.е. ушла душа, и изображение мертво (7, 281). Ко всякому внешнему украшательству авторы «Хуайнаньцзы» относятся отрицательно: «Украшать внешнее означает наносить ущерб внутреннему» (7, 243).

Красота относительна и не может быть совершенной: и у знаменитой красавицы Си Ши есть недостатки, и у известных своей некрасивостью добродетельных наставниц есть свои достоинства (7, 284). Поэтому мудрец равнодушно относится к внешним красоте и безобразию (для него красавицы Мао Цян и Си Ши все равно что огородное пугало. – 7, 104), но зато он один умеет распознать внутреннюю «красоту» (мы бы сказали, достоинства) и распорядиться «прекрасными талантами» (7, 155, 226–227). Мудрость состоит и в том, чтобы из-за небольших недостатков не отвергать больших достоинств (7, 194–195). Здесь мы опять-таки видим, что «прекрасное» и «доброе» не разделены.

Наряду с этими общедаосскими представлениями о прекрасном в «Хуайнаньцзы» проступает некоторый новый аспект рассмотрения прекрасного. По мнению авторов трактата, прекрасное есть некий эталон, по которому определяется мера. Оно существует как образец. Все остальное есть, в известном смысле, примерное, что годится для повседневного использования (7, 142). Эта же цитата позволяет говорить о прекрасном как о «совершенном», «достаточном» (*цзу*), что опять-таки возможно лишь в идеале. Нет вещей абсолютно прекрасных, во всем есть недостатки. Искусство состоит в том, чтобы находить всякой вещи должное место в соответствии с ее свойствами. «Уместность» (*и, бянь, ши* и др.) очень важна и делает одну и ту же вещь то прекрасной, то безобразной. Так, «ямочки на щеках – это красиво, на лбу же – безобразно; вышитый узор на одежде уместен, на шапке – вызовет насмешки» (7, 298). Представление о прекрасном как о некоем образце поддержано в тексте «Хуайнаньцзы» и трактовкой «высокого» как категории, не относящейся к несовершенному миру людей: «Беспредельно высокое не может быть мерой для людей», – говорится в памятнике (7, 182).

Несмотря на это значительное развитие понятия прекрасного, в целом текст «Хуайнаньцзы» дает немного материала относительно сущности «прекрасного». В основном оно понимается в нераздельности с «добрым», «добродетельным». Слабо просвечивает близкое к эстетическому значение «прекрасного» в примере с чашей и портретом Си Ши, где акцентирован момент необходимости связи внешней красоты с внутренним смыслом.

Есть еще два места, где «прекрасное» характеризует вещи, производимые природой под руководством *дао*, и само *дао* (7, 23, 191), однако оно здесь только эпитет и потому, собственно, ничего не объясняет. Все остальное не выходит за рамки сказанного.

Этот краткий обзор терминологии дает представление, конечно весьма общее, об эстетических критериях, сложившихся к концу древности. Отсюда видно, что основные эстетические ценности связаны с онтологией и продиктованы ее выводами. Такие же категории, как «гармония» и «мера», основываются на соотнесенности двух планов – внешнего и внутреннего, материального и идеального.

ИСКУССТВО

Понятие «искусство» в «Хуайнаньцзы» имеет четыре основных терминологических варианта.

Прежде всего это *шу*, которое и в современном языке значит «искусство»: «Ученики Куна и Мо проповедуют миру искусство милосердия и долга (справедливости)» (7, 30); «в похоронах есть свой ритуал... в использовании оружия есть свое искусство» (7, 125); «кто щедро пользуется плетью, не обладает искусством дальней езды» (7, 5) и др.

Второй, часто встречающийся термин – *цяо* чаще всего переводится как «мастерство», «сноровка», «умение». Это искусство оружейника (7, 201), плотника (7, 139, 334), плавильщика (7, 178, 179), ювелира (7, 344), врача (7, 305), звездочета (7, 91), стрелка (7, 292) и т.д. Однако этот термин может быть употреблен и в значении высокого искусства, а не только ремесленного мастерства: «То, что взращивается небом и землей, что поится *инь* и *ян*, что увлажняется дождем и росой... того не создать Лу Баню (знаменитому плотнику. – *Л. П.*). Это великое искусство» (7, 348).

Третий термин – *шу*, основное значение которого – «число», «считать», «рассчитывать» (7, 173, 246, 257, 258 и др.): «Победа определяется искусством, а не желанием выиграть. Погаси страсти – и искусство победит, отбрось умствования – и *дао* установится» (7, 245); «свинец и киноварь принадлежат к разным видам и обладают разным цветом. Тот же, кто сумеет сделать киноварь из свинца, тот овладел искусством» (7, 328); «воплотивший *дао* отдыхает и неистощим, а полагающийся на искусство изнуряет себя, но безуспешно» (7, 5). Этот термин может быть употреблен и наравне с термином *цяо* – «мастерство» (ср., например, искусство *шу* знаменитых рыболовов Чжань Хэ и Цзянь Юаня и искусство *цяо* стрелков И и Фэн Мэна. – 7, 4).

И последний (из основных) термин – *дао*: «Тот, кто выпрямляет и выравнивает без уровня и отвеса, тот обладает особым искусством» (7, 180); «их искусство (путь) можно превозносить как Великое прекрасное, но трудно его рассчитать» (7, 21); царь спрашивает оружейника: «В чем твое мастерство, в чем твое искусство?» (7, 263).

Из этого краткого перечня видно, что в понятие «искусство» вкладывается содержание иное, чем это принято в более позднее время. Оно понимается как особый вид знания, которым владеет и ремесленник, создающий материальные вещи, и политик, и философ, создающие ценности общественные и духовные, им обладает также и природа, постоянно и непрерывно творящая вещи.

В оценке искусства наблюдается определенная градация. Низшую ступень искусства составляет такое, которое направлено на внешнее «украшательство».

В восьмой главе «Хуайнаньцзы» «украшательства» делятся на пять видов: те, что связаны с «пятью стихиями» – деревом, водой, землей, металлом и огнем. Все они подробнейшим образом описаны. Это высоко поднятые над землей дворцы, террасы и переходы, изукрашенные причудливой деревянной резьбой; искусственные озера, мостки, плотины, задерживающие естественное течение, создающие искусственные водовороты, прибрежные сады, аквариумы и лотосовые пруды, прогулки по озерам, сопровождаемые игрой музыкантов; сады и заповедники, искусственные горы и холмы, сплетенные в узор тропинки и дорожки, широкие выездные дороги для охот; огромные колокола и треножники, покрытые густой резьбой, изображающей спящих носорогов, приникших к земле тигров, извивающихся драконов, ярко раскрашенные, инкрустированные нефритом; различные яства, приготовленные по всем правилам искусства «поджаривать и подсушивать»; огневые охоты, в результате которых сожжены леса и поля. «Из этих пяти вещей одной достаточно, чтобы погубить Поднебесную» (7, 121–122). К искусству украшательства относятся также искусные речи (7, 97), искусство «стоять на цыпочках и подпрыгивать», т.е. склоняться и изгибаться соответственно обряду (7, 22). Такое искусство приравнено к искусственности и лжи: «В обычае разрушающегося мира лгать с помощью знаний и искусства, умножать бесполезные украшения, ценить чужеземные товары» (7, 185); «То, что называю небесным (природным), – это беспримесная чистота, безыскусственная простота, изначально прямое и белоснежно белое, то, что никогда, ни с чем не смешивалось. То же, что называется человеческим (искусственным), – это заблуждение и пустые ухищрения ума, изворотливость и ложь, которыми пользуемся, чтобы следовать своему поколению, общаться с пошлым миром» (7, 6–7). Иными словами, искусство украшательства противопоставлено естественной простоте природы и понимается как ложь и искусственность. Оно направлено на услаждение «чувств и ума», которые сами по себе не несут истины и не способны дать человеку знание «тончайшего», знание истинного смысла вещей и явлений, а увлекают его через страсти в поток становления, лишая главного ориентира – понимания единства всего многообразия вещей. То, что «записано на бамбуке и шелке, вырезано на металле и камне для передачи людям, есть только его (т.е. *дао*. – *Л. П.*) грубое [подобие]».

Деяния Пяти предков, Трех царей (правители «золотого века». – *Л. П.*) были различны, но имели одно направление, они шли разными дорогами, но возвращались к одному. Тот же, кто обучается [их искусству] в закатные времена, не знает, что у *дао* – одно тело, у блага – одна необходимость. Они берут оставленные следы, чинно садятся и рассуждают, поют под аккомпанемент барабана и танцуют. Их ученость велика, они широко наслышаны, но неизбежно запутываются в сомнениях (7, 119).

Однако, как нетрудно заметить, здесь везде речь идет о результатах творчества мастера (или «ученых мужей»), но не о самом творчестве.

О творчестве же, о его законах говорится только в связи со следующими ступенями.

Настоящее искусство хотя и имеет дело с «внешними» средствами, но не ими определяется. «Циркули, угольники, крюки и отвесы – только орудия мастерства, но не то, из чего мастерство создается» (7, 179); точно так же «законы, установления, обряды, правила [соответствия должному] – это орудия управления людьми, но не то, что составляет само управление» (7, 214); «добудь хоть десять острых мечей, но это не сравнится с обладанием искусством Оу Е (знаменитый плавильщик. – *Л. П.*); имей хоть сотню быстрых скакунов, но это не сравнится с искусством Бо Лэ (знаменитый возничий.– *Л. П.*)» (7, 178). Таким образом, сама способность к творчеству отделена от тех средств, с помощью которых мастер творит. Настоящее искусство состоит в способности через материальную, «внешнюю» форму выразить идеальный, «внутренний» смысл. В связи с этим говорится, например, об искусстве знаменитого плакальщика по имени Учитель от Ворот Согласия. Однажды его пригласил к себе циский министр Мэнчан-цзюнь. Тот пришел и «строем речи, проникновенной мыслью, ласканием сердца, звуками голоса» вызвал у Мэнчан-цзюня неудержимые слезы. Его искусство имело такую силу потому, что «мысль этого Учителя оформлялась внутри, а вовне вселяла скорбь в человеческие сердца. Это непередаваемое искусство» (7, 90). Здесь же добавлено, что пустое подражание одной внешней форме, «без овладения господином формы», вызовет у людей только смех.

Следовательно, сила воздействия такого искусства определяется заложенной в нем внутренней силой.

Непременным условием такого мастерства является чувство гармонии и меры.

Так, возничий колесницы приводит свое «сердце» в гармонию с конями (7, 142), мастер по дереву настолько чуток к материалу, что составляет с ним как бы одно целое («Не имеет с вещью границы». – 7, 180), колесник, выделывая колесо, чувствует, как дерево «откликается в руках, отдается в сердце», и благодаря этому руки его предельно чутки и нажимают «не слишком мягко, не слишком резко», т.е. в самую меру (7, 196). Наилучшее описание такого мастерства содержится во фрагментах об управлении конями знаменитого возничего Цзао Фу. Выравнивая коней, он чувствовал стык соединения вожжей с удилами, ослаблял и натягивал вожжи в согласии с движением губ коней, «держал нужную меру в груди» и ощущал ее в своих ладонях, «внутри прислушивался к сердцу, вовне согласовывался с волей коней», и оттого кони подавались вперед или назад, «как по шнуру», описывали круг, «как по циркулю» (7, 141–142).

Правитель в делах правления уподобляется возничему: «Правящие суть колесница правителя, важные советники – упряжка властителя... если колесница и кони не приведены в согласие, то и сам Ван Лян (один из знаменитых возничих. – *Л. П.*) окажется неискусным; когда господин и слуга не в мире, то ни Яо, ни Юй (правители «золотого века». – *Л. П.*) не способны навести порядок. Когда же управляют, держась искусства, то Гуань [Чжун] и Янь [Ин] (известные своей мудростью советники. – *Л. П.*) отдадут свою мудрость» (7, 142). Здесь в сравнение поставлены правитель и крупные советники, как колесница и кони, в другом месте сравниваются «держащие власть» и «колесница правителя», «имеющие ранги и жалованье» и «вожжи и удила его слуг»: «Правитель помещает себя на колесницу держащих власть, берет в руки жезл имеющих ранги и жалованье, глубоко проникает в меру мягкости и резкости [натяжения вожжей] и знает, где натянуть, где ослабить. И тогда Поднебесная исчерпывает все силы и не знает устали» (7, 137). Так же как Цзао Фу своим искусством гармонии заслужил имя мастера, потому что его колесница покрывала тысячи *ли,* а кони не ведали усталости, так же точно мудрый правитель приводит в гармонию свою колесницу и своих коней, и тогда Поднебесная исчерпывает все свои силы и не знает усталости. Ведь нет принципиальной разницы, по мнению авторов «Хуайнаньцзы», между управлением людьми и «управлением» каким-либо материалом: «Мудрые цари управляют людьми, Цзао Фу – конями, а И Ло – болезнями» (7, 159).

Однако и эта ступень мастерства недостаточно совершенна. Всякий мастер искусен в какой-либо одной области: плотник хорошо управляется с деревом, возничий – с конями, охотник – с луком, и даже таланты мудрецов не всеобъемлющи. Иначе говоря, человеческие способности ограниченны: «Глаз Ли Чжу видел кончик иглы на расстоянии ста шагов, но не мог разглядеть рыбы в глубине пучины; ухо Наставника Куана улавливало гармонию восьми ветров, но не слышало за пределами десятка *ли.* Это значит, что, положившись на способности одного человека, не управишься и с тремя *му* земли» (7, 5); «Тан и царь Воинственный – мудрые цари, а не могли, как юэсцы, плавать на лодках по рекам и озерам. И Инь был достойнейшим министром, но не мог наравне с хусцами скакать на рысаках и объезжать диких коней. Кун (Конфуций. – *Л. П.*) и Мо [цзы] многое постигли, однако не могли наравне с горцами проходить чащи и заросли» (7, 131). К тому же мастер и мудрец ограничены условиями времени – ведь время есть вещь объективная и не зависит от людей («Время течет независимо от людей». – 7, 10): «Юй перегораживал большие реки, разводил малые... однако не мог заставить их течь на запад; [Хоу] Цзи расчищал земли, распахивал новь... однако не мог заставить хлеба колоситься зимой» (7, 134).

Но есть мастер, искусство которого не ограничено одной областью, для которого не имеют значения границы пространства и

времени, потому что то, на что он опирается, есть область «постоянного» (*чан*). Это прежде всего сама природа, руководимая *дао,* его «божественным разумом» и его «благом»: «То, что относится к ведению божественного разума, не может быть сделано с помощью ума и искусства (низшей ступени. – *Л. П.*), не может быть достигнуто мускульной силой. То, что обнимается небом и землей, что поится *инь* и *ян*, что увлажняется дождем и росой, – это рождаемая преобразованием тьма вещей, голубая и голубовато-зеленая яшма, нефрит и жемчуг, перья зимородка и панцирь черепах, узоры [на шкурах животных]... лоск [меха]... отполированное, но не для забавы, вечное и неизменное, [оно] не под силу Си Чжуну, не во власти Лу Баня (мастера средней ступени. – *Л. П.*). Это великое мастерство» (7, 348). Ни один мастер не может сравниться с этим искусством. В связи с этим авторы говорят о символичности изображения фигуры Чуя на треножнике с закушенными пальцами: треножник был сделан его руками, но он закусил пальцы в знак того, что руки его не способны создать произведение, которое бы в адекватной, телесной форме передавало его замысел (7, 117). Внешнее, материальное, как и всегда, оказывается на ступеньку ниже внутреннего, идеального. Оно стремится сравняться с ним различными способами – через гармонию, меру, соответствие, но безуспешно. Есть только один способ достичь с ним единства – это «следовать» за ним внутренним взором, душой. Поэтому «такие возничие, как Цянь Це и Да Бин, отпускают поводья и удила, отбрасывают хлысты, отказываются от плети. Не движут колесницу, а она сама поднимается, не понукают коней, а они сами мчатся» (7, 94). Несмотря на «мистическую» форму выражения, в самой идее «странствования» в области умозрительного нет ничего мистического. Речь по существу идет о той полной и абсолютной внутренней сосредоточенности художника, которая предполагает как бы забвение всего внешнего. Это состояние свойственно каждому творцу в момент творческого акта, когда его руки как бы сами собой ваяют скульптуру, режут камень, исписывают шелк или листки бумаги. Здесь акцентировано внимание на самом процессе творчества, идущем в художнике безотносительно к тому, что обретает материальное воплощение в камне, в словах, в звуках, в тот момент, когда произведение складывается внутри него, но еще не вылилось вовне, не обрело телесной внешней формы.

Такое мастерство есть одновременно и высшее искусство, и высшая мудрость. Великий мастер, он же мудрец, «формует вещи и вместе с творящим изменения создает людей» (7, 31), «наверху дружит с божественным разумом, внизу вместе с творящим изменения создает людей» (7, 178), т.е. уподобляется в своих творческих возможностях самой природе и тем силам, которые ею управляют.

Таким образом, в теории искусства мы имеем дело все с теми же тремя планами.

Глава 4. УЧЕНИЕ ОБ ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Теория общественного устройства и государственного управления, так же как и все другие темы «Хуайнаньцзы», исходит из общефилософских посылок и только с учетом их может быть понята Эта тема рассматривается опять-таки на трех уровнях, соответствующих трем планам в онтологии и в теории познания. Высший план – это идеальное состояние, средний – это приближающийся к идеальному мир гармонии внешнего и внутреннего, идеального и материального, низший – сфера господства не руководимой разумом материи.

В качестве идеала выступает своеобразный «золотой век», век «совершенного правления» и всеобщего процветания, отнесенный ко временам глубокой древности. В те времена люди жили одной жизнью с природой, и природа доставляла им все, что нужно для пропитания. Тогда в природе все руководилось «божественным разумом» и все свершалось в ней согласно разумному и справедливому порядку: четыре времени года не утрачивали своей последовательности, дожди выпадали вовремя, солнце и луна светили чистым светом, пять планет свершали свой кругооборот, не сбиваясь со своего пути (7, 113). Природа человека была чиста и безыскусственна, люди не знали раздоров, насилия и войн, их соединяли узы дружелюбия и любви (7, 21, 28, 32, 95, 124 и др.). «Древние объединялись в одно с эфиром Вселенной... В те времена не знали выгод от поздравительных подарков, не знали страха наказаний. Обряды, долг, честность и позор еще не были установлены; хула и слава, добропорядочность и подлость не были введены, и люди не подвергали друг друга унижениям и насилию, как если бы жили в самой сердцевине струящейся тьмы... Божественный разум устанавливается в Поднебесной, и сердца возвращаются к своему началу. Сердца возвращаются к своему началу, и природа народа становится доброй. Природа народа становится доброй, и небо и земля, *инь* и *ян* сопутствуют [ей] и хранят [ее]. Тогда имущества достаточно, и люди счастливы» (7, 115–116). Здесь нет еще никаких разделений, никто никем не руководит, а «все само собой формируется» (7, 28). Это были времена полного единства природы и человека, когда человек растворялся в массе живого и не составлял особого мира, когда природа еще не была испорчена его вмешательством, что было залогом его здоровья и счастья Эти времена еще не связываются с именами героев или мудрецов, потому что все здесь свершается «само собой», естественно, повинуясь общему разумному и справедливому космическому порядку.

Вслед за временами полного единства идут века, характеризующиеся разделением, это периоды правления легендарных «Пяти предков и Трех царей» или другая формула: «Трех императоров и Пяти предков». Среди них первое место принадлежит Желтому предку: «Некогда Желтый предок управлял Поднебесной, а помогали ему Лиму и Тайшаньцзи. Они упорядочили движение солнца и луны, урегулировали [чередование] эфира *инь* и *ян,* расчленили границы четырех сезонов, определили календарный счет, провели различие между мужчиной и женщиной, обозначили разницу между самцами и самками, внесли ясность в положение высших и низших, установили деление на благородных и худородных» (7, 94), т е. смысл их деятельности был в том, что они проникли в суть космического порядка и согласовали с ним человеческое общежитие. В результате во времена их правления сильные не обижали слабых, «народ сохранял свою жизнь и не умирал преждевременно. Урожай вовремя созревал, и не было стихийных бедствий. Все чиновники были справедливы и не знали корысти. Высшие и низшие жили в гармонии, и никто не превосходил другого. Законы и распоряжения были ясны, и не было в них темного. Советники и приближенные радели об общем благе и не разделялись на партии. Владельцы полей не покушались на чужие межи, рыбаки не боролись за излучины, на рынках торговали без запроса, крепостные и городские стены не запирались... И не было в сердцах злобного соперничества» (7, 94). Основой этого всеобщего благоденствия была опять-таки ориентированность на порядок космоса, а сутью – всеобщая гармония, согласие, мир и дружелюбие.

По версии этой главы «Хуайнаньцзы», за веком Желтого предка следует век Фуси, когда произошла космическая катастрофа: «...четыре полюса разрушились, девять материков раскололись, небо не могло все покрывать, земля не могла все поддерживать, огонь полыхал, не утихая, воды бушевали, не иссякая. Свирепые звери пожирали добрых людей, хищные птицы хватали старых и слабых» (7, 95). С космической катастрофой успешно справилась Нюйва: «Нюйва расплавила пятицветные камни и залатала лазурное небо, отрубила ноги гигантской черепахе и подперла ими четыре полюса... собрала тростниковую золу и преградила путь разлившимся водам», она взяла на себя заботу о небе и земле, «сделала весну мягкой, лето – жарким, осень – убивающей, зиму – сохраняющей», т.е. вернула четырем сезонам им естественные функции. В результате ее деятельности все вновь вернулось в свою колею, и люди были по-прежнему счастливы. Переход ко временам упадка, связываемым с именами жестоких легендарных правителей Цзе и Чжоу, в этой версии дается без всякой мотивировки: «Когда же наступили времена сяского Цзе...», порядки «Пяти предков» были забыты (7, 96).

Во второй главе «Хуайнаньцзы» содержится другая версия. Век Фуси предшествует веку Желтого предка. Он уже характеризуется как век «упадка». Род Фуси следовал пути неба и земли, но он захотел передать свою мудрость людям, и тогда «появилось знание... и все возжелали проститься со своим отроческим сердцем и, пробудившись, устремили взор в пространство между небом и землей. От этого их благо взволновалось и утратило единство» (7, 28). «Знание», стремление к которому было пробуждено Фуси, стало причиной нарушения былого единства человека и космоса, нераздельности их существования. В века Желтого предка и Священного земледельца, чьи старания были направлены на закрепление за всем своего места, был достигнут «порядок», но не восстановлена гармония (там же). Напротив, люди еще более пристрастились к «знаниям».

Характерно, что «знание», о котором в этом контексте идет речь, – это знание низшего типа, продукт «чувств и ума» (*цин чжи*), то знание, которое доставляется зрением и слухом, которое рождает «страсти», привязывает человека к «вещам». Это знание дает человеку представление о том, что есть «польза» и что «вред». «Люди, руководствуясь знанием, избегают вреда и достигают пользы» (7, 212). С этих пор вся человеческая деятельность обратилась на приобретение пользы, к достижению наибольшей выгоды: «Когда наступило время упадка, то стали сверлить горы и камни, резать металл и нефрит, вскрывать жемчужные раковины, плавить медь и железо – и тьма вещей не [могла] взрастать. Вскрывали чрево, умерщвляли плод... выворачивали гнезда, уничтожали яйца... Вязали деревья, сооружая башни, жгли леса для охоты, спускали воду озер для рыбной ловли. Уже у людей не хватало орудий, закрома ломились от запасов, а тьма вещей не успевала завязать завязь; слабые ростки, утробные зародыши, не успевшие дозреть, составляли больше половины. Делали насыпи, сооружая холмы; унавоживали землю и сеяли зерно; рыли землю и делали колодцы; прорывали русла для получения выгоды; возводили крепостные стены и делали укрепления, стали держать на привязи животных, превращая их в скот. И тогда *инь* и *ян* стали беспорядочно сталкиваться, четыре времени года утратили порядок, гром и молния стали уничтожать и расщеплять. Бьет град, падает снег, туманы и иней не прекращаются, а тьма вещей гибнет, не созрев» (7, 113–114). Таким образом, эти «деяния» пресекают жизнь в самом ее зародыше. Преследуя непосредственную выгоду, они исходят из однодневного расчета, не заботясь о последующих результатах своих действий. А результат весьма угрожающ: нарушается общая гармония, в налаженное течение природной жизни врывается человеческий произвол, не желающий считаться с непреложностью естественного «пути» – и все это в конечном счете несет людям неисчислимые бедствия.

Времена упадка связываются с царствованием легендарных Цзе и Чжоу и характеризуются как века падения нравов. Эти два правителя «забыли» законы и установления «Пяти предков и Трех царей», которые в своем правлении «следовали» естественности. Они отдавали приказы, не сообразуясь с четырьмя сезонами, в результате чего была нарушена «гармония» между весной и осенью и «небо и земля отняли свое благо» (7, 96). Советники стали подавать советы, равняясь на мнения высших, а не на «должное». Появились партии и клики, тайно сговаривающиеся против высших. Господин и слуга, отец и сын стали спорить за главенство. Все отдалились друг от друга и преисполнились вражды. Теперь не стало ни искреннего горя, ни искренней радости. Воцарились хитрость, угодливость, лицемерие и ханжество (7, 96, 169). Вследствие нарушения космической гармонии средств для пропитания и жизни стало недостаточно. Да к тому же безумная погоня за вещами, алчность и жадность привели к тому, что одни утопали в роскоши, а другие прозябали в бедности. Однако эти отрицательные характеристики относятся не только к временам легендарных жестоких правителей Цзе и Чжоу, но и к недавним, вполне реальным временам периода «борющихся царств» (V–III вв. до н.э.). Поднебесная разделилась на семь враждующих царств, в которых каждый из правителей устанавливал свои законы, стоял за свои особые обычаи. Жестокость, насилие, казни достигли небывалых размеров. Войны не прекращались, «из сотни возвращался один, покрытый громкой славой», в домах остались только старые и слабые, дороги были запружены телегами, по обочинам валялись сотни тысяч трупов. «Люди дошли до того, что спали на человеческих головах, ели человеческое мясо, жали сок из человеческой печени, пили человеческую кровь» (7, 97).

Времена упадка выписаны авторами «Хуайнаньцзы» не менее ярко, чем времена процветания. Как «золотой век», так и «закатные времена» обнажают перед нами те проблемы, которые реально стояли перед авторами памятника, то зло, с которым они хотели бороться: хозяйственная нужда, общественные распри, семейные раздоры, борьба царств. Отсюда ясно, что авторы «Хуайнаньцзы» были глубоко не удовлетворены современным общественным устройством и эта их неудовлетворенность не могла быть скрыта теми редкими панегириками, которые они иной раз обращают в адрес царствующей династии (там же).

Таким образом, предшествующая история представляется авторам «Хуайнаньцзы» как постепенное нисхождение от высот «золотого века» через период правления Желтого предка и Священного земледельца к современному состоянию упадка.

Вся положительная программа исходит из веры в возможность вернуть времена былого процветания. Образцом

здесь выступает время правления Желтого предка и Священного земледельца.

Теория государственного управления основывается на трех главных моментах: личности правителя, законах и определении «каждому своего места».

Личность правителя имеет большое значение, поскольку он подобен солнцу и луне (7, 139), то есть стоит на виду и все равняются на него. «Если правитель непрям, то неправедные добиваются желаемого, а преданные скрываются в уединении» (7, 136). «Если правитель держится прямого, придерживается ровного, определяя высокое и низкое, как по отвесу и уровню, то те слуги, что пришли к нему с недобрыми помыслами, уподобятся яйцу, разбиваемому о камни, огню, заливаемому водой» (7, 136). «Яо (легендарный мудрый правитель древности. – *Л. П.*) был добр, и все доброе пришло к нему; Цзе был неправеден, и все неправедное собралось вокруг него» (7, 148). Итак, добродетель, высокие нравственные качества правителя есть необходимое условие всеобщей нравственности. Кроме того, они являются залогом всеобщего порядка: «Искусство властителя в том, чтобы пребывать в покое ради совершенствования себя; быть бережливым, чтобы вести за собой низших. Если он в покое, то низшие не волнуются; если он бережлив, то низшие не завидуют. Когда низшие приходят в волнение, начинается смута; когда народ начинает завидовать, добродетель оскудевает. Когда же начинается смута, то мудрые не занимаются делами правления; когда добродетель оскудевает, то храбрые не хотят умирать» (7, 138). Таким образом, первое условие совершенного правления – это совершенство правителя.

В государстве, которое управляется совершенным образом, всему определено свое место. В связи с этим авторы «Хуайнаньцзы» говорят о «пути» правителя, его «слуг» и народа. Место правителя – наверху. Дело его – соразмерять движение Вселенной с движением управляемой им Поднебесной. «Правитель вверху следует природным сменам года, внизу исчерпывает богатства земли, в центре использует [физическую] силу народа. И тогда все родится и вызревает, пять злаков пышно взрастают, он научает народ выкармливать шесть видов домашних животных, в нужное время сажать деревья, содержать в порядке поля и межи, растить туты и коноплю», исходя при этом из того, что «пища – это основа народа, народ – основа государства, государство – основа государя» (7, 147). Правитель осуществляет как бы общее руководство, оставляя практическое исполнение на долю «слуг». В связи с этим авторы «Хуайнаньцзы» много говорят о характере отношений между правителем и «слугами». У каждого из них свое место: место правителя – позади, место слуг – впереди, потому что правитель осуществляет расчет, а слуги ему следуют. Расчет же можно произвести только издали. Поэтому правитель стоит особо от всех, а его

«слуги» находятся в непосредственной близости к объекту управления. Правителю, однако, видно больше, чем «слугам», хотя он и не покидает зала церемоний (Минтан). Поскольку правитель не осуществляет руководства практически, а только теоретически, постольку он пребывает в «недеянии», «наставляет без речей», «не награждает, не карает» (7, 127). «Путь» правителя и «путь» слуг различен, и в этом различии залог порядка (7, 134). Более того, если эти два «пути» уподобляются друг другу, то рождается смута и беспорядок (там же). Правитель не должен пытаться заменить своих слуг, т.е. от теоретического руководства перейти к практическому осуществлению, – это также приведет к беспорядку (9, 143).

По отношению к слугам у правителя есть определенные обязанности, соблюдение которых обеспечивает согласие между ними. Правитель не должен награждать не по заслугам и карать без вины. В оценке своих слуг он должен быть беспристрастен, ориентируясь опять-таки не на свое настроение («гнев или веселость») и не на свое отношение («любовь или ненависть»), а сообразуясь с общей пользой. Мерилом в определении общей пользы служат два момента: соответствие месту и закону. Поскольку у всех есть свои способности, то и занимаемое место должно определяться этими способностями. Если слуга поступает в соответствии с законом, то он не может быть наказуем без различия того, какое положение – высокое или низкое – он занимает. Правитель не должен ориентироваться ни на кровное родство, ни на принадлежность к той или иной партии – он должен стоять в середине, то есть быть свободным от партийных интересов. Между слугами и правителем существует как бы негласный договор, называемый принципом «взаимной благодарности»: правитель только тогда может рассчитывать на преданность слуг, когда он соблюдает вышеперечисленные условия этого договора. В противном случае слуга свободен от исполнения своих обязательств по отношению к правителю, нарушившему условия.

«Путь» слуги состоит в том, чтобы «говорить правду и занимать должное место, в делах проявлять инициативу, исполнять свое дело с умом и тем заслужить [славу]» (7, 134) Если правитель соответствует своему образцу, а слуга – своему, то государство управляется как должно.

Следствием должного управления является и правильное распределение труда среди сословий, к которым относятся «ученые мужи» (типа странствующих ораторов, воинов, государственных деятелей и пр.), земледельцы, ремесленники и торговцы. Каждое из этих сословий исполняет свою службу и не вмешивается в дела другого (7, 132, 182).

Все сословия делятся на «высшие» и «низшие». К «высшему» относятся правитель и его слуги, к низшим – «народ», т.е производящие слои. Все внимание авторов «Хуайнаньцзы» со-

средоточено на деятельности высших, о низших говорится лишь применительно к конечной «общей пользе». Насчет этой общей пользы не надо заблуждаться. Хотя на страницах «Хуайнаньцзы» можно встретить целые обличительные речи, на первый взгляд направленные в защиту народа, однако и в этом случае авторы озабочены не благополучием низов самих по себе, а тем, в какой степени их благополучие служит основой «общего» благополучия. Иными словами, речь идет о том, чтобы обеспечить низшим условия, при которых они могли бы производить в достаточном количестве все необходимое для благополучного существования высших. Достаточность имущества и пищи для низших – это основа благополучия высших. О них следует заботиться настолько, насколько заботится о ветке тот, кто на ней сидит.

Одной из наиболее действенных мер по охране государственного порядка служат законы. «Кто рассуждает о делах [правления], непременно должен быть сведущ в законах» (7, 136). Управление государством не сводится к применению законов, но законы помогают управлению (там же). Необходимость законов обусловливается тем, что «таких в народе, которые бы любили доброе, радовались правильному, не ожидая запретов и наказаний, сами следовали бы законам и установлениям, из десяти тысяч не найдется и одного» (7, 145). Поэтому «законы, установления, меры и веса – это средство для правителя управлять низшими. Отказаться от них и не использовать – это все равно что скакать на невзнузданном коне. Толпа слуг и весь народ тогда начинают дурачить высших» (7, 142). «Законы – это меры и веса Поднебесной, уровень и отвес для правителя» (7, 140). Поднебесная должна следовать законам, а правитель должен награждать и наказывать в соответствии с законом (7, 140–141). Когда правитель карает и милует по закону, то «казнимые не имеют гнева на государя – казнь свершается за преступление; награждаемые не испытывают благодарности к высшему – награда получена за труд. Народ знает, что казнь и награда зависят только от себя» (7, 133). Правитель оценивает своих «помощников», исходя из законов, не примешивая сюда собственной, субъективной оценки (7, 131). Это служит гарантией того, что в Поднебесной царят «равновесие» и «прямота» (там же).

Закон является сдерживающей мерой для правителя, не позволяя ему править самовластно (7, 141). Перед законом все равны: «Почетное положение и благородство не могут облегчить наказания, а низкое положение и низкий род не могут отяготить его. Преступивший закон, будь он человеком достойным, должен быть казнен; следующий мере, будь человеком недостойным, должен быть признан невиновным. Таким образом, общему *дао* будет открыт путь, а своекорыстному – преграждён» (7, 140–141).

Законы исходят из «справедливости» (*и*). «Справедливость» же понимается как соответствие каждого своему месту, обеспечивающее единство разнородных социальных групп и сплочение их в одно гармоничное целое. «Справедливость есть согласование различий между господином и слугой, отцом и сыном, старшим братом и младшим, мужем и женой, другом и товарищем» (7, 169). «Согласование различий» должно быть понято как требование гармоничного сочетания различных групп общества. Эта гармония «соответствует многим» (7, 141) и обеспечивает возможность согласования с «сердцами людей», т.е. с их интересами и помыслами (*там же*). Таким образом, законы должны исходить из «справедливости», которая в свою очередь исходит из интересов «многих».

Соблюдение законов есть необходимое условие хорошо управляемого государства: «Гибнущее государство – это не то, в котором нет правителя, а то, в котором нет закона... Когда же есть законы, а не соблюдаются, это равно тому, что их нет» (там же).

«Законы не созданы небом, не рождены землей, они возникли среди людей и ими же могут быть исправлены... Изменение законов не означает беззакония» (там же). Здесь авторы «Хуайнаньцзы» апеллируют к истории, показывая, как легендарные древние правители свободно меняли законы и установления, приводя их в соответствие с временем и местом (7, 212–213). Отсюда следует вывод, что в управлении государством главное – «польза народа», но при этом нет необходимости в слепом следовании установлениям древних (7, 213). «Мудрецы изменяют законы в соответствии с временем, меняют обряды в соответствии с обычаями» (там же).

Однако как ни высоко оценивают авторы «Хуайнаньцзы» роль и значение законов, все же законы только одно из средств управления, но не в них «корень», т.е. суть, управления: «Наказаний и штрафов недостаточно, чтобы изменить нравы; казни и убийства не могут пресечь зла» (7, 129). Во времена Священного земледельца «законы были снисходительными, а наказания мягкими, тюрьмы пустовали, а вся Поднебесная жила одними обычаями» (7, 128). Законы и казни были не нужны, потому что царствовала гармония. К ее достижению и должны, по мнению авторов «Хуайнаньцзы», быть устремлены усилия правителя. Для этого существует несколько условий. Первое – «следование» самого правителя общему движению Вселенной, природы, космоса. Об этом уже говорилось. Второе – «искусство» правителя приводить в гармонию и согласие Поднебесную. Правитель должен отдавать себе отчет в том, что, сколь бы мудр он ни был, его сил недостаточно «и для управления тремя *му* земли», поскольку вообще человеческие способности ограниченны. Поэтому его сила – в опоре на ум и способности многих: «Когда властитель смотрит глазами Поднебесной, слушает

ушами Поднебесной, размышляет умом Поднебесной, борется силой Поднебесной, тогда приказы и распоряжения доходят до самых низов, а чувства слуг достигают ушей высших. Сто чинов едины, а масса слуг устремляется к правителю, как спицы ко втулке» (7, 140).

Правитель, таким образом, должен обладать искусством использования людей, а не полагаться на собственные таланты, ведь «вступающий на колесницу не трудит ног, а пробегает тысячу *ли;* едущий на лодке, и не умея плавать, пересекает реки и моря. Правитель не может не желать объединить умы всех на пространстве меж четырех морей, использовать до конца силы многих» (там же). Искусство же состоит в умении правильно оценить способности каждого: «...достойный правитель, выбирая людей, подобен искусному мастеру, управляющемуся с деревом: большие годятся на постройку судов и опор для мостов; малые пригодятся на весла и заградительные столбы; длинные пойдут на перекладины на галереях и карнизах; короткие – на столбики (на мосту) и стойки. Нет ни малого, ни большого, ни длинного, ни короткого – каждое определяется на то, к чему подходит» (7, 139). Определение всякому своего места служит основой общей гармонии: «Когда нет ни малого, ни большого, ни длинного, ни короткого, а каждое обретает соответствующее себе, тогда Поднебесная объединяется в одно и никто не стремится превзойти другого» (7, 135); «Поэтому за что бы ни принимался властитель, он не может не быть осторожен. Когда обязанности возложены на подходящих людей – государство в порядке, высшие и низшие в гармонии, масса слуг близка как родственники, народ покорен» (там же). В способностях людей есть различия – что трудно одному, то легко другому: «...большой стратег не может заниматься мелким изобретательством. Обладающий незначительным умом не способен на настоящий подвиг» (7, 139). Дело правителя – рассчитать возможности каждого и в соответствии с ними определить его место.

Правитель пользуется расчетом не только в распределении людей, но также в экономике, в хозяйственной жизни. Тощие и плодородные земли используются в соответствии с их свойствами: на плодородных сеют злаки, на гористых и холмистых – бамбук. Хозяйственные работы производят в соответствии с четырьмя сезонами и календарными вычислениями. Этот распорядок подробно описан (7, 147–148). В расчете урожая правитель исходит из необходимости иметь государственный запас на случай стихийных бедствий или неурожая: «Мощь неба и земли позволяет рассчитывать так, чтобы через три года запахивания поля оставался годовой запас; за девять лет сбора такого запаса имелся трехгодичный фонд; за восемнадцать лет был бы запас на шесть лет, а за двадцать семь – девятилетний запас... Государство, в котором нет девятилетнего запаса, называется «недостаточным»; в котором нет шестилетнего запаса, – «стра-

дающим»; в котором нет и трехлетнего запаса, – «нищим»» (7, 146–147). Исходя из этого, правитель рассчитывает и свое потребление, и налоги (там же). Когда же, случалось, пренебрегали расчетом, то «отбирали у народа без меры, накладывали поборы на низших, не соразмеряя их с достатком, и тогда мужчины и женщины оставили земледелие и ткачество и не могли удовлетворить требования высших – сколько те ни прикладывали сил, все был недостаток. И тогда господин и слуга стали ненавистны друг другу» (7, 146), т.е. было нарушено согласие.

Мудрый правитель уподобляется искусному мастеру, в частности искусному возничему; в совершенстве управляющему своей колесницей: «Держащие власть – это колесница правителя; имеющие ранги и жалованье – это удила и уздечки. Правитель помещает себя на колесницу держащих власть, берет в руки жезл имеющих ранги и жалованье, глубоко проникает в меру мягкости и резкости [натяжения вожжей] и знает, где натянуть, где ослабить. И тогда Поднебесная исчерпывает все силы и не знает устали» (7, 137). Таким образом, искусство управления отождествляется с искусством средней ступени.

Правление, основывающееся на гармонии, расчете, соответствии, признается, как видим, совершенным правлением. Однако при этой оценке авторы «Хуайнаньцзы» исходят из той посылки, что в Поднебесной господствует неизбежное зло – разделение. Такая форма правления может быть признана совершенной, так как это разделение уже существует как факт. Но все же безусловным идеалом признается такое состояние общества, когда нет надобности в управлении. Отсюда постоянный лейтмотив – призыв вернуться к временам «золотого века». Если совершенного правления добивается правитель, умело сообразующийся с законами природы, то идеальное правление под силу только мудрецу высшей ступени, тому, кто уподобляется вершителю законов самой природы, т.е. *дао,* и объединяется в одно с самим Великим Единым. Когда такой правитель становится наверху, то Поднебесная «сама приходит в гармонию», «народ сам становится безыскусственным», «нет благовещих знамений, а никто не погибает преждевременно», «нет раздоров и споров, а пропитания достаточно», все свершается само собой наилучшим порядком, и «не известно, кто это делает» (7, 117).

Таким образом, теория государства и государственного управления «Хуайнаньцзы» естественно вписывается в общефилософскую концепцию памятника. Исходным моментом здесь является представление о вечном круговращении – именно поэтому «золотой век» не просто когда-то был, но может быть возвращен. Когда авторы «Хуайнаньцзы» говорят об обществе, где каждый должен заниматься своим делом, исполнять свои функции, то они исходят из представления о нем как о едином целом, все части которого взаимообусловлены и где нарушение функций одной части ведет к нарушению единства целого.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ ТЕКСТА «ХУАЙНАНЬЦЗЫ»

На китайском языке

Лю Вэньдянь Хуайнань хунле цзицзе (Сводный комментарий к «Хуайнань. Великая мудрость»). 2-е изд. Тайбэй, 1992.

Лю Цзяли. Хуайнань цзичэн (Сводный комментарий к «Хуайнань»). Шанхай, 1924.

Хуайнаньцзы. Комментарий Гао Ю // Чжуцзы цзичэн. Т. 7. Пекин, 1956.

Хуайнаньцзы // Сы бу бэй яо. Т.153. Шанхай, 1936.

Хуайнаньцзы. Шэнь Яньбин сюань (Избранное, сост. Шэнь Яньбин). Шанхай,1925.

Чжан Шуанди. Хуайнаньцзы цзяоши (Хуайнаньцзы с коммент. и пояснениями): В 2 т. Пекин, 1997.

Ян Шуда. Хуайнаньцзы чжэнвэнь (Критическое издание «Хуайнаньцзы»). Пекин, 1953.

Переводы

Хуайнаньцзы и чжу / Пер. на совр. кит. яз. и коммент. Чэнь Гуанчжуна. Чанчунь, 1990.

Померанцева Л.Е. Переводы из «Хуайнаньцзы» // Поздние даосы о природе, обществе и искусстве. М., 1979.

Померанцева Л.Е. Хуайнань-цзы // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990.

Erkes E. Das Weltbild des Huainan Tze // Ostasiatische Zeitschrift. Jg. 5. H. 1/4. 1918.

Kraft E. Zum *Huai-nan-tzu.* Einführung, Übersetzung (Kapitel I und II) und Interpretation // Monumenta serica. Tokyo, Japan, Nagoya. V. XVI. Fasc. 1, 2. 1957; V. XVII. 1958.

Le Blanc Ch.Y. The Idea of Resonance (kan-ying) in the Huai-nan tzu with a Translation and Analysis of Huai-nan tzu. Chapter Six. Ph.D. dissertation. University of Pennsylvania, 1978.

Major John S. Heaven and Earth in Early Han Thought. Chapters Three, Four, and Five of the *Huainanzi.* With an Appendix by Christopher Cullen. N.Y., 1993.

Tao, the Great Luminant. Essays from Huai Nan Tzu with introductory Articles, Notes, Analysis by Evan Morgan. L., 1933.

Wallacker B. E. The Huai-nan-tzu, Book Eleven: Behaviour, culture, and the Cosmos. New Haven, Conn., 1962.

ИСТОЧНИКИ

Ван Ли Тунъюань цзыдянь (Этимологический словарь) Пекин 1982
Ван Чун Лунь хэн (Критические рассуждения) // Чжуцзы цзичэн Т 7 Пекин, 1956
Вэньцзы цзуанъи Комментарий Ду Даоцяня // Сыбу бэйяо Шанхай 1936
Гао Ю Сюй (Предисловие к «Хуайнаньцзы») // Чжуцзы цзичэн Т 7
Го юй (Речи царств) Шанхай, 1958
Гэ Хун Баопу цзы // Чжуцзы цзичэн Т 8 Пекин, 1956
Гэ Хун Шэнь сянь чжуань (Жития святых) Б м и б г
Китайская классическая проза в переводах академика В М Алексеева 2-е изд М , 1959
Китайская философия Энциклопедический словарь М , 1994
Лаоцзы бэньи // Чжуцзы цзичэн Т 3 Пекин, 1956
Лаоцзы Дао дэ цзин Комментарий Ван Би // Там же
Лецзы Комментарий Чжан Чжаня // Чжуцзы цзичэн Т 3
Лунь юй Ян Боцзюнь чжу (Пер и коммент Ян Боцзюня) Шанхай, 1958
Лю Се Вэнь синь дяо лун чжу (Резной дракон литературной мысли с коммент Фань Вэньланя) В 2 т 2-е изд Пекин, 1962
Лю Хэдун цзи (Собрание сочинений Лю Цзунъюаня) Шанхай, 1958
Люйши чуньцю Комментарий Гао Ю // Чжуцзы цзичэн Т 6 Пекин, 1956
Моцзы // Чжуцзы цзичэн Т 4 Пекин, 1956
Мэнцзы и чжу / Под ред Ян Боцзюня В 2 т Пекин, 1960
Сун Юй Цзю бянь (Девять изменений) // Чу цы сюань (Избранное из «Чуских строф») / Сост и коммент Ма Маоюаня Пекин, 1962
Сы шу // The Four Books Transl by J Legge Shanghai,1930
Сюньцзы Комментарий Ван Сяньцяня // Чжуцзы цзичэн Т 2 Пекин, 1956
Сяо Тун Вэнь сюань (Литературный изборник) Шанхай, 1959
У цзин (Пятикнижие) Т 1–3 Шанхай, 1936
Хань Фэйцзы Сводный комментарий Ван Сяньшэня // Чжуцзы цзичэн Т 5 Пекин, 1956
Хань шу (История династии Хань) // Бона эрши сы ши Т 4
Хуань Куань Янь те лунь (Спор о соли и железе) // Чжуцзы цзичэн Т 7
Цы хай (Толковый словарь «Море слов») Пекин, 1947
Чжоу ли (Обряды Чжоу) // Шисань цзин чжу шу (Тринадцатикнижие с коммент) Т 11–14 Пекин, 1957
Чжуанцзы Комментарий Ван Сяньцяня // Чжуцзы цзичэн Т 3
Чжэсюэ да цыдянь Лоцзисюэ цзюань (Большой философский словарь Том «Логика») Шанхай, 1984
Шанцзюнь шу (Книга правителя области Шан) // Чжуцзы цзичэн Т 5
Шань хай цзин цюань и (Полный перевод «Книги гор и морей») / Пер и коммент Юань Кэ Гуйчжоу, 1995
Шицзин чжуань («Книга песен» с коммент) Комментарий Чжу Си Шанхай 1958
Ши цзи (Исторические записки Сыма Цяня) // Бона бэнь эрши сы ши (Двадцать четыре династийные истории в изд Бона) Т 1 Пекин, 1958
Шо вэнь цзе цзы Дуань чжу (Толковый словарь «Шо вэнь» с коммент Дуань Юйцая) Шанхай, 1936
Яньцзы чуньцю // Чжуцзы цзичэн Т 4

Атеисты материалисты диалектики древнего Китая Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы / Вступит ст , пер и коммент Л Д Позднеевой М 1967
Великое Введение к «Книге песен» / Пер И С Лисевича // Историко-филологические исследования Сб ст памяти академика Н И Конрада, М , 1974

Го юй (Речи царств) / Пер С Таскина М 1987
Гэ Хун Баопу-цзы / Пер с кит, коммент и предисл Е А Торчинова СПб 1999
Дао дэ цзин / Пер Ян Хиншуна //Древнекитайская философия Собрание текстов В 2 т Т 1 М, 1972–1973
Древнекитайская философия Собрание текстов В 2 т / Сост Ян Хиншун М 1972–1973
Древнекитайская философия Эпоха Хань / Сост Ян Хиншун М, 1990
Иванов А Материалы по китайской философии Введение Школа фа Хань Фэйцзы СПб, 1912
Из книг мудрецов М, 1987
Каталог гор и морей Шань хай цзин / Предисл, пер и коммент Э М Яншиной М, 1977
Китайская классическая проза в переводах академика В М Алексеева М, 1959
Книга правителя области Шан / Пер, вступит ст и коммент Л С Переломова М, 1968
Конрад Н И Суньцзы Трактат о военном искусстве Перевод и исследование М, Л, 1950
Конфуциева летопись Чуньцю – «Весны и осени» / Пер и примеч Н И Монастырева Исследования Д В Деопика и А М Карапетьянца М, 1999
Лецзы // Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы Вступит ст, пер и коммент Л Д Позднеевой М, 1967
Литература Древнего Востока Иран, Индия, Китай Тексты / Авт -сост Ю М Алиханова, В Б Никитина, Л Е Померанцева М, 1984
Лунь юй // Древнекитайская философия Собрание текстов В 2 т Т 1 М, 1972–1973
Лунь юй (Изречения) / Пер И И Семененко М, 2000
Люйши чуньцю Весны и осени господина Люя *Лао-цзы* Дао дэ цзин Трактат о пути и доблести / Пер, предисл, примеч и словари Г А Ткаченко М, 2001
Платон Сочинения В 3 т / Под общей ред А Ф Лосева и В Ф Асмуса Т 1 М, 1968, Т 2, 1970, Т 3, 1971–1972
Попов П С Китайский философ Мэн-Цзы / Пер с кит СПб, 1904
Сыма Цянь Избранное / Пер В Панасюка М, 1956
Сыма Цянь Исторические записки (Ши цзи) / Под ред Р В Вяткина Т 1–7 М, 1972–1996
У-цзы Трактат о военном искусстве / Пер и коммент Н И Конрада М, 1958
Феоктистов В Ф Философские и общественно-политические взгляды Сюньцзы Исследование и перевод М, 1976
Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред В В Струве и Д Г Редера М 1963
Хуань Куань Спор о соли и железе (Янь те лунь) В 2 т / Пер, введение коммент и приложения Ю Л Кроля Т 1 СПб 1997, Т 2 М, 2001
Цюй Юань Лисао СПб, 2000
Чжуанцзы // Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая Шицзин Избранные песни / Пер с кит А А Штукина под ред Н И Конрада М, 1957
Шицзин / Издание подготовили А А Штукин и Н Т Федоренко М, 1957
Штейн В М «Гуань-цзы» М 1959
Щуцкий Ю К Китайская классическая «Книга перемен» М, 1960
Ян Чжу // Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая

Chavannes E Les memoires historiques de Se-ma Ts`ien P, 1895–1905
Duyvendak J J L Tao To King Le livre de la voie et de la vertu P, 1953

Forke A Mê Tı Berlın, 1922
Gıles H A Chuang Tzu Mystıc moralıst and socıal reformer Shanghaı 1926
Graham A C The Book of Lıeh-tzŭ L , 1960
Hawkes D Ch'u tz'u The Songs of the South An ancıent Chınese Anthology Oxf 1959
Lao tsu Tao te chıng / Transl wıth an Introductıon by D C Lau L , 1970
Legge J The Chınese classıcs Oxf 1893–1895
Legge J The sacred book of Chına The Texts of Taoısm Oxf , 1936
Lıao W K The Complete Works of Han Feı tzŭ / Transl wıth Introductıon Notes and Index Vol 1 L , 1939, Vol 2 L , 1959
Lıu Hsıeh The lıterary mınd and the carvıng of dragons / Transl by Yu-chung Shıh V N Y , 1959
Lun-hêng Mıscellaneous essays of Wang Ch'ung / Transl by A Forke Berlın, 1911
Wılhelm R Dschuang Dsı Das wahre Buch vom sudlıchen Blutenland Jena, 1923
Wılhelm R Igıng Das Buch der Wandlungen Aus dem Chınesıschen verdeutscht und erlautert von R Wılhelm Jena, 1924
Wılhelm R Fruhlıng und Herbst des Lu Bu We / Verdeutscht und erlautert von R Wılhelm Jena, 1928
Wılhelm R Lıa Dsı Das wahre Buch vom quellenden Urgrunder Jena, 1911

ЛИТЕРАТУРА

На китайском языке

Ван Шуминь Хуайнаньцзы юй Чжуанцзы («Хуайнаньцзы» и «Чжуанцзы») // Цинхуа сюэбао 1960 № 2 (1)
Ван Шуминь Хуайнаньцзы цзяочжэн буи (Текстологическая критика «Хуайнаньцзы») // Вэньшичжэ сюэбао 1953 № 5, 1954 № 6, 1956 № 7, 1957 № 8
Вэнь Жэнь «Хуайнаньцзы» ганьин гуань синь тань (Новое исследование теории резонанса в «Хуайнаньцзы») // Чжунго чжэсюэ 1998 № 4
Вэнь Идо Шэньхуа юй ши (Мифы и поэзия) Шанхай, 1957
Го Шаоюй Чжунго вэньсюэ пипин ши (История китайской литературной критики) Шанхай, 1962
Ло Гэнцзэ Чжуцзы каосо (Исследование классической философии) Пекин, 1958
Лю Дацзе Чжунго вэньсюэ фачжань ши (История китайской литературы) Т 1 Шанхай, 1962
Си Цзэцзун Хуайнаньцзы Тяньвэнь сюнь шулюэ (Краткий обзор главы «Небесный узор» «Хуайнаньцзы») // Кэсюэ тунбао 1962 № 6
Фэн Юлань Чжунго чжэсюэ ши луньвэнь чуцзи (Статьи по истории китайской философии) Вып 1 и 2 Шанхай, 1962
Ху Ши Хуайнаньван шу (Книга хуайнаньского князя) Шанхай, 1931
Чуцы сюань (Чуские строфы Избранное) / Вступит ст Ма Маоюаня Пекин, 1962
Чжан Синьчэн Вэйшу тункао (Свод исследований по аутентичности текстов) Шанхай, 1957
Чжан Тао «Хуайнаньцзы» исюэ сысян таньси (Учение об «изменениях», по «Ицзину», в «Хуайнаньцзы») // Чжунго чжэсюэ 1999 № 11
Чэнь Лянъюнь «Вэнь синь дяо лун» юй «Хуайнаньцзы» («Резной дракон литературной мысли» и «Хуайнаньцзы») // Чжунго гудай, цзиньдай вэньсюэ яньцзю 2001 № 10

На русском и западноевропейских языках

Березкина Э И Математика древнего Китая М , 1980

Быков Ф С Зарождение политической и философской мысли в Китае М 1966

Васильев К В Планы Сражающихся царств М , 1968

Васильев Л С Культы, религии, традиции в Китае М , 1970

Воробьев А Н Традиционный китайский календарь как основа фэн-шуй М , 1999

Голыгина К И Теория изящной словесности в Китае М , 1971

Горохова Г Э Некоторые особенности социальной утопии ранних даосов // Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае» Тезисы и доклады Ч 1 М , 1980

Дао и даосизм в Китае / Отв ред Л С Васильев, Е Б Поршнева М , 1982

Дубянский А М Ритуально-мифологические истоки древнетамильской лирики М , 1989

Захарьин А Б Формирование концепции «культура» (вэнь) в Древнем Китае Канд дисс М , 2002

Из истории науки и техники Китая Сб статей М , 1955

Исаева М В Резонансная теория устройства космоса согласно «Записям» (чжи) из *Хоу Хань шу* и текстов *чэньвэй* // Общество и государство в Китае Тридцатая научная конференция М , 2000

История древнего мира / Под ред И М Дьяконова, В Д Нероновой, И С Свенцицкой Т 1 Ранняя древность М , 1982

Кобзев А И О категориях традиционной китайской философии // Народы Азии и Африки 1982 № 1

Кроль Ю Л Сыма Цянь – историк М , 1970

Крюков М В, Переломов Л С, Софронов М В, Чебоксаров Н Н Древние китайцы в эпоху централизованных империй М , 1983

Кудрявцев И К, Лебедев С А Синергетика как парадигма нелинейности // Вопросы философии 2002 № 12

Литература Древнего Востока / Под ред Н И Конрада, И С Брагинского, Л Д Позднеевой М , 1971

Лосев А Ф История античной эстетики Софисты Сократ Платон М , 1969

Лосев А Ф, Тахо-Годи А А Макробий и Марциан Капелла – философствующие писатели поздней античности // Античность в контексте современности М , 1990

Лурье С Я Демокрит Л 1970

Мифы народов мира Энциклопедия Т 1 М , 1997

Михайлова Э Н, Чанышев А Н Ионийская философия М , 1966

Переломов Л С Конфуцианство и легизм в политической истории Китая М , 1981

Петров А А Ян Чжу – вольнодумец Древнего Китая // Советское востоковедение 1940 № 1

Плутарх Пир семи мудрецов / Пер М Л Гаспарова // *Плутарх* Застольные беседы Л , 1990

Подосинов А В Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии М , 1999

Позднеева Л Д К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов // ВДИ 1958 № 3

Позднеева Л Д Ораторское искусство и памятники Древнего Китая // ВДИ 1959 № 3

Померанцева Л Е Историческая биография хуайнаньского князя Лю Аня и ее житийный вариант // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока М 1970

Померанцева Л Е Мифотворчество как искусство на материале главы «Небесный узор» из «Хуайнаньцзы», II в до н э // Научная конференция «Ломоносовские чтения» Апрель 2003 Востоковедение Тезисы докладов М 2002

Померанцева Л Е О некоторых стилистических особенностях «Хуайнаньцзы» (II в до н э) // Жанры и стили литератур Китая и Кореи М , 1969
Померанцева Л Е Поздние даосы о природе, обществе и искусстве («Хуайнаньцзы» II в до н э) М 1979
Померанцева Л Е Человек и природа в «Хуайнаньцзы» и художественный стиль эпохи (II в до н э – II в н э) // Проблема человека в традиционных китайских учениях М , 1983
Попов П С , Стяжкин Н И Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения М , 1974
Россиус А Художественный мир эллинистического поэта (на материале поэмы Арата из Сол «Явления») Докт дисс М , 1996
Симоновская Л В , Юрьев М Ф , Эренбург Г Б Очерки истории Китая М , 1956
Синицын Е П Бань Гу – историк Древнего Китая Л , 1975
Татаркевич В Античная эстетика М 1977
Титаренко М Л Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение М , 1985
Ткаченко Г А Космос, музыка, ритуал Миф и эстетика в «Люйши чуньцю» М , 1990
Торчинов Е Даосизм Опыт историко-религиоведческого описания СПб , 1993
Штейн В М Из ранней истории социальных утопий (даосская утопия в Китае) // Вестник истории мировой культуры 1960 № 6
Юань Кэ Мифы Древнего Китая М , 1965
Ян Хин-шун Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение М , Л , 1950
Яншина Э М Боги и «чиновники» (по материалам древнекитайских памятников) // Китай История, культура, историография М , 1977
Яншина Э М Богоборческие мотивы в древнекитайской мифологии // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР 1963 № 61
Яншина Э М О некоторых изображениях на рельефах ханьских погребений (II в до н э – II в н э) // Вестник древней истории 1961 № 3
Яншина Э М Мифология Древнего Китая Канд дисс М , 1965
Яншина Э М Формирование и развитие древнекитайской мифологии М , 1984

Bodde D On translating Chinese philosophic terms // Far eastern quarterly 1946 V 14
Bodde D Harmony and Conflict in Chinese Philosophy //Studies in Chinese Thought Chicago, 1953
Chang Wing-tsit Chinese philosophy An annotated bibliography Honolulu, 1967
Dubs H H The Works of Hsuntze L , 1928
Dubs H H History of the Former Han dynasty V 1–3 1938 – 1955
Duyvendak J J L The Philosophy of Wu Wei // Asiatische Studien 1947 N 3/4
Erkes E The cosmogonic myth in Tao Te-ching // Artibus Asiae, 1940
Forke A Geschichte der alten Chinesischen Philosophie Hamburg, 1927
Forke A The world conception of the Chinese L , 1925
Fung Yu-lan A history of Chinese philosophy Princeton, 1952–1953
Graham A C The logic of the mohist // T'oung Pao 1964 V 51 N 1
Hervouet, Yves Un Poète de cour sous les Han Sseu-ma Siang-jou P , 1964
Hughes E R Two Chinese poets Vignettes of Han life and thought Princeton, 1960
Needham J Science and civilisation in China V 2 Cambr , 1956
Pokora T , Wallacker B E The Huai-nan-tzu Book Eleven Behaviour, Culture and Cosmos – JAOS, 1962, v 48 (рецензия) // Archiv orientalni 1966 N 34
Van Gulik R H Sexual life in ancient China L , 1961
Volkov A The Mathematical Work of Zhao Yoyqin // Taiwanese Journal for Philosophy and History of Science 1996–1997 N 8
Waley A Three ways of thought in ancient China L , 1946

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Крупный специалист по древнекитайской литературе Л Е Померанцева — автор целого ряда научных работ в этой области, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М В Ломоносова Исследованием и переводом одного из самых сложных и самых ярких памятников древнекитайской мысли, «Хуайнаньцзы» («Философы из Хуайнани»), датируемого II в до н э , Л Е Померанцева занимается не один десяток лет Ею осуществлен первый полный перевод текста «Хуайнаньцзы» на русский язык, первая часть которого была подготовлена для настоящего издания

Значение «Хуайнаньцзы» для Китая вполне сопоставимо со значением трудов Платона и Аристотеля для европейцев Памятник затрагивает самый широкий круг вопросов — от космологии и астрологии до искусства Он представляет собой редкое органичное сочетание строгой научной мысли с образцами высокохудожественной прозы Базирующийся на даосской философской школе, этот памятник подводит итоги Древности и перебрасывает мост к Средневековью

СОДЕРЖАНИЕ

Л Е Померанцева **Вступительная статья** 5

ФИЛОСОФЫ ИЗ ХУАЙНАНИ / ХУАЙНАНЬЦЗЫ 19

ГЛАВА ПЕРВАЯ **ОБ ИЗНАЧАЛЬНОМ *ДАО*** 21

ГЛАВА ВТОРАЯ **О НАЧАЛЕ СУЩЕГО** 37

ГЛАВА ТРЕТЬЯ **НЕБЕСНЫЙ УЗОР** 51

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ **ЗЕМНЫЕ ФОРМЫ** 75

ГЛАВА ПЯТАЯ **СЕЗОННЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ** 87

ГЛАВА ШЕСТАЯ **ОБОЗРЕНИЕ СОКРОВЕННОГО** 108

ГЛАВА СЕДЬМАЯ **О ДУХЕ** 117

ГЛАВА ВОСЬМАЯ **КОРЕННАЯ ОСНОВА** 129

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ **ИСКУССТВО ВЛАДЫЧЕСТВОВАТЬ** 142

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ **КЛУБОК СУЖДЕНИЙ** 172

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ **О ЕДИНСТВЕ ОБЫЧАЕВ** 189

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ **ОТЗВУКИ *ДАО*** 211

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ **КРАТКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ** 238

ПРИМЕЧАНИЯ, УКАЗАТЕЛИ 249

Примечания 251

Указатель персонажей мифов и легенд и имен исторических лиц 347

Указатель географических названий 353

Указатель астрономических названий, природных явлений и музыкальных терминов 359

Племена и народы, упоминаемые в «Хуайнаньцзы» 366

Меры, упоминаемые в «Хуайнаньцзы» 366

ПРИЛОЖЕНИЕ 367

Л Е Померанцева **Поздние даосы о природе, обществе и искусстве** 369

ГЛАВА 1 **УЧЕНИЕ О МИРЕ** 369

ГЛАВА 2 **УЧЕНИЕ О ЗНАНИИ** 382

ГЛАВА 3 **ЭСТЕТИКА** 395

ГЛАВА 4 **УЧЕНИЕ ОБ ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ** 413

Библиография 423

От составителя 429

Ф56 **Философы** из Хуайнани / Хуайнаньцзы Пер Л Е Померанцевой Сост И В Ушаков – М Мысль, 2004 – 430 с – (Филос наследие)

ISBN 5 244-00984-2

В настоящем томе представлен важнейший памятник даосской философской мысли (II в до н э) созданный в период наивысшего расцвета культуры Древнего Китая Произведение состоит из глав трактатов Половина предлагаемых читателю трактатов публикуется на русском языке впервые Перевод выполнен известным российским синологом ведущим специалистом по древнекитайской литературе Л Е Померанцевой ею же составлены примечания и указатели В Приложение вошло исследование переводчика посвященное философии даосизма

УДК 1/14 (315)
ББК 87.3 (0)

Научно-исследовательское издание

ФИЛОСОФЫ ИЗ ХУАЙНАНИ / ХУАЙНАНЬЦЗЫ

Редакторы *А В Матешук, И В Ушаков*
Младший редактор *С И Ларичева*
Оформление серии художника *В В Максина*
Художественный редактор *А А Брантман*
Технический редактор *В Н Корнилова*
Корректор *Т И Орехова*
Верстку подготовила *М Д Рускова*

Сдано в набор 03 02 2004 Подписано в печать 14 04 2004
Формат 84 x 108 1/32 Бумага офсетная № 1
Гарнитура «Таймс» Печать высокая Усл печ листов 22,68
Усл кр -отт 22,68 Учетно-издат листов 28,52
Тираж 3000 экз Заказ № 622

ГУП издательство «Мысль»
119071 Москва В-71 Ленинский проспект 15

Отпечатано с готовых диапозитивов в Государственном ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московском предприятии «Первая Образцовая типография» Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
115054 Москва Валовая, 28

ISBN5-244-00984-2
9 785244 009842 >